

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

BYZANTINA ХРОНИКА

Том 62 (87)

Ответственный редактор
академик Г. Г. ЛИТАВРИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 2003

Редакционная коллегия.

академик РАН Г.Г. ЛИТАВРИН (отв. редактор),
доктор исторических наук М.В. БИБИКОВ,
доктор исторических наук С.П. КАРПОВ,
кандидат исторических наук Д.А. КОРОБЕЙНИКОВ,
А.М. КРЮКОВ (отв. секретарь),
член-корреспондент РАН И.П. МЕДВЕДЕВ (зам. отв. редактора),
доктор исторических наук М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ,
кандидат искусствоведения О.С. ПОПОВА,
доктор исторических наук И.С. ЧИЧУРОВ (зам. отв. редактора)

Редакционный совет:

доктор исторических наук Р.М. БАРТИКЯН (Ереван),
доктор исторических наук О.Р. БОРОДИН,
доктор исторических наук В.П. ДАРКЕВИЧ, доктор исторических наук Г.Л. КУРБАТОВ,
доктор исторических наук Н.Ю. ЛОМОУРИ (Тбилиси),
академик АН Украины П.П. ТОЛОЧКО (Киев),
доктор исторических наук К.В. ХВОСТОВА, доктор исторических наук А.А. ЧЕКАЛОВА,
профессор И.И. ШЕВЧЕНКО (Бостон), член-корреспондент РАН Я.Н. Шапов
Бригадир тома – А.Ю. НИКИФОРОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. БИБИКОВ,
кандидат исторических наук А.А. ТУРИЛОВ

Ежегодник основан

академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ в 1894 году

Византийский временник=BYZANTINA CHRONIKA. Т. 62(87) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. – М.: Наука, 2003. – 327 с.: ил.
ISBN 5-02-008852-8

Предлагаемый вниманию читателя очередной том “Византийского временника” хронологически охватывает весь период существования империи, отражая вместе с тем тематическое многообразие современного византиноведения: представлена социально-политическая проблематика, историко-культурные эскизы, искусствоведческие исследования. Ряд статей (И.П. Медведева, Г.Е. Лебедевой) посвящен истории византиноведения. Специальные исторические дисциплины (нумизматика, сигиллография) также нашли свое место в томе. Наряду с работами отечественных византинистов в томе публикуются исследования коллег из Парижа, Лувена, Киева, Тбилиси, Харькова

Для историков, историков культуры, преподавателей и всех интересующихся историей Византии.

ТП-2003-1-249

ISBN 5-02-008852-8

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Византийский временник” (разработка, оформление), 1894 (год основания), 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.А. Чекалова (Москва) Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV – первая половина VII в.)	6
С.В. Сорочан (Харьков) Государственное устройство раннесредневекового Херсона и “призраки самоуправления”	21
J.-Cl. Cheynet (Париж) L’apport de la sigillographie aux études byzantines	47
В.И. Булгакова (Киев) Софийский корпус печатей: древнерусские и византийские находки на территории Софийского собора в Киеве	59
З. Брагвадзе (Тбилиси) Византийские монеты из Сачхере	75
А.К. Нефёдкин (Санкт-Петербург) Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов)	79
П.И. Жаворонков (Москва) Из истории родственных отношений между Никейской империей и Албанией в середине XIII в.	92
И.П. Медведев (Санкт-Петербург) Из истории петербургского византиноведения. Истоки и становление	97
Г.Е. Лебедева (Санкт-Петербург) А.С. Павлов и К.Э. Цахариэ фон Лингенталь	114
С.В. Красикова (Екатеринбург) Метод анализа сочинений отцов церкви, предложенный Никифором Григорой в 1334/35 годах	123
И.А. Орецкая (Москва) О миниатюрах греческой рукописи IX века <i>Sacra Parallela</i> (Paris, Bibliothèque Nationale de France, гл. 923)	133
Е.А. Луковникова (Москва) Иконографическая программа декорации нартекса и притворов церкви Софии в Трапезунде	141
Э.А. Гордиенко (Санкт-Петербург) Новгород и Готланд. Церкви Кэллунги и Гарды в системе русской, византийской и западноевропейской монументальной живописи	151
А.Я. Каковкин (Санкт-Петербург) Две ткани VIII века из Эрмитажа с изображением святого Сисиния	170

Рецензии и аннотации

С.П. Карпов (Москва) <i>Balletto L. Liber Officii Provisionis Romanie</i> (Genova, 1424–1428). Genova, 2000. LXXX, 531 p.	176
--	-----

М.А. Поляковская (Екатеринбург) Matschke K.-P., Tinnefeld F. Die Gesellschaft im späten Byzanz: Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar; Wien: Böhlau 2001. 444 S.....	178
С.Б. Сорочая (Харьков) Бородин О.Р. Равеннский эзархат. Византийцы в Италии. СПб.: Алетея, 2001. 474 с. (“Византийская библиотека”).....	182
Д.И. Польшвинный (Иваново) Ангелов П. България и българите в представите на византийците. София: ЛИК, 1999. 288 с.	186
Д.А. Черноглазов (Санкт-Петербург) Iordanis Grigoriadis. Linguistic and Literary Studies in the <i>Epitome Historion</i> of John Zonaras. Κέντρο βυζαντινῶν ἐρευνῶν. Θεσσαλονίκη, 1998	188
А.Л. Хосроев (Санкт-Петербург) “Coptica Hermitagiana”. Сборник материалов к 100-летию коптской коллекции Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2000. 184 с., 42 ил.	190
Е.Д. Джагацпаян (Москва) Das Lemberger Evangeliar: eine wiederentdeckte armenische Bilderhandschrift des 12. Jahrhunderts / Hrsg. von Günter Prinzing und Andrea Schmidt. Mit Beiträgen von Anton von Euw, Christian Hannick, Mesrob K. Krikorian, Annett Lang-Edwards, Günter Prinzing, Andrea Schmidt, Christian Weise. Wiesbaden, 1997. 186 S.....	192
И.А. Орецкая (Москва) Brubaker L. Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium. Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Studies in Paleography and Codicology, 6. Cambridge University Press, 1999. 489 p.	195
А. Преображенский (Москва) Христианские реликвии в Московском Кремле / Редактор-составитель А.М. Лидов. М.: “Радунница”, 2000. 304 с., илл.	197
А. Преображенский (Москва) Лидов А.М. Византийские иконы Синая. Москва; Афины: “Христианский Восток”, 1999. 146 с., илл., резюме на греческом яз. (Серия “Икона”, издатель и составитель серии А. Ивинская)	199
Хроника	
Г.Г. Литаврин (Москва), М.В. Бибииков (Москва), Р.М. Шукуров (Москва), А.В. Захарова (Москва), А.Ю. Казарян (Москва), И.А. Стерлигова (Москва), Л.А. Герд (Санкт-Петербург), А.А. Тальзина (Москва) Обозрение итогов XX Международного конгресса византиноведческих исследований (Париж, 19–25 августа 2001 г.).....	201
Международная Ассоциация византиноведческих исследований. Организация Ассоциации и деятельность Международного бюро	224
А.Я. Каковкин (Санкт-Петербург) Выставка коптского искусства и письменности в Эрмитаже	226
Д.И. Макаров (Екатеринбург) О научных разработках молодых уральских византинистов за 1996–2001 гг.	229
П.И. Жаворонков (Москва) “Византийская библиотека” издательства “Алетея”	236
Книги, поступившие в библиотеку Центра по изучению византийской цивилизации ИВИ РАН в 1999–2001 гг.	243

А.А. Талызина (Москва)	
Молодежные конференции исторического факультета МГУ	245
А.А. Талызина (Москва)	
“BYZANTINE MULTIMEDIA”	246
В.П. СТЕПАНЕНКО	
К 80-летию Валентины Самойловны Шандровской	248

Публикации

Я.Н. Шапов	
“Суд цара Леона и Константина” как сербский памятник рецепции византийского права	249
М. van Esbroeck (Мюнхен)	
Une notice antique sur la date des évangiles	261
К.А. Максимович, Д.А. Морозов (Москва)	
Неизвестные фрагменты “Катафемы” патриарха Мефодия I (843–847) против студитов Навкратия и Афанасия в <i>Vat. Arab. 76</i>	264
Л.С. Ряшко (Екатеринбург)	
Никифор Влеммид. “Царская статуя”	283
А.В. Муравьев (Москва)	
Памяти Димитрия Димитриевича Оболенского	322
А.А. Чекалова (Москва)	
Памяти Зинаиды Гавриловны Самодуровой	325
Список сокращений	327

А.А. Чекалова

АРХОНТЫ И СЕНАТОРЫ В ИЗБРАНИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА (IV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VII в.)

После выхода в свет работы известного немецкого ученого Х.-Г. Бека “Сенат и народ Константинополя”¹ в науке стало принятым считать, что в то время как до середины V в. империя была солдатской и решающую роль в ней играла армия, с середины V в. положение коренным образом меняется: сенат становится важным конституционным фактором, ему принадлежит решающая роль в выборах императора².

Оба эти положения, на наш взгляд, нуждаются в уточнении, ибо и до середины V в. решающую роль в избрании императора играла не столько армия, сколько влиятельные (в том числе и гражданские) государственные деятели. Вспомним, например, как произошло избрание императора Валентиниана I, которое достаточно подробно описал Аммиан Марцеллин. Историк в частности сообщает, что после смерти Иовиана войско переместилось в Никею, мать городов Вифинии, а высшие гражданские и военные чины (*potestatum civilium militiaeque rectores*), осознавая важность лежащей на них общей заботы, а некоторые из них, обольщаясь при этом и пустыми надеждами, принялись искать в правителе человека, проверенного в делах и достойного³. Аммиан, как мы видим, даже поставил на первое место гражданские чины, а не военные. Из других источников мы узнаем, о каких высоких гражданских чиновниках шла речь. Это в первую очередь патрикий Датиан, который был приближен ко двору Константином I и затем стал главным советником его сына – императора Констанция II. Царским Нестором называли его византийцы⁴. Датиан сопровождал Иовиана до Анкиры и по старости и болезни остался там на зиму. Узнав о смерти императора, он обратился с посланием к его окружению, рекомендуя избрать на царство Валентиниана. Об этом как об очень важном факте сообщает ритор Ливаний⁵, известно это было и историку Филосторгию⁶. По словам Филосторгия, в этом деле Датиану содействовал Сатурниний Секунд Салютий, занимавший

¹ Beck H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte // Bayerische Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse. Sitzungsberichte. 1966. Heft 6. München, 1966.

² Ibid. S. 10. См. также: Tinnefeld F. Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur – Gegensätze – Spannungen. München, 1977. S. 79. Ср.: Χριστοφιλοπούλου Αί. Ἡ Σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν κράτος. Ἀθήναι, 1949. Σ. 112; Eadem. Ἐκλογή, ἀναγόρευσις καὶ στέψις τοῦ Βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος. Ἀθήναι, 1956. Σ. 58; Cameron Av. Commentary // Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris libri IV/ Ed. Av. Cameron. L., 1976. P. 159, 165.

³ Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte / Ed. W. Seyfarth. B., 1968–1971. Bd. 1–4. (Далее: Amm. Marc.). XXVI. 1.3.

⁴ Libanii Epistulae // Idem. Opera omnia / Ed. R. Förster. Lipsiae, 1921–1922. Vol. 10–11. (Далее: Lib. Ep.). Ep. 1446.

⁵ Ibid.

⁶ Philostorgius. Kirchengeschichte / Ed. J. Bidez, F. Winkelmann. B., 1972. (Далее: Philost.). VIII.8.

в ту пору пост префекта претория Востока⁷. Это был выходец из Галлии, прекрасно образованный (искушенный как в латинской, так и в греческой словесности), к тому же опытный администратор (он прошел долгий путь в иерархии должностей) и личность, пользовавшаяся огромным влиянием при константинопольском дворе⁸. Он присутствовал у смертного одра Юлиана Отступника, и ему после кончины этого императора был даже предложен императорский трон, но он от него отказался по причине старости и слабого здоровья⁹. Однако он продолжал верно служить Иовиану, будучи, по словам ратора Фемистия, его Нестором¹⁰. О важной роли префекта Салютия в избрании Валентиниана сообщает и Аммиан Марцеллин¹¹. Среди военных чинов в источниках названы имена магистра милитум Дагалаифа¹² и стратига Аринтея¹³. И лишь когда вопрос в высших сферах был решен окончательно, кандидат был представлен войску. Конечно, войско выступает как главный, даже единственный конституционный элемент, обеспечивающий законность избрания нового императора. Другие силы (сенат и народ) не участвуют в избрании вовсе. Войско могло Валентиниана и не одобрить, как то чуть и не случилось под воздействием некоторых недовольных его выдвиганием лиц. Положение, по свидетельству Аммиана, спас он сам своей твердой и полной уверенности речью¹⁴. Но, как бы то ни было, престол достался тому, на ком остановили свой выбор высшие чины.

Создается впечатление, что и впоследствии закулисная сторона дела являлась главной движущей пружиной в подготовке акта провозглашения императора. Вместе с тем в самом торжестве провозглашения начинают происходить важные изменения. Оно перемещается к столице империи – Константинополю, совершаясь на его загородном военном поле – Евдоме¹⁵, где присутствуют не только солдаты и их командиры, но и высшие гражданские чины. Провозглашение приобретает черты пышной церемонии, завершаясь шествием в город, ко дворцу, названному в честь матери Константина Великого – Елены, форуму Константина, к храму Св. Софии и затем в Большой императорский дворец. В ходе самой церемонии все более важная роль отводится сенаторам и сенату в целом¹⁶. Иными словами, войско постепенно теряет монопольное право на официальное избрание императора.

⁷ Ibid.

⁸ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. 1. (Далее: PLRE.I.) P. 814: Saturninus Secundus Salutius 3.

⁹ Amm. Marc. XXV. 5.3.

¹⁰ Themistii Orationes / Ed. G. Downey, A.F. Norman. Lipsiae, 1965–74. Vol. 1–3. (Далее: Them. Or.). V. 67B.

¹¹ Amm. Marc. XXVI. 2.1.

¹² Это был видный военачальник при Юлиане и Иовиане. В 363–364 гг. Дагалаиф занимал пост магистра equitum. Впоследствии Валентиниан взял его с собой на Запад, где он в 366 г. был удостоен консульского звания. См.: PLRE.I. P. 239: Dagalaifus.

¹³ Аринтей был комитом rei militaris. Принимал активное участие в персидской кампании Юлиана. Сохранил видное положение при Иовиане. Вместе с вышеназванным Сатурнинием Секундом Салютием вел переговоры с персами. См.: Amm. Marc. XXIV.1.2; 7.2 etc.; PLRE.I. P. 102–103: Flavius Arintheus.

¹⁴ Amm. Marc. XXVI.2. 5–11.

¹⁵ Уже в 364 г. в Евдоме был провозглашен императором Валент. См.: Amm. Marc. XXVI.4.3.

¹⁶ Начало складывания этой церемонии, вероятно, относится к провозглашению императором Валента, которого после ритуала в Евдоме Валентиниан посадил с собой в колесницу и повез в Константинополь в Большой императорский дворец. См.: Amm. Marc. XXVI.4.3. Известно, однако, что уже Юлиана при входе в Константинополь с благоговейным почтением приветствовал сенат (excerptus... verecundis senatus officii). См.: Amm. Marc. XXII.2.4.

В 450 г. по восшествии на императорский престол Маркиан в своем послании к папе Льву заявил: “На это великое царство я взошел по божественному провидению, решению удивительного сената и всего войска”¹⁷. Как мы видим, в официальном документе сенату даже отдано предпочтение перед войском. Хронист VI в. Иоанн Малала, описывая вступление Маркиана на престол, о войске не упомянул вовсе. По его свидетельству, умирающий Феодосий II в присутствии августы Пульхерии, магистра милитум Аспара и всего сената назвал Маркиана своим преемником, и по смерти Феодосия “был увенчан сенатом на царство божественнейший Маркиан”¹⁸. Более ранний автор Феодор Чтец, напротив, утверждает, что Маркиан был избран войском¹⁹. Скорее всего в церемонии провозглашения Маркиана принимало участие и войско (на военном поле – Евдومه), и сенат (в ходе торжественного шествия в самом Константинополе), как это имело место семь лет спустя при избрании его преемника – Льва, о чем речь пойдет ниже. Действительность, однако, была значительно сложнее. Дело в том, что с момента кончины Феодосия II до провозглашения императором Маркиана прошло 28 дней – срок небывалый для столь неотложного дела. И эти 28 дней, видимо, были заполнены сложнейшими переговорами. Ключевой фигурой в данном случае являлась, по всей видимости, сестра почившего василевса Пульхерия, женщина властная и неглупая, которая в какой-то момент решила вступить в союз с магистром милитум Аспаром, согласившись на возведение на трон domestика полководца – Маркиана. Для сохранения и упрочения своего положения Пульхерия отважилась на брак с Маркианом, для чего ей пришлось нарушить обет безбрачия, что для нее, женщины несомненно искренне и глубоко верующей, было великой жертвой²⁰. Но как бы то ни было, судьба престола решалась не в шумном собрании и откровенном выборе, а в тишине дворцовых покоев в переговорах с наиболее влиятельными людьми в империи, теми, кого в греческих источниках обычно именуют архонтами.

¹⁷ PL. T. 54. Col. 889.

¹⁸ Joannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831. (Далее: Malal.). P. 366–367.

¹⁹ Theod. Lec. Fr. 354.

²⁰ По мнению Р. Бэрджиса, решающую роль в избрании императором Маркиана сыграл Аспар, в то время как императрица Пульхерия, которой традиционно отводится решающая роль в возведении Маркиана на престол, являлась лишь простым инструментом в руках всемогущего временщика. См.: Burgess R.W. The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic // BZ. 1993/1994. Bd. 86/87. P. 64–68. Единственным, причем весьма зыбким, основанием для гипотезы Бэрджиса является свидетельство Иоанна Малалы о том, что Феодосий II, уже находившийся на смертном одре, объявил Маркиану в присутствии Аспара и всех сенаторов о явившемся ему видении, что он после его смерти станет василевсом (Malal. P. 366–367). Не будем забывать, однако, что в той же “Хронографии” Иоанна Малалы говорится о том, что Феодосий до этого имел разговор со своей сестрой Пульхерией (Ibid.). Все остальные источники, сообщающие о возведении на престол Маркиана, особо подчеркивают роль августы Пульхерии. При всем том, что связь между Маркианом и Аспаром, чьим domestиком он ранее был, очевидна, почему бы не предположить обратное, а именно: Пульхерия решила заручиться поддержкой Аспара, просив своего врага – могущественного при дворе внуха Хрисафия. Важная роль, которую играла Пульхерия в период правления своего брата Феодосия, а также тот неоспоримый факт, что главным событием ее совместного с Маркианом правления стал Халкидонский собор, который никак не мог быть делом рук арианина Аспара, являются важными доказательствами в пользу этой точки зрения. Кроме того, следует отметить, что возвышение Аспара имело место после избрания на престол Маркиана, и, по всей видимости, явилось следствием этого события. До этого ему приходилось терпеть поражения и особым влиянием на ход государственных дел и императора Феодосия II он, по свидетельству историка Приска, не пользовался. См.: Prisci Fragmenta // FHG. Vol. 4 (Далее: Prisc. fr.). P. 95. Fr. 8.

По смерти Маркиана в 457 г. императором стал Лев I. Поскольку Х.-Г. Бек именно в избрании Льва видит переломный момент в складывавшейся в ранней Византии практике избрания императора, остановимся несколько подробнее на событиях 457 г., когда Льву достался царский престол.

Возведение в императоры Льва было подробно описано в не дошедшем до нас сочинении видного дипломата VI в., магистра оффиций Петра Патрикия, который по должности своей ведал придворным церемониалом и был прекрасно по этой части осведомлен. Весьма вероятно, что при изложении провозглашения императором Льва Петр использовал документ, составленный кем-то из людей другого магистра оффиций – Мартиала, занимавшего этот пост именно в момент восшествия Льва на престол²¹. Вместе с другими подобными фрагментами сочинения Петра Патрикия этот пассаж был включен в компилятивный труд “De cerimoniis”, приписываемый Константину Багрянородному²², благодаря чему мы располагаем теперь восходящим, по всей видимости, к свидетельству современника изложением этого важного события.

Описание провозглашения императором Льва предваряется следующей фразой: “После того как умер Маркиан Божьего избрания и выбор сената пал на Льва благочестивого избрания, все собрались на [военном] поле”²³. Иными словами, согласно вступительной фразе текста “De cerimoniis”, добавленной, вероятно, позднее, ибо она не согласуется ни с последующим выступлением Льва перед войском, ни с другими данными источников, выбор был сделан сенатом, а затем состоялось официальное провозглашение нового императора. Посмотрим, как это произошло, ибо детали в данном случае несут весьма важную смысловую нагрузку. Церемония началась в пригороде Константинополя, Евдоме, где собрались все высшие чины, придворная гвардия и солдаты, а также патриарх Анатолий. После того как войска опустили знамена и значки²⁴ и пригнули их к земле, все начали кричать: “Услыши, о Боже, тебя призываем! Услыши, о Боже! Да здравствует Лев, услыши, о Боже! Лев будет царствовать! О Боже милостивый, государство (τὸ πρῶτον τὸ θεῖον) просит Льва в цари. Войско просит Льва в цари. Льва ждут законы! Льва ожидает дворец! Те самые мольбы дворца! Те самые просьбы войска! Те самые мольбы сената! Те самые мольбы народа! Льва ожидает весь мир (ὁ κόσμος)! Льва ожидает войско. Пусть придет Лев, общая краса. Лев, общее благо, будет царствовать! Услыши Боже, тебя призываем!” И тотчас вывели Льва, комита и трибуна маттиариев²⁵. Когда он взошел на трибунал, кампидуктор Вусальг возложил ему на голову шейную

²¹ Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae byzantinae. Bonnae, 1829. Vol. 1. (Далее: De cer.). P. 410. Мартиал был видным политическим деятелем уже в эпоху Феодосия II. См.: Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1980. Vol. 2. (Далее: PLRE. II). P. 729: Fl. Areobindas Martialis. Возможно, он приходился двоюродным братом мужу внучки Аспара Годисфеи – Дагалаифу.

²² De cer. P. 410–417.

²³ De cer. P. 410.

²⁴ Λαβάρων καὶ οὐγῶν. Греческое написание латинских обозначений знамен: лабарума – государственного знамени с изображением (со времен Константина Великого) креста и инициалов Иисуса Христа и знаков как боевых знамен, обычно в виде орла. Надо отметить, что обилие во всем пассаже латинской терминологии создает впечатление, что первоначальный текст, зафиксировавший провозглашение императором Льва I (как и других императоров, вплоть до Юстиниана I) был составлен по-латыни и лишь затем был изложен Петром Патрикием по-гречески. Ср.: Vasiliev A.A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge. (Mass.), 1950. P. 69.

²⁵ Маттиарии – название старого полка, имевшего стоянку в Силимври.

цепь²⁶, а Олимпий, также кампидуктор, дал ему другую цепь в правую руку. Тогда были подняты с земли знамена, и отовсюду раздалась возгласы: “Лев август, твоя победа, ты благочестивый, ты достойный поклонения! Бог тебя дал, Бог тебя сохранит! Почитая Христа, ты всегда побеждаешь! Многая лета царствованию Льва! Бог сохранит христианское царство”. Тотчас кандидаты²⁷ окружили Льва на трибунале, сомкнув свои щиты. Лев облачился в царские одеяния, и с венцом на голове показался народу. Все архонты по порядку отдали ему земной поклон. Ему вручили копье и щит. И опять все принялись славословить его такими словами: “Могущественный и победитель и достойный поклонения, в добрый час, в добрый час! Лев август, многая лета твоему царствованию! Сохранит Бог этот царский венец! Христианское царство сохранит Бог!” и тому подобное²⁸.

Затем Лев через своего глашатая обратился к собравшимся со словами: “Император кесарь Лев, победитель, всегда август. Всемогущий Бог и ваше решение, храбрейшие соратники по оружию, избрали меня в добрый час императором государства римлян”. В ответ раздалась возгласы: “Лев Август, твоя победа. Избравший тебя сохранит тебя! Своего избранника Бог охраняет! Благочестивое царство Бог сохранит. Благочестивый и могущественный!”.

Лев продолжил свою речь такими словами: “Во мне вы будете иметь владыкой-начальником соратника-воина в трудах, которые я научился выносить, еще неся службу вместе с вами”. Раздался всеобщий возглас: “В добрый час! Войско хочет тебя царем, победитель! Войско хочет тебя царем, счастливый! Тебя мы все желаем!”. Лев продолжил: “Я знаю, какие дары я должен дать войскам”. Все закричали: “Благочестивый, могущественный, мудрейший!”. Император произнес: “За достижение моего святого и счастливого царства я дам всем поголовно по пяти номисм и либре серебра”²⁹. Все закричали: “Благочестивый и щедрый. От тебя исходят почести, от тебя имущество. Пусть будет нам твое счастливое царство золотыми веками!”. Лев закончил словами: “Да будет с вами Бог!”. Затем он направился в город³⁰.

В этом месте текст прерывается прелюбопытной фразой: “А все остальное произошло согласно [заведенному] порядку (*κατὰ τάξιν*)”³¹. Посмотрим, в чем заключался этот, насколько можно судить по только что приведенной фразе, уже сложившийся ко времени провозглашения Льва порядок. После произнесения через глашатая своей речи, вновь избранный император в сопровождении патрикиев, префекта претория Востока, префекта города Константинополя и магистра оффиций, входит в мутаторий, находившийся возле походной церкви. Туда же входят по три человека от каждой схолы и получают от него подарки. Оставив свой венец в мутатории, император проходит затем в походную церковь, где его ожидают священники. (Присутствовавший на церемонии патриарх к тому времени вместе со своим клиром покинул военное поле и отправился в храм Св. Софии, чтобы уже там встретить нового императора.) Помолвившись в церкви и выйдя из нее, император надевает венец, садится на белого коня, по-

²⁶ Возложение шейной цепи на голову являлось германским обычаем, который был уже в ходу со времени провозглашения цезарем Юлиана Отступника. См.: *Amm.Marc. XX. 4.15*.

²⁷ Кандидаты – привилегированные войска придворной гвардии, получившие свое название по белому цвету мундиров, которые они носили (*candidatus* – ослепительно белый).

²⁸ *De cer. P. 411*.

²⁹ Это был обычный донатив за провозглашение императором. Ср.: *Amm.Marc. XX.4.18; De cer. P. 429*.

³⁰ *De cer. P. 412*.

³¹ *De cer. P. 412*.

зволюя сопровождавшим его архонтам также сесть на коней, и шествие направляется в церковь Иоанна Крестителя³². Войдя в приготовленный для данного случая мутаторий, император снимает венец и передает его препозиту священной спальни, и тот несет его в опущенных руках. Когда же он входит в алтарь, препозит отдает ему венец, и он возлагает его на святой престол; затем, взяв его обратно, император вновь передает препозиту и через комита *rei privatae* делает пожертвование на храм, какое пожелает. Войдя в мутаторий, император надевает венец. Затем он садится на коня и направляется во дворец Еленианы³³.

У Елениан император сходит с коня, его встречает управляющий дворца и, если это не воскресенье, падает перед ним ниц у ворот, и если он лицо сановное, император приветствует его изустно. Тут же его ожидает крест, водруженный прямо на земле, по правую руку от императора и поддерживаемый вестигорами³⁴. Император входит в мутаторий дворца и облачается в кампагии, белый с золотыми клавами дивитисий и пурпурную хламиду³⁵. В этом орнате император садится в повозку, перед которой несут крест и персикии³⁶ с деньгами. В повозку к императору сажается первый патрикий или тот, кого он пожелает, и, войдя в повозку, целует императору руку. Остальные высшие чины (архонты) идут впереди экипажа. По обеим сторонам императорской повозки идут два комита *schol.*, держась за ручки дверц. У городских ворот [стены Константина] их сменяют два комита *domestici*. Процессия направляется к форуму Константина. Здесь император выходит из повозки и милостиво принимает приветствие префекта города и сената. Первый член сената вместе с префектом подносят ему золотой венец. Поприветствовав всех изустно, император опять садится в повозку, теперь уже один, между тем по обеим сторонам повозки становятся военачальники, обладавшие консульским званием. Сопровождаемый сенаторами и архонтами, император отправляется через площадь Августеон в храм Св. Софии. Через большие ворота он входит в атрий храма, затем в мутатории нартекса снимает венец и передает его препозиту. Тот берет его, а затем [перед алтарем] возвращает василевсу и тот кладет его на святой престол. Далее император преподносит драгоценный подарок по своему желанию, в том числе и золотом. Тут в тексте следует ремарка, что василевсы в подобных случаях совершают различные дары³⁷. Далее император останавливается на некоторое время перед алтарной преградой, затем переходит в паратрикий и слушает чтение Евангелия, а если пожелает, то и причащается. Перед выходом из храма патриарх возлагает на него венец, император по обычаю делает дары членам клира и затем направляется в свою основную резиденцию – Большой императорский

³² Церковь Иоанна Крестителя, находившаяся в Евдоме, была построена в конце IV в. См.: *Chronicon Paschale / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832. Vol. 1.* (Далее: *Chron. Pasch.*). P. 564; *Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. P., 1969. P. 413–415.*

³³ De cer. P. 413–414. Еленианы – дворец, названный в честь матери Константина Великого. Построен в конце IV в. См.: *Tiftixoglu V. Die Helenianai nebst einigen anderen Besitzungen im Vorfeld des frühen Konstantinopel // Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels / Hrsg. von H.-G. Beck. München, 1973. S. 78–79.*

³⁴ Это был большой, украшенный драгоценными камнями “крест Константина Великого” с частицей “Истинного Креста”. О его роли в придворных церемониях уже с конца IV в. см.: *Cotsonis J.A. Byzantine Figural Processional Crosses. Washington, 1994. P. 8.*

³⁵ Это была парадная одежда василевсов, которую надевали в наиболее торжественных случаях. Дивитисий – длинная до пола туника, перехватывающаяся поясом, кампагии – открытые невысокие башмаки красной кожи, расшитые жемчугом.

³⁶ По всей видимости, кошель с деньгами.

³⁷ De cer. P. 415.

дворец. Перед царским портиком дворца³⁸ императора встречают все сенаторы. Сюда же являются и те комиты школ, которые охраняли город и дворец во время церемонии и на ней не присутствовали. Если это не воскресенье, они падают ниц перед василевсом и целуют его ноги, на что василевс отвечает ласковым приветствием. После этого сенаторы вместе с префектом города подносят ему питтаки³⁹ в три тысячи либр серебра. Василевс принимает его и тотчас возвращает назад. Затем в сопровождении всех присутствующих он входит во внутренние покои. В зале консистория император отпускает префектов, а сенаторы и все архонты ждут стоя, пока император, пройдя с патрикиями в кувуклий, не отпустит их. Архонты, добавляет автор текста, приносят василевсу присягу, что не будут злоумышлять против него⁴⁰. Текст присяги василевс хранит у себя. Если августа находится во дворце, она встречает василевса во дворце, либо снаружи дворца на Августеоне, и василевс целует ее в голову. Затем василевс устраивает пиршество в большом триклинии. Рядом⁴¹ с василевсом располагаются оба препозита священной спальни, патрикии по его выбору, префект претория Востока, префект города Константинополя и магистр оффиций, на других ложах – военные чины. Все одеты в белые хламиды и кампагии. Если того хочет василевс, во время пиршества гостей увеселяют забавами. На следующий день, если нет к тому препятствий⁴², устраиваются ристания, на которые все опять одевают белые хламиды и кампагии, и василевс, если пожелает, опять устраивает пиршество⁴³.

Мы намеренно привели достаточно подробно текст провозглашения императором Льва, поскольку он с очевидностью свидетельствует о том, что официальное возведение императора на престол превратилось в прочно сложившийся церемониал. Об этом свидетельствует и выше приведенная фраза: “А дальше все произошло согласно [заведенному] порядку”, и самая тщательность описания торжественного шествия, где все разработано до мелочей, что не могло сложиться в одночасье, и указания в тексте на возможные различия в ходе церемонии. Показательно, что в описании торжественного шествия к Константинополю не упомянута стена Феодосия с ее знаменитыми Золотыми воротами, которые непременно фигурируют в подобного рода событиях, и уже это наводит на мысль, что текст второй части изложения провозглашения императором Льва (или, что представляется более вероятным, его основа) датируется временем, предшествующим 413 г., т.е. году возведения второй сухопутной стены Константинополя. Любопытно также, что все архитектурные комплексы, упомянутые в этой части текста (и на это справедливо обратил внимание В. Тифтиксоглу⁴⁴) были возведены до начала V в. На основании датировки постройки дворца Еленианы исследовать даже предлагает более точную дату составления текста – 23 января 393 г., т.е. дня провозглашения императором юного Гонория⁴⁵. На наш взгляд, к этому времени относится основа текста, как и самой церемонии, которая начала складываться раньше, а затем обросла рядом более мелких деталей.

³⁸ ἔσω τῆς ῥηγίας.

³⁹ Букв: кусок пергамента.

⁴⁰ Эта часть церемонии, по всей видимости, происходила в консистории.

⁴¹ Букв: на ложе (ἐν τῷ ἰδίῳ αὐτοῦ ἀκουβίτῳ). De cer. P. 416.

⁴² Имеются в виду религиозные праздники.

⁴³ De cer. P. 417.

⁴⁴ Tiftixoglu V. Op. cit. S. 78–79. Cf.: Cotsonis J.A. Op. cit. P. 8. Not. 3.

⁴⁵ Tiftixoglu V. Op. cit. P. 82.

Текст церемонии недвусмысленно свидетельствует о пока еще важной роли армии в провозглашении императором Льва. Показательно, что в своей речи в Евдоме Лев обращается со словами благодарности именно к воинам, обещая им традиционное для таких случаев вознаграждение.

Нельзя не отметить, однако, что события на военном поле являлись лишь частью церемонии, которая затем превращается в длинное шествие и приобретает шаг за шагом все более гражданский характер, окрашиваясь при этом в религиозные тона. На форуме Константина императора встречают сенаторы, которые затем вместе с архонтами сопровождают его к церкви Св. Софии и Большому императорскому дворцу. Вслед за императором они входят во дворец и пребывают там до конца церемонии. Конечно, сенаторы играли в церемонии лишь репрезентативную роль, но сам факт их участия в церемонии существенно менял ее характер, и вот в этом Х.-Г. Бек, разумеется, прав⁴⁶, с той лишь существенной разницей, что изменения в характере провозглашения императора следует датировать не серединой V в., а, по меньшей мере, полстолетием раньше. Собственно говоря, можно утверждать, что складывание иной, чем в Риме, формы провозглашения императора находилось в тесной связи со складыванием Византии как особой цивилизации, немало почерпнувшей не только от Рима, но и от Востока, на территории древних цивилизаций которого она в значительной степени располагалась.

Описание церемонии позволяет также сделать вывод о важной роли в государстве высших сановников – патрикиев, а также префектов претория и префектов города, магистра оффиций и магистров милитум, иначе говоря, тех, кого ранневизантийские авторы относят к категории архонтов. Вероятно, именно они или даже кто-то один из них, пользовавшийся особым влиянием, играли решающую роль в избрании нового императора. Показательно, что ранневизантийская традиция подчеркивает огромную роль Аспара в возведении на престол Льва⁴⁷. По всей видимости, кандидатура Льва, выдвинутая Аспаром, который укрепил свое положение в верхах общества в период правления Маркиана⁴⁸, оказалась принятой важнейшими персонами в государстве, представлявшими и олицетворявшими собой сенат Константинополя, патриархом и армией, в которой также несомненно играли главную роль высшие чины, определявшие настроение всего войска.

Опуская возведение на престол Льва II и Зинона, где основную роль сыграло объявление их соправителями правящего императора, остановимся на наиболее важных для нашей цели моментах возведения на престол Анастасия I. По свидетельству Феофана, после смерти императора Зинона опустевшим престолом вознамерился овладеть его брат, магистр милитум Лонгин, дважды удававшийся звания консула и являвшийся главным членом сената (τῆς συγκλήτου βουλῆς πρώτος ἠγούμενον), однако, овдовевшая императрица Ариадна, сенат и все войско провозгласили василевсом силенциария Анастасия⁴⁹. Как бы ни было кратким сообщение хрониста, все же оно позволяет заключить,

⁴⁶ Ср.: *Dagron G. Empereur et prêtre: Etude sur le "césaropapisme" byzantin. P., 1996. P. 83–84.*

⁴⁷ См.: *Candidi Fragmenta // FHG. Vol. 4. P. 135; Prisc. fr. 20; Procopii Caesariensis De bello Vandalico // Idem. Opera omnia. Lipsiae, 1962. Vol. 1. I. 5.7 ets.*

⁴⁸ Именно при Маркиане Аспар был удостоен титула патрикий, а затем уже при Льве (вероятно, за оказанные Льву услуги) он стал именоваться первым патриkiem и первым членом сената.

⁴⁹ *Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. (Далее Theoph.). A.M. 5983; Ср.: Euagrius. The Ecclesiastical History / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898. (Далее: Euagr.). III.29.*

что сенат в той или иной степени принимал участие в решении вопроса о судьбе престола, причем показательно, что Феофан, вслед видимо, за более ранним источником, назвал его сразу же после императрицы, отводя, таким образом, ему более важное место, нежели войску. Посмотрим, как изложено избрание Анастасия в “De cerimoniis”⁵⁰.

Описание его провозглашения начинается с фразы: “Благочестиво избранный Анастасий был провозглашен на ипподроме следующим образом”, и это сразу погружает нас в совершенно иную атмосферу, нежели провозглашение Льва, начавшееся, как мы помним, на военном поле. Далее события излагаются следующим образом. После смерти Зинова ночью в портике перед большим триклинием дворца (там, где устраивал пиршество по своему восшествию на престол Лев) собрались архонты, сенаторы и патриарх. Между тем народ заполнил ипподром, расположившись по своим факциям; сюда же прибыли и войска. Ипподром наполнился криками, требующими нового василевса, хотя останки почившего императора еще не были погребены. По совету архонтов императрица Ариадна сделала выход в кафисму ипподрома. Облаченная в порфиру, она явилась народу, сопровождаемая обоими пропозитами, магистром оффиций и другими архонтами, которым дозволялось смотреть ристания из царской кафисмы. Вместе с императрицей вышел и патриарх Евфимий. Остальные архонты стали лицом к императрице перед решеткой и на ступенях, ведущих к кафисме. Гражданские чины стояли направо, военные – налево; и те, и другие распределились по своим рангам. После славословий в адрес императрицы, она через своего глашатая обратилась к собравшимся с речью, в которой, величая собравшихся “ваше благородство” (ἡ ὑμετέρη γενναϊότης) и “ваша священная преданность”, сказала, что, предваряя просьбы народа, она сделала повеление “славнейшим архонтам и священному сенату со всеобщего благороднейшего одобрения сильнейших [войск] избрать, мужа христианина, римлянина, украшенного всей царской добродетелью...”⁵¹. Речь императрицы многократно прерывалась славословиями, главными образом в ее адрес, однако среди них есть и одно весьма любопытное “πολλὰ τὰ ἔτη τῶν ἀρχόντων⁵², т.е. “Многая лета архонтам!” Ариадна вернулась во внутренние покои, в залу, именуемую Августей, т.е. триклиний августа, а архонты, расположившись на скамьях перед Дельфаком⁵³ принялись обсуждать вопрос о кандидате на престол. Споры были долгими и упорными. Наконец, препозит Урвикий предложил собравшимся предоставить выбор самой Ариадне. Предложение Урвикия было принято, и по поручению сената патриарх Евфимий передал его решение императрице. Императрица высказала пожелание видеть своим новым мужем и императором силенциария Анастасия, которому было уже шестьдесят лет. К Анастасию послали комитов протикторов и домашних и его тотчас привели во дворец и поместили в зале консистория. Зинов был погребен, ибо в тот же день все было подготовлено для похорон⁵⁴, а вечером было решено созвать на следующий день силенций и конвент,

⁵⁰ De cer. 92. P. 417–425.

⁵¹ Ibid. P. 419.

⁵² Ibid. P. 421.

⁵³ Дельфак – большой внутренний двор, расположенный возле триклиния 19 аккувитов, залы Августей и консистория. См.: *Guilland R. Études de topographie de Constantinople byzantine. 1969. T. 1. 4: De Delphax. P. 70–80.*

⁵⁴ Ходили слухи, что Зинова в пьяном виде приняли за мертвеца и уложили в гроб. Когда дело открылось, Ариадна не позволила открывать гроб, и императора похоронили заживо. См. *Joannis Zonarae Epitomae historiarum libri XVIII. Vol. 3. Bonnae, 1898. XIV. 2. 32–35. P. 132–133.*

т.е. совместное заседание сената и консистория⁵⁵. Все сановники явились в белых хламидах и были приняты и удостоены приветствия в консистории. Явился и патриарх, и после того как все были удостоены согласно обычаю ласкового приветствия, Анастасий вышел в портик перед большим триклинием и встал в центре него. Все архонты и сенаторы (πάντες οἱ ἄρχοντες καὶ συζηητικοί) вышли к нему и попросили его поклясться в том, что он не сохранит ни против кого раздражения и злобы⁵⁶ и будет править по чистой совести. Анастасий дал клятву, после чего все отправились на ипподром. В триклинии, где обычно сенаторы приветствовали императора в день ристаний, Анастасий облачился в белый с золотыми клавами дивитисий, поножи и царский кампагии и с непокрытой головой вышел в кафисму ипподрома. Войска, стоявшие на отведенном для них месте под царской кафисмой, держали копья и знамена пригнутыми к земле. Народ, стоя, приветствовал Анастасия. Затем его поставили на щит, и кампидуктор полка ланциариев возложил ему на голову свою золотую цепь. Щит подняли вверх, и тотчас поднялись копья и знамена под общие восклицания солдат и народа. Сойдя со щита, Анастасий удалился в тот же самый триклиний, где облачился в царскую хламиду, а патриарх, прочитав молитву, со словами “Господи, помилуй” возложил на его голову венец. Затем Анастасий вернулся со своим окружением в кафисму ипподрома, и народ приветствовал его, восторженно восклицая: “Август, севасти!”. Затем через глашатая император обратился к войску и народу с речью, начав ее следующими словами: “Ясно, что власть над людьми зависит от мановения свыше. Всемиловитейшая августа Ариадна по решению удивительнейших архонтов, выбор славнейшего сената и могучего войска с согласия святого народа принудили меня против воли... принять на себя заботу о римском царстве”⁵⁷. Как мы видим, в речи сделан акцент на решении первых лиц государства. Речь императора неоднократно прерывалась словословиями. После церемонии на ипподроме император в сопровождении сановников совершил выход в храм Св. Софии. По возвращении во дворец император, отпустив остальных, дал архонтам обед⁵⁸.

Сравнение описанного выше избрания Льва с возведением на престол Анастасия позволяет отметить следующие отличия. Прежде всего, провозглашение императора происходит не на военном поле, а на ипподроме, который стал для Константинополя своеобразным форумом, где происходила встреча императора с народом и где отныне осуществлялась сакрализация императорской власти⁵⁹. Как конституционная сила войско сохраняет свои права, но теперь на первом месте стоят архонты и сенат, которые присутствовали не только на ипподроме, но и в зале, где решалась проблема избрания нового императора, а затем первыми приветствовали его до выхода на ипподром и, более того, выслушали

⁵⁵ О силении и конвенте см.: Чекалова А.А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // ВВ. 1972. Т. 33. С. 32. Примеч. 265.

⁵⁶ Из данного пассажа неясно, с кем у Анастасия была вражда до его воцарения на троне. Выше уже упоминалось о брате Зинова Лонгине, который сам хотел воцариться на троне. Из ряда источников известно, что против его кандидатуры упорно возражал патриарх Евфимий, который, в конце концов, уступил, но в качестве непременного условия своего согласия на избрание Анастасия потребовал от него написанное его собственной рукой исповедание веры с признанием Халкидонского собора. Ариадна и синклит убедили Анастасия выполнить требование патриарха. См.: Theod. Lec. II. 6; Euagr. III. 32.

⁵⁷ De cer. P. 423–424.

⁵⁸ Ibid. P. 424.

⁵⁹ Впервые на ипподроме был провозглашен императором Лев II, которого приобщил к власти его дед, император Лев I. См.: De cer. 431–432.

его клятву. Кроме того, в провозглашении важное место отводится собственно народу, заполнившему ипподром. Иными словами, военный элемент растворяется во всеобщем характере провозглашения императора. Вместе с тем в самую церемонию на ипподроме были привнесены военные атрибуты. Солдаты опускают знамена, как на военном поле, Анастасия поднимают на щит, кампидуктор возлагает на его голову шейную цепь и тут же знамена поднимаются при всеобщих славословиях солдат и народа⁶⁰.

Важная роль в провозглашении Анастасия отводится и церкви. Если во время провозглашения Льва патриарх лишь присутствовал на военном поле, а затем встречал его в храме Св. Софии, то в 518 г. именно патриарх, после того как Анастасий сходит со щита и удаляется в триклиний, облачает его в порфиру и надевает на его голову венец, украшенный драгоценными камнями⁶¹. Это был первый в византийской истории случай коронования императора патриархом. И лишь затем Анастасий опять возвращается на ипподром, где произносит свою речь, прерываемую, как некогда в Евдоме при провозглашении Льва, славословиями. Славословий, пожалуй, побольше. Славят не только Бога, империю и императора. Славят Троицу, славят, что особенно интересно, город (Константинополь). Просят отдать должное войску и помиловать “рабов своих”, т.е. подданных⁶². В этом всеобщем ликовании как бы подчеркнут всеобщий характер провозглашения василевса.

Вместе с тем вполне очевидно, что главные события разворачивались не на ипподроме, а во дворце, где собственно и имело место самое избрание. Кроме того, исход событий, как нам кажется, позволяет высказать догадку, что после смерти Зинона, когда предстояло решить судьбу государства, вдовствующая уже императрица Ариадна вечером, еще до совещания высших сановников, имела встречу с препозитом Урвикием, с которым и раньше имела обыкновение советоваться по важным государственным делам и еще в бытность Зинона императором, поручила ему организовать убийство влиятельного государственного деятеля, друга и соплеменника императора – исавра Илла⁶³. Во всяком случае и в византийской традиции, и в современных исследованиях Урвикию приписывается главная роль в возведении на престол Анастасия⁶⁴. Так или иначе, не сенат, не какой-либо иной институт, а лишь самые высшие персоны в государстве решили судьбу императорского престола в 491 г. Любопытно отметить здесь мнение тонкого исследователя Ю. Кулаковского, который полагал, что избрание Анастасия было подготовлено заранее и имя его как преемника Зинона было намечено задолго до восшествия на трон⁶⁵.

Обратимся теперь к избранию в 518 г. императора Юстина, которое, по мнению Х.-Г. Бека, является классическим случаем выборов, где сенату отводится главная роль⁶⁶. В 93 главе “*De seipmioniis*”, послужившей главным источником

⁶⁰ Ibid. P. 423.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. P. 424–425.

⁶³ Malal. Fr. 35 (Ex. de ins. P. 164). Покушение на Илла не удалось: схоларий, которому было поручено убийство Илла на ипподроме, неудачно сработал мечом и вместо того, чтобы расцезать Илла надвое, срезал ему правое ухо, за что был тут же заколан на месте. См.: Malal. P. 387.

⁶⁴ См.: *Bury J.V. History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian.* L., 1923. Vol. 2. P. 16; *Дьяконов А.П. Византийские димы и факции в V–VII вв. // Византийский сборник.* М.; Л., 1945. С. 216; *Honigmann E. Le cubiculaire Urbicuis // REB.* 1949. T. 7. Fasc. 1. P. 47–50; *PLRE.* II. P. 1189; *Urbicuis 1.*

⁶⁵ См.: *Кулаковский Ю.А. История Византии.* СПб., 1996. Т. 1. С. 360.

⁶⁶ *Beck H.-G. Op. cit.* P. 12.

для Х.-Г. Бека, события изложены следующим образом. Первыми, кому силенциарии сообщили о смерти Анастасия, были магистр оффиций Келер и комит экскувитов Юстин. Келер направился в школы, отдав приказ собраться всем кандидатам и остальным схоляриям. Юстин со своей стороны собрал “солдат, трибунов, викариев и первых из экскувитов, сказав им следующее: “Господин наш, будучи смертным, скончался. Надлежит нам сообща решить и избрать [императора], угодного Богу и подходящего государству”⁶⁷. Со сходным обращением (τὸν αὐτὸν τρόλον) обратился Келер к кандидатам и первым из схоляриев⁶⁸.

Наутро во дворец явились архонты, одни одетые в траурные одежды, другие, видимо, еще не знавшие о кончине василевса, – в различные цвета. А на ипподроме собрался народ и начал выкликать славословия сенату: “Многая лета синклиту. Синклит римлян, твоя победа! Василевса, данного Богом, войску! Василевса, данного Богом, вселенной!” Затем были поставлены скамьи в портике большого триклиния, и все архонты и патриарх, разместившись здесь, принялись спорить, кого выдвинуть в императоры. Каждый предлагал своего кандидата. Время шло, наконец, магистр Келер обратился к собравшимся с такими словами: “Пока возможно, нам надо решать и действовать. Если мы быстро назовем, кому надлежит быть [императором], все за нами последуют и успокоятся. Если же мы в короткое время не станем господами решения, то нам придется следовать за другими”⁶⁹. Но и эти слова не подействовали на сановников, и они продолжали спорить.

Пока среди архонтов шли споры, на ипподроме экскувиты стали провозглашать василевсом некоего Иоанна, трибуна, принадлежавшего к дому (οἰκιοῦμενον) Юстина⁷⁰, и подняли его на щит. Венетам это не понравилось, и они пустили в ход камни. В ответ экскувиты поразили некоторых из них стрелами. Тогда инициативу перехватили схолярии и, κατέσχον πατρίκιον, ὄντα στρατηλάτην, подвели его к центральному ложу⁷¹ [триклиния]⁷² и, поставив на него, хотели возложить на его голову венеч. Слово “патрикий” (πατρίκιον) в издании Рейске напечатано с маленькой буквы, и исследователи понимают это место как “некоего патрикия, бывшего магистром милитум”⁷³. Ю. Кулаковский высказал предположение, что этим патрикием был племянник усопшего императора – Ипатий⁷⁴. В самом деле, в 518 г. Ипатий занимал пост магистра милитум Востока, так что термин “стратилат” к нему вполне мог быть приложим; однако неясно, обладал ли он уже в 518 г. саном патрикия⁷⁵. К тому же в момент смерти Анастасия его, по всей видимости, не было в Константинополе, но в силу своей должности он находился в Антиохии или еще дальше⁷⁶. Не более естественно было бы предположить, что слово “патрикий” в данном случае означало не титул, а имя, тем более что магистром милитум in praesenti в 518 г. являлся как раз

⁶⁷ De cer. 93. P. 426.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid. P. 427.

⁷⁰ Иоани, по всей видимости, являлся трибуном экскувитов и domestikом Юстина. После того, как Юстин воцарился на троне, он был удостоен сана епископа. См.: PLRE. II. P. 609: Ioannes 65.

⁷¹ εἰς τὸν μέσον ἀξιοῦβιτον.

⁷² Т.е. триклиния девятнадцати аккумулятов.

⁷³ См.: Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1997. Т. 2. С. 16; Vasiliev A.A. Op. cit. P. 70.

⁷⁴ Кулаковский Ю.А. Указ. соч. Т. 2. С. 18–19. Примеч. 4.

⁷⁵ См.: PLRE. II. P. 579–580: Hypatius 6.

⁷⁶ Источниками зафиксировано его пребывание в разных городах Востока. См.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. Т. 2. P. 220. PLRE. II. P. 579.

человек по имени Патрикий. Это был известный военачальник и государственный деятель эпохи Анастасия, верно и преданно служивший своему государю, причем не только на военном, но и на дипломатическом и даже на религиозном поприщах. Именно в его доме проходило обсуждение разногласий между Севером Антиохийским и Иоанном Клавдиопольским, именно к нему в 511 г. обратилась группа монахов с просьбой вручить императору документ, содержащий обвинения в адрес патриарха Македония, наконец, именно ему (вместе с упоминавшимся выше магистром оффиций Келером) было поручено однажды (между 507 и 511 гг.) учинить допрос Македонию⁷⁷. Учитывая ночные события, мы вправе предположить, это не было спонтанное выдвижение случайной кандидатуры, но за этим стояла партия, которую возглавил магистр оффиций Келер, один из наиболее влиятельных государственных мужей эпохи Анастасия⁷⁸.

Экскувиты, за спиной которых стоял их комит Юстин, этот выбор отнюдь не одобрили. Напротив, они набросились на Патрикия, сбросили его с ложа и даже пытались убить, но в дело вмешался племянник Юстина Юстиниан, в ту пору кандидат, и велел заключить его под стражу, то ли для того чтобы спасти ему жизнь, то ли для того, чтобы устранить ненужного соперника. Тут все экскувиты начали принуждать Юстиниана принять сан василевса, но тот, по свидетельству “*De serimoniis*”, начал отпираться. Как мы видим, кандидаты на престол, которых выдвигали экскувиты, принадлежали к дому Юстина.

Имена всех кандидатов были сообщены архонтам, но никого из них собравшиеся сановники не одобрили. По прошествии какого-то времени высшие чины остановили свой выбор на старике Юстине, чем, разумеется, они вполне удовлетворили экскувитов, служивших под его началом. Схолярии поначалу возражали, и кто-то из них даже так ударил Юстина, что раскроил ему губу. В конце концов, говорится в описании избрания Юстина, “возобладало мнение всех – и синклитиков, и воинов, и димотов”⁷⁹. После столь бурных дебатов имела место официальная церемония с поднятием Юстина на щит, коронаванием патриархом и выходом в храм Св. Софии, как это имело место при провозглашении императором Анастасия⁸⁰. Отметим лишь одну небольшую, но очень важную деталь: когда исход выборов был окончательно решен, и Юстину уже предстояло обратиться к собравшимся с речью, ни квестора, ни магистра оффиций, которым, как известно, был Келер, найти нигде не удалось, и текст речи был зачитан ливеллисиями. Келер, говорится в источнике, не смог явиться из-за больных ног⁸¹. Однако его активное участие в выборах и его явное стремление повлиять на их исход, наводит на мысль, что эта болезнь была явно дипломатического свойства. Потерпев неудачу, он, видимо был сильно огорчен, а возможно, даже и напуган, чтобы показаться на глаза своему сопернику.

На основании изложения “*De serimoniis*”, текст которого, по всей вероятности, также восходит к Петру Патрикию, возвысившемуся в эпоху Юстиниана, можно предположить, что основная борьба за престол в 518 г. развернулась между Келером и Юстином. Между тем из сочинений других ранневизантийских авторов, в том числе и современников событий Иоанна Малалы и Марцеллина Комита, явствует, что за кулисами действовала еще одна, причем, возможно, первостепенная фигура – препозит священной спальни Амантий. Он пользовал-

⁷⁷ PLRE. II. P. 814: Patricius 14.

⁷⁸ Ibid. P. 275–277: Celer 2.

⁷⁹ De cer. P. 428.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid. P. 429.

ся при Анастасии огромным влиянием (*ἐς τὰ μάλιστα δυνατός*)⁸², и тот даже поверял ему свои сны⁸³. По всей видимости, он уже в силу своего статуса одним из первых, если не самым первым, узнал о смерти Анастасия и вознамерился сыграть в избрании нового императора ту же роль, что некогда сыграл препозит Урвикий при избрании Анастасия. Во всяком случае, согласно свидетельству Иоанна Малалы, Амантий собирался посадить на престол одного из близких себе людей – “своего domestika” Феокрита. С этой целью Амантий дал деньги комиту экскувитов Юстину⁸⁴, поручив раздать их подчиненным ему гвардейцам и таким образом обеспечить избрание Феокрита. Для Амантия это было жизненно важно, ибо он придерживался тех же монофиситских взглядов, что и Анастасий. Разумеется, эти взгляды разделяла и его креатура. По большому счету в 518 г. разгорелась борьба за то, каким путем идти Византии дальше – опираться на восточные провинции или смотреть на Запад, как то и случилось при Юстине и Юстиниане. Искушенный, как и все евнухи, во всякого рода придворных перипетиях, Амантий смотрел на солдата Юстина лишь как на инструмент в той интриге, которую он замыслил. Вполне возможно, что комит экскувитов являлся его доверенным лицом. Но Юстин оказался не так прост или, что наиболее вероятно, он прибег к совету своего племянника Юстиниана, которому было уже в ту пору около тридцати шести лет, и тот решил не упустить свой шанс. Возможно, даже возник определенный план: выдвинуть сначала кандидата, которого не одобряют венеты (не случайно они явились на ипподром с камнями), а Юстиниан, как известно, являлся патроном венетов⁸⁵. А затем как бы спонтанно возникла кандидатура Юстиниана, который, кстати говоря, незадолго до этого проявил чрезвычайную активность и отправил под арест Патрикия, конечно же, для того, чтобы устранить ненужного соперника.

Но активный, полный сил, честолюбивый, со взорами, устремленными на Запад, он никак не подходил верхушке аристократии, окружавшей Анастасия. Видимо, поэтому архонты остановили свой выбор на Юстине, который был стар и придерживался более умеренных взглядов. Сиятельные вельможи, видимо, надеялась выиграть время. Им, возможно, не приходило в голову, что с приходом к власти Юстина фактически начнется долгое правление их противника – Юстиниана, которого они менее всего хотели видеть на троне в 518 г.

Итак источники, столь колоритно живописующие избрание Юстина, свидетельствуют о том, что войско, представленное в Константинополе придворной гвардией (схоляриями и экскувитами), продолжало играть важную роль в избрании императора. Именно на войско, точнее на экскувитов, т.е. гвардию в собственном смысле слова, хотел опереться препозит Амантий, уверенный, кстати говоря, в том, что от воли начальника зависит настрой всех подвластных ему воинов. Наряду с войском важную конституционную роль в избрании императора играет сенат, который славословит собравшийся на ипподроме народ и которому соответственно отдается предпочтение перед войском, и, кроме того, димоты, т.е. организованный по димам народ Константинополя. И все же решающее слово, как и раньше, принадлежит верхушке сенаторской знати – архонтам. Во всяком случае в своем письме к римскому папе Юстин так объявил о своем воз-

⁸² Euagr. IV. 2.

⁸³ Malal. P. 408–409.

⁸⁴ Malal. P. 410. Ср.: Euagr. IV. 2; Chron. Pasch. P. 611–612.

⁸⁵ Любопытно отметить, что, по свидетельству Иоанна Малалы, Юстин раздал полученные от Амантия деньги не только воинам, но и народу (Malal. P. 141), под которым в данном случае, видимо, стоит подразумевать венетов.

ведении на престол: “Мы избраны на царство милостью неделимой Троицы, выбором высших чинов священного дворца и сената, и, наконец, избранием армии”⁸⁶. Итак, в официальном документе Юстин на первое место после Бога поставил высших сановников, а не сенат как институт.

Из всего сказанного можно заключить, что главное слово было за высшими сановниками (архонтами), которые в критические моменты действуют от имени не только сената, но и войска и народа.

Число архонтов и выполняемые ими функции были различны, но одно несомненно – это были высшие гражданские и военные чины, находившиеся на действительной службе, такие как префект претория Востока, префект города Константинополя, магистр милитум, магистр оффиций, квестор священного дворца и т.д. Показательно, что согласно закону императора Зинона, обладатели именно этих высоких постов имели право на получение высшего титула – патрикия⁸⁷. Иными словами, можно говорить о соответствии закона и той практики, которая имела место.

Основная масса сенаторов играла в избрании по большей части репрезентативную роль, однако сам факт их присутствия в зале, где обсуждалась проблема избрания нового василевса, весьма показателен, ибо он символизирует сопричастность сената к этому важному государственному акту, что не имело место в Риме, где сенат лишь ратифицировал избрание армией императора. Константинопольский сенат состоял главным образом из чиновников, действительных и находившихся в отставке, и хотя его представители больше походили на придворную знать, именно этот фактор делал его более сопричастным важным политическим актам, каким являлось избрание нового императора. Именно по этой причине сенат как целое собрание часто фигурирует в источниках при упоминании о восшествии на престол нового василевса. Важнейшие его представители действуют от его имени, что и придает их действиям большую законность и силу.

Показательно, что провозглашение Юстина II (565–578) произошло в императорском дворце в присутствии одного сената и лишь затем он был выведен в ипподром и представлен народу и войску⁸⁸. По всей видимости, именно в VI в., т.е. когда как раз и жил Петр Патрикий, сохранивший описание провозглашения императором Льва I, было сделано вступление к ранее существовавшему тексту относительно того, что выбор Льва был определен сенатом⁸⁹. В этой связи небезынтересным будет отметить, что если еще Лев I в 457 г. при своем провозглашении в Евдоме обращается с речью к войску, называя его главным источником своей власти, внук императора Ираклия Констант по восшествии на престол обратился со сходной речью к сенату, который благодарит за “всепомощное решение” и просит сенаторов быть советниками и пестунами “всеобщего благополучия подданных”⁹⁰.

Таким образом, к концу ранневизантийского периода как главная конституционная сила сенат и войско поменялись местами. Тем не менее, в избрании императора главное слово было за высшими сановниками (архонтами), которые в критические моменты опирались на сенат как на институт.

⁸⁶ Coll. Avellana. Ep. 141.

⁸⁷ Cod. Just. XII. 3. 3. См. также: Чекалова А.А. Патрикиат в ранней Византии // ВВ. 1997. Т. 57(82). С. 32–44.

⁸⁸ Coripp. II. 84–3000.

⁸⁹ См. выше с. 9.

⁹⁰ Theoph. P. 342.

С.Б. Сорочан

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА И “ПРИЗРАКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ”

Перефразируя широко известное выражение, можно сказать, что вот уже более полувека по историографии византийского Херсонеса/Херсона бродит призрак – призрак “самоуправляемого города”. Примеры встреч с ним отнюдь не случайны, к тому же зачастую исходят от весьма авторитетных исследователей. Так, М.И. Артамонов указывал на то, что в начале VIII в., в период внутренних неурядиц в Византии, в которых Херсону довелось сыграть решающую роль, этот город, балансируя между Византией и Хазарией, приобрел фактическую независимость и пользовался местным самоуправлением¹. Важное стратегическое значение Херсона как форпоста империи ромеев в Таврике, по мнению некоторых византинистов, вынуждало Византию идти на уступки по отношению к нему – на признание принципа греческой полисной автономии, т.е. самоуправления². “Любопытно, что Херсон сохранил античные институты, словно изменения периода VII–IX вв., приведшие к образованию средневековой империи, не затронули эту оставшуюся в стороне провинцию”, – констатирует Ж.-К. Шене, как бы заранее предвеляя этим выводом свое исследование об архонтах Херсона, в которых он, тем не менее, видит представителей центральной власти³. А.И. Айбабин и В. Зайбт пишут о “городском сенате” (sic!) из протевонов во главе с протополитом, который управлял городом вместе с тудуном, присланным хаганом хазар⁴. Жильбер Дагрон, отмечая двойственность восприятия Таврики византийцами и “половинчатость” ее принадлежности Византии, полагает, что в Херсоне начала VIII в. мирно сосуществовали сразу три власти, олицетворявшие самые разные интересы: собственная городская власть в лице протополита и “первенствующих”, имперская власть в лице византийского архонта

¹ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1961. С. 302.

² Удальцова З.В. Дипломатия // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 243.

³ Ср.: Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 310, 314–316.

⁴ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 195–196. По мнению В. Зайбта, к этому “самоуправлению” из протевонов относился и хазарин – тудун (тудун, тондон), которого херсониты якобы “назначили на должность архонта в Херсоне”, в чем он видит ловкий политический ход, неожиданный для Константинополя (Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 304). При этом в который раз забывается совершенно недвусмысленное указание Феофана о том, что тудун был не просто архонт (так византийцы называли и иноземных владетелей из числа “варваров”), но находился в Херсоне “от лица хагана” (τὸν ἄρχοντα Χερσονῆος ὡς ἐκ προσώπου τοῦ Χαγάνου) – Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М., 1980. С. 40, 64. Также см.: Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 37–38; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 113.

и хазарская власть, представленная тудуном⁵. Мало того, даже будучи стратегом фемы Херсон, ее глава был “вынужден сосуществовать с сохранившимися прежнюю силу структурами городской власти”, хотя французский византинист признает, что этому нет примера в других фемах. Поэтому, с точки зрения Ж. Дагрона, “стратиг Херсона являлся не полновластным генерал-губернатором византийской провинции фемы, как другие офицеры его ранга, а скорее послом императора в стране-сателлите”⁶. Случай опять-таки беспрецедентный. Даже тогда, когда Н.М. Богданова резонно отмечала, что средневековый Херсон находился под властью ромейских императоров, был включен в административную структуру империи, а в состав его управления входили имперские чиновники, она все же не пожелала отказаться от мысли, что город имел определенные привилегии, среди которых одной из основных являлось сохранение “...отдельных элементов городской автономии и самоуправления, имевших давнюю историческую традицию: наиболее стабильным из этих элементов был непрекращавшийся в X–XII/XIII вв. чекан собственной монеты”⁷. При этом почему-то забывается, что, к примеру, Сицилия – Калаврия, будучи фемой, тоже выпускала деньги на местных оффицинах, но никому не приходит в голову видеть в этом “элемент самоуправления”. Тем не менее и А.И. Романчук разделяет вышеназванные взгляды, категорично заявляя: “Для ранневизантийского периода следует отметить наличие самоуправления в Херсоне (печати архонтов), которое не было полностью уничтожено введением фемы”⁸.

Представления о некоем особенном полисном, автономном “самоуправлении” византийского Херсона, наподобие средневековых “республик” Далмации⁹, в специальной литературе выглядят как расхожий штамп, с некоторых пор не подлежащий обсуждению. Вопрос представляется решенным и закрытым. Даже сомнения, посещающие в последнее время некоторых исследователей, не в силах преодолеть авторитет сложившегося мнения, и поэтому, рассматривая противоречащие ему материалы, специалисты в итоге не отказываются от устоявшихся позиций и пытаются примирить непримиримое. Именно так выглядят появившиеся недавно работы, которые вводят в обращение ценнейший сфрагистический материал, открывающий новые стороны организации админи-

⁵ *Dagron G. Crimée ambiguë (IVe–Xe siècles) // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. P. 291.* При этом даже не ставится вопрос о том, что характер власти протевонов к этому времени мог быть весьма далек от подлинного самоуправления, а тудун, недолго действовавший здесь “от лица” хагана, мог быть не более чем наблюдателем, которого нет оснований считать даже временным правителем города. Скорее всего его присутствие указывает на кондоминатный характер хазаро-византийских отношений в Таврике – подробнее см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 212–225, 232–243.* Эту же мысль недавно высказал, но не развил Ж.-К. Шене (*Шене Ж.К. Поздний архонт... С. 315*). Эта мысль не чужда и В. Зайбту: он пишет о необходимости и пользе для Херсона как “свободного города” (als “freie Stadt”) сохранять хорошие отношения и с Византией, и с хазарами, а может быть, и платить “своего рода дань (Tribut) обоим” (*Seibt W. Probleme... S. 304–305*).

⁶ См.: *Dagron G. Op. cit. P. 291.*

⁷ *Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 1987. С. 17–18; ср.: Она же. Херсон в X–XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 91–92.*

⁸ *Романчук А.И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Херсонский сборник. 1996. Вып. 7. С. 138; ср.: Богданова Н.М. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. Ч. 1. С. 42–63.*

⁹ Ср.: *Соколова И.В. Монеты и печати... С. 118.*

стративного управления раннесредневекового Херсона. Казалось бы эти источники не оставляют сомнений в имперском облике администрации византийского города, однако делаемые на их основании выводы вплетаются во все тот же знакомый рефрен о якобы традиционном стремлении Херсона к самостоятельности. Более того, заявляется, что “элементы античного самоуправления не исчезают и к периоду расцвета фемного строя, а продолжают существовать на всем протяжении IX и X вв.”¹⁰.

На чем строятся подобные заключения? Почему администрация византийского Херсона видится какой-то особенной, едва ли не уникальной, так и не разорвавшей своей пуповины с античным прошлым полиса, а сам город представляется этаким “островом вольнолюбия”?

Это мнение кажется тем более странным, что, согласно римскому праву, все проживающие в “римском ареале”, если они платили налоги государству, были христианами, признавали суверенитет императора, т.е. были его подданными (ὐλίηκοι), были обязаны жить в соответствии с нормами римского права и включались в административную структуру империи¹¹. Поэтому городские власти в лице архонтов, “отцов города” протополитов, “известных и протевонов” (ἐμφανεῖς καὶ προτεύοντες), которые обычно имеются в виду¹², по крайней мере с эпохи Юстиниана I уже вполне соответствовали облику обычных провинциальных византийских чиновников, подотчетных имперскому центральному управлению, тем более, что такого рода служилое “начальство” воспроизводи-

¹⁰ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 155–170; ср.: Он же. К вопросу о существовании службы нотариусов в Херсоне // АДСВ. 1998. С. 221–227; Он же. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдулов // Древности 1997–1998. Харьков, 1999. С. 151, 154. По мнению Н.А. Алексеевко, элементы городского самоуправления в лице муниципальных чиновников, к которым он причисляет куратора города (κατὰ τῆς πόλεως), эдикла и протевонов, “номинально” сохранились вплоть до XI в. В одной из своих последних работ, как и предыдущие, посвященных разбору печатей, он приходит к заключению, что находки моливдулов этих чиновников, несмотря на то, что они имели имперские чины, “...свидетельствуют о продолжении существования в Херсоне традиций городского самоуправления, восходящих еще к античной эпохе, на всем протяжении существования здесь фемы”. Очевидно, сознавая наличие противоречий в своих утверждениях, Н.А. Алексеевко пытается рассматривать “чиновников городских властей Херсона фемного периода и как муниципальных, и как имперских служащих”, в чем он видит “особенность положения Херсона, когда город номинально как бы управлялся Городским советом, а фактически руководство городом осуществляла имперская администрация и члены муниципалитета, состоявшие на службе у государства” (см.: Алексеевко Н.А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 262–263, 265). При этом он не принимает во внимание, что члены “городского совета”, якобы существовавшего в феме Херсон, будучи на государственной службе, были все теми же имперскими чиновниками.

¹¹ Corpus juris civilis. Berolini, 1908. Vol. 1: Digesta. I. 5.17; Corpus juris civilis. Berolini, 1904. Vol. 3: Novellae. 78; Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. Lipsiae, 1846. Vol. 4. XLVI.1.14; Basilicorum libri LX. Ser. B (Scholia) / Ed. H.J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1963. Vol. 7. P. 2732–2733; *Goria F. Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di “romano” tra cittadinanza e universalita: Da Roma alla Terza Roma (Studi II)*. Napoli, 1984. P. 301–302.

¹² Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки имп. АН. Серия VIII по истор.-фил. отд. Т. 8. № 3. СПб., 1906. Гл. 5. С. 59, 10; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 40; Theophanes Continuatus, e rec. I. Bekkeri. Bonnæ, 1838. P. 123; *Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. М., 1989. Гл. 42, 45–46. С. 172.*

лось и пополнялось главным образом из рядов влиятельной местной аристократии, нобилитета, городской знати, состоятельных собственников¹³. По образному сравнению А.П. Каждана, это было своего рода “дворянство мантии”¹⁴.

Уместно напомнить, что римские власти давно и искусно приспособлявали к своим нуждам органы общинного городского самоуправления. Поэтому формально оно сохранялось долго. Например, при Диоклетиане Никомидия сделалась столицей Востока империи, центром ее администрации, но еще для V в. известен эпиграфический памятник, в котором упоминается одна из фил Никомидии и ее грамматевс – секретарь¹⁵. Мало того, внедрение имперских чиновников в местную администрацию вовсе не обязательно встречало враждебность и противодействие горожан. В новых условиях в присылке правителей со стороны жители провинциальных городов были иногда даже заинтересованы, понимая, что эти люди невольно будут более беспристрастны и справедливы, не будучи скованы личными симпатиями и антипатиями, с представителями местного населения. Именно о такой услуге просил епископ Синесий у Троила, советника префекта претория Анфимия, имея в виду города Киренаики¹⁶. Дело в том, что централизованные формы управления городов глубоко утвердились уже в самом начале ранневизантийской эпохи, так что знаменитая 46 новелла василевса Льва VI, декларировавшая на словах отмену управленческих прав городских курий, имела скорее абстрактное, теоретическое, констатирующее, нежели практическое, новаторское содержание, которое плохо сочеталось с нормами и реалиями городской политической жизни даже V–VI вв., не говоря уже о VII–IX вв.¹⁷

Возвращаясь к Херсону, то и дело встречаешься с утверждением, что наличие в нем протевонов и архонтов едва ли не главное свидетельство сохранения местного самоуправления, особого статуса полисной организации города в VII–VIII и последующие века, по крайней мере до назначения сюда стратига василевсом Феофилом¹⁸. По последним уточненным данным это произошло не ранее 839 г. и не позже января 842 г.¹⁹ Поэтому ситуация иногда трактуется современными историками так, будто Херсон был “возвращен” Византии лишь в IX в.²⁰

¹³ Ср. с положением дел в Италии: *Бородин О.Р.* Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991. С. 284.

¹⁴ История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 171.

¹⁵ *Погодин П.Д., Вульф О.Ф.* Никомидия. Историко-археологический очерк // ИРАИК. 1897. Т. 2. С. 85.

¹⁶ *Synesii episcopii Cyrenes opera quae extant omnia / Ed. et interpretet D. Petavio // PG. 1863. Т. 66. Ср. 73. Col. 1437.*

¹⁷ Ср.: *Лебедева Г.Е.* К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–XI вв. // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 111–113.

¹⁸ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 37–38, 53; *Сидоренко В.А.* К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. (1994). 1995. Вып. 4. С. 588; *Романчук А.И.* Средневековый Херсон... С. 138; *Алексеев Н.А.* Провинциальный Херсон... С. 151.

¹⁹ *Treadgold W.R.* Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth – Century Byzantine Army // GRBS. 1980. Vol. 21. P. 278. Not. 32; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 689–700; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 312–323.

²⁰ *Hannick Chr.* Annexions et reconquetes byzantines. Peut – on parler d’un uniatisme byzantin? // *Irenikon.* 1993. N 66. P. 451–474. Более того, в свое время А.Л. Якобсон полагал, что местное самоуправление Херсона в лице “протов или протевонов, выбиравшихся из среды местной аристократии и фактически самостоятельно правивших городом в IX в.” продолжа-

На самом деле термин “первенствующие” (πρωτεύοντες, πρώτοι, πρωτεύοντες πρώτοι τῆς πόλεως) отнюдь не был уникальным, использовавшимся только для обозначения института властей и знати Херсона²¹. К тому же понятия “чиновничество” и “аристократия”, “знать” для византийцев этого времени были почти синонимами²². В VIII–начале IX в. протевоны имелись даже в крупных малоазийских деревнях, где они осуществляли какие-то официальные должностные функции наряду со старостами – протами деревень и низшими платными служащими – ипиретами (πρώτοι τῆς κόμης, ὑπερήτοι)²³. Пользуясь превосходной сводкой данных, составленной А.П. Рудаковым, и лишь развернув ее в хронологической последовательности, “первенствующих” можно найти в V–VII вв. в ромейских городах Месопотамии, палестинском Никополе (Патерики), Спарте (“Лавсаик” Палладия), Александрии (Иоанн Мосх), Эфесе (Житие Феодора Сикеота); во второй половине VIII–начале IX в. – в Амастриде (Житие Георгия Амастридского); во второй половине IX в. – на Самосе, входившем в состав одноименной фемы (Житие Павла Латрского); в первой половине X в. – в Трапезунде (Житие Афанасия Афонского); в последней трети X в. – в одном из городов Македонии (Житие Фотия Фессалийского)²⁴. Кроме того, термин постоянно употреблялся в сигиллографии вплоть до первой половины XI в.²⁵ Связь его со стратой служилых лиц империи весьма прозрачна и легко улавливается.

Иногда термин “протевон” становится родовым именем, как это видно по печатам стратига Иоанна Протевона, отправлявшего эту должность и в феме Херсон, и, вероятно, также в феме Пелопоннес (и там, и там в высоком чине императорского протоспафария). И.В. Соколова датировала его херсонесскую печать второй половиной X–началом XI в., а Н. и В. Зайбт – рубежом X–XI вв.²⁶ Но не исключено, что оба моливдула относятся к более раннему времени, так как имя Иоанна Протевона фигурирует во время мятежа, происшедшего в правление Романа I Лакапина (921–944) в феме Пелопоннес²⁷. Не ясна только последовательность карьеры протоспафария. Н.А. Алексеенко полагает, что за “неудачу в Пелопоннесе” он был переведен василевсом подальше в глушь, “из центральной области империи в далекую провинцию Херсон”²⁸. Но с точки зрения окраинности эти места могли поспорить друг с другом, тогда как родовое имя

ло существовать, “хотя и с меньшим значением”, в X в. и лишь в следующем столетии “в основном” прекратило существование (Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес... С. 19–20. Впрочем, это обстоятельство не мешало исследователю считать Херсон значительным византийским центром, номинально находившимся под властью василевса ромеев, и, видимо, не обращать внимание на то, что такие взгляды порождают совершенно противостественное для права и менталитета империи словосочетание – “самоуправляемый имперский город”.

²¹ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 77, 78; Истрин В.М. Книги временъныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1: Текст. Пг., 1920. С. 201.8; 464.6.

²² Antonopoulou I. The “Aristocracy” in Byzantium: Evidence from the *Tactica* of Leo VI the Wise // *Byzantiaka*. 1993. Т. 13. P. 151–160.

²³ Васильев А.А. Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. 1900. Т. 5. С. 64, 74, 75.

²⁴ Рудаков А.П. Очерки... С. 78–79.

²⁵ Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII–середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 68.

²⁶ Соколова И.В. Монеты и печати... С. 160–161. № 45, 45а; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсона. С. 95.

²⁷ Константинос Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 50. 23–41; 51. 199–204; С. 436–437; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 710–711. № 9.

²⁸ Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона... С. 710.

Протевои вполне подходило бы уроженцу знатного семейства “первенствующих” Херсона, хотя последнее утверждение следует еще, конечно, доказывать²⁹.

Эдиктом Юстина II, изданном в 569 г., определялось, чтобы гражданские начальники провинций избирались епископами из числа тех, кого они почтут способными и достойными, после чего избранных должны были обязательно представлять императору на окончательное утверждение³⁰. Еще раз подчеркнем, что подобная провинциальная знать формировалась в VI–VII вв. из куриалов, представителей родовитой полисной аристократии и частично смешивалась и совмещалась с чиновниками провинциального военно-административного аппарата³¹. Им особенно были близки и до мелочей известны нужды городов, в которых протекала их жизнь. К примеру, Василики уточняли, что от “городского первенствующего” зависело распределение общественных повинностей среди горожан для их выполнения³². По сути дела они ничем не отличались от чиновников по своим функциям, а “самоуправление по имперскому поручению” в условиях прогрессирующего падения роли и значения местных муниципальных структур уже в VI в. было заменено комитетами “нобилей”, а в VIII–IX вв. выродилось в институт “властвующих” – всевозможных архонтов разных рангов³³. Г.-Г. Бек отмечал, что родовая аристократия почти не участвовала в центральном административном аппарате, но зато была связана с провинцией и ее управлением³⁴. По данным, собранным О.Р. Бородиным, в городах византийской Италии VI–VIII вв. она была представлена прослойкой средних и крупных земельных собственников или долгосрочных арендаторов, отчасти состоявших из чиновников и военных, живших в городах и получавших земельную ренту³⁵. Особенно наглядно это видно на примере Равенны, где члены городского управления, состоявшие на службе государства, избирались из числа местной знати, но утверждались центральной властью³⁶. Согласно Житию Георгия Амастридского, к “избранным города” (τῆς πόλεως ἐκμυρίτων), отправленным около 790 г. за новым епископом, относились как представленные в списке клириков, так и представители местной администрации (ἄσσοι τῆ τοῦ ἱερατικῆς καὶ ἄσσοι ἐν τέλει)³⁷. Славянская версия Жития Стефана Сурожского, отразившего события VIII–первой половины IX в., упоминала в числе первых людей “мужей старейшин гродных”³⁸. Видимо, это были те, кого Константин Багрянородный в “Жиз-

²⁹ Ср.: Шандровская В.С. Представители византийских родов в Херсоне-Херсонесе по данным печатей // АДСВ. 1998. С. 302–303. Рис. 2, 4.

³⁰ Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt // Ius graeco-romanum / Ed. С.Е. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857. Vol. 3. Col. I. Nov. 5. P. 10–13; Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. М., 1876. С. 29.

³¹ См.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. М., 1993. С. 430; Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971. С. 204; Он же. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 110.

³² Basilicorum libri LX / Ed. С.Г.Е. Heimbach, G.E. Heimbach, Lipsiae, 1833. Vol. 1. X. 2. 31.

³³ Brătianu G. Privileges et franchises municipales dans l’empire Byzantin. P., 1936. P. 43 sq.; Курбатов Г.Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. 1994. Т. 55. С. 71–72.

³⁴ Beck H.-G. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Stadt // BZ. 1965. Bd. 58. Hf. 1. S. 18.

³⁵ Бородин О.Р. Византийская Италия... С. 46–49, 51–53, 59–60, 69–70, 209. Табл. 1–2.

³⁶ Diehl Ch. Etudes sur l’administration Byzantine dans l’eksarchat de Ravenne. P., 1888. Т. 2. P. 93 sq.

³⁷ Васильевский В.Г. Труды. Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Пг., 1915. С. 26. 5–6.

³⁸ Там же. С. 84. Гл. 14.

неописании Василия” называл людьми, “к управлению причастными и делами занимающимися”³⁹. Согласно закону, знатным считался не просто богатый, но обязательно имеющий влияние на других людей или хотя бы обладающий почетным титулом⁴⁰. Наконец, надо обязательно учитывать одно решающее обстоятельство: любая местная власть в Византии повсюду осуществлялась только от лица (ἐκ προσώπου) василевса и, следовательно, автоматически причислялась к провинциальной служилой администрации, управляемой из Константинополя⁴¹.

Упадок античного землевладения в Херсоне позволяет заключить, что уже в начале раннего средневековья органы городского управления, как и в других византийских городах, комплектовались из наиболее влиятельных и зажиточных горожан, преимущественно солидных торговцев, связанных с оптовой морской торговлей с византийскими центрами, и, возможно, из ростовщиков, домовладельцев, а также некоторых крупных предпринимателей, получавших доходы от местного соляного и рыбозасолочного промыслов⁴². На то, что в первой половине X в. такие “первенствующие” в Херсоне несомненно были чиновной знатью недвусмысленно указывает наличие печатей царского спафария ἐπί τῶν οἰκισμῶν – чиновника, имевшего отношение к управлению императорскими имуществами, именными и одновременно протевона Михаила⁴³. Такие полномочия могло иметь только официальное должностное лицо, далекое от давно забытых традиций куриальных выборов и полисного самоуправления. Как и в метрополии, они существовали здесь до конца X–первой половины XI в.: этим временем Н. и В. Зайбт и Н.А. Алексеенко датируют моливдовулы протевонов Херсона – царского протоспафария, хрисотриклинита Иоанна, а также патрикия и стратилата Калокира (два последних слова читаются на печати с известной долей вероятности)⁴⁴. Даже так называемые “отцы города” (πατέρες τῆς πόλεως), известные в Херсонесе, как и в других ранневизантийских городах, по меньшей мере с конца IV в.⁴⁵, обзаводились главным атрибутом чиновника – печатью, как некий Сергей, моливдовул которого относится к первой половине X в.⁴⁶ Это действительно была “реально существовавшая должность”, возможно, как и ранее, сопряженная с выполнением определенных административных,

³⁹ Theophanes Continuatus... P. 239; *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарский. СПб., 1992. С. 103 (V. 18).

⁴⁰ *Брентано Л.* Народное хозяйство Византии. Л., 1924. С. 49; *Бородин О.Р.* Византийская Италия... С. 70. Табл. 2.

⁴¹ См.: *Удальцова З.В., Бибииков М.В., Чичуров И.С.* Византинистика на XVI Международном конгрессе исторических наук // ВВ. 1987. Т. 48. С. 6.

⁴² *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI в.: политический и экономический аспекты // Херсонский сборник. 1998. Вып. 9. С. 123, 124–126.

⁴³ *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 159. № 43; *Степанова Е.В.* О конференции памяти А.В. Банк // ВВ. 1988. Т. 49. С. 258; *Соколова И.В.* О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Т. 23. С. 94–102; *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art Washington, 1991. Vol. 1. P. 186. N 82.10.

⁴⁴ *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов... С. 94; *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 165–167. № 14–15.

⁴⁵ *Ростовцева М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23. № 2 (надпись 370–375 гг.). Подробнее см.: *Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администрации Херсона: чиновники πατέρες τῆς πόλεως // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 162–164, 166.

⁴⁶ *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 164. № 13.

судебных и финансовых функций, – должность явно управленческая (если вспомнить все немногое, что известно о ней из хроник Никифора, Феофана и его Продолжателя, а также Константина Багрянородного), но отнюдь не относящаяся к самоуправляемой на античный лад муниципальной организации. Примечательно, что в IX–X вв. титул *πατήρ τῆς πόλεως* был неразрывно связан с должностью эпарха, очевидно, благодаря особой заботе последнего о благоустройстве и снабжении города продовольствием⁴⁷. Без утверждения со стороны центрального правительства такая должность была немыслима, как и должность еще одного имперского чиновника – экдика города. Императорский кандидат Никифор, чьи печати Н.А. Алексеенко относит к концу IX–началу X в., мог распоряжаться в фемном Херсоне только как государственный служащий, учитывая, что таковой его должность стала уже при Анастасии, когда отправлявшие ее получали высокие титулы “светлейших”, “сиятельных” – “клариссимов” (“лампротатов”) и имели полицейские и судебные функции, близкие к функциям куратора или “защитника” – дефенсора города⁴⁸. Так, в середине VI в. экдик с титулом “лампротат” был известен как дефенсор Равенны, а в одном из греческих папирусов 618 г. из Египта он упоминается одновременно как “славный комит и красноречивый экдик”⁴⁹. Н.А. Алексеенко не мог не заметить, что печати херсонесских экдиков принадлежали государственным чиновникам, и тем не менее он продолжает говорить об “определенных чертах самоуправления”. По его мнению, несмотря на то что экдики Херсона представляли муниципальные власти, они вместе с тем исполняли обязанности государственных служащих в структуре фемной администрации⁵⁰. Между тем, правильнее было бы сказать наоборот: именно потому, что эти чиновники были государственными служащими, они одновременно представляли власти византийского города.

Не меняют этого вывода и находки печатей еще одного чиновника – “кира” Херсона. Это была именно должность, хотя аналогичный титул *κύριος* (*dompnus*) – “господин” фигурировал среди высшего класса ранневизантийских чиновных званий, таких как *illustres*, *magnifici*, *gloriosi*⁵¹. Именно так называется кир Иоанн, моливдул которого, относящийся к VIII–первой половине IX в., сообщает о том, что его обладатель носил имперский титул *ипата* и, судя по следам ткани на одной из сторон буллы, занимался на таможне опечатыванием грузов, товаров, отправляемых из Херсона⁵². Еще две печати из недавних находок, при-

⁴⁷ Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae byzantinae libri duo. Bonnae, 1829. Vol. 1. P. 264; *Guilland R.* Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. L'Eparque. I. L'Eparque de la ville. 'Ο "Επαρχος τῆς πόλεως // BS. 1980. T. 41. F. 1. P. 19.

⁴⁸ *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 162–163. № 13; ср.: *Corpus juris civilis*. Berolini, 1895. Vol. 2: Codex Justinianus. XII. 37.19. *Feissel D.* Nouvelles donnés sur l'institution du pater tes poleos // *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions de Cilicie. P., 1987. P. 219–220.

⁴⁹ *Koch P.* Die byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaugural-Dissertation. Jena, 1903. S. 19, 33.

⁵⁰ *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 163–163. Ж.-К. Шене (без аргументации) причисляет экдика, как и *πατήρ πόλεως*, и протевонов, к “античным институтам” – Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 310.

⁵¹ *Koch P.* Op. cit. S. 82–83.

⁵² *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 114, 146. № 4. Ж.-К. Шене без каких-либо оснований считает возможным подразумевать под этим “киром Херсона” “представителя, которого направлял в город хазарский каган” (Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 311). Будь оно так, у этого “представителя кагана” была бы довольно странная, ничем не объяснимая функция – пересчитывать тюки с чужими грузами, прибывавшими и уходившими в чужую страну. Могли ли за эти его “труды” византийцы почтить его саном *ипата*?

надлежавшие ипату Льву, Н.А. Алексеевко относит к рубежу VIII–IX вв.⁵³, ко времени, когда судя по данным Жития Иоанна Готского, в Юго-Западной Таврике действовали также “кир Готии и его архонты” (τῶ κίρῳ Γοθίας καὶ τοῖς ἀρχοῦσι), в числе которых значился, очевидно, и кир Фул (ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Θουλῶν)⁵⁴. Все они были православными правителями, игемонами (τῶν ἐπαρχίων ἡγεμόνες⁵⁵), в ситуации кондоминатного византино-хазарского владения в Крыму радевшие все же больше об интересах ромейской стороны, нежели каганата, и не желавшие, чтобы хазары “подчинили страну их” (μὴ κατακυριεύσῃ τῆς χώρας αὐτῶν)⁵⁶. В их действиях то и дело проявляется ориентация на указания Константинополя, стремление сохранять личину верноподанных василевса ромеев. Во всяком случае именно так обстояло дело тогда, когда 24-летний Константин VI отправил в монастырь свою законную жену Марию, навязанную ему матерью, и вопреки воле патриарха обручился со своей любовницей Феодотой, дочерью кувикулария – спальничего, а вскоре венчал ее на царство. При этом в обеих версиях Жития Феодора Студита, написанного во второй половине IX в. (скорее всего после 868 г.) монахом Михаилом со слов Софрония, преемника Феодора Студита, содержится любопытная и многозначная подробность: около 795 г. правители (τῶν ἐπαρχίων ἡγεμόνες) Лонгивардии, Готии и игемон, или топарх, Боспора последовали за незаконным “прелюбодеем” Константином VI, т.е. по его “нечестивому примеру” взяли себе новых жен, отчего от общения с ними отказались якобы все живущие по соседству епископы и пресвитеры климатов Херсона и Боспора (ἐν τοῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον παροικίας)⁵⁷. Если статус этих окрестных по отношению к Херсону киров – игемонов остается не до конца ясным и в них лишь можно подозревать правителей – наместников пограничных областей Византии, то собственно городские киры вполне находят место в провинциальном имперском чиновном аппарате и на имперской сановной лестнице. К слову, последнее обстоятельство наиболее убедительно указывает на то, что это не были самоуправляемые элементы, только и мечтавшие о вольностях. Свобода в тех условиях была бы слишком тяжелой ношей, лишала бы покровительства и, с этой точки зрения, оказывалась совершенно не желанна, во всяком случае в былом “демократическом”, полисном понимании. В Византии и вообще в средневековом обществе она понималась как гарантированный статус и могла реализовываться только в состоянии зависимости.

В свое время В.Г. Васильевский прозорливо предостерегал от преувеличения самостоятельности Херсона, как и прочих причерноморских окраинных городов, ибо они и не стремились к освобождению от верховной власти Византии,

⁵³ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей... С. 160–161. № 8–9.

⁵⁴ Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. С. 416–417. Гл. 5; С. 424–425. Гл. 9.

⁵⁵ Ср.: *Michailus Monachus*. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (vers. I) // PG. Turnhout, 1976. Т. 99. Col. 137.

⁵⁶ Житие Иоанна Готского. С. 416. Подробнее см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. С. 232–240.

⁵⁷ *Michailus Monachus*. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris. Theodori abbatis monasterii Studii (vers. II) // PG. Turnhout, 1976. Т. 99. Col. 252; ср.: *Michailus Monachus*. Vita et conversatio Col. 137; *Ševčenco I.* Hagiography of the Iconoclast Period // *Iconoclazm*. Birmingham, 1977. P. 116. По мнению А.И. Айбабина, термин “топарх” отсутствовал в византийской чиновной иерархии в IX–X вв. и был вставлен в текст жития позднейшим переписчиком не ранее XI в. (*Айбабин А.И.* Этническая история... С. 188, 210). Однако эта поправка, даже будучи принята, не меняет сути моих рассуждений.

а имперское правительство поддерживало их весьма относительную, по сути дела призрачную, автономию не просто в виде вынужденного компромисса, но и сознательно, как средство, обеспечивающее максимальную преемственность местного аппарата управления, гибкость и эффективность торговли, контактов с соседями и способ избежать недовольства центром⁵⁸.

Призрачность этой автономии подтверждается составом администрации, контролировавшей и направлявшей жизнь города. Бдительное око имперских властей то и дело обращалось к Херсону даже до того, как он окончательно вошел в состав империи, а императоры не забывали его в своих указах и эдиктах. Если правильно интерпретировать фрагмент одного из таких декретов, уже Феодосий I разрешил федератам из числа варваров селиться в городе и его округе, а Гонорий в 408 г. подтвердил это право⁵⁹. Сентябем 419 г. датируется постановление Гонория и Феодосия II об освобождении от наказания херсонцев, раскрывших варварам секреты кораблестроения⁶⁰. Императорской властью было возложено на город отправление морской повинности, связанное с поставками корабельного снаряжения, причем отменена она была (да и то, видимо, ненадолго) опять-таки императорским решением только в последней четверти VI в.⁶¹ В период правлений Зинона–Юстиниана I гражданские дела в городе находились в ведении префектуры Востока, к которой скорее всего и принадлежали комиты, присылаемые в Херсонес с конкретными поручениями⁶². Будучи проводниками государственной политики, они курировали дела города, получившего статус императорского. Комиту в свою очередь подчинялся викарий, который, кроме осуществления военных функций, ведал практионом, занятым сбором разнообразных налогов, в том числе с торгово-ремесленной деятельности, которые шли на содержание военного гарнизона, войск и оборонительное строительство. Таким образом, наблюдается четкая вертикаль власти, соответствующая композиции позднейших византийских стратигов, хартуляриев и коммеркиариев или протонотариев. В руках комита, по уровню соответствовавшего стратигу, сосредотачивался надзор за военной и гражданской властью, так как, кроме командования войсками, он еще и контролировал городские финансы. Вероятно, задолго до введения в империи фемной системы управление Херсона было сходно с ней по характеру организации и должностным функциям имперских чиновников.

Во время правления Юстина II, Маврикия и Тиверия в городе все так же сохранялось присутствие государственных чиновников⁶³. Только вместо комита в

⁵⁸ См.: *Заливалова Л.Н.* Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 156.

⁵⁹ *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 67.

⁶⁰ *Theodosiani libri XVI constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P.M. Meyer, Berolini, 1905. Vol. 1. P. 2. XVI. 9.40.24; Айбабин А.И.* Этническая история... С. 83.

⁶¹ *Corpus juris civilis. Berolini, 1904. Vol. 3: Novellae / Rec. R. Schoell. Opus Schoelli morte interseptum absolvit G. Kroll. Nov. 163. Cap. 2* (новелла была издана на пасху 575 г. по инициативе кесаря Тиверия, незадолго перед этим ставшего соправителем тяжело больного, терявшего рассудок Юстина II, и предусматривала податные льготы на ближайшие четыре года).

⁶² *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 118–121; ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 22; *Баранов И.А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 138.

⁶³ *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1906. Вып. 18. С. 122–123; *Он же.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. С. 107; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 67–68.

Херсон с аналогичными функциями назначаются стратилат и дука, которого следует рассматривать в качестве представителя верховной власти империи в Северном Причерноморье. На него были возложены функции гражданского управления, а кроме того он командовал и вооруженными силами Херсона⁶⁴. Тогда же в дальних окрестностях Херсона, на подступах к нему было развернуто обширное крепостное строительство и разместились так называемые энспонды – союзники, федераты империи из алаано-готов⁶⁵. Очевидно, для удобства сношения с ними в городе были особые имперские служащие – переводчики, скорее всего из числа местных жителей, хорошо знавших языки “варваров”. Два экземпляра моливдула такого переводчика, Стефана, датируются второй половиной VI–первой половиной VII в.⁶⁶, как раз укладываясь в период наиболее оживленного возведения оборонительных рубежей, так называемых “длинных” (больших) стен”, отдельных кастра, фрур на Эски-Кермене, Мангупе, Чуфут-Кале и в других местах “страны Дори” или “климатов Готии”.

На время напряженных отношений с тюрками в 70–80-е годы VI в. приходят моливдовулы императоров Тиберия и Маврикия, а еще одно послание Маврикия было отправлено в Херсон не ранее 590 г., когда ситуация в Крыму стабилизировалась и имперские чиновники взялись здесь за строительство укреплений, общественных зданий и, надо думать, самых крупных христианских храмов⁶⁷.

Несмотря на войну Византии с Персией, осложнившуюся гражданской войной, восстаниями и государственными переворотами в 602 и 610 гг., Херсон оставался в сфере пристального внимания имперской администрации, о чем свидетельствуют находки моливдовулов Фоки и печати Ираклия, тип которой относится к начальному этапу его правления (ок. 616–625 гг.)⁶⁸.

В империи все платили подати. Эдикт Юстина II от 569 г. подчеркивал, что от них не должны были быть свободны ни “божественный дом” (οὐ Θεῖος οἶκος), ни церковь, ни птохионы, ни монастыри, ни знатные лица, ни сами те чиновники, которые заведуют сбором государственных податей и налогов⁶⁹. Уже во второй половине VI–первой половине VII в. в Херсоне действовали такие специальные имперские налоговые чиновники, как аркарий, собиравший деньги в кассу ведомства префекта претория или ведомства комита “священных щедрот”⁷⁰. Даже если верно предположение Н.И. Храпунова, что в данном случае мы име-

⁶⁴ *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 123–124.

⁶⁵ *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма... С. 68; *Герцен А.Г., Мозаричев Ю.М.* Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму. Симферополь, 1992. С. 191; *Герцен А.Г.* Мангуп – крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы докл. международ. науч. конф. Симферополь, 1994. С. 10–11; *Герцен А.Г.* Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Международ. науч. конф. “Византия и Крым”. Тезисы докл. Симферополь, 1997. С. 33; *Айбабин А.И.* Этническая история... С. 111–120; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. ... дис. докт. ист. наук / МГУ. М., 1999. С. 34–35, 37.

⁶⁶ *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 26). Барнаул, 1996. С. 193–194. Рис. 4.

⁶⁷ См.: *Алексеевко Н.А.* Провинциальный Херсон... С. 145–146, 148–150. № 6–7; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья... С. 35–37.

⁶⁸ *Соколова И.В.* Византийские печати VI–первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 204. № 3; *Алексеевко Н.А.* Провинциальный Херсон... С. 145–146. № 8–9.

⁶⁹ *Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum...* Col. I. Nov. 5. P. 13.

⁷⁰ *Соколова И.В.* Византийские печати VI–первой половины XI в. из Херсонеса. С. 203, 206. № 13; *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса. С. 193.

ем свидетельство не о сборщике податей, а о казначее богадельни или приюта⁷¹, это не меняет дело, ибо и в этом случае перед нами имперский финансовый чиновник, имевший в городе какие-то казенные полномочия и так или иначе связанный с сакеллой.

Регулировать перераспределение товаров и собирать казенные сборы с города продолжали и позже, о чем свидетельствуют находки серии печатей коммеркиариев VII–VIII вв., печатей главного логофета (геникона), императорского спафария (Феофана?) второй половины VIII в. и следующих за ним вплоть до середины–второй половины X в. логофетов геникона в чине магистров, анфиатов патрикиев, императорских протоспафариев, что подрывает мнение исследователей об освобождении города от налоговых повинностей⁷². Недавно к этому ряду памятников, оставленных лицами государственной финансовой администрации, добавился моливдовул императорского протоспафария Стефана, который в X в. выполнял функции протонотария τὸν Μαυράντων καὶ Χερσῶνος, т.е. принадлежал к числу канцеляристов и финансовых служащих известного константинопольского секрета Манганы и одновременно контролировал какие-то императорские имущества в Херсоне. Н.А. Алексеев, опубликовавший печать, считает, что ее присутствие указывает на “определенные налоговые привилегии, наличие которых скорее всего... освобождало Херсон от каких-либо других чиновников фискальной службы империи”⁷³. Однако с не меньшим основанием можно допустить, что она свидетельствует об обратном, – о финансовом контроле над городом со стороны столицы и взимании определенных имперских сборов, пополнение которых непрерывно осуществлялось (кроме того) через коммеркиариев, хартулариев, логофетов, чья документация зафиксирована сфрагистическими источниками Херсона VII–X вв.

Очевидно, какие-то экономические, торговые вопросы имперского уровня интересовали в Херсоне архонта влаттия – начальника, отвечавшего за снабжение императорского двора тканями, одеждами, преимущественно шелковыми особых расцветок. Его печать с изображением василевсов Льва III и его сына Константина V датируется 739–751 гг.

Наконец, в городе существовали государственные благотворительные учреждения, птохионы и ксенодохионы, которыми управляли соответствующие государственные чиновники скорее всего из числа клириков⁷⁴. Один из таких приютов, посвященный св. Фоке, располагался, очевидно, в первом или втором квартале портового района Херсона, а другой мог входить в комплекс женско-

⁷¹ Храпунов Н.И. Администрация euageis oikoi в Херсоне // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 358–359.

⁷² Соколова И.В. Византийские печати VI–первой половины IX в. ... С. 203. № 41–43; Она же. Византийские печати из Херсонеса. С. 193–194. Рис. 3, 5; Alexeenko N.A. Unique Find of the Group of Byzantine Lead Seals from Cherson // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996. N 8414. Отсутствие печатей собственно византийских коммеркиариев Херсона вплоть до времени образования фемы может говорить лишь о том, что Херсон долгое время не был самостоятельной апофикой или царским коммеркионом (после 730 г.), а входил в иной административно-таможенный округ, может быть, побережья Понта или Пафлагонии. В условиях хазаро-византийского кондоминатного владения, которое обязывало к совместной эксплуатации крымской территории, здесь и не должна была появиться местная византийская таможня со своим коммеркиарием. Это стало возможно только после развала кондоминума и образования стратигиды Херсона и климатов.

⁷³ Алексеев Н.А. К вопросу о существовании службы нотарииев... С. 227.

⁷⁴ Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 229–230, 244–245; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 643–665; Храпунов Н.И. Администрация euageis oikoi в Херсоне. С. 357–361.

го монастыря – “дома св. Леонтия”, отождествляемого с Западной базиликой (№ 13).

Поэтому можно поставить следующий вопрос: на чем строится постулируемое некоторыми исследователями положение о том, что уже при Ираклии или во всяком случае “не позже начала VIII в. в Херсоне начали действовать структуры городского самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти”⁷⁵. С этим звучащим как аксиома тезисом никак не согласуется назначение в город имперских титулярных чиновников, примером чему может быть спафарий Илья, дорифор – “копьеносец” василевса, в 711 г. поставленный Юстинианом II архонтом Херсона, но волею обстоятельств ставший одним из организаторов мятежа против “непопулярного” императора⁷⁶. При этом И.А. Баранов указывал на якобы происходившее со второй половины VII в. снижение ранга местных служащих вплоть до звания ипата, объяснимое, по его мнению, происходившим падением стратегического значения Херсона (sic!)⁷⁷. Однако невозможно представить, что это был единственный в городе византийский чиновник на протяжении столь длительного времени. Сфрагистические находки постепенно ликвидируют пробел. В этом плане следует обратить внимание на печати Саввы – ипата и Феодора – ипата и спафарокандидата, архонтов Херсона, из сравнительно ранних (VIII в.), а также на моливдовулы Зоила – ипата и архонта Херсона рубежа VIII–IX вв. или первой четверти IX в.⁷⁸

О сравнительно низком ранге обладателей печатей ипатов следует говорить с осторожностью: сан ипата носили синклитики. Ипаты не были военным, но их положение соответствовало прежнему консульскому, упраздненному при Юстиниане I. Оно следовало сразу за титулом спафария, имевшего, однако, военный характер⁷⁹. Во всяком случае звания ипата было вполне достаточно, чтобы получать очень высокие должности. Например, ко второй половине VII – первой половине VIII в. относится печать ипата Стефана, который занимал пост экзарха – правителя Италии, т.е. представлял василевса на территории Равеннского экзархата⁸⁰. Ипатами чаще всего становились дуки и другие представители высшей военной аристократии⁸¹. Позже, около середины IX в. ипат Зоил был среди первых фемных стратигов Херсона⁸². Даже в XI в. стратиги со званиями ипатов были главами округов и городов-крепостей, например, на территории армянского Васпуракана⁸³. На важную должность комита Опсия, малоазийской области, чьи вооруженные силы играли роль личной императорской гвардии, в VIII–начале IX столетия тоже назначали лиц самого разного звания, среди которых были и патрикии, и спафарии. В трактате “О фемах” Константин Багрянородный отмечал, что прежде, до того как были учреждены должности стратигов фем, комитами называли стратигов⁸⁴. Следовательно, в понима-

⁷⁵ См.: Баранов И.А. Указ. соч. С. 138; ср.: Айбабин А.И. Этническая история... С. 195–196.

⁷⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 64, 164.

⁷⁷ Баранов И.А. Указ. соч. С. 138.

⁷⁸ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей... С. 156–157. № 1–3; Seibt W. Probleme... S. 305.

⁷⁹ Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. L., 1911. P. 25–27.

⁸⁰ Степанова Е.В. Печати экзархов Италии // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 59–60, 65. № 7. Табл. I, 4; II, 2.

⁸¹ Там же. С. 67–68.

⁸² Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 91–92.

⁸³ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). М., 1994. С. 38.

⁸⁴ Сочинения Константина Багрянородного “О фемах” и “О народах” / Пер. с греч. Г. Ласкина. М., 1899. С. 20–21.

нии ромеев это были одинаково высокие посты. Даже в конце IX в. Клиторологий Филофея называл комита Опсия четвертым после стратигов крупнейших и важнейших фем (Анатолика, Армениака и Фракия) – и задолго до стратига Херсона, оказавшегося в том списке на последнем месте⁸⁵. Так что отправление должности в ранге ипата либо более высокого сана стратора или спафария ни в коей мере не умаляет положения византийских чиновников в Херсоне, долгое время, до создания фемы в конце 30-х годов IX в. являвшегося одной из архонтий империи ромеев⁸⁶. Именно так его неоднократно называл Херсон Никифор в своем “Бревиарии”⁸⁷.

Несмотря на дискуссионность понятия “византийский провинциальный архонт”, непреложным является тот факт, что преимущественно должностные лица, представители центральной власти из числа состоятельных провинциальных землевладельцев и владельцев недвижимости входили в имперскую административную систему, осуществляли гражданское и, очевидно, военное руководство, во всяком случае занимались вопросами обороны, руководили ополчением стратиотов, решали разнообразные вопросы местного управления и финансов⁸⁸. Необходимо отметить также, что главы архонтатов почти всегда располагались в табели о рангах на одном иерархическом уровне и в VIII–IX вв. примыкали в основном по своему служебному положению к среднему классу чиновников в сане спафариев, хотя поначалу, до конца VIII в., среди них встречались и носители низшего, четвертого класса титулатуры (императорские кандидаты, страторы, ипаты)⁸⁹. Те же самые звания имели преимущественно архонты Херсона⁹⁰, которые, таким образом, были “не лучше и не хуже” глав других архонтий. Как и прочие имперские архонты в Византии, они исчезли из табеля чинов и должностей в последней трети IX столетия⁹¹, и крушение “полисного самоуправления” Херсона, равно как и “преобразования в городском хозяйстве”, здесь, конечно, ни при чем⁹². Таким образом, магия слова “архонт”, уводящая к древним временам херсонесской полисной общины, невольно снижает ясность исто-

⁸⁵ *Bury J.V.* Op. cit. P. 136–137.

⁸⁶ Ср.: *Treadgold W.* The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988. P. 17.

⁸⁷ *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 164–165, 181.

⁸⁸ *Кучма В.В.* Оборонительные сооружения Херсона Таврического в свете установок “Тактики Льва” // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 154; *Cheyne J.-Cl.* L’archonte provincial tardif: l’exemple de Cherson // Международн. науч. конф. “Византия и Крым”. P. 95; *Шене Ж.-К.* Поздний архонт... С. 312, 314–316; *Oikonomidès N.* L’archonte slave de l’Hellade au VIIIe siècle // ВВ. 1998. Т. 55(80). Ч. 2. P. 111–119; ср.: *Ферлуга Я.* Архонтат Далмации // ВВ. 1957. Т. 12. С. 47–48; *Соколова И.В.* Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. Београд. 1978. Т. 18; *Angold M.A.* Archons and Dynasts: Local Aristocracy and the Cities of the Later Byzantine Empire // The Byzantine Aristocracy. Oxford, 1984. P. 236–253.

⁸⁹ Ср.: *Панченко Б.А.* Каталог моливдовулов Русского Археологического института в Константинополе // ИРАИК. 1903. Т. 8. Вып. 3. С. 231–232. № 79/80.

⁹⁰ *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. Pt. 1–3. N 1973, 2345, 3106, 3113; *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 76, 169, 174. № 1, 5–13; *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 156–157. № 1–7.

⁹¹ *Bury J.V.* Op. cit. 13–15, 136f. Не случайно печати архонтов Херсона, на лицевой стороне которых была представлена крестообразная монограмма с обращением, исчезли после середины IX в. Это обстоятельство позволило Ж.-К. Шене констатировать, что “должность архонта не пережила учреждение должности стратига Климатов или стратига Херсона” (*Шене Ж.-К.* Поздний архонт... С. 313).

⁹² См.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 115; *Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 208; *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 112; *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 163.

рического взгляда многих исследователей и наталкивает на неправомерное сопоставление совершенно разнородных понятий, лишь волею случая обретавшихся в разные эпохи под одним и тем же греческим термином.

Обычно считается, что основной задачей Петроны Каматира, после того как он стал к 841–842 г. протоспафарием и стратигом Херсона, явилось “ограничение власти протевонов и подчинение муниципалитета центральной власти”⁹³. Однако такая вольная интерпретация источников (42 главы “Об управлении империей” и очерка о Феофиле Продолжателя Феофана) не соответствует их буквальному прочтению, которое указывает на то, что Петрона, хорошо знавший положение дел в Подонье и Таврике, более не регулируемых совместными действиями византийских и хазарских властей, советовал императору не полагаться на тамошних чиновников, протевона и “отцов города”, т.е. местных архонтов и уже известного нам по печатям конца VIII–первой половины IX в. кира, а “организовать избрание своего стратига (προβάλλου στρατηγὸν ἴδιον)”⁹⁴. Иными словами, упразднить прежний статус Херсона как архонтии и, создав стратигию, упрочить военно-административные позиции константинопольского правительства в пограничном анклав, оказавшемся в угрожающем положении вследствие возраставшей напряженности в отношениях с хазарами и появления в Северном Причерноморье венгров. Нет сомнения в верности херсонитов⁹⁵, а изменение политической ситуации в регионе, окончательное падение кондоминиума в Таврике подвигли центральную власть на решительное военно-административное преобразование. Поскольку глагол προβάλλω имеет значение “выставлять в качестве кандидатуры”, “предлагать к избранию”, можно думать, что Херсоном до этого управляли в основном выдвигаемые на месте чиновники из числа городской знати, протевонов – “нотаблей”, которых император лишь утверждал в должности, тогда как присылка верховного должностного лица, назначенного из столицы, на постоянное место службы, а не с временным конкретным поручением, было, видимо, делом достаточно необычным, редким. Согласно повелению Феофила, “протевон и все другие”, т.е. штат местных чиновников, действовавших “от лица” василевса, должны были с той поры безоговорочно подчиняться “избранному” стратигу, облеченному доверием самого императора⁹⁶.

Кстати говоря, если Петрона Каматир действительно был стратигом Херсона из числа “чужаков”, не следует ли ожидать находок сфрагистических сведений о более поздних отправителях такой должности и из числа местной знати? На это, например, указывают три недавно обнаруженные печати Михаила Херсонита, патрикия и стратига Херсона, скорее всего конца X в.⁹⁷ Ведь известные

⁹³ Ср. Баранов И.А. Указ. соч. С. 139.

⁹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 42. 41–47. С. 172; Theophanes Continuatus... Р. 123. Примечательно, что Иоанн Скилица в конце XI в. интерпретировал выражение “отцы города” по-своему, заменив его более понятными для его времени словами “тамошние динаты” (αὐτοῦθόνοιοι δυνατοί), и именно так переписал их у него Георгий Кедрин – Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab. I. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnæ, 1838. Vol. 1. P. 528.

⁹⁵ Ср.: Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 316.

⁹⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописания... С. 56 (III, 28); Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 42. 52, с. 172.

⁹⁷ Алексеенко Н.А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Международ. науч. конф. “Византия и Крым”. С. 11–12; Алексеенко Н.А. Херсонская родовая знать... С. 257–259. № 2–4. Не исключено, что архонт Херсона Зоил, носивший титул ипата, со временем стал одним из первых стратигов новой фемы Херсон, оставшись в прежнем сане

слова о правиле “отсюда (τῶν ἐντεῦθεν) для Херсона избирать стратигов”⁹⁸ могут, кажется, пониматься двояко. Во всяком случае эта тенденция прослеживается с последней четверти X в., когда среди стратигов начинают все чаще встречаться представители неизвестных на иерархической лестнице фамилий (Вога, Цула, Херсонит, Катасах, Кфарос)⁹⁹. Местные могли исполнять обязанности стратига Херсона, не получая официально этой должности, а имели лишь имперское звание, титул. К примеру, на лицевой стороне печати такого знатного лица второй половины IX–X в. – некоего Цула, род которого долго жил в крымских краях, вообще не было изображения, а на обороте значилось его имя с прибавкой “царский спафарий Херсона”¹⁰⁰.

В любом случае, произошедшее при Феофиле событие не носило экстраординарного характера, а сама учрежденная должность стратига, конечно, не была “чрезвычайной”¹⁰¹. Стратиги посылались и отзывались по мере необходимости, могли отправлять должность одновременно с архонтами, но “прямое императорское правление” не было новостью для Херсона, который, подобно другим провинциальным центрам Византии, давно управлялся представителями имперской администрации, независимо от того, были ли они приезжими чиновниками или принадлежали к архонтам и “первенствующим” из местной аристократии.

Когда новая фема все же была организационно оформлена к самому началу правления малолетнего Михаила III (842–867) и его матери, вдовствующей императрицы Феодоры, первое время ею могла быть только фема Климатов. Примечательно, что именно 842/843 годом датируется печать с именами Михаила и Феодоры, найденная в Херсоне¹⁰². К этому же времени относится Тактикон Успенского, где впервые фигурирует фема Климаты. Ее стратиг, как и полагалось, был назван в высоком чине патрикия (ὁ πατριχίος καὶ στρατηγὸς τῶν κλιμάτων) на 23 месте из 79 в списке высших титулярных чиновников, патрикиев и протоспафариев, и на последнем, 17 месте, в списке патрикиев и стратигов фем¹⁰³. Архонты собственно Херсона (οἱ ἀρχόντες Χερσῶνος), упоминаемые в табели среди прочих архонтов на уровне спафариев, очевидно, разделяли со

(см.: *Алексеевко Н.А.* Новые находки печатей... С. 156–157. № 2, 3; *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов... С. 91–92). Во всяком случае печати с одним и тем же редким для ромеев, но уже встречавшимся среди херсонской знати VIII в. именем (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 40, 41, 130–131, 156; *Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1885. Vol. 2. P. 241, 242*), разделяет небольшой промежуток времени (первая четверть и середина IX в.). Поэтому их обладателем вполне могло быть одно и то же лицо из числа именитых уроженцев города, который в начале своей чиновной карьеры на службе василевсу возглавил архонтию Херсон, а позже был “избран”, как и Петрона, фемным стратигом, т.е. повышен в должности.

⁹⁸ *Theophanes Continuatus...* P. 124; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Гл. 42. 53–54. С. 172.

⁹⁹ *Алексеевко Н.А.* Херсонская родовая знать... С. 261.

¹⁰⁰ Ж.-К. Шене такая формулировка, предложенная издателем печати Г. Шломберже, кажется подозрительной, и он склонен читать после слова “спафария” ΑΡΧ – “архонт” (вместо характерного в таких случаях ΑΡΗ), однако все это пока остается в области гипотез (*Шене Ж.-К.* Поздний архонт... С. 313).

¹⁰¹ См.: *Баранов И.А.* Указ. соч. С. 140.

¹⁰² *Алексеевко Н.А.* Провинциальный Херсон... С. 146, 148, 152. № 10.

¹⁰³ *Успенский Ф.И.* Византийская табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т. 3. С. 115; *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des Ier et Xe siècles. P., 1972. P. 48–49; *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 321; *Науменко В.Е.* К вопросу... С. 691 сл.

стратигом функции управления, но находились в подчиненном положении, судя по месту в общей служебной иерархии¹⁰⁴. К примеру, Крит также значился среди фем, занимаая предпоследнее место перед Климатами, однако ниже, на 58 месте, среди патрикиев и протоспафариев, в Тактиконе помещался также “архонт Крита” (ὁ ἄρχων Κρήτης)¹⁰⁵, а еще ниже, среди спафариев, архонты южночерноморской фемы Халдии и архонты Крита были названы уже во множественном числе, наравне с аподоместиками, экскувитами и друнгариями, т.е. провинциальными военными чиновниками, в том числе из административного штата статига¹⁰⁶. Аналогичная субординация соблюдалась и архонтами северобалканского Диррахия, стоявшего выше в ряду фем¹⁰⁷. Кстати говоря, если бы Херсон продолжал считаться в это время архонтией, на чем настаивает И.А. Баранов¹⁰⁸, ее глава непременно был бы назван в единственном числе, как это было сделано в отношении Далмации и Кипра (ὁ ἄρχων Δαλματίας, ὁ ἄρχων Κύπρου)¹⁰⁹, еще долго действительно остававшихся архонтатами. Их “первенствующим” в свою очередь подчинялись прочие архонты. В конце списка чинов в ранге спафариев на 54 месте из 59 в Тактиконе 842–843 гг. еще раз были указаны “архонты Далмации” (ἄρχοντες Δαλματίας), а также добавлено “и прочие архонты” (καὶ λοιποὶ ἄρχοντες)¹¹⁰.

Состав херсонских фемных властей остается еще одной лакуной, заполнить которую способны только новые сфрагистические и эпиграфические материалы. Обычно провинциальное управление в виде оффикия любого стратига включало хотя бы одного таксиарха – командира 1000 пехотинцев, турмарха или мерарха – глав военного подразделения (турмы или меры-“части”), “главу палатки” – фактически начальника штаба стратига; протонотария, возглавлявшего гражданскую администрацию; хартулария, выполнявшего не только военные, но и финансовые функции, и связанного с логофетом τῶν στρατιωτικῶν; доместика, друнгария и комита военных отрядов – банд, протокентарха или нескольких кентархов спафариев – командиров 40, 50, 100 воинов, комита τῆς ἐταρείας, протоканкеллария – канцеляриста и протомандатора – “адъютанта”, посыльного¹¹¹. Известно, что комиты соответствовали архонтам¹¹² и под таким названием тоже могли фигурировать при стратиге Климатов – Херсона. Однако уже Н.П. Лихачев обратил внимание на то, что сохранившиеся печати местных византийских чиновников IX–X вв. – в основном печати стратигов и коммеркиариев. По его мнению, они «...намекают на то, что в Херсоне фемное устройство не получило полного развития... Стратиги Херсонеса, по чину протоспафарии, не всегда титулуются императорскими, то есть иногда не состоят и в разряде οἱ βασιλικοὶ (“царевы мужи”)¹¹³.

Новые данные сигиллографии несколько разнообразят и пополняют эту

¹⁰⁴ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 124; *Oikonomidès N. Les Listes...* P. 56–57.

¹⁰⁵ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 119.

¹⁰⁶ Там же. С. 123.

¹⁰⁷ Там же. С. 115, 124.

¹⁰⁸ Баранов И.А. Указ. соч. С. 139–140.

¹⁰⁹ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 124.

¹¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹¹ *Vury J.V. Op. cit. P. 41–46, 139; Oikonomidès N. Les listes... P. 335–336, 341; Idem. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.). Athènes, 1996. P. 279.*

¹¹² *Vury J.V. Op. cit. P. 42.*

¹¹³ Степанова Е.В. Деятельность Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 142.

картину¹¹⁴, но в основе своей она верна: фема была невелика, и ее глава, очевидно, не нуждался в постоянном полном штате. Таким же небольшим по количеству мог быть состав ее военных сил. Описывая в трактате “О фемах” устройство Анатолийской фемы, Константин Багрянородный, ссылаясь на осведомленного чиновника VI в. Иоанна Лида, отмечал, что турмархи сами могли исполнять должностные стратигов и имели “...начальство над 500 воинами стрелками, 300 пельтастами и сотней копьеносцев”¹¹⁵. По численности это немногим отличается от того, чем располагали римские войска, размещенные в Херсонесе и окрестностях в первые века нашей эры¹¹⁶. Та сравнительно небольшая ежегодная сумма казенных денег (720 номисм), которую получал стратиг для Херсона из Константинополя¹¹⁷, даже в случае урезанного вдвое довольствия, позволяла содержать не больше сотни воинов. Другое дело, к регулярным военным силам в случае нужды могли присоединяться местные ополченцы-стратиоты, милиция, в которую издавна зачислялись сыновья горожан¹¹⁸. Ничто не указывает на то, что Херсон содержал свой, фемный военный флот¹¹⁹, но удобная гавань Карантинной бухты наверняка служила временной военно-морской базой для “царских кораблей”, на что указывают находки печати тополитрита императорского флота Адриана, имевшего, вероятно, чин не ниже спафария, и печать еще одного императорского протоспафария и друнгария флота¹²⁰.

Кстати, обилие печатей стратигов указывает на то, что они достаточно часто сменялись (в среднем каждые 4–6 лет) и подолгу не занимали свой пост в одном и том же месте, что, впрочем, совпадает с картиной в иных фемах империи, например, в Сицилии в VIII–IX вв. Видимо, объяснить этот феномен частой сменяемостью только тяжелой военной обстановкой, частой гибелью стратигов, их участием в неудавшихся военных мятежах едва ли оправданно¹²¹. На протяжении столетий обстановка была разной, но стратиги тем не менее не задерживались на своих местах дольше нескольких лет. Скорее в этом можно видеть стремление правившего центра “перетасовывать чиновную колоду”, дабы избежать эффекта привыкания, вращаясь в местную среду знати и, как следствие, роста провинциального сепаратизма.

Считается, что о низком положении фемы в IX в. свидетельствует относительно низкий ранг званий стратигов Херсона этого времени (протоспафарий Петра Каматир, ипат Зоил, императорский спафарий Фока, императорский спафарий Константин, императорский спафарокандидат Иоанн, императорский спафарокандидат и протоспафарий Никифор, императорский протоспафарий Фео-

¹¹⁴ Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. С. 203, 212. № 49–51 (печати комита τῆς κέρτης и турмарха); Она же. Византийские печати из Херсонеса. С. 193 сл.; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 91–97; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // Studies in Byzantine Sigillography // Ed. N. Oikonomides. Washington, 1995. Vol. 4. S. 140–146; Алексеевко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне. С. 221 сл.

¹¹⁵ Сочинения Константина Багрянородного “О фемах” и “О народах”. С. 23.

¹¹⁶ Ср. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 59–78, 139–140, 148.

¹¹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274. Гл. 53. 526–527.

¹¹⁸ Там же. С. 254. Гл. 53. 156–158.

¹¹⁹ Константин Багрянородный указывает лишь на грузовые, пассажирские суда (Χερσωνιτικὰ κάρβυια), которых, “сколько ни найдется”, вместе с их грузом следовало в случае необходимости арестовать в столице – Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274. Гл. 53. 514–515.

¹²⁰ Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde... S. 147–148.

¹²¹ Степанова Е.В. Печати Сицилии VIII–XI вв. из собрания Эрмитажа // АДСВ. 1998. С. 291.

фаний – титулы чиновников соответственно 11, 7, 8 и 9 рангов), тогда как с рубежа IX–X вв. преобладали моливдовулы стратигов преимущественно с саном спафарокандидатов или протоспафариев (9 и 11 ранги)¹²². Однако в IX столетии и другие, более крупные и важные фемы возглавляли стратиги с подобными “низкими” званиями. В этом плане показательны приводимые Н. и В. Зайбт сведения о спафарии Фоке, который в середине IX в., кроме должности стратига Херсона, занимал в том же звании важнейший пост друнгария фемы Эгейских островов, а затем и стратига одной из самых старейших и больших азиатских фем империи – Анатолика¹²³. Так что “сановный индикатор” оказывается не самым надежным для определения истинного места фемы и важности ее стратигов.

Тонкий знаток византийской титулатуры Ф.И. Успенский, сравнивая тексты тактиконов IX в., заметил, что порядок перечисления в них зависел не только от старшинства чинов, но и от должностей, занимаемых разными чиновниками различных ведомств, отчего служащие высших ведомств (таких как стратигии) иногда оказывались в этих номенклатурных списках впереди даже в тех случаях, когда они обладали сравнительно невысокими званиями¹²⁴.

Видимо, есть определенная условность тактиконов в самом показном именовании фемных стратигов только патрициями. В Клиторологии, составленном асикритом Филофеом в 899 г., стратиг Херсона по-прежнему титуловался анфипатом патриkiem, хотя до сих пор не известно ни одной печати стратига Херсона ранее последней трети X в. именно в таком высоком звании¹²⁵. Очевидно, поэтому И.А. Баранов полагал, что протоспафарий Петрона Каматир не мог быть по своему положению и дворцовому чину стратигом фемы¹²⁶. Но, согласно Тактикону 842–843 гг., подтвержденному данными сигиллографии, в стратигиды могли назначаться стратиги и в ранге протоспафириев, занимавших в этом случае 27 место среди 79 высших чинов¹²⁷. О том, что в Херсоне они были именно главами фемной администрации, а не временными чиновниками по особым поручениям, подчиненными правителям других провинций, свидетельствует отсутствие печатей стратигов, датируемых ранее второй трети IX в., среди прочих моливдовулов имперских должностных лиц – аркариев, переводчиков, клириков, архонтов, логофетов, коммеркиариев. Весьма странной выглядела бы на фоне устройства этой стратигии та “мощная полисная организация” с имперскими титулованными архонтами – “представителями самоуправления” (sic!), которая якобы наличествовала в городе в 30–60-х годах IX в.¹²⁸ Если это были представители местного городского самоуправления, тогда почему в Константинополе после создания фемы якобы решили упразднить должность кира Херсона¹²⁹, но не упразднили должность *λαττηρ τῆς πόλεως*, как следует из моливдовула первой половины X в., принадлежавшего Сергию?¹³⁰

¹²² Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 91–94; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde... S. 140–144; Алексеевко Н.А. Страти́ги Херсона... С. 702–733. № 1–34; ср.: Вигу J.B. Op. cit. P. 25–27.

¹²³ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 92, 95.

¹²⁴ Успенский Ф.И. Византийская табель... С. 131.

¹²⁵ Вигу J.B. Op. cit. P. 146–148; Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 114; ср.: Алексеевко Н.А. Страти́ги Херсона... С. 739. Прил. 1. № 60–61; Он же. Херсонская родовая знать... С. 257–261. № 2–4.

¹²⁶ Баранов И.А. Указ. соч. С. 141.

¹²⁷ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 118.

¹²⁸ Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 25, 26; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolov I. Die neuen Funde... S. 140.

¹²⁹ Ср.: Айбабин А.И. Этническая история... С. 216.

¹³⁰ Не схожесть ли функций одного и другого чиновника – объяснение такому кажущемуся феномену?

В связи с этим надо вновь вернуться к вопросу о государственном устройстве раннесредневекового Херсона. Выпуск бронзовых монет с греческими буквами П на аверсе и реверсе, П на аверсе и Х на реверсе, ПХ на реверсе и МВ на аверсе, буквой В на аверсе и П или ПХ на реверсе действительно расценивается большинством исследователей как показатель “крепкой традиции самоуправления”, “духа свободолюбия” той муниципальной организации Херсона, а именно “полисной администрации”, что была способна отстоять “полисные свободы” и даже “противопоставить себя присланному из Константинополя стратигу”¹³¹. Однако не может не настораживать тот факт, что в правление Михаила III и Василия I (867–886) монетный двор Херсона выпускал литые монеты и без этого “древнего символа полисного самоуправления”, на что указывают монеты с аббревиатурой КЛ или КАМ, с характерной буквой В, похожей на “замочную скважину”, и крестом на ступенях, и монеты с монограммой имен Василия I и Константина (KBW) и крестом¹³². Без “полисного девиза” отливались в Херсоне монеты Льва VI Мудрого (886–912) и его брата Александра (ΛΕ или ΛΑ на аверсе и крест на реверсе), хотя в короткое, продолжавшееся всего год и 22 дня самостоятельное правление беспутного Александра (912–913) на реверсе херсонских монет в очередной раз появились буквы ПХ, которые воспринимаются как указание на новое возрождение полисных свобод¹³³. Впрочем, это не помешало И.В. Соколовой, противореча себе, заключить: “Этот лозунг исчезает на херсонских монетах Василия I и Константина (869–879 гг.), что поразительным образом совпадает с датой исчезновения печатей архонтов”. О курьезе “поразительного совпадения” мы уже говорили (оно относится ко всей империи), а надпись $\rho\lambda\epsilon\omega\varsigma$ $\chi\epsilon\rho\sigma\upsilon\nu\omicron\varsigma$ встречается даже на печати стратига Херсона приблизительно последней трети X в.¹³⁴ Если бы буквы, служившие указанием на продукцию монетного двора Херсона, действительно являлись отражением статуса полисного самоуправления, каких-то “своеобразных компромиссов” официального Константинополя с сугубо местными независимыми муниципальными властями, тогда аналогичные аббревиатуры с еще большей вероятностью должны были бы присутствовать на тех литых подражаниях монетам Маврикия (582–602) с трехфигурной композицией, что, по убедительным доводам И.В. Соколовой, выпускались в Херсоне во второй половине VII – первой четверти VIII в.¹³⁵ Но их нет, за исключением надписи “Херсон” на одном из трех вариантов этого типа монет. Нет этой аббревиатуры и на херсонских нуммиях Юстина I (518–527), тогда как монограмма “Полеос Херсонос” появилась на таких же мелких эмиссиях времени Юстиниана I (527–565); легенда $\chi\epsilon\rho\sigma\omega\nu\omicron\varsigma$ присутствует на медных фоллисах Маврикия (592–602); буквой Х был отмечен реверс золотых монет времени Ираклия и Константа (610–641) (если только это был херсонский выпуск); не имеют указаний на монетный двор херсонские фоллисы Ираклия и его сына-соправителя Константина (610–641), литые полуфоллисы VII–VIII вв. с буквами В на аверсе и D на реверсе¹³⁶.

¹³¹ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса... С. 113–115, 125; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 34–36, 112. Табл. VI–VIII; Айбабин А.И. Этническая история... С. 124; ср.: Salamon M. Mennictwo bizantynskie. Kraków, 1987. S. 213–214. Rus. 161–164.

¹³² Соколова И.В. Монеты и печати... С. 79. Табл. VII; Salamon M. Op. cit. S. 213–214. Rys. 165.

¹³³ Соколова И.В. Монеты и печати... С. 38–39, 43, 116. Табл. VIII; Salamon M. Op. cit. S. 214.

¹³⁴ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 94; ср.: Соколова И.В. Монеты и печати... С. 117.

¹³⁵ Соколова И.В. Монеты и печати... С. 30–33.

¹³⁶ Salamon M. Op. cit. S. 118–120, 150, 164, 174–175. Rys. 64–67, 108, 109, 120. Видимо, не следует абсолютизировать некую особенность, почти уникальность монетного дела Херсона,

Похоже, что такого рода “девизы” то ставились, то не ставились даже в период правления одного и того же императора и на самом деле означали не всегда необходимое уточнение к чисто географической номенклатуре, к которой относился тот или иной провинциальный монетный двор. Обилие таких легенд, полных или чаще сокращенных, приходится на VI–VII вв.¹³⁷, изредка продолжая употребляться на византийских провинциальных монетах Сицилии и Италии в VIII в. (SIK, KT, R, RM, ROM)¹³⁸. На прочих монетах VIII–X вв. часто отсутствует даже аббревиатура константинопольского монетного двора, прежде обязательная. В этом, вероятно, сказывалась неуклонная тенденция укрепления центральной власти, когда разрешение любой эмиссии могло исходить только из столицы. Если же следовать времени появления букв П и Х на херсонских монетах, получится, что традиции самоуправления не угасали в городе под нажимом имперских чиновников, а напротив, крепили как раз тогда, когда усиливался контроль из Константинополя.

Наконец, буква П как начальный знак слова П(ΟΛΙΣ) в тех случаях, когда она ставилась на херсонских монетах IX в. обособлено, могла нести указание на столичный монетный двор, поскольку главный город империи часто называли в Византии просто “Полисом”¹³⁹. Именно так зачастую именовал его Феофан в самостоятельной части своей “Хронографии”, подразумевая Константинополь¹⁴⁰. Местные официалы, случалось, использовали на выпускавшихся ими номиналах знак столичного монетного двора, ибо они функционировали как его филиалы и под контролем центрального правительства. К тому же само понятие “полис” совсем не обязательно имело в VIII–IX столетиях значение некоего древнего элевтериального символа. Так, в актах Вселенских церковных синодов названия епископских центров с обязательной приписной “полеос”

которая якобы позволяет говорить о его “полунезависимости или лишь о полунезависимости от империи” (*Dagron G. Op. cit. P. 292*). Имеющиеся особенности проглядывают преимущественно в IV–VI вв., в период “перестройки” монетного дела. Ко времени конца правления Маврикия его уже стремятся нивелировать под общеимперские нормы, в частности уравнивать вес самой ходовой херсонесской монеты – фоллиса с константинопольским (*Grierson Ph. Catalog of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Washington, 1968. Vol. 2. P. 38, 381; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 24, 27*), а при Ираклии город участвует в общеимперской монетной реформе (*Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса... С. 104–109; Алексеева Н.А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. М., 1994. С. 25–26*). Действительно, кроме херсонского монетного двора в 60-х годах IX в. на территории, подвластной империи, действовали только некоторые официны Сицилии и Южной Италии (*Соколова И.В. Монеты и печати... С. 112–113*). Следовательно, наравне с ними, столица крымской фемы тоже ставилась в особое, но отнюдь не уникальное положение. Впрочем, за разрешением на выпуск монет может проглядывать и политическая акция константинопольского правительства, таким своеобразным способом благодарившего за что-то своих подданных – херсонитов и страстига их города. Не было ли это связано с недавним важным, редким событием – обретением мощей св. Климента в 861 г. и готовившимся перенесением их в Рим, дабы получить столь необходимую тогда василевсу и патриарху Фотию поддержку Римской церкви? (см.: *Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. 2000. Т. 59(84). С. 124–128*).

¹³⁷ *Salamon M. Op. cit. S. 80–172.*

¹³⁸ *Ibid. S. 169, 170, 189, 192.*

¹³⁹ *Ibid. S. 108, 110.*

¹⁴⁰ *Чичуров И.С. Место “Хронографии” Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983. С. 56 сл.*

N. Alekséenko (Cherson), de V. Sandrovskaja et E. Stepanova³⁰. Leurs travaux offrent des points de vue neufs sur l'organisation administrative et sur la société de deux provinces de l'Empire. En Turquie, pays qui couvre les provinces vitales de l'Empire byzantin, les découvertes locales sont encore assez rares, en dépit des efforts de quelques chercheurs. Il y a moyen de pallier partiellement cette lacune en prospectant les musées provinciaux. En effet, ces musées, qui ne disposent pas de gros moyens financiers, achètent le matériel que viennent leur proposer les paysans du ressort de la circonscription du musée. Pour cette raison, les sceaux conservés dans ces musées peuvent être considérés comme des trouvailles locales et, souvent, le lieu de provenance est noté dans l'inventaire. Jusqu'ici, j'ai pu décrire les collections des musées d'Hatay (Antioche), Tarse, Éphèse, Manisa, Iznik³¹. Il faut évidemment poursuivre l'enquête, notamment à Smyrne, à Trébizonde et dans les musées de Turquie orientale. À chaque fois, le principe de la faible circulation des sceaux s'est vérifié. Des recherches sont entreprises dans plusieurs pays qui occupent d'anciennes provinces de l'Empire, la Sicile et Chypre, où le bullaire, si l'on réunit les collections publiques et privées, dépasse dans les deux cas mille pièces³². Restent en réserve les sceaux de l'Afrique byzantine, qui se comptent également par centaines.

Enfin, pour montrer l'apport des sceaux à l'histoire politique et sociale, je rappellerai comment la sigillographie a modifié notre perception de la société des confins orientaux de l'Empire, lors de la première invasion turque. Lorsque J. Laurent³³ ou encore C. Cahen³⁴ décrivaient l'arrivée des Turcs, ils considéraient que l'Empire leur avait facilement cédé, en raison de l'hostilité des populations arméniennes envers les Grecs. En effet, les Grecs avaient assimilé par la force les royaumes arméniens et avaient dispersé leurs armées et leurs soldats dans les provinces du centre et de l'est de l'Anatolie. V.A. Arutjunova-Fidanjan avait déjà corrigé cette théorie par une étude serrée des textes, démontrant que les Arméniens ne consultaient pas un groupe homogène et que les Byzantins avaient employé à leur service de nombreux Arméniens chalcédoniens³⁵. La publication de nombreux sceaux d'Arméniens a continué à modifier la perception ancienne, sur deux plans. D'une part il est apparu que des Arméniens, fidèles à la religion de leurs pères, avaient aussi accepté de servir l'Empire. D'autre part, les plombs prouvent que la fonction légitimante de Byzance en Orient a perduré plus qu'on ne le pensait. W. Seibt a édité les sceaux des Arsacides³⁶ ceux de deux membres de la famille des Arcruni³⁷ et celui de l'ancien roi d'Ani, Kakikios, devenu duc byzantin du Lykandos³⁸.

³⁰ Pour connaître leurs nombreux travaux, il suffit de consulter les listes bibliographiques des *Studies in Byzantine Sigillography*.

³¹ J.-Cl. Cheynet, Sceaux byzantins des musées d'Antioche et de Tarse, *Travaux et Mémoires* 12, 1994, p. 391-478, XVI pl. (cité désormais Cheynet, Antioche); Idem, Sceaux de plomb du musée d'Hatay (Antioche), *REB* 54, 1996, p. 249-270; Idem, Les sceaux byzantins du musée de Selçuk (Éphèse), *Revue numismatique* 1999, p. 317-352; Idem, Les sceaux byzantins du musée de Manisa, *REB* 56, 1998, p. 261-267; Idem, Les sceaux du musée d'Iznik, *REB* 49, 1991, p. 219-235.

³² En Sicile, E. Kislinger et V. Prigent préparent la publication de plusieurs collections. En Chypre, D. Metcalf est chargé d'éditer les sceaux laïcs de l'île.

³³ J. Laurent, *Byzance et les Turcs seldjoukides des origines à 1081*, Paris-Nancy, 1914.

³⁴ Cl. Cahen, *La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XIe s.)*, *Byzantion* XVIII, p. 5-67.

³⁵ V.A. Arutjunova-Fidanjan, *Armenie-Chalkedoniti..* (en russe). Ériwan, 1980.

³⁶ W. Seibt, *Ἀρσακιδῆς/Arsakuni – armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten*, *JÖB* 44, 1994, p. 349-359.

³⁷ W. Seibt, *Armenische Persönlichkeiten auf byzantinischen Siegeln*, ed N. Awde. *Armenians Perspectives. 10th Anniversary Conference of the Association Internationale des Études Arméniennes*, Londres, 1997, p. 269-272, et notes p. 408-409.

³⁸ W. Seibt, *War Gagik II von Großarmenien ca. 1072-1073 megas doux Charsianou?*, *TO ELLHNIKON, Studies in honor of Speros Vryonis Jr.*, New York, 1993, p. 159-168.

Moi-même, j'ai publié les sceaux d'Apnelgarips de Tarse³⁹ et plusieurs sceaux d'Arméniens de l'ancienne collection Zacos⁴⁰. Les différentes factions qui se succédèrent au pouvoir à Constantinople ont su utiliser les divisions entre Arméniens, en fonction de leurs intérêts propres. On ne peut plus se contenter du schéma simpliste qui opposait les Arméniens chalcédoniens, considérés comme favorables aux Byzantins, aux Arméniens monophysites, prétendument hostiles aux Grecs et prêts à ouvrir aux Turcs les portes des villes. Sans doute certains Arméniens, comme les Roupénides, étaient-ils soucieux, lorsqu'ils prônèrent l'indépendance des Arméniens de Cilicie, de faire oublier que leurs ancêtres avaient servi l'Empire. Inversement, Philarète Brachamios, Basile Apokapès, Théodore, fils d'Hétoum, plus ou moins indépendants de fait dans leurs forteresses menacées par les Turcs, ont tenu à recevoir des empereurs, Nicéphore III Botaniatès, puis Alexis Comnène, des dignités très élevées, protosébaste et domestique d'Orient pour Brachamios⁴¹, sébaste pour Apokapès⁴², curopalate enfin pour Théodore. Ainsi, il leur semblait profitable de manifester, aux yeux de tous, le soutien officiel que leur offraient les maîtres de Constantinople. Tous ces éléments invitent donc à reconsidérer l'idée d'un rejet de l'Empire par les populations autochtones des provinces frontalières de l'Orient et, de ce fait, à offrir un tableau plus complexe des raisons qui conduisirent très progressivement les provinces d'Orient à s'éloigner de l'Empire.

La sigillographie complète la nomenclature des fonctions connues, car quelques-unes n'apparaissent que sur des plombs. J'ai publié jadis un sceau du Musée d'Antioche dont le propriétaire se déclarait dokimastès, fonction non attestée, mais dont le sens, celui d'*essayeur*, ne faisait pas difficulté et pouvait se justifier pour un fonctionnaire qui aurait eu la tâche de vérifier la pureté de l'or destiné à la frappe des monnaies dans l'atelier d'Antioche⁴³. Au musée historique de Moscou se trouve un plomb mentionnant la fonction jusqu'ici inconnue de «diadoque»⁴⁴.

Au droit, dans un cercle de grènetis, la Vierge, assise sur un trône aux piétements ornés de perles, et tenant l'Enfant sur ses genoux. De part et d'autre de l'effigie, les sigles: ..||6Υ5U. [M(ήτηρ)] Θ(εο)ῦ. Au pourtour, la légende circulaire est effacée, où se lisait le type de la Vierge, l'Hodègètria.

Au revers, légende sur six lignes, précédée d'une croicette:

ΘΚΕΡΟΗ	+Θ(εοτό)με βοή-
ΘΕΙΝΙΚΟΛΑΟ	θει Νικόλαο
ἌΣΠΑΘΑΡΙΟ	(πρωτο)σπαθαρίο
ΥΠΑΤΩ..ΗΑ	ὑπάτω [(καὶ) δηα-
ΔΩΧΟΤΩΜΕ	δωχὸ τῷ Με-
ΘΟΔΙΩ	θοδίῳ.

La lecture de la fonction est confirmée par une pièce parallèle inédite⁴⁵. Il faut remarquer d'abord, fait rare dans l'onomastique byzantine, que le nom de famille est en réalité un nom de baptême⁴⁶. Le fait même que cette fonction soit un hapax ne permet pas de définir aisément son champ de compétence. Le mot désigne, en grec, un successeur. On

³⁹ Cheynet, Antioche, n° 18.

⁴⁰ Vente n° 132 (mai 1999), chez Spink, à Londres, bulles n°s 112-134.

⁴¹ Ibidem, n°s 125-126.

⁴² Cheynet, Antioche, n° 53.

⁴³ J.-Cl. Cheynet, Sceaux de plomb du musée d'Hatay (Antioche), REB 54, 1996, p. 251.

⁴⁴ Série n° 1, n° 28. Dia.: 38, 26.

⁴⁵ DO 58.106.5724.

⁴⁶ Il se rencontre aussi sur une bulle métrique vendue aux enchères (Studies in Byzantine Sigillography 6, 1999, p. 127).

(τῆς Κολωνειατῶν πόλεως, τῆς Νικολοπολιτῶν φιλοχρίστου πόλεως и пр.), разумеется, вовсе не означало, что все эти многочисленные “города” и их администрация пользовались неограниченными муниципальными свободами¹⁴¹. Они давно были лишены муниципальной организации в ее античном, полисном понимании, были лишены самоуправления как такового, но они и не нуждались в нем, так как уже с VI–VII вв. (после упадка городских курий) ее функции заменила местная чиновная администрация, подконтрольная центральным органам власти. Таким образом, этот признак городской жизни – городское управление – был в Херсоне таким же, как и в Византии в целом, хотя и в своеобразной форме, какой долгое время не знали ни средневековый Запад, ни средневековый Восток.

Ну а случаи бунтарского своеволия, антиимперских выступлений в Херсоне? За сотни лет херсонесской истории их зафиксировано только два – трагичный 711 г., выступление против обезумевшего от жажды мести Юстиниана II, и убийство жителей Херсона своего стратига Симеона, сына Ионы, случившееся около 896 г. Последнее, исключительно редкое событие упоминается Продолжателем Феофана наряду с памятной битвой с болгарами у Булгарофига и взятием арабами города Корона в Кападокии¹⁴². Примечательно, что писавший не сообщил ни слова о наказании бунтовщиков. Может быть, мотив происшедшего в Херсоне был в какой-то степени “справедлив”? Во всяком случае момент убийства оказался достаточно случаен. Он не явился следствием поражения от болгар, как иногда считают исследователи, потому что оба события произошли почти одновременно, как и взятие Корона мусульманами, когда все “фемы и тагмы переправились с Востока”. Не исключено, что стратиг Симеон был убит по поводу, аналогичному с убийством стратига Сицилии. Им был царский протоспафарий, патрикий Иоанн Музалон, который около 920 г. увеличил в Калаврии, на крайнем юге Италии, подати и другие поборы, пытаясь добыть деньги для выплаты дани арабам¹⁴³, т.е. в основе конфликта лежали финансовые злоупотребления, всегда рождавшие острое недовольство горожан.

Выводы о сепаратистских тенденциях в Херсоне, “извечном стремлении херсонских городских властей к самоопределению и независимости” основываются главным образом на предписаниях, которые Константин Багрянородный в последней главе трактата “Об управлении империей” советовал применять в отношении херсонитов в случае их неповиновения центральной власти¹⁴⁴. Однако подобного рода ситуации не выходят за рамки того, что могло случиться в любом имперском городе, где для подавления возмущения тоже учитывалась бы специфика местных условий, вплоть до возможности организации экономической блокады. Например, свидетельства “Чудес св. Димитрия” показывают, что накануне последней осады Фессалоники славянами в 676–678 гг. среди высшего социального слоя горожан, ее “первенствующих”, имелась влиятельная местная группировка ромеев, находившаяся в тесном контакте со славянскими вождями и, более того, готовая к сотрудничеству с ними для достижения собственных целей, не совпадавших с интересами правящей в Константинополе знати. Эта городская верхушка стремилась сама обеспечить свою безопасность, не

¹⁴¹ Ср.: *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. S. 70.

¹⁴² *Theophanes Continuatus...* P. 360. 14–18; *Продолжатель Феофана.* Жизнеописание... С. 150 (IV. 10).

¹⁴³ *Guillard R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. 2. P. 191.

¹⁴⁴ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Гл. 53. 512–529. С. 274; *Ротачук А.И.* Cherson in Mittelalter // BS. 1992. Т. 53. F. 2. S. 204.

верила в помощь из центра и была оппозиционно к нему настроена¹⁴⁵. В целом ситуация очень напоминала ту, которая сложилась вокруг Херсона в 711 г., только вместо славян здесь присутствовали хазары.

В этом плане Опсикий был не менее “мятежен” с конца VII до конца VIII в., и города Вифинии, Никия, Никомидия, Пренет далеко не всегда были на стороне императорской власти¹⁴⁶.

Чем же “самоуправляемый” Херсон отличался, к примеру, от Селевкии – крупного византийского портового города, важного военно-административного и церковного центра, тоже лежавшего на крайних пределах империи, только не северных, а еще более дальних, южных, в малоазийской Киликии? В VII – начале VIII в., еще до того, как Селевкия – метрополия Исаурии была включена в 732 г. в состав ведущей морской фемы Кивирреоты, она имела и сохраняла значение центра производства оружия и свой монетный двор, хотя ее управление находилось в руках имперских чиновников, о чем свидетельствуют находки моливдовулов¹⁴⁷. Оппозиционные настроения периодически возникали и в южно-понтийской Амастриде, с которой Херсон имел давние прочные связи. Этот город фигурирует в рассказе Продолжателя Феофана о патрикии Феофобе, знатном персе, командире так называемого “персидского отряда”, талантливым военном сподвижнике василевса Феофила, женатом на его сестре, который попал в немилость к императору. Клеветнически обвиненный в страшном преступлении – оскорблении величества, он “...пустился в бегство и вместе с детьми, женщинами и некоторыми избранными мужами” нашел убежище в Амастриде, принявшей “открытого врага царя”. В результате город, ставший центром незадолго до этого созданной фемы Пафлагония¹⁴⁸, оказался втянут в войну с императором и был осажден флотом, которым командовал друнгарий виглы Оорифа. Только после этого Феофоб в 841/842 г. решил сдаться императору и, “держа в своем сердце страх Божий, сказал, что негоже христианину радоваться пролитию крови благоверных людей”, имея в виду, очевидно, амастрийцев и ромейских воинов¹⁴⁹. Случай почти классический! Однако никому из историков не приходит в голову на этом основании возвести Амастриду в разряд “оплота вольнолюбия”.

Обвинения в “сепаратизме” тем более преувеличены на фоне постоянного использования Херсона в качестве надежной “тюрьмы” для политических преступников, которых не стали бы ссылать в неблагонадежный город. Между тем, начиная с IV столетия перед нами проходит целая череда таких особо опасных для государства ссыльных, попадавших в Херсон или его округу, соседние кастра¹⁵⁰.

¹⁴⁵ Иванова О.В. Славяне и Фессалоника во второй пол. VII в. по данным “Чудес св. Дмитрия” // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 91.

¹⁴⁶ Lounghis T.C. A Deo consevrandum imperiale obsequium. Some Notes Concerning Byzantine Field Troops during the Dark Ages // BS. 1991. Т. 52. P. 54–60.

¹⁴⁷ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. Pt. 2–3. № 727, 1074–1076, 1157, 1335–1337, 1419, 1433, 1684, 1773; Zacos G. Byzantine Lead Seals / Compiled and ed. by J.W. Nesbitt. Berne, 1984. Vol. 2. № 144, 336, 338, 344; Foss C. The Persian in Asia Minor and the End of Antiquity // The English Historical Review. 1975. Vol. 90. P. 729–730; Edwards R.W. The Fortifications of Armenian Cilicia. Washington, 1987.

¹⁴⁸ Не исключено, что создание здесь фемы тоже было связано со стремлением укрепить позиции центральной власти.

¹⁴⁹ Theophanes Continuatus... P. 135–136. *Продолжатель Феофана. Жизнеописания...* С. 61 (III. 38).

¹⁵⁰ Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса. С. 14; *Romancuk A.I. Cherson im Mittelalter.* S. 210.

Пытавшиеся найти здесь убежище враги константинопольского правительства очень скоро стали понимать, что попали не туда, куда рассчитывали, что сочувствующих у них не будет и даже отсидеться в городе не удастся. Так, поднявший в 365 г. антихристианское по своей сути восстание Прокопий, родственник покойного императора Юлиана, после поражения бежал вместе с семьей, разумеется, не случайно именно в Херсонес, рассчитывая, видимо, получить поддержку в этом остающемся еще в целом языческим городе¹⁵¹, но почти сразу понял, что обманул в своих ожиданиях и поспешно, боясь быть выданным разыскивающим его посланцам императоров Валентиниана и Валента, покинул Херсонес на попутном корабле, прихватив домочадцев¹⁵². Более того, он направился напрямик в Константинополь. Очевидно, даже столица империи казалась ему сулящей больше надежд, чем злополучный приют в Херсоне.

Уже на следующий год в Херсонес угодил в ссылку Фронимий, проходивший по делу о заговоре Прокопия¹⁵³. Имперские власти могли быть спокойны – город достойно выдержал проверку на благонадежность.

Примечательно, что александрийскому патриарху Тимофею Элуру, известному поборнику монофиситства, удалось вызвать возмущение в Александрии, а затем, уже после отправки в ссылку, устраивать в Ганграх “запрещенные сходки и беспорядки”, отчего Лев I перевел его в 460 г. в Херсон, среди жителей которого строптивый патриарх, очевидно, уже не чувствовал себя столь же уверенно: он рассылал отсюда письма своим сторонникам в Томи, города Сирии, Египта, пользуясь заходившими в город кораблями, даже находил понимание среди херсонцев своим религиозным взглядам, но такой “антиправительственной” поддержки, как от гангрцев, похоже, не имел¹⁵⁴.

В *Collectanea Anastasia* Библиотекаря содержится текст схолии к житию мучеников, где говорится, что при василевсе Ираклии в Херсон были сосланы осуждавшие официальный правительственный религиозный курс монахи-братья Феодор и Евпрепий, которых то и дело разлучали (*separatis*) и до их смерти, последовавшей соответственно около 655 и 667 г., отправили “в крепости племен” (*in castris gentium*), находившиеся по соседству с городом и, следовательно, остававшиеся под властью империи¹⁵⁵.

Говоря о херсонитах, как о не имеющих “... совершенно никакой человечности, коего природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает в... сострадании”¹⁵⁶, противник церковной политики василевса Константа II

¹⁵¹ Вероятно, на тот момент в городе не было имперских войск; см.: *Цукерман К.* Епископы и гарнизоны Херсона в IV веке // МАИЭТ. (1994). Вып. 4. С. 558.

¹⁵² *Zosime. Histoire nouvelle / Texte etabli et traduit par F. Paschoud.* P., 1979. Т. 2. Р. 2. Р. 266 (IV. 5. 2); *Курбатов Г.Л.* К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // *Византийские очерки.* М., 1961. С. 72.

¹⁵³ *Аммиан Марцеллин.* История / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского. Киев, 1908. Вып. 3. XXVI. 10. 8.

¹⁵⁴ *The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / By F. Hamilton, E. Brooks. L., 1899. P. 79–100; V. 11; Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 25, 48.

¹⁵⁵ *Anastasioi bibliothecarii Collectanea // PG. T. 129. Col. 684; Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 78. В свете того, что ныне известно о кадре Юго-Западной Таврики, воздвигнутых во второй половине VI–VII в. стараниями византийской администрации и местных эспондов – союзников империи, нет никаких оснований видеть эти крепости находящимися исключительно “во власти готов или непосредственно хазар”; ср.: *Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8. Jh. // *Византия и Крым...* S. 100; *Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 303.

¹⁵⁶ *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // *Причерноморье в средние века.* М., 1991. С. 179–180.

(641–668), ярый ортодокс, ссыльный папа Мартин тем самым обнаруживал косвенное доказательство преданности херсонитов императору Византии, той самой преданности, которую в течение сотен лет высоко ценили все византийские правители. Опасный смутьян Мартин был личным врагом сурового василевса, к тому же врагом на религиозной почве. Очевидно, его появление в городе было воспринято жителями, послушными императорской воле, крайне недружелюбно. Вероятно, в Херсоне были не только сильны позиции монофиситов, подпитываемые торговыми и культурными связями с Сирией¹⁵⁷, но и безропотно принято официально введенное в середине VII в. монофелитство. На это предположение наводит характеристика, данная горожанам и прочим окрестным жителям Мартином, для которого последователи любого неортодоксального религиозного учения были безбожниками, “эллинами”. “Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь”, – писал из Херсона ссыльный в одном из писем своим сподвижникам¹⁵⁸.

Позже херсониты, “заподозрив опасность для себя”, открыли императору Тиверию Апсимуру (698–705) крамольные замыслы еще одного ссыльного, свергнутого Юстиниана Ринотмета, что тоже говорит в пользу их лояльности к официальному константинопольскому правительству¹⁵⁹. Примечательно, что, когда Юстиниан вернул власть, он в свою очередь, не колеблясь, выбрал Херсон местом ссылки для своего потенциального врага Вардана, которому предсказывали царский венец¹⁶⁰. В том, что ожидания императора в отношении благонадежности города не оправдались, оказался повинным он сам, его злопамятность, жажда мести, толкавшие на безумные поступки, а не неверность херсонитов.

Под 776 г. в “Хронографии” Феофана упоминается, что император Лев Хазарин сослал “в Херсон и климаты” своего брата кесаря Никифора и других его сообщников – заговорщиков, замышлявших дворцовый переворот и убийство василевса¹⁶¹. Для того, чтобы решиться на это, надо было быть вполне уверенным, что опасный злоумышленник не найдет сочувствия и поддержки у властей области и будет лишен каких-либо возможностей для реванша.

Неукротимые монахи столичного Студийского монастыря, не пожелавшие признать решений “антистудийского” собора 809 г. и склониться перед уговорами Никифора I Геника, были сосланы в разные места Романии, среди которых упоминались Херсон, Сицилия, Фессалоника и др.¹⁶² Следовательно, император

¹⁵⁷ См.: *Залеская В.Н.* Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отдела Эрмитажа) // ВВ. 1988. Т. 48. С. 207; *Сидоренко В.А.* Таврика предхазарского времени (по материалам раннесредневековых могильников и нумизматики) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. Тезисы докл. СПб., 1998. С. 113; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. С. 194–195; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000. С. 88, 95.

¹⁵⁸ *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I... С. 179–180.

¹⁵⁹ *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 39, 62, 155, 163.

¹⁶⁰ Там же. С. 41, 64, 157, 165.

¹⁶¹ Там же. С. 46, 68.

¹⁶² *Theodori Studitae Epistulae* // PG. 1864. Т. 99. I. 97–98; Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита в рус. переводе... с научно-историческим очерком его деятельности и двумя древними житиями. СПб., 1908. Ч. 2. I. 87–88; II. 294; *Доброклонский А.П.* Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский / Записки имп. Новороссийского ун-та. Т. 113. Одесса, 1914. С. 649.

остался убежденным в благонадежности этих городов и мест и в том, что их население разделяет официальную имперскую политику, направленную на укрепление позиций центральной власти в ущерб самостоятельным интересам церкви. Спустя примерно двенадцать лет Феодор Студит, обращаясь в одном из своих писем к находившимся в Херсоне ссыльным монахам—"студитам", призывал их крепиться и быть наставниками местных жителей, участвовавших в совершеннии здесь "страшных дерзостей" против Христа¹⁶³. Очевидно, имелся в виду официальный иконоборческий курс, вновь восстановленный в 815 г. и поддерживаемый из Константинополя. В то же время становится понятным, что верноподданный Херсон был надежно связан с империей, без чего невозможна была бы переписка игумена Студия со ссыльными, которые должны были содержать себя за свой счет, посылка им денег и продуктов¹⁶⁴. Ортодоксы-студиты были здесь не единственными опальными иконопочитателями. При Льве V Армянине (813–820) в этих краях отбыл ссылку молодой Иоанн Психаит, искусный проповедник, в будущем знаменитый подвижник православия, а при Михаиле III – Иосиф Гимнограф¹⁶⁵.

Херсон был прекрасно укреплен, обладал сплошной крепостной стеной (на отдельных участках двойной)¹⁶⁶. Двое больших ворот с принадлежавшими к ним башнями, прикрытые протехисмой, служили въездом в город. Число башен простиралось до 42, а самые стены достигали трех-четырёхметровой толщины и во многих местах имели высоту около 10 м. Полицейский аппарат Херсона, по всей вероятности, был достаточно силен и действенен, чтобы не допустить возникновения и распространения смуты со стороны потенциальных ее источников – политических ссыльных. "Противное царским повелениям", разумеется, могла замыслить и периодически замышляла знать любого византийского города, но до XI столетия это была борьба не за отделение от империи, а за более удобное, выгодное положение в ней. С этой точки зрения раннесредневековый Херсон являлся на удивление лояльным, послушным имперским городом, а сами херсониты – вполне образцовыми верноподданными ромеями.

¹⁶³ Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита... С. 454–455 (письмо ХСII от 821 г.).

¹⁶⁴ Там же. С. 455.

¹⁶⁵ *Van der Ven P.* La vie grecque de S. Jean le Psichaitte, confesseur sous le règne de Léon l'Arménien (813–820) // *Le Muséon. Nouvelle série.* 1902. Т. 3. P. 97–125; *Vita Sti Iosephi Hymnographi auctore Ioanne diacono Constantinopolitani* // *PG.* 1864. Т. 105. Col. 939–974; *Лопарев Хр.М.* Византийские жития святых VIII–IX вв. // *ВВ.* 1913. Т. 18. Вып. 1–4. С. 4, 12; *Он же.* Греческие жития святых VIII и IX веков. Пг., 1914. С. 227, 235.

¹⁶⁶ *Кучма В.В.* Оборонительные сооружения Херсонеса... С. 152.

J.-Cl. Cheynet

L'APPORT DE LA SIGILLOGRAPHIE AUX ÉTUDES BYZANTINES

Je remercie le Professeur Litavrin de m'avoir invité à parler de mes travaux dans le domaine de la sigillographie à l'Académie de Moscou, puis à donner une contribution dans cette revue. Je souhaite rappeler tout ce que l'étude des sceaux peut apporter à l'historien de Byzance, en prenant appui sur les recherches que j'ai menées et mène encore. Pour ne pas rester trop abstrait, je choisirai quelques exemples à partir des sceaux qu'il m'a été donné de voir au Musée Historique de Moscou¹. En effet plus de deux cents sceaux byzantins y sont conservés. Après un rapide survol, il apparaît que la plupart sont issus de l'ancienne collection Lichacev. Le savant russe avait rassemblé un ensemble considérable de plombs qui sont aujourd'hui au Musée de l'Ermitage, mais il semble qu'une partie de ces bulles ait été envoyée à Moscou, peut-être à l'occasion de la parution de son livre sur l'iconographie de la Vierge², car les sceaux du Musée Historique correspondent à ceux décrits dans les planches du livre.

L'intérêt des savants pour les sceaux de plomb byzantins est ancien, puisqu'il remonte au milieu du XIXe siècle, lorsque A. Mordtmann sut apprécier l'importance de ces objets que le sol de l'ancienne capitale byzantine commençait de rejeter en abondance et que les collectionneurs se mirent à rassembler³. À cette date, le corpus des bulles byzantines était estimé à deux mille plombs. Dans un premier temps, les éditeurs s'efforcèrent de publier le matériel sans l'exploiter systématiquement: G. Schlumberger, B.A. Pancenko, K.M. Konstantopoulos, V. Laurent enfin qui, outre l'édition de plusieurs collections, s'aventura à établir un *Corpus*, dont deux parties seulement, celles concernant l'Église et celle touchant à l'administration centrale, ont pu être achevées⁴. L'entreprise se révélait prématurée, puisque de grandes collections restaient inédites. Si V. Laurent avait pu avoir accès à l'immense collection conservée au centre de Dumbarton Oaks, celle, tout à fait remarquable, constituée par G. Zacos, lui était presque totalement inconnue, avant sa publication partielle en 1972 puis en 1985, alors que la seconde collection du monde, celle conservée au musée de l'Ermitage à Saint-Pétersbourg, n'était pas non plus prise en compte, au grand regret de l'éditeur. Parmi tous les grands précurseurs de la sigillographie moderne, un nom fait exception, celui de N.P. Lichacev.

¹ Je remercie les conservateurs du musée de m'avoir ouvert si libéralement la collection.

² Lichacev N.P., *Istoriceskoe znacenie italo-greceskoj ikonopisi. Izobrazenija Bogomateri v proizvedenijah italo-greceskih ikonopiscev i ih vlijanie na kompozicii nekotoryh proslavlennyh russkih ikon*, Saint-Petersbourg, 1911 (cité ensuite Lichacev, *Istoriceskoe znacenie*).

³ Sur l'œuvre de Mordtmann, cf. en dernier lieu, Cl. Sode, A.D. Mordtmann mladšij (1837–1912) i nacalo vizantijskoj sigilografii, *VV* 60 (85), 2001, p. 178–182.

⁴ G. Schlumberger, *Sigillographie de l'Empire byzantin*, Paris, 1884 (= Schlumberger, *Sigillographie*); B.A. Pancenko, *Katalog molivdovulov*, Sofia, 1908 (reprint de *IRAIK* 1903, 1904, 1908); K.M. Konstantopoulos, *Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθῆναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου*, Athènes, 1917 (= Konstantopoulos, *Μολυβδόβουλλα*); V. Laurent, *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin*, t. V, *L'Église* 1–3, Paris, 1963–1972; Idem, *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin*, t. II, *L'Administration centrale*, Paris, 1981.

Grand collectionneur lui-même, le savant utilisa les sceaux, non seulement pour en dresser le catalogue, mais pour fonder, sur ce matériau, sa vaste étude iconographique consacrée aux diverses effigies de la Vierge.

Aujourd'hui, les historiens utilisent l'apport des sceaux, mais moins que l'on pourrait s'y attendre, alors que les instruments de travail se sont multipliés. De nombreux catalogues ont fait connaître de nouvelles collections, dont le plus notable est celui de Dumbarton Oaks. De plus, la série des *Studies in Byzantine Sigillography*⁵, permet de prendre connaissance de tous les sceaux, notamment les plombs publiés dans des revues parfois difficiles à consulter, et aussi les bulles vendues aux enchères. Le tome V des *SBS* fut même conçu pour rassembler l'ensemble des articles dispersés, publiés entre 1930 et 1986, et il comporte tous les index nécessaires.

La sigillographie contribue à faire progresser plusieurs domaines, ceux de l'iconographie, de la géographie administrative, de l'histoire politique, de l'histoire économique et enfin de la prosopographie.

L'iconographie des sceaux a été plutôt négligée, alors qu'elle apporte des éléments neufs pour l'histoire de l'art. Le caractère répétitif des effigies des saints ou des représentations de la Vierge a découragé la recherche, quoique G.P. Galavaris, H. Hunger, W. Seibt et J. Cotsonis aient offert quelques travaux sur ce point⁶. Ce domaine de recherche est cependant prometteur, et pas seulement pour les historiens de l'art. Sans doute est-il difficile d'expliquer le choix iconographique des commanditaires laïcs⁷ de *boullôtéria*. Pourtant, c'est parfois possible, comme V. Laurent l'a montré à propos du choix de saint Augustin, pour un duc de Numidie⁸. Certains personnages, peu nombreux, ont, au cours de leur carrière, changé de saint tutélaire. Ces cas exceptionnels révèlent certains éléments du choix iconographique. On peut montrer pourquoi des militaires de haut rang ont, au XIe siècle, préféré abandonner saint Dèmètrios pour se recommander à saint Théodore, ou bien, à l'inverse, pourquoi d'autres officiers ont renoncé à la protection de Georges ou de Théodore pour se confier à saint Dèmètrios⁹. De la même manière, durant le second tiers du XIe siècle, plusieurs hauts dignitaires ont changé d'allégeance, passant par exemple de saint Georges à saint Michel, pour des raisons qui apparaissent politiques¹⁰. Ces remarques ne sont pas anecdotiques, car elles permettent de mieux comprendre les rapports entre des officiers et leurs hommes, et l'importance des cultes régionaux. Ainsi, les deux saints Théodore étaient particulièrement honorés non

⁵ N. Oikonomides, récemment disparu, était le fondateur des *SBS*.

⁶ G.P. Galavaris, *The Mother of God of the Kanikleion, Greek, Roman and Byzantine Studies* 2, 1959, p. 177-182; Idem, *The Mother of God, "stabbed with a Knife"*, *DOP* 13, 1959, p. 229-233; Idem, *The Representation of the Virgin and Child on a "Thokos" on Seals of the Constantinopolitan Patriarchs, Δελτίον τῆς Χριστιανικῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἐταιρείας*, 2, 1960/61, 1962, p. 153-181; W. Seibt, *Der Bildtypus der Theotokos Nikopoios zur Ikonographie der Gottesmutter-Ikone, die 1030/31 in der Blachernenkirche wiederaufgefunden wurde*, *Βυζαντινά*, 1985, p. 549-564; Idem, *Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert*, *SBS* 1, 1987, p. 35-56; J. Cotsonis, *The Virgin with the "Tongues of Fire" on Byzantine Seals*, *DOP* 48, 1994, p. 221-227.

⁷ Les ecclésiastiques suivent des règles qui semblent plus contraignantes, les évêques adoptant généralement le saint auquel est dédiée leur église-cathédrale, les higoumènes se confiant au saint protecteur de leur couvent, mais on rencontre aussi des exceptions, qui parfois peuvent être expliquées.

⁸ V. Laurent, *Une effigie inédite de Saint Augustin sur le sceau du duc byzantin de Numidie Pierre*, *Cahiers de Byrsa* 2, 1952, p. 87-93.

⁹ J.-Cl. Cheynet, *Le culte de saint Théodore chez les officiers de l'armée d'Orient* (Mélanges N. Oikonomidès, à paraître à Athènes).

¹⁰ J.-Cl. Cheynet, *Par saint Georges, par saint Michel* (Mélanges G. Dagon, *Travaux et mémoires* 14, P., 2002, P. 115-134.

seulement dans le thème des Arméniens où se situent leurs principaux sanctuaires, à Euchaita et Euchania, mais aussi dans les thèmes frontaliers du sud-est de l'Empire. Le choix de saint Georges traduit l'attachement à la famille devenue impériale des Monomaques, alors que l'élection de saint Michel souligne l'appartenance à une faction établie dans la capitale de l'Empire, mais qui a aussi ses racines dans l'ouest de l'Anatolie, là où sont localisés plusieurs des sanctuaires les plus populaires dédiés à l'archange. On peut montrer aussi que le culte de saint Jean Prodrome jouit d'une plus grande faveur dans les provinces de la Syrie du Nord et de la Cilicie. Il serait donc intéressant de confronter nos connaissances à propos des sanctuaires où tel saint était particulièrement vénéré, avec l'apport du matériel sigillographique, car on pourrait ainsi cerner la géographie des lieux où un saint bénéficiait d'une grande ferveur.

N. Oikonomidès a été l'un des premiers savants à montrer l'apport possible des sceaux à l'histoire économique, en suivant l'évolution de la fonction de commerçant durant les VIe–IXe siècles¹¹. Les commerçants ont frappé des bulles qui portent les portraits impériaux et mentionnent aussi l'indiction, ce qui permet de dater ces plombs avec précision et parfois à l'année près¹². Les structures ont varié: les commerçants, très hauts personnages à l'origine, avaient d'abord obtenu le monopole du commerce de la soie en Orient, puis ils s'organisèrent en compagnie qui affermèrent cette activité lucrative, avant que les Isauriens ne les transforment en fonctionnaires. Les raisons de l'augmentation du nombre des provinces, notamment celles qui, après la crise du VIIe siècle, ont été ravagées par les raids arabes, sont controversées. L'hypothèse de N. Oikonomidès, d'un développement de la production et du commerce de la soie dans un temps si difficile, a laissé sceptiques les autres chercheurs, qui préfèrent voir dans ces commerçants des agents qui, sans perdre leurs anciennes activités, ont été chargés de rassembler dans leurs apothèques le ravitaillement et l'équipement indispensables aux armées¹³. Quelle que soit la solution à cette question, elle ne pourra venir que des sceaux, en espérant que les trouvailles de plombs de commerçants se multiplient. Sur un point secondaire, abordé dans le même article par N. Oikonomidès, les sceaux liés à la vente des «esclaves» slaves sous Justinien II, ont prouvé que le témoignage de Théophane¹⁴, concernant le meurtre systématique des Slaves survivants ordonné par Justinien II, furieux de leur trahison face aux Arabes, était à reconsidérer¹⁵.

Pour ma part, je me suis efforcé de regrouper les données concernant les *hōrreiaroi*, fonctionnaires chargés du ravitaillement public et donc du stockage (et sans doute de l'acheminement) du blé que l'État versait sous forme d'annonces à ses serviteurs, à

¹¹ N. Oikonomides, *Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of kommerkiarioi*, DOP 40, 1986, p. 33–53. Auparavant, H. Antoniadès-Bibicou (*Recherches sur les douanes à Byzance. L'«octava», le «kommerkion» et les commerçants*, Paris 1963) avait déjà utilisé les sceaux de commerçants connus à son époque.

¹² Il faut rappeler le remarquable travail de classement accompli sur ce type de sceaux par G. Zacos et A. Vegler, *Byzantine Lead Seals I*, Bâle, 1972, p. 131–363.

¹³ Par exemple, J. Haldon, *Byzantium in the Seventh Century*, p. 232–244.

¹⁴ Théophane, p. 366.

¹⁵ Depuis l'article de N. Oikonomidès (*supra* n. 11), plusieurs sceaux nouveaux ont été signalés, notamment dans M.-L. Zarnitz, *Drei Siegel aus dem Bereich der Kommerkia*, *Studies in Byzantine Sigillography* 4, 1995, p. 181–185), cette dernière reprenant le texte d'un plomb publié par S. Bendall. W. Seibt a ajouté un commentaire dans *Neue Aspekte der Slawenpolitik Justinians II: Zur Person des Nebulos und der Problematik der Andrapoda Siegel*, *VV 55 (80/2)*, 1998, p. 126–132. Enfin, dans l'étude la plus récemment parue, celle de W. Seibt – D. Theodoridis, *(Das Rätsel der Andrapoda-Siegel im ausgehenden 7. Jh. – Waren mehr Slawen oder mehr Armenier Opfer dieser Staatsaktion?)*, *ByzantinoSlavica* 60, 1999, fasc. 2, p. 404–406), qui s'appuie aussi sur des sceaux, est avancée l'hypothèse que ces ventes n'auraient pas concerné seulement des Slaves, mais peut-être aussi des Arméniens.

l'armée et à des institutions charitables, pour ne parler que des principaux destinataires¹⁶. En dépit d'un nombre encore insuffisant de ces sceaux où est indiquée la localisation des greniers, une carte se dessine, qui montre clairement, pour les Xe–XIe siècles, les principales régions pourvoyeuses du blé public: le thème des Thracésiens, la Bithynie, la Paphlagonie côtière et, dans une moindre mesure, les îles et la Thrace. Or, depuis la parution de mon étude, je peux ajouter un grenier complémentaire, grâce à un sceau inédit du Musée d'Istanbul¹⁷, dont la lecture est assurée par des pièces parallèles conservées au musée de l'Ermitage¹⁸: celui de Dominique, hôrreiaros de Kinolis, port paphlagonien situé entre Iônopolis et Sinope, fait qui confirme l'importance de cette province pour l'approvisionnement de Constantinople¹⁹. C'est sans doute pour cette raison qu'au XIe siècle, plusieurs fonctionnaires de l'orphanotropheion furent liés à la Paphlagonie ou aux Arméniques: Jean l'orphanotrophe était originaire de Paphlagonie, et deux juges au moins du thème des Arméniques, Jean et Pothos Monomachos, cumulèrent cette charge avec celle d'orphanotrophe²⁰, enfin Nicétas, évêque d'Iônopolis, fut également chartulaire du grand orphanotropheion.

J'ai également tenté d'estimer l'importance des épiskepseis impériales d'après les sceaux d'épiskeptitai, de pronoétai, d'épi tôn ktématôn et de curateurs²¹. On doit admettre en effet que, en règle générale, les sceaux conservés se rapportent à des fonctionnaires et non à des gestionnaires privés. Ces données nouvelles autorisent à préciser la répartition géographique des biens gérés et confirment ce que suggérait la lecture des sources narratives, à savoir l'importance des domaines publics dans les provinces reconquises aux Xe et XIe siècles. Mais ces données semblent aussi montrer que quelques-unes des plus importantes *épiskepseis* sont en relation directe avec des aplékta, les camps de mobilisation de l'armée byzantine. Ces réflexions conduisent à penser que des épiskepseis ont sans doute contribué à financer la mobilisation des troupes, dont elles fournissaient le ravitaillement et l'équipement.

D'autres aspects de la géographie administrative peuvent aussi être précisés par les légendes des bulles, comme W. Seibt l'a rappelé dans un article d'ordre théorique²² et dans ses travaux sur les confins arméniens²³ ou sur les archonties slaves²⁴, qui en fournissent la preuve.

Certaines pages d'histoire politique ont été réécrites à la lumière des nombreux sceaux à légendes prosopographiques et administratives. Je ne prendrai que trois exem-

¹⁶ J.-Cl. Cheynet, Un aspect du ravitaillement de Constantinople aux Xe/XIe siècles d'après quelques sceaux d'hôrreiaroi, dans *Studies in Byzantine Sigillography* 6, 1999, p. 1–26.

¹⁷ Istanbul, n° 657–459, à paraître avec l'ensemble de la collection du Musée (en coll. avec T. Gökyildirim et V. Bulgurlu).

¹⁸ M 2189; M 3238; M 6414; M 9513, inédits, mais mentionnés dans K. BELKE, Paphlagonien und Honôrias, TIB 9, Vienne, 1996, p. 232.

¹⁹ Sous le règne de Nicéphore Phôkas, un vent sec avait détruit les récoltes en Honotiade et en Paphlagonie, provoquant une disette à Constantinople (Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum, éd. I. Thurn, CFHB V, Series Berolinensis, Berlin–New York, 1973, p. 277; cité après Skylitzès).

²⁰ On trouvera toutes les références dans la communication présentée au XXe Congrès des études byzantines (Paris 2001) par J. Nesbitt, *The Orphanotrophos: some observations on the history of the office in light of seals* (à paraître dans les *SBS* 8).

²¹ Épiskeptitai et autres gestionnaires des biens publics (d'après les sceaux de l'IFEB) (à paraître dans les *SBS* 7).

²² W. Seibt, *Byzantinische Siegel als Quelle für die historische Geographie: Chancen und Probleme, Byzanz als Raum, zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraumes*, éd. K. Belke, F. Hild, J. Koder, P. Soustal, t. 7, Vienne, 2000, p. 175–180.

²³ À titre d'exemple, W. Seibt, *Miszellen zur historischen Geographie von Armenien und Georgien in byzantinischer Zeit*, *Handes Amsorya* 90, 1976, p. 633–642.

²⁴ W. Seibt, *Siegel als Quelle für Slawenarchonten in Griechenland*, *SBS* 6, 1999, p. 22–36.

ples, l'utilité des sceaux de commerciaux pour préciser l'avance des Arabes, le rôle des "trésors" sigillographiques pour la connaissance des sociétés locales et enfin comment une meilleure connaissance du personnel administratif de la frontière orientale au XIe siècle a modifié notre perception des rapports entre Arméniens et Grecs à cette époque cruciale.

Nous avons dit que les sceaux de commerciaux, aux VIIe-VIIIe siècles, portaient le nombre indictionnel. Les fonctionnaires qui les ont frappés ont réellement exercé la charge correspondante. Aussi, lorsqu'une province est attestée sur un plomb, on tient la preuve qu'elle est encore soumise à l'autorité byzantine. Le dernier sceau de commercial connu de Cilicie est daté du règne d'Anastase II, en 713, le dernier mentionné à Lazique, sous Léon III en 717, celui d'Arménie enfin vivait sous Anastase II²⁵. Même en tenant compte du hasard de la conservation, il est clair que ces disparitions simultanées soulignent la poussée des Arabes, avant et pendant le second siège de Constantinople, et marquent le recul de la frontière byzantine en Orient.

Des archives sigillographiques n'ont été que très rarement découvertes, mais les quelques-unes mises à jour confirment l'intérêt de ces ensembles. En effet, contrairement à ce qu'un bon sens trompeur suggère, les documents que scellent les plombs ne voyagent pas sur une grande distance. Au moins les trois quarts d'entre eux appartiennent à des fonctionnaires ou des notables vivant dans le ressort d'un thème, et une partie non négligeable provient même du lieu de trouvaille. Certes, les ordres rédigés par les empereurs ou par les agents de l'administration centrale sont envoyés dans tout l'Empire et on connaît quelques exceptions spectaculaires de bulles ayant voyagé à grande distance, parfois hors des frontières de l'Empire. Dans quelques cas, l'explication d'une telle odyssee peut être avancée. On a retrouvé le sceau de Théodore, chartulaire du vestiariion à Haïthabu, au Danemark²⁶ et celui de Katakaloŋ Kékauménos, duc d'Antioche au milieu du XIe siècle, à Lwov, en Pologne. La présence des sceaux de Théodore serait à mettre en liaison avec la mission dont l'avait chargé l'empereur Théophile, celle de rassembler des troupes pour lutter contre les Abbassides après la terrible défaite subie à Amorion en 838. Le sceau de Kékauménos aurait accompagné une lettre destinée à un chef pechégnègue avec lequel il s'était lié d'amitié quand ce chef était dans l'Empire, avant de regagner avec les siens les plaines d'Europe orientale²⁷. Dans ce domaine, la trouvaille la plus étonnante provient de la City de Londres, où plusieurs plombs byzantins ont été sauvés lors de travaux. Ils témoignent des rapports entre Constantinople et Londres au XIe siècle, sans doute en vue du recrutement de mercenaires anglais pour le service de l'Empire²⁸.

Durant les dernières décennies, des progrès spectaculaires ont été accomplis en Bulgarie, sous l'impulsion d'I. Jordanov²⁹, et en Crimée sous celle, notamment, de

²⁵ Toutes les références se trouvent dans Zacos-Veglery (cité n. 12), p. 180, 181, 163.

²⁶ Depuis la publication d'un exemplaire par V. Laurent, un second a été découvert dans le même camp Viking (M. McCormick, *Voyageurs, monnaies et esclaves*, Dossiers d'archéologie 256, Dijon, 2000, p. 46).

²⁷ Toutes les références sont dans J.-Cl. Cheynet et C. Morrisson, *Lieux de trouvaille et circulation des sceaux*, *Studies in Byzantine Sigillography* 2, Washington, 1990, p. 105-136. Le tableau final des sceaux de provenance certaine ou probable devrait être aujourd'hui complété, en raison du grand nombre de plombs découverts *in situ*, en Bulgarie, en Crimée, en Israël et en Sicile, pour ne parler que des principaux sites.

²⁸ J.-Cl. Cheynet, *Sceaux byzantins trouvés à Londres, à paraître*. Je remercie G. Egan, du Musée de Londres et S. Bendall de m'avoir communiqué des photos de ces plombs. V. Laurent avait déjà publié le sceau de Jean (Raphaël), découvert à Winchester (Byzance et l'Angleterre au lendemain de la conquête normande, *Numismatic Circular* 71, 1963, p. 93-96).

²⁹ I. Jordanov, *Pecatite of strategijata v Preslav, Sofia*, 1993.

peut risquer deux hypothèses. Nicolas aura remplacé dans une charge un précédent fonctionnaire, c'est-à-dire qu'il en était le lieutenant, et dans ce cas diadochos équivaldrait à ek prosôpou. On peut se demander si cette charge, exceptionnelle, ne serait pas liée à un événement lui aussi exceptionnel. Dans l'Alexiade, on apprend que l'empereur Alexis Ier avait laissé à sa mère, Anne Dalassène, de très larges pouvoirs dont celui de procéder ἐπι προβολῶν καὶ διαδοχῶν τῶν σεκρέτων καὶ τῶν θεμάτων, mais le sceau paraît antérieur à la fin du XIe siècle⁴⁷. Enfin, il faut peut-être partir du sens premier de diadôsis⁴⁸, celui de distribution. Le diadochos (laïc ou ecclésiastique?) serait chargé de distribuer des annones (?).

Par les sceaux, il est possible de compléter les listes de fonctionnaires que les sources narratives ou documentaires laissent très clairsemées. Je prépare un travail sur les officiers de l'armée byzantine sous les Macédoniens et les Comnènes. Grâce aux nombreux plombs qu'ils ont laissés, il sera possible de mieux comprendre certains modes de fonctionnement de l'armée byzantine, notamment le système de nomination et les différentes politiques menées sur ce point par les empereurs, en fonction de la perception que ceux-ci avaient de la solidité de leur pouvoir. Le livre précurseur de H.-J. Kühn⁴⁹, qui a utilisé les sceaux édités, mais évidemment pas ceux encore inédits de Dumbarton Oaks ou de la collection Zacos, pourra ainsi être renouvelé.

Le même travail peut être envisagé pour les juges, notamment ceux des thèmes, dont nous avons de longues listes, qui augmentent continuellement. Précisément, un sceau de la seconde moitié du XIe siècle, déjà publié par N.P. Lichačev⁵⁰ et conservé à Moscou, peut être corrigé.

Au droit, la Vierge à mi-corps, tenant l'Enfant sur le bras droit. De part et d'autre de l'effigie, les sigles: 6~h5R-6Y5U. [M(ήτ)ηρ Θ(εο)ῦ.

Au revers, légende sur cinq lignes

ΘΚΕΡΘ	Θ(εοτό)κε β(σῆ)θ(ει)
ΤΩΣΩΔΟΝΑ	τῶ σῶ δούλ(ω)
ΘΕΟΔΩΡΩ	Θεοδώρω
ΠΙΚΙΚΚΡΙΤ	π(ατρ)ικί(ω) κ(αι) κριτ(ῆ)
ΤΟΥΚΥΓΡ	τοῦ Κύπρ(ου).

Il n'est plus possible aujourd'hui de donner une étude exhaustive sur une famille aristocratique sans utiliser la documentation sigillographique. Cela vaut particulièrement pour les Xe-XIIIe siècles, l'époque des Paléologues correspondant à une quasi-disparition des sceaux de plomb. Les études sur les familles impériales, les Doukas⁵¹, les Comnènes⁵², les Cantacuzènes⁵³, publiées il y a plusieurs décennies, seraient à reprendre en partie pour cette raison, même si, depuis, G. Zacos a donné de très importants commentaires pour les sceaux qui ont appartenu à des membres de familles impériales,

⁴⁷ Anne Comnène, *Alexiade*, éd. B. Leib, Paris, 1967², I, p. 122.

⁴⁸ Une tessère du Ve siècle portant le terme διαδώσεως a été proposée en vente aux enchères en 1990 (*Studies in Byzantine Sigillography* 3, 1990, p. 194).

⁴⁹ H.-J. Kühn, *Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata*, Vienne, 1991.

⁵⁰ Lichačev, *Istoriceskoe znacenie*, pl. VI, n° 25. Aujourd'hui à Moscou, 3eme série, n° 4. Dia.: 23, 14.

⁵¹ D.I. Polemis, *The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography*, University of London, *Historical Studies* 22, Londres, 1968.

⁵² K. Barzos, 'H γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Βυζαντινά κείμενα καὶ μελέται, 20, Thessalonique, 1984.

⁵³ D.M. Nicol, *The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca. 1100-1460. A Genealogical and Prosopographical Study (Dumbarton Oaks Studies 11)*, Washington D.C., 1968.

lorsqu'il les a édités⁵⁴. W. Seibt a montré la voie avec son étude modèle sur les Sklèroi⁵⁵, où l'on remarque l'apport des sceaux permet d'augmenter sensiblement le nombre des Sklèroi connus et de préciser des étapes importantes dans les carrières d'autres Sklèroi, déjà connus par d'autres sources. En d'autres termes, les sceaux apportent plus de la moitié du matériel contenu dans une telle étude. J'ai suivi la même méthode pour étudier trois familles liées au duché d'Antioche, les Bourtzai, les Brachamioi et les Dalassènoi. La découverte de nouveaux plombs rend parfois rapidement caduques certains éléments de ces prosopographies. Ces dernières décennies, de nombreux sceaux au nom de Philarète Brachamios ont été proposés lors de ventes aux enchères; ces bulles, sans doute exhumées du sol de la Turquie du sud-est, ont modifié nos connaissances sur les dernières années du gouvernement de Philarète. Lorsque A. Kazhdan a publié son fameux ouvrage sur les classes dirigeantes⁵⁶, il avait déjà pris en compte les sceaux disponibles en ce temps-là, ce qui avait permis d'établir certaines statistiques concernant l'évolution des familles aristocratiques des Xe-XIIe siècles, leur accession et leur maintien au sommet de l'État, le passage de certaines d'entre elles d'une tradition militaire à des fonctions civiles. Peu avant sa mort, A. Kazhdan a donné une nouvelle version de son livre, plus développée, un quart de siècle plus tard après la première édition, et il a jugé utile d'ajouter en annexe tous les sceaux conservés à Dumbarton Oaks comportant un nom de famille⁵⁷. Sa méthode n'a pas été remise en cause, et, si les résultats restaient globalement valides, les statistiques se trouvaient sensiblement modifiées.

Les plombs nouvellement publiés permettent parfois de trancher des questions de prosopographie. Certains savants s'étaient interrogés pour savoir si les Maliasènoi devaient être distingués des Mélissènoi. Les premiers nommés étaient de grands propriétaires en Thessalie dans la seconde moitié du XIIIe siècle, date à laquelle les Mélissènoi connaissaient une éclipse prononcée. Les Maliasènoi étaient connus principalement grâce aux archives du monastère de la Makrinitissa en Thessalie, qu'ils avaient fondé ou au moins restauré⁵⁸. Or, un sceau, très rogné, conservé au Musée historique de Moscou, fournit la réponse au débat⁵⁹.

Au droit, la Vierge, à mi-corps, tenant l'Enfant sur le bras gauche.

Au revers, légende sur cinq lignes, dont la première a été détruite:

.....	[.....]
.СПΛΘΑΡ	[πρωτο]σπαθαρο(ιφ)
..ΑΓΜΑΤΦΥ	[(και) τ]αγματ(ο)φύ-
ΛΑΚΑΤΟΜΑ	λακα το Μα-
ΛΙΑCEN	λιασεν(ω̅).

Ce sceau, daté du XIe siècle, établit clairement que les Maliasènoi sont distincts des Mélissènoi qui sont, à cette date, une des premières familles de l'Empire et portent constamment sur leurs plombs leur nom correctement énoncé. Il apparaît également que les Maliasènoi remontent beaucoup plus haut qu'on ne le pensait sur la foi des archives conservées et que la famille a probablement gagné sa célébrité, comme il est habituel, par

⁵⁴ G. Zacos – A. Vegliery, *Byzantine Lead Seals I*, Bâle, 1972, nos 2672–2758.

⁵⁵ W. Seibt, *Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie*, (Byzantina Vindobonensia 9), Vienne, 1976.

⁵⁶ A.P. Kazdan, *Social'nyj sostav gospodstvujuscego klassa Vizantii XI–XII vv.*, Moscou, 1974.

⁵⁷ A.P. Kazhdan – Silvia Ronchey, *L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo*, Palerme, 1997.

⁵⁸ *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*, ed. E. Trapp – H.-V. Beyer, Vienne, 1976–1996, nos 16251–16253.

⁵⁹ 2e série, n° 73. *Dia.*: 18.

l'exercice des charges militaires, le tagmatophylax commandant un régiment des troupes professionnelles.

Parfois un nouvel élément a des conséquences plus spectaculaires, comme en témoigne l'un des sceaux du Musée Historique. Il ne s'agit pas d'un inédit, mais d'une bulle déjà publiée par G. Schlumberger⁶⁰ et N.P. Lichačev⁶¹. La dernière ligne n'avait pu être déchiffrée par ces savants, alors que les traces de lettres permettent de restituer le nom de famille:

Au droit, buste de la Vierge, orante, sans le médaillon de l'Enfant. De part et d'autre de l'effigie, les sigles: 6MR-6Y5U. [M(ήτη)ρ Θ(εο)ῦ].

Au revers, légende sur sept lignes, incomplètement lisibles car le plomb est rogné:

...ΕΡ.	[+Θ(εοτό)κ]ε β(οή)ϑ(ει)
.ΙΧΑΗΛ	[M]ιχαήλ
.ΕCΤΑΡΧ	[β]εστάρχ(η)
.ΔΥΚΙΡΑ	[(καί)] δουκι Βα-
.CΠΡΑΚΑ	[α]σπρακα(νίας)
ΤΩΑΠΚ	τῷ Ἀπ(ο)κ(ά)-
-ΠΙ-	πι.

Le sceau peut être daté du second tiers du XIe siècle. Rarement, un plomb aura apporté autant d'informations neuves. Il ajoute un nouveau nom à la liste des ducs du Vaspourakan, le duché-catépanat établi sur les anciennes possessions des Artzrounis, princes arméniens. Il permet de reclasser les sceaux des Apokapai. Enfin, il nous suggère la façon dont s'organisaient, au milieu du XIe siècle, les nominations aux postes les plus élevés de la hiérarchie militaire.

C'est une surprise de trouver Michel Apokapès comme duc du Vaspourakan, car c'est un autre membre de la famille, Basile, qui, en 1054, avait vaillamment défendu la forteresse de Mantzikert, sans doute la capitale du thème, face au sultan seldjoukide, Togrul Beg⁶². Son sceau, où il est titré vestarque et catépan, est connu en plusieurs exemplaires⁶³. L'effigie de la Vierge, au droit, permet d'attribuer à ce Michel deux sceaux d'un Apokapès, dont le prénom avait été emporté dans la cassure du plomb et qui exerçait la fonction de duc d'Édesse⁶⁴. En effet, Basile, dont on sait qu'il avait exercé cette charge, a toujours fait figurer au droit de ses plombs l'effigie du saint homonyme. Il faut donc attribuer à Michel les sceaux du duc d'Édesse anonyme car, sur ce groupe de bulles, les types iconographiques de la Vierge sont très proches: ainsi sur aucun, elle ne porte l'Enfant ou le médaillon de l'Enfant. Sur son sceau de catépan du Vaspourakan, Michel porte le titre de vestarque. Il aura alors exercé cette charge après celle de catépan d'Édesse. Matthieu d'Édesse affirme qu'un Apokapès a succédé à Georges Maniakès, qui avait conquis la ville pour les Byzantins⁶⁵, alors que Skylitzès donne Léon Lépendrènos

⁶⁰ G. Schlumberger, *Sigillographie*, p. 431.

⁶¹ Lichačev, *Istoriceskoe značenie*, planche VII, n° 2. Au musée Historique de Moscou, il porte le n° 1ère série, n° 49.

⁶² Voir le récit des exploits de Basile dans Skylitzès, p. 462.

⁶³ L'un est à l'Ermitage: V. Sandroskaja, *K istorii femy Vaspurakan*, *VV* 55, 1994, n° 2, l'autre provient de Pliska: I. Jordanov, *Vizantijski olovni pacati ot Pliska*, *Pliska-Prslav* 5, 1992, n° 6.

⁶⁴ Ces sceaux, actuellement conservés à la Bibliothèque nationale de France (fonds Zacos), ont été publiés par M. Grünbart, *Die Familie Apokapes im Lichte neuer Quellen*, *Studies in Byzantine Sigillography* 5, 1998, p. 34.

⁶⁵ *Armenian and the Crusades, tenth to twelfth centuries: the Chronicle of Matthew of Edessa*, trans. from the original Armenian, with a comment and an introduction by A.E. Dostourian, Lanham, 1993, p. 55.

comme successeur à Maniakès. Il est difficile d'établir le choix entre les deux versions⁶⁶. Comme les Apokapai semblaient bien vus de Monomaque, il est peu probable qu'ils aient eu les faveurs de Michel IV. Aussi je serais enclin à préférer la version de Matthieu d'Édesse. Michel Apokapès aura commandé le Vaspourakan, soit à la fin du règne de Romain III, soit au début du règne de Constantin IX. Je crois qu'on peut trouver confirmation de cette chronologie dans le testament d'Eustathe Boïlas, Cappadocien qui fut un des *oikeioi* du duc Michel Apokapès et servit l'Empire à sa suite. Dans son testament, Eustathe déclare qu'il a servi pendant quinze ans Michel Apokapès en occupant des fonctions officielles, et durant huit ans sans occuper de nouvelles charges d'État⁶⁷. P. Lemerle avait compris que les huit années d'oïveté étaient consécutives à l'époque où Boïlas servait activement l'empereur par l'intermédiaire de son supérieur. Mais on peut aussi comprendre que Boïlas a été constamment au service de ses patrons, les Apokapai, Michel, puis Basile. Simplement il y eut huit ans pendant lesquels, Boïlas, sans cesser de se dévouer aux Apokapai, était inactif parce que ses derniers n'étaient plus en faveur. En conclusion, Boïlas, au service de ses maîtres pendant vingt-trois ans, aura connu une traversée du désert de huit ans. Cela correspondrait exactement aux années du règne de Michel IV (1034–1041), en admettant que Apokapès ait pu rentrer en grâce à Constantinople avant 1042, puisque Michel IV mourut l'année précédente. Sous Constantin IX, la carrière de Basile Apokapès témoigne de la faveur retrouvée auprès du nouvel empereur, qui reprit en partie le personnel qui entourait Romain III⁶⁸.

Nous pouvons également établir un stemma vraisemblable des Apokapai⁶⁹. Il semble que le garde de la tente de David, le curopalate géorgien, soit connu à Byzance, dans les Balkans, sous le nom de Basile Apokapès et qu'il ait engendré au moins deux fils, l'un nommé Grégoras, et un autre, dont le prénom a été perdu dans la source byzantine, l'annotateur de Skylitzès⁷⁰, mais qui est, sans guère de doute, notre Michel. Ce Michel, né quelques années après l'an 1000, mourut avant 1059, peut-être en 1051⁷¹. Selon le testament de Boïlas, Michel eut au moins deux fils, Basile, né sans doute vers 1025 et prénommé comme son grand-père paternel, ce qui est conforme à la règle du temps, et Pharesmanès. Basile, mort en 1083, est connu par de nombreux sceaux, tous à l'effigie de Basile, sauf un peut-être, à l'effigie de saint Michel⁷².

Enfin, le fait que Michel avait gouverné le Vaspourakan avant que son fils, Basile, n'ait, à son tour, dirigé cette province suggère qu'ils avaient là un réseau d'influence, comme à Édesse, qu'ils gouvernèrent également tour à tour. Aussi, lorsque Boïlas eut émigré dans un pays où les Arméniens étaient nombreux, l'hypothèse selon laquelle il se serait établi dans la région d'Édesse est concurrencée par une autre, car Boïlas aurait pu

⁶⁶ M. Grünbart, suivant W. Felix (*Byzanz und die islamische Welt in früheren 11. Jahrhundert, Byzantina Vindobonensia XIV, Vienne, 1981, p. 145, n. 40*), préfère la version de Matthieu d'Édesse.

⁶⁷ P. Lemerle, *Le testament d'Eustathe Boïlas (avril 1059)*, dans *Idem, Cinq études sur le XIe siècle byzantin*, Paris, 1977, p. 20.

⁶⁸ Sur l'alternance politique au cours du XIe siècle, cf. J.-Cl. Cheynet, *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)*, Paris, 1990, p. 337–357.

⁶⁹ Celui de P. Lemerle (op. cit., p. 49–50) qui fait de Michel, le premier des Apokapai, le garde de la tente de David, n'est pas acceptable. Il a été repris, à tort, par A. Savvides, *On the Armenian-Georgian-Byzantine Family of Apocapes (Abukab) in the 11th Century*, *Δίπτυχα* 5, 1991–1992, p. 97–98.

⁷⁰ Skylitzès, p. 363.

⁷¹ Mais c'est loin d'être certain, si, selon nous, les huit années d'inactivité de Boïlas ne se placent pas à la fin de sa vie.

⁷² Cf. Grünbart, op. cit., p. 33. L'éditeur distingue au moins trois homonymes, ce qui paraît excessif. Vouloir distinguer sur les seules considérations stylistiques le défenseur de Mantzikert du détenteur de la charge de catépan du Vaspourakan paraît bien imprudent. Le fidèle de saint Michel, pourrait être le même Basile, au début de sa carrière, car il n'est encore que protospathaire sur ce plomb.

aussi gagner le Vaspourakan, province effectivement peuplée d'Arméniens. Il est vrai que la durée du transfert avec toute sa maison, une semaine et demie, ne milite pas en faveur d'une telle solution, mais cet argument ne vaut guère plus pour Édesse. Tout juste peut-on s'interroger.

Il est inutile de s'étendre davantage sur l'intérêt de la sigillographie pour l'étude de la société byzantine. Cette discipline jouera un rôle fondamental dans le projet de prosopographie développé par la British Academy, dont la première phase concernera le XIe siècle, précisément en raison de l'apport des sceaux. Il faut souhaiter que les chercheurs russes puissent apporter leur contribution, puisqu'ils disposent d'un matériel considérable, encore en bonne partie inédit, avec la collection conservée à l'Ermitage, les sceaux découverts en Crimée et ceux qui sont dispersés dans les autres musées du pays, dont il faudrait entreprendre le recensement systématique.

В.И. Булгакова

СОФИЙСКИЙ КОРПУС ПЕЧАТЕЙ: ДРЕВНЕРУССКИЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ

Софийский корпус находок составляют печати обнаруженные в ходе археологических исследований на территории современной усадьбы собора в 1909–1910, 1926, 1935, 1946 и 1978 гг. В него входят девять моливдовулов второй половины XI–XII в.¹ Три из них (раскопки 1909–1910 гг.), как было установлено в ходе изучения обстоятельства их находок, были выявлены за пределами митрополичьей усадьбы XI–XIII вв., вблизи неизвестной древнерусской церкви на углу ул. Стрелецкой и Георгиевского пер. Таким образом, с территории собственно Митрополичьего двора домонгольского времени происходит лишь шесть моливдовулов. Они представляют собой крупнейшее компактное обнаружение печатей на территории Киева, выявленное в пределах единого комплекса памятников, каким является усадьба собора св. Софии².

Среди обнаруженных на территории митрополичьего двора XI–XIII вв. печатей четыре византийских и две древнерусских. Византийские печати принадлежат константинопольскому патриарху Евстратию Гариде (1081–1084), сестре императора Алексея I Комнина Марии (ок. 1082 г. – начало XII в.) и двум неизвестным лицам – Иосифу (последняя треть XI в.) и владельцу анонимной печати последней трети XI – первой трети XII в. (*кат. 1–4*). К древнерусским находкам относятся моливдовул киевского митрополита Георгия (1068–1073) и анонимная печать XII в. (*кат. 5–2, 8*).

Печати, найденные вблизи древнерусской церкви XI в., расположенной в современной черте усадьбы собора св. Софии, принадлежали митрополиту Георгию (1068–1073), жене князя Всеволода Ольговича Марии (конец XI – первая половина XII в.) и боярину Ратибору (последняя четверть XI – первая четверть XII в.) (*кат. 5–1, 6–7*). Документы, скрепленные этими печатями, изначально могли храниться в безымянном храме XI в. на углу ул. Стрелецкой и Георгиевского переулка. Непосредственная близость церкви к усадьбе собора св. Софии,

¹ Возможно, число находок может быть увеличено еще на две печати, информация о которых исчерпывается лишь дневниковой записью о раскопках 1946 г. (см.: *кат. 3*).

² Находки печатей с территории киевского детинца, исчисляясь 13 экз., количественно превосходят находки на усадьбе Софийского собора (см. Приложение). Однако они рассредоточены по огромной площади Старокиевской горы и соотносятся с различными жилыми, погребальными и хозяйственными комплексами, которые размещались на территории детинца в границах “города Владимира”. Даже такое достаточно крупное (6 экз.) сосредоточение печатей на территории северо-западного склона Старокиевской горы, примыкающей к Десятинной церкви, равное по числу находкам на митрополичьей усадьбе XI–XIII вв., не может соотноситься с единым комплексом памятников в виду расположения на этом участке как княжеских дворцов с их службами, так и кафедральной Десятинной церкви (последняя, являясь соборной, должна была иметь и собственный соборный клирос (о клиросах в Древней Руси см.: *Шапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 124–131*)). Помимо этого топографическая привязка части этих печатей невозможна из-за отсутствия точных сведений о месте их обнаружения.

как и наличие среди найденных здесь печатей митрополичьего моливдовула, возможно, могли бы указывать на ее связь с резиденцией Киевского митрополита. Показательно обнаружение здесь только древнерусских печатей.

По конкретным местам обнаружения печати на территории усадьбы св. Софии XI–XIII вв. распределяются следующим образом. Две печати – патриарха Евстратия Гарида (*кат. 1*) и русского анонима XII в. (*кат. 8*) – были найдены в самом соборе, в его северо-западной башне. Четыре других обнаружены в западной (по компасу) части митрополичьей усадьбы. Печать византийского анонима последней трети XI – первой трети XII в. (*кат. 4*) – в заполнении остатков постройки XVII – первой половины XVIII в., граничившей с подземной галереей XI–XIII вв., в 35 м от северной стены собора³. Печать Марии Комниной (*кат. 2*) – в слое с разновременными находками “к северу от северной стены собора”⁴. Печать с именем Иосифа (*кат. 3*) – над фундаментом левой камеры бани, расположенной “к северу от северо-западного угла собора”. Печать митрополита Георгия (*кат. 5–2*) – в переотложенном слое с северной стороны собора, на участке между собором и духовной семинарией.

Обстоятельства обнаружения печатей патриарха Евстратия Гарида и русского анонима XII в. не оставляют сомнений в их происхождении из архива Киевского митрополита. Четыре других печати происходят из потревоженных слоев и, таким образом, их надежная топографическая привязка невозможна. Тем не менее, на основании сопутствующего им материала, перемещенного во время восстановительных работ XVII–XVIII вв. в западную часть митрополичьей усадьбы, можно заключать о связи с культурным слоем соборного комплекса также и этих печатей.

КАТАЛОГ

Византийские печати

1

ЕВСТРАТИЙ ГАРИД, патриарх константинопольский
(май 1081 г. – июль 1084 г.)

Av.: Богоматерь в фас с младенцем на троне.

По сторонам богородичные титла: М-Р || ΘV = Μή(τη)ρ Θ(εο)ῦ.
Точечный ободок.

Rv.: Надпись в девять строк:

+ EV	+ Εὐ-
СТРАТИОС	στράτιος
ΕΛΕΥΘΥΡΑΡΧ,	ἐλεύθ(η)ρ ἀρχ(ι)-
ΕΠΙΣΚΟΠΟΣ	ἐπίσκοπος
KWNCTANT, NV	Κωνσταντ(ι)νου-
ΠΟΛΕΥCΝΕΑC	πόλεως Νέας
PWMHCKAIOI	Ῥώμης καὶ οἰ-
KOVMENIK,	κουμηνικ(ός)
ΠΡΙΑΡΧ,	π(α)τριάρχ(ης)

³ Размещение стен Софийского собора по отношению к сторонам света обнаруживает большие отклонения. Об этом см.: Богусевич В.А. Споруда XI ст. у дворі кийського митрополита // Археологія. 1961. XIII. Київ. С. 105 (Далее: Богусевич, 1961).

⁴ Здесь и далее в кавычках даны привязки к Софийскому собору по М.К. Каргеру.

Точечный ободок.

+ Εὐστράτιος ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.

(“Евстратий, милостию Божией архиепископ Константинополя, Нового Рима и вселенский патриарх”.)

Диаметр – ок. 4 см⁵.

Хорошая сохранность.

Киев, Софийский собор, северо-западная башня.

Печать обнаружена 22.12.1935 г. на уровне древнего пола в 25-сантиметровом верхнем слое средней части башни. Вместе с печатью выявлены фрагменты мозаичного пола и облицовочных поливных плиток, разрозненные кусочки готовой смальты, а также полуготовый материал для ее изготовления⁶.

Раскопки ИИМК АН УССР под рук. М.К. Каргера (отряд Ф.Н. Молчановского), 1935 г.

Утеряна (ранее в собрании НЗСК, № 970)⁷.

Библиография:

Скуленко, 1936, с. 59 (фото на с. 56–57); Каргер, 1945, с. 260–264, рис. 1–2 на вклейке (изображение реверса перевернуто); Повстенко, 1954, р. 25–26 (фото на с. 25), с. 180–181 (тоже на укр. яз.)⁸; Самойловский, 1973, с. 103, рис. 3.

Упоминания:

Grumel, 1945, р. 215–216⁹; Laurent, 1963, n. 20, р. 17¹⁰; Zacos, 1984, no. 19, р. 24¹¹; Oikonomides, 1986, no. 100, р. 97¹²; Лихачев, 1991, LXV, 13, с. 129, прим. 3¹³.

К настоящему времени, включая киевскую находку, известно три экземпляра печатей Евстратия Гарида, каждый из которых представляет отдельную пару матриц (Археологический музей в Стамбуле, № 1; DO, № 55.1.4953)¹⁴.

⁵ Размеры приводятся по И. Скуленко и М.К. Каргеру (Скуленко И. Реставрация бывш. Софиевского собора в Киеве // Советский музей. 1936. № 3. С. 55–59. (Далее: Скуленко, 1936); Каргер М.К. К истории византийской сфрагистики // Византийский сборник / Под ред. М.В. Левченко. М.; Л., 1945. С. 260–264. (Далее: Каргер, 1945). Согласно И.М. Самойловскому, размер печати – 3,5 см (Самойловский И.М. З археологічного літопису Київської Софії // Середні віки на Україні. Київ, 1973. Вип. 2. С. 101–104. (Далее: Самойловский, 1973).

⁶ Скуленко, 1936. С. 59; Инвентарная книга № 1 (1938 г.) // Отдел археологии НЗСК. № 970. (Далее: Инвентарная книга).

⁷ В 1945 г., по окончании войны, печать не была внесена в обновленные инвентари заповедника, а следовательно, к тому времени была уже утеряна.

⁸ Повстенко О. Катедра св. Софії у Києві // Аналі Української вільної академії наук у США. 1954. Т. III–IV. Літо–осінь. № 4 (10) – 1, 2 (11–12). Спеціальне видання.

⁹ Grumel V. Le titre de patriarche oecuménique sur les sceaux byzantins // REG. 1945. LVIII. P. 212–218.

¹⁰ Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l’empire byzantin. P., 1963. T. V. 1, 2. L’église. (Далее: Laurent, 1963).

¹¹ Zacos G. Byzantine Lead Seals (compiled and edited by John W. Nesbitt). II / Τετράδια Ἀρχαιολογίας καὶ Τέχνης. Bern, 1984. (Далее: Zacos, 1984).

¹² Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986. (Далее: Oikonomides, 1986).

¹³ Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. Составитель и автор комментариев В.С. Шандровская // Научное наследство. Т. 19. М., 1991. (Далее: Лихачев, 1991).

¹⁴ Zacos, 1984, N 19, a, b. P. 24; Zacos G. Byzantine Lead Seals (compiled and edited by John W. Nesbitt). II. Plates / Τετράδια Ἀρχαιολογίας καὶ Τέχνης. Bern, 1985. Pl. 6, 19, a, b; Laurent, 1963. N 20. P. 17–18; Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l’empire byzantin. T. V. L’église. Planches. Paris, 1965. Pl. 3, 20. (Далее: Laurent, Corpus V. Planches); др.

Наибольшую близость киевский экземпляр обнаруживает к печати вашингтонского собрания¹⁵. Не вызывает сомнения, что матрицы этих печатей были вырезаны одним гравером, чего нельзя сказать об экземпляре из собрания Археологического музея в Стамбуле, который выполнен в отличной от других манере¹⁶.

Вашингтонский и киевский экземпляры стилистически тяготеют к печатям предшественника Евстратия, патриарха Космы I (1075–1081)¹⁷. Из его печатей наиболее близок к рассматриваемым образцам экземпляр из коллекции Г. Закоса (Laurent, 1963, п. 19 bis). Сходство этих печатей, отмеченное уже их издателем¹⁸, может характеризовать стамбульский экземпляр печатей Евстратия Гариды как более поздний по отношению к двум другим его моливдовулам.

Обнаружение патриаршей печати в Софийском соборе, на территории которого со времени постройки храма находилась резиденция киевских митрополитов, указывает на адресацию скрепленного ею документа Киевскому митрополиту Иоанну II (не позднее 1076/1077 – после августа 1089 г.).

2

МАРИЯ КОМНИНА (ок. 1082 г. – начало XII в.)

Av.: Поясное изображение Богоматери Знамение (Епискеписис); перед грудью младенец в овальном медальоне.

По сторонам богородичные титла: M-P || ΘV = Mή(τη)ρ Θ(εο)ῦ.

Крупнозернистый точечный ободок.

Rv.: Метрическая надпись в пять строк:

+ THN	+ Τὴν
PANVΠEP	πανυτερ-
CERACTON	σεβαστον
. ΓNHMOI	[‘A]γνή μοι
SKE .	σκέ[π(οις)]

Точечный ободок.

+Τὴν πανυτερσεβαστον, ‘Αγνή, μοι σκέπεις.

(“Охрани меня, паниперсевастису, Непорочная (Дева)”.)

Диаметр – 26 мм, диаметр матриц – 23 мм.

Патинирована.

Киев, усадьба Софийского собора, западная часть, территория “к северу от северной стены собора” (по М.К. Каргеру).

¹⁵ Лучшая сохранность киевского образца позволяет уточнить палеографию сокращений в частично поврежденной надписи печати из коллекции Дамбартон Окс. Как хорошо видно на киевской печати, в слове Κωνσταντ(ι)νουπόλεως после τ поставлен знак сокращения, имеющий вид короткого изогнутого штриха, размещенного в нижней части строки (ср. реконструкцию надписи печати вашингтонского собрания у В. Лорана и Н. Икономидеса: Laurent, 1963. P. 18; Oikonomides, 1986. P. 97–98).

¹⁶ Характерной для нее в частности является размещение буквенных знаков с заметным наклоном в левую сторону, а также проявленная резчиком индивидуальность почерка. Она хорошо прослеживается в написании знаков с круглыми-полукруглыми основами, ширина которых сравнительно со знаками двух других печатей немного больше.

¹⁷ Laurent, 1963. N 19, 19 bis. P. 17–18; Laurent, Corpus V. Planches. Pl. 3, 19, 19 bis.

¹⁸ Laurent, 1963. P. 16–17.

Печать обнаружена 26.08.1946 г. на участке около гаража на территории хозяйственного двора Софийской усадьбы (=“Разведка № 1”) в квадрате 2 на глубине 1,40 м¹⁹. Вскрытый участок характеризуется напластованием разных культурных слоев. В числе находок материалы древнерусского (голосники, поливные плитки, керамика) и позднесредневекового (изразцы, керамика, стекло XVII–XVIII вв.) времени²⁰. На соседнем с ним участке у северной стены гаража (=“Разведка № 2”) зафиксирован мощный слой из обломков строительных материалов, мрамора, шифера, фрагментов мозаик и фресок, образование которого связывается с восстановительными работами в соборе в XVII–XVIII вв.²¹

Раскопки Киевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР при участии НЗСК под рук. М.К. Каргера (начальник участка – Г.Ф. Корзухина), 1946 г.

Утеряна (ранее в собрании НЗСК, № 5515; списана по акту от 1.03.1963 г. как утерянная)²².

Не издана.

Эта анонимная печать атрибутируется Марии Комниной – дочери Иоанна Комнина и Анны Даласины. Она представляет уже пятый экземпляр среди печатей этой разновидности. Три из них – печати из собрания Г. Закоса, которые с наибольшей вероятностью происходят из Константинополя, – представляют самостоятельные пары матриц (*Zacos-Veglery*, по. 2720а-с)²³. Печать из Археологического музея в Пловдиве, обнаруженная в г. Пловдив (византийский Филиппополь) или его округе²⁴, возможно, была оттиснута парой матриц печати *Zacos-Veglery* № 2720b. Киевская печать представляет неизвестную ранее пару матриц, близкую *Zacos-Veglery* № 2720с.

Мария Комнина еще при жизни своего отца, до 1067 г., вступает в брак с Михаилом Таронитом²⁵. Ок. 1082 г. Михаил становится первым носителем титула *παυλιεροῦ βασιτοῦ*, введенного, как сообщает Анна Комнина (Алексиада, III, 4, 2–3), специально для него братом Марии, императором Алексеем I (1081–1118). Этим титулом Михаил Таронит обладал до 1094 г., когда по обвинению в причастности к заговору Никифора Диогена он был отправлен в ссылку с конфискацией имущества. Несмотря на то, что супруг впал в немилость, Мария Комнина, вероятнее всего, и после 1094 г. продолжала именовать себя паниперсева-

¹⁹ Дневник археологической экспедиции Софийского заповедника, ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Усадьба Софийского собора, часть I (27.07.1946–21.08.1946 г.) и II (22.08.1946–31.08.1946 г.) // Научный архив НЗСК, № 3. II (Разведка № 1–2). Л. 12. (Далее: Дневник).

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Каргер М.К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.). Киев, 1950. С. 250. (Далее: Каргер, 1950).

²² Печать известна по фотографии из бывшего архива М.К. Каргера, любезно предоставленной для этой публикации В.Л. Яниным и П.Г. Гайдуковым.

²³ *Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. I. Basel, 1972. P. 1513–1514. (Далее: Zacos-Veglery); Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. I. Plates. Basel, 1972. Pl. 184.*

²⁴ *Jordanov I. Medieval Plovdiv According to the Sphragistic Data // SBS. 1995. 4. N 30. P. 132.*

²⁵ См. о нем и роде Таронитов: *Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 17–25; Skoulatos B. Les personnages byzantins de l’Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980. N 137. P. 211–212 (с дальнейшей библиографией).*

стиссой²⁶. Именно с этим титулом она упоминается уже после своей смерти в типиконе 1136 г. монастыря Христа Пантократора²⁷. Кроме этого, сам факт анонимности печатей Марии Комниной с титулом *παυλερσέβαστος* объясняется событиями 1094 г.²⁸ Сфрагистические особенности этих печатей, равно как и их близость к печатям ее супруга с титулом паниперсеваста (*Zacos-Veglery*, no. 2720d; *Seibt*, 1983, Nr. 5)²⁹ дают основания ограничивать их использование временем до начала XII в.

Возможно, на смену анонимному типу печатей Марии Комниной с титулом *παυλερσέβαστος* приходит именной тип с поясным изображением Богоматери Одигитрии и надписью “Αγνήα, βοήθει μοι, τῆ Κομνηνῆ Μαρία”³⁰, известный по печати из собрания Эрмитажа, найденной в Крыму³¹.

3

ИОСИФ (последняя треть XI в.)

Av.: Поясное низкорельефное изображение Богоматери Знамение (Епискеписис); перед грудью младенец в овальном медальоне.

По сторонам следы богородичных титл: M-P || ΘV = Μή(τη)ρ Θε(ε)οῦ.

Следы полукруговой надписи?

Линейный ободок.

Rv.: Метрическая надпись в четыре строки:³²

KPAZE	Κράζει(ι)
ΓΩCΙΦCΕC	Ἰωσίφ σε (καί)
ΚΥΡΟC C C X	κῦρος σοῦ
KOPH	Κόρη

Линейный ободок.

Κράζει Ἰωσ(ή)φ σε καί κῦρος (?) σοῦ, Κόρη.

(“Иосиф взывает к Тебе и к власти Твоей, Дева”).

Диаметр – 18,6–19 мм, диаметр матриц – 14 мм, толщина – 2,8 мм; вес – 6,130 г. Канал для шнура размещен по диагонали.

Киев, усадьба Софийского собора, западная часть, территория “к северу от северо-западного угла собора” (по М.К. Каргеру).

Печать обнаружена 9.08.1946 г. в квадрате E-26³³ на глубине 1,70 м, в щелье над фундаментом крайней левой камеры постройки древнерусского вре-

²⁶ *Zacos-Veglery*. P. 1515; *Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. T. 1: Kaiserhof // Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik. Bd. II / 1. Wien, 1978. S. 135.

²⁷ *Gautier P.* Le typikon du Christ Sauveur Pantocrator // *REB*. 1974. T. 32. P. 43.

²⁸ *Zacos-Veglery*. P. 1515.

²⁹ *Zacos-Veglery; Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel der Sammlung Reggiani // *JÖB*. 1983. Bd. 33. S. 287–299.

³⁰ Чтение В. Зайбта (Лихачев, 1991. С. 128. Прим. 1). Н.П. Лихачевым надпись читалась как: “Νόει μοι τῆ Κομνηνῆ Μαρία” (Там же. С. 128).

³¹ Лихачев, 1991. Табл. LXV, 12. С. 128. Н.П. Лихачев предполагал во владелице печати Марию Комнину, дочь Исаака I Комнина (1057–1059) (Там же. С. 128).

³² Пользуясь случаем, я хотела бы выразить признательность д-ру Александре Вассилиу (Вена) за дружескую помощь в прочтении метрической легенды этой печати.

³³ На этикетке печати, а также в полевой инвентарной описи от 9.08.1946 г. (№ 235) ошибочно указан квадрат E-25.

мени³⁴. Впоследствии постройка была атрибутирована в качестве плинфяной бани конца XI в., разрушенной предположительно во время монгольского нашествия 1240 г.³⁵ В заполнении поздней ямы³⁶, срезавшей северный выступ левой камеры, согласно дневниковой записи, 26.08.1946 г. были обнаружены еще две печати³⁷.

Раскопки Киевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР при участии НЗСК под рук. М.К. Каргера (начальник участка Г.Ф. Корзухина), 1946 г.
НЗСК, № 5515.

Не издана.

Печать обнаруживает известную стилистическую близость к сфрагистике киевского митрополита-грека Иоанна III (1090–1091) (Laurent, 1963, п. 781; Янин, 1970, № 50³⁸; Nesbitt-Oikonomides, 1991, V, 1, no. 85.3³⁹; Янин-Гайдуков, 1998, № 50-2⁴⁰). Сходная стилистика изображения Богоматери Епискеписис встречается также на печатях и для первой половины XII в.⁴¹

Обстоятельства находки моливдовула должны свидетельствовать о его падении в археологический комплекс постройки бани скорее всего в результате восстановительных работ в соборе в XVII–XVIII вв. Это подтверждается и такими находками в ее левой камере, как кубики мозаики, фрагменты фресок, амфорная и поливная керамика, голосники и пр.⁴²

4

АНОНИМ (последняя треть XI – первая треть XII в.)

Av.: Поясное изображение Богоматери Знамение (Епискеписис); перед грудью младенец в округлом медальоне.

По сторонам следы богородичных титл: М-Р || ΘΥ = Μῆ(τη)ρ Θ(εο)ῦ.

Точечный ободок.

Rv.: Поясное изображение св. Димитрия.

По сторонам следы надписи, содержащей имя святого: ‘Ο ἄ(γιος)
Διμήτρ(ιος).

Точечный ободок.

³⁴ Дневник. I. Л. 28.

³⁵ Богусевич. 1961. Первоначально постройка интерпретировалась М.К. Каргером как печь для обжига кирпича (Каргер. 1950. С. 246–250; Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л., 1958. С. 458–462).

³⁶ В заполнении найдены изразцы XVII–XVIII вв., большой фрагмент шиферный плиты от саркофага, а также фрагмент голубого стеклянного тонкостенного сосуда XI–XII вв. (Дневник. II. Л. 3–4 (23.08.1946 г.)).

³⁷ “Кроме этого найдены 2 маленьких вислых свинцовых печати с неясными изображениями...” (Дневник. II. Л. 7).

³⁸ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. Печати X – начала XIII в. М., 1970. (Далее: Янин, 1970).

³⁹ Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington, D.C., 1991. (Далее: Nesbitt-Oikonomides, 1991).

⁴⁰ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. (Далее: Янин-Гайдуков, 1998).

⁴¹ См. печать киевского митрополита Михаила I (1130–1145) из Диногетии (Barnea I. A propos de la découverte de deux sceaux byzantins de Dinogetia // Dacia. Nouvelle serie. 1958. II. P. 475. Fig. 2. (Далее: Barnea, 1958); Янин, 1970. № 48).

⁴² Дневник. I. Л. 28; II. Л. 6.

Диаметр – ок. 17 мм, толщина – 1,5 мм⁴³.

Заготовка превосходила по размерам матрицы печати.

Киев, ус. Софийского собора, западная часть, территория с северной стороны собора.

Печать обнаружена в числе разновременных находок в щебне, заполнявшем остатки постройки XVII в., граничившей с подземной галереей XI–XIII вв., в 35 м от северной стороны собора⁴⁴. Среди находок древнерусского времени в заполнении выявлены плинфа и ее фрагменты, фрагменты керамики, фрагмент шиферной плиты от саркофага (?) с рельефным орнаментом, куски овручского шифера и др.⁴⁵

Раскопки ВУАК под рук. В.Г. Ляскоронского, 1925 г.

Утеряна.

Библиография:

Макаренко, 1927, р. 174–175, Pl. XXVIII, 1 (увеличенное фото печати).

Упоминания:

Ляскоронський, 1926, с. 88, № 1; Лихачев, 1928, с. 174⁴⁶.

Экземпляр относится к типу широко распространенных в XI в. анонимных печатей с изображением Богоматери и святого. Последний мог выступать покровителем владельца печати.

Своеобразная стилистика исполнения обоих изображений (головы соразмерны верхней части туловища, яблоки глаз подчеркнута навывкате) находит аналогию в манере изображения архангела Михаила на печати Михаила Псилиана из Керчи⁴⁷, которая может датироваться последней третью XI – первой третью XII в. Не исключено, что матрицы печатей обоих владельцев были изготовлены одним гравером.

Древнерусские печати

5. 1–2⁴⁸

ГЕОРГИЙ, митрополит Киевский (ок. 1068–1073 гг.)

1) Ав.: Ростовое изображение св. Георгия; в левой руке – щит, в правой – копье.
По сторонам надписи:

. Г
. Е І
. О
. С

⁴³ Размеры приводятся по В. Ляскоронскому.

⁴⁴ Раскопки 1925 г. проводились в связи с обвалом земли с северной стороны собора, в 35 м от его стен, в результате чего образовалось углубление в направлении SW на NO. Раскопками выявлен кирпичный фундамент подземного помещения неправильной четырехугольной формы (7 × 6 × 0,5 м), имевший с востока длинный ступенчатый ход-коридор (ширина 1,8 м) (*Ляскоронський В.* Розкопки в подвір'ї Софійського собору в Києві. Осінь 1925 р. // Коротке звітлення ВУАК за археологічні дослідження року 1925. Київ, 1926. С. 87. (Далее: *Ляскоронський*, 1926). Н.Е. Макаренко датировал постройку концом XVI–XVII в. (*Makarenko N.* Sceaux de plomb de la période grand-ducale de l'Ukraine // *Arethuse*. 1927. F. 17. P. 174. (Далее: Макаренко, 1927).

⁴⁵ Ляскоронський, 1926. С. 88.

⁴⁶ Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1 // Труды музея палеографии. Т. I. Л., 1928. (Далее: Лихачев, 1928).

⁴⁷ Лихачев. 1991. Табл. LXIII, 15. С. 108.

⁴⁸ Экземпляры от разных пар матриц.

= [˚O &(γιος) Γ]ε[ώρ]γιος:

Точечный ободок.

Rv.: Надпись в пять строк:

+ KERΘ	+ K(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
. EWPΓ,ΜΡΟ	[Γ]εωργ(ίω) μη(τ)ρο-
. ΟΡΨCΙΑC	[π]ο(λίτη) Ῥωσίας
. CVΓΚΕΛ	[(καί)] συγκέλ-
..	[λω]

Точечный ободок.

+ Κύριε, βοήθει Γεωργίω, μητροπολίτη Ῥωσίας καὶ συγκέλλω.
("Господи, помоги Георгию, митрополиту России и синкеллу".)

Диаметр – 19–20 мм.

Матрицы печати по размерам превосходили заготовку. Матрица реверса децентрирована. Патинирована. Поверхности затерты. Трещина по каналу для шнура со стороны реверса.

Киев, усадьба Софийского собора, территория бывшей усадьбы Митрополичьего дома⁴⁹, выходящая на угол ул. Стрелецкой и Георгиевского пер., вблизи неизвестной церкви XI–XIII вв.⁵⁰

Печать обнаружена осенью 1909 г. в поздней яме, предположительно XVII в., одного из трех деревянных сооружений XII–XIII вв.⁵¹ вблизи остатков каменной церкви XI–XIII вв. Поблизости деревянных срубов находились также остатки древнерусского жилища с овальной печью. В одной яме вместе с печатью митрополита Георгия была найдена еще одна печать, упоминаемая в публикации без описания⁵². На основании анализа материалов о результатах раскопок 1909–1910 гг. можно сделать вывод, что речь должна идти о печати княгини Марии, которая ошибочно фигурирует в публикациях, как найденная на усадьбе Митрополичьего двора при раскопках 1910 г. (см. библиографию к этой печати, *кат.* 7).

Раскопки АК под рук. Д.В. Милеева, 1909 г.

Утеряна (ранее в собрании АК).

Библиография:

ЛСА, XLV, 6)⁵³; Янин, 1970, № 43-2, с. 47–48, 174, табл. 5, 43; 38, 43, 2.

⁴⁹ Здание Митрополичьего дома выстроено в 1722–1758 гг.

⁵⁰ Храм ошибочно интерпретировался Д.В. Милеевым и рядом других исследователей как церковь св. Георгия (Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. II. Памятники киевского зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1961. С. 232. (Далее: Каргер, 1961). Еще ранее остатки этого храма отождествлялись с церковью св. Екатерины, упоминаемой Эрихом Лясотой в 1564 г. (Толочко П.П. Исторична топографія стародавнього Києва. Київ, 1970. С. 105. (Далее: Толочко, 1970). Несмотря на значительные размеры и богатое внутреннее убранство храма, близкого церквям св. Георгия и Ирины, летописи не содержат о нем никаких свидетельств.

⁵¹ Датировка построек приводится по: Археология СССР (Древняя Русь. Город, замок, село) // Археология СССР. Т. 15. М., 1985. С. 145.

⁵² Археологические исследования в Киевской губернии (Свод газетных известий). 2. Раскопки в усадьбе Софийского собора // ИАК. Прибавление к вып. 34. СПб., 1910. С. 171. (Далее: ИАК. 1910).

⁵³ Лихачев Н.П. Сфрагистический альбом: Комплект фототипических таблиц и машинописный текст. Ленинград, 1936 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444. (Далее: ЛСА).

Упоминания:

ИАК, 1910, с. 171; Петров, 1913, № 7, с. 66⁵⁴; Лихачев, 1930, с. 1–2 [несколько неточное указание о месте обнаружения печати: “на погосте Киево-Софийского собора на месте древней Георгиевской церкви”]⁵⁵; Орлов, 1937, с. 246⁵⁶; Орлов, 1952, с. 186⁵⁷; Вагпеа, 1958, р. 475; Янин, 1962, с. 166⁵⁸; Янин-Литаврин, 1962, с. 207⁵⁹; Soloviev, 1962. S. 294⁶⁰; Laurent, 1963, p. 785, p. 603–604; др.

Данная пара матриц представлена двумя экземплярами печатей. Второй моллидвовул (Янин, 1970, № 43-1) происходит также из Киева, однако точное место его обнаружения неизвестно.

Место находки этой, как и двух других печатей (*кат.* 6, 7) из раскопок 1909–1910 гг. требует их рассмотрения вне комплекса находок на территории усадьбы Софийского собора, существовавшей в древнерусское время. Как показывают остатки стен вокруг усадьбы собора, возведенные в первой половине XI в.⁶¹, в домонгольское время эта территория находилась за пределами Митрополичьего двора XI–XIII вв. и лишь при перепланировке территории усадьбы в XVIII в. оказывается в черте новых монастырских стен, возведенных в 40-е годы XVIII в. при митрополите Рафаиле Заборовском⁶².

2) Av.: Ростовое изображение св. Георгия; в левой руке – щит, в правой – копье.

По сторонам надписи:

О Г
А Е
. I WP
Q, Г

= 'Ο ᾧ[γ]ιο(ς) Γεώργ(ιος):

Точечный ободок.

Rv.: Надпись в пять строк:

+ KERΘ	+ K(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
. EWPΓ, MPO	[Γ]εωργ(ιω) μη(τ)ρο-
. OPWCIAС	[π]ο(λίτη) 'Ρωσίας
. CVГKEA	[(καί)] συγκέλ-
• ΛW •	λφ

⁵⁴ Петров Н. Южно-русские металлические вислые печати дотатарского периода // ТКДА. 1913. № 5. (Далее: Петров, 1913).

⁵⁵ Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды музея палеографии. Т. 2. Вып. 2. Л., 1930. (Далее: Лихачев, 1930).

⁵⁶ Орлов А.С. Материалы для библиографии русских печатей (XI–XV вв., до 1425 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. ст. М.; Л., 1937. С. 245–283. (Далее: Орлов, 1937).

⁵⁷ Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952. (Далее: Орлов, 1952).

⁵⁸ Янин В.Л. Печати с надписью “Дньсело” // СА. 1962. № 2. С. 157–177. (Далее: Янин, 1962).

⁵⁹ Янин В.Л., Литаврин Г.Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности. М., 1962. С. 204–221.

⁶⁰ Soloviev A.V. Metropolitensiegel des Kiewer Russlands // BZ. 1962. Bd. 55. S. 292–301. Taf. IV–V.

⁶¹ Каргер, 1961. С. 206–216. По мнению П.П. Толочко, стена вокруг Софии могла быть возведена во второй период строительной деятельности князя Ярослава Мудрого – 1037–1054 гг. (Толочко, 1970. С. 102).

⁶² Каргер, 1961. С. 116–117, 226.

Точечный ободок.

+ Κύριε, βοήθει Γεωργίω, μητροπολίτη Ῥωσίας καὶ συγκέλλω.
(“Господи, помоги Георгию, митрополиту России и синкеллу”.)

Диаметр – 38 мм, диаметр матриц: Av. – ок. 23–20, Rv. – 23–22 мм.

Заготовка превосходила по размерам матрицы печати. Канал для шнура размещен по диагонали. Выщерблена. Следы повторного оттиска⁶³.

Киев, усадьба Софийского собора, западная часть, территория с северной стороны собора.

Печать обнаружена в переотложенном слое на участке между собором и духовной семинарией⁶⁴.

Раскопки НЗСК под рук. И.Ф. Тоцкой, 1978 г.⁶⁵

НЗСК (не заинвентаризирована).

Библиография:

Янин-Гайдуков, 1998, № 43а-1, с. 27, 118, табл. 35, 56.

Упоминания:

Ивакин, 1981, с. 414⁶⁶.

Этой же парой матриц оттиснута печать из собрания Дамбартон Окс (Nesbitt-Oikonomides, 1991, no. 85-2⁶⁷; Янин-Гайдуков, 1998, № 43а-2). Место ее находки неизвестно, однако весьма вероятно ее константинопольское происхождение.

Обе пары матриц печатей митрополита Георгия, представленные в настоящее время четырьмя оттисками, были изготовлены одним гравером.

6

РАТИБОР, боярин

(последняя четверть XI – первая четверть XII в.)

Av.: Погрудное изображение св. Климента I, папы римского в епископском облачении; правой рукой святой благословляет, в левой держит Евангелие. По сторонам следы надписей.

Точечный ободок.

Rv.: Надпись в три строки.

Ϟ

РАΤΙ

БОΡΑ

Точечный ободок.

= ϞΤ ΡΑΤΙΒΟΡΑ.

⁶³ Мнение о размещении оттиска печати поверх оттиска от матриц печати № 43 (см.: Янин, 1970) представляется необоснованным (ср.: Янин-Гайдуков, 1998. С. 27, 118).

⁶⁴ Софийская семинария или бурса выстроена в 40-е годы XVIII в. при митрополите Рафаиле Заборовском.

⁶⁵ Пользуясь случаем, хочу выразить признательность автору раскопок И.Ф. Тоцкой, предоставившей информацию об обстоятельствах обнаружения печати.

⁶⁶ Ивакин Г.Ю. Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 403–414.

⁶⁷ Здесь, как и в другой публикации этой печати (Laurent, 1963. N 785. P. 603 (без воспроизведения): “+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) | Γεωργίω | το Ῥωσίας | (καὶ) συγκέλλ | λω”) легенда раскрыта ошибочно как “+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) | Γεωργίω | μ(ητ)ρο(πολίτη) Ῥωσίας | (καὶ) συγκέλλ | λω”.

Диаметр – 22–24 мм, диаметр матриц: Av. – ?, Rv. – 21 мм.

Канал для шнура размещен по диагонали. Край обломан. Патинирована. За-терта.

Киев, усадьба Софийского собора, территория бывшей усадьбы Митропо-личьего двора, выходящая на угол ул. Стрелецкой и Георгиевского пер., вбли-зи неизвестной церкви XI–XIII вв. (к характеристике памятников см. *кат. 4–1*).

Печать обнаружена в щебне, заполнявшем остатки рвов фундамента церк-ви. Здесь же найдены золотой круглый образок с изображением Иисуса Христа на троне, с одной стороны, и парным изображением императора и святого, с крестом между ними, с другой, золотой круглый образок из со-ставных пластинок с рельефным изображением Богоматери на одной сто-роне и креста на другой, а также агатовая гемма с изображением обнажен-ной с зеркалом в руке⁶⁸.

Раскопки АК под рук. Д.В. Милеева, 1910 г.

Утеряна (ранее в собрании АК).

Библиография:

⟨ЛСА, XLVIII, 8⟩; Янин, 1960, с. 271, рис. 1, 2⁶⁹; Янин, 1970, № 68⁷⁰, с. 60–64, 180 табл. 7, 40.

Упоминания:

ИАК, 1911, с. 171; Репников, 1928, с. 437, 439⁷¹; Лихачев, 1930, с. 21; Скржин-ская, 1961, с. 82⁷².

Этой же парой матриц оттиснута печать Ратибора из Смоленска (Янин-Гай-дуков, 1998, № 68-2). Всего к настоящему времени насчитывается семь разно-видностей печатей боярина Ратибора, представленных одиннадцатью оттиска-ми⁷³. Из них твердое киевское происхождение имеют лишь две печати – одна найденная вблизи Софии, другая – без точного места обнаружения (Янин, 1970, № 70). Еще одна печать (Янин-Гайдуков, 1998, № 69-3 или 70-2) может связы-ваться с Киевом предположительно.

По мнению В.Л. Янина, экземпляр из Софии Киевской представляет от-тиск одной из первых пар матриц печатей Ратибора, неоднократно упоминае-мого письменными источниками между 1078–1113 гг., и может датироваться временем его службы при князе Всеволоде Ярославиче в Киеве, в период по-сле тмутараканского посадничества 1079–1081 гг. до смерти Всеволода в 1093 г.⁷⁴

Комментарий к обстоятельствам находки печати см.: *кат. 4–1*.

⁶⁸ Археологические исследования в Киеве (Свод газетных известий) // ИАК. Прибавление к вып. 39. СПб., 1911. С. 171. (Далее: ИАК, 1911).

⁶⁹ Янин В.Л. О печатях Ратибора // СА. 1960. № 2. С. 270–275.

⁷⁰ По новой нумерации – № 68-1 (Янин-Гайдуков, 1998).

⁷¹ Репников Н.И. О древностях Тмутаракани // Институт археологии и искусствознания. Тру-ды секции археологии. Т. IV. М., 1928. С. 437–441.

⁷² Скржинская Е.Ч. Греческая надпись из Тмутаракани // ВВ. 1961. Т. XVIII. С. 74–84.

⁷³ Помимо этого две неизданных печати Ратибора остаются неучтенными. Одна из них обна-ружена в Судаче (Крым), другая в с. Погребы Броварского р-на Киевской обл.

⁷⁴ Янин, 1970. С. 63.

МАРИЯ, княгиня
(конец XI – первая половина XII в.)

Ау.: Женское поясное изображение в венце и лоре, украшенных жемчугом; в левой руке четырехконечный крест, правая – перед грудью. Слева надпись⁷⁵:

М
А
Р
Н
= МАРН(А).

Точечный ободок.

Ру.: Надпись в четыре строки:

ГНПОМ
ОУНРАБ
НСВОЕН
МАРН

Точечный ободок.

= ГОСПОДН, ПОМОЗН РАБН СВОЕН МАР(Ъ)Н.

Диаметр – 29–31 мм; толщина – “толстая пластинка”.

Затерта. Следы скольжения матриц при оттискивании.

Киев, усадьба Софийского собора, территория бывшей усадьбы Митрополичьего двора, выходящая на угол ул. Стрелецкой и Георгиевского пер., вблизи неизвестной церкви XI–XIII вв. (к характеристике памятников см.: *кат. 4–1*).

Печать обнаружена в одной яме вместе с печатью митрополита Георгия (об обстоятельствах находки см.: *кат. 4–1*).

Раскопки АК под рук. Д.В. Милеева, 1909 г.

Утеряна (ранее в собрании АК).

Библиография:

[ЛСА, XLVIII, б); Лихачев, 1928, с. 117–118, 120, рис. 62; Рыбаков, 1951, рис. 223а, 7, с. 445 [атрибутирована жене князя Святослава Ольговича – Марии]⁷⁶; Янин, 1970, № 116, с. 71, 189–190, табл. 11, 116, 44, 116 [атрибутирована жене князя Всеволода Ольговича – Марии Мстиславне, обвенчанной с ним между 1116–1125 гг.].

Упоминания:

ЗНОИРАО, 1913, с. 121⁷⁷; Петров, 1913, № 2, с. 63–64 (тоже: Петров, 1913а, № 2, с. 148–149⁷⁸); Орлов, 1937, с. 251; Орлов, 1952, с. 190; Янин, 1962, с. 169.

⁷⁵ “Р” вырезана зеркально.

⁷⁶ Рыбаков Б А Прикладное искусство и скульптура // История культуры древней Руси. Т. 2. Домонгольский период, 2. Общественный строй и духовная культура. М.; Л., 1951. С. 396–464.

⁷⁷ Протоколы заседаний Нумизматического отделения за время 1909–1912 гг. // ЗНОИРАО. 1913. Т. II. Вып. 3–4. С. 90–121.

⁷⁸ Петров Н. Южно-русские металлические вислые печати дотатарского периода // Чтения в Церковно-историческом и Археологическом обществе при императорской Духовной академии. Вып. XI. Киев, 1913а.

Печать Марии принадлежит к типу булл с русской благопожелательной надписью, бытовавшему на рубеже XI–XII – в первой половине XII в. Наиболее реальным историческим лицом, правомочным обладать такой печатью, в то время являлась Мария – жена Всеволода Ольговича, князя новгород-северского (1115–1127), черниговского (1127–1139) и киевского (1139–1146). Ей и была атрибутирована эта печать В.Л. Яниным⁷⁹. Такие не характерные для того времени, особенности печати, как большой размер и размещение на ней изображения владелицы, потребовали от него, однако, ряда оговорок. Использование в оформлении печати изображения владелицы было объяснено, например, “поздней пережиточностью архаических традиций в оформлении русских булл”⁸⁰. Подобное оформление печати, охарактеризованное Н.П. Лихачевым как “проявление княжеской гордыни”⁸¹, несомненно могло иметь место. При всей возможности такого объяснения, в предложенную В.Л. Яниным атрибуцию до сих пор плохо укладывается лишь очевидное стилистическое несоответствие печатей самой княгини и ее супруга. Три известных к настоящему времени печати Всеволода Ольговича отмечены поясным изображением святого покровителя князя – иерусалимского архиепископа Кирилла и инвокационной русской надписью (Янин 1970, № 114, 115; Янин-Гайдуков, 1998, № 114а). Их размеры не выходят за пределы 21–24 мм. Относительно непротиворечивым здесь могло бы выглядеть допущение о том, что печать Марии могла быть изготовлена в Киеве до занятия ее мужем киевского стола в 1139 г., в бытность киевским князем ее отца Мстислава Владимировича (1125–1132). Основанием для этого является сравнение публикуемой здесь печати со сфрагстикой этого князя. В частности, показательным может быть и то, что одна из печатей князя Мстислава Владимировича с русской благопожелательной надписью (Янин, 1970, № 120) также отличается довольно большими размерами (диаметр 28–26 мм), а палеографические и стилистические особенности ее надписи схожи с печатью самой Марии.

Комментарий к обстоятельствам находки печати см.: *кат. 4–1*.

8

АНОНИМ (XII в.)

Av.: Поясное (?) изображение Богоматери Знамение (Епискеписис)⁸².

Rv.: Процветший патриарший крест, с каплевидной жемчужиной у основы, и ступенях (?).

В верхних междукрестьях надпись: .. || XC = [Ι(ησοῦ)ς] Χ(ριστός).

Точечный ободок.

Диаметр – 25 мм.

Матрицы печати по размерам превосходили заготовку. Канал для шнура размещен по диагонали.

Киев, Софийский собор, северо-западная башня.

Печать обнаружена 21.12.1935 г. на западной стороне башни⁸³. 22.12.1935 г. на этом участке найдена печать константинопольского патриарха Евстратия Гариды (см.: *кат. 1*).

⁷⁹ Янин, 1970. С. 71.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Лихачев, 1928. С. 120.

⁸² Изображение аверса известно лишь по описанию в инвентарной книге НЗСК.

⁸³ Инвентарная книга. № 966.

Раскопки ИИМК АН УССР под рук. М.К. Каргера (отряд Ф.Н. Молчановского), 1935 г.

Утеряна (ранее в собрании НЗСК, № 966).

Библиография:

Самойловский, 1973, с. 103, рис. 2 (только реверс, изображение перевернуто); Янин-Гайдуков, 1998, № 341в, с. 61, 157, табл. 17, 114 (только реверс; ошибочное указание типа Богоматери как “Оранта”).

Владетельная атрибуция печатей с изображением Богоматери и креста остается неопределенной. В.Л. Янин не исключает принадлежности большинства печатей этого типа представителям светских институтов власти⁸⁴.

Помещенный на моливдовуле тип креста с ярко выраженным мотивом “древа жизни” довольно часто встречается на древнерусских печатях начиная с XII в.⁸⁵ Можно утверждать, что в это время подобное изображение креста, тип которого находит непродолжительное распространение в византийской сфрагистике и нумизматике третьей – четвертой четверти XI в.⁸⁶, представлено преимущественно на русских печатях.

Приложение. Топография находок печатей на территории киевского детинца А. Находки с территории северо-западного склона Старокиевской горы, примыкающей к Десятинной церкви:

1) 1836 г., ус. Десятинной церкви (?) – печать князя Игоря Ярославича (?), 1054–1060 гг. (= Янин, 1970, № 32, 2); 2) 1912 г., ус. Десятинной церкви, северо-западная часть – печать кн. Святослава Игоревича (?), ум. в 972 г. (= Янин, 1970, № 1); 3) 1937 г., тер. Десятинной церкви, северная часть ус. Петровского – византийская печать вт.-тр. четверти XI в. (= Булгакова, 1996, № 387); 4) 1956 г., вблизи ус. Десятинной церкви – печать киевского митрополита Иоанна, XI в. (= Янин, 1970, № 44); 5) 1971 г., жилище № 3 X–XI вв. вблизи юго-восточной стены Десятинной церкви (= жилище В 23⁸⁸) – русская печать вт. половины XII – пер. половины XIII в. (= Булгакова, 1996, № 4; Булгакова, 1999⁸⁹); 6) 1981 г., пер. Десятинный, 10: усадьба кузнечной мастерской X–XI вв. – печать Стефана, императорского нотариуса филака, сер. XI в. (не издана).

Б. Находки с остальной территории детинца:

1) 1946 г., ул. Б. Житомирская, 4: жилище полуземляночного типа кон. X – нач. XI в., расположенное под жилищем XII–XIII вв. (= жилище Б 46) – неизвестная печать (не издана, утеряна); 2) 1955 г., ул. Владимирская, 7–9: языческий могильник IX–X вв. – печать протоспафария Фоки, вт. – тр. четверть X в. (не издана); 3) 1955 г., ул. Владимирская, 7–9, уч. 5: феодальный двор (впосл. тер. Федоровского м-ря), полуземлянка XI в. (= жилище Б 31) – печать князя Ярослава

⁸⁴ Янин-Гайдуков, 1998. С. 59.

⁸⁵ См.: Янин, 1970. № 324–333, 337–340, 342; Янин-Гайдуков, 1998. № 324–3, 4, 324а, 333а, 333а-1, 333а-2, 333в, 336а, 338а, 339б, и др.

⁸⁶ См. об этом: *Seibt W., Zarnitz M.L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Katalog zur Ausstellung. Wien, 1997. S. 91.*

⁸⁷ *Булгакова В. Сфрагистичні пам'ятки // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення. Київ, 1996. С. 87, 162–163.*

⁸⁸ Здесь и далее нумерация по: *Кулиевич С.Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII века (По материалам археологических исследований). Киев, 1982.*

⁸⁹ *Булгакова В. Древнерусская печать вт. пол. XII в. – пер. пол. XIII в. с территории киевского детинца // Vita antiqua. 2. Киев, 1999. С. 213–214.*

Мудрого (?), ок. 1010–1054 гг. (= Янин, 1970, № 35); 4) 1955 г., ул. Владимирская, 7–9: феодальный двор (впосл. тер. Федоровского м-ря) – печать киевского князя Святополка Изяславича, 1093–1113 гг. (= Янин, 1970, № 75, 1); 5) 1976 г., ул. Владимирская, 3: ротонда – русская (?) печать XIII–XIV вв. (= Толочко-Боровский, 1978⁹⁰); 6) 1977 г., ул. Владимирская, 3: ротонда – русская (?) печать XIII–XIV вв. (= Толочко-Боровский, 1978); 7) 1988 г., ул. Б. Житомирская, 2, уч. II–III: городская застройка, в заполнении постройки 2 X–XI вв. – византийская печать вт. половина X – пер. половина XI вв. (не издана, утеряна).

⁹⁰ Толочко П.П., Боровский Я.Е. Из работ Киевской экспедиции // АО за 1977 год. М., 1978. С. 390–391. (Далее: Толочко-Боровский, 1978).

3. Брагвадзе

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ САЧХЕРЕ

Город Сачхере расположен на левом берегу р. Квирила¹, в Верхней Имерети, в восточной части исторической Колхиды, в 200 км от черноморского побережья. Верхняя Имерети составляет большую часть Аргвети – одну из важнейших территориально-административных единиц (эриставств) древней Грузии. С северной стороны над Сачхере находится крепость XVIII в. Модинахе. В конце античной эпохи ее южные склоны были использованы под некрополь. В 1968–1975 гг. под руководством доктора ист. наук Д.Ш. Надирадзе был раскопан могильник позднеантичного периода². Сравнительный анализ материалов в основном позволяет отнести комплексы Модинахе к середине – второй половине IV в. Эта датировка памятников подтверждается обнаруженными в погребениях монетами, которые чеканились от имени императоров Константина Великого и Констанция II. Всего найдено пять монет: две из них – солид, один – полусолид и две – субераты. Их описание в статье дается согласно порядку их открытия.

Погребение № 8. Монета Константина I, суберат. Аверс: голова императора в профиль, надпись “Constantinus”. Реверс: на корабле стоит богиня победы Виктория с короной в руке. По кругу надпись: “Libertas Publica” (рис. 1). Вес – 2,18 гр.

Погребение № 12. Монета Констанция II, суберат. Аверс: император с диадемой на голове, в профиль. Надпись по кругу повреждена; читается только “Constan...”. Реверс: лицом к лицу сидят две женщины – символ единства Рима и Константинополя. Надпись по кругу: “Gloria Rei publicae”. Под изображением печать Антиохийского монетного двора SMANH (рис. 2). Вес – 2,78 гр.

Погребение № 17. Монета Констанция II, полусолид. Аверс: император в профиль с диадемой на голове. Надпись по кругу, очень повреждена; читается “Const...”. Реверс: богиня победы Виктория со щитом в руках. Под изображением печать Антиохийского монетного двора (рис. 3).

Погребение № 22. Монета Константина I, солид. Аверс: император в профиль с диадемой на голове. Надпись: “Constantinus”. Реверс: Виктория с короной в руках и с пальмой на плече (рис. 4). Отчеканено в Сисции. Вес – 4,23 гр.

Монета Констанция II, солид. Аверс: император в профиль с диадемой на голове. Реверс: лицом к лицу сидят женщины с шитьем в руках. Надпись по кругу: “Gloria Rei publicae” (рис. 5). Отчеканено в Антиохии. Вес – 4,48 гр.

Таким образом, из пяти монет, найденных в Сачхере, четыре отчеканены в Антиохии и одна – в Сисции. Как отмечается в научной литературе, начиная с IV в. прослеживается интенсивный приток в Грузию продукции Антиохийского

¹ Прокопий Кесарийский Квирилу называет как Боас; *Proc. Vel. Pers.* II. 30.

² Надирадзе Д. Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.; рез. на рус. яз.)

монетного двора³. Несмотря на это, по территории всего Кавказа столько золотых монет IV в. нигде не обнаружено. К примеру отметим, что в древнейшей столице Картлийского царства Мцхете найден единственный солид IV в. На Армазисхевском могильнике в погребении № 23 зафиксирована золотая монета Констанция II⁴. Солид Константина I был засвидетельствован и в с. Агаяни⁵, которое находится приблизительно в 20 км от г. Мцхета. Вот, пожалуй, и все. В других местах, кроме Сачхере, не было найдено ни солидов, ни субератов. Поэтому значение этих монет очень велико. Ставится вопрос, какими причинами обусловлено появление антиохийских и сисцидских золотых монет в Квирильском ущелье? Сначала о субератах.

Нумизмат Д. Капанадзе отмечал: когда римские монеты не поступали в достаточном количестве, их чеканили в виде местных подражаний⁶. Такими подражаниями он считал субераты Константина I и Констанция II, найденные в Сачхере. Однако он не привел убедительную аргументацию о том, были ли они изготовлены на месте, или же попали сюда через малоазийские города⁷.

Разумеется, мы далеки от мысли, что сачхерские субераты – местного происхождения. В этом случае следует особо подчеркнуть, что на протяжении всего IV в. в Грузии не было такого центра, где можно было осуществить эмиссию монет. Общеизвестным фактом является и то, что в IV в. в грузинских государствах (Картли и Эгриси) не чеканилась национальная монета. Исходя из этого трудно, по нашему мнению, представить эмиссию только субератов даже в таких крупных центрах, какими были столицы Картли и Эгриси – Мцхета и Нокалакеви (Археополис). Остается допустить, что субераты на территории Грузии попали вместе с солидами и чеканены тем же монетным двором, где производилась эмиссия солида. Если на реверсах субератов правильно указано место чекана монет, тогда можно предполагать, что и они являются также продукцией Антиохийского монетного двора. Во всяком случае на реверсах этих монет заштампована надпись: SMANH, т.е. SIGNITA MONETA ANTIOCHIAE, под номером H.

По мнению К.В. Голенко, поскольку Картлийское царство владело проходом у берега Черного моря, распространение римско-византийских монет благодаря этому могло быть вполне вероятным⁸. Заметим, однако, что проход у моря не мог быть обязательным фактором для распространения иноземных монет в Картлийском царстве. Ввоз монет в Картли мог осуществляться и через Эгрисское царство, так как именно оно владело в IV–V вв. всем черноморским побережьем⁹, а Картли имело проход у моря незадолго до этого – во II в., при царе Парсмане III¹⁰. Мы не располагаем сведениями о том, что Картли в IV в. возвратило себе эти коммуникации. Кроме того, надо учитывать и то обстоя-

³ Дундуа Г.Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н.э. – IV в. н.э. Великий Питиунт. Т. I. Тбилиси, 1975. С. 429.

⁴ Мцхета I – Археологические памятники Армазисхеви. Т. I. Тбилиси, 1955. С. 124.

⁵ Макалатия С. Археологические находки в сел. Даблагоми и Агаяни // СА. 1940. № V. С. 269–270.

⁶ Капанадзе Д. Новые находки подражаний римским ауреусам в Грузии // ВДИ. 1970. № 4. С. 82–83.

⁷ Капанадзе Д. Новые находки подражаний римским ауреусам в Грузии // ВДИ. 1970. № 4. С. 85.

⁸ Голенко К.В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964. С. 51.

⁹ Ломоури Н. История Эгрисского царства. Тбилиси, 1968. С. 53. (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

¹⁰ Fl. Arriani. PER. / Ed. G. Wirth. Leipzig, 1968. § 11.

тельство, что государственная граница между Картли и Эгриси, которая проходила по Лихскому хребту, была скорее всего формальной и не являлась препятствием для экономического и культурного взаимодействия¹¹. Такое положение дел сохранялось до VI в., пока в приграничных крепостях Эгриси не были размещены сначала византийские, а затем иранские гарнизоны¹². Все это позволяет утверждать, что на протяжении всего позднеантичного периода, включая IV в., Сачхере и в политическом, и в культурном смысле относился скорее к Картли, чем к Эгриси¹³, несмотря на свое географическое расположение – на западной стороне Лихского хребта. Этот факт не противоречит допущению, что римско-византийские монеты попали сюда именно через Эгрисское царство. Таким было положение в течение всей римской эпохи.

Доказательством сказанного служат и данные могильников Дзеври и Чхари, расположенных примерно в 60 км западнее Сачхере. В погребениях Дзеври и Чхари найдены римские денары¹⁴. Анализ археологического материала Чхарского могильника показал, что и эти территории Западной Грузии в II–III вв. также входили в состав Картлийского царства. Римские монеты попали сюда из городов черноморского побережья через внутренний рынок Эгриси¹⁵. В IV в. восточный сектор Западной Грузии входил в состав Картлийского царства, но в научной литературе существует и иная точка зрения, согласно которой в этот период Картли потерял Аргвети, который попал под юрисдикцию Эгриси¹⁶. Это мнение основано на свидетельствах Прокопия Кесарийского о том, что приграничными крепостями Шорапани и Сканда владели лазы (т.е. жители Эгриси)¹⁷. Если принять к сведению данные археологических памятников Верхней Имерети, трудно обосновать предположение, что Картли потерял всю Аргвети. На наш взгляд, было бы вернее полагать, что часть бывшего Аргветского эриставства все же оставалась под влиянием Картли. В первую очередь это были территории верхней части Квирильского ущелья, где и был расположен Сачхере. А окрестности нижнего течения р. Квирилы, с крепостями Шорапани и Сканда, перешли под власть Эгриси. Археологические памятники Квирильского ущелья показывают, что раздел Аргвети на две части не помешал ни Картли, ни Эгриси сохранять между собой тесные культурно-экономические контакты. Итогом этих взаимоотношений и являются находки византийских монет в Сачхере. Этот факт дает нам основания для предположения, что в глубь Картли монеты (как и вообще импорт IV в.) могли поступать через одно из ответвлений знаменитого торгового пути Риони-Квирила Шорапани-Сачхере-Али. Это отрезок Риони-Квирильского магистрального пути был гораздо более удобным и коротким, чем дорога через Лихский хребет. Так что, как мы считаем, византийские монеты и в Сачхере, и в Картли попали в результате торговых связей.

По сравнению с Картли приоритетное значение в отношениях с Византией следует отдавать Эгриси, так как именно через Эгриси монеты IV в. распространились по всей Грузии. Несомненно, в этой обстановке решающую роль играли

¹¹ *Ломтатидзе Г.* Клдеетский Могильник. Тбилиси, 1956. С. 133 (на груз. яз.; резюме на рус. яз.).

¹² *Proc. Bel. Goth.* VIII. 2.

¹³ *Брагвадзе З.* Рганский могильник // Археологический журнал. Тбилиси, 2000. I. С. 107–151 (на груз. яз.; резюме на нем. яз.).

¹⁴ *Он же.* Чхарский могильник. Тбилиси, 1997. С. 39–41. Рис. 3 (на груз. яз.; резюме на рус. яз.).

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Ломоури Н.* Указ. соч. С. 61.

¹⁷ *Proc. Bel. Pers.* II. 30.

причерноморские города, а в нашем конкретном случае, скорее всего Фазис – крупный порт Эгрисского царства. Мы думаем, что именно этот город представлял собой тот центр, который налаживал связи с малоазийскими городами, в частности с Антиохией, через него продукция монетного двора этого города распространялась внутри государства. Несомненно, такая же роль принадлежала и Бичвинте (Питиунту), при раскопках которого найдены монеты разных городов IV в. – Антиохии, Никомедии, Константинополя, Кизика, Сиссии, Александрии и др.¹⁸ До открытия Бичвинте и Сачхере монеты IV в. в Западной Грузии были обнаружены сравнительно в малом количестве, и эта реальность вынудила часть исследователей высказать предположение, что решающее значение имело при этом принятие христианства высшими слоями общества и упрощение христианского обряда захоронения¹⁹. Мы попытались показать, что хотя бы на раннем этапе утверждение христианства не являлось тем препятствующим фактором, которым можно было бы объяснить данный вопрос. Грузинские письменные источники прямо указывают, что в деле распространения и установления христианства в Грузии важную роль играл именно Константинополь. Но несмотря на это, на протяжении всего IV в. между Грузией и Византией не было столь тесных военно-политических связей, как в V–VII вв. И поэтому этот аспект не является здесь темой для рассмотрения. На наш взгляд, надо обратить внимание на торгово-экономические контакты Картли. Не следует при этом переоценивать роль Византии: в археологическом материале IV в. византийский импорт значительно уступает местной продукции, что подтверждается и ареалом распространения и самым малым количеством находок в Грузии солидов и субератов IV в.

¹⁸ Дундуа Г.Ф. Указ. соч. С. 429.

¹⁹ Голенко К.В. Указ. соч. С. 50.

А.К. Нефёдкин

ТАКТИКА СЛАВЯН В VI в.
(ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ
РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ)

Несмотря на значительное число работ, касающихся военного дела ранних славян, преимущественно в середине – второй половине прошлого столетия, проблема остается далекой от своего решения. Основная причина этого – недостаток источников, прежде всего – письменных, так как именно они были и остаются главной исследовательской базой для изучения тактики славян, как и любого другого народа. Археологические материалы, хотя и постепенно увеличивающиеся в своем объеме, имеют безусловно важное, но все-таки второстепенное значение. Они способны дать представление о комплексе вооружения славян, позволяют догадываться о некоторых элементах их тактики¹. Но в целом материал этот скуден, в особенности для ранних славян, и может рассматриваться только как вспомогательный при анализе письменных свидетельств. Впрочем, с подобным состоянием источников историки имеют дело при изучении военной истории не только ранних славян, но и любых других древних и раннесредневековых народов.

Поэтому, предпринимая еще одну попытку анализа сохранившихся письменных свидетельств, позволяющих составить сколько-нибудь отчетливое представление об “элементарной” тактике ранних славян (именно в этом заключается основная цель данной статьи), кажется необходимым более широко, чем это обычно делается, использовать историко-сравнительный метод.

Наиболее полная информация о военном деле ранних славян содержится в “Стратегиконе”, автором которого традиционно считается император Маврикий (582–602)². “Стратегикон” – это своего рода воинский устав, состоящий из нескольких разновременных пластов: к старой информации постепенно добавлялись новые сведения. П.В. Шувалов выделяет три основных слоя в трактате: 1) рубеж V–VI вв.; 2) середина VI в.; 3) рубеж VI–VII вв. Данные о славянах, по его мнению, относятся ко второму пласту, а точнее – к 530-м годам³. “Стратеги-

¹ Новейшую сводку археологического материала см.: *Kazanski M. L'armement slave du haut Moyen-Âge (Ve-VIe siècles): A propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slaves // Přehled výzkumů. 1999. 39. S. 197–236.*

² Подробнее об авторстве см.: *Удальцова З.В. Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия // СВ. 1969. Вып. 32. С. 61–76; Кучма В.В. “Стратегикос” Онасандра и “Стратегикон Маврикия”: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1982. Т. 43. С. 44–49; Он же. “Стратегикон” Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I / Отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 364–367. (Далее: Свод...); *Шувалов П.В. Северные варвары в “Стратегиконе” Псевдо-Маврикия // Жебелевские чтения-II. Тезисы докладов научной конференции 26–27 октября 1999 г. СПб., 1999. С. 64.**

³ *Шувалов П.В. К вопросу о влиянии аваров на позднеимперское военное дело // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы Международной конференции в Санкт-Петербурге (23–25 ноября 1999 г.) / Отв. ред. В.М. Массон. СПб., 1999 (Археологические изыскания. Вып. 61). С. 48–49; Он же. Северные варвары... С. 67–68.*

кон” является первым произведением европейской военной литературы, где специально описаны враги и способы борьбы с ними⁴.

Маврикий описывает в основном стратегию и “большую” тактику славян, которая позволяет сделать некоторые выводы и об их “элементарной” тактике⁵. Естественно, тактика в значительной мере зависит от комплекса вооружения. Говоря о вооружении славян, Маврикий пишет: Каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями (мы предпочитаем – дротиками. – А.Н.), а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом...”⁶. Вслед за Маврикием вооружение славян описывает император Лев VI Мудрый (886–912)⁷: “Каждый мужчина некогда вооружался двумя небольшими дротиками, то есть риктариями, а некоторые – и большими вытянутыми щитами, как фиреосы; пользовались они также деревянными луками, а стрелы имели намазанными ядом...”⁸. Другое описание комплекса славянского оружия оставил знаменитый историк середины VI в. Прокопий Кесарийский: “Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и дротики в руках, панциря же никогда на себя не надевают”⁹.

Таким образом, славянское войско состояло из пехоты; войны-всадники были немногочисленны и являлись скорее всего пехотинцами, ездоками верхом. Большинство славянских воинов в VI в. было вооружено дротиками и щитами¹⁰. Дротики (δρόντια) – древковое оружие дальнего боя, не предназначенное для рукопашной схватки. В “Стратегиконе” “склавинские ланкидии” (σλαβίνδια Σκλαβίνισκια)¹¹ выступают альтернативой метательному копьё βηρύττα (в первоначальном латинском звучании – *verutum*, которое, согласно Вегецию, имело в длину примерно 1,2 м¹²). Лев именует славянские копья риктариями. Данный

⁴ Жанр подобных этнографических описаний уже был известен в мировой литературе: в китайской традиции подобное описание войск из различных географических регионов содержится в трактате “У-цзы” (II, 1), созданном в первом половине IV в. до н.э.

⁵ *Mauricius. Arta militaria / Ediție critica, traducere și introducere de H. Mihăescu (Scriptores Byzantini VI). București, 1970. XI. 4.* (Далее: *Mauric.*). О достоверности описания славян в “Стратегиконе” см.: *Брайчевский М.Р.* Об “актах” Псевдомаврикия // *СЭ.* 1953. № 2. С. 21 (ср. С. 24–25); *Zástěrová B.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice (Rozprawy Československé Akademie Věd. Rada společensých věd. Ročník 81. Sešť 3). Praha, 1971. P. 70–72, 82; *Кучма В.В.* Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов // *Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник / Отв. ред. М.М. Фрейденберг. М., 1978. С. 5, 11; Dagron G.* “Ceux d’en face”. Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // *TM.* 1987. 10. P. 209.

⁶ *Mauric. XI. 4, 11 (Кучма В.В.* “Стратегикон” Маврикия // *Свод... I. С. 371).* Ἀρόντιον – метательное оружие (ср. текст ниже и примеч. 9 и 13); имеются в виду скорее дротики, чем копья.

⁷ *Zástěrová B.* Les Avars... P. 57–58; *Кучма В.В.* Славяне... С. 13–24.

⁸ *Leonis imperatoris tactica // PG. T. 107. 1863. XVIII, 107.* (Далее: *Leo. Tact.*).

⁹ *Procop. Bel. Goth. III. 14, 25;* пер. Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского (*Иванов С.А., Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Прокопий Кесарийский // *Свод... I. С. 185).*

¹⁰ Согласно археологическим материалам VI–VIII вв., славяне кроме копий имели топоры, лук и стрелы, трофейные мечи, а из защитного вооружения – кольчуги, найдена и чешуйка от панциря (*Kazanski M.* L’armement slave... P. 200, 204).

¹¹ *Mauric. XII. 8, 5.*

¹² *Veget. II. 15.* При описании копий славян я опираюсь на разработки П.В. Шувалова (*Шувалов П.В.* Военное дело ранних славян (VI век) // *Нефёдкин А.К., Никоноров В.П., Шувалов П.В.* Военное дело народов Юго-Восточной Европы в I–VI вв. (по материалам античных источников). СПб., 2000. С. 148–153 (рукопись)), за возможность ознакомления с которыми выражаю автору искреннюю благодарность.

термин является у него синонимом дротиков¹³. Так, описывая вооружение византийской легкой пехоты, Лев замечает: “Виритты (βιρίττας), которые называются риктариями”, т.е. он соотносит данное оружие с упомянутым выше *verutum*¹⁴.

О том, что славянские воины имели по два дротика, сообщает и епископ VI в. Иоанн Эфесский: ранее (т.е. до 580-х годов), пишет он, у славян не было никакого оружия, “кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копья”¹⁵. При господстве метательного боя дротики были эффективным оружием, даже без другого наступательного оружия у воинов¹⁶. К примеру, в битве при Орхомене (86 г. до н.э.) лучники понтийцев, теснимые римлянами, сражались даже пучками стрел, не имея другого оружия для рукопашной¹⁷.

Для дальнего боя использовался и лук. Маврикий не случайно подчеркнул, что он был “деревянным”: на нем не было сложной системы накладок, он не был составным. Поскольку стрелы, согласно “Стратегикону”, были “небольшими” (μικροῖς), то и лук соответственно был небольшим. Хотя и маленький сложный лук мог быть сильным, но указание на стрелы, смазанные ядом, говорит скорее о том, что на отравление противника славяне надеялись в большей степени, чем на силу поражения¹⁸. Обычно стреляли из такого лука прицельно, стараясь попасть в незащищенную часть тела, а не выпускали массу стрел, рассчитывая, что какая-нибудь из них может поразить врага. Лук с отравленными стрелами, судя по стилю преподнесения информации Маврикием, был менее распространен, нежели дротики, и являлся, по-видимому, оружием заимствования. Возможно, прав П.В. Шувалов, полагающий, что лук обычно использовали для обстрела врагов из засад, когда мишень была на виду и было удобно целиться в нее¹⁹.

Основным и практически единственным оборонительным оружием славян был щит. Согласно описанию Маврикия, щиты были прочными и труднопереносимыми (βιοεταχομότα). Последний эпитет и является ключевым при определении размера щита. Он был несомненно большим²⁰. Лев сравнивает щит славян с византийским, который был на вооружении современного ему пехотинца: “меч, копьё, а когда польза призовет, щит, вытянутый, большой, отовсюду округлый, который называется θυρεός”²¹. По своей округлой форме этот щит мог несколько отличаться от славянского. В другом месте, рассказывая о вооружении греков эллинистической эпохи, Лев замечает: “щиты они делали большими, закругленными, удлинёнными, которые зовутся фиреосами”²². При этом имеется в виду эллинистический вытянутый овальный щит кельтского происхожде-

¹³ См.: ἀρόντια: Leo. Tact. VI. 7; δρότια у античной легкой конницы: VI. 33; VI. 36.

¹⁴ Leo. Tact. VI. 26.

¹⁵ *Joh. Ephes. Hist. eccl. III. 6, 25*; пер. Н.И. Серикова (*Сериков Н.И. Иоанн Эфесский // Свод... С. 279*). В одном погребении Княжинского некрополя (Курская обл.) найдено два наконечника копья, что подтверждает наличие у славянского воина пары копий (*Kazanski M. L'armement slave... P. 216. Fig. 1, 3-4*).

¹⁶ Данные о столь скромном вооружении славян Б.Д. Греков считал недостоверными (*Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 315*).

¹⁷ *Plut. Sulla. 21.6*.

¹⁸ *Шувалов П.В. Военное дело ранних славян... С. 151*.

¹⁹ Там же. Ср.: подобное использование лука с отравленными стрелами франками в 388 г. (*Greg. Tur. Hist. Franc. II. 9*).

²⁰ *Zástěrová B. Les Avars... P. 71*.

²¹ *Leo. Tact. VI. 25*.

²² *Leo. Tact. VI. 34*.

ния. Насколько был велик щит у славян, из данных описаний все-таки неясно. Поскольку в первом случае Лев сравнил славянский щит со щитом византийского пехотинца, современного ему, постольку мы можем, хотя бы относительно, судить об их размерах. Обратимся к более позднему свидетельству: император Никифор Фока (963–969) рекомендует своим тяжеловооруженным пехотинцам иметь щиты “не менее шести пядей” (более 1,3 м)²³, тогда как ранее, в середине VI в., “Византийский аноним” советовал тяжеловооруженной пехоте иметь щит с умбоном не менее семи пядей, т.е. более 1,5 м в длину²⁴. Следовательно, речь идет об обычном большом овальном щите позднеримско-византийского типа. Маврикий также скорее всего сопоставляет щит славян со щитом византийского пехотинца, размер которого он, впрочем, не описывает²⁵. Щит же славян, как мы понимаем смысл сделанного Маврикием сопоставления, был еще больше. Вероятно, не случайно Лев заимствовал описание вооружения славян из “Стратегикона”: возможно, их основное оружие изменилось с VI до конца IX в. незначительно, или по крайней мере так полагал автор. Во всяком случае большой щит продолжал существовать у восточных славян еще в X в. Рассказывая о войне Святослава на Дунае, Лев Диакон упоминает щиты русов, которые достигали ступней (971 г.)²⁶. Данное оружие обычно рассматривается как продолговатые длинные щиты, предназначенные для пешей битвы²⁷, хотя у византийцев уже в середине X в. были миндалевидные щиты²⁸, а на миниатюрах мадридской рукописи Скилицы, которая датируется второй половиной XII в., но считается скопированной с более раннего прототипа, русы имеют небольшие миндалевидные щиты²⁹.

Из информации Прокопия сложно сделать какие-либо выводы о форме и размере щита. Автор называет щиты славян *ἀσπίδες*. П.В. Шувалов считает, что в данном слове нельзя усматривать указание на “небольшие щиты”, так как Прокопий просто придал аттическому слову *ἀσπίδες* окончание среднего рода, характерное для обозначения оружия в византийский период³⁰. Данное слово встречается у Прокопия только здесь – вероятно, он все-таки имел в виду какие-то особенности конструкции щитов у славян. Если под этим термином понимать “небольшие щиты”, то описанные Прокопием славяне, вооруженные такими щитами и дротиками в качестве наступательного оружия, должны были сражаться иначе, чем их соплеменники, описанные Маврикием, и их тактика напоминала образ действия древних фракийских пельтастов³¹. Не являлись ли славя-

²³ Стратегика императора Никифора / Издал Ю.А. Кулаковский. СПб., 1908. Р. 2. II. 3–4.

²⁴ Der Byzantiner Anonymus. Staatswissenschaft der Tat oder Kriegswissenschaft // Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. Tl. II. Abt. 2. Leipzig, 1855. 16, 1.

²⁵ Mauric. Strat. XII. 8, 4.

²⁶ Leonis Diaconi Caloënsis historiae libri decem / E rec. C.D. Nasii. Bonnae, 1828. VIII, 4; IX, 2. (Далее: Leo Diac. Hist).

²⁷ Завитневич В.З. Военное дело у русских славян в эпоху их вступления на историческую арену // Военно-исторический вестник. 1909. № 1–2. С. 21; Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1–36.) С. 34, 37.

²⁸ Sylloge tacticorum quae olim “Inedita Leonis Tactica” dicebantur / Ed. A. Dain. P., 1938. 38, 1.

²⁹ Hoffmeyer A.B. Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid (Gladius. T. V). Granada, 1966. P. 84–87, 91. Fig. 41, 46–47.

³⁰ Шувалов П.В. Военное дело ранних славян... С. 149. Примеч. 9.

³¹ См.: Фол А. Тракийско военно изкуство. София, 1969. С. 57–65. По мнению некоторых исследователей, анты, описываемые Маврикием наряду со склавами, были более архаичными и представляли собой северян, которые переселились в Подунавье из лесов и лесостепей левобережья Днепра (Брайчевский М.Р. Об “антах” Псевдомаврикия. С. 25–36; Мавро-

не с небольшими щитами теми метателями дротиков и агрианами, которые упомянуты в “Чудесах св. Димитрия Солунского”³². Б. Застерова полагает, что данное противоречие в описаниях славянского щита у Прокопия и Маврикия объясняется развитием вооружения за период между временем написания работ этих двух авторов³³. Однако если принять датировку написания данной части “Стратегикона”, предложенную П.В. Шуваловым, то указанного промежутка времени практически не было. Да и вообще резкие изменения в вооружении выглядят хотя и допустимыми, но все же мало вероятными, поскольку даже при наличии государственной власти, проводившей реформы в военной сфере, или при появлении совершенно нового противника, требующего новых способов противодействия ему, упомянутая эволюция вооружения обычно растягивалась на долгие годы. По-видимому, именно из больших щитов славяне соорудили “изгородь”, которой они окружили Фессалонику³⁴. Следовательно, щиты такого размера славяне на Балканах употребляли еще и в 586 г., а восточные славяне и в более позднее время. Поэтому можно полагать, что набор вооружения, описанный Прокопием, следует связать с другими славянскими племенами, нежели с теми, о которых рассказывал Маврикий.

При раскопках древних славянских погребений и поселений не найдены ни умбоны, ни металлические оковки щитов³⁵. Умбоны были характерны для щитов, используемых как в метательном бою (на них принимали летящие снаряды, которые с них соскальзывали³⁶), так и в рукопашном (умбоны подставляли под удары оружия или даже разили ими врага³⁷). Окантовка же щита служила не только для более прочного скрепления структуры щита, но и для противодействия рубящим ударам³⁸. Следовательно, большие щиты славян не предназначались для мобильного использования в бою – они были стационарны. Разумеется, отсутствие доспехов у славянских воинов можно лишь отчасти объяснить наличием у них больших щитов, закрывавших все тело воина. Доспехи не были характерны и для других народов Европы, проживавших в лесной местности (германцев, прибалтов, финнов) – это был определенный уровень военной культуры³⁹.

Таким образом, согласно письменным источникам, основным оружием славян в VI в. были метательные дротики и большие щиты. Обратимся теперь к вопросу о боевом порядке ранних славян. Современные исследователи определяют его то как простую толпу, то как колонну, то как рассыпной строй⁴⁰. С точ-

дин В.В. К вопросу об “антах” Псевдомаврикия // СЭ. 1954. № 2. С. 32–41; ср.: Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Болгарското военно изкуство през феодализма. София, 1958. С. 18, 22. Противоположную точку зрения см.: Корольюк В.Д. “Вместо городов у них болота и леса...” (К вопросу об уровне славянской культуры в V–VI вв.) // ВИ. 1973. № 12. 199. О продвижении славян на Балканы с востока см.: Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 316–318.

³² Иванова О.В. Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод... Т. II. М., 1995. С. 159. Гл. 262. (Далее: *Miracul. Demetr.*).

³³ *Zástěrová B. Les Avars...* P. 71.

³⁴ *Miracul. Demetr.* 123; *Zástěrová B. Les Avars...* P. 71.

³⁵ Козак Д.Н. Про військову справу давних слов'ян // Археологія. 1993. № 3. С. 43; Он же. Военное дело древних славян (Страницы истории Южной Украины. 20). Николаев, 1997. С. 10; Шувалов П.В. Военное дело ранних славян... С. 151.

³⁶ *Verg. Aen.* II. 545–546.

³⁷ *Tac. Agric.* 36; ср.: *Stat. Theb.* VIII. 398; *Claud. Bel. Gild.* 433–434.

³⁸ *Plut. Camil.* 40; *Polyaen.* VIII. 7, 2.

³⁹ Ср.: Горский А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. С. 20.

⁴⁰ См.: Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Военное дело на югоизточните славян и първобългарите // Военно-исторически сборник. 1957. № 2. С. 18; Он же. Българското военно изкуство... С. 22.

ки зрения автора “Стратегикона”, профессионального военного, славяне и анты не знали боевого порядка⁴¹. Об этом же упоминает и другой военный-профессионал – автор трактата “О военной науке”⁴². Действительно, с точки зрения византийцев, славяне не сражались в каком-то правильном боевом порядке⁴³. Однако все-таки некий порядок в войске славян должен был быть, ведь он появляется у народов на довольно ранней стадии развития. Во время осады Фессалоники в первой четверти VII в., согласно житию св. Димитрия, славяне соблюдали определенный боевой порядок в начале штурма⁴⁴.

Сначала боевой строй складывался стихийно, в зависимости от возрастных различий и особенностей вооружения каждого индивидуума. Когда количество войск позволяло, молодых и энергичных воинов ставили впереди для завязки сражения⁴⁵, основной же бой вели зрелые воины. В резерве (если таковой был предусмотрен) находились опытные бойцы, часто ветераны или отборные части (например, дружина вождя). Характерно, что римское боевое построение республиканской эпохи состояло из трех линий: молодежи-гастатов, мужчин-принципов и ветеранов-триариев⁴⁶.

Славяне имели родовое и племенное ополчения⁴⁷, которые были организованы, возможно, по традиционной для индоевропейцев десятичной системе⁴⁸. В грабительских походах участвовали, судя по всему, добровольцы, прельщенные надеждой на добычу⁴⁹. В опасных военных предприятиях участвовали обычно юноши⁵⁰.

Источники, как упоминалось, не дают прямого ответа на вопрос о боевом порядке и “элементарной” тактике славян. Исследователи предположительно реконструируют боевой порядок следующим образом: при сближении с врагом

⁴¹ Mauric. IX. 3, 1: ἄτακτοι; IX. 4, 12: οὐ δὲ τάξις ἰνὸς οὐκ οὐσιν.

⁴² Müller K.K. Ein griechisches Fragment über Kriegswesen // Festschrift für Ludwig Urlichs zur Feier seiner Fünfundzwanzigjährigen Wirkens an der Universität Würzburg dargebracht von seinen Schülern. Würzburg, 1880. P. 125, 1. 30: ἄτακτοι; ср.: p. 126, ll. 4–7. (Далее: De milit. scient.).

⁴³ Клибанов А. Боевой порядок у древних славян // Исторический журнал. Кн. 1–2 (137–138). 1945. С. 74; Рыбаков Б.А. Русское военное искусство X–XIII веков. Стенограмма лекции, читанной 18 ноября 1944 г. М., 1945. С. 14; Он же. Военное дело (стратегия и тактика) // История и культура Древней Руси. Домонгольский период. I: Материальная культура / Под ред. Н.Н. Ворониной, М.К. Каргера, М.А. Тиханова. М.–Л., 1948. С. 398; Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 308; Рыбаков Б.А. Боевые порядки русских войск в XI–XII вв. // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 27. 1954. Вып. 2. С. 5; Цанкова-Петкова В. Материальная культура и военного искусство на дакийските славяни според сведенията на “Псевдо-Маврикий” // Известия на Института за българска история. 7. София, 1957. С. 342; Zástěrová B. Les Avares... P. 72; ср.: Разин Е.А. История военного искусства. Т. II. М., 1957. С. 41, 48.

⁴⁴ Miracul. Demetr. 182: σύνταξις.

⁴⁵ Ср.: Tacit. Germ. 6.

⁴⁶ Polyb. VI. 22–23. Аналогичное римскому построению существовало у папуасов дугумдани (Heider K.G. The Duguan Culture in the Highland of West New Guinea (Viking Fund Publication in Anthropology. N 49). N.Y., 1970. P. 110–111, 281–282).

⁴⁷ Procop. Bel. Goth. III, 14, 4.

⁴⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 312–313; Лапин Н.А. Военное искусство древних славян. Лекция. М., 1949. С. 17; Довженко В.Й. Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950. С. 10; Строков А.А. История военного искусства. Т. I. М., 1955. С. 145; Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Българското военно искусство... С. 13; Зогович С. Развитие военной организации у славян в VI–VII вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 7.

⁴⁹ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 165.

⁵⁰ Mauric. XI. 4, 39; ср.: Miracul. Demetr. 203; 273.

славяне поднимали крик и переходили на бег; затем, метнув копья, они шли врукопашную⁵¹.

Поскольку общепризнанно, что у разных народов, даже никогда не вступавших в контакт друг с другом, отделенных большими расстояниями и проживавших в различные исторические эпохи, примерно на одинаковых стадиях развития складывались сходные общественные институты и нормы поведения (включая организацию военного дела), то тут уместно обратиться к сравнительно-историческому методу, о котором упоминалось в начале статьи. Разумеется, при этом следует принимать во внимание обычные виды вооружения ранних славян (дротики и большие щиты) и оружие сопоставляемых с ними народов, как и наиболее вероятные формы его применения.

Так, некоторое представление о тактике ранних славян можно составить по аналогии с организацией военного дела у латвийских племен в начале XIII в., которые были вооружены похожим оружием. Соответствующее свидетельство содержится в “Хронике Ливонии” Генриха Латвийского, современника и участника событий первой половины этого столетия. К началу XIII в. данные племена представляли собой остатки древнего языческого населения Европы, для которого была характерна весьма архаичная тактика, вполне сопоставимая с той, которая была свойственна древним германцам на рубеже эр и ранним славянам в середине I тысячелетия н.э.: у них не было конницы, отсутствовали доспехи, а главным оружием были щиты и метательные копья. Автор хроники, на основании своих личных наблюдений⁵², оставил описание вооружения куршей и способ их действия во время нападения на Ригу в июле 1210 г. Курши, неожиданно подплыв к городу, высадились на берегу. В самом начале боя около Двины арбалетчики – защитники Риги – ранили многих из нападавших, так как у них не было доспехов. Курши “выстроили войско на поле и каждый у них нес перед собой деревянный щит, сделанный из двух досок, и дубину, в роде пастушеского посоха, для поддержания щита”⁵³. Автор не пишет при этом, какое наступательное оружие имели нападающие. Однако в другом пассаже, рассказывая о морском бое, он упоминает копья⁵⁴. Учитывая гомогенность вооружения этносов данного региона и нераспространенность лука у местных жителей, можно полагать, что и в бою под Ригой курши были вооружены метательными копьями. Итак, они приближались, выставив перед собой щиты. Перед валом города с ними бились ливы и арбалетчики до третьего часа дня, т.е. бой был длительным, метательным. Затем последовала атака и отступление рижан. Курши отошли к своим судам для обеда, после которого подступили к городу, стараясь его поджечь. Причем, “когда они вышли из-под своих щитов, чтобы носить лес для поджога, очень многие из них пострадали от стрел...”. Битва длилась весь день, пока конные жители замка Гольм не отогнали нападавших, угрожая им мечами. Таким образом, тактика куршей представляется довольно простой: они наступали, прикрывшись щитами, а сближались на подходящее расстояние от врага, сражались, метая дротики из-за своих установленных стационарно щитов. Такой бой длился целый день, и лишь угроза атаки всадников, пришедших на помощь рижанам, заставила куршей ретироваться.

⁵¹ Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Военное дело... С. 18–19; Они же. Българското военно изкуство... С. 23.

⁵² Аннинский С.А. Введение // Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Пер. С.А. Аннинского. М.; Л., 1938. С. 22.

⁵³ Henr. Chron. Liv. III.14,5; переводы С.А. Аннинского.

⁵⁴ Henr. Chron. Liv. III.14,1.

Тактика куршей не была, конечно, уникальной и не имеющей аналогов. Обратимся к совершенно другому региону, к Новой Гвинее, племена внутренней части которой еще в середине XX в. жили в неолите и не имели даже четко оформленной системы вождества, а значит и военных дружин⁵⁵. У чимбу (крупная народность в горной части Папуа-Новой Гвинеи) отряд состоял из щитоносцев, вооруженных копьями и топорами, и лучников. Первую линию в бою составляли щитоносцы; они препятствовали врагу перейти врукопашную и напасть на лучников и одновременно прикрывали последних от вражеских снарядов, вторая линия стрелков была основной поражающей силой, которая стремилась нанести врагу максимальный урон⁵⁶.

У папуасов маринг, живущих на лесистом хребте Бисмарка в центре Папуа-Новой Гвинеи, существовало два вида боя и соответственно две тактики и два набора оружия: огромные, в рост человека деревянные щиты шириной около 75 см, иногда их низ был специально приспособлен для установки на землю; плоские луки, стрелы, колющие копья и топоры с полированными каменными лезвиями. Первый менее ожесточенный вид боя происходил, когда противники становились друг против друга на расстоянии полета стрелы, устанавливали свои щиты, а лучники выскакивали для стрельбы из-за щитов. Такой бой мог продолжаться целые дни, причем убитые или даже серьезно раненные были редки.

Второй сценарий боя был уже настоящим сражением. Щитоносцы, вооруженные копьями и топорами, вставали впереди, за ними становились в несколько нестройных шеренг лучники. Стрелки пускали град стрел, а щитоносцы, прикрываясь щитами, сражались топорами и копьями. Иногда воин со щитом менялся местом с лучником для отдыха. Бойцы могли и вообще уйти отдыхать утомившись в бою. Когда щитоносец, раненный метательным копьем или стрелой, падал, враг мог произвести небольшую атаку вперед и добить упавшего копьем или топором. Однако и в таком столкновении потери были незначительны и бои тянулись целыми днями⁵⁷.

В целом общие тактические принципы у маринг те же, что и у чимбу. Главное отличие состояло в том, что у папуасов были не дротики, а луки и стрелы. Аналогия же в вооружении и тактике ранних славян и куршей, как кажется, полная. Скорее всего и у славян первую линию составляли воины со щитами, из-за которых воины метали дротики. Если у куршей, судя по описанию Генриха каждый воин имел щит и дротики, то у славян, исходя из свидетельства Маврикия, не все бойцы имели щит, но тем не менее и они могли сражаться, установив щиты стационарно на землю. Возможно, и у славян уже в VI в. существовала определенная специализация: часть воинов была щитоносцами, а часть просто дротикометателями или стрелками⁵⁸. Возможно, каждый сражался тем, к че

⁵⁵ Шнирельман В.А. У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. I. М., 1994. С. 147.

⁵⁶ Там же. С. 156.

⁵⁷ Vayda A.P. War in Ecological Perspective: Persistence, Change, and Adaptive Processes in Three Oceanian Societies. N.Y.; L., 1976. P. 15, 17–18; Keega J. A History of Warfare. L., 1994. P. 99–101.

⁵⁸ Цанкова-Петкова В. Материалната култура... С. 342; Кучма В.В. "Стратегикон" Маврикия // Свод... Т. I. С. 385. Примеч. 17; ср.: Иванова О.В. Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях Балканского полуострова в VII–VIII вв. // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 59; против: Шувалов П.В. Военное дело ранних славян... С. 155.

му привык. Согласно житию св. Димитрия, славянские войны делились по главному виду оружия: в 670-х годах среди македонских славян, осаждавших Фессалонику, были “лучники, щитоносцы, агриане (= пельгасты. – А.Н.), дротикометатели, пращники, мангари (обслуга машин. – А.Н.)”, воины с лестницами и огнем⁵⁹.

Обратимся теперь к полевой (“большой”) тактике славян, которую автор “Стратегикона” описывает с прекрасным знанием дела: “Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают. Если же и придется им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик⁶⁰ и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах”⁶¹.

Итак, для славян было обычным и даже предпочтительным не сражение в открытом поле, а неожиданное нападение из засады и/или в неудобной для противника местности и/или когда он еще не построен⁶². На пересеченной территории византийские войска не могли соблюдать боевой порядок, и, следовательно, общее военное правило (“строй побеждает толпу”) тут не действовало⁶³. Полевая же битва была для славян скорее редкостью, нежели правилом. Однако и она иногда происходила⁶⁴.

Исходя из описания “Стратегикона” и исторических аналогий, битву в открытом поле, в которой славяне были наступающей стороной, можно представить следующим образом. Славяне приближались к врагу колоннообразной массой, которая затем развертывалась в боевой порядок. Впереди вставали щитоносцы⁶⁵, а за ними – дротикометатели. Возможно, как позднее воины Святослава, славяне до боя несли свои большие щиты за спинами⁶⁶, а затем брали их

⁵⁹ Miracul. Demetr. 262.

⁶⁰ Глагол *τρέλοναι* встречается в “Стратегиконе” только в данном пассаже. Перевод В.В. Кучмы слов *τήν αὐτήν τρέλονται* как “прекращают крик”, на мой взгляд, не удачен: при отступлении, а тем более при бегстве кричат не слабее, чем при атаке (Кучма В.В. “Стратегикон” Маврикия. С. 371). С.А. Жебелёв, Х. Михэеску и Э. Гамильшег переводят, как кажется, точнее – “поворачивают туда, откуда пришли” (Жебелёв С.А. Маврикий (Стратег). Известие о славянах V–VI вв. // Исторический архив. Вып. II. 1939. С. 37; Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 254; Mauric. P. 281` Das Strategikon des Maurikios / Einführung, Edition and Indices von G.T. Dennis. Übersetzung von E. Gamillscheg (Corpus Fontium Historiale Byzantinae. VI). Wien, 1981. S. 275.

⁶¹ Mauric. XI.4,12.

⁶² Ср.: *Procop. Bel. Goth.* III.22, 3; 5; 38, 9–14; Mauric. XI. 4,9; 13; 24–26; 34; 39; ср.: 33; *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 110–113.

⁶³ *Strabo.* VII.3, 17; *Procop. Bel. Goth.* I.28,9; см.: Дельбрюк Г.Г.Л. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. Т. I. СПб., 1994. С. 52–57; Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М.; Л., 1927. С. 27.

⁶⁴ Болгарские исследователи справедливо полагают, что славяне предпочитали сначала вести бой с византийцами на пересеченной местности, по мере накопления опыта стали вступать в битву и на равнине, причем в первом виде схватки они сражались в рассыпном строю, а во втором – в сплоченном (Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Българското военно изкуство... С. 22–23).

⁶⁵ Лацин Н.А. Военное искусство... С. 18.

⁶⁶ Leo Diac. Hist. IX.6.

в руки, в боевое положение. Не ясно, однако, образовывали ли эти щиты сплошную стену. Вероятно, нет, учитывая упоминание анонима о славянах как о воинах, сражающихся “рассеянно”⁶⁷. Щиты, по-видимому, находились на некотором удалении друг от друга, образуя, таким образом, неровный фронт. Они могли располагаться ближе или дальше в зависимости от близости врага – чем ближе неприятель, тем плотнее друг к другу становились воины со щитами. Около щитоносца(цев) группировались дротикометатели и немногочисленные лучники, которые скорее всего были родственниками из одной семьи или рода. Они и образовывали элементарную тактическую единицу, которая формировалась как бы естественным путем, без внешнего организующего начала⁶⁸. Отряды более дальних родственников, в силу родовой спайки, также старались находиться вместе, объединяясь под руководством одного предводителя⁶⁹. Возможно, этим объясняется определение анонима способа славян сражаться “смешанно”⁷⁰, видимо, воины разных видов пехотинцев (щитоносцы и дротикометатели) сражались попеременно. Впрочем, возможен и другой вариант объяснения данного “смешения”: среди пеших были немногочисленные конники, которые скорее всего спешивались для боя⁷¹, хотя нельзя исключить и того, что они метали дротики, сидя верхом⁷².

Для врага главной задачей было устоять при наступлении славян и не поддаваться панике: приближение вражеского воинства, часто многочисленного, страшного по облику, издающего грозные крики, было трудно вынести психологически, особенно неопытным бойцам⁷³. Фронт щитов славян постепенно приближался к врагу, некоторые воины выскакивали вперед, задирая врага;

⁶⁷ De milit. scient. P. 125, 1.30: διεσπαρμένα.

⁶⁸ Как отмечает П.В. Шувалов, согласно археологическим данным, в поселениях славян было по 1–5 домов, мужчины из них и составляли элементарную единицу в отряде (Шувалов П.В. Славянское общество дунайского периода (469–604) // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК РАН / Отв. ред. В.М. Массон. СПб., 1991. С. 34, 36; ср.: Горянов Б.Т. Славянские поселения VI в. и их общественный строй // ВДИ. 1939. № 1. С. 313–314).

⁶⁹ Ср.: Греков Б.Д. Иностранцы о славяно-русском войске (VI–XVII вв.) // Исторический журнал. 1941. № 9. С. 103; Клибанов А. Боевой порядок... С. 76; Разин Е.А. История военного искусства. Т. II. С. 37, 42; Цанкова-Петкова В. Материалната култура... С. 343; Иванова О.В. Формы политической организации... С. 59; Живковић Т. О племенском устројству и војној снази подунавских Словена у VI и VII веку // ЗРВИ. 1996. 35. С. 99, 115–116).

⁷⁰ De milit. scient. P. 125, 1.29: συγχεχυμένα.

⁷¹ Ср.: Theophylactus Simocatta. Historia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887. VI.1, 2. (Далее: Theoph. Sim.).

⁷² Ср.: Theoph. Sim. VII.4.11. А. Клибанов считал, что конница славян могла действовать как самостоятельно, так и во взаимодействии с пехотой, однако источники прямо не говорят о самостоятельной тактической роли конницы (Клибанов А. Боевой порядок... С. 81; Зогович С. Развитие военной организации... С. 8). Всадниками обычно считаются дружинники предводителя похода, причем они часто спешивались для боя (Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Българското военно изкуство... С. 14). Еще в конце XIX в. С.А. Гринёв доказывал существование настоящей конницы у славян и русов во второй половине I тыс., хотя все его аргументы и этнические атрибутации теперь безнадежно устарели (Гринев С.А. Была ли конница у древних руссов? Исследование. Киев, 1895. С. 7, 20, 30). Наличие всадников у славян рассматриваемой эпохи подтверждает и археология, в частности находки удила, пряжек от упряжи и шпор (Kazanski M. L'armement slave... P. 202–205).

⁷³ О боевом крике славян см.: Miracl. Demetr. 110; 112; 119; 185; 262. Описания варварских войн см.: Thuc. IV. 126,3–6: иллирийцы; Liv. VI. 13,1–2: вольски; Liv. X. 28,3–4; Front. Strat. II. 1,8: самниты и галлы; Procop. Bel. Vand. II. 11,28: мавры.

демонстрируя свою удаль и, по возможности, нанося урон неприятелю. Скорее всего в основном это были наиболее смелые юноши⁷⁴. Такой тактики могли придерживаться и всадники, пользуясь быстротой своих коней.

Наконец, линия щитов останавливалась в нескольких десятках метров от врага, т.е. на расстоянии, с которого можно было метать дротики. Если противник не дрогнул и не побегал, то начинался бой. Чтобы было удобней попасть во врага дротиком, славянские воины выбегали из-за щитов. Среди них были, конечно, искусные метатели. Так, Агафий упоминает о некоем славянине на византийской службе Сваруне, который во время штурма укрепления метким броском копья положил начало разрушению вражеской “черепahi” (556 г.)⁷⁵. Имея два-три метательных копья, можно было вести длительный, многочасовой дальний бой, используя и свое, и подобранное вражеское оружие. Известно, что славяне в 594 г., обороняясь от византийцев из вагенбурга, пользовались дротиками вплоть до ночи⁷⁶. (Впрочем, это был бой с применением походного укрепления, а не обычная полевая битва.) Дальний бой характерен для народов, главным оружием которых было метательное⁷⁷. В связи с этим представляется неубедительным предположение А. Клибанова, что одно копьё у славян было метательным, а второе – для ближнего боя⁷⁸. Ведь в этом случае копья различались бы по наконечнику и длине, как это было, например, у дугум-дани, имевших одно ударное и пару коротких метательных копий⁷⁹. В источниках о славянском оружии речь идет именно о дротиках, да и в уже упоминавшемся погребении из Княжинского могильника два наконечника копья имеют сходную листовидную форму и близкую длину (20 и 20,5 см)⁸⁰. Следовательно, и использовались они аналогичным образом.

На ход метательного, как и любого другого, боя могли влиять различные обстоятельства. Византийские стратеги это отлично понимали и рекомендовали использовать против славян – метателей дротиков – нападения с флангов, засады⁸¹ и неожиданные атаки⁸². Действительно, поскольку мощные луки византийцев явно стреляли дальше⁸³, то их лучники могли издали с безопасностью для себя на-

⁷⁴ Mauric. XI.4.39.

⁷⁵ Agathiae historiarum libri V // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Vol. II. Lipsiae, 1871. IV. 20,4.

⁷⁶ Theoph. Sim. VII. 2,2–9.

⁷⁷ Herod. IV. 94.2: геты с тремя метательными копьями; Strabo. III. 3,6: лузитаны со многими дротиками; Tacit. Germ. 6: германцы, вооруженные несколькими дротиками; Amm. XIV. 2,7: исавры с двумя-тремя дротиками; Veget. I. 20: две-три бёдры у готов; Procop. Bel. Goth. IV. 14,8: горцы-долониты с тремя дротиками; Procop. Bel. Vand. II. 11,27: мавры, имевшие по два метательных копья; см. также: Нефёдкин А.К. Вооружение воинов позднего Египта по данным тореветтики финикийской работы VIII–VII вв. до н.э. // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы Международной конференции в Санкт-Петербурге (23–25 ноября 1999 г.) / Отв. ред. В.М. Массон. СПб., 1999. (Археологические изыскания. Вып. 61). С. 86.

⁷⁸ Клибанов А. Боевой порядок... С. 78; Строчков А.А. История военного искусства. Т. I. С. 145; Атанасов Щ., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Военное дело... С. 12–12; Они же. Българското военно изскуство... С. 17; Кучма В.В. Славяне... С. 9; Зогович С. Развитие военной организации... С. 7.

⁷⁹ Wees H. van. The Homeric Way of War // Greece and Rome. 1994. N 1–2. Vol. 41. P. 8.

⁸⁰ М. Казанский отмечает, что в археологическом материале нельзя по форме наконечника отличить метательное копьё славян от ударного, поэтому он предлагает делить их формально – по длине (Kazanski M. L'armement slave... P. 199).

⁸¹ Mauric. XI. 4,15–16; 28; 35.

⁸² Mauric. XI. 4,81; 22–23; 29; 35; 40–41; Leo. Tact. 18, 108.

⁸³ Ср.: Procop. Bel. Pers. I. 1,9–16.

носить урон противнику, тогда как лишь их дротикометатели на равных сражались со славянами⁸⁴. Так как между славянскими предводителями не было четкого взаимодействия на поле боя (а обычно только большое войско осмеливалось сражаться с византийской армией на ровной местности), то маневрирование славянских отрядов было затруднено, и одновременное нападение на них с фронта и с флангов, с целью захода в тыл, влекло за собой поражение славян. Таким образом, в принципе, в обычном полевом бою победа оставалась на стороне ромеев, имевших хорошо управляемую армию. Поэтому-то славяне и избегали регулярных полевых битв с армиями империи, боялись их, отступали тут же, убедившись, что враг стоит твердо и намерен сражаться⁸⁵. Отходили славяне, естественно, к местности, где привыкли сражаться – в леса, где византийцы не могли сохранить развернутый строй и сами легко попадали в засаду. Но в бою на пересеченной и/или лесной местности славяне уже не могли эффективно использовать свои большие труднопереносимые щиты. Они укрывались за деревьями, камнями и другими предметами, поражая врага издали или производя внезапные атаки.

Другой сценарий боя имел место, когда славяне видели, что враг психологически неустойчив, испытывает колебания, тогда они бросались в атаку. Это могло происходить, когда славяне находились в нескольких сотнях или десятках шагов от противника и могли определить его психологическое состояние. Согласно инструкции начала XIX в., за 2000 шагов виден блеск оружия врага, отдельные отряды в коннице; за 1500 – можно отличить пехоту от конницы; в 1000 шагах у человека видна голова и тело, в 600 – виден весь человек, в 300–400 – его лицо, а в 100–70 – глаза в виде точек⁸⁶. Естественно, дальность видимости зависела и от погоды, и от рельефа местности. При данном нападении славяне, по-видимому, уже не устанавливали линию щитов в относительной близости от врага, а атаковали, как и шли, племенными отрядами. В ходе атаки их походная колонна или колонны растекались вширь и становились менее глубокими. Во фронте колонны находился предводитель, который должен был поддерживать свой авторитет собственными доблестными деяниями. В этом смысле колонну и можно считать боевым построением славян⁸⁷.

Предположение А. Клибанова об “эффекте пружины” славянского строя, отбрасывающего атаку врага, было развито П.В. Шуваловым, который полагает, что во время атаки славян задние ряды воинов давили на передние и тем самым массой пробивали строй противника⁸⁸. Однако данное предположение трудно разделить. Как уже говорилось, славяне атаковали противника массой тогда, когда он был уже морально сломлен и не пытался активно сопротивляться.

⁸⁴ Ср.: Theoph. Sim. VII. 5,3–5; ср. также с действиями римлян против германцев: Tac. Ann. II. 20; Herod. VI. 7, 8.

⁸⁵ Procop. Bel. Goth. III. 38,7; 40,3–7. А. Клибанов считал информацию Маврикия о бегстве славян просто риторикой, призванной воодушевить византийских воинов (Клибанов А. Боевой порядок... С. 75; ср.: Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Военное дело... С. 17; Они же. Българското военно искусство... С. 23; Бобчева Л. Въоръжението на славяни и гървобългари (от VII до началото на IX в.) // Военно-исторически сборник. 1957. № 3. С. 43). Однако подобная тактика характерна и для других этносов, стоявших на догосударственной ступени развития (Procop. Bel. Vand. II. 11,27; мавры).

⁸⁶ Краткое наставление о солдатском ружье. СПб., 1809. С. 53.

⁸⁷ Подобным боевой порядок славян считают некоторые исследователи (Клибанов А. Боевой порядок... С. 74; Строков А.А. История военного искусства. Т. I. С. 145; Кучма В.В. Славяне... С. 9; Он же. “Стратегикон” Маврикия. С. 389. Примеч. 49). Б.А. Рыбаков признает боевым строем славян клин, который славяне наследовали от скифо-сарматов (sic!) (Рыбаков Б.А. Русское военное искусство... С. 14–15; Он же. Боевые порядки... С. 16).

⁸⁸ Клибанов А. Боевой порядок... С. 74; Шувалов П.В. Военное дело ранних славян... С. 157.

обычно обращаясь в бегство. Мало вероятно допущение, что при атаке колонной задние воины толкали передних, мешая сражаться и себе, и им. Всем было необходимо место для метания дротиков, поэтому колонна, начиная с крайних бойцов, постепенно растекалась вширь по фронту⁸⁹. Плотными отрядами славяне могли атаковать еще не построившегося противника, как это было у реки Илвакия в 594 г.⁹⁰

Итак, ранним славянам, как и многим древним западно- и центральноевропейским этносам (иберам, кельтам, германцам, прибалтам, италикам, грекам), лук был известен, но не был у них широко распространен. То же самое можно сказать и о другом виде метательного оружия – о праще, которая также не была характерна для жителей лесной зоны. Главными видами оружия славян были большие щиты и дротики. Оружие ближнего боя не было распространено, поскольку основным видом сражения была битва на расстоянии с использованием метательных средств, вероятно, обычно без последующего перехода врукопашную⁹¹. Большой щит хорошо прикрывал от вражеских метательных снарядов и не способствовал применению доспехов. Даже в 626 г. при нападении на Константинополь славяне не имели натальной защиты⁹². В целом тип вооружения славян не был уникальным – он был характерен для некоторых земледельческих этносов, живших в лесных или даже лесо-степных областях, у населения которых не было высоко развитого металлопроизводства. Славяне предпочитали сражаться в лесистой или пересеченной местности, а не на открытом поле. Это объяснялось, с одной стороны, их традиционными способами ведения войны в природных условиях, соответствующих их родине (следствием этого у них были неразвиты оружие ближнего боя и доспехи), а с другой – боязнью византийской регулярной армии⁹³. В полевом бою, установив линию из больших щитов, они старались нанести врагу максимальный урон своими дротиками. Возможно, с этим древнеславянским построением генетически был связан строй из “стены щитов” эпохи князя Святослава⁹⁴, когда уменьшилась роль метательного боя и последовало увеличение плотности построения воинов. Тактика славян была выработана в межплеменных столкновениях и давала надежду на успех при одинаковом способе ведения боя обеими сторонами⁹⁵. Однако если противник маневрировал, охватывал фланги и заходил в тыл, то судьба сражения была решена в пользу врага. Поэтому, когда нужно было дать оборонительный бой, славяне выбирали местность, защищенную с флангов и с тыла⁹⁶ (обычно это была возвышенность⁹⁷). Колонной, или массой, славяне атаковали колеблющегося или еще не построившегося врага, опрокидывая его и обращая в бегство. В целом славянскую тактику VI в. можно признать достаточно типичной для многочисленных оседлых лесных народов Европы, стоящих на уровне развития “героического века”, или “военной демократии”.

⁸⁹ О механизме “растекания” атакующих см.: Дельбрук Г.Г.Л. История военного искусства... Т. II. С. 30–33.

⁹⁰ Theoph. Sim. VII. 5,10.

⁹¹ Contra: Клибанов А. Боевой порядок... С. 78; Строчков А.А. История военного искусства. Т. I. С. 145–146.

⁹² Иванов С.А. Пасхальная хроника // Свод... Т. II. С. 76.

⁹³ Ср.: Амт. XIV. 2,7; исавры.

⁹⁴ Leo Diac. Hist. VIII. 4; 9; IX. 2; 8; *Стен'анос Таронский*. Всеобщая история / Пер. Н. Эмина. М., 1864. С. 128 (III.8); Клибанов А. Боевой порядок... С. 84. Примеч. 2; ср.: Бережинский В.Г. Зброя Київської Русі. Київ, 2000. С. 215.

⁹⁵ Ср.: Mauric. XI. 4, 9; 12; 13; 30.

⁹⁶ Mauric. IX. 4, 29.

⁹⁷ Ср.: Theoph. Sim. VII. 2,3–9.

ИЗ ИСТОРИИ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И АЛБАНИЕЙ В СЕРЕДИНЕ XIII в.

В начале 1252 г. правитель Эпира Михаил II Дука Комнин (1231–1268) разорвал договор и родственный союз с Никеей и захватил ряд городов и областей в Западной Македонии, ранее (1246) перешедших под власть Иоанна II (1222–1254). Поэтому никейский император, собрав значительное войско под командой лучших полководцев, в начале осени 1252 г. отправился на Балканы. Он довольно легко овладел городами Водена и Остров¹. В начале 1253 г. на сторону Ватаца перешли вместе со своими отрядами Михаил Дука Глав Тарханиот², защищавший г. Касторию (Костур) и Феодор Петралифа, брат жены Михаила II³. А затем к ним присоединился с албанским войском правитель Албании (горный район на запад от Охридского озера) Гулам, находящийся в то время в пределах Кастории. Вот как описывает это Георгий Акрополит: “Καὶ ὁ ἀπὸ τοῦ Ἰβανίου δὲ Γουλάμος, ἐπεὶ πρὸς τὰ τῆς Καστορίας συνδιῆγε μετὰ τοῦ ἐκ τῆς Ἰβανίου στρατοῦ μέρη, σύζυγον ἔχων τῆς Βασιλίδος Εἰρήνης αὐτανεψίαν πρωτεξαδέλφησ αὐτῆς θυγατέρα... προσῆει τῷ Βασιλεῖ”⁴.

В этой фразе Акрополита некоторые затруднения представляют слова “αὐτανεψίαν” и “πρωτεξαδέλφησ”. Правильный их перевод позволит установить степень родства императрицы Ирины и супруги Гулама, а также его собственный статус. Исследователи, которые касались в той или иной степени данного факта, обычно говорят просто о родстве Гулама с никейским двором⁵. Если обратиться к новейшим переводам “Хроники” Акрополита (а таких существует два), то картина получается следующая.

В немецком переводе интересующий нас фрагмент (σύζυγον ἔχων τῆς Βασιλίδος Εἰρήνης αὐτανεψίαν πρωτεξαδέλφησ αὐτῆς θυγατέρα) понят как “его женой была дочь старшей сестры императрицы Ирины”⁶. Во-первых, В. Блюм оставляет без перевода одно из важнейших слов: αὐτανεψίαν. Во-вторых, он переводит “πρωτεξαδέλφησ” как “старшая сестра”, с чем едва ли можно согласиться. В-третьих, согласно Акрополиту, известно, что Ирина сама была старшей дочерью

¹ Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg, correctior. cum P. Wirth. Stuttgart, 1979. (Далее: Асрор.). Р. 88. 15–90.3.

² О нем см.: Θεοχαρίδης Γ.Ι. Μιχαὴλ Δούκας Γλαβᾶς Ταρχανειώτης // Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς. 1956. 7. Σ. 191–206.

³ Асрор. Р. 90. 17–20. Он был женат на дочери никейского Димитрия Торника, месазона. Подробнее: PLP. 23007.

⁴ Асрор. Р. 91. 11–16.

⁵ Nicol D.M. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957. P. 152–153; *Idem*. Refugees, mixed Population and Local Patriotism in Epiros and Western Macedonia After the Fourth Crusade // *Idem*. Studies in Late Byzantine History and Prosopography. VR.L. 1986. P. 25; Angold M. A Byzantine government in exile. L., 1975. P. 25.

⁶ Seine Frau war die Tochter der erstgeborenen Schwester der Kaiserine Eirene. – Georgios Akropolites (1217–1282). Die Chronik Übersetzt und erläutert von W. Blum. Stuttgart, 1989. S. 128.

рю Феодора I Ласкаря (1204–1222)⁷. Поэтому данный перевод нельзя признать точным и понятным.

Другой вариант понимания этой фразы содержится в болгарском переводе: “Он был женат на племяннице императрицы Ирины, дочери ее сестры”⁸, где слово “*πρωτεξαδέλφης*” переведено как “сестра”. У Ирины было две сестры. Средняя, Мария, в 1218 г. выдана замуж за наследника венгерского престола Бельду IV (1235–1270)⁹, а младшая Евдокия, убежав вместе с двумя братьями в 1222 г. в Константинополь, вышла там замуж за фламандского барона Ансо де Кайо¹⁰. У Марии было 10 детей, семь из которых – дочери. Но за исключением одной, о браках других известно очень мало; и все эти браки не имели никакого отношения к вождям албанских племен. О существовании же детей у Евдокии мы, к сожалению, ничего не знаем. Поэтому определить, кто из племянниц Ирины (если исходить из болгарского варианта перевода) имеется в виду невозможно.

Выход из положения, как мы полагаем, лежит в другом понимании этого текста и его переводе: “Гулам из Албана был женат на двоюродной племяннице (*αὐτανεψιάν*) императрицы Ирины, дочери ее двоюродной сестры (*πρωτεξαδέλφης*)”. А поэтому и искать эту племянницу надо среди детей ее дядей и теток. По отцовской линии Ирина имела шесть дядей¹¹, но о их семейной жизни известно очень мало. Среди них наиболее предпочтительны в качестве кандидатов Мануил и Михаил Ласкари. Изгнанные (вероятно, с семьями) Ватацем в 1224 г., сразу после выступления против него их двух других братьев, – Алексея и Исаака¹² – они проживали на Балканах и “общались со многими правителями, странствуя по разным местам”¹³. Лишь в царствовании их двоюродного внука – Феодора II – они вернулись в Никею и были обласканы императором¹⁴. Теоретически одна из их внучек и могла бы стать женой албанского князя Гулама. Однако решение этой проблемы лежит в другом месте. Для этого нам надо обратиться к тетям императрицы Ирины, которые у нее имелись только по материнской линии. Их было две: Ирина и Евдокия Ангелины, дочери императора Алексея III. Ирина первым браком (1185) была за Андроником Кондостефаном (ум. ок. 1197 г.), а вторым (1199) за Алексеем Палеологом. О детях от первого брака нам ничего не известно, а от второго родился единственный ребенок – дочь Феодора¹⁵, мать будущего императора Михаила VIII Палеолога. Зато другая ее тетя – Евдокия – прожила бурную и сложную жизнь на рубеже XII–XIII веков. В 1190 г. она была выдана своим дядей Исааком II (отец ее в это время находился в изгнании в Палестине)

⁷ У Феодора I “было три дочери, из которых старшая называлась Ириною, вторая Марией, а третья Евдокией” (Асчор. Р. 10. 19–21; ср. 26. 11–13). См. также: *Georges Pachymèrès. Relations historiques / Ed., introd. et notes par A. Failler. Vol. 1–2. P., 1984; Vol. 4. 1999.* (Далее: Pach.). II. Р. 411. 26–413.3.

⁸ Беше женен за племенницата на императрица Ирина, дъщеря на сестра. – Гръцки извори за българската история. Т. VIII. Съставил М. Войнов. София, 1972. (Извори за българската история. Т. XV). С. 181.

⁹ Асчор. Р. 26.13–15; Pach. II. Р. 411.24–413.1. Сама свадба состоялась в 1220 г. *Moravcsik G. Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 96.*

¹⁰ Асчор. 41.4–5; Pach. II. Р. 413.2–3.

¹¹ См. о них: *Жаворонков П.И. У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. Т. 38. С. 35.* Примеч. 49.

¹² *Σαββίδης Α.Γ.Κ. Βυζαντινά στασιαστικά και αυτονομιστικά κινήματα στα Δωδεκάνησα και στη Μικρά Ασία, 1189 – с. 1240 Μ.Χ. Αθήνα, 1987. Σ. 213–227.*

¹³ Асчор. Р. 109. 20–22.

¹⁴ *Ibid.* Р. 109.8–110.2.

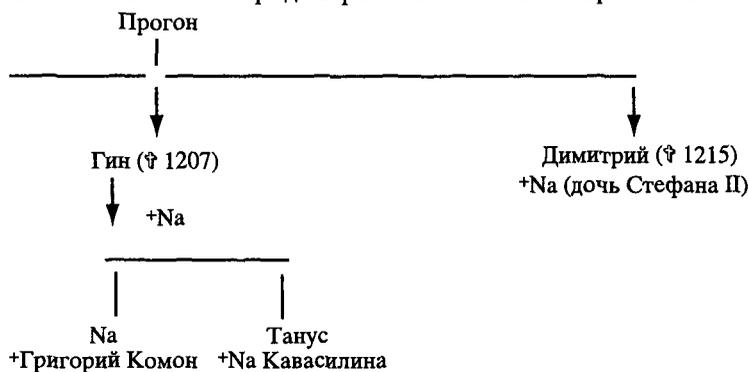
¹⁵ *Vannier J.-F. Les premiers Paléoloques. Etude généalogique et prosopographique // Etudes Prosopographiques. P., 1986. P. 170–172.*

за Стефана, сына сербского жупана Стефана I Неманя (1167–1196)¹⁶. А в конце 1196 г. Евдокия была выгнана своим мужем Стефаном II (1196–1228) в одной сорочке. Брат жупана дал ей одежду и с подобающей честью отправил в Диррахий, откуда она с помощью отца прибыла в 1200 г. в Константинополь¹⁷. Но в Сербии остались шестеро ее детей, трое из которых стали королями Сербии: Стефан III Радослав (1228 – ок. 1234 г.), Стефан IV Владислав (ок. 1234 г. – 1243) и Стефан V Урош I (1243–1278). Помимо четырех сыновей у нее родились две дочери. К сожалению, имена их неизвестны.

Одна из этих дочерей, т.е. двоюродная сестра императрицы Ирины, не позднее 1207 г. была выдана замуж за Димитрия Прогона, который называл себя паниперсевастом. Этот Димитрий был братом албанского архонта Гины¹⁸, захватившего в 1200–1204 гг. власть в Албане с главной крепостью Кроя. После смерти Гины в 1207 г. власть в Албане перешла к Димитрию Прогону¹⁹. Он в 1208–1209 гг. находился в переписке с папою Иннокентием III, который обращался к нему как к “*princeps Albanorum*” и “*nobili viro Demetrio Albanensi principi*”²⁰. Димитрий Прогон умер в 1215 г., а его вдова, дочь Стефана II и двоюродная сестра Ирины Ласкарины, вышла замуж за севаста Григория Комона. Этот брак вызвал протест епископа Крои, так как Григорий Комон был женат на дочери Гины, и чтобы жениться на вдове Димитрия, ему пришлось развестись со своей албанской женой. Но благодаря своему другу пансевасту севасту Иоанну Плиту (впоследствии месадзону у императора Фессалоник Феодора Комнина) и архиепископу Охрида Димитрию Хоматиану, конфликт удалось уладить²¹. Приняв от жены в качестве приданного Албан, он стал управлять им, признав вско-

брачную власть Феодора Комнина.

Брачные связи албанского рода Прогонов можно изобразить так:

¹⁶ Ласкарис М. Византийске принцезе у средњевековној Србиј. Београд, 1926. С. 24–31.

¹⁷ Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Θεσσαλονίκη, 1984. Τ. 2. Σ. 745–746, 815.

¹⁸ У Гины был еще сын – Танус, который породнился с известной византийской семьей Кавасилов в Диррахии. Pitra. *Analecta Sacra et Classica Specilegio Solesmensi Parata*. Vol. VI. Romae 1891. (Далее: Pitra). Col. 423–430.

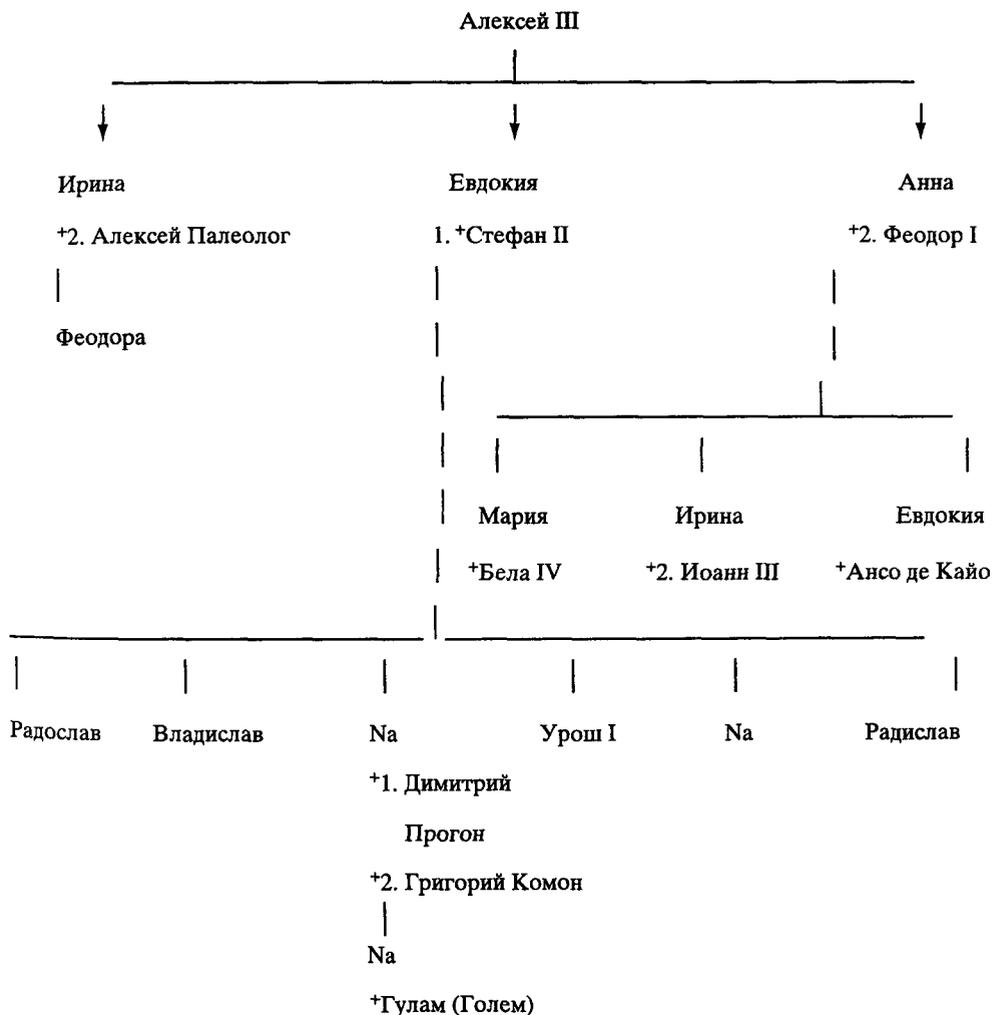
¹⁹ Pitra. Col. 21–22; Дринов И.М. О некоторых трудах Димитрия Хоматина как историческом материале // ВВ. 1894. Т. 1. С. 338–339; Nicol D.M. *The Despotate of Epiros*. P. 26–27.

²⁰ Thalloczy L., Jireček C., Sufflay E. *Acta et Diplomata Res Albaniae Mediae Aetatis Illustrantia*. Vienna, 1913. Т. 1. (Далее: Acta Albaniae). № 133, 135. P. 42–43; Nicol D.M. *The Despotate...* P. 43. Not. 5, 48.

²¹ Pitra. Col. 12–28; Acta Albaniae. № 147, 148, 150. P. 46; Дринов И.М. Указ. соч. С. 321–324; Петров П.Х. О титулах “севаст” и “протосвет” в средневековом Болгарском государстве // ВВ. 1959. Т. 16. С. 59–60; Nicol D.M. *Refugees...* P. 24–25. Их дети стали родоначальниками знаменитого и многочисленного потомства Арианитов-Комнинов в Албании XIV в. (Дринов И.М. Указ. соч. С. 340).

У Григория Комона и дочери Стефана II родилась дочь (двоюродная племянница императрицы Ирины), которая и вышла замуж за албанского магната Гулама (или, согласно албанским документам, Голема)²². После смерти Григория Комона власть в Албане перешла к его зятю Гуламу. Ко времени описываемых Акрополитом событий (1253) императрицы Ирины уже не было в живых: она умерла еще во второй половине 1239 г.²³ Но, возможно, еще была жива ее двоюродная сестра, теща Гулама (Голема).

Таким образом, графически родственные отношения между никейским двором и албанскими правителями в первой половине XIII в. выглядят так:

²² Acta Albaniae. № 150. P. 47; Дринов И.М. Указ. соч. С. 339–340.

²³ Асчоп. P. 62. 19–20.

За передачу города-крепости Крои и всего Албана Гулам получил от Ватаца, наверное, титул севаста²⁴, а также хрисовул, который гарантировал жителям Крои, что их собственность, как в пределах города, так и вне его, будет освобождена от налогов²⁵.

О дальнейшей судьбе Гулама (Голема) ничего неизвестно. И в палеологовское время этот патроним почти не встречается²⁶. Возможно, он был ассимилирован каким-то греческим фамильным именем, поскольку албанская знать, как показывает пример с родом Прогонов, стремилась породниться с сербскими и греческими знатными семьями.

²⁴ У Пахимера имеется упоминание, что Ватац дал ему ромейский титул (Pach. IV. P. 597. 5–6). Как правило, местным правителям даровался титул севаста. См.: Петров П.Х. Указ. соч. С. 52–64; Ahrweiler H. Le sebaste, cheh de groupe ethnique // Polychronion. Festschrift für F. Dölger. Heidelberg, 1966. P. 34–38.

²⁵ Dölger Fr. Regesten der Kaiserurkunden des Östromischen Reiches von 565–1453. T. 3. Regesten von 1204–1282. Zweite Aufl. bearbeitet von P. Wirth. München, 1977. N 1810; Acta Albaniae N 234, P. 68–69; Nicol D.M. The Despotate of Epiros. P. 152–153.

²⁶ Имеется одно неясное упоминание о некоем Иоанне Големе ок. Метеор (?) от XV в. (?). PLP. 4283.

Рис. 1

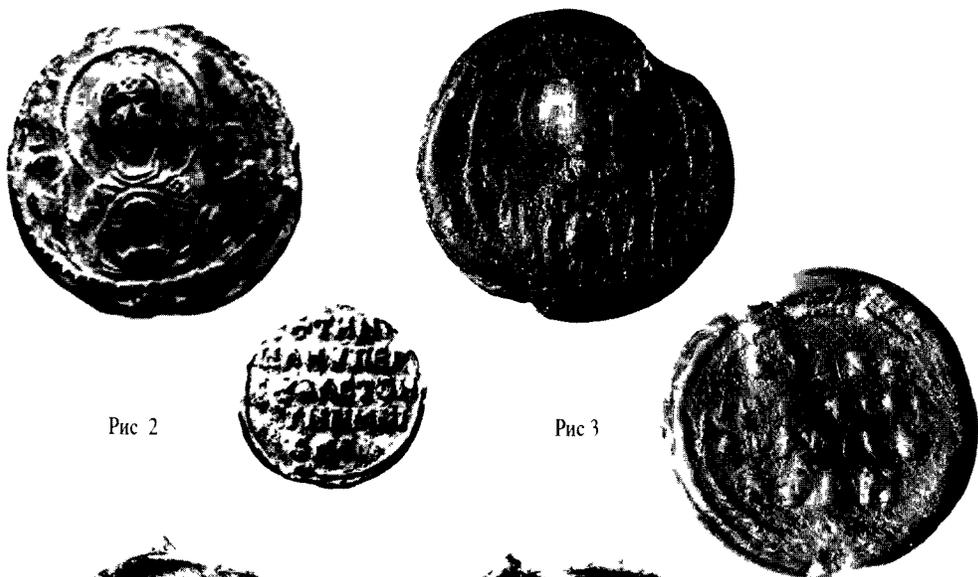

Рис 2

Рис 3

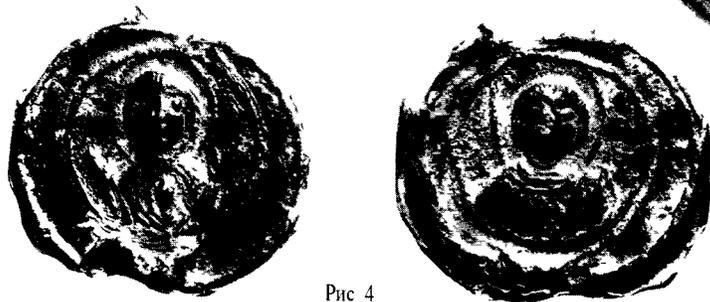

Рис 4

- 1 Печать константинопольского патриарха Евстратия Гариды (1081–1084) (кат. 1)
- 2 Печать Марии Комнины, *παυλερσέβατος* (ок. 1082 – начало XII в.) (кат. 2)
3. Печать с личным именем Иосифа (последняя треть XI в.) (кат. 3)
- 4 Византийская анонимная печать (последняя треть XI – первая треть XII в.) (кат. 4)

И.П. Медведев

ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ. ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ

Приходится сразу же констатировать: византиноведение на петербургской почве – это один из “продуктов” того культурного переворота, который совершился в России в результате петровских реформ. Парадоксально, но факт: именно в тот исторический момент когда, казалось, была окончательно разорвана “родовая пуповина”, соединявшая российскую государственность, церковность и русскую культуру с традициями “византинизма”¹, появляется осознание “востребованности” в объективном знании об истории древней христианской империи, которая в сознании всякого русского отождествлялась не иначе как с понятием “духовной родины”. И как многое другое в русской науке того времени, изначально петербургская византистика предстает перед нами в ясно выраженной иностранной “упаковке”, будучи связанной с деятельностью учрежденной в 1725 г. Академии наук, почти исключительно немецкой по своему составу.

“Первыми глашатаями и проводниками научного византиноведения в собственном смысле” (выражение Ф.И. Успенского)² были академики И.П. Коль (вскоре, правда, уехавший по болезни из России), Зигфрид Байер (1694–1738), Герард-Фридрих Мюллер (или Миллер) (1705–1783), Август-Людвиг Шлёцер (1735–1809), Иоганн-Готтлиб Штриттер (1740–1801), Иоганн-Филипп (в России – Филипп Иванович) Круг (1764–1844), которые, пройдя у себя на родине “более или менее правильную школу” (выражение В.П. Бузескула), принесли с собой в Россию “научный критический метод”, выработанный уже богатой к этому времени исследовательским опытом европейской наукой³. Восприняв “близко к сердцу” поставленную перед Академией наук задачу – исследовать корни русской истории, академики пришли к необходимости заняться исследованием и византийских источников по истории IX–X вв. в связи с вопросом об образовании русского государства и крещения Руси.

Так, Байер, занявшись историей варягов, первым нападением русских на Константинополь и установлением точных данных о первоначальной географии Руси, обратился к изучению такого важнейшего источника, как сочинение Константина Багрянородного “Об управлении империей” (в издании Меурсия), откуда он и заимствовал “неожиданные аргументы” (выражение Н.Г. Попова) для отрицания славянского происхождения Руси, явившись основателем так на-

¹ По убеждению В.Н. Бенешевича, “и в настоящее время еще далеко не всеми осознано то, что при Петре произошла в русской церкви настоящая революция, несколько не меньшая по своему значению и объему, чем протестантское движение XII века” (ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 46. Л. 40).

² Успенский Ф.И. Из истории византиноведения в России // *Анналы*. 1922. Т. I. С. 115.

³ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в IX и начале XX века // *Составление, вступит. ст., подготовка текста и комментарии И.В. Тункиной*. СПб., 1993 (машинопись). С. 5.

зываемой “норманской теории”. Но если он ограничивался собиранием и извлечением известий лишь из одного византийского источника, то Шлёцер⁴ уже настаивал на необходимости полного собрания всех известий, рассеянных у византийских историков, для изучения истории народов, обитавших по Днепру, Дону, Волге и у Кавказа, на необходимости углубленного изучения византийской истории как по причине ее собственного значения, так и особенно ради ее важности для познания византийского элемента в русской истории. “Русский ученый, говорит он в своем “Несторе”, – это тот, кому дано ближайшее призвание вновь разбудить беспризорную византийскую литературу. На протяжении всего средневековья в России было все византийским: религия и суеверия, науки и искусство, законы и наказания, да и многие нравы и пороки перенесены из Константинополя в Киев”⁵. Далее он высказывает сожаление, что греческий язык не получил доступа в светские и церковные училища, где византийскую летопись Кедрина должны были бы читать с таким же усердием, как Корнелия Непота, а в своей автобиографии подчеркивает: “Главною моею темою было неслыханное со времен Байера дело, что русский исследователь должен знать не гречески и преимущественно перед всеми изучать византийцев”⁶. Шлёцер высказывал даже пожелание об учреждении особого “департамента” из ученых для обработки византийских памятников, а своею статьей “*Periculum antiquitatis russicae graecis collustratae luminibus*” (1764) он подал добрый пример, дав образец восстановления двух темных мест “Нестора” при помощи греческого текста Кедрина.

Задачу, сформулированную Шлёцером – полное собрание всех известий, рассеянных у византийских авторов, по истории разных народов, населявших древности территорию России, по поручению Академии наук постарался осуществить Штриттер⁷. При содействии академиков Миллера, Фишера и особенно самого Шлёцера Штриттер опубликовал в Санкт-Петербурге свой обширный четырехтомный труд⁸, в котором были собраны и в хронологическом порядке расположены сведения византийских авторов о древних обитателях Руси и соседних народах (в томе I – о готах, вандалах, гепидах, лангобардах, герулах, гуннах и аварах; в томе II – о славянах, сербах, моравах, боснийцах, болгарах, валахах, руссах, поляках, литовцах, пруссаках, чехах и других менее известных племенах; в томе III – о татарах и др.; в томе IV – о лазах, авазгах, свенах, месхаливерах, аланах, варягах, даках, скифах, сарматах, массагетах и т.д.), в латинском переводе, с предисловием (в нем дан очерк истории Византии по “*Apparatus historiae byzantinae*” Лаббе), примечаниями, комментарием, иногда с подлинным

⁴ См., о нем: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь М., 1979. С. 372–373 (статья Г.Н. Моисеевой).

⁵ *Schlözer A.L. Nestor: Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt. Göttingen, 1802. Bd. II. S. 149.* Этот пятитомный (1802–1809) труд Шлёцера был переведен на русский Д. Языковым: “Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сходные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером” (СПб. 1809–1819. Т. 1–3).

⁶ *A.L. Schlözer's Offentliches und Privat-Leven. Göttingen, 1802. S. 202.*

⁷ См. о нем: Славяноведение в дореволюционной России. С. 375 (статья А.Н. Горяинова Д.Е. Москаленко).

⁸ *Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontium Euxinum, paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad Septentrionem incolentium, e scriptoribus historiae byzantinae erutae et digestae a I.G. Strittero. Petropoli, 1771. Т. I; 1774. Т. II; 1778. Т. III; 1779. Т. IV.* Ср. русский перевод, выполненный Вас. Прок. Световым: “Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселение народов; собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером” (СПб., 1770–1775. Т. 1–4).

цитатами на греческом языке, с подробнейшим историческим и географическим указателем (на 308 страницах), – “Геркулесов труд, очень редко цитируемый, можно даже сказать, погребенный в небытие, но и сейчас еще (т.е. в 1900 г. – *И.М.*) весьма полезный для поиска цитат”⁹.

Разумеется, отмеченные “начатки” научного византиноведения на петербургской почве были еще далеки от совершенства. Критический анализ привлекавшихся к рассмотрению текстов был еще достаточно беспомощным (так, Штриттер вообще не ставил перед собой задачи выверки точных дат по параллельным источникам, работая по парижским и венецианским изданиям XVII–XVIII вв., а Шлёцер, которого В.С. Иконников называл “отцом исторической критики”¹⁰, именно в главном своем труде о летописи Нестора, т.е. в сущности о “Повести временных лет”, не смог даже предположительно решить основных проблем, связанных с атрибуцией памятника, с его зависимостью от хроники византийского монаха Георгия Амартола, и т.д.). По мнению Ф.И. Успенского, возможности первоначального петербургского византиноведения ограничивало и то обстоятельство, что “за небольшими исключениями, оно имело прикладной характер и шло не всегда планомерно и систематично, насколько помогало разъяснению и обработке древней русской истории”¹¹.

Действительно, все названные труды только отчасти касались Византии, не имея к ее истории прямого отношения. Первыми специальными исследованиями, посвященными Византии, можно в какой-то мере считать труды академика Ф.И. Круга, “составившие некоторым образом эпоху в изучении византийской хронологии”¹², долгое время остававшейся “ахиллесовой пятой” не только российского, но и западного византиноведения. Важнейший труд Круга в этой области – “Критический опыт объяснения византийской хронологии, с особым вниманием к ранней истории России”¹³. Как видим, и у Круга подход к изучению византийских памятников был со стороны русской истории. Тем не менее, сосредоточившись главным образом на изучении византийских хронистов Феофана, Никифора и Симеона Логофета, он внес значительный и общепризнанный вклад в выверку точных хронологических дат и в пересмотр господствовавших тогда в науке взглядов на византийскую хронологию таких авторитетов как Дюканж, Пажи и др. По словам В.Н. Бенешевича, книга Ф.И. Круга “возбудила большой интерес за границей, где все сразу оценили важность ее не только для установления ряда дат, но и для оценки ряда исторических событий IX–X вв. для византийской и русской истории. Книга явилась, как результат настояний Шлёцера, который требовал, чтобы Круг проверил его хронологические выводы и

⁹ Palmieri A. Gli studi bizantini in Russia. Roma, 1900. P. 32. С оценкой итальянского историка интересно сопоставить точку зрения Бенешевича, который отмечает, что труд Штриттера «даже до сих пор (т.е. до 30-х годов XX в. – *И.М.*) не потерял своего значения в качестве основного ориентировочного пособия. А в конце XVIII и до половины XIX в. он служил основным источником сведений для справок в византийских источниках; “История Государства Российского” Карамзина базируется целиком на Штриттере». См.: *Бенешевич В.Н.* Лекции по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 598.

¹⁰ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. С. 37.

¹¹ *Успенский Ф.И.* Из истории византиноведения в России. С. 115.

¹² *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России... С. 37 (со ссылкой на мнение таких зарубежных авторитетов как Шлоссер, Геерен, Газе).

¹³ *Krug Ph.* Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. St.-Petersburg. 1810. 8°. XVI + 326. Печатный экземпляр книги с авторскими поправками и дополнениями сохранился в Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 38).

исторические утверждения; но Шлёцер умер до появления книги, и некому было указать на ее значение для изучения истории древней Руси. Хотя знаменитый Геерен назвал книгу Круга “фениксом в новейшей исторической литературе” (Gött. Ges. Anz. 1811 № 173), однако ни Академия наук, ни Карамзин, ни Полевой, ни другие историки древней Руси не обратили надлежащего внимания на исследование Круга, и только в 1834 г. появились переводы на русский¹⁴. Неудача эта так повлияла на Круга, что он после 1810 г. уже не издал больше значительных трудов, и только после его смерти появился в 1848 г. сборник его трудов¹⁵, причем оказалось, что некоторые открытия сделаны им задолго до того как их сделали другие”¹⁶.

Действительно, в архиве ученого сохранились датированные рукописи статей, вошедших позднее в отмеченный сборник, например, статей “Табель о рангах в поздней Греции (читай: в Византии. – И.М.) в сопоставлении с таковой же в древней Руси” (12 октября 1814 г.)¹⁷, “Об одном древнем северном празднике (святки), который в X в. праздновался и при дворе в Константинополе под названием Тò Γοτθικόν” (15 марта 1815 г.)¹⁸, а также неопубликованной заметки “Выдержки из греческой хроники монаха Георгия по прозванию Амартол, с переводом из нее в летописи Нестора” (10 января 1827 г.)¹⁹ и отдельно опубликованного очерка “Византийская Хронология в правление императоров Льва Александра, Константина Порфирородного, Романа Лакапена и Романа Порфирородного, с 30 авг. 886 г. по 15 мая 963 г.” (20 декабря 1809 г.)²⁰.

Говоря об академике Круге, следует отметить, что, в отличие от своих коллег-соотечественников, он очень быстро и органично вошел в научную среду Петербурга (до этого он был воспитателем сына графини Орловой, вдовы гр. И.Г. Орлова, прибыв в Москву из Германии в 1794 г.), в короткое время изучил русский язык и фактически стал проводить политику “русификации” Академии наук: “Русские академики, – говорит он в письме от 19 апреля 1805 г.

¹⁴ Один из них: Критический опыт в объяснении византийской хронологии, в особенности относясь к древней Русской истории, Филиппа Круга. Перевел с немецкого Д. Языков СПб., 1834 (в Отделе рукописей БАН хранится рукопись этого издания: ОР БАН. Осн. хранение 27.1.60. Инв. № 1705).

¹⁵ Имеется в виду сборник статей Ф.И. Круга, подготовленный и опубликованный А.А. Куником, предпославшим двухтомнику замечательный очерк о Круге, которым главным образом и пользуется В.Н. Бенешевич. См.: *Krug Ph. Forschungen in der ältern Geschichte Russlands. St.-Petersburg, 1848. Th. I–II.*

¹⁶ *Бенешевич В.Н. Лекции по истории византиноведения. С. 599.*

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 7: Ueber die Rangordnung in spätem Griechenland, verglichen mit dem frühern Russland (= Forschungen. Th. II. S. 567–577).

¹⁸ Там же. Д. 8: Ueber das alte nordische Julfest, welches im X. Jh. unter dem Namen Тò Γοτθικόν auch am Hofe in Konstantinopol gefeiert ward (= Forschungen. Th. II. S. 537–558).

¹⁹ Там же. Д. 29: Stellen aus der Griechischen Chronik des Mönchs Georg, mit dem Beinamen Hamartolus, nebst deren Uebersetzung in Nestors Jahrbüchern, mit Anmerkungen (= Forschungen. Th. I. S. 135–215). В статье А. Пальмиери эта работа Круга ошибочно отмечена как опубликованная, причем, по какому-то недоразумению, указываются даже страницы (Forschungen. Th. I. S. 135–215), на которых содержится совсем другой материал: *Palmieri A. Gli studi bizantini in Russia. P. 21.* Именно об этих “выписках” спрашивал Ундольский в письме к А.А. Кунику от 7 сентября 1855 г.: “Не уцелело ли каким чудом копии выписок Круга из Амартола, сообщенных г. Бодянскому, – он не может их найти или не желает сообщить мне их” (*Медведев И.П. Письма В.М. Ундольского к А.А. Кунику в С.-Петербургском филиале Архива РАН // ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 807.*)

²⁰ Там же. Д. 3: Chronologie der Byzantiner während der Regierung der Kaiser Leo, Alexander, Konstantin Porphyg., Roman Lakepen und Roman Porphyg. in dem Zeitraum vom 30 August bis 15 May 963, berichtet von Ph. Krug.

имея при этом в виду “русских” академиков немецкого происхождения, – стараются понемногу (и как мне кажется, вполне обоснованно, ибо мы ведь находимся в России) заполнить все места (в Академии. – *И.М.*) русскими, насколько это возможно”²¹. Став доверенным лицом графа Н.П. Румянцева по связям с европейскими научными центрами (прежде всего Франции) с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства, он свел его с парижским эллинистом Карлом-Бенедиктом Газе, который фактически был “ангажирован” русским канцлером: по его поручению и при его щедрой финансовой поддержке Газе подготовил и выпустил в 1819 г. в свет с латинским переводом, комментариями и приложениями “Историю” одного из крупнейших византийских писателей второй половины X в. Льва Диакона, ценнейшего и интереснейшего источника не только по истории Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси: балканские войны киевского князя Святослава в 968–971 гг. составляют один из основных сюжетов его сочинения²².

Ф.И. Круг, который был инициатором этого издания и неотступно следил за всеми перипетиями его подготовки (об этом свидетельствует его обширная переписка с К.Б. Газе и с самим Н.П. Румянцевым)²³, явился, таким образом, подлинным *spiritus rector* первого издания “Истории” Льва Диакона. К сожалению, экземпляры его тут же стали исключительной библиографической редкостью, так как судно “Меркурий”, на котором отправлено было в Россию 125 экземпляров, затонуло во время бури (вскоре, впрочем, издание Льва Диакона почти со всеми комментариями Газе было воспроизведено в нибуровской серии “*Corpus scriptorum historiae byzantinae*”, 1828). Не догадывался еще Круг (как и последующие поколения историков-византинистов) о том, что его подопечный (Газе), соблазненный щедрыми посулами Н.П. Румянцева (за издание “Истории” Льва Диакона К.Б. Газе удостоился избрания членом-корреспондентом в Академию наук, награждения орденом св. Владимира 4-й степени и солидного гонорара), решился на достаточно бесчестный поступок – на изготовление фальсификата, изобретя печально знаменитую “Записку готского топарха” и опубликовав ее в составе своих “образцовых” комментариев к изданию Льва Диакона²⁴. А ведь Газе получил также щедрые субсидии на подготовку к печати сочинений Михаила Пселла, Георгия Амартола, Никифора Григоры, Григория Паламы и других византийских авторов²⁵, но смерть гр. Румянцева в 1826 г. приостановила осуществление этих замыслов и прежде всего мечты Круга – издания Георгия Амартола (при его жизни, в 1838 г., эта хроника в очень неудовлетворительном виде появилась в боннском “*Corpus scriptorum historiae byzantinae*”).

Следует также отметить, что Ф.И. Круг оказался инициатором издания не только “греко-латинского” Льва Диакона, но и “русского”: как свидетельству-

²¹ *Krug Ph. Forschungen...* Th. I. S. XXVI.

²² Подробно об этом см.: *Медведев И.П.* Неизвестные материалы по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. 2002. Т. 61 (86). С. 5–23.

²³ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21 (47 писем Газе за 1814–1826 гг. Д. 74 и 115 (письма Н.П. Румянцева); Оп. 1. Д. 138 (отпуска писем Круга к разным лицам, среди которых К.Б. Газе и Н.П. Румянцев) и др. Письма Газе подготовлены нами к изданию в подлинном виде.

²⁴ *Ševčenko I.* The Date and Author of the so Called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 155–188 + Plates 1–28. О наших собственных наблюдениях по этой теме, а также нашей догадке в отношении литературного источника, использованного Газе при воссоздании событий, запечатленных в “Записке”, см.: *Медведев И.* Ιστορία ενός πλαστογράφου: ο λεγόμενος Toparcha Gothicus // BYZANTINA. 2000. Т. 21. С. 237–249.

²⁵ О наиболее “продвинутом” из названных издательских проектов – “Хронографии” Пселла – см.: *Медведев И.П.* Малоизвестный проект первого издания “Хронографии” Михаила Пселла // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 183–191.

ют материалы архива ученого, именно он, с согласия Н.П. Румянцева и при посредстве первого директора Имп. Публичной библиотеки А.Н. Оленина, заключил контракт с известным петербургским филологом-эллинистом Д.П. Поповым на русский перевод “Истории” Льва Диакона (сумма гонорара была оговорена в 700 рублей), с чем тот, будучи блестящим знатоком классических языков, успешно справился²⁶. Тем самым было положено начало большой работе по переводу византийских источников на русский язык²⁷, и здесь мы сталкиваемся с совершенно забытым “византийским проектом” Российской Академии (не путать с Академией наук), материалы которого совсем недавно обнаружены в С.-Петербургском филиале Архива РАН²⁸.

В рамках обширной темы, разработку которой Российская Академия поставила себе целью и которую условно можно было бы обозначать как “Россия глазами иностранцев”, Академия с 1837 г., по инициативе ее президента А.С. Шишкова, приступает к реализации плана по изданию в переводе на русский язык целого корпуса трудов византийских историков и хронистов²⁹, заключив с этой целью контракты с такими квалифицированными переводчиками греческого как уже известный нам эллинист Д.П. Попов (он имел намерение заново издать свой исправленный перевод “Истории” Льва Диакона, а кроме того “De ceremoniis” Константина Багрянородного и “Историю” Агафия), диплома (“природный грек”) С.Ю. Дестунис (4 тома сочинений Прокопия Кесарийского), библиотекарь Гидрографического департамента министерства А. Огинский (Иоанн Малала, Никита Хониат, Никифор Вриений, Иоанн Киннам), священник Ксенофонт Делекторский (Феофилакт Симокатта и Генесий), преподаватель духовной семинарии С.А. Гадахов (Георгий Синкелл), Д. Успенский (Георгий Пахимер, Михаил Глика) и др. И хотя работа по переводу “византийцев” успешно продвигалась вперед, а подготовленные тексты доставлялись в Академию, рассматривались специальной комиссией (представили свои переводы С.Ю. Дестунис, А. Огинский, Д.П. Попов, К. Делекторский, Д. Успенский), проект остался неосуществленным: в связи с указом Николая I от октября 1841 г. о присоединении Российской Академии к императорской Академии наук министром народного просвещения С.С. Уваровым было предписано прекратить все работы по переводу на русский язык византийских историков и “приведа немедленно в известность, сколько и каких именно творений приведено переводом окончанию, сколько из них не кончено, с показанием, на чем именно остановил

²⁶ Об этом см.: *Медведев И.П.* К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // Сб. статей к 75-летию акад. Г.Г. Литаврина (в печати).

²⁷ Н.Г. Попов утверждает, что Ф.И. Круг “высказывался против перевода византийских хроник на русский язык, полагая, что для дилетантов такой перевод оказался бы мало интересным, а для ученых, которых должны знать греческий язык, совершенно бесполезным, зато Круг всячески содействовал изданию этих хроник в подлиннике” (*Попов Н.* Начальное византиноведение в России // Сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому, М., 1909. С. 443). Не споря о последнем (да и о первом тоже, ибо и мы недалеко от такой точки зрения), отметим все же, что история с изданием “русского Льва Диакона” не совсем “вяжется” с подобным утверждением. Наверное все-таки Ф.И. Круг допускал полезность таких переводов.

²⁸ *Файнштейн М.Ш.* Из истории отечественной византистики: забытый проект Российской Академии // *Рукописное наследие русских византинистов...* С. 521–536.

²⁹ Раздавались даже голоса о том, что “переводы сии” следовало бы печатать “вместе с подлинными текстами и с надлежащими к тому азбучными указателями дел, имен и речений содержащихся в тех сочинениях – по примеру издания классиков ad usum Delphini” (в письме А.Н. Оленина к Д.И. Языкову от 9 января 1837 г., см.: Отдел рукописей РНБ. Ф. 542. Д. 155. Л. 6–7 об.).

ся перевод и сколько затем еще не начато, представить мне о том подробные сведения для доклада его Императорскому Величеству”³⁰. И если, например, рукописи переводов Спиридона Дестуниса сохранились, а некоторые из них позднее (как стараниями самого С. Дестуниса, так и главным образом трудами его сына Г.С. Дестуниса) были доведены до опубликования, то судьба большинства других до сих пор остается невыясненной.

Характеризуя начальный этап петербургского византиноведения, нельзя, конечно, не упомянуть и имя барона Густава Андреевича Розенкампа (1764–1831)³¹, выходца из Лифляндии, потомка шведского офицера, знатока юриспруденции (закончил Лейпцигский университет), участника, главного секретаря и первого редактора Государственной комиссии по составлению законов Российской империи (с 1808 г. работал под начальством гр. М.М. Сперанского). Будучи уволенным в 1822 г. из Комиссии (без содержания и пенсий) и живя где-то на Садовой улице, Розенкамп целиком погрузился (при содействии присланного ему в помощь Н.П. Румянцевым талантливого эллиниста, студента СПб. университета В.С. Печерина) в изучение кормчих книг, проделав колоссальную работу по обследованию их рукописной традиции, завершившуюся монографическим исследованием этой темы³². Естественно, что при этом Розенкамп не мог не уделить внимания и изучению основных греческих источников древнеславянской кормчей, прежде всего – византийских номоканонов. Он, правда не посвятил им специальных исследований, но в исторической части своей монографии, в своем неизданном очерке “*Sur les Basiliques*”, в других неопубликованных материалах (пяти его французских письмах к гр. Н.П. Румянцеву, обширной переписке с европейским “светилом” в области истории византийского канонического права Ф.А. Бинером, а также с российскими коллегами – киевским митрополитом Евгением Болховитиновым, дерптским канонистом Г. Эверсом и др.)³³, он предстает как неплохой для своего времени знаток византийского права. Создается, впрочем, впечатление, что, живя уединенно, Розенкамп стоял в стороне от “исканий” петербургских “византинистов” (хотя задача, которую он решил в своем исследовании – “критический разбор материалов и сравнение источников как греческих, так и русских”³⁴, – должна была бы роднить его с ними), будучи скорее связан с румянцевским кружком московских историков и археографов, которые и издали сперва его главное исследование, избрав его к тому же почетным членом Московского университета и Московского общества истории и древностей российских. Любопытно отметить и свидетельство М.П. Погодина, лично знавшего Розенкампа и посещавшего его в Петербурге, о том, что тот был “настроен против немцев: мы можем ходить уже не на помочах, говорил Розенкамп”³⁵.

Тем не менее, традиции, заложенные “немецким” академическим византиноведением, были все же определяющими в становлении петербургской “шко-

³⁰ *Файнштейн М.Ш.* Из истории отечественной византистики... С. 532.

³¹ О нем см.: *Майков П.* Розенкамп Густав Андреевич, барон // *Русский биографический словарь.* СПб., 1913. Т. 16. С. 365–371; *Шапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978 (см. указатель имен).

³² *Обозрение Кормчей книги в историческом виде.* Соч. Барона Розенкампа // *Издано Обществом истории и древностей российских при Имп. Московском университете.* М., 1829. Изд. 2-е, “со многими примечаниями и прибавлениями, начатое сочинителем, а по кончине его изданное В.А. [Анастасевичем]” (СПб., 1839; со снимками, издано только 100 экземпляров).

³³ ОР РНБ. Ф. 648. Д. 1–2.

³⁴ *Обозрение Кормчей книги...* С. 1–2.

³⁵ Цит. по: *Майков П.* Розенкамп Густав Андреевич... С. 366.

лы”, по крайней мере вплоть до 70-х годов XIX в. Сохранялась завещанная академиком Кругом проблематика: приоритетными считались исследования в области византийской хронологии и хронографии.

Как известно, еще при жизни Круга и по его инициативе Академия наук дважды (в 1809 и 1811 гг.) объявляла конкурс на соискание премии с целью создания “полной, по возможности выверенной и исправленной хронологии византийских авторов, с основания Константинополя и вплоть до его завоевания турками”, – безрезультатно, ибо не нашлось ни одного соискателя. “Удивляться тут вовсе нечему, – резюмирует ситуацию А.А. Куник, – надобно сказать прямо: Круг требовал невозможного (...). Он не умел вполне измерить объема и трудности предложенной им задачи, потому именно, что сам он, как исторический исследователь, разделял недостатки своего времени и потому не мог еще совершенно стать на критическую точку зрения, которая в то время только что начала прокладывать себе дорогу в область исторической науки (...). Критическая оценка исторических источников в смысле особенностей исторической науки существовала тогда больше в идее, чем в действительности”³⁶.

Однако в 1848 г. Академия наук снова объявила конкурс – на создание “труда, способного служить главным образом путеводителем в будущих исследованиях славянских хронографов и их связей с историками Византии, от которых они зависят еще больше, чем собственно славянские летописцы”, – и на сей раз более успешно, ибо на призыв откликнулся такой опытный и уже широко известный своими достижениями в области каталогизации греческих рукописных фондов Имп. Публичной библиотеки автор, как Эдуард Гаспарович Муральт (1808–1895)³⁷. Швейцарец по происхождению, Муральт в 1833 г. прибыл в Петербург, сдал экзамены в Петербургском университете по греческому и латинскому языку, получив диплом домашнего учителя, а в 1838 г., по ходатайству А.Н. Оленина, был принят в Имп. Публичную библиотеку на должность библиотекаря (в своем прошении Муральт писал, что с юных лет мечтал изучать греческие и латинские рукописи в этой богатейшей, после Ватиканской и Парижской, библиотеке), с заданием “разбирать вверенные ему рукописи и сочинять оным каталоги, по тому порядку, какой им от директора предписан будет”. И уже в начале 1840 г. каталог греческих рукописей ИПБ, в количестве 500 экземпляров, был напечатан в типографии Академии наук³⁸. Он представлял собой описание рукописей, разделенных по содержанию на две большие части: 1. Codices ecclesiastici и 2. Codices profani, каждая из них в свою очередь состояла из подразделов, обозначенных заглавными буквами (в части первой: A. Scriptorae sacrae, B. Juris ecclesiastici, G. Patrum ecclesiastici, D. Hymnologia, во второй: E. Poetae, F. Philosophi, Oratores, Medici, G. Grammatici). Весьма критично оценивший позднее каталог Муральта В.Н. Бенешевич (“ведь Муральт только

³⁶ [Куник А.А.]. Об обработке византийской хронографии. (По поводу сочинения Э. Муральта) // Уч. записки Имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1855. Т. II. Вып. С. 467–468.

³⁷ См. о нем: Михеева Г.В. Муральт Эдуард фон (Эдуард Гаспарович) // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1. С. 366–368; Вольфцун Л.Б. Эдуард Муральт и Императорская Публичная библиотека (по материалам Архива РНБ) // Рукописное наследие русских византинистов. С. 36–51.

³⁸ Muralt E. de. Catalogus codicum Bibliothecae imp. Publicae graecorum. SPb., 1840. Позднее дополненный и исправленный (в частности за счет рукописей из коллекции Тишендорфа) вариант каталога был опубликован Муральтом на французском языке: Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque impériale publique de Saint-Petersbourg. SPb., 1854.

с 1838 г. стал работать над рукописями молодым человеком, преувеличивавшим свои силы и слишком строго судившим чужие ошибки”) вынужден был все же признать: “Столь важные и существенные недостатки труда Муральна искупаются его громадными достоинствами. Описания рукописей поражают обилием палеографических наблюдений о каждом сколько-нибудь достойном внимании экземпляре и стремлением возможно точнее и подробнее охарактеризовать содержание их: тут видим и сличение текстов с печатным изданием, и издание их, и исследование, широко и глубоко поставленное (...). Поистине Муральт сделал столько, что его труд должен быть признан стоящим на уровне лучших европейских образцов, и ГПБ имеет право гордиться таким опытом каталогизации своего греческого фонда, с которым ни в какое сравнение не может идти учнейшего Маттеи *Assurata notitia* 1805 г. о греческом фонде Московской Синодальной Библиотеки”³⁹. Через Министерство иностранных дел каталог был разослан в крупнейшие научные центры Европы – Рим, Париж, Лондон, Вена, Цюрих, Дрезден, Берлин, Геттинген; получили по экземпляру также российские университеты и научные общества. Издание каталога стало, таким образом, событием в мировой науке.

Опуская здесь прочие статьи, заметки и публикации Муральта о греческих рукописях, помещавшиеся им как в российские периодические издания, так и зарубежные⁴⁰, обратимся к его двум наиболее крупным “византийским” проектам, принесшим ему международное признание, премии, награды орденами (Станислава 2-й степени, греческим орденом Спасителя 2-й степени), трижды – императорскими бриллиантовыми перстнями, почетное членство во многих научных обществах. Имеется в виду прежде всего уже упомянутые исследования Муральта в области византийской хронографии, отнявшие у него почти два десятилетия его жизни. Об этом довольно полное представление дает его обширная переписка с главным “куратором” и экспертом всех этих исследований со стороны Академии наук – с академиком А.А. Куником⁴¹. Будучи полностью в курсе всех перипетий, связанных с созданием этого труда, и фактически являясь его редактором, последний, как эксперт, публикует свои весьма критические отзывы еще на рукопись сочинения (в связи с выдвижением его на Демидовскую премию)⁴², а в 1855 г. труд выходит из печати⁴³. В предисловии подчеркивается, что автор сосредоточил в своем труде “в некоторых отношениях” гораздо больше материала и уделил ему гораздо больше исследовательского подхода, чем того требовала программа Академии (использовано более 100 авторов, из них извлечено более 6000 фактов, произведено сличение разных версий этих фактов, выявление самой древней версии и редакции, прослежено последующее видоизменение каждого источника); отмечаются оригинальная манера подачи

³⁹ ОР РНБ. Греч. 893: *Бенешевич В.Н.* Предисловие к каталогу греческих рукописей ГПБ. Машинопись. 1934–1937. Л. 3.

⁴⁰ Библиография работ Муральта см.: *Михеева Г.В.* Муральт... С. 367–868.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614: 32 письма Муральта к А.А. Кунику за 1853–1894 гг. Из них видно, что вся техническая сторона дела (связь с типографией, “держание корректур”, выписка нужных для работы рукописей и книг) осуществлялась Куником.

⁴² *Куник А.А.* Разбор сочинения Библиотекаря Императорской Публичной библиотеки д-ра Э. фон Муральта, под заглавием “*Essai de Chronographie Byzantine de 395 à 1057*” // Присуждение Демидовских наградений. 1854. Т. 23. С. 63–84.

⁴³ *Muralt E. de.* *Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas – Empire et particulièrement à l'examen des chronographes slaves de 395 à 1057.* St.-Petersbourg, 1855 (отмечено: “Публикуется по постановлению Академии, в мае 1855. Непр. секретарь А. де Middendorff”). Типография Академии наук).

материала в форме регестов, использование параллельных, в том числе латинских, иногда и неизданных, источников для установления и выверки дат, расположение всей этой “rudis indigestaque moles” в сжатой форме и в хронологическом порядке с 395 г. по 1057 г., “исходя из того интереса, который эти факты могли иметь для истории России: все, что в повествованиях византийцев касалось России (на современном пространстве империи) и походов руссов за границу, должно было быть изображено полно; затем идут другие славяне и соседние с Россией народы”⁴⁴. Труд этот, недавно названный одним нынешним автором устаревшим⁴⁵, воспринимался современниками иначе: “Поблагодарите г. Куника за доставление мне каталога Миллера и Хронографии г. Муральта, – пише 6 октября 1855 г. В.Н. Ундольский к П.С. Бялявскому. – То и другое доставило мне истинное утешение. Последний труд, слишком, может быть, обыкновенный в Европе, для нас подвиг исполина”⁴⁶.

Работа Муральта над хронологической темой продолжалась и после его возвращения на родину (в 1864 г. он, уволившись со службы в ИПБ, по совету врачей уехал в Лозанну, где и оставался вплоть до смерти), причем по-прежнему в тесном контакте с Академией наук (персонально – с А.А. Куником) и с помощью ее субсидий, завершившись выходом в свет в 1871–1873 гг. двухтомника (с единой пагинацией), составленного по прежним принципам, с прежним названием, но с новой хронологией (1057–1453), логически продолжающей и завершающей прежнюю⁴⁷.

По-видимому, научный уровень труда не мог удовлетворить ни самого автора, ни его “духовного отца” А.А. Куника, так как планировалось его новое издание. В письме к Кунику из Лозанны от 3 октября 1894 г. Муральт пишет: “Дорогой друг! Я очень рад, получив от Вас совершенно неожиданно знак жизни, а также узнав, что Вы опять принимаете столь активное участие в трудах духовным отцом которого Вы, благодаря вашему побуждению, являетесь. Конечно, в высшей степени желательно, чтобы Вы сами пожелали и смогли взять на себя необходимую переработку (простая перепечатка вряд ли целесообразна) для нового издания. Покрытие расходов Академией было бы тогда обеспечено. Я сам, с моими 86 годами, не могу переложить бремя этих расходов на моих близких, не могу из-за ослабленного зрения вести умственную работу, особенно же сообщать мои дополнения письменно. Мне приходится очень сожалеть, что молодой византист Регель⁴⁸ не соглашается на это и рассматривается Вами как неподходящая кандидатура. Прежде всего нужно было бы найти в С.-Петербурге или России какого-то другого историка, сведущего в греческом и французском, а это Вам скорее возможно, чем мне. Затем можно было бы благодаря Вашему ходатайству, задействовать Академию, чтобы получить от нее субсидию по крайней мере на продолжение работы. Пребываю в старом

⁴⁴ Ibid. P. V.

⁴⁵ Бибииков М.В. Афон в свидетельствах семи столетий (рецензия) // Россия и Христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 258.

⁴⁶ Истрин В.М. Письма к академику Петру Спиридоновичу Бялявскому, хранящиеся в Императорском новороссийском университете. Одесса, 1906. С. 26.

⁴⁷ Muralta E. de. Essai de chronographie byzantine 1057–1453. Bale et Genève, “H. Géorg, Libraire-éditeur”, St.-Petersbourg, “Eggers et comp., Libraires de l’Académie des sciences”. 1871, 1873. Т. I.–II. 939 р. В Петербург было отправлено 100 экземпляров (для Академии наук) и 1 экземпляр для Археологической комиссии (ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614. Д. 21).

⁴⁸ Василий Эдуардович Регель (1857–1932), о нем см.: Медведев И.П. В.Э. Регель как основатель и редактор “Византийского временника” // Архивы русских византистов в С.-Петербурге СПб., 1995. С. 157–180.

дружбе. Преданный Вам Др. Э. ф. Муральт⁴⁹. Интересно и письмо от 21 декабря 1894 г.: «Дорогой друг! Ваше письмо с сообщением о том, что найдены средства и пути для нового издания моей “Хронологии”, меня очень обрадовало, как и то, что у Вас в Петербурге нашелся кто-то, кто готов взять на себя обязанность по переработке. На мою долю, таким образом, придется лишь редакция и корректура французского текста тех дополнений, которые я внес в мой экземпляр (...). То, что я сам не могу вести это редактирование труда, Вы видите из неразборчивости моего письма по причине слабости зрения (...). Капитал, выделенный Академией для издания, пойдет, очевидно, на печатание и гонорар редактора, а для главного автора останется лишь честь быть названным в первую очередь на титульном листе, с добавкой: avec les compliments de M. L'académien Kounik et du rédacteur M. N. (...). С наилучшими пожеланиями доброго здоровья к Новому Году Ваш Др. Э. ф. Муральт⁵⁰. К сожалению, смерть Муральта (1895 г., Лозанна) помешала реализации этого плана.

Следует также отметить, что Муральт сам признавал недостатки своей работы. Еще в предисловии к первому тому (1855 г.) он подчеркивает: “Конечно, нужны еще долгие и разнообразные усилия, чтобы византийская хронография, как отдельная наука, смогла достичь высокой степени совершенства, и прежде всего желательно, чтобы неизданные греческие хроники были опубликованы”⁵¹, задача, в разрешение которой сам он внес существенный вклад своим *editio princeps* наиболее важного с точки зрения истории древнеславянской и древнерусской письменности источника – “Хроники” Георгия Амартола (1859 г.)⁵². Издание заняло весь VI том “Ученых записок II отделения ИАН” за 1861 г. (реальная дата выхода в свет) с пояснением И.И. Срезневского, отметившего “заботливое усердие г-на д-ра Муральта, взявшегося за труд и исполнившего его с редким самоотвержением” (см. предварающий книгу лист без пагинации), и с переводом латинского предисловия Муральта на русский язык, выполненным Иониным (стр. I–XLIX). В основу издания был положен московский список Синодальной библиотеки № 251 (= ГИМ № 406), датирующийся первой половиной XII в.⁵³, но, к сожалению, дефектный (в нем отсутствовало в частности начало, выполненное из мюнхенского списка № 414, присланного немецким историком Г.Л.Ф. Тафелем⁵⁴) и содержащий позднюю, интерполированную редакцию памятника, поэтому со временем возникла потребность в более качествен-

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614. Л. 26–26 об. (оригинал на немецком, рукописная готика, как и все прочие письма Муральта к Кунику).

⁵⁰ Там же. Л. 27–27 об.

⁵¹ *Murali E. de. Essai de chronographie byzantine pour servir...* P. XXXI.

⁵² *Georgii Monachi, dicti Hamartoli Chronicon ab orbe condito ad annum p. Ch. 842 et a divers scriptoribus usque ad a. 1143 continuatum nunc primum ad fidem codicis Mosquensis, adjecta passim varietate reliquorum codicum nec non Leonis Grammatici et Cedreni et annotatis locis s. scripturae, patrum ecclesiast. et ceterorum scriptorum in chronico laudatis annisque ante et post Chr. n. in margine adscriptis / Edidit E. de Muralto. Petropolis Academiae Scientiarum. MDCCCLIX.*

⁵³ Библиографию рукописи см.: *Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Синодальной библиотеки. М., 1993. С. 133.

⁵⁴ Отношения Муральта с этим выдающимся знатоком византийской хронографии отнюдь не были идеальными. Так, письмом от 29 мая 1856 г. он просит Куника повременить с отсылкой пробных листов “моего Амартола”, уточнив свою позицию: “Я охотно высказывался за это, полагая, что он выкажет готовность к ответным присылкам из данных ему, в частности одной публичной библиотекой рукописных сокровищ. После того, как он в 1854 г. через меня, а в 1856 г. через Вас получил из московского Кодекса больше, чем я из мюнхенских, дальнейшая передача может быть отложена до того времени, пока не восстановится взаимность” (ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614. Л. 12).

ном издании “Хроники” Георгия Амартола, что и задумывалось А.А. Куником и В.Г. Васильевским, но было осуществлено К. де Боором (Lipsiae, 1904). Невольно охватывает сожаление при мысли, что и труд ученого не вечен.

Завершает этот подготовительный этап и в то же время открывает новый в становлении петербургской школы византиноведения монументальная фигура уже неоднократно упоминавшегося здесь академика Ариста Аристовича Куника (1814–1899)⁵⁵, ученого поразительного по широте научного кругозора и эрудиции, для которого “византиноведение было не только идеей, но и жизненной задачей”⁵⁶, – “симпатичная, хотя и весьма мало понятная при жизни личность”⁵⁷, “истинный патриарх византиноведения в России”⁵⁸, “немец, почти полностью обрусевший в результате долгого пребывания в русской метрополии, в душе которого оставил свой след славянский отпечаток”⁵⁹.

А.А. Куник не оставил крупных и специальных работ в области изучения истории Византии, предпочитая, по выражению И.В. Ягича, “разменивать свою ученость на мелкую монету”. Самая крупная из них – обширная 10-я глава в основном труде Куника, посвященном варяжскому вопросу в духе норманнской теории⁶⁰, все остальное – это мелкие заметки по частным вопросам из области византийско-русских отношений, в которых он стремился сочетать лингвистику с историей, применять к истории сравнительный лингвистический и критический метод; по хронологии, которой он придавал большое значение, полагая, что она “сдерживает фантазию, открывает и объясняет связь событий” (вместе с В.Г. Васильевским Куник входил в Академию с представлением об издании перечня византийских писем, грамот и вообще документов всякого рода, дабы заложить основу “регеста” Византийской империи⁶¹); обратили на себя внимание его статьи об основании Трапезундской империи в 1204 г., о связи трапезундско-сельджукской войны 1224 г. с нашествием татар на северное Черноморье, о так называемой “Записке готского топарха” (разумеется, А.А. Куник воспринимал этот памятник как подлинный), а также целый ряд блестящих очерков о научных трудах европейских византинистов (Цахариэ фон Лингенталья, Тафеля Муллаха), как и отечественных (Круга, Муральта).

Большое впечатление на общественность и значительное влияние на судьбы отечественного византиноведения оказала программная речь А.А. Куника в историко-филологическом отделении Академии наук 17 октября 1853 г. на тему “Почему Византия доньше остается загадкой во всемирной истории?”⁶² Широкими мазками обозначив основные вехи европейской истории, начиная с падения Западной Римской империи в 476 г., Куник задается вопросом о том, каким образом Византия, этот “восточный Рим”, смог продержаться еще 1000 лет после гибели “своего старшего брата”, и считает, что “причина, очевидно, должна лежать не во внешнем положении столицы, вообще не в матерья-

⁵⁵ О нем см.: *Лантева Л.П.* Куник Арист Аристович (Эрнст Эдуард) // *Славяноведение в до-революционной России...* С. 208.

⁵⁶ *Успенский Ф.И.* Из истории византиноведения в России. С. 115.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Понов Н.Г.* Начало византиноведения в России. С. 445.

⁵⁹ *Palmieri A.* L'oeuvre de Kunik et les études byzantines en Russie // *Echo d'Orient.* 1900. Т. 3. Р. 28–29.

⁶⁰ *Kunik E.E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven; Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates. SPb., 1845. Abt. 2. S. 321–496.

⁶¹ Черников записки (автограф Куника) обнаружен нами в протокольных бумагах к заседанию ИФО АН от 19 января 1894 г.: ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2. – 1894. Д. 27. Л. 3–8 об.

⁶² Опубликована в: Уч. записки имп. Академии наук по I и III отделам. С. 423–444.

альном положении дел, а глубже, именно в моральном порядке вещей (...). Падение всех этих государств (имеются в виду Египет, Карфаген, Вавилон, Ассирия, Персия, Эллада. — И.М.), равно как и долговечность Византии, очевидно, надо возвести к какому-то обществу, высшему, внутреннему началу, которого в тех недоставало, тогда как последняя не переставала им одушевляться. Это живоносное начало есть — Христианство”⁶³. Прослеживая внутреннюю связь византийской истории с историей славян (он говорит о “византийско-славянской группе народов” как параллели народам романо-германским), Куник подчеркивает ее особое значение для истории российской (“Большая половина русской истории не есть ли, говоря вообще, отражение истории византийской?”) и обращается к русской обществу (хотя бы в лице Академии наук) со страстным призывом “освободиться, наконец, от свиной тяжести равнодушия к историческому прошлому Византии, бросающему яркие лучи света и на историю России, которой теперь нельзя оставаться праздною в виду научной деятельности Европы, давно уже решившейся разредить мрак, скопившийся над Византией”⁶⁴.

Не ограничиваясь весьма эмоционально выраженными призывами к “благородному соревнованию” с правительствами и учеными таких европейских стран как Англия, Франция и Германия, в которых, “византийские занятия признаны в качестве самостоятельной науки”, Куник предлагает конкретную и, на его взгляд, реальную программу развития византиноведения в России, предусматривавшую первоочередную разработку следующих проблем: 1) Критическая история византийских занятий с XVI в., с особым вниманием к трудам XIX столетия. 2) Издание хранящихся в рукописях византийских историков и других произведений византийской литературы, имеющих историческое значение. 3) Собрание и издание иностранных источников и известий, встречающихся в европейских и азиатских литературах, относительно византийской истории. 4) Библиография византийских рукописей, где было исчислено все наличное богатство манускриптов, хранящихся в разных библиотеках, хотя бы обзор этот составлялся совершенно кратко в виде перечня и выходил в свет мало-помалу по частям. 5) Библиографический обзор источников византийской истории, при руководстве которого впоследствии можно было бы составить полное обозрение источников и литературы византийской истории. 6) Критико-хронологическая обработка византийской истории по частям на основании византийских и иностранных источников. 7) Издание церковно-славянских переводов византийских летописей. 8) Лингвистическое введение к изучению памятников византийской литературы⁶⁵.

Подробно разбирая и комментируя эти пункты, В.Н. Бенешевич в своих лекциях по истории византиноведения вынужден констатировать: “Здесь намечена целая обширная программа работы византиноведной, не осуществленная в полном объеме даже и до сих пор и представляющая поэтому живой интерес для оценки современного (начало XX в. — И.М.) положения дела”⁶⁶. Он же (Бенешевич) так оценивает вклад ученого в становление российского византиноведения и eo ipso его петербургской школы: “55-летняя деятельность Куника в Академии наук имела решающее влияние на всю постановку византиноведения в России; он не только лично работал без устали, но и умел привлечь других к ра-

⁶³ Там же. С. 426.

⁶⁴ Там же. С. 444.

⁶⁵ Там же. С. 442—443.

⁶⁶ Бенешевич В.Н. Лекции по истории византиноведения. С. 600.

боте и направить ее, как человек почина; в его голове (здесь Бенешевич цитирует Васильевского. – *И.М.*) постоянно слагались новые планы и кипели живые мысли, которые он развивал с воодушевлением и жаром; одушевляя других, он долго не остывал и сам”⁶⁷.

Тот, кто знакомился с содержанием обширнейшего архива А.А. Куника (охранится главным образом в Петербургском филиале Архива РАН, фонд 95) безоговорочно подпишет под такой оценкой. Впечатление такое, что в его уединенной квартире академического дома на Васильевском острове, где “погруженный в научную работу, он жил одиноко, как какой-то протестантский монах, в глубине своей богатой библиотеки”⁶⁸, находился чуть ли не эпицентр мировой науки. Именно отсюда исходили многие импульсы и начинания, даже из тех, которые дадут свои плоды гораздо позже, уже после кончины ученого. По его инициативе и при его непосредственном участии создает свои труды по византийской хронографии и издает Георгия Амартола Эдуард Муральт; его посвящает в интимные стороны своей подвижнической жизни знаменитый московский археограф и библиограф В.М. Ундольский, широко используя Куника как директора БАН, в деле выписки из-за рубежа нужных ему изданий и даже рукописей⁶⁹; Куник первым (во главе специализированной комиссии ИАН) дает квалифицированную оценку фантастической коллекции греческих рукописей Константина Симонидиса, будоражившего ученую Европу своими палеографическими мистификациями⁷⁰; он на протяжении десятилетий ведет ученую переписку с крупнейшим европейским “авторитетом” в области истории византийского права Цахариз фон Лингенталем, обеспечив его избрание членом-корреспондентом ИАН, побудив того широко публиковаться в изданиях ИАН и добившись от русского правительства финансирования издания самых крупных публикаций немецкого ученого⁷¹; он же (Куник) обратил внимание Академии на труды немецкого византиста Г.Л. Тафеля, открывшего любопытные исторические материалы и мечтавшего о замене Боннского корпуса византийских источников более совершенным, чему горячо сочувствовал и Куник⁷²; в переписке с другим немецким эллинистом Ф.Г.Д. Муллахом он побуждает последнего заняться подготовкой переиздания греческого глоссария Дюканжа с поправками и дополнениями, обсуждает с ним все детали проекта, надеясь привлечь к этому делу Академию⁷³; молодой Спиридон Ламброс подробно информирует Куника о своих исследовательских планах, также надеясь заинтересовать в них Академию; знаменитый Карл Крумбахер детально обсуждает в переписке с Куником планы “двойного” издания (т.е. греческого оригинала и славянского перевода) в России Георгия Амартола и Симеона Логофета и рекомендует в качестве издателей “моего друга и ученика д-ра Истрина из Москвы” – для славян

⁶⁷ Там же. Ср.: *Васильевский В.Г.* Арист Аристович Куник (некролог) // ВВ. 1899. Т. 6. С. 619–632.

⁶⁸ *Бенешевич В.Н.* Лекции по истории византиноведения. С. 603.

⁶⁹ *Медведев И.П.* Письма В.М. Ундольского к А.А. Кунику... С. 803–816.

⁷⁰ *Медведев И.П.* Неизвестный каталог греческих рукописей из коллекции Константина Симонидиса // *Рукописное наследие русских византинистов...* С. 537–567.

⁷¹ *Медведев И.П., Таценко Т.Н.* Письмо Цахариз фон Лингентала в архиве А.А. Куника // *Архивы русских византинистов в С.-Петербурге.* С. 389–429.

⁷² См.: *Куник А.А.* О трудах византиниста Тафеля // *Уч. записки Имп. Академии наук по I и III отделениям.* С. 444–454.

⁷³ *Medvedev I.P.* Kunik and Mullach on the Necessity of a Re-edition of Du Cange’s Glossary (from the Correspondence of the Two Scholars) // *Chrysaí Pylai-Zlataja Vrata: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Eightieth Birthday (= Palaeoslavica, vol. X).* Cambridge (Mass.), 2002.

ской версии, и “никого другого, как Карла де Боора”, – для греческой (как известно, оба они впоследствии выполнили поставленную перед ними задачу, хотя и отдельно друг от друга)⁷⁴; именно под руководством А.А. Куника начинается свою работу известная “Порфирьевская комиссия” ИАН по реализации завещания епископа Порфирия Успенского (1804–1885) и подготовке к публикации как его собственных трудов (за это по поручению Куника взялся П.А. Сырку, осуществивший и описание всех бумаг епископа), так и собранных им богатейших коллекций (например, за подготовку издания актов афонских монастырей взялся, также по поручению Куника, В.Э. Регель); и т.д., и т.д. (и это только из “византийского” в деятельности А.А. Куника).

И еще несколько черт в характере и в деятельности А.А. Куника, мастерски обрисованных В.Н. Бенешевичем (он оговаривается в своих лекциях по истории византиноведения, что “пришлось подробно остановиться на личностях и работе Круга и Куника потому, что значение их не только забывают, но и отрицают”): «Сам Куник обладал такой феноменальной памятью, такой широтой знаний и умением пользоваться ими, что менее всех других мог чувствовать отсутствие всех тех пособий, о которых хлопотал. Многие считали его ученым чудачком, типом академической мертвечины в науке, маниаком “толчения воды в скандинавской ступе”, т.е. по варяжскому вопросу. На самом деле Куник понимал историю по Гегелю как “произведение духа” и не считал историей “начертание какой-нибудь войны или каких-нибудь внешних отношений, если не постигнуть идеи, имевшие влияние на внутреннее бытие народа или времени”; задачей “славянской истории” он считал “возвышение ее до идеи” и полагал, что “в простом народе должно преимущественно искать основной элемент первобытной общественной жизни славян”. Трудность истории, осознанная Куником, заставляла его обращаться к изучению частных исторического процесса и притом таких, которые не поддавались усилиям предшествующих исследователей. Отсюда широчайший диапазон научных интересов Куника, но отсюда же и внутренняя связанность его многочисленных трудов, при которой варяжский вопрос получает значение только важного эпизода (...). Историческая критика, подкрепляемая сравнительной филологией, была для Куника символом веры. Религию он отрицал и шел в отрицании далее того, что давали тогда Штраус и Ренан. “Попов” он терпел только ученых, подобно тому, как, будучи резким антисемитом, он и евреев терпел только ученых. Последнее как-то уживалось у него с принципом широкой гуманности. “На национальность я смотрю, как на средство для достижения высшей цели гуманности”, говорил он и не хотел быть немецким пионером в России. В Академии Куник отстаивал принцип, что Академия наук должна быть для русских, а не для немцев, и потому его называли предводителем русской партии в Академии наук. Однако и русским он был не по образцу других. Со времен турецкой войны 1877/8 гг. Куник стал употреблять термин “шовинизм” для обозначения весьма предосудительного образа мыслей: так он называл желание России или русских водрузить крест на св. Софии и утвердиться на Босфоре. “Не нужно заботиться о престиже, сидите смиренно, устраивайте свои финансы, которые теперь у вас так плохи, занимайтесь науками”, говаривал Куник собеседнику, заносившемуся в дали “восточного вопроса” (...). Таков был А.А. Куник, осуществивший в Академии наук пере-

⁷⁴ ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 454. Д. 2–5 об. (письмо из Мюнхена от 11 декабря 1896 г.). Ср. к этому: Поляков Ф.Б. Карл Крумбахер и Василий Михайлович Истрин. Эпизоды взаимоотношений по материалам Баварской Гос. библиотеки // Россия и Христианский Восток. С. 245–253.

ход от “немецкого периода” в истории русского византиноведения к “русскому периоду”. Наравне с Кругом Куник принадлежит к числу тех ученых, труды которых не теряют своего значения никогда и для IX–X веков имеют особую важность. Среди великих заслуг Куника одна представляется особенно выдающейся, а именно: он сразу отметил высокое значение трудов В.Г. Василевского с 1878 г. стал принимать шаги к избранию его в Академию наук и в 1890 г. добился этого»⁷⁵.

Разумеется, помимо “немецкого фактора” в первоначальном петербургском византиноведении были и другие, стоит лишь вспомнить имена отца и сына Дестунисов, из которых второй – Гавриил Спиридонович Дестунис (1818–1895) назван самим В.Г. Васильевским “патриархом” византийских занятий в Петербургском университете, который внес большой вклад во внедрение занятий “византийскими древностями” (т.е. греческой этнографией, языком, литературой, народной поэзией) в систему университетского преподавания. Правда, в его общих культурно-исторических курсах Византия рассматривалась как связующее звено между античной и новой Грецией, поэтому его интерес к собственно истории Византии был весьма ограниченным, как и понимание основных проблем и методов исторического исследования. Лекции его, тем не менее, пользовались популярностью (в представлении историко-филологического факультета Петербургского университета отмечалось, что он “привлекал к себе слушателей несмотря на специальность своих курсов”) и сыграли несомненную роль в развитии интереса к византийской тематике, в том числе и исторической. В этом смысле “деятельность В.Г. Василевского в университете была во многом подготовлена и облегчена той первичной обработкой почвы, которую осуществил Дестунис”⁷⁶. Большой заслугой Г.С. Дестуниса было также осуществленное им издание переводов византийских историков, выполненных еще его отцом С.Ю. Дестунисом, им “поновленных”, снабженных предисловиями и комментариями. Менее удачна судьба собственных разысканий Г.С. Дестуниса в области византийской литературы: многие из них явно не выдержали испытания временем и безнадежно устарели, как, например, его “Исторические сказания инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских” (СПб., 1858)⁷⁷, “Опыт биографии Георгия Франдзия” (надо: Георгия Сфрандзи)⁷⁸ и др.

Говоря о начальном этапе становления университетской византистики, нельзя забывать и имя историка-эллиниста М.М. Стасюлевича, читавшего в 1852 г. в университете историю средних веков, значительное внимание уделявшего византийской проблематике (на своих “спецкурсах” он разбирал со студентами сочинение Лиутпранда Кремонского “De legatione Constantinopolitana”

⁷⁵ Бенешевич В.Н. Лекции по истории византиноведения. С. 602–603.

⁷⁶ Курбатов Г.Л. Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения (Г.С. Дестунис) // ПС. 1971. Т. 23(86). С. 189 (весь ценный очерк Г.Л. Курбатова о Г.С. Дестунисе занимает с. 179–191). См. о нем также: Цантуали А.Н. Петербургская школа византиноведения // ВИД. 1991. Т. 23. С. 8; Белоброва О.А. С.Ю. и Г.С. Дестунисы: рукописное наследие // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. С. 22–34; Шукурова А.Э. Из эпистолярного наследия Г.С. Дестуниса: письма к Ф.И. Успенскому // Рукописное наследие русских византинистов... С. 568–573.

⁷⁷ Как показал греческий историк Леандр Врануссис, речь идет о двух “византийских историках, которые никогда не существовали”, см.: *Vranoussis L. Deax historiens byzantins, qui n'ont jamais existé: Comnénon et Proclus* // 'Ελετ. Μεσαιων. 'Αρχελου. 1962. Т. 12. Σ. 23–29.

⁷⁸ Как показали новейшие исследования, “Chronicon maius” Георгия Сфрандзи, которой пользовался и Г.С. Дестунис при воссоздании биографии Георгия Сфрандзи (1401–1478), является подделкой подлинного произведения Сфрандзи.

“Ассизы Иерусалимского королевства”⁷⁹), автора известной монографии “Осада и взятие Византии турками” (СПб., 1854). И тем не менее, если иметь в виду зарождение и становление петербургской школы византиноведения в целом, невозможно не согласиться с выводом, к которому пришел один из первых историков начала русского византиноведения Н.Г. Попов: “Все это было делом ученых иностранцев, стоявших в более или менее близком отношении к Императорской Академии наук приблизительно за первое столетие ее существования”⁸⁰. Более того: связи европейского и петербургского византиноведения были в этот период настолько тесными и органичными, что возникло ощущение, что второе – это лишь филиал первого (иногда, правда, наоборот).

Невозможно не согласиться – еще раз – и с В.Н. Бенешевичем, который считает, что “о немецком периоде в Академии приходится вспоминать с благодарностью”⁸¹. Значение сделанного российскими учеными иностранного происхождения прекрасно понимали и современники. Так, “насквозь русский” В.М. Ундольский, похвально отозвавшись о труде Э. Муральта, делает примечательную оговорку в письме к академику П.С. Билярскому из Москвы от 6 октября 1855 г.: «Как желал бы я, чтобы его (сочинение Э. Муральта “Византийская хронография”. – *И.М.*) рассмотрели все наши лже-патриоты, ожидающие всего от самих себя и безжалостно отвергающие все ученое, когда оно не русского происхождения. Я так и в могиле не расстался бы с Фабрицием, Алляцием, Кругом, Гарлес, Ламбецием и подобными учеными; нет нужды, что они были не русские. Разве не на их памяти Шлёцер и Востоков дали пример и, можно сказать, образец критики-филологии и даже библиографии. Какая мне надобность, что исследования о даках и фраках, о хронологии и пасхалии в многочисленных видах написаны русскими генералами, когда сии мужи написали ужасную чепуху, лезли с ней везде, и теперь ругают чуть ли не всех – что не принимают более их творений?!»⁸². Комментарий, как мне кажется, в данном случае излишни.

⁷⁹ Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50-ти лет его существования. СПб., 1870. С. 220–221.

⁸⁰ Попов Н.Г. Начало византиноведения в России. С. 447.

⁸¹ Бенешевич В.Н. Лекции по истории византиноведения. С. 603.

⁸² Истрин В.М. Письма к академику Петру Спиридоновичу Билярскому... С. 26–27.

Г.Е. Лебедева

А.С. ПАВЛОВ И К.Э. ЦАХАРИЭ ФОН ЛИНГЕНТАЛЬ

К уже опубликованным архивным материалам, относящимся к творческой биографии выдающегося канониста А.С. Павлова, ныне можно присоединить два письма ученого, найденные нами в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук¹. Письма адресованы И.А. Бычкову, сыну академика А.Ф. Быčkова, который возглавлял Археографическую комиссию при Императорской Академии наук. Они проливают свет на историю написания А.С. Павловым некролога, посвященного немецкому ученому К.Э. Цахарие фон Лингенталю².

А.С. Павлов (1832–1898) и К.Э. Цахарие фон Лингенталь (1812–1894) были современниками. Византийское право, во всей своей полноте представленное изданиях К.Э. Цахарие фон Лингенталю, дало возможность А.С. Павлову и другим ученым определить масштабы византийского влияния на развитие правовой мысли в славянских землях. При изучении научного наследия великого Павлова неизбежно возникает параллель с творчеством Цахарие фон Лингенталю. В судьбе великого немецкого ученого и его российского коллеги немало общего. Оба они, работая в области исторического правоведения и следуя в своих штудиях сравнительно-историческому методу, направили свои усилия прежде всего на научное издание источников. К.Э. Цахарие фон Лингенталь, как известно, сделал общим достоянием науки большую часть памятников греко-римского права, дав затем, по выражению А.С. Павлова, “блестательное раскрытие содержания этих источников в своей истории греко-римского права”³. Сам А.С. Павлов в свою очередь начал с критического издания старославянских текстов, в которых содержались переводы или переделки памятников византийского права. Наука обязана ему такими классическими, по оценке современников изданиями, как “Первоначальный Славяно-русский Номоканон” (Казань, 1869), “Номоканон при большом Требнике” (Одесса, 1872; 2-е перераб. изд. М., 1897) и пр.⁴ В деле критического издания памятников и их изучения А.С. Павловым было сделано так много, что его заслуги перед мировой наукой сопоставимы научным вкладом К.Э. Цахарие фон Лингенталю. А.С. Павлов прекрасно знал работы Цахарие фон Лингенталю, о чем особенно ярко свидетельствует его пе-

¹ ПФА РАН. Ф. 764. Бычков А.Ф. Оп. 5. Ед. хр. 31. л. 26, 26об., 27; Л. 28, 28об.

² Павлов А.С. Русские поминки по Цахарие фон Лингенталю // ВВ. 1894. Т. 1. С. 464–468.

³ Книги законные, содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земельные, уголовные, брачные и судебные (изданы вместе с греческими подлинниками и историко-юридическим введением А. Павлов, заслуж. ординарный проф. Импер. Моск. Университета). М., 1885. С. 1.

⁴ См.: Лебедева Г.Е. Из истории изучения канонического права в России. А.С. Павлов // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1999. С. 328–337.

реписка с А.Ф. Бычковым⁵. Цахариэ фон Лингенталь также внимательно следил за работами русского коллеги, о чем свидетельствует его переписка с действительным членом Императорской Академии наук А.А. Куником:

Großmehlen bei Ortrand

18 Juni 1878

Verehrter Herr!

Da die griechischen $\nu\omicron\mu\omicron\lambda\acute{\nu}\omicron\nu\epsilon\varsigma$ und $\kappa\alpha\nu\omicron\nu\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ des XV. und der folgenden Jahrhunderte als Quelle ähnlicher slavischen Handbücher von Bedeutung sind, so habe ich angefangen, die betreffenden Notizen aus meinen Collectaneen und Handschriften zusammenzustellen, um zu sehen ob sie sich zu einer Abhandlung für die Akademie abrunden lassen. Allerdings aber finde ich schon jezt, daß meine Unkenntniß der russischen Sprache und Literatur mich hindern wird etwas Vollständiges zu liefern. Insbesondere muß ich bedauern die Arbeiten des A. Pavloff nicht würdigen zu können, welche einen Nomokanon dieser Art gründlich commentiren (Odessa 1872).

Es würde mich vorzugsweise interessiren das zu verstehen, was S. 26 (sub. 2) S. 32 (Anm. 3) in Text und Anmerkungen steht. Ich erlaube mir daher die ergebenste Frage, ob Sie mir wohl eine Uebersetzung dieses Stückes auf meine Kosten fertigen und zusenden lassen können.

Lebt Pavloff noch und unter welcher Adresse würde ihn ein Brief von mir treffen?

Er citirt häufig den Nomokanon des Malaxus, und zwar so, daß es mir fast scheinen will, als ob derselbe oder doch Stücke desselben in Rußland publicirt worden seien. Ist dies der Fall? und unter welchem Titel und durch welche Buchhandlung könnte ich das Buch beziehen?

Ich lasse heute unter Kreuzband eine kleine Abhandlung für Sie abgehen, weniger in der Hoffnung daß sie Ihnen von Interesse sein könnte, als vielmehr zum Zeichen meiner Verehrung.

Mit dem Ausdruck derselben verharre ich

Ihr

ergebener

Dr. Zalingenthal⁶

Перевод:

Гросскмелен близ Ортранда

18 июня 1878 г.

Уважаемый господин [А.А. Куник]!

Так как греческие $\nu\omicron\mu\omicron\lambda\acute{\nu}\omicron\nu\epsilon\varsigma$ и $\kappa\alpha\nu\omicron\nu\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ XV века и следующих столетий имеют большое значение как источник подобных славянских кормчих, то я начал составлять соответствующие заметки из тетрадей и рукописей, чтобы по-

⁵ См.: Лебедева Г.Е. А.С. Павлов как издатель "Памятников древнерусского канонического права XI–XV вв." (в свете неопубликованной переписки ученого с академиком А.Ф. Бычковым) // Древнее право. М., 2000. 1(6).С. 183–187. Сами письма А.С. Павлова к А.Ф. Бычкову будут опубликованы в третьем томе "Архивов русских византинистов в Санкт-Петербурге".

⁶ Медведев И.П., Таценко Т.Н. Письма К.Э. Цахариэ фон Лингенталья в архиве А.А. Куника // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. Т. II. С. 389–429. Письмо № 26. С. 419.

смотреть, можно ли из них сделать статью для Академии. Однако я считаю уже теперь, что мое незнание русского языка и литературы не даст мне возможности создать что-то завершенное.

Особенно я сожалею о том, что не могу оценить работы А. Павлова, которые основательно комментируют Номоканон этого рода (Одесса, 1872).

Мне прежде всего хотелось бы понять, что написано на страницах 26 (сноска 2), 32 (примечание 3) в тексте и примечаниях. Поэтому я покорнейше Вас прошу на мои деньги подготовить перевод этого фрагмента и переслать мне.

Жив ли еще А. Павлов, и по какому адресу я мог бы отправить ему письмо?

Он цитирует часто Номоканон Малахия именно в таком виде, что я почти уверен, что Номоканон или его фрагменты были опубликованы в России. Тогда это? И под каким заглавием, и в каком книжном магазине я мог бы получить эту книгу?

Сегодня я бандеролью отправляю для Вас маленькую статью, не столько надежде, что она может быть Вам интересна, сколько в знак уважения к Вам.

Остаюсь преданный Вам и уважающий Вас

Д-р Ц. Лингенталь

Итак, очевидно, что А.С. Павлов и Цахариз фон Лингенталь состояли в переписке. К сожалению, нам не удалось обнаружить их письма, розыски, по-видимому, следует вести в архивах Германии и в архивах Москвы.

И.П. Медведев в статье “Прощальное письмо Цахариз фон Лингенталь Российской Академии наук” замечает, что “почему-то смерть Цахариз фон Лингенталь, по контрасту со смертью в 1909 году Карла Крумбахера, породившей волну некрологов, не вызвала в Петербурге откликов, даже А.А. Куник посвятил своему давнишнему другу некролога. Единственный некролог (зато какой!) опубликованный в I томе “Византийского временника”, исходит от мистика – от выдающегося русского канониста Алексея Степановича Павлова”. Вслед за И.П. Медведевым мы охотно можем повторить: “Зато какой некролог!”. Некролог прежде всего поражает своеобразием и совершенством формы, включая даже его названием “Русские поминки по Цахариз фонъ Лингенталю”.

Далее И.М. Медведев задается вопросами: «Почему все же не петербуржец оказался автором Некролога, опубликованного в “Византийском временнике” почему вопрос об этом должен был решать Л.Н. Майков и почему вообще Ершштедт должен был убеждать Куника в том, что некролог Цахариз фон Лингенталю не может не присутствовать в “Византийском временнике”, – во всем этом есть какая-то загадка»⁹.

В обнаруженных нами письмах, как нам представляется, содержится ответ самого А.С. Павлова на поставленные ученым – нашим современником вопросы. Приводим текст впервые публикуемых писем.

⁷ Перевод Г.Е. Лебедевой публикуется впервые.

⁸ Медведев И.П. Прощальное письмо Цахариз фон Лингенталь к Российской Академии наук. От Древней Руси к новой России. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. РАН Я.Н. Шапова (в печати). Мы выражаем глубокую признательность И.П. Медведеву за представленную возможность ознакомиться с его еще неопубликованной статьей.

⁹ Там же.

16 августа 1894 г.

Достоуважаемый Иван Афанасьевич!

Редакция “Византийского временника”, завербовавшая меня в свои постоянные сотрудники, возложила на меня обязанность написать для ближайшей книжки этого журнала некролог недавно скончавшегося юриста-византолога Цахариэ фон Лингенталю. Довольно близко знакомый с учено-литературными трудами покойного, я не имею почти никаких биографических сведений о нем, а без них никак нельзя обойтись в некрологе. Не можете ли Вы помочь мне в этом деле: указанием какого-нибудь, более или менее обстоятельного некролога Цахариэ, каковых, конечно, не мало явилось в немецких журналах, особенно юридических. Если сами не можете, попросите от меня об этом Вашего Высокоуважаемого родителя, который, конечно, знал покойного, как чл[ена]-кор[респондента] нашей Академии наук, если не лично, то по тому представлению в Академию, на основании которого он был избран в упомянутое “звание”.

Для меня было бы всего лучше, если бы Афанасий Ф[едороич] согласился послать мне дня на три один из немецких журналов с искомым некрологом. Я немедленно возвратил бы эту книжку под заказной бандеролью. В нашей университетской библиотеке иностранные журналы получают почти через год после абонементов, целыми партиями, как пересылаются книги. Аккуратно получается только Litterarische Zentralblatt, но там нет Цахариэва некролога.

Словом: так или иначе помогите мне. Редакция меня торопит.

Крепко жму Вашу руку, не раз оказывавшую мне добрые услуги. Преданнейший и прემного обязанный Вам

Павлов¹⁰.

* * *

2 сен[тября] 1894 г.

Глубокоуважаемый Иван Афанасьевич!

Некролог Цахариэ уже послан мною в редакцию “Виз[антийского] Вр[еменника]”, еще до получения Вашего письма из летней Вашей резиденции. Я решил построить статью специально так, чтобы она была чисто русскими поминками по незабвенному творцу истории византийского права. С этой точки зрения мне не было надобности излагать биографию покойного, я ограничился только указанием его заслуг для русской историко-юридической науки, чего не могут сделать соотечественники Цахариэ и вообще никто из иностранцев. Мне думается, что такой некролог получит особенную цену и в глазах немецкого ученого мира, если только моя скромная работа сделается частью известною, хотя бы через посредство крумбахерова журнала.

Преданнейший Вам

Павлов¹¹.

По-видимому, поручение редакции “Византийского временника” А.С. Павлову написать некролог Цахариэ фон Лингенталю объясняется тем, что отдать

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 764. Бычков А.Ф. Оп. 5. Ед. хр. 31. Л. 26, 26об., 27.

¹¹ Там же. Л. 28, 28об.

должное великому немецкому ученому по-настоящему глубоко, профессионально, но мог только великий русский ученый А.С. Павлов. Следует сказать, что в выборе автора некролога редакция "Византийского временника" не ошиблась.

Как видим, ученый не без колебаний отходит от привычной, традиционной формы некролога. Из признаний самого А.С. Павлова он все-таки получил возможность ознакомиться с немецким некрологом Цахариэ фон Лингенталю, который был опубликован в журнале Крумбахаера. По-видимому, это случилось в период между написанием двух писем Алексея Степановича, отправленных И.А. Бычкову. Но даже это обстоятельство не повлияло на замысел автора написанном им некрологе почти отсутствуют биографические данные о Цахариэ фон Лингентале. Некролог очень трудно назвать некрологом, это скорее научная статья (кстати, так считал и сам А.С. Павлов), в которой ученый выступает как блистательный историограф, знаток научного наследия Цахариэ фон Лингенталю. Эта статья А.С. Павлова, как и письма ученого, несет на себе печать незаурядной личности самого автора, характеризуют его как ученого и человека. Недаром современники в некрологах на смерть уже самого А.С. Павлова обращались к павловскому некрологу Цахариэ фон Лингенталю, оценивая научное наследие А.С. Павлова и его личность по той же ценностной шкале, в которой сам А.С. Павлов оценивал научное наследие и личность своего немецкого коллеги¹².

Статья-некролог А.С. Павлова, в которой дается столь четкая и краткая оценка научной деятельности выдающегося немецкого ученого К.Э. Цахариэ фон Лингенталю до сих пор не утратила своего научного значения. Она была напечатана в 1894 г. в I томе "Византийского временника", который давно стал библиографической редкостью. Поэтому мы считаем целесообразным, чтобы текст был заново воспроизведен в "Византийском временнике" как дань глубокого уважения к двум великим ученым¹³.

РУССКИЕ ПОМИНКИ ПО ЦАХАРИЭ ФОНЬ ЛИНГЕНТАЛЮ

Недавно из среды ученого германского мира смерть похитила слишком крупную и дорогую жертву, утрата которой, надобно думать, надолго будет чувствительна для историков и юристов всего мира: 22-го мая (3-го июня) текущего года скончался на 82-м году своей жизни знаменитый юрист-византолог Цахариэ фон Лингенталю, которого по своей справедливости можно назвать творцом научной истории византийского права и который в последнее время считался почти единственным представителем этой специальности на Западе.

Как известно, ученая деятельность Цахариэ в избранной им области историко-юридических знаний состояла: во-первых – в критическом издании громадной массы источников византийского права, или вовсе до него неизвестных или известных только в неудовлетворительных изданиях (Бонефидия, Леункливия и др.); во-вторых – в тщательной разработке истории этих источников; в-третьих – в создании из них строго-научной системы византийского (преимущественно частного) права в его историческом развитии.

¹² Заозерский Н. Памяти проф. А.С. Павлова // Богословский вестник. СПб., 1898. № 1. С. 349–355.

¹³ Орфография приведена в соответствии с современной, пунктуация некролога оставлена без изменений.

Не наше дело, да теперь еще и не время, оценивать значение научных трудов Цахариев с точки зрения общих интересов историко-юридической науки: это в свое время сделают другие и прежде всех, конечно, ученые соотечественники покойного. Но и на нас, русских, лежит прямой и непререкаемый долг почтить память великого труженика науки благодарным указанием на те его труды, которые несомненно содействовали и долго будут содействовать развитию и укреплению нашего исторического самосознания. И в самом деле, кто из русских историков-юристов может усомниться в том, что многие из открытий, сделанных Цахариев в области истории византийского права, пролили обильный свет и на историю нашего отечественного права, в развитии которого право византийское участвовало, как один из самых могущественных факторов? Конечно, сам Цахариев прямо не задавался целью служить русской историко-юридической науке; тем не менее и он, по самому существу дела, хорошо сознавал и в письмах к своим друзьям и почитателям в России и Греции не раз высказывал, что он работает в научных интересах не столько романо-германского, сколько греко-славянского мира. И вот оправдание нашей, на посторонний взгляд, может быть, слишком узкой точки зрения на общепризнанные великие заслуги покойного юриста-византолога для истории права вообще.

Из массы источников византийского права, впервые открытых и изданных Цахариев, или только вновь вышедших из его рук в более совершенном, т.е. критически очищенном виде, для русской историко-юридической науки особенный интерес представляют следующие два: 1) Эклога иконоборцев Льва Исаврянина и его сына Константина (ок. 740 г.). Она занимает первое место в издании Цахариев, вышедшем в 1852 году под заглавием: *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum*. 2) Прохирон императоров Василия Македонянина и его сыновей Константина и Льва (870–879), напечатанный Цахариев в 1857 году с обширными учеными пролегоменами, в которых на основании богатого рукописного материала, собранного издателем в разных библиотеках Европы, впервые дается критическая история как самого Прохирона, так и ближайших к нему по происхождению и содержанию официальных и неофициальных руководств к познанию законов византийской империи. Благодаря этим двум изданиям, мы впервые узнали, что такое изображают из себя две статьи древнего славяно-русского номоканона, несомненно служившие на Руси и у южных славян, в продолжение длинного ряда веков, источником действующего права, именно: 1) “Леона, царя премудраго (sic), и Константина, верною царю, главизны о свещении обручения и о иных различных винах” (в печатной Кормчей гл. 49) и 2) “Закона градскаго главы различны в четыредесятих гранех” (там же, гл. 48). Мы узнали, что первая статья есть Эклога – памятник законодательной деятельности не Льва Мудрого и сына его Константина, а других, более ранних соименных императоров, которых с церковной точки зрения никак нельзя назвать “верными царями”, а во второй, не надписанной ничьим именем, увидели перевод позднейшего византийского юридического памятника, т.е. Прохирона Василия Македонянина. Далее, благодаря тем же изданиям Цахариев, мы получили возможность правильно понимать смысл обеих этих статей славяно-русского номоканона, так как представляемый ими древнеславянский перевод греческих оригиналов, говоря вообще, весьма темен и во многих местах до бессмысленности искажен позднейшими переписчиками (особенно в “Главизнах” царей Леона и Константина). Наконец в тех же двух изданиях мы находим источники для разных древнеславянских и русских юридических компиляций, приспособленных к быту и воззрениям славянских народов, принявших из Византии начатки своей христианской культуры и цивилизации. Так Эклога послужила источником для извест-

ного “Закона суднаго людем”, Эклога и Прохирон вместе (с прибавлением еще Земледельческого закона иконоборцев) дали содержание другой славяно-русской компиляции, носящей в рукописях заглавие: “Книги законные, ими же годится всякое дело исправляти всем православным князем”.

Наряду с изданиями источников византийского права, Цахариэ, как выше замечено, критически разрабатывал и их историю. Эта работа сначала велась им по частям, для каждого вновь изданного или только предположенного к изданию источника отдельно*. Но уже в 1839 году Цахариэ, после двухлетнего путешествия на Восток, где ему удалось не многим пополнить свой рукописный материал, собранный в предыдущие годы в разных библиотеках Западной Европы, напечатал связный очерк *всей* внешней истории греко-римского права под заглавием: *Historiae juris graeco-romani delineatio cum appendice ineditorum*. Труд этот, несмотря на свою сжатость, не только составил эпоху в современной его появлению литературе византийского права, но и до сих пор остается на высоте своего первоначального научного достоинства. Позднейшие труды того же содержания, принадлежащие французскому ученому Мортрелю и немецкому Геймбаху, в существе дела представляют только расширенное изложение идей и подтверждение самостоятельных исследований Цахариэ. Нужно заметить, что в его *Delineatio* содержится мастерский очерк истории источников не только светского, но и церковного византийского права. Впоследствии он обратил на этот предмет особенное внимание и дал ученому миру, прежде всего русскому, три капитальные работы по истории греческих номоканонов, напечатанные в Мемуарах нашей Академии наук под заглавиями: 1) *Die griechischen Nomokanones* (1877); 2) *Die Handbücher des geistlichen Rechts aus den Zeiten des untergegangenen byzantinischen Reichs und der türkischen Herrschaft* (1881); 3) *Über den Verfassung und die Quellen des (pseudo-photianischen) Nomokanon in XIV Titeln* (1885). Все эти монографии основаны в главнейших частях своих на источниках первой руки (преимущественно рукописных) и потому носят на себе неизгладимую печать оригинальности, поражая читателя сколько блестящим остроумием, столько же и неистощимой эрудицией своего автора. Через два года по выходе в свет последней из указанных монографий Цахариэ напечатал еще в “Известиях заседаний философско-исторического отделения Берлинской королевской Академии наук” новую работу в том же роде, посвященную разъяснению темной истории греческого канонического Синописа, т.е. сборника церковных правил в сокращенном тексте. И здесь русский канонист найдет не мало чему поучиться.

Все труды Цахариэ по изданию источников византийского права и разработка их истории были только приготовлением к капитальнейшему его труду — внутренней истории этого права. Она, как известно, имела три издания. В первом издании (1864 г.) это была собственно историко-догматическая система одного только частного или гражданского византийского права. В следующих двух изданиях (1877 и 1892 гг.) Цахариэ присоединил сюда еще процессуальное и уголовное право. Точкою отправления в историко-догматическом изложении отдельных институтов каждой из указанных ветвей византийского права служит для автора Юстинианово право; затем он следит за дальнейшими видоизменениями этого права, совершавшимися под влиянием новых условий социальной и политической жизни византийских греков, и доводит свое исследование до новейших времен, изображая состояние данного юридического института в

* Подробный обзор работ Цахариэ по истории источников византийского права до 1865 года можно найти в русском сочинении Августа Энгельмана “Об ученой обработке греко-римского права с обзорением новейшей его литературы”.

нынешних греков турецкой империи и независимого эллинского королевства (отчасти также и у румын). Последнее (третье) издание "Истории греко-римского права" Цахаризэ, вышедшее только за два года до смерти автора, когда он страдал уже неизлечимым пороком сердца и почти совсем лишился зрения, конечно, не представляет такой переработки второго, каким это последнее является по отношению к первому. Тем не менее автор в предисловии к третьему изданию имел полное право сказать, что оно, сравнительно со вторым, должно быть названо "улучшенным", так как в нем сделаны разные исправления и дополнения. В особенности он указывает на вторую часть третьей книги, где трактуется о поземельной собственности, как на такой отдел своего труда, который подвергся существенной переработке. Действительно, стоит только сравнить указанные места в том и другом издании, чтобы убедиться, как неутомимо и плодотворно работал Цахаризэ даже при тех тяжелых личных обстоятельствах, в каких находился он в два последние года своей жизни.

Вслед за автором немецкого некролога Цахаризэ, напечатанного в последней книжке Крумбахерова византийского журнала (*Byzantinische Zeitschrift*, Bd. III, Heft, 4, S. 647), не может не выразить сожаления, что упомянутые недуги старости не позволили Цахаризэ обработать историю *публичного* византийского права в такой же полноте и связности, в какой вышла из-под его мастерского пера история частного права. И это – скажем словами того же некролога – "тем более достойно сожаления, что некоторые специальные работы Цахаризэ по истории государственного права Византии доказывают, как искусно умел он открывать нити, связывающие публичное право с частным, и как хорошо сознавал необходимость объяснять исторические явления в области одного при помощи явлений в области другого". Для нас, русских, история греко-римского права Цахаризэ, кроме своего общего высоко научного значения, важна еще и в том отношении, что она дает нам возможность ясно видеть, какие перемены потерпели те или другие элементы византийского права, перенесенные на русскую почву и поставленные под влияние особых условий русской жизни.

Вообще о задачах, какие открылись для русской историко-юридической науки со времени появления в свет ученых трудов Цахаризэ по истории византийского права, мы позволяем себе повторить слова, сказанные нами в предисловии к своему изданию славянского и греческого текста вышеупомянутых "Книг законных". В деле разработки истории византийского права у славян вообще и в России в особенности – писали мы там – "нужно начинать с того же, с чего начал и Цахаризэ в своем деле – с критического издания славянских текстов, в которых были приняты и в продолжении многих веков употреблялись у славян источники византийского права; с тем вместе должна идти разработка и так называемой внешней их истории, т.е. разрешение вопросов о времени и месте появления того или другого источника в славянском переводе, о способах его распространения и употребления в данной стране и о тех переменах, каким он подвергался при этом в своем составе и редакции; затем уже должна следовать так называемая внутренняя история византийского права у славянских народов, задача которой – объяснить, насколько юридические нормы, содержащиеся в том или другом источнике иноземного права, привились к жизни принявшего их народа и какое вообще влияние оказали они на развитие и установление местной юридической догмы". Не будем теперь повторять, что до полного осуществления этих задач нам еще далеко. В настоящем случае мы указываем на это обстоятельство, как на верный залог благодарной памяти о Цахаризэ настоящих и будущих русских историков-юристов, которым придется иметь дело с вышеуказанными задачами своей науки.

Да, Цахаризэ не ошибался в том, где его ученые труды всего более должны находить читателей и почитателей. Русская Императорская Академия наук имела его в числе своих членов-корреспондентов и во всех знаменательных событиях его жизни (каковы докторские юбилеи) оказывала ему знаки высокого уважения. Афинский юридический факультет преподнес ему диплом на звание своего почетного члена. Ни здесь, ни там покойный не оставался в долгу: его учеными трудами не раз украшались страницы и русских академических, и греческих университетских изданий. И с каким живым интересом следил он за успехами византийских занятий в России и Греции! Как часто, узнав о появлении у нас какой-нибудь серьезной работы, имеющей своим предметом что-либо в области византологии, он и в письмах к друзьям, и печатно высказывал сожаление о том, что не знает русского языка! А в тех случаях, когда русская работа указанного содержания возбуждала в нем особенный интерес, он даже обращался с просьбою к своим корреспондентам в России дать ему краткий отчет об этой работе на каком-либо из тех языков, которыми он владел в совершенстве.

В заключение укажем на одну в высшей степени симпатическую черту личного характера Цахаризэ, как ученого. Он был чужд мелкого авторского самолюбия, свойственного мелкой ученой братии. Он не стыдился изменять свое мнение по частным вопросам избранной им специальности и в своих сочинениях не редко поправлял самого себя, иногда даже по указаниям со стороны: черта великого духа и высокого нравственного характера!

А. Павло

С.В. Красиков

МЕТОД АНАЛИЗА СОЧИНЕНИЙ ОТЦОВ ЦЕРКВИ,
ПРЕДЛОЖЕННЫЙ НИКИФОРом ГРИГОРОЙ
В 1334/35 годах¹

В книге, посвященной анализу личности и взглядов византийского интеллектуала Феодора Метохита, известный немецкий византинист Х.-Г. Бек высказал мнение, что рядом со светской классикой в византийской литературе имелась “церковно-теологическая классика” и существовал “некий канон библейских писаний, который в силу своей догматической и этической обязательности имел еще большее значение, чем светский”². Этот церковный канон откровения, по мнению названного исследователя, “имел своих комментаторов и схолиастов, а именно отцов церкви и их сочинения, значение которых было настолько каноническим, что считалось нечестивым даже посягать на него. Цитата из отцов могла положить конец всякой теологической дискуссии”³.

Это частное суждение, постулирующее, однако, общее положение дел, следует уточнить через сравнение с конкретными примерами. А именно: имела ли такую силу “цитата из отцов” во времена Никифора Григоры? Выяснению этого вопроса и посвящено настоящее исследование. Его предметом будет небольшое сочинение Григоры, с которым он обратился в 1334/35 гг., по приглашению патриарха Иоанна XIV Калеки, к избранным епископам константинопольского синода, увещевая их не возобновлять переговоров об унии церквей с латинянами⁴. В этом произведении, как будет показано далее, Никифор Григора подробно остановился на описании метода, каким должно, по его мнению, руководствоваться при цитировании отцов церкви. Уже сам факт такой методической рефлексии предполагает, что авторитет “цитаты из отцов” не имел для Григоры той абсолютной ценности, на которую намекает приведенное высказывание Х.-Г. Бека.

Если обратиться к более отдаленным временам, то у истоков византийской средневековой теологии стоял несомненно, и в этом следует согласиться с Г. Подскальски⁵, патриарх Фотий. Ибо именно ему принадлежит заслуга подведения под тлеющий на протяжении столетий конфликт конфессий⁶ солидной

¹ This Work Was Supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No 379/2000.

² Beck H.-G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 52–53.

³ Ibid.

⁴ Paparozzi M. Un opuscolo di Niceforo Gregoras sulle condizioni del dialogo teologico con i latini // La Chiesa greca in Italia dell'VIII al XVI secolo. Atti del Convegno storico interecclesiale (Bari, 30 apr. – 4 magg. 1969). Padua, 1973. P. 1331–1359. (Далее: Paparozzi); Nicephori Gregorae Byzantina historia / Cura L. Schopeni. Bonnae, 1829. Bd. I. P. 502. 10–520. 10. (Далее: Greg); Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte. Historia Rhomaïke / Übers. u. erl. von J. van Dieten. Stuttgart, 1979. Bd. II / 2. S. 262–273.

⁵ Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977. S. 107.

⁶ Jugie M. Le Schisme byzantin. P., 1941. P. 171–172.

теоретической богословской и философской базы в своем “Слове о посвящении в таинство Святого Духа” (Λόγος περὶ τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος μυσταγωγίας)⁷.

Следует, правда, заметить, что Фотий не тотчас стал ключевой фигурой в византийской полемической теологии против латинян. Так, Ф. Дворник относил время канонизации Фотия ко второй половине X в. и подчеркивает то обстоятельство, что “в это время византийская церковь находилась в мирных отношениях с римской”⁸ и, кроме того, “ни один из историков X в. не видел в Фотии главного автора схизмы или борца за национальную византийскую церковь против римского авторитета”⁹. Более того, Михаил Кируларий в 1054 г., “хотя и упоминал обвинения из произведений Фотия, все же нигде не упоминает о его лидерстве в деле антилатинской полемики”; что же касается латинского оппонента Кирулария кардинала Гумберта, то он, как предполагает Ф. Дворник, похоже, “вообще ничего не слышал о Фотии”¹⁰.

Впрочем, долгая невостробованность имени Фотия вовсе не снижает значения его мысли для византийских полемистов. Для обоснования своей теологической позиции Фотий не ограничился только систематизацией предшествующих богословов¹¹, но, во-первых, разделил отцов церкви на правильных “восточных” (ἡμῶν) и заблуждающихся “западных” (ἐκ Δύσεως)¹², а тем самым, может быть, одним из первых литературно изобразил оппозицию “Запад–Восток”. Во-вторых, он сформулировал очень интересный принцип истолкования отцовских цитат, которые не соответствуют принятым в церкви догматам: “В всяком случае, если они (отцы церкви. – С.К.) уклонились к тому, чтобы веселиться в чем-то непристойном, то я подражал бы благородным из детей Ноя вместо покровов молчанием, а скорее благородным прикрыл бы отеческие неприличия, но вовсе не поступил бы как ты (латинянин. – С.К.) – подобно Хаму. Но ты скорее много горше, чем тот, и бесстыднее, ты выставляешь к столбу отцов, которых ты именуешь, из-за [их] неприличия. Ибо он (Хам. – С.К.) открыл, потому что не прикрыл, предается проклятию, ты же открываешь и гордишься дерзостью. Он братьям позорное показывает, ты же перед братьями, и не перед одним или двумя, но перед числом, которое подобно твоему усердию и бесстыдству, усадив ойкумену театром, громко трубишь, что твои отцы ведут себя непристойно, но [это] ты ведешь себя непристойно, ссылаясь на их неприличия, и [это] ты кичишься их бесчестием и ищешь соучастников пляски, через которых ты будешь блестяще праздновать их позор и неспособность”¹³. Это место может объяснить удивление Х.-Г. Бека по поводу того, что Фотий при всей его эрудиции утверждал, что восточные отцы не писали об исхождении Св. Духа от Сына¹⁴, хотя здесь нет ничего удивительного, поскольку Фотий попытался, как можно предположить, унифицировать патристику и согласовать ее с православной догматикой. В любом случае, приведенная рекомендация о выборочном “умолчании” при цитировании сочинений патристики, которую дает величайший авторитет православного богословия, уже свидетельствует не в пользу рассматриваемого здесь допущения Х.-Г. Бека, т

⁷ Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. S. 107.

⁸ Dvornik F. The Photian Schism: History and Legend. Cambridge, 1948. P. 389.

⁹ Ibid. P. 392.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. S. 107.

¹² Photii De S. Spiritus Mystagogia // PG. 102. 360B.

¹³ Ibid. 352A–B.

¹⁴ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 311.

как очевидно, что для Фотия не любая “цитата из отцов” могла положить конец теологической дискуссии.

Патриарх Фотий, пожалуй, первым попытался объяснить причину заблуждений “западных” отцов церкви – Амвросия, Августина, Иеронима¹⁵, толкуя их расхождения с православными в отношении исхождения Св. Духа не злонамеренностью, но “человечностью их мудрости”, а именно невозможностью, чтобы “составленное из глины и текучей материи возносилось выше”¹⁶, т.е. вполне в духе философии среднего платонизма и неоплатонизма, под влиянием которой находились и сами отцы церкви¹⁷.

Здесь следует вернуться к XIV в. и провести аналогию с ходом рассуждений придворного философа Никифора Григоры. Ибо тот же аргумент, постулирующий ограниченность человеческой мудрости, для оправдания разногласий между отцами церкви использовал для увещевания епископов в 1334/35 гг. и Никифор Григора: “Слишком постыдно, и не только постыдно, но и, очевидно, щетно брать из нижнего предположение о верхнем, а о неподвижном из текучей природы”¹⁸. О мудрости отцов церкви Григора пишет следующее: “Ибо, если оных божественных отцов, орудия Духа, изложивших, превзойдя всех, всю человеческую мудрость, если и упомянутых мы находим разногласящими в толковании божественных писаний во многих местах и часто излагающими почти противоположное из-за того, что великим мраком и, так сказать, прочными стальными преддвериями охраняются эти божественные и более высокие понятия, то что мог бы сказать кто-то другой, не достигший их в человеческой мудрости даже приблизительно и вместе с тем пахнувший великой этой гнусной и материальной страстью?”¹⁹.

Очевидно главное расхождение между Григорой и Фотием, так как первый, не касаясь западной патристики, которую он, вероятно, не знает, говорит в первую очередь о противоречиях между “восточными” отцами церкви. Как пример такого противоречия во взглядах Григора сопоставляет различные истолкования притчи Соломона, данные Василием Великим и Григорием Назианзином: «Выражение “Господь сотворил меня началом путей своих”²⁰, по толкованию божественного и великого Василия²¹ сказано о проявляющейся в миру мудрости, почти посылающей слово через видимое о том, что столь великая мудрость рождена Богом, а не спонтанно украшает творения, как и Давид говорит, что “небеса проповедуют славу Бога”²² словами произносимыми. Но великий в теологии Григорий утверждает, что это слово относится к Спасителю»²³.

Никифор Григора объясняет очевидное расхождение мнений духовных авторитетов трудодоступностью предмета их дискуссий для познания. Эти рассуж-

¹⁵ Photii De S. Spiritus Mystagogia. 344C; 365A–C.

¹⁶ Ibid. 352A.

¹⁷ О платонизме отцов церкви см., например: *Arnou R. Platonisme des Pères // Dictionnaire de Théologie Catholique / Ed. A. Vacant, E. Mangelot, E. Amann. P., 1903–1950. Vol. XII. Col. 2258–2392.*

¹⁸ Paparozzi P. 1354.33–1355.2 = Greg. I. P. 513. 20–22. Эта мысль присутствует и в диалоге “Флорентий”. См.: *Niceforo Gregora. Fiorenzo o Intorno alla sapienza / A cura di P. L. M. Leone. Neapel, 1975. P. 101. 1040–1042. (Далее: GregFlorL).*

¹⁹ Paparozzi P. 1353.1–10 = Greg. I. P. 511.5–13.

²⁰ Притч. 8, 22; Откр. 3, 14.

²¹ Под мудростью Василия понимал проявляющуюся в мире мудрость, Григорий же Назианзин – Спасителя. См.: *Nikephoros Gregoras. Antirrhethika I / Einl., Textausg., Übers. u. Anm. von H.-V. Beyer. Wien, 1976. S. 63. Anm. 305. (Далее: Antirrh).*

²² Пс. 18.2.

²³ Paparozzi P. 1353.11–17 = Greg. I. P. 511.14–21.

дения он помещает в контекст темы непознаваемости божественных имен и цитирует Григория Назианзина, который отрицает способность людей найти имена на подобающие природе Бога: “Ибо мы берем имена из нашего языка для определения того, что касается Бога, как нам [это] доступно. Ибо, если высочайшее из мыслимого, Душа и Разум, не обрели подлинного имени, ведь Душа называется женским именем, не имея подобной природы, а Разум, относясь менее всего к мужской природе, получил сам мужское имя, то я говорю, если эти вещи подлинного имени не приобрели, то как же нам утверждать, что первое и мыслимое за пределами всему мыслимому было названо подлинными именами?”²⁴.

Интересно, что окончание цитаты Богослова наш автор использует уже несколько измененном контексте. Так, он после рассуждения о том, как нужно цитировать Священное Писание²⁵, замечает: «Так же Григорий Богослов говорит, что “некие, грубо предполагая, что вместе с именами делится и сущность предполагают через свои понятия нечто совершенно недостойное божественного”»²⁶. Такое цитирование, когда начало и конец цитаты помещены в разные, хотя и не полностью противоположные, контексты, а конец цитаты даже предшествует ее началу, можно рассматривать как пример работы византийского автора с мыслью церковного авторитета. Как видим, вряд ли мы можем здесь говорить о какой-то скованности мысли цитатой, напротив, Никифор Григора весьма свободно и изобретательно ориентируется среди идей патристической традиции, обосновывая важные для его времени тезисы нужными цитатами отцов церкви. Это обстоятельство опять-таки говорит против приведенного в начале работы мнения Х.-Г. Бека, так как византийцы уже давно научились отличать “каноничность” отеческой цитаты с помощью риторики.

Вернемся опять к сравнению идеи “человеческой мудрости” у Григория Фотия. Григора считает, что отцы церкви превзошли всех людей человеческой мудростью (*ἀνθρώπινην σοφίαν*)²⁷. Под таковой мудростью Григора подразумевает несомненно греческую философию. Кроме того, главная идея процитированного выше высказывания Григория об искушенности отцов церкви в светской мудрости заключается в том, что без знания светской философии невозможно заниматься теологией. Эта идея весьма радикально расходится с фотийской традицией. Приверженность же самого Фотия идеалам интеллектуальной среды в том, что касается богословия, все же не следует преувеличивать, несмотря на все его заслуги и выдающуюся образованность. Так, в письме к Георгию митрополиту Никомедии, Фотий традиционно помещает, вслед за апостолом Павлом, “глупость креста” выше “человеческой мудрости”²⁸, и если, как полагают Х.-Ф. Байер, именно здесь пролегла граница, разделяющая гуманистов и их противников²⁹, то Фотия вряд ли можно считать, вслед за многими исследователями

²⁴ Paparozzi P. 1353.9–17 = Greg. I. P. 514.5–13. Ср.: Gregory of Nazianzus. Theological Orations [30] (de Filio) / The Five Theological Orations of Gregory of Nazianzus / Ed. A.J. Mason. Cambridge, 1899. 18. 15–16 = P. 135–136. См. также: Gregor von Nazianz. Ad Evagrium de Divinitate // PG. 46. 1104C (inter opera Greg. Nyss.).

²⁵ Paparozzi P. 1352.18–26 = Greg. I. P. 510.13–21.

²⁶ Paparozzi P. 1352.27–29 = Greg. I. P. 510.22–25.

²⁷ Paparozzi P. 1353.1–10 = Greg. I. P. 511.5–13.

²⁸ Ep. 165 // Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia / Rec. B. Laourdas et L. Westerink. Leipzig, 1983. Vol. II. P. 26. Подробнее о полемике за и против тезиса Павла см. например: Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. S. 29. Anm. 90.

²⁹ Beyer H.-V. Studien zum Begriff des Humanismus und zur Frage nach dessen Anwendbarkeit auf Byzanz und andere vergleichbare Kulturen // Βυζαντινά. Θεσσαλονίκη, 1989. № 15. S. 57. Разумеется, возможны и другие понимания термина “гуманизм”, на которых здесь не стоит останавливаться.

дями, “первым византийским гуманистом”³⁰. Он, например, осуждает подражание своего адресата Христофора, протоспафария и протосикритиса, Диогену, Антисфену, Кратету и “прочему хору почитаемых тобой киников”, которые, как считает Фотий, “извращали истинную нищету”³¹. Заметим, что над подражанием христиан, особенно монахов, киникам иронизировал еще Синесий Киренский³². Фотий здесь, очевидно, пытается отмежеваться от античной философии, что опять же не в духе гуманизма, византийского или итальянского.

Никифор Григора выражает уже совершенно иное умонастроение и, вполне обоснованно приписывая отцам церкви искушенность в светской мудрости, выступает фактически против фотианства. В этом он, как ни странно, близок к защитникам Лионской унии, которые именно в патриархе Фотии видели своего главного врага. Так, приверженец Иоанна Векка Константин Мелитениот подчеркивает роль Фотия в расколе “единой, святой и католической церкви”: «Так Фотий, инициатор первой схизмы, много мудрее их (своих последователей. – С.К.) в науках, для распри, а вовсе никоим образом не для истины возразил хорошо составленному догмату»³³.

Неприязнь к Фотию, вероятно, можно считать общей чертой всех сторонников унии³⁴. Уже они понимали, что образованность Фотия вовсе не была направлена на поиск истины и использовалась для совершенно других целей. “Гуманизм” Фотия, которым восхищены и очарованы многие современные исследователи, был теоретической и идеологической основой для многих византийских обскурантов.

Среди тех, кто сделал много для освобождения византийского мышления от вековых шор фотианства следует в первую очередь назвать Иоанна Векка³⁵. Полемизируя с продолжателем фотианской традиции Андроником Каматиром, Векк разоблачил тенденциозное искажение текста через добавление комментатором желаемых ему утверждений, в частности при истолковании цитаты из Григория Дилога Каматир, по мнению Векка, добавил выражение “не от Сына” (μη ἐκ τοῦ υἱοῦ)³⁶. Противоречие между отцами, например, Кириллом Александрийским и Феодоритом Киррским, Векк объясняет их личной неприязнью друг к другу³⁷. “Человечность” отцов, о которой так подробно рассуждал Фотий в отношении западных отцов, у Векка распространяется и на восточных отцов. Латинская позиция в сочинениях Векка получила обоснование через цитаты греческих отцов церкви, среди которых важно упомянуть и Иоанна

³⁰ Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. S. 74; Tatakis B. La philosophie byzantine. P., 1959. P. 129–133.

³¹ Ep. 187 // Photii... P. 79.93–95.

³² Synesii Cyrensis epistulae / Ed. A. Garzya. Rom, 1979. Ep. 154, 271–277. Цит. по: Podskalsky G. Zur byzantinischen Mönchskritik: ein Vergleich zwischen zwei Erzbischöfen von Thessalonike, Eustathios und Symeon // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit: Referate des Internationalen Symposium zu Ehren von H. Hunger. Wien, 1996. S. 184. См. также: Лукиан. О смерти Перерина / Пер. Н. Баранова // Лукиан. Избранное. М., 1987; Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. S. 39; Иванов С.А. Византийское юродство. М., 1994. С. 15; Красиков С.В. Описание Святой Горы у Никифора Григоры и Ratio vivendi византийских интеллектуалов // АДСВ. 1997. Вып. 29. С. 107–109.

³³ Constantini Meliteniotae De Procession S. Spiritus Orat. II // PG. 141. 1265B.

³⁴ Papadakis A. Crisis in Byzantium: The Filioque Controversy in the Patriarchate of Gregory II of Cyprus (1283–1989). N.Y., 1983. P. 83–86.

³⁵ Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. S. 123; Papadakis A. Crisis in Byzantium... P. 85.

³⁶ Joan. Vecci In Camateri Animadversiones // PG.141. 606.

³⁷ Ibid. 600.

Дамаскина³⁸, а тем самым потерял силу главный идеологический постулат Фотия, деливший отцов церкви на “наших” и “западных”³⁹. Это обстоятельство можно думать, послужило теоретической основой зарождающемуся латинскому филльству и, вероятно, стимулировало интерес к западным отцам. Показатель в этой связи и оправдание Векком тезисов Августина против аргументов Камтира⁴⁰, при этом следует заметить, что сам Векк не знал латинского языка и мог ознакомиться с этими сочинениями в оригинале⁴¹.

Единомышленник Векка Георгий Метохит пошел, однако, еще далее и критиковал даже Иоанна Дамаскина за использование сравнения с солнцем и лучом при рассуждениях об исхождении Св. Духа⁴²: «Каким образом из примененного этого сравнения (с солнцем и лучом. – С.К.) он получит вообще лазейку для согласования с тем, на основании чего богоносные (отцы. – С.К.) составляют догматы, или скорее из чего они выводят богохульства, от которых он отрекается? каким же образом он сможет выкрутиться? Если же он не заботится об общесловесных речениях отцов (так как он обнаруживает себя не предпринявшим их рассмотрение, и вовсе не проводит их проверку, по-иному, однако, прославившись разумным воспитанием в науках), то откуда он смог воспринять солнечный луч (служебно или инструментально) за отправление света?»⁴³

Интересно, что Георгий Метохит подчеркивает внутреннюю противоречивость позиции Дамаскина в отношении к светской мудрости, так как, прославившись выдающейся образованностью, Дамаскин требует отказаться от разумных рассуждений в богословии, но сам тем временем использует сравнения, которые невозможно найти в Писании и которые из-за этого требуют проверки разума. Именно так понял, вероятно, это место и Г. Подскальски, который, отмечая “чрезвычайную высоту рефлексии” у Георгия Метохита, интерпретирует его мысль в том смысле, что тот, “кто бездумно обходится с цитатами отцов, не применяя законов логики, приходит к полностью бессмысленным результатам”⁴⁴.

Итак, после полемики времен Лионской унии и в особенности, как кажется, после события 1285 г. (блестящая защита Иоанна Векка и последующее осуждение томоса Георгия Кипрского)⁴⁵ противоречия у отцов церкви стали очевидным фактом, игнорировать и замалчивать который, как рекомендовал Фотий уже было невозможно.

Никифор Григора пытается найти приемлемый выход из этой ситуации. В его мысли, контрверзы отцов не нарушают единства вероучения: “По всей вероятности, эти (отцы), будучи сосудами Духа⁴⁶ и взирая на одну цель, повернув данное разногласие, как бы с различных путей, к единому завершению, а именно: к благочестивому и спасительному”⁴⁷. Разрешение проблемы, как видим, идет с точки зрения телеологического рационализма Аристотеля.

³⁸ Ibid. 592–593.

³⁹ Photii De S. Spiritus Mystagogia. 360B.

⁴⁰ Joan. Vecci In Camateri Animadversiones. 608.

⁴¹ Gill J. John Baccus, Patriarch of Constantinople // Byzantina. 1975. T. 7. P. 255.

⁴² Ср.: Joan. Damasc. Exp. fidei 8 // PG. 94. 833.

⁴³ Georgii Metochitae Contra Manuelem Cretensem // PG. 141. 1341C.

⁴⁴ Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. S. 124.

⁴⁵ Литературу по теме см.: Байер Х.-Ф. Участие Ирины-Евлогии Хумнены в исихастском противоборстве XIV в. // АДСБ. 2000. Вып. 31. С. 302–307.

⁴⁶ О “сосудах духа” см.: Деян. ап. 9, 15.

⁴⁷ Paragozzi. P. 1353.20–23 = Greg. I. P. 512.1–3. Х.-Ф. Байер подчеркивает, что Григора рассматривает противоречия у отцов не только в речи перед Синодом, но и в своих первых Антикритиках против Паламы. В частности он указывает на Псевдо-Дионисия, который противоречил не только другим отцам, но и Вселенским соборам. Antiph. S. 63. Anm. 306–311.

Признавая очевидную противоречивость свидетельств патристики, византийский автор предлагает Синоду метод истолкований цитат из отечественных трудов, который якобы рекомендовали и сами благочестивые отцы: “Мы же находим и божественных отцов (я разумею Василия и Хрисостома, Максима и Кирилла) рекомендующими, чтобы все то, что касается имен, и все предметы, при которых они звучат одинаково, не понимать одним и тем же образом и обращать внимание не исключительно на выражения, но на понятия рассматриваемой темы и исследовать, как подобает, цель, равно как и умысел, изучаемого текста, и прилаживать, и сводить его к лицам и временам соразмерно и подобающим образом”⁴⁸.

Основное требование Никифора Григоры – не рассматривать цитаты в отрыве от контекста. При этом контекст может пониматься весьма широко, как конечная цель и общая направленность всего сочинения. Следующее требование: учить жанр сочинения, так как сочинения разных жанров имеют не одинаковые задачи и средства выражения: “Однако необходимо знать и то, что не просто и не по одному способу надо понимать писания божественных отцов. Ибо одни у них обнародованы более поучительным и более домостроительным способом, соответственно лицам, а в другой раз – в соответствии с иначе цветущими временами, но все благочестиво. Итак, одни из писаний обнародованы таким образом, другие догматически, третьи хвалебно, четвертые полемически. Итак, не должно переносить полемические сочинения с одного места на другое. ...Итак, не надо ни поступать таким образом, ни использовать хвалебные сочинения как законы. Ибо собственный закон дан искусством и хвалящим, чтобы говорить то, что отвечает их желанию. Но, наверное, все то, что они догматично и пояснениями опубликовали, должно безупречно и безопасно, словно некие каноны и установления, использовать для веры”⁴⁹.

Григора, как явствует из приведенных мест, признает не только “человеческую” причину разногласий отцов. Для сравнения можно заметить, что Фотий, кроме упомянутой “человеческой”, приводит и другие возможные причины заблуждений западных отцов: 1. Их произведения были искажены духоборцами. 2. Они утверждали тезис об исхождении Духа от Сына “согласно ойкономии” (κατ’ οἰκονομίαν), как и Василий Великий⁵⁰.

Упомянутый выше Георгий Метохит также предлагал способ рассмотрения высказываний отцов церкви, относящихся к проблеме исхождения Духа. Он критикует существующий в его время метод анализа высказываний отцов церкви богословами: «Однако, если и выражение “единственный”⁵¹ существовало утвержденным при Создателе (Св. Духа. – С.К.), то было необходимо изучить и исследовать изречения отцов, каким образом они изречены, духовно узреть и понять их, а не изображать говорящих от Бога враждебными друг другу и к самим себе, предлагая смысл, отделенный от небесно настроенного, чтобы опровергать из-за недопонимания, их собственные настоящие богословские изречения через их же собственные. А что касается исхождения [Святого] Духа, то отрицание его (исхождения. – С.К.) от Сына [нельзя] спешить нерекондуемым образом рекомендовать – оно ни у одного из них (отцов церкви. – С.К.)

⁴⁸ Paparozzi. P. 1352.18–26 = Greg. I. P. 510.13–21.

⁴⁹ Paparozzi. P. 1357.6–27 = Greg. I. P. 516.14–517.9.

⁵⁰ Photii De S. Spiritus Mystagogia, 393A. Здесь мы имеем бесспорное свидетельство прекрасной осведомленности Фотия о том, что не все восточные отцы утверждали исхождение Духа только от Отца, а значит, он сознательно скрывал этот факт.

⁵¹ Выпад против тезиса Фотия об исхождении Св. Духа “единственно” от отца.

не найдено, как и вообще, чтобы где-нибудь утверждалось, а [поэтому нельзя очернять утверждение (Filioque. – С.К.), которое они явно удостоверили посредством равноценных и то же самое обозначающих выражений, и изобретают против говорящих неподобающие уподобления и объявляют очернением то, что явно восходит, как было показано, к вещающим от Бога»⁵². Замечательным наблюдением Георгия Метохита, что в сочинениях отцов церкви может содержаться и другой “смысл”, которого нет в Писании, и, следовательно, необходимо объяснять высказывания богословов через их собственные слова, а не черпать подходящие места из Писания, которые сами богословы и должны были объяснить.

В целом метод использования сочинений патристики в богословских трудах, который предлагает Никифора Григора в своем обращении к Синоду, определенном смысле можно рассматривать как метод теологии, но он также производит впечатление некоего филологического метода. В связи с этим заслуживает внимания замечание И.П. Медведева о высоком уровне развитии принципов внутренней критики текстов и их цитирования, сформулированных Никифором Григорой в ходе его полемики с Григорием Паламой. Григора считал, что “при цитировании каких-либо сочинений всегда нужно помнить хорошее филологическое правило: сперва установить правильность текста, а уж потом сравнивать толкования отрывков; текст должен представляться целиком, не обрываться при цитировании в тех местах, которые могли бы изменить смысл высказывания; всегда следует иметь в виду контекст, в котором содержатся те или иные положения цитируемого автора”⁵³. Правда, следует заметить, что эти принципы, как показывает речь к Синоду, Григора применял еще долго до дискуссии с Паламой. Кроме того, они были известны византийцам еще ранее.

В этом контексте поиска способа правильно рассуждать в теологии следует указать и на несомненно методический спор Григоры с Варлаамом, описанный в диалоге “Флорентий”, в котором обсуждается проблема “истинного и прочного” в познании⁵⁴.

Так, в продолжении беседы Ксенофан (Варлаам), наконец, к собственной радости, приводит разговор об обсуждении учения Стагирита и заявляет, что он искушен в нем и готов продемонстрировать свое обращение со всей мудростью Аристотеля⁵⁵. После этого Варлаам излагает то, почему, на его взгляд, это мыслитель заслуживает столь большого уважения: “Ибо Аристотель решил, что совсем не нужно касаться ни грамматики, ни риторики (ибо это низкое шарлатанское), но обратил внимание только на созерцание природы и только ему отдал весь досуг, как имеющему предметом истинное и прочное”⁵⁶.

Ксенофан однозначно отождествляет все учение Аристотеля только с созерцанием природы и дальнейшим занятием ею. Григора устами своего персонажа Никагора возражает, что интересы Аристотеля не были столь ограни-

⁵² Georgii Metochitae Contra Manuelem Cretensem. 1381D–1384A.

⁵³ Медведев И.П. Ренессансные тенденции поздневизантийской культуры // Культура Византии XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 231. Источником, указанный И.П. Медведевым см.: Paparozzi M. Appunti per lo studio degli inediti “Antirrheticos posteriores” di Niceforo Gregoras. Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. 1977. Vol. 28. No. 7–12. P. 947. К сожалению, я не нашел на указанном месте этой мысли Григоры. Возможно, здесь какая-то ошибка.

⁵⁴ GregFlorL. P. 95.908–910.

⁵⁵ Ibid. P. 94.893–95.896.

⁵⁶ Ibid. P. 95.900–904.

ны: “Ибо до такой степени был озабочен тот муж грамматикой, поэтикой и риторикой (так как он стал не только слушателем, но и учителем другим), что даже оставил потомкам ученые книги о них, и теперь они (по мнению считающих эти его сочинения наряду с другими, посвященными физике, наиболее важными) приносят всегда прибегающим [к ним] большую пользу”⁵⁷. Далее Григора поясняет почему столь важны эти произведения Аристотеля: “Впрочем, как смог бы неопытный в таком разделить слово и имя⁵⁸: обозначаемое, а затем предметы, за которыми утверждается обозначаемое?”⁵⁹.

Это уточнение излагает и философский метод рассуждений Григоры, который тесно связан с приведенным выше способом анализа сочинений патристики. Характерная черта обоих методов – их опора главным образом на филологическую критику текстов. В этой связи следует обратить внимание на мнение Х.-Г. Бека, который, анализируя основные характерные черты византийского теологического мышления, отмечает его слабую привязанность к другим областям знания и повседневной жизни: “Прочие науки не шли прямо навстречу византийской теологии, так как они должны были бороться за свое выживание”⁶⁰. Такое положение дел, по мнению этого исследователя, приводило к безусловной победе консерватизма в мышлении. Единственное же, что сохранилось и процветало в таких условиях, было “филологическое в самом широком смысле слова”, хотя и здесь засилье традиции имело свои последствия, которые проявились в особенности в том, что филология не оказала подобающей помощи теологии в герменевтике, не пойдя далее интерпретации библейских текстов. В связи с этим были вычеркнуты из наследия традиции большие главы христианской литературы II и III вв., “так как терминология этих великих отцов едва ли более соответствовала той, которая была зафиксирована Синодами IV и V вв.”⁶¹ Это последнее утверждение, однако, можно поставить под сомнение, так как пример Никифора Григоры ясно свидетельствует, что он продолжает опираться и на платонизм александрийских отцов церкви, и на неоплатонизм Григория Назианзина. Поэтому скорее всего верно замечание Х.-Ф. Байера, который возводит византийское теологическое мышление с точки зрения метода к Плотину, который определен им как “последний креативный мыслитель античности”⁶². Он считает, что “все линии ортодоксальной традиции, которые не указывают на восточное происхождение – библию, сирийскую патристику (так называемую Антиохийскую школу) или месопотамское монашество – и которые не следует рассматривать в их происхождении как догматическое новшество, допустимо объяснить, с весьма незначительными исключениями, через Плотина и Прокла”⁶³.

Итак, приведенные данные показывают, что, вопреки процитированному в начале работы суждению Х.-Г. Бека, “цитата из отцов” в Византии вовсе не была сама по себе веским аргументом уже во времена патриарха Фотия. В хо-

⁵⁷ Ibid. P. 95.908–910.

⁵⁸ Вероятно, намек на миф о Прометее в платоновском диалоге “Протагор” (Pl. Prt. 322a), где говорится, что человек, после того, как стал почитать богов, “затем слово и имена быстро разделит искусством”, и только после этого изобрел все прочие жизненные удобства. Получается, что понятнейшее мышление в “Протагоре” помещается между богословием и практической деятельностью.

⁵⁹ GregFlorL. P. 95.914–916.

⁶⁰ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1994. S. 167.

⁶¹ Ibid.

⁶² Beyer H.-V. Studien zum Begriff des Humanismus... S. 41.

⁶³ Ibid.

де вековой антилатинской полемики появилась необходимость рефлексии и метод цитирования отцов церкви, которая стала в особенности настоятельно с распространением на Западе знаний о греческой патристике. Метод “умолчания”, предложенный Фотием в IX в., в XIV в. уже не действовал, так как сам фотианский традиция был нанесен смертельный удар сочинениями Иоанна Векка, Георгия Метохита, Константина Мелитиниота и других сторонников Лионской унии, после чего защищать православие с фотианских позиций было уже невозможно. Современники Никифора Григоры уже хорошо это понимали, и в большинстве случаев вряд ли допустимо, вслед за Х.-Г. Беком, говорить о “рабском подражании”⁶⁴ некому канону. В истолковании патристики богословская мысль поздней Византии была поставлена перед необходимостью поиска новых путей.

⁶⁴ *Bech H.-G. Theodoros Metochites... P. 54.*

И.А. Орецкая

О МИНИАТЮРАХ ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ IX ВЕКА
SACRA PARALLELA (PARIS, BIBLIOTHÈQUE NATIONALE
DE FRANCE, gr. 923)

Манускрипт, получивший название *Sacra Parallela*, в 1729 г. был приобретен аббатом Sevin-ом у князя Валахии для Королевской библиотеки в Париже. О более ранней истории рукописи ничего неизвестно. В XV в. 394 ее листа были переплетены. Она имеет довольно крупный формат (35,6×26,5 мм), в ту эпоху, однако, не редкий, если судить по дошедшим до нас манускриптам IX в. Текст написан на плотном пергаменте наклонным унциалом в две колонки.

Рукопись представляет собой сборник цитат из Библии и патристических сочинений. Цитаты сгруппированы по ключевым словам, а сами ключевые слова организованы по алфавиту. Фрагменты текстов, относящиеся к одному ключевому слову, приводятся в следующем порядке: сначала цитаты из Ветхого и Нового Завета в соответствии со следованием книг, затем фрагменты из трактатов отцов церкви в алфавитном порядке имен. Ключевые слова написаны на золотых полосках более мелким, чем основной текст, прямым унциалом. Иногда цитаты, соответствующие новой букве, начинаются с золотого, украшенного простой плетенкой инициала. Первая буква каждой следующей цитаты обычно бывает вынесена на левое поле и примерно в два раза превосходит по высоте буквы основного текста.

Фрагменты текстов, вошедшие в сборник, имеют нравственный или аскетический характер. Некогда его составляли три книги: первая была посвящена Богу, вторая – человеку и третья – порокам и добродетелям. Первые две назывались τὰ ἱερά, а третья – τὰ παράλληλα. Настоящее название τὰ ἱερά παράλληλα появилось в XVIII в.

Составление сборника большинство ученых приписывает Иоанну Дамаскину, но нет никаких документальных подтверждений его авторства, в пользу которого говорит только несколько его изображений (в том числе пишущим)¹ на страницах *Sacra Parallela*. Первые листы рукописи, где могла содержаться информация о составителе сборника, утрачены, и, как пишет К. Вайцман, который внес наибольший вклад в изучение манускрипта, не существует ни одного кодекса, который в точности совпадал бы с парижским по составу текста².

Уникальность рукописи состоит в том, что она является единственным дошедшим до нас иллюстрированным сборником цитат³. Многие миниатюры этого манускрипта представляют собой иллюстрации к книгам, из которых были

¹ Часто его изображения появляются около ключевых слов. Это наблюдение сделал К. Вайцман: *Weitzmann K. The Miniatures of the Sacra Parallela, Parisinus Graecus 923. Princeton (New Jersey), 1979 (Studies in Manuscript Illumination, 8). P. 9.*

² *Ibid.*

³ Как отмечает американский исследователь: "Существует около тридцати списков одной только *Sacra Parallela* и несчетное количество других сборников, но ни один из них не иллюстрирован" (*Ibid. P. 10*).

почерпнуты сами цитаты. Художник либо брал модели непосредственно из со-ответствующих иллюминированных рукописей, либо создавал изображения по воспоминаниям на основе своего предшествующего опыта.

Все многочисленные миниатюры рукописи *Sacra Parallela* располагаются в-внешних и нижних полях текста (рис. 1). Среди иллюстраций есть как целы-сцены, так и множество (более тысячи) полу- и полнофигурных, а также закл-ченных в медальоны одиночных образов (рис. 2). Последние принадлежат пре-жде всего авторам соответствующих цитат, напротив которых эти образ-ы и расположены в тексте, и предполагаемому составителю сборника Иоанн-Дамаскину. Частота появления изображений на полях рукописи зависит от те-го, фрагменты каких текстов приводятся в том или ином случае. Так отрывк-и из Нового Завета, как правило, небольшие, могут иллюстрировать даже не-сколькo композиций, а пространные цитаты из сочинений отцов церкви тольк-о медальоны с “портретами” авторов.

К. Вайцман высказал предположение, что в рукописях, которые послужил-и художнику первого манускрипта *Sacra Parallela* моделями при создании ее иллю-стративного цикла, миниатюры не располагались на полях текста⁴. До эпох-иконоборчества такой способ украшения рукописей либо не был известен, либ-о встречался довольно редко. Во всяком случае, не сохранилось ни одного иллю-стрированного кодекса, созданного ранее IX в., с иллюстрациями, расположе-нными исключительно на полях текста. От IX в., помимо *Sacra Parallela*, до на-дошло четыре рукописи, иллюстрированных таким способом: это три псалти-ри – Хлудовская (ГИМ, гр. 129д), Пантократора (Mount Athos, Pantocrator 61), парижская (Bibliothèque Nationale de France, gr. 20) и миланский манускрипт Г-милий Григория Назианзина (Biblioteca Ambrosiana, cod. E49-50inf). Из них м-ланские Гомилии⁵ наиболее близки *Sacra Parallela* как манерой исполнения м-ниатюр, так и преобладанием медальонов и отдельных фигур на полях текст-а. Но многофигурных сцен в *Sacra Parallela* гораздо больше, чем в миланском к-дексе.

Общей чертой четырех рукописей с иллюстрациями на полях, исключ-я *Sacra Parallela*, является наличие в каждой из них необходимых для размещен-ия миниатюр достаточно просторных полей. Например, в Хлудовской псалти-ри боковые (внешние) поля составляют более трети ширины страницы (рис. 3), миланских Гомилиях – рукописи, немного превосходящей по размерам *Sacra Parallela*, их ширина 7,5–8 см (рис. 4). В *Sacra Parallela* ширина боковых полей – более 6,5 см, но при этом масштаб образов больше, чем в миланском манус-крипте, т.е. для их размещения требуется даже больше места. В итоге возникает ощущение, будто сцены теснятся на полях текста. Иногда художник был вын-ужден сокращать композиции, изображая вместо толпы несколько фигур и вы-сыхающиеся за ними макушки (рис. 5).

К. Вайцман писал, что при переплетении поля рукописи были обрезаны. При этом пострадало изрядное количество сцен, но, как ни странно, несмотря

⁴ Ibid. P. 12. Ученый считает, что миниатюры парижской рукописи представляют собой оригинальный иллюстративный цикл, но были скопированы с другого манускрипта, во-зможно, проиллюстрированного впервые.

⁵ Об этой рукописи см.: *Weitzmann K. Die Byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts*. B., 1935 (переиздание – Wien, 1996). S. 81–82; *Grabar A. Les miniatures du Grégoire de Nazianze de l’Ambrosienne (Ambrosianus 49–50)*. P., 1943; *Idem. Les manuscrits grecs enluminés de provenance italienne (IXe-XIe siècles)*. Bibliothèque des Cahiers Archéologiques VIII. P., 1972. P. 20–21.

⁶ *Weitzmann K. The Miniatures of the Sacra Parallela...* P. 7.

на то что при механических повреждениях пергамента обычно сильнее всего страдает красочный слой (краски облупливаются, появляются осыпи и трещины)⁷, в *Sacra Parallela* за исключением утраты фрагментов изображений отрицательный эффект обрезания листов оказался практически минимальным. Золото почти нигде не облупилось, а несколько поврежденных образов, а вернее, их ликов, были стерты, очевидно, еще до того, как рукопись в XV в. решили заново переплести. Однако кажется, что поля все-таки были обрезаны не сильно. На примере других манускриптов IX в. с иллюстрациями на полях можно видеть, что миниатюристы обычно "центрировали" изображения по вертикальной оси, которую можно мысленно провести через середину поля. Отклонения, конечно, бывали – иногда миниатюры смещались ближе к тексту. Тем не менее, принцип расположения образа или сцены в центре свободного пространства представляется и, по-видимому, представлялся художникам IX в. наиболее гармоничным. В *Sacra Parallela* большинство сцен располагается более или менее по середине небольших полей, медальоны иногда чуть сдвинуты к тексту. Трудно предположить, что их смещение относительно центра было гораздо более сильным.

Очень часто можно видеть, как изображения наползают на текст. Иногда внешняя, левая или правая граница миниатюры, всегда четко артикулируемая, проходит буквально по перекладинам крайних букв (рис. 6). Возможно, художник проводил эту линию разграничения еще на стадии рисунка, чтобы захватить как можно больше места. Но даже несмотря на эти попытки миниатюриста присвоить себе все пространство вне текста, образам все же очень тесно; их положение на таких сравнительно узких полях не выглядит органичным. Изложенные соображения позволяют думать, что изначально, в момент написания рукописи, ее вообще никто не планировал украшать миниатюрами. Однако миниатюры там появились и, если судить по их стилю, вскоре после написания рукописи – в ту же эпоху.

Относительно времени создания манускрипта существуют две гипотезы: первая или вторая половина IX в. В пользу датировки рукописи первой половиной IX в. высказался Курт Вайцман⁸. Его точка зрения основана в первую очередь на стилистике миниатюр *Sacra Parallela*. Канадский исследователь Джон Осборн предложил датировку второй половиной IX в.⁹ В поддержку своего мнения он привел имеющиеся в *Sacra Parallela* три погрудных изображения святого Мефодия, епископа Олимпии в Ликийи¹⁰. На них епископ показан в головном уборе, напоминающем монашеский капюшон, покрывающем голову и перетянутом или завязанном под подбородком (рис. 7). Осборн обратил внимание, что в похожем головном уборе был изображен в двух мозаиках Софии Константи-

⁷ Это происходит только в том случае, если пергамент византийского типа. На пергаменте западного типа краски, напротив, держатся очень прочно. Такая классификация основана на разных способах обработки пергамента, использовавшихся в Византии и в Западной Европе. За эту информацию я очень благодарна Э.Н. Добрыниной. Однако пергамент, на котором написана *Sacra Parallela*, согласно моим наблюдениям, все-таки византийского типа.

⁸ *Weitzmann K. The Miniatures of the Sacra Parallela... P. 23–25.*

⁹ *Osborne J. A Note on Date of the Sacra Parallela (Parisinus Graecus 923) // Byzantion. 1981. T. 51. P. 316–317.*

¹⁰ Мефодий (ум. в 311 г.) – мученик и один из отцов церкви, прославившийся как активный участник полемики с нехристианскими философскими учениями. Подробнее см.: Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 110–111.

нопольской патриарх Мефодий¹¹. Как пишет канадский ученый, этот головной убор, очевидно, вовсе не был патриаршим клобуком. Мефодий стал носить его после того, как во время иконоборческих преследований, развернутых императором Феофилом, ему разбили челюсть и вырвали зубы¹². Исследователь предположил, что, возможно, не имея иконографической модели для изображения епископа Мефодия, миниатюрист позаимствовал ее из образов его тезки, незадолго до того появившихся в Святой Софии; заимствование же это могло иметь место не раньше канонизации патриарха Мефодия, т.е. только во второй половине IX в. Большинство исследователей, которым впоследствии приходило высказывать мнение о датировке *Sacra Parallela*, безоговорочно приняли точку зрения Джона Осборна. Однако если сопоставить образы святого Мефодия, например, с изображениями святого Афанасия (л. 354r, 380r, 41r) (рис. 8), то можно обнаружить, что последний показан в точно таком же головном уборе, только в образах Мефодия детали головного убора лучше различимы благодаря достаточно сильному повороту головы в три четверти. Сам же «загадочный» головной убор, по-видимому, все-таки представляет собой одну из разновидностей монашеского капюшона, хотя остается не совсем понятным, почему он является частью облачения Мефодия, епископа Олимпийского.

Вопрос датировки манускрипта, таким образом, по сей день остается открытым. Такая палеографическая особенность рукописи, как не до конца сформировавшаяся система диакритических знаков, на которую мне указал Б.Л. Фонкич, может свидетельствовать в пользу датировки первой половины IX в. Что касается стиля миниатюр рукописи *Sacra Parallela*, то, не останавливаясь подробно на этом вопросе, можно сказать, что он гораздо лучше вписывается в художественный контекст первой половины IX в., нежели македонского ренессанса¹³.

Вероятно, одновременно с миниатюрами появились в тексте золотые прямоугольники, на которых написаны понятия, поясняемые затем цитатами, и названия и имена авторов книг, откуда эти цитаты были почерпнуты. Золотые прямоугольники, подобно миниатюрам, заходят на написанный коричневой тушью текст. Слова, начертанные сверху, по золоту, то выступают за предел

¹¹ Первая мозаика, созданная в последнюю четверть IX в., была утрачена. Она находилась в северном тимпане в ряду других изображений отцов церкви и известна по зарисовкам швейцарских археологов Гаспаре и Джузеппе Фоссати, принимавших участие в реставрации Св. Софии в 1847–1849 гг. (рисунки Фоссати опубликованы К.А. Манго: *Mango K.A. Materials for the Study of the Mosaics of St. Sophia at Istanbul. Dumbarton Oaks, 1962. P. 51–52. Pl. 61, 66–68*). От второй, украшавшей помещение над южным вестибюлем и датирующейся второй половиной IX в., сохранился только фрагмент.

¹² *Osborne J. Op. cit. P. 316.*

¹³ Среди произведений, наиболее близких по стилю образам, заполняющим поля *Sacra Parallela*: первая группа миниатюр ватиканской Книги Иова (Vatican, gr. 749) (л. 1r–37r) (*Huber P. Hiob. Dulder oder Rebell? Byzantinische Miniaturen zum Buch Hiob in Patmos, Rom, Venedig, Sinai, Jerusalem und Athos. Düsseldorf, 1986. S. 89–123*); несколько икон, хранящихся в монастыре св. Екатерины на Синае, написанных, по-видимому, в Палестине в IX в.; Вознесение Христа, створки диптихов со свв. Харитоном и Феодосием, свв. воинами Феодором и Георгием (*Weitzmann K. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. Vol. I. Princeton, 1976. P. 69–71, 64–65, 71–73. Pl. XXVIII, XXVI, XXIX*); мозаики, созданные в Риме в понтификат папы Пасхалия I (817–824), украшающие апсиды и арки римских базилик S. Maria in Domnica и S. Cecilia in Trastevere, S. Prassede, а также стены, свод и портал примыкающей к последней из перечисленных церквей капеллы S. Zeno (*Matthiae G. Pitture romane del medioevo. Secoli IV–X. Vol. I. Roma, 1987. P. 158–172; Wisskirchen R. Die Mosaiken der Kirche Santa Prassede in Rom. Mainz am Rhein, 1992*).

прямоугольников, то занимают их не полностью. Часто золотые участки обведены красновато-рыжим контуром; и таким же контуром, не очень ровным, как будто наспех обведены по краю многие миниатюры. Этот рыжий контур наряду с золотом словно объединяет миниатюры и текст в единое целое, придавая рукописи завершенность.

Трудно судить, на какое время второй этап работы над рукописью, с которым можно связать создание миниатюр и поновление заглавий, мог отстоять от первого этапа – ее написания. Для *Sacra Parallela* не решен и вопрос локализации, и здесь учеными было сформулировано три возможности: Рим (один из его восточных монастырей)¹⁴, Константинополь¹⁵ или Палестина (лавра святого Саввы Освященного, где, по-видимому, и работал над составлением сборника Иоанн Дамаскин)¹⁶.

Стиль рукописи несомненно говорит в пользу того, что, где бы ни работал художник – в Палестине, Константинополе или Риме, он принадлежал к восточной – палестинской – художественной традиции¹⁷. Возможно, восточным происхождением мастера объясняется и повторение на страницах рукописи образа Иоанна Дамаскина¹⁸. Но, если, как предполагает К. Вайцман, на одной из утраченных страниц в начале манускрипта мог находиться “портрет” составителя сборника *Sacra Parallela*, то едва ли существовала необходимость тиражирования образа в дальнейшем. При этом только однажды (на л. 146r) фрагмент из текста самого Иоанна сопровождается его изображением.

Если принять датировку первой половиной IX в., в Константинополе создание обширного цикла миниатюр могло иметь место только до начала второй волны иконоборчества. В IX в. в Константинополе, в монастыре Хора, жили восточные монахи¹⁹, причем их интенсивный приток в столицу случился в 809–813 гг., когда после смерти халифа Харуна ар-Рашида в халифате несколько лет царила анархия. Среди пришедших тогда в столицу были Михаил Синкелл и братья Феофан и Феодор Начертанные. Тесные связи между лаврой святого Саввы и монастырем Хора, находившимся под особым покровительством императора, существовали с тех самых давних пор, когда его в начале VI в. по-

¹⁴ *Grabar A. Les manuscrits grecs enluminés... P. 7; Cavallo G. Funzione e Strutture della Maiuscola Greca tra i secoli VIII–XI // La Paléographie Grecque et Byzantine, Colloque International du Centre National de la Recherche Scientifique, 1974. P., 1977. P. 95–137; Idem. La cultura italo-greca nella produzione libraria // I Bizantini in Italia. Milano, 1982. P. 507.*

¹⁵ *Osborne J. Op. cit. P. 317; Weyl Carr A.-M. Rev.: Weitzmann K. The Miniatures of the Sacra Parallela... // The Art Bulletin. 1983. March. Vol. LXV. N 1. P. 151; Corrigan K. Visual Polemics in the Ninth-Century Byzantine Psalters. Cambridge, 1992. P. 107–111; Brubaker L. Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium. Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Cambridge, 1999. P. 25.*

¹⁶ *Weitzmann K. The Miniatures of the Sacra Parallela... P. 23.*

¹⁷ *Weitzmann K. Loca Sancta and the Representational Arts of Palestine // DOP. 1974. Vol. 28. P. 33–51.*

¹⁸ К. Вайцман полагает, что изображения Иоанна Дамаскина должны были находиться рядом с началом каждой рубрики – группы цитат, начинающихся с новой буквы, подобно тому, как в миланском кодексе Гомилий Григория Назианзина почти перед каждой новой Гомилией представлен Григорий Назианзин, обращающийся с проповедью к своей пастве (*Weitzmann K. The Miniatures of the Sacra Parallela... P. 6*). В парижской рукописи таких изображений имеется всего шесть: на л. 99r, 147r, 197r, 208r, 240r и 378v.

¹⁹ Пoblзости от него на северо-западе столицы в начале IX в., возможно, существовал даже маленький “квартал”, где селились “эмигранты” из Палестины. См.: *Gouillard J. Un “quartier” d’émigrés palestiniens à Constantinople au IXe siècle? // Revue des études sud-est européennes. 1969. T. VII. P. 73–76.*

сетил сам Савва. Кто-то из палестинских монахов мог принести недавно написанную рукопись с собой, и она могла быть украшена миниатюрами уже на новом месте.

Но манускрипт, будучи написан в Палестине, мог совершить и еще более дальнее путешествие – в Рим, куда бежали многие греческие, сирийские и палестинские монахи, одни – от иконоборческих гонений, другие, испугавшись наступления ислама²⁰. Один из таких монастырей San Saba поддерживал тесный контакт с лаврой Саввы Освященного. С римским монастырем San Sabino Кристоф Эггенбергер связывает украшение ватиканской Книги Иова (Vaticana gr. 749)²¹, первая группа миниатюр которой обнаруживает наибольшее стилистическое сходство с иллюстрациями Sacra Parallela. В Риме в первой половине IX в. существовали, без сомнения, самые лучшие условия для создания такого большого и богатого (по средству исполнения) иллюстративного цикла.

В целом нельзя исключить и возможность украшения Sacra Parallela в самой лавре святого Саввы²². Однако в свете исследования Мари-Франс Озепи ситуация в лавре и ее роль в антииконоборческой полемике должна быть переоценена²³. С одной стороны, тяжелое положение лавры в ту эпоху, в том числе вследствие разорения 797 г., описываемого в “Мученичестве 20-ти мучеников савваитских”, нередко преувеличивают. Там хранились огромные богатства именно поэтому, а вовсе не по религиозным причинам, она подверглась нападению. Она обладала сильной организацией, большинство палестинских епископов VIII в. и иерусалимский патриарх Фома (807–821) были выходцами из Великой лавры²⁴. В начале IX в. там было переписано и переведено на арабский язык большое число рукописей, появился ряд христианских сочинений уже на арабском²⁵.

С другой стороны, как продемонстрировала Озепи, перед лицом двух главных проблем: 1) религиозных споров о природе Христа и 2) сохранения единства православной церкви в ее противостоянии исламу вопрос почитания икон явно отступал и в Палестине, и в самой лавре на второй план²⁶. Решительная и ж

²⁰ О восточных монастырях в Риме: Cavallo G. La cultura italo-greca...; Sansterre J.-M. monachisme byzantin à Rome // Bisanzio, Roma e l'Italia nell'alto medioevo. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. 34. Spoleto, 1988. P. 701–750; Idem. Les moins grecs et orientaux à Rome aux époques byzantine et carolingienne (milieu du VIe s. – fin du IXe s.). Bruxelles, 1983.

²¹ Eggenberger Chr. Mittelalterliche Miniaturen aus Rom zum Buch Hiob // Sandoz Bulletin. 1980. P. 22–31.

²² О лавре святого Саввы см.: Ehrhard A. Das griechische Kloster Mâr-Saba in Palästina: seine Geschichte und seine literarischen Denkmäler // Römische Quartalschrift. 1893. 7. S. 46–54; Patrick J. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism: A Comparative Study in Eastern Monasticism Fourth to Seventh Centuries. Washington D.C., 1995; Vaillé S. Le monastère de Saint-Sabas. EO. 1898–1899. 2. P. 332–341; 1899–1900. 3. P. 18–28, 168–77. Типикон лавры XII века описан в: Sabas: Founder's Typikon of the Sabas Monastery near Jerusalem / Transl. by G. Fiaccadori // Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Ed. by J. Thomas and A.C. Hero. Washington D.C., 2000. Vol. 1. P. 1311–1318.

²³ Auzépy M.-F. De la Palestine à Constantinople (VIIIe–IXe siècles): Étienne le Sabaïte et Jérusalem Damascène // Travaux et Mémoires. 1994. 12. P. 183–218.

²⁴ Ibid. P. 186.

²⁵ Griffith S. The Monks of Palestine and the Growth of Christian Literature in Arabic // The Muslim World. 1988. 78. P. 1–28.

²⁶ Auzépy M.-F. Op. cit. P. 197–198.

сткая позиция, близкая к той, что заняли императоры-иконоборцы, была в такой ситуации более эффективной. В Палестине вообще традиция почитания священных образов, по-видимому, укоренилась совсем не так сильно, как в Константинополе. Еще в начале VIII в., т.е. до наступления эпохи иконоборчества, в Палестине были известные случаи разрушения фигуративных изображений в христианских храмах²⁷. Иоанн Дамаскин, один из главных сторонников почитания икон, был гораздо более известен и почитаем в столице, чем в Палестине. Никакой из дошедших до нас письменных документов той эпохи, за исключением сочинений самого Иоанна Дамаскина и Феодора абу Карра²⁸, не дает информации об особенно теплом отношении к иконам ни в лавре святого Саввы, ни в Палестине. И хотя возможности для создания столь богато иллюстрированной рукописи, как *Sacra Parallela*, в лавре в ту эпоху, по всей вероятности, существовали, остается нерешенным вопрос: могла ли там возникнуть потребность в реализации столь непростого художественного проекта.

Кроме не очень весомых, следует признать, аргументов исторического характера есть одна, гораздо менее значительная деталь, относящаяся уже к сфере изобразительной, свидетельствующая скорее в пользу западного – римского – происхождения иллюстративного цикла манускрипта. Большинство образов Иоанна Дамаскина, имеющих в парижской рукописи, представляют его в монашеских одеждах. Иоанн Дамаскин, один из наиболее ревностных защитников иконопочитания на христианском Востоке, сначала состоял на службе при дворе халифа в Дамаске, а затем вынужден был удалиться в обитель святого Саввы. Но есть и одно, уже упоминавшееся изображение (fol. 146r) (рис. 9), где он показан хотя и в монашеском капюшоне, но облаченным в роскошное платье, которое скорее могло быть одеянием придворного, чем монаха. Рядом с этим “портретом” написано не только его имя, но и фамилия – Мансур²⁹. Вероятно, создатель образа не имел представления о форме головного убора, который носили придворные в халифате и, словно предвещая то, что все равно должно было случиться, изобразил Иоанна в монашеском капюшоне. Следует отметить, что точно такую же форму монашеского капюшона с двумя светлыми полосками в центре и намеченными с помощью белых точек крестиками можно видеть в миланском списке Гомилий Григория Назианзина, созданном, как принято считать, в IX в. в Риме³⁰ (рис. 10). Тем не менее, в миниатюрах данной рукописи можно столкнуться и с другими “странностями” или несообразностями. Ведь чем больше и многосоставнее иллюстративный цикл, чем больше источников прямо или косвенно привлекалось для его формирования, тем выше вероятность ошибки.

На данном этапе изучения рукописи *Sacra Parallela* остается еще очень много нерешенных и, к сожалению, не разрешимых на основании накопленного

²⁷ Schick R. The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule. A Historical and Archaeological Study. Princeton (New Jersey), 1995.

²⁸ Но в трактате о почитании икон, написанном Феодором абу Карра, как отметил С. Гриффит, автор полемизирует не с византийскими иконоборцами, а выступает в защиту христианских символов в мире ислама. Griffith S. Theodore Abū Qarrāh's Arabic Tractat on the Christian Practice of Venerating Images // JAOS. 1985. 105. P. 53–73; *Idem*. What has Constantinople to do with Jerusalem? Palestine in the Ninth Century: Byzantine Orthodoxy in the World of Islam // Byzantium in the Ninth Century: Dead or Alive? Papers from the Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 1996 / Ed. by L. Brubaker. Aldershot, 1996. P. 189–190.

²⁹ Weitzmann K. The Miniatures of the *Sacra Parallela*... P. 246.

³⁰ Grabar A. Les manuscrits grecs enluminés... P. 7.

пока научного материала проблем. Мы имеем дело с очень большим иллюстративным циклом, одним из самых обширных в истории византийской книжной миниатюры, и часто сталкиваемся с отсутствием возможности проследить истоки ряда иконографических схем и деталей, потому что самые ранние образцы многих из них дошли до нас именно в миниатюрах *Sacra Parallela*. Специфическое содержание манускрипта, представляющего собой тематическое собрание цитат, еще более усложняет задачи, стоящие перед исследователями рукописи.

Попытка проанализировать исторические условия создания манускрипта привела не к сужению круга гипотез о локализации рукописи, а напротив к осознанию их примерно равной вероятности, т.е. к невозможности выбора одной из трех – Константинополь, Рим или Палестина – наиболее предпочтительной.

Е.А. Луковникова

ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ДЕКОРАЦИИ НАРТЕКСА И ПРИТВОРОВ ЦЕРКВИ СОФИИ В ТРАПЕЗУНДЕ¹

Во второй половине XIII в. система монументальной декорации византийских церквей претерпевает значительные изменения, своеобразный перелом. Отдельные пространства храма, такие как нартекс и широко распространяющиеся со второй половины этого столетия галереи, начинают отводить под сложные композиции символического содержания, основанные на ветхозаветных текстах. Характерно, что из ветхозаветных сцен прообразовательного характера составляются теперь циклы, которые и занимают место не в самом храме, а в дополнительных его пространствах. В это время нарастает также тенденция непосредственного иллюстрирования богослужебных текстов, как ветхозаветных, так и гимнографических и гомилетических, а также обрядов. Анализу новой тематики в искусстве палеологовского времени, главным образом начала – первой половины XIV в., посвящены работы Г. Бабич², С. Дюфренн³, С. Дер Нерсисян⁴, в которых освещается литературная основа и иконография большей части новых сюжетов, ставших весьма популярными в 90-х годах XIII – первой половине XIV в. В статьях Г. Бабич и З. Гаврилович⁵ можно найти также сопоставления живописного убранства притворов с некоторыми из их литургических функций.

София Трапезундская – первый памятник в этом ряду, знаменующий собой новую тенденцию в интерпретации системы декорации византийского храма, начальный этап живописного воплощения новых веяний. Фрески Софии датируются около 1260 г.⁶ или около 1270 г.⁷, вероятнее всего, они были созданы после 1263 г. – года смерти строителя церкви трапезундского императора Мануила I Комнина (1238–1263).

В архитектуре и скульптуре этого храма переплелись византийские, сельджукские и кавказские черты⁸. Как и в памятниках Закавказья скульптурный декор и живопись Софии составляют единое смысловое целое.

¹ Работа выполнена при поддержке Института “Открытое общество” (Фонд Дж. Сороса), проект RSS № 2000/1117.

² Бабич Г. Иконографски програм живописа у припратама црква краља Милутина // Византијска уметност почетком XIV века: Научни скуп у Грачаници. Београд, 1978. С. 105–126.

³ Dufrenne S. Problèmes iconographiques dans la peinture monumentale du début du XIV siècle // Византијска уметност почетком XIV века: Научни скуп у Грачаници. Београд, 1978. С. 29–39.

⁴ Der Nersessian S. Program and Iconography of the Frescoes of the Paraclesion // Kariye Djami. New Jersey, 1975. Vol. 4. P. 303–349.

⁵ Gavrilović Z. Divine Wisdom as Part of Byzantine Imperial Ideology. Research into the Artistic Interpretations of the Theme in the Medieval Serbia Nartex Programmes of Lesnovo and Sopocani // Зорграф. 1980. № 11. P. 48.

⁶ Rice D.T. The Church of Hagia Sophia at Trebizond. Edinburgh, 1968. P. 146–149, 244.

⁷ Бабич Г. Иконографски програм... С. 112.

⁸ Rice D.T. Op. cit. P. 55–82; Карпов С.П. Культура Трапезундской империи // Культура Византии. Т. 3. М., 1991. С. 90.

Цель настоящей работы – анализ иконографической программы росписи и сюжетного скульптурного декора дополнительных пространств Софии Трапезундской – ее нартекса и притворов. Уникальное значение этой программы состоит, во-первых, в расположении здесь одного из первых известных в византийской монументальной живописи циклов ветхозаветных сюжетов (в северном притворе), а во-вторых, во включении в общий замысел скульптурного цикла расположенного на внешней стене храма.

В наши задачи также входит сопоставление сюжетов росписи с функциями и символикой тех пространств храма, где они расположены.

Церковь Софии в Трапезунде представляет собой купольную базилику с нартексом и тремя открытыми портиками-притворами (рис. 1). Все части храма были заполнены фресками, тогда как богатый скульптурный декор покрывал лишь внешний фасад южного притвора. По-видимому, именно этот южный вход в храм был самым главным и торжественным, можно предположить, что именно он был предназначен для входа императора.

До нашего времени почти совсем не дошли фрески южного притвора, в западном сохранились лишь небольшие фрагменты, декорация северного притвора пострадала меньше, хотя и здесь есть утраты. Однако и на основе сохранившихся изображений мы можем судить о программе дополнительных пространств Софии Трапезундской. Ветхозаветные сюжеты были расположены здесь со всех трех сторон, больше всего их сохранилось в северном притворе.

В нартексе над входом в храм расположен плохо сохранившийся образ Христа Пантократора с двумя поклоняющимися Ему ангелами. Выше представлен Благовещение (рис. 2). Изображение столь важного сюжета как Благовещение в нартексе над входом в наос может быть связано с темой Воплощения Премудрости. Образ Христа находится как раз между ангелом-благовестником и Богородицей, наглядно демонстрируя идею восприятия человеческой плоти Тем, Кому поклоняются ангелы.

Вход в храм фланкирован фресковыми образами Христа Филантропоса (Человеколюбца) и Богородицы Параклисис (Заступницы, Ходатаицы) в росписи. Напротив, над выходом из храма изображен Мандилион (чтимая святыня, утраченная при завоевании латинянами Константинополя), другие сцены на этой части стены не сохранились (рис. 3). Расположение Мандилиона напротив образа Христа Пантократора с ангелами и Благовещения еще раз подчеркивает идею реальности Боговоплощения, одним из важнейших доказательств чего всегда служил образ Спаса Нерукотворного. Сопоставление двух образов Христа Нерукотворного и Пантократора вызывает в памяти фреску нартекса Софии Охридской середины XI в., находящуюся также над входом в наос, где эти два образа расположены один над другим, изображены также и поклоняющиеся ангелы. В Софии Трапезундской, как и в Софии Охридской и некогда в Софии Константинопольской, образ Пантократора, расположенный над входом в храм, посвященный Премудрости, выражал идею того, что Христос и есть Премудрость⁹.

В крестовом своде центрального компартикета представлена уникальная композиция: в зените – благословляющая десница Господня, вокруг нее четыре

⁹ П. Милькович-Пепек вслед за А. Грабаром повторяет мысль о том, что расположение образа Пантократора на этом месте связано с посвящением храма. См.: Милькович-Пепек П. Иконографские претстави на Софија-Премудроста Божја во охридскиот катедрален храм "Света София" // Пелагонитиса. Битола, 2000. С. 101–102; Grabar A. Les peintures murales dans le chœur de Sainte-Sophie d'Ochrid // Cahier archéologiques. P., 1965. № XV. P. 258.

символа евангелистов (рис. 4). Создал столь оригинальную теофаническую композицию, художники Софии Трапезундской показали незаурядную художественную фантазию. Подобное символическое изображение присутствия Бога-Отца представляется вполне уместным рядом с композицией Благовещения – десница Господня как будто благословляет благовествующего архангела. Таким образом, можно заключить, что основная тема центрального компартимент-а нартекса – Боговоплощение.

В северном и южном полуциркульных сводах и в люнете северной стены представлены чудеса Христа: «Умножение хлебов и рыб на двух стенах», «Пир в Кане Галилейской» (рис. 5); «Исцеления расслабленного, слепого у Силоамской купели, кровоточивой жены, тещи Петра, дочери Иаира(?)», «Изгнание беса из дочери хананейки», «Хождение Христа по водам». По-видимому, расположение здесь сцен чудес и исцелений связано с посвящением храма Софии Премудрости Божией – в чудесах воплотившегося Сына Божия проявилось Его божественное достоинство.

Сцены чудес и исцелений Христа становятся широко распространенными в декорации храмов со второй половины XIII в., причем именно в нартексах – например, в чуть более поздних циклах: Оморфи Экклесии 1290-х годов, в нартексах монастыря Хора (Кахрие Джамии) в Константинополе 1316–1321 гг. и церкви Богородицы (Афендико) в Мистре первой четверти XIV в. Возможно, это связано также с аллегорическим пониманием сцен исцелений – исцеления духовной слепоты, расслабленности и других недугов, темы, актуальной для символики нартекста, о которой речь ниже. Такие сюжеты как «Пир в Кане», «Чудо с хлебами и двумя рыбами» издревле осмыслялись как новозаветные прообразы Евхаристии, поэтому нередко именно эти чудеса Христа размещались в трапезных монастырях¹⁰. София Трапезундская никогда не была монастырским храмом, вряд ли ее нартекс мог использоваться как рефлекторий, однако расположение именно в этом предваряющем пространстве храма сцен, являющихся аллюзиями на главнейшее таинство Церкви, совершающееся в наосе, представляется вполне уместным.

Тематика фрагментарно сохранившихся фресок на стенах северной ячейки нартекса связана с погребальной идеей. На восточной стене здесь расположен Деисис – композиция, издревле осмысляемая в связи с этой темой. Расположение Деисиса в нартексе Софии Трапезундской, по-видимому, обусловлено, во-первых, особенностями заказа – это моление о душе почившего императора Мануила, а во-вторых, вполне отвечает утвердившейся еще в средневизантийский период традиции совершать в нартексе поминовение усопших (панихиды) в урочные дни, о чем свидетельствуют византийские типиконы¹¹.

На западной и северной стенах нартекса имеются остатки композиций «Три отрока в печи» и «Даниил во рву львином» – характерно, что именно эти две сцены прообразовательного характера, иллюстрирующие книгу пророка Даниила, размещаются здесь в нартексе, а не в цикле прообразов в северной галерее (рис. 6). Оба сюжета являются прообразами Боговоплощения, «Три отрока» – еще и Троицы, а пророк Даниил известен как провидец Второго Пришествия

¹⁰ Пенкова Б. За модела на стенописната декорация на манастирските трапезарии от византийски и поствизантийски художествен кръг // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 212.

¹¹ В Византии существовала традиция служить панихиду по мирянам в нартексе, а по монахам – в наосе. В сербских церквях после 1319 г. панихида стала совершаться и по монахам в нартексе по уставу архиепископа Никодима. См.: Бабић Г. Иконографски программ... С. 112, 124.

Господня¹². Образцы праведности – пророк Даниил и халдейские отроки – прославляются также и как постники¹³: первый постом одолел львов, к которым был брошен¹⁴, вторые же из-за воздержания от идоложертвенной пищи были ввержены в огонь печи¹⁵, и тем приобрели душевную красоту. Три отрока и Даниил во рву – это образы, выражающие также идею победы над смертью благодаря божественной помощи и силе веры. Эти две сцены сопоставлены здесь, расположенным напротив Деисисом, напоминая о Втором Пришествии и пути стяжания достойной участи на Страшном суде, а также о Воскресении.

В западной части храма, на западной стене “Три отрока в печи” представлены также в монастыре Кинцвиси в Грузии начала XIII в., в северной части нартекса (как и в Софии Трапезундской) “Три отрока” представлены в монастыре Влатад в Фессалонике 1360–1380 гг.; в северо-западном углу храма (почти как в Трапезунде) эти две сцены из книги пророка Даниила изображены в церкви монастыря Зарзма в Грузии около середины – третьей четверти XIV в.¹⁶ и в западной части храма, соответствующей нартексу, – в монастыре Дечани в Косове 1335–1350 гг.

Интересно, что по крайней мере с XI в. существует традиция размещать “Трех отроков” и “Даниила во рву львином” в наиболее сакрально значимом пространстве храма – в алтаре, что связано, по-видимому, с поминованием этих святых среди пророков в чине проскомидии. Так, оба сюжета представлены в диаконнике кафоликона Осиеос Лукас в Фокиде 1030–1040-х годов; в виме Софии Охридской середины XI в. – только “Три отрока в печи”. В XIV в. эта традиция продолжится: “Три отрока” изображены в алтаре церкви Богородицы Одигитрии в Печке Патриаршей до 1337 г. и в диаконнике церкви Благовещения в Грачанице 1315–1321 гг.

Расположение ветхозаветных сцен в нартексе обусловлено символикой нартекса как пространства, предвещающего вход в храм. Богословское осмысление символики этого пространства с раннехристианского времени связано с темой приготовления ветхозаветного человечества и вообще всякого человека к принятию Христа и, следовательно, с темой теофании, Богоявления. Эта тема нередко конкретизируется, как и в Софии Трапезундской. Так, в южной части нартекса на восточной стене представлена сцена “Крещения” (рис. 7). Расположение этой сцены или символически связанных с ней сцен в нартексе нередко встречается в византийском искусстве, что отвечает литургической функции этого пространства храма.

Изначальное предназначение нартекса, притвора – служить местом молитвы “оглашенных” (*κατηχούμενοι, ἐνεργούμενοι*) и “просвещенных” (*φωτισόμενοι*) – готовящихся ко Крещению¹⁷, а также кающихся (*οἱ ἐν μετανοίᾳ*)¹⁸. Соглас-

¹² Ср. 3-ю и 4-ю стихиры на “Господи воззвах” на вечерне в Неделю праотец, 3-ю стихирю и “Господи воззвах” на вечерне 17 декабря – в день памяти пророка Даниила и трех отроков.

¹³ Ср. 2-ю и 4-ю стихиры на “Господи воззвах” на вечерне 17 декабря.

¹⁴ “Предукрепив тело твое постом неослабным, львов уста заткнул еси...”, да еще и “...научи еси преславно... поститься львы...” – стихира на “Господи воззвах” на вечерне и ин седален 8 гласа на утрене 17 декабря.

¹⁵ “Мерзостными не осквернитесь пищамя, но негленну душевную доброту сохранше...” – стихира на “Господи воззвах” на вечерне 17 декабря.

¹⁶ О датировке фресок церкви существуют разные мнения. См.: *Евсеева Л.М.* Две символические композиции в росписи XIV века монастыря Зарзма // ВВ. 1982. Т. 43. С. 134–146.

¹⁷ *Lemerle P.* *Philippe et la Macédoine Orientale à l'époque chrétienne et byzantine.* P., 1945. Vol. 1. P. 330–331.

¹⁸ *Φατερινάκης Σ.* *Ο νόρθησας των εκκλησιών της μεσαυβυζαντινής και παλαιολογεϊας περιόδου. Λειτουργική χρήση και εικονογραφικό πρόγραμμα.* Αθήνα, 1988. Σ. 10. Νοτ. 49.

но типиконам средне- и поздневизантийского времени приуготовляющиеся ко Крещению люди и кающиеся должны были находиться в нартексе храма во время Литургии¹⁹. По свидетельству византийских типиконов именно здесь совершалось таинство Крещения. Доныне сохранились купели, расположенные именно в юго-восточном углу нартекса, например, в храме Христа Вседержителя в Дечанах, экзонартексах монастырей Грачаница и Печка Патриаршая²⁰ в Косово, в церкви Богородицы в Студенице.

В нартексе совершалось также, начиная со средневизантийского периода, Великое Освящение воды на Богоявление, при котором использовался особый фиал (чаша), который также находился в нартексе²¹, вероятно, один и тот же сосуд мог использоваться как для освящения воды, так и как купель. Именно благодаря такой функции нартекса здесь появляется ряд соответствующих сюжетов, таких как “Крещение”²², “Проповедь Иоанна Предтечи”, “Сорок мучеников Севастийских” – также образ мученического Крещения в водах озера.

Точно на том же месте, что и в Софии Трапезундской, “Крещение” изображено на фреске конца XII в. в нартексе церкви Панагии Мавриотиссы в Касторье и в нартексе кафоликона монастыря Хиландар 1318–1321 гг. на Афоне, а также в нише в нартексе монастыря Владад в Фессалонике второй половины XIV в., где “Крещение” сопоставлено с “Тремя отроками в печи” – вероятно, сюжет, понимаемый здесь так же как образ огненного мученического Крещения. Вместо “Крещения” в нартексах нередко появляется композиция “Сорок мучеников Севастийских”, например, во фресках нартекса пещерной церкви Вардзии в Грузии начала XIII в., церкви св. Апостолов в Фессалонике 1328–1341 гг.²³, и также на восточной стене нартекса в церкви архангела Михаила в Лесново 1349 г.

Помимо отражения крещальной функции нартекса сцена “Крещения” в Софии Трапезундской связывается и с погребальной тематикой нартекса. Крещение как залог рождения в новую жизнь должно было олицетворять собой надежду на достойную участь по всеобщем воскресении и указывать путь. Поэтому сцены на стенах нартекса отвечали и погребальной, и крещальной функциям этого пространства храма. Также, олицетворяя собой переход от ветхости к обновлению, эта сцена изображает и исторический момент перехода от Ветхого Завета к Новому. Поэтому нередко эта сцена появляется в едином контексте с ветхозаветными сценами.

“Крещение Господне”, событие, в котором было явлено Божественное достоинство Сына Божия, по-видимому, не случайно расположено неподалеку от “Преполовения”, которое находится чуть выше, в своде той же восточной стены (рис. 8). В этой сцене масштабно выделен образ Христа, изображено неболь-

¹⁹ К оглащенным и кающимся в эту эпоху причислялись все верные в период Великого Поста; см.: Скабаланович М. Толковый Типикон. Киев, 1910 (репринт – М., 1995). С. 389, 276.

²⁰ Gavrilović Z. Divine Wisdom as Part of Byzantine Imperial Ideology. Research into the Artistic Interpretations of the Theme in the Medieval Serbia Nartex Programmes of Lesново and Sopocani // Зограф. 1980. № 11. Р. 52. Известно, что в церкви Богородицы Левишки и в Жиче именно в нартексе совершалось Крещение (Бабић Г. Иконографски програм.. С. 112–112).

²¹ Φωτεινότης Σ. Ο νόρθηρας των εκκλησιών... Σ. 8–9. Автор ссылается на устав монастыря Кехаритомени в Константинополе и евхологий 1027 г., изданный В.А. Дмитриевским.

²² Г. Бабић отмечает интерес к этой теме в начале XIV в., представляемой в развернутых, детализированных сценах, и приводит примеры (Бабић Г. Иконографски програм. С. 113, 124).

²³ Датировка росписи дается по: Кисас С.К. О времени настанка фресака у церкви Светих апостола у Солуну // Зограф. 1977. № 7. С. 56.

шое число слушателей, что, по мысли Д. Талбот-Райса, должно было подчеркнуть божественное достоинство Христа. Действительно, поучение двенадцатилетнего отрока Иисуса в храме Иерусалимском есть одно из первых проявлений божественности Воплотившейся Премудрости – Христа. Этой сценой привнесены в декорацию нартекса тема проповеди Христа, которая звучит и во фресках алтаря в сценах “Призвание апостолов на Тивериадском озере” и “Отослание апостолов на проповедь”, и в уникальной аналогичной композиции в северном притворе. Христос, будучи Воплощенной Премудростью, есть источник всякой премудрости. В Иерусалимском храме юный Христос изъяснял еврейское Писание – Ветхий Завет, подготавливая их к принятию Нового. Этот сюжет как бы связывает в образе Богочеловека Христа расположенные в нартексе и галереях сцены из Ветхого и Нового Заветов.

Уникальность росписей северного притвора заключается в расположении здесь целого ряда ветхозаветных сцен: на южной стене здесь находится единственное сохранившееся изображение – “Гостеприимство Авраама”; на северной стене, в простенках между арками портика – “Сон и борьба Иакова с ангелом”, “Моисей перед купиной”, “Иов на гноище”, “Гедеон с руном” (рис. 9), на восточном склоне свода – частично сохранившееся “Древо Иессея”²⁴. Все эти сюжеты известны в византийской монументальной живописи, некоторые – издревле. “Сон Иакова” – начиная с V в. (например, на мозаике церкви Санта Мария Мажоре эта сцена была среди других изображений из Ветхого Завета, ныне утрачена²⁵), “Моисей перед купиной” – с VI в. (например, в алтаре базилики монастыря св. Екатерины на Синае²⁶), “Гедеон с руном” – лишь с начала XIII в. Важно, что в Софии Трапезундской лишь во второй раз в истории византийского искусства эти сюжеты составляют в единый цикл, связанный не последовательностью повествования книг Священного Писания, а определенными символическими идеями. Новизна и большое значение этого цикла состоит в изображении здесь впервые целых композиций, иллюстрирующих видения пророка, а не отдельных фигур с символами своих пророчеств, каковые известны уже во второй четверти XII в. в иконописи и миниатюре²⁸, а в начале XIII в. и в монументальной живописи – во фресках церкви Вознесения в Бетании в Грузии (первым известным в монументальной живописи цикле изображений пророков с символами их пророчеств). Впоследствии, начиная с 90-х годов XIII в. такие композиции будут наделяться символикой Богородицы, поскольку большая их часть связана с темой прообразования Боговоплощения, и широко распространятся в храмовой декорации конца XIII – первой половины XIV в. Таковы циклы нартекса церкви Богородицы Перивлепты в Охриде 1295 г., паракклесионов церкви монастыря Хора в Константинополе 1316–1321 гг. и церкви св. Апостолов в Фессалонике 1328–1341 гг., нартекса собора Введения во храм в Хиландаре

²⁴ В своей монографии Д. Талбот-Райс приводит небольшое число довольно случайных аналогий этому уникальному ветхозаветному циклу. Большинство аналогий относится к более позднему времени: автор сравнивает сюжеты с наружной декорацией храмов Румынии.

²⁵ Rice D.T. Op. cit. P. 183.

²⁶ Treasures of the Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. Athens, 1990. Pl. 8.

²⁷ По-видимому, впервые в монументальной живописи “Гедеон с руном” изображен в церкви Вознесения в Бетании в Грузии начала XIII в.

²⁸ В частности, на иконах Богоматери с пророками второй четверти XII в. с Синая (монастырь св. Екатерины на Синае и Государственный Эрмитаж), на миниатюрах рукописей Омелия Иакова Коккиновафского (Paris. gr. 1208 и Vat. gr. 1162) того же времени. См. Этинггоф О.Е. Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII веков. М. 2000.

1318–1321 гг. и церкви архангела Михаила в Лесново в Македонии 1349 г.²⁹ и некоторые другие.

Цикл включает три прообраза Богородицы (лествица, купина и руно) и композицию “Древо Иессея”, однако символика Богородицы в нем пока еще не ясно выражена: в отличие от более поздних циклов в сценах отсутствует Ее изображение. Лишь в последней композиции вверху представлена Богородица (с Младенцем или нет, неясно³⁰) как плод этого древа ветхозаветных праведников. Именно наличие “Древа Иессеева” с Богородицей – венцом древа придает прообразовательным сюжетом соответствующий оттенок. Расположение “Древа Иессея” в боковом притворе или нартексе традиционно для византийской живописи XIII–XIV вв.; таковы фрески церковей св. Апостолов в Фессалонике (южная галерея), св. Ахиллия в Арилье в Сербии 1296 г. (нартекс), Богородицы Левишки в Призрене 1308 г. (нартекс) и др.

В ветхозаветный цикл прообразов Богородицы включен также не имеющий отношения к теме Боговоплощения, но связанный с идеей праведности образ Иова – прообраз Страстей Христа (книга Иова читается в первые три дня Страстной недели) и пример покаяния. “Иов на гноище” – сюжет редкий в византийской монументальной живописи, как правило, помещается также в нартексах, например, во фресках Николо-Дворищенского собора в Новгороде первой четверти XII в. или на фреске церкви Благовещения монастыря Грачаница в Косово 1315–1321 гг.

На западном склоне свода притвора расположена фрагментарно сохранившаяся уникальная сцена “Отослание апостолов на проповедь и крещение ими народов” (рис. 10). Таким образом, здесь ясно прослеживается крещальная тематика, связывающая это пространство храма как с алтарем, где на южной стене вимы имеется сцена “Отослание апостолов на проповедь” в своем традиционном варианте, а на северной стене вимы – сцена “Призвание апостолов на проповедь на Тивериадском озере”, так и с нартексом. Здесь присутствует также тема премудрости, преподанной Христом через рукоположение апостолам и разносимой последними по всему миру.

Обратимся к декорации южного притвора, от фресок которого не сохранилось почти ничего, но имеющего в отличие от других притворов богатую скульптурную декорацию на своем внешнем фасаде (рис. 11)³¹. В тимпане фасада южного притвора представлены справа налево сцены из Бытия – история Адама и Евы: “Рай”, “Создание Евы”, “Соблазнение Евы змием”, “Ева дает яблоко Адаму”, “Два древа” – символы рая, “Ангел-страж у врат рая”, “Раскаяние Евы”, “Изгнание Евы из рая”, “Жизнь Адама и Евы по изгнании из рая”: Адам копает, Ева прядет, “Размышление о грехе”: оба сидят. К последней из перечисленных сцене имеется подпись сверху – текст из Постной Триоди “Седе Адам прямо рая” (стихира-славник на “Господи воззвах” в Неделю сыропустную). Основной мотив, звучащий здесь – это покаяние. Последняя сцена цикла – “Убийство Авеля Каином”.

Этот цикл почти не имеет аналогий в византийском искусстве: в скульптурном декоре и фресках X в. история Адама и Евы представлена в армянском хра-

²⁹ Габелућ С. Манастир Лесново. Београд, 1998. С. 155–189, особенно 172–181.

³⁰ Milanović V. The Tree of Jesse in the Byzantine Mural Painting of the Thirteenth and Fourteenth Centuries. A Contribution to the Research of the Theme // Зограф. 1989. № 20. Р. 53. Not. 36.

³¹ Оценивая скульптурный декор храма, Д. Талбот-Райс соглашается с А. Грабаром, предложившим в свое время параллели ему в скульптуре Кавказа и романского мира (Rice D.T. Op. cit. P. 182. Not. 144).

ме Св. Креста на острове Ахтамар на оз. Ван (современная Турция)³² (рис. 12) в искусстве итало-византийского круга – на мозаиках Палатинской капеллы 1150–1160-х годов и собора в Монреале конца XII в. на Сицилии, а также на мозаиках XIII в. в соборе Сан-Марко в Венеции, на пластинах слоновой кости в Солерно 1084 г.³³ История Адама и Евы изображена также на Суздальских вратах (южных) с золотой наводкой первой половины XIII в.

Итак, если здесь, на внешней стене южного притвора представлена история создания человека и его первых грехопадений, изгнания из рая, то еще более выпукло становится значение образов из северной галереи – образов покаяния (Иов) и ветхозаветных праведников (“Древо Иессеево”). Заключенный между двумя этими притворами наос может тогда восприниматься как пространство встречи избранного народа и всякого человека с Богом, а также как образ Рая (из которого изгнан Адам, не случайно его история помещена вне храма, на его внешней стене). Противопоставление грешников и праведников Ветхого Завета в южном и северном притворах Софии Трапезундской разрешается в тематике нартекса, где изображено благовествование Боговоплощения ради спасения всякого человека и Крещение как путь к этому спасению.

В западном притворе (экзонартексе) на его восточной стене и в своде представлен традиционный для западной части храма “Страшный суд”, располагаемый обычно в нартексе или на западной стене храма. Изображения на стенах не сохранились. В Софии Трапезундской “Страшный суд” оказался вытесненным западный притвор, что, вероятно, объясняется отсутствием в нартексе больших простенков, где могла бы поместиться такая значительная композиция – это пространство храма имеет довольно низкие своды и небольшие простенки, достаточные для размещения одной–двух композиций. Однако тематически росписи нартекса и западного притвора оказались тесно связаны: в их иконографических программах, по-видимому, отразилось изначальное предназначение этой церкви как надгробного памятника³⁴ императору Мануилу I, умершему в 1263 г.

Оценивая росписи нартекса и притворов собора Св. Софии в Трапезунде можно сказать, что здесь представлена как бы энциклопедия сюжетов, характерных для декорации нартекса и других второстепенных пространств храма, в которой нашлось место и для традиционных (“Страшный суд”), и для новых сюжетов (таких, как ветхозаветные сцены в северном притворе). Интересен подбор ветхозаветных прообразов в нартексе и северном притворе: здесь присутствуют почти все основные темы – Воплощения (“Сон Иакова”, “Моисей перед купиной”, “Гедеон с руном”, “Три отрока в печи”, “Даниил во рву львином”, Страстей Христа и покаяния (“Иов на гноище”, Троицы (“Три отрока в печи”, “Гостеприимство Авраама”), Евхаристии (“Гостеприимство Авраама”); отсутствуют только прообразы священства Христа.

Важной чертой программы декорации Софии Трапезундской является тематическое единство росписей наоса и притворов, в которых звучат общие темы Премудрости, проповеди, а также тема единства Ветхого и Нового Заветов. В тематике росписей северного и южного притворов и нартекса, обрамляющих наос подобно венцу капелл, ясно выразилась тема входа в Церковь, приготовления к принятию Христа в лице ветхозаветных праведников (среди которых

³² Впервые некоторое сходство между рельефами Софии Трапезундской и церкви на острове Ахтамар отмечено в очерке С.П. Карпова (Культура Трапезундской империи. С. 90).

³³ Bergman R. The Solerno Ivories: Ars Sacra from Medieval Amalfi. Cambridge; London, 1980.

³⁴ Rice D.T. Op. cit. P. 184. Автор отмечает, что выбор сюжетов в храме отвечает идее такого предназначения храма.

особенно выделены как примеры для подражания связанные с идеями поста – пророк Даниила, молитвы – три отрока, и покаяния – праведный Иов) и в композиции “Крещение”. Сюжеты из Ветхого Завета здесь составляют как бы раму для новозаветной истории, представленной в наосе.

В целом в росписях дополнительных пространств Софии Трапезундской представлена история домостроительства Божественной Премудрости от создания мира (представленного композицией “Гостеприимство Авраама” – образа Предвечного совета) и создания человека (в истории Адама и Евы), первых грехопадений (в лице тех же и Каина) и взлетов (в образах праведников: Иова, Даниила, трех отроков, праотцев в композиции “Древо Иессеево”). Боговоплощение осмысливается как центральный момент человеческой истории, а Страшный суд как ее конец.

Обширная программа росписи притворов храма, выбор тем, отражающих энциклопедическую образованность художников, наполненность композиций толпами людей (и ангелов во фресках наоса) характерны для искусства именно второй половины XIII в.

Уникальной чертой иконографической программы дополнительных пространств Софии Трапезундской является наличие особого ветхозаветного цикла прообразов Богородицы в северной галерее. Подобная тематика получила обширное распространение в дальнейшем, ее развитие явилось характерной чертой искусства раннепалеологовского периода, времени Палеологовского ренессанса и эпохи церковных споров – вплоть до середины XIV в. Пока нет точного ответа на вопрос, где прообразовательные сюжеты, организованные в цикл, впервые проникли в монументальную живопись. Уже в ансамбле начала XIII в. церкви Вознесения в Бетании в Грузии были изображены пророки с символами их пророчеств, подобранные по новому символическому принципу прославления Богородицы, однако только в Трапезунде впервые были созданы развернутые композиции на эти темы. История создания росписей Софии Трапезундской могла бы пролить свет на пока не разрешенную проблему происхождения таких развернутых циклов с усложненной символикой.

По мнению исследовавшего фрески Св. Софии Д. Талбот-Райса они были созданы, вероятно, константинопольскими мастерами, следовавшими каким-то важным, “главнейшим” из столичных образцов³⁵. Д. Талбот-Райс отмечал столичный, а не провинциальный стиль живописи и предполагал, что византийские художники могли прибыть сюда вместе с двумя юными сыновьями Мануила I Комнина (1143–1180) Алексием и Давидом при образовании Трапезундской империи из Грузии, так как последние жили там при дворе царицы Тамары³⁶. Однако с момента основания Трапезундской империи в 1204 г. до середины века, когда была построена церковь Св. Софии, могло смениться несколько поколений мастеров. Действительно, стилистически живопись Софии Трапезундской соотносится с современными ей ансамблями в Сербии (Сопочаны до 1272 г.) и на Афоне (капелла Преображения в скиту Св. Троицы на Спасовой воде при Хиландаре около 1260 г.), что отмечал и Д. Талбот-Райс³⁷. В первой половине XIII в. Трапезундская империя была отрезана от занятого крестоносцами Кон-

³⁵ Этот вывод делается на основе анализа иконографии и, в большой степени, стиля. *Rice D.T.* Op. cit. P. 241.

³⁶ *Rice D.T.* Op. cit. P. 241, Not. 25. Царица Тамара, как известно, помогла братьям Комнинам захватить Трапезунд; см.: *Карпов С.П.* Образование Трапезундской империи (1204–1215) // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 6–13.

³⁷ *Rice D.T.* Op. cit. P. 241–244.

стантинополя и Балкан враждебной ей Никейской империей, союзы между Трапезундом и латинянами были краткосрочными³⁸. Перемещение византийских художников с Балкан в Трапезунд в этот период представляется мало вероятным.

В эпоху правления Мануила I Трапезундская империя достигла наибольшего подъема своей экономической и культурной жизни, что оказалось возможным при внешнеполитических успехах этого императора³⁹. Тогда и развернулось широкое строительство в Трапезунде. Вероятно, именно в 60-х годах XIII сюда прибыли художники, расписавшие собор Св. Софии. Можно предположить, что они приехали из освобожденного в 1261 г. Константинополя и принесли с собой тот стиль, что сложился в это время на Балканах, и иконографические образцы, бытовавшие в столице⁴⁰.

Какими же были эти "главнейшие" столичные модели художников Св. Софии – созданными до взятия Константинополя в 1204 г., при латинянах, или сразу после 1261 г.? Образцами могли послужить какие-то не дошедшие до нас росписи конца XII – самого начала XIII в. в столице. Если допустить, что церковь была расписана сразу после 1263 г. (года смерти Мануила), то непосредственное восприятие константинопольских образцов – фресок, созданных перед завоеванием крестоносцами или сразу после победы над ними, – представляется наиболее вероятным.

³⁸ Карпов С.П. Образование Трапезундской империи (1204–1215). С. 15–25.

³⁹ Ibid. С. 29; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 163–164.

⁴⁰ Д. Талбот-Райс замечает также, что со столицей связи были в это время больше, и распространяется она ближе, чем, например, Каппадокия, из которой, казалось бы, также могли проникать иконографические образцы (*Rice D.T.* Op. cit. P. 184). Однако в исследованиях по истории Трапезундской империи указывается, что постоянными связями с Константинополем становятся лишь с 80-х годов XIII в., что, впрочем, не исключает возможности проникновения отсюда в Трапезунд неких художественных сил в 1260-х годах. См.: Карпов С.П. Трапезунд и Константинополь в XIV веке // ВВ. 1974. Т. 36. С. 84. Нельзя также исключить возможность того, что художники прибыли с Афона, так как Великие Комнины имели дружественные связи с Афоном, по-видимому, уже с начала XIII в. См.: Шукуров Р.М. Указ. соч. С. 88; Карпов С.П. Трапезундская империя и Афон // ВВ. 1984. Т. 45. С. 95–101. Наконец, еще одна версия – это возможность приезда каких-то мастеров, знакомых с новыми веяниями в искусстве из Грузии, с которой были теснейшие связи на протяжении всего существования Трапезундской империи и в которой уже существовали образцы новой иконографии (вспомним ансамбль прообразов во фресках Бетании начала XIII в. в Грузии).

НОВГОРОД И ГОТЛАНД. ЦЕРКВИ КЭЛЛУНГИ И ГАРДЫ В СИСТЕМЕ РУССКОЙ, ВИЗАНТИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ

В 1904 г. в книге “Церковное искусство средневековой Швеции” Г. Гильдебранд впервые упомянул о росписи в Граде и там же впервые опубликовал прорисованное изображение одного из мучеников на арочном своде¹. С тех пор, несмотря на обширную, почти столетнюю историографию, тема так называемых русско-византийских росписей в храмах Гарды и Кэллунги на Готланде остается открытой для исследований.

Развитие ее в настоящее время может быть представлено в двух направлениях. Первооткрыватели готландских росписей связывали их с новгородскими фресками второй половины XII в. и прежде всего с фресками Старой Ладogi и Нередицы. В работах последних сорока лет преобладает мнение о византийской природе росписей Гарды и Кэллунги, в котором новгородские источники отодвинуты на второй план.

Изучение готландских росписей в 1900-х годах начали одновременно Д. Росваль и Т.А. Арне. Независимо друг от друга они пришли к близким выводам. Д. Росваль, создатель свода шведских каменных резных купелей XII–XIII в.², идентифицировал многие рельефы с фрагментами росписи в церкви Гарда, которые он относил к “русско-византийскому” мастеру, хорошо знавшему фрески Нередицы и поэтому, как он полагал, изобразившего в готландском храме русских святых князей Бориса и Глеба³. Т.А. Арне первый назвал одного из них Фролом⁴. Подчеркивая особое место Гарды в истории стеной шведской монументальной живописи, он находил ее источники в росписях Миража, Старой Ладogi и Нередицы⁵. М. Флорин, автор реконструкции “Страшного суда” в церкви Сундры, была уверена, что образцом для подобной композиции в Гарде послужила нередицкая роспись⁶. Новгородскую тему в истории готландских росписей в 1950-х годах продолжил Б.Г. Сёдерберг. В обобщающем исследовании шведских храмовых росписей 1200–1400 гг. он относил росписи Гарды и Кэллунги ко второй половине XII в., полагая, что их мастер был знаком с фресками Старой Ладogi. В круг русско-византийских произведений исследователь ввел еще росписи апсиды в церкви Мэстербю, рубежа XI–XII вв., объясняя романские черты их иконографии и рисунка северонемецкими влияниями.

¹ Hildebrand H. Den kyrkling konsten under Sveriges medeltid. Stockholm, 1907. Fig. 164.

² Roosval J. Die Steinmeister Gotland. Stockhollm, 1918.

³ Roosval J. Die Kirchen Gotland. Leipzig, 1911. S. 98–101; *Idem*. Byzantios eller en gotländsk stenmästare på 1100-talet // Fornvännen, 1916. 11. S. 234; *Idem*. Gotland kyrkokonst. Stockholm, 1952.

⁴ Arne T.J. Rysk-byzantinska målningar i en Gotlandskyrka // Fornvännen. 1911. 6. S. 57–64. Fig. 3.

⁵ Арне Т.И. Русско-византийская живопись в готландской церкви (перевод со шведского Ад. Гренлунд, просмотренный автором) // Известия Комитет изучения древнерусской живописи. Пг., 1921. Вып. 1. С. 5–8.

⁶ Florin M. Yttersta domen in Sundre: Ett rekonstruktionsförslag // Gotländskt Arkiv. 1936. 9.8S. 3–36.

Иное мнение о месте росписи в Гарде высказал О. Демус, видевший в нем изолированное явление скандинавской культуры, на пустынной почве которой, как он полагал, только через два поколения возникли условия для восприятия византийской традиции⁷. В том же направлении рассуждал и А. Грабар, считающий преувеличением сопоставление готландских росписей с новгородскими памятниками конца XII в. Более убедительные следы взаимодействий он видел в искусстве стран Средиземноморья и Северной Европы, в сфере которых Гарда и Кэллунга представлены как самостоятельная скандинавская интерпретация византийских образцов⁸.

Так была открыта византийская тема в изучении готландских росписей. Именно этот путь продолжил А. Катлер. Основываясь на атрибуции Т. Арне, также по аналогии с изображениями в церкви святых Врачей в Кастории он дал имя второму святому в Гарде – Лавр⁹. Начертив беглые параллели между готландскими росписями и фресками Георгиевской церкви в Старой Ладогге, Дмитриевского собора во Владимире, А. Катлер значительно расширил круг взаимодействий готландских художников с внешним миром, включив в него ведущие памятники византийского искусства XII–XIII вв. Продвигаясь от Средиземноморья к северу Европы, исследователь отметил близкие черты иконографии, рисунка и орнамента, указав на повсеместное бытование этих черт, варианты которых узнаваемы в течение продолжительного времени уже в системе готических декораций XIII в.¹⁰

Более объемную характеристику истории, стиля и технологии скандинавских (готландских, датских, шведских) росписей XII в. дает А. Андерссон. Вслед за датскими исследователями П. Норладом и Е. Линдом он считает, что лучшие росписи (кафедральных соборов или богатых монастырских храмов) не сохранились и до наших дней дошли лишь остатки живописи приходских церквей. Но, отмеченные печатью провинциализма, они, по его определению, находятся в общем стилистическом потоке и составляют одну из сильных ветвей основного течения в европейском искусстве. Исследователь затрагивает вопрос о немецком влиянии на скандинавскую живопись, прежде всего школы Гильдесгейма и Нижней Саксонии, и, не забывая о тесных контактах скандинавов с культурной средой Франции и Англии, считает, что в течение всего XII в. главным источником в развитии живописного искусства в Швеции оставалась Византия.

Рассматривая готландские росписи в системе византийского искусства А. Андерссон все же возвращается к исходным, заложенным еще Д. Росвалем и Т.А. Арне позициям, подчеркивая, что, несмотря на византийский путь в Данию и Сканию (Южную Швецию) через Англию, Францию и Западную Германию, важнейшую роль в отношениях между странами балтийского побережья и Русью всегда играл Готланд, не прерывавший культурных контактов с Новгородом. Основываясь на этом факте, исследователь вынужден констатировать, что

⁷ Demus O. *Byzantine Art and the West*. L., 1970. P. 23–24. Fig. 24.

⁸ Grabar A. *Romanesque Painting from the Eleventh to the Thirteenth Century*. Skira, 1958. P. 128. *Idem*. *Pénétration byzantine en Islande et en Scandinavie* // *Cahiers Archéologiques*. 1962. 13. P. 296–301.

⁹ Cutler A. *Garda, Källunge, and Byzantine Tradition on Gotland* // *The Art Bulletin*. 1969. Vol. LI. 3. P. 259–260.

¹⁰ Cutler A. *Garda, Källunge...* P. 260–266.

¹¹ Andersson A. *Romanska målnigar i Torpa kyrca i Rekarne* // *Proxima Thule: Sverige och Europa under fortid och medeltid*. Stockholm, 1962 (London, 1970. Vol. 2. *Wall Painting*. P. 241–283).

живопись Гарды теснее связана с традицией древнейшего русского художественного центра¹².

Новые оттенки в историографию готландских росписей внесла Т. Мальмквист. Устремившись в поисках аналогий в безбрежное море византийских ассоциаций, она впервые отметила необычное сочетание цветов в одеждах святых мучеников в Гарде, объясняя его использованием местных пигментов и техники *al secco*. Особое внимание исследовательницы привлекло соседство яркого зеленого с охрой, которое, по ее словам, “нелегко обнаружить где-нибудь еще”. Сомнения вызывает у нее и атрибуция святых, обобщенный облик которых не имеет признаков, присущих исключительно Флору и Лавру. Более того, изображения этих святых в кипрских и македонских храмах не похожи на мучеников в Гарде, больше напоминающих Георгия и Димитрия, исполнявших роль святых стражей при входе в церковь. Т. Мальмквист подробно останавливается на системе моделировки ликов, отмечая в основе охристый грунт, светлые и красноватые тени под глазами и на лбу, коричневый контур лика. По мнению исследовательницы, для византийской живописи более привычны лики, зеленая основа которых проработана последовательно высветляющимися охрами. Несходство живописных приемов и в данном случае объясняется техникой живописи. Форма же сама по себе, как полагает М. Мальмквист, остается подлинно византийской, и художник воспроизводит стиль большой фрески средствами *al secco*. Близко поставленные глаза рассматриваются как типичный признак живописи позднего XII в., аналогия которому находится в росписи Лагудеры на Кипре. Оттуда же взяты подобные примеры изображения носа, большого пальца руки и прочих деталей живописной формы и орнамента¹³. В отличие от многих своих предшественников Т. Мальмквист не отождествляет роспись Гарды и Кэллунги и, обнаруживая единственную общую для них традиционную “позицию” в расположении композиции “Страшного суда” на западной стене, приходит к выводу о самостоятельности двух готландских мастеров, знакомых, возможно, с произведениями византийской монументальной живописи, но не принявших ни один из них за единственный образец¹⁴. Автор предпочитает не объединять готландские росписи с русскими и, исходя из предпосылок А. Грабара и А. Катлера, очерчивает еще более широкий круг их вращения в византийском мире.

Много и плодотворно проблемой готландских росписей занимается Е. Пильтц. В статье, посвященной фрескам Гарды и Кэллунги, автор дает подробную историографию вопроса, обращаясь к политико-экономическим исследованиям как историческому контексту исследуемой проблемы¹⁵. Опираясь на немногочисленные, в основном косвенные, комментированные в трудах Л.К. Гётца¹⁶ письменные источники торговых отношений между Новгородом и Готландом, исследовательница предполагает, что церковь в Гарде была русским купеческим храмом, в котором, возможно, хранились товары, а находившийся рядом двор, вероятно, служил убежищем для оставшихся на зиму новгородских

¹² Ibid. P. 276.

¹³ *Malmquist T. Byzantine Wall-Painting in Sweden // Byzantina. 1983. 10. P. 231–233.*

¹⁴ Ibid. P. 233–237.

¹⁵ *Piltz E. Zwei russische Kaufmannskirchen auf der Insel Gotland aus dem 12. Jahrhundert // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavite et Byzance): Actes du colloque d'Upsal 20–22 avril 1979. Uppsala, 1981. P. 359–369. См. также: Piltz E. Byzantium and the Periphery // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies: Selected Papers. Moscow, 1991 (Shepherdstown, WV, 1996. Vol. III: Art History, Architecture, Music). P. 224–242.*

¹⁶ *Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübek, 1922. S. 25, 26, 72, 81–90, 180, 182, 183, 186, 190, 221, 266, 327.*

гостей. Размышляя о формах юрисдикции русских церквей на Готланде Е. Пильтц констатирует сложность проблемы, не подкрепленной прямыми документами. Основываясь на историографическом материале, автор пытается выявить локальные особенности конфессиональных отношений на острове найти им аналогичные конструкции. Не претендующие на окончательное решение все эти наблюдения заслуживают внимания. Несмотря на отсутствие строгой аргументации, они обладают продуктивностью интуитивного суждения, основой для которого служат сами росписи, отразившие в своем художественном облике исторические особенности своего возникновения¹⁷.

Е. Пильтц не согласна ни с одним из определений святых в Гарде, подвергая критике несостоятельную атрибуцию Д. Росваля (Борис и Глеб) и справедливо сомневаясь в развитой А. Катлером гипотезе (Флор и Лавр)¹⁸.

Относительно церкви в Кэллунге исследовательница ограничивается краткой справкой ее архитектуры и сосредоточивает свое внимание на реконструкции системы росписи. В медальонах с двух сторон арки, по ее мнению, изображены евангелисты, фигуры в рост на сводах арки представляют святых воинов Димитрия и Феодора Стратилата, полуфигуры святых в орнаментированных трехлопастных арках не определены¹⁹.

Е. Пильтц также включает росписи Гарды и Кэллунги в широкую картину византийской живописи третьей четверти XII в., находя в них общие черты с мозаиками Неа Мони на Хиосе, фресками Нерези, Старой Ладogi, Георгиевских столбов в Расе и Бачкова, обращаясь при этом за поддержкой к работам В.Н. Лазарева, Н. Репникова, К. Свободы, А. Грабара, О. Демуса, В. Джурича, Т. Вельманс, Ф. Швейнфурта и др.²⁰ Но, приступая к стилистическому анализу росписи "купеческих" церквей, исследовательница значительно сужает круг аналогий, оставляя в нем лишь фрески Старой Ладogi (церкви Георгия и Успения), церкви Преображения в Мирожском монастыре и Георгиевского собора Юрьевом монастыре. В готландских храмах Е. Пильтц, по ее выражению, видит последовательное развитие северной русской или новгородско-псковской иконографической школы 1150-х годов, полагая, что причиной отличий в систем росписи является конструкция базиликальных храмов Готланда, в которых роспись купола "вынуждена" переместиться на своды и стены. Проследивая некоторые черты общности между двумя готландскими храмами, автор все же отмечает отсутствие прямых аналогий в их иконографических циклах, характеризует программу Гарды как более традиционную, в то время как в Кэллунге отражается воздействие работавшего в артели западного мастера²¹.

Вслед за Т. Мальмквист и В.И. Джуричем²² Е. Пильтц различает стиль Гарды и Кэллунги, характеризуя живопись Гарды как аристократичную, изысканную, сакральную, противопоставляя ей живопись Кэллунги, соединяющую в себе классическую основу с экспрессивной выразительностью, напоминающую автору мозаики Михаило-Златоверхого монастыря и фрески Мирожжа²³.

Выводы Е. Пильтц состоят из семи пунктов, согласно которым: 1) обе церкви были построены новгородскими купцами в 1150-х годах; 2) росписи Гарды

¹⁷ Piltz E. Zwei russische Kaufmannskirchen.. S. 370, 401–406.

¹⁸ Ibid. S. 372.

¹⁹ Ibid. S. 382–383.

²⁰ Ibid. S. 394, 400.

²¹ Ibid. S. 397–398.

²² Djuric V.J. La peinture murale byzantine: 12e et 13e siècle // Rapports et Co-Rapports du 15e Congrès International d'Etudes byzantines. Athen, 1976. P. 16–36.

²³ Piltz E. Zwei russische Kaufmannskirchen... S. 398.

и Кэллунги входят в группу северных русских (новгородско-псковских) памятников третьей четверти XII в., но исполнены в позднекомниновском стиле греческими мастерами; 3) возможно, одной артели, возглавляемой двумя художниками; 4) иконографическая схема росписей следует за программой церкви Георгия в Старой Ладоге и Спаса Преображения в Мирожском монастыре, орнаментальные мотивы в свою очередь восходят к мозаикам Софии Киевской и фрескам Старой Ладоги; 5) в основе живописной природы росписей очевидна принадлежность мастеров княжескому кругу, грекофильский характер которого во многом зависел от инициативы новгородского архиепископа, происходившего, как, например, Нифонт, из греков; 6) мученики в Гарде определяют либо как Косма и Дамиан, либо как Сергей и Вакх; 7) связанная с архитектурой храмов система росписи не имеет прямой зависимости от византийского канона²⁴.

Несмотря на расхождения в предпосылках и выводах, Е. Пильтц соединяет позиции И. Росваля, А. Арне и А. Грабара. Включая предмет в историческую среду, она тем самым значительно расширяет возможности его освоения.

Несколько новых и неожиданных аспектов в старую проблему вносит Е. Лагерлёф. Используя результаты дендрологических исследований, датирующие фрагменты древней деревянной кровли в Гарде около 1140 г., архитектор видит в этом факте основание для более ранней датировки первоначальной росписи храма, отодвигая время ее возникновения, по крайней мере на полстолетия назад²⁵.

И все же открытая Г. Гильдебрандом в 1907 г., подхваченная Д. Росвалем и Т. Арне, обращенная в иное русло и развитая современными византинистами тема готландских росписей, приблизившись к столетию своей истории, не претерпела значительных изменений. В аналитической ее сфере по-прежнему остаются новгородские росписи, с которыми, так или иначе, удаляясь или вновь приближаясь, исследователи связывают фрески Гарды и Кэллунги, справедливо объясняя это взаимодействие продолжительными и устойчивыми торгово-экономическими и культурными отношениями Новгорода и Готланда. И все же в историографии готландских росписей ставить точку еще рано. В ней не хватает русской страницы, когда, возможно, будут уточнены некоторые аспекты иконографии и стиля.

Останемся вначале на системе росписей двух храмов. Одна из первых реконструкций росписи в Гарде принадлежит Э. Олссону²⁶, несоответствия которой с архитектурой храма преодолены в эскизных схемах Е. Пильтц²⁷. И хотя последние также не лишены неточностей, вместе они дают представление о декоративной программе Гарды, являющейся, по-видимому, одним из источников формирования живописной системы в храмах Скандинавии и Северной Германии XII–XIII вв.

По сохранившимся остаткам росписи в Гарде с относительной степенью вероятности можно проследить четыре ее составных части. Первый, евангельский круг чтений, начинаясь на северной стене Рождеством Христа, после страстных сцен переходил на западную стену, к развернутой композиции Второго пришествия – “Страшного суда”, средоточием которой являлось изображение

²⁴ Ibid. S. 406.

²⁵ Lagerlöf E. Gotland och Byzanz: Byzantinskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. Ödins Förlag AB. 1999. S. 73, 160, 198–199.

²⁶ Söderberg B.G. Gotländska kalkmålningar 1200–1400. Uppsala, 1971. S. 35. Bild 2.

²⁷ Piltz E. Zwei russische Kaufmannskirchen... S. 392.

Христа во Славе с предстоящими ему апостолами. В верхнем регистре боковые стены, занятые полуфигурами пророков, располагалась церковь ветхозаветная. Тема мученичества как образ земной церкви была представлена образами и бранных святых и, кроме сохранившихся изображений мучеников на склоне арочного проема, продолжалась, возможно, в простенках под окнами.

Ключом этой живописной программы оказывается “Рождество Христа” с которого начинается один из древнейших календарных циклов в христианской церкви²⁸. Как отмечал И. Мансветов, полное приложение, в соответствии с принятыми уставными правилами, эта “система нашла в западной церкви, где календарный год начинался адвентом, т.е. несколькими неделями перед Рождеством Христовым...”, но в восточнохристианской церкви от этой системы сохранилось несколько разорванных звеньев, следы которых он видел и в современном уставе²⁹. Примеры следования ему, вероятно, были и в Новгороде, один из них – роспись Рождественского собора Антониева монастыря, где на северной стене, рядом с алтарем, располагалась грандиозная композиция с уцелевшими ныне фрагментарными изображениями конных волхов³⁰.

Ко времени создания росписи в Гарде эта система, по-видимому, уже была частью западноевропейской традиции, определявшей характер росписи в целом. “Страшный суд” на западной стене, декоративные обрамления и мраморирование на арочных сводах, оконных откосах, в цокольной части стен, другие подробности и детали демонстрируют лишь внешнее сходство с программами древнерусских храмов XI – второй половины XII в. и не имеют с ними внутреннего родства. Проблема состоит не только в различии архитектурной концепции крестово-купольных и базиликальных сооружений, но и в сущностном понимании живописного оформления храма. Если созданный в пространных восточнохристианского храма универсальный образ мира представлен системой росписи, согласованной с уставными нормами богослужения, вариации которой основываются на евангельско-патристических чтениях и, преобразовывая исходное, скорее подтверждают, чем отступают от общего правила, то живописная программа западноевропейского храма, несмотря на совпадения и повторения сюжетов и схем, прежде всего отражает условия заказа, требования донатора и владельцев приходов, вложивших свои средства в создание церкви. По этой причине функция даже вполне сохранившейся росписи в Западной церкви многообразна и соотношение ее элементов не всегда может быть понято тождественно. Исчезновение сведений об исторических обстоятельствах, повлиявших на создание той или иной программы, усугубляет их осмысление. Можно возразить, что содержание и организация нереципной росписи и современных ей ансамблей также во многом результат непосредственного участия ктитора в составлении живописной программы. Но если там волевое вмешательство носит частный характер и, касаясь патрональных сюжетов, не нарушает идейного единства росписи, порядок которой следовал уставным принципам службы, то особенность живописного оформления западноевропейского храма состоит в неповторимости его облика, как будто уклоняющегося твердого церковного правила.

В этом контексте типичная для западного храма композиция “Страшный суд” указывает не столько на зависимость ее от русских образцов и обязательное следование византийскому канону, сколько на создание собственного по-

²⁸ Мансветов И. Церковный устав (Типик): Его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 47–49.

²⁹ Там же. С. 49–50. См. также: Frere W.H. The Liturgical Gospel. L., 1913. P. 1–6.

³⁰ Карцер М.К. Древнерусская монументальная живопись XI–XIV вв. М.; Л., 1963. Илл. 46.

рядка, допускавшего более свободные вариации темы и независимые включения проповедального содержания в систему росписи с точки зрения уставного правила. В создаваемом таким образом пространстве особое значение имеет избрание патрональных святых, определявших атмосферу места, круг людей, для которых созданный художником мир был примером духовного испытания и в то же время служил для них духовным укрытием.

Один из вариантов этой системы находится в церкви в Кэллунге. Башенная часть храма представляет, вероятно, основной объем первоначального здания, прежде соединявшегося арочным проемом с алтарем, на месте которого в XV в. возник просторный наос³¹. Древний храм с возвышавшейся над низким западным притвором и небольшим алтарем центральной части представлял типичное явление своего времени в архитектуре Скандинавии и Северной Германии. Примерами подобных сооружений могут служить церкви в Норсунде и Сконеле в Упландии, облик одного из них запечатлен на рельефе XII в. в южной капелле в Пфаркирхе в Эрвитте³².

Сохранившиеся в среднем компартименте относительно крупные участки живописи позволяют сделать попытку ее реконструкции. На западной стене располагался “Страшный суд”; уцелели его фрагменты в северной части композиции, в верхнем регистре которого видны остатки апостольского чина, а над одним из восседающих апостолов – фигура ангела в лоратных одеяниях и его превосходно сохранившийся лик³³. В нижнем ряду различаются изображенные схематично грешники в аду.

На восточной стене, над аркой, служившей обрамлением царских дверей в древний алтарь, остался подготовительный рисунок святого в медальоне³⁴. Т. Мальмквист полагает, что здесь было три деисусных изображения. Но над аркой, в образованных разгранками углах может поместиться только два медальона³⁵, подобные которым располагаются над тем же арочным проходом, на стороне, обращенной к алтарю. В них изображены святители с хорошо различаемыми омофорами на плечах³⁶ (рис. 1).

Напротив “Страшного суда”, слева от арки, а не над ней, как на схеме Е. Пильтц, изображено “Несение креста” (рис. 2). Необычно большой для древнерусских памятников живописи крест хорошо известен в западных страстных циклах конца XII – начала XIII в. Особенно наглядно сравнение с миниатюрой из Служебника (ок. 1245 г.) в Хальберштадте³⁷. По мнению Е. Пильтц, справа от “Несения”, на противоположной стороне арки, располагалось “Рас-

³¹ О первоначальной структуре храма, периодах его перестроек см.: *Roosval J.* Die Kirchen Gotlands. S. 98. Taf. 42; *Hegardt H.* Källunge kyrka // *Sveriges kyrkor.* Gotland. Stockholm, 1935. Band. II. S. 207–228; *Svanström G.* Källunge kyrka, en vägledning. Visby, 1975; *Lagerlöf E.* Gotland och Byzanz... S. 78. О башенных и круглых храмах-крепостях в Скандинавии см.: *Hildebrant H.* Rundkyrkorna i Sverige // *Svenska Fornminnesföreningens tidskrift.* Bandet Å. Stockholm, 1891–1893. S. 239–269; *Frölen H.F.* Nordens befästa rundkyrkor. Stockholm, 1911; *Andersson A.* The Art of Scandinavia. L., 1980. Vol. 2. P. 141.

³² *Thümmeler H.* Die Soest-Erwitte romanische Bildhauer-Werstatt und ihre Ausstrahlung nach Schonen // *Konsthistorisk Tidskrift.* Stockholm, 1971. XL. S. 71. Abb. 7.

³³ *Lagerlöf E.* Gotland och Byzanz... S. 82–83. Fig. 64.

³⁴ По схеме Е. Пильтц – это один из четырех евангелистов: *Piltz E.* Zwei russische Kaufmannskirchen... S. 392.

³⁵ См. схему Е. Пильтц.

³⁶ *Lagerlöf E.* Gotland och Byzanz... S. 79. Fig. 59 а. Е. Пильтц полагает, что в медальонах над аркой были изображены евангелисты, но, как видно, это предположение не подтверждается иконографически: *Piltz E.* Zwei russische Kaufmannskirchen... S. 382, 392. Fig. 32.

³⁷ *Hinz P.* Gegenwärtige Vergangenheit: Dom und Domschatz zu Halberstadt. B., 1971. S. 226–228.

пятие”, завершавшее страстной цикл. Возможно, он занимал всю верхнюю зону северной, западной и южной стен. Однако за исключением “Несения креста”, живопись в этом регистре утрачена, и предположение о существовании развращенного евангельского повествования основывается на примере одной композиции.

Следующий, нижний регистр росписи Кэллунги отведен истории мученика св. Феодора, хотя в историографии принято связывать эти фрагменты с другими сюжетами. Считается, что в нижнем регистре, слева от арки, изображены волхвы, справа – дракон, попираемый св. Георгием, от которого остались превозмозжно нарисованные ноги и нижняя часть одежд³⁸. Только А. Катлер отметил, что для подобной композиции необычно изображение пешего воина, но и он не задержал внимания на этой подробности³⁹. Между тем в кольцах змеиного тела отчетливо видна заключенная в них женская фигура, и все эти выразительные детали: пеший воин, погруженный в воду, обволакивающий жертву драконом, бесспорно свидетельствуют о чуде св. Феодора со змием (рис. 3а). Близкий готландской сцене иконографический вариант находится на одном из резных клейм Людогощинского креста, 1359 г., где, как и в Кэллунге, кроме наступающего на дракона воина, видна обвиваемая змеем женская фигура⁴⁰. Изображения чудовищных драконов были широко распространены в позднероманской и готической каменной пластике⁴¹, но в случае с готландским фрагментом особенно убедительно сравнение с медальоном из орнаментального фриза в церкви Богоматери (ок. 1200 г.) в Хальберштадте⁴² (рис. 3б).

Сюжетная последовательность чуда состоит из нескольких событий, отличающих историю о битве Феодора с драконом от других подобных повествований о борьбе со змием. Мать Феодора, пытаясь напоить коня своего сына, отправилась к водопою, где была похищена драконом, завладевшим колодецем, позволявшим пользоваться водой только в обмен на человеческую жертву. Преодолев с помощью молитвы все препятствия, Феодор убил змея, освободил мать и вернул людям колодец, за что на Руси получил прозвище “колодезник”. Но этим названием в русском месяцеслове объединены двое святых воинов-змееборцев – новобранец Феодор Тирон и полководец Феодор Стратилат (IV в.). Оба жители Малой Азии, граждане города Евхайты, оба победили дракона и, по выражению А.И. Анисимова и П.П. Муратова, как близнецы-братья они сопутствуют друг другу через все легендарные повествования, сотканые как будто “из тех же нитей и по тому же узору”⁴³. Вместе с тем Феодор Тирон, по мнению исследователей, старше и реальнее своего знатного соименника, сказание о котором лишь незначительно измененный пересказ жития Тирона, литературная продукция средневековых сочинителей⁴⁴. В русской агиографии чудо св. Феодора о змие не имеет обязательного именного определения. В одних случаях (Тор

³⁸ *Hegardt H. Källunge... S. 207–228; Cutler A. Garda, Källunge... P. 261–262; Piltz E. Zwei russisch Kaufmannskirchen... S. 392. Fig. 32; Malmquist T. Byzantine Wall-Painting in Sweden. P. 234, 236.*

³⁹ *Cutler A. Garda, Källunge... P. 262.*

⁴⁰ *Лазарев В.Н. Памятник новгородской деревянной резьбы XIV в. (Людогощинский крест) // Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. М., 1978. С. 188–189, 193.*

⁴¹ *Ювалова Е.П. Немецкая скульптура 1200–1270. М., 1983. Ил. 20, 233, 266, 267.*

⁴² Там же. Ил. 7, 216.

⁴³ *Анисимов А.И., Муратов П.П. Новгородская икона св. Феодора Стратилата. М., 1916. С. 20–21. См. также: Мавродинова Л. Св. Теодор – развитие и особенности на иконографическом типе в средневековом живописи // Известия на Института за изкуствознание. София, 1969. Т. 13. С. 33–52.*

⁴⁴ *Анисимов А.И., Муратов П.П. Новгородская икона св. Феодора Стратилата. С. 20–21.*

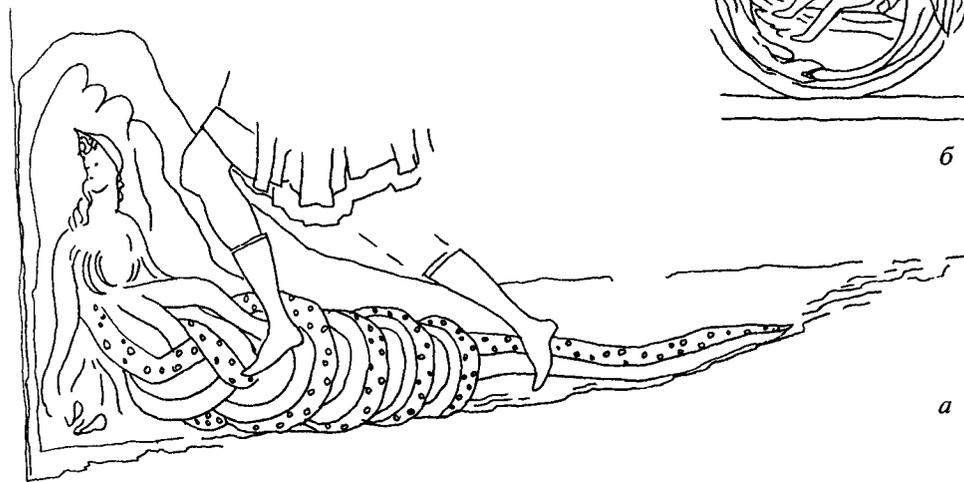

Рис. 3а. Чудо св. Феодора со змием. Кэллунга. Фрагмент росписи на восточной стене старого храма. Конец XII в. прорись

Рис. 3б. Фрагмент орнаментального фриза на южной стороне хора в церкви Богоматери в Хальберштадте. Ок. 1200 г. прорись

жественник начала XVI в.) оно относится к Феодору Тирону, в других (Сборник XVII в., духовные стихи и пр.) – Феодору Стратилату⁴⁵.

Особенности бытования объединенного образа двух святых воинов показывают, что вопрос о разделении Феодоров не принципиален. И, как следует из письменных источников и иконографии, он не был принципиален для создателей сказаний о св. Феодоре и для многих крещенных его именем людей. В данном случае важнее выяснить, кто изображен в готландской церкви: Георгий или Феодор-змееборец.

Решение этого вопроса во многом зависит от определения композиции напротив, представляющей скорее всего еще один эпизод из жития Феодора. Он не встречается в греческих источниках, но хорошо известен в памятниках древнерусской литературы и служит надежным аргументом для определения двух сюжетов, располагающихся по сторонам арочного прохода⁴⁶. Битве с драконом,

⁴⁵ Пыпин А.Н. Ложные и отреченные книги русской старины: Житие св. Феодора Тирона // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 143–145; Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. С. 93–99; Веселовский А.И. Разыскания в области русских духовных стихов. I. Греческий апокриф о св. Феодоре // Сб. ОРЯС. СПб., 1879. Т. 20. № 6. С. 1–11; Он же. Разыскания в области русских духовных стихов. СПб., 1880. С. 5–7, 50.

⁴⁶ Пыпин А.Н. Ложные и отреченные книги русской старины... С. 143–145; Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. С. 93–99; Веселовский А.И. Разыскания в области русских духовных стихов... С. 1–11; Он же. Разыскания в области русских духовных стихов. С. 5–7, 50.

освобождению матери из плена и возвращению колодца в русском апокрифе предшествует чудо обретения горной пещеры, на поиски которой властелин сарийской провинции отправил Феодора. После долгих странствий святой обнаружил пещеру, где скрывалось 100 сарацинов, примерно столько же их жен и детей и еще один сарацин, оскорбивший правителя. Все они были захвачены Феодором, а затем проданы в рабство или казнены⁴⁷.

Именно это событие (рис. 2), а не путешествие волхвов изображено в церкви Кэллунги. Два конных воина, Феодор и царь, одетые в украшенные орнаментальными каймами корзны (очень похожие на царственные одеяния пророков-воинов в Старой Ладогге), вместе отправляются на поиски царского обидчика. Всадники приближаются к горе, в пещере которой видны люди с детьми. Это явно не Вифлеемская пещера, а недопустимое отсутствие третьего волхва, которому не остается места в отведенном пространстве, позволяет найти объяснение двух сюжетов в нижнем регистре, по двум сторонам арки.

Здесь скорее всего представлены известные по русским письменным источникам два чуда из жития св. Феодора. Не исключено, что повествование продолжалось на прилегающих стенах, но монументальный, обобщающий характер композиций, их направление друг к другу скорее исключают подобное предположение. Избранные сюжеты, по-видимому, должны были сосредоточить внимание на подвигах, символизировавших уничтожение язычества. Для скандинавских и в особенности готландских храмов XII в. эта тема была особенно актуальна в период становления христианства, утверждения государственной религии. Как и на Руси, продвижение новой веры было обусловлено воинским служением князя и его дружины.

Греческие жития Феодора Тирона и следующие за ними жития Феодора Стратилата, как правило, не знают чуда о победе над драконом⁴⁸, не упоминают о нем и Слово Григория Нисского на день святого⁴⁹. Чудо Феодора Тирона и Стратилата о змее – довольно позднее ответвление от начального повествования. Вместе с тем совершенный подвиг как знак победы над языческим драконом известен на Руси, где уже с первых шагов христианства Феодор становится покровителем воинов и одним из самых популярных святых⁵⁰. Почитание Феодора-воина совпадает с возвышением династии старших Мономаховичей. Святой Владимира Мономаха Мстислав, вначале новгородский, а затем великий киевский князь был крещен именем Феодора Тирона, и с тех пор этот святой сопровождал сыновей, внуков и правнуков Мстислава.

Хронология Феодоров, княжеских покровителей, полно представлена в памятниках новгородской и владимирской сфрагистики⁵¹. Но в сравнении с готландскими росписями особое значение имеют печати Ярослава Всеволодовича (1215–1236) и его сына Александра Ярославича Невского (1236–1263), где изображен убивающий дракона, спешившийся воин Феодор Стратилат или Т

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Анисимов А.И., Муратов П.П. Новгородская икона св. Феодора Стратилата. С. 9–21.

⁴⁹ Творения святого Григория Нисского // Творения святых отцов в русском переводе. М., 1871. Т. 45. С. 199–213.

⁵⁰ Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. Заметки. С. 48–49.

⁵¹ Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. № 203–206, 212, 232. С. 206–208, 232. Табл. 18, 19, 21, 61, 62, 64; Т. 2. № 368, 369, 374–378. С. 156–157. Табл. 1–11, 45–48; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Средневековые русские печати X–XV вв. М., 1998. Т. 3. Печати найденные в 1970–1996 гг. С. 162–163. № 374–378. Табл. 18, 19, 122–127.

рон⁵². Не исключено, что в конце XII – начале XIII в. образ св. Феодора-змееборца, унаследованный новгородскими и владимирскими князьями от старшего сына Владимира Мономаха, определяет момент политических отношений между Новгородом и Готландом, складывавшихся по-разному и не всегда мирно. Одним из самых благоприятных факторов их улучшения оказался заключенный князем Ярославом Владимировичем в 1191–1192 гг. мирный договор с Готским берегом и немецкими городами⁵³. О возобновлении и дальнейшем развитии русско-скандинавских отношений свидетельствует под 1201 г. Новгородская первая летопись: “А на осень приидоша варязи горою на мир и да им мир по всей воли своей”⁵⁴. В последовательности этих событий, очевидно, должно находиться и возобновление “заморскими” купцами церкви Параскевы на Торгу в 1207 г.⁵⁵

Изображение сцен из жития св. Феодора в одной из готландских церквей могло быть знаком уважения и признания культа почитаемого на Руси святого, а избранные житийные сюжеты могли быть подсказаны торговавшими на Готланде русскими купцами, возможно, знавшими фрески подобного содержания в новгородских храмах. Подобная роспись могла быть и в церкви Феодора Тирона с приделом Феодора Стратилата, построенной неким Воигостем (или, как в Новгородской четвертой летописи по списку Н.К. Никольского, Вой гостем) между Щирковой и Розважей улиц в 1115–1116 гг.⁵⁶, вероятно, одним из торговавших за морем новгородцев. Не исключено, что это была первая новгородская купеческая постройка. Она предшествовала церкви Бориса и Глеба, сооруженной “во граде” в 1146 г.⁵⁷ и перестроенной Сотко Сытинычем в 1168 г.⁵⁸ Почитание воина-мученика отразилось и при создании церкви Спаса Преображения на Нередице, заложеной 8 июня 1198 г., на память св. Феодора⁵⁹. День скорее всего был выбран не случайно. Заказчик храма князь Ярослав Владимирович, последний из рода старших Мономаховичей, подчеркивая глубину корней и неизбежность родственного древа, демонстрируя свою причастность к нему, закладывал тем самым и общественную традицию почитания образа св. Феодора. В церкви Спаса он был изображен среди других воинов на южной стене, на одном из самых видных и почетных мест, напротив изображений преподобных Саввы, Антония и других святых отцов, создателей церковного устава⁶⁰.

Житийный цикл св. Феодора в росписи Кэллунги может быть рассмотрен как начало насаждения его культа на Готланде, связавшего два берега почитанием одного христианского святого. Между тем изображение св. Феодора в гот-

⁵² Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 18–20, 23, 24, 156–158. № 368, 369, 374–378. Табл. 1–4, 45–48; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Средневековые русские печати... № 374–378. Табл. 18, 19, 122, 127.

⁵³ Новое обоснование этого договора: Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 43–48. См. обширную библиографию по этому вопросу там же; Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 81. № 1.

⁵⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 45, 240. (Далее: НПЛ).

⁵⁵ НПЛ. С. 50, 247.

⁵⁶ НПЛ. С. 20, 204; ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 142; Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 584; Т. 30. М., 1965. С. 170; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 188.

⁵⁷ НПЛ. С. 27, 213–214.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 4. Л., 1929. Ч. 1. Вып. 3. С. 588.

⁵⁹ НПЛ. С. 44, 238; ПСРЛ. Т. 30. С. 178; Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 192–197.

⁶⁰ Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925. Илл. LI, 1; Табл. IV, 1; V, 1–20.

ландском храме не случайно и по другой причине. В русских прологах XIII в. известны имена варягов, мучеников Феодора и его сына Иоанна (983 г.)⁶¹, христианские имена которых, как видно, также имели отношение к знаменитым византийским святым. В этом случае федоровская тема в Кэллунге приобретала двустороннюю связь, демонстрируя взаимную причастность сторон к культу согласно избранных христианских святых.

В живописной программе Кэллунги, можно видеть три составные части универсальной системы мира: страстной христологический цикл, сцены из жизни св. Феодора и “Страшный суд”. Земную сферу олицетворяют в ней подвиги св. Феодора. Они – ступень преодоления времени, пример духовной готовности к иному бытию. Преодолевая ее порог через мучения, человек входит в вечную жизнь с Богом и, сопереживая крестным страданиям Христа, предопределяет свое спасение во Втором пришествии. Изображение “Страшного суда”, занимавшего все пространство западной стены, знаменовало конец природного мира, на смену которому является мир вечный, Царство Горнего Иерусалима.

Вместе с тем живопись Готландского храма, ее необычный, уходящий от традиционной системы порядок, свидетельствует о зависимости его от неканонических богослужебных чтений, возможно, бытовавших в то время в устном варианте. Выходя тем самым за пределы уставного литургического действа, роспись как часть самостоятельного гомилетического творчества становится иллюстрированной проповедью, поучением, в содержании которого осознается определенный исторический момент, возникший в цепи обусловивших его событий.

К ним, вероятно, относится западная политика новгородского князя Ярослава Владимировича. Мирный договор с Готским берегом должен был способствовать расширению и развитию культурных связей между сторонами. Тем самым предполагаемое участие русских мастеров в создании церковных сооружений на Готланде, украшение их росписями и другими произведениями искусства не кажется надуманным умозаключением, и хотя этот вывод не означает, что русские на Готланде были единственной творческой силой в конце XII – первой половине XIII в., все же нельзя не признать, что искусство Скандинавии и Готланд в этот период времени находилось ближе к русской культуре, служившем одним из важнейших и прямых его источников. Это, возможно, несколько прямолинейное утверждение не исключает других культурных сил, обусловивших стилистическое своеобразие готландских росписей. Но, находясь над перекрестным влиянием византийской, русской и западноевропейской художественных традиций, росписи Гарды и Кэллунги демонстрируют разные творческие почерки и могут быть рассмотрены как отправные точки двух течений в скандинавском искусстве конца XII – первой половины XIII в.

Уцелевшие фрагменты росписи в церкви Кэллунги свидетельствуют о высоком мастерстве художника, вместе со своими современниками положившего начало широкого стилистического направления. Оно дало те живые побегии скандинавской культуре, которые предопределили ее путь вплоть до провинциальных творений позднего готического маньеризма, особенно ярко проявившегося в творчестве Альбертуса Пиктора, плодовитого художника XV в.⁶²

Живописец Кэллунги прошел основательную византийскую школу. Навыки ее он мог усвоить в Новгороде или скорее в Старой Ладогге. Многие исследователи видели в росписи церкви Георгия ключ, раскрывающий византийскую при-

⁶¹ *Сергий, архим.* Полный месяцеслов... С. 184.

⁶² *Nilsen A.* Program och funktion i senmedeltida kalkmåleri. Uppsala, 1986.

роду росписи Кэллунги. Наиболее пристальное внимание на сходство орнаментальных декораций, моделирования ликов, деталей рисунка обратил А. Катлер⁶³. Продолжая наблюдения исследователя, можно отметить общее в композиционной структуре отдельных сцен, в изображении легких, падающих пышными каскадами тканей, в орнаментальных украшениях одежд (рис. 4) и линейном рисунке ликов. Полуфигурное изображение воина на южном склоне арки в Кэллунге подтверждает справедливость проводимых сравнений. Сквозь сетку поздних процарапанных надписей здесь отчетливо видны тонкие света на лбу, на скулах, легкие очертания которых близки моделировке староларожских ликов (рис. 5). Убедительно сравнение с изображением святителя Анфима, медальон которого обрамлен такими же пальметтами, а маленькая, манерно повисшая рука написана с изяществом⁶⁴, свойственным также и мастеру Кэллунги. Источник узнаваем и в украшенной орнаментом трехлопастной арке, в обрамление которой включаются не только фигуры святых, но и целые композиции: в Старой Ладогe – “Страшный суд”, в Кэллунге – “Несение креста”⁶⁵.

Вместе с тем готландский мастер работает в более экспрессивной манере. Несколько иной графической системе подчиняется его рисунок, уходящий от общего византийского правила и от единичных староларожских образцов. Усвоив комниновский тип моделировки ликов, мастер Кэллунги отказывается от стилизованной линии в изображении одежд и тел. Пластичные рельефы объемных тел, сложные ракурсы, мускулистые ноги, острые, структурно нарисованные колени, энергичные, выразительные жесты составляют новый “алфавит” мастера, в котором на смену прежним овалам и параболам приходит линия, легко повторяющая движение живого тела, выступающая пластическим инструментом мастера. В эластичных изгибах и плавных поворотах она выстраивает, “лепит” рельеф, заменяя собой резец скульптора.

Здесь мы впервые встречаемся с признаками нового стиля, зарождение которого происходит в середине XII в. В. Келер определял его появление двумя идеями – иной артикуляцией тела и одушевлением фигуры – принесенными византийской волной из Северной Франции, где и была заложена корневая основа готического искусства⁶⁶. Это искусство оказывало захватывающее воздействие на современников, уходивших от скованности византийской схемы, материализованной теперь в антропоморфных формах, эмоционально подчеркнутой активности земных существ. Эти мастера «не удовлетворялись простыми заимствованиями из “образительного словаря византийского искусства”, правилами его синтаксиса, но проникали глубже, уходя к самым эллинистическим корням этого искусства»⁶⁷, в то время как в самой Византии встреча Востока и Запада выразилась в маньеризме линейных форм, излишне взволнованном образом переживания⁶⁸.

Вместе с тем немецкая и зависимая от нее скандинавская живопись воспринимают идущие из Европы импульсы по-своему. Опасаясь новых веяний, они больше склоняются к еще не вполне освоенным ими канонам византий-

⁶³ Cutler A. Garga, Källunge... P. 262; Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М., 1973. Рис. 211–213.

⁶⁴ Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески... Рис. 210.

⁶⁵ Там же. Рис. 214–215.

⁶⁶ Koehler W. Byzantine Art in the West // DOP. 1941. Vol. 1. P. 82–87. См. об этом подробно: Demus O. Byzantine Art and the West. P. 163–204; Ювалова Е.П. Становление готики во Франции. СПб., 2000.

⁶⁷ Demus O. Byzantine Art and the West. P. 163.

⁶⁸ Ibid. P. 191.

ской линейной графики, остающейся основой весьма своеобразного явления живописи северных провинций, где византийское медленно и неспешно вытекло собственно Византию. Кроме известных иллюминированных рукописей конца XII – первой трети XIII в.: Бранденбургского Евангелия, Служебника аббата Вертольда⁶⁹, Антифонария из университетской библиотеки в Праге, аналогии этому искусству находятся в памятниках монументальной живописи Дании, Северной Германии и Англии, всегда имевших тесные связи с Голландом⁷¹.

Изображения святых воинов в рост на склонах западной арки в церкви Кэллунги, их позы, одежды, маленькие, слегка изогнутые кисти рук, тонкие щиколотки и узкие, удлиненные ступни выдают еще один источник этого искусства, восходящего к северогерманским образцам. Среди сохранившихся памятников этой живописи – фрагмент росписи в апсиде церкви (ок. 1230 г.) в Бухе, близ Тангемюнде⁷², недавно открытая роспись в апсиде деревенской церкви в Притциене близ Магдебурга⁷³, убеждающие в возможности более интенсивных и широким контактам между странами Северного моря и Балтики. В апсиде храма Притциене изображена обычная для западного храма деисусная композиция, центральной фигурой Спасителя, восседающего на радуге в тетраморфе. Голова Христа, измельченная линейная разделка лика и волос, легкие очертания глаз, носа стилистически кажутся более органичными росписи в Кэллунге, чем как будто бы переместившиеся из Старой Ладogi комниновские лики ангела и воина. Роспись в Кэллунге находит общие черты с миниатюрами хальберштадского служебника, где, кроме иконографических совпадений, особенно существенно сходство классического рисунка, пластическая основа которого как будто умеренно скрывается под византинизирующей оболочкой одежд. Но контуры поз, свободная, пластическая линия, сложные, замысловатые драпировки, характерные элементы костюма (короткие, заткнутые за пояс туники, расширенные узорной тесьмой облегающие панталоны) находятся в сфере единых традиций, в круг которых входит группа саксонских произведений первой половины XIII в.: Госларское Евангелие, Книга образцов из Вольфенбютеля, роспись по толку в церкви Архангела Михаила в Гильдесгейме, фрески в церкви Богоматери в Нойенбекене и собора в Брунsvике⁷⁴.

В этом широком и бурном море взаимодействий и влияний место Кэллунги кажется, находится где-то в середине “Фрейбургского листа”. В верхней части его изображены Христос, беседующий с Закхеем, и присутствующий при этом апостол Петр, внизу – два конных всадника с королевскими диадемами на головах⁷⁵. Роспись Кэллунги условно могла бы расположиться между этих композиций, заняв позицию между чисто византийским изображением вверху и рисунком немецкого мастера внизу, демонстрируя усвоение двух стилей с предпочтением

⁶⁹ Ibid. P. 196, 197.

⁷⁰ Kvet J. L'antiphonaire de Sedlec de la Bibliothèque de l'Université de Prague // L'art Byzantin chez les slaves. P., 1922. Fig. 161.

⁷¹ Andersson A. The Art of Scandinavia. P. 241–266; Wandmalerei in Mecklenburg. Rostok, 1922; Tristram E.W. English Medieval Wall Painting. L., 1950; Klüge D. Neuentdeckte Wandmalerei des 12. bis 17. Jahrhunderts in Westfalen. Westfalen, 1953.

⁷² Nickel H. Mittelalterliche Wandmalerei in der DDR. Leipzig, 1979. S. 52, 243. Abb. 29.

⁷³ Ibid. S. 40, 50–51, 268–269. Abb. 19–23.

⁷⁴ Demus O. Byzantine Art and the West. P. 201–204. Fig. 224–227; Idem. Romanesque Murals. P. 140–151, 614–617. Fig. 55. Pl. 269–272.

⁷⁵ Weitzmann K. Icon Painting in the Crusader // DOP. 1966. Vol. 20. Fig. 62–65; Demus O. Byzantine Art and the West. P. 32, 35–36. Fig. 36, 38.

нием византийской тенденции⁷⁶. Эта гипотетическая параллель любопытна как наглядный пример возможного проникновения внешних влияний в скандинавскую культуру, воплощенного в живописи Кэллунги соединением новых живописных тенденций с византийской основой.

Происхождение всадников на Фрейбургском листе генетически связано с сирийскими иконами святых воинов, ставшими свидетелями рождения воинского культа в христианском искусстве⁷⁷. В древнерусском изобразительном искусстве, кроме знаменитой фрески в Старой Ладогe, к этому кругу принадлежат изображения конных всадников на каменных рельефах Дмитриевского собора во Владимире⁷⁸, изображения Феодора Тирона на печатях Мстислава Мстиславича Удатного (1210–1218)⁷⁹, Ярослава Всеволодовича и Александра Невского и неопределенных князей⁸⁰.

В этом ряду сравнений особого внимания заслуживают владимирские буллы Ярослава Всеволодовича № 368, 369, 374–378⁸¹. Скульптурный объем, легкая, анатомически точная пластика тела, мощное движение, направленное из глубины мыслимого и изображаемого пространства демонстрируют в этих миниатюрных рельефах стиль, в светской куртуазности которого дает о себе знать рыцарская культура западного мира. Характер одежд (облегающие панталоны, расшитые узкими узорными лентами, короткие туники, широкие плащи, остроносые сапоги) также соответствует моде своего времени, воинственные настроения которого отразились в блеске рыцарских облачений, достойных человека, посвятившего свою жизнь духовному подвигу.

В Скандинавию этот дух был занесен из Палестинского королевства орденом св. Иоанна Иерусалимского, насаждавшего свою организацию и идеологию в Южной Швеции⁸². Согласно церковной юрисдикции, Готланд и, следовательно, церкви в Гарде и Кэллунге при епископе Вильгельме (1160–1208) входили в диоцез Линчепинга⁸³. Именно там, в области Эскильтуна и Линчепинга сохранилось несколько церквей, с росписями которых живопись Кэллунги обнаруживает внутреннее родство. Речь идет о росписях, обнаруженных лишь в 1960-х годах в храмах Вэ, Торпе, Форнозе, Каге. Все они, за исключением росписи в апсиде церкви Вэ, скрыты поздними сводами и, оказавшись на чердаках, трудно доступны или вовсе недоступны для изучения. Фрагменты их частично изданы А. Андерссоном, но в силу необычных условий местонахождения, публикации фресок ограничиваются эскизными описаниями стиля, процветавшего в конце XII – начале XIII в., в правление Вальдемара Великого⁸⁴.

Между тем опубликованные А. Андерссоном черно-белые изображения бытийных и евангельских сцен в Торпе позволяют убедиться в византийской

⁷⁶ *Weitzmann K.* Zur byzantinischen Quelle des Wolfenbüttler Musterbuches // Late Classical and Medieval Studies in Honor of A.M. Friend Princeton, 1955; *Idem.* Iconpainting in the Crusader Kingdom // DOP. 1966. Vol. 20.

⁷⁷ *Demus O.* Byzantine Art and the West. P. 36. Fig. 38.

⁷⁸ *Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси. XII век: Владимир, Боголюбово. М., 1969. Илл. 152, 174, 175, 178, 179, 187, 224, 225, 239, 259, 268, 274–277.

⁷⁹ *Янин В.Л.* Актовые печати... Т. 1, 112–114, 120, 206–207. № 203–206.

⁸⁰ Там же. С. 213. № 243.

⁸¹ *Лухачев Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды Музея палеографии. Л., 1928. Т. 1. С. 12–19. Рис. 6, 7, 9, 44.

⁸² *Andersson A.* Romanska målnigar i Torpa kyrca i Rekarne // Proxima Thule: Sverige och Europa under fortid och medeltid. Stockholm, 1962.

⁸³ *Piltz E.* Zwei russische Kaufmannskirchen...; *Andersson A.* Romanska målnigar i Torpa kyrca i Rekarne. S. 209.

⁸⁴ *Andersson A.* The Arth of Scandinavia. P. 266–276.

ориентации художника⁸⁵. Приемы линейного построения формы, хорошо видные на ликах характерные разделки носа, лба и скул близки приемам мастеров Кэллунги. В церкви Форнозы на восточной стене и над аркой сакристии уцелели фрагменты светлой живописи, исполненной розовой, голубовато-зеленой, желтой, коричневой и белой красками⁸⁶, в ее изысканном рисунке так очевидно сходство с росписью в Кэллунге. Усиление экспрессивной выразительности образа наблюдается в живописи церкви в Каге, созданной во второй четверти XIII в.⁸⁷

Роспись Кэллунги определяет начало и характер этого стилистического течения, в тугом сплаве которого слились элементы византийской, скандинавской и новгородской традиций, предопределившие основы заложенной в этом русле эстетики. Явные и скрытые цитаты, заимствования и повторения лишают это искусство самобытности, и последующие его интерпретации свидетельствуют о его исторической востребованности, подтвержденной дальнейшим ходом скандинавской монументальной живописи.

Еще один пример освоения опыта новгородской монументальной живописи можно видеть в церкви Гарды. Упомянутый мирный договор с Готским королевством и здесь, по-видимому, способствовал ознакомлению скандинавского художника с новгородскими памятниками и прежде всего с расписанной в течение лета 1199 г. церковью Спаса на Нередице, ктитором которой был Ярослав Владимирович. В последовательности вероятных, объединенных одной инициативой исторических событий и фактов, в их взаимообусловленности может быть найдено мотивированное обоснование времени создания и определения стилистических черт живописи в Гарде.

Допуская возможность посещения Новгорода готландским художником, обратим внимание на небольшой, но красноречивый штрих, собирающий в себе как в фокусе, сумму доказательств. Речь идет об орнаменте, элементы которого редко встречаются в системе византийской декорации. На фоне бесконечного разнообразия кринообразных мотивов этот небольшой, включенный в простой раппорт ромбовидных обрамлений многоконечный крестик, украшающий откос южного портала в церкви в Гарде⁸⁸ (рис. 6), обнаруживается еще в орнаменте диаконника в церкви Благовещения на Мячине, расписанной в 1189 г.⁸⁹ И хотя живопись этого новгородского храма стилистически находится на более отдаленном расстоянии от готландских росписей, все же очевидно, что скромный крестообразный узор остался в памяти скандинавского художника, повторившего его в своей церкви.

Но основное влияние на иноземного мастера, посетившего Новгород в первые десятилетия XIII в., оказала нередицкая роспись. Изображения на склонах арки, сохранившиеся почти без утрат, доносят отчетливое эхо перенятых впечатлений. Как и в Нередице, крупные, широкоплечие фигуры мучеников, обрамленные грузными гирляндами орнаментов, пребывая в высокозамкнутом мире, создают строгий, героический образ, исполненный сознанием смертного соединения со Христом и продолжения жизни в неземном бытии. П

⁸⁵ Andersson A. Romanska målnigar i Torpa kyrca i Rekarne. Pl. 1–5.

⁸⁶ Andersson A. The Art of Scandinavia. P. 278–280. Fig. 100; Tuulse A. Skandinawia Romańska. Zabytki architektury i sztuki Danii, Norwegii i Swecji. Warszawa, 1970. Tabl. 216.

⁸⁷ Andersson A. The Art of Scandinavia. P. 280–281. Fig. 101; Tuulse A. Skandinawia Romańska. Tabl. 217, 218.

⁸⁸ Lagerlöf E. Gotland och Byzanz... S. 78. Fig. 58.

⁸⁹ НПЛ. С. 49, 230; Царевская Т.Ю. Фрески церкви Благовещения на Мячине (в Аркажане). СПб., 1999. Рис. 70.

добное состояние, вероятно, пронизывало всю роспись Гарды, о чем можно судить даже по небольшим уцелевшим фрагментам. Трубящий ангел и восседающие апостолы в “Страшном суде”, крестчатый нимб Христа на южной стене полны духовной силы, величие которой отзывается и в малых частях целого.

Кроме образного родства роспись Гарды объединяют с нередицкими фресками технические приемы, специфический характер которых обнаруживает и подтверждает эту связь, убеждая в старательном освоении новгородской школы скандинавским учеником. Живописец виртуозно воспроизвел приемы большой фрески и, совершив почти невозможное, повторил средствами *al secco* систему многослойной живописи, быстрого письма по сырому грунту.

В три слоя моделированы лики, подмалевком которых служит в одном случае темно-коричневый грунт (мученик на северном склоне) (рис. 7) и темно-вишневый – в другом (мученик на южном склоне)⁹⁰ (рис. 8). Эту, типичную для фресковой живописи подготовительную основу, подгрунтовку, видимую везде, в просветах волос, за ушами, вокруг глаз, на шее, все исследователи принимают за отсутствующий здесь внешний контур. Следующий слой живописи пройден светлой охрой, сероватый оттенок которой придает темная карнация⁹¹. Моделировка ликов завершается светлой, мягкой и близкой по тону разделкой и румянами, положенными легкими штрихами на одной щеке. Но один из наиболее ответственных элементов живописи, руки, написаны по-нередицки. По единому пятну светлой охры, соответствующему очертанию ладони, энергично положены мазки белилами. Они формируют структуру пальцев, ладони. Именно так, без предварительной проработки и завершающего контура написаны руки святых жен в диаконнике нередицкого храма. Сравнивая этот прием с изображением рук в Старой Ладоге, в живописи которой линия, контур играют решающую роль, можно убедиться, что стихией мастера Гарды является широкий мазок, пятно. Избегая линейного моделирования, он твердо следует правилам нередицкой живописи.

Роспись Гарды, как и Нередицы, исполнена мягкой кистью. Широкий мазок поглощает линию и видоизменяется в пятно, выступает главным формообразующим элементом. Верхний слой на ликах гардских мучеников лежит легким, прозрачным покровом, ничем не напоминая рисунок Старой Ладоги. В этом заключено особое свойство живописи в Гарде, преодолевающей не только линейную схему фресок в Георгиевской церкви, но и пастозную рельефность, грубоватую, порой неумелую пластику Нередицы. На смену рисунку, выявляющему конструкцию тела, структуру объемов в росписи Гарды пришла мелкая сеть длинных почти параллельных линий, под покровом которых форма превращается в монолитный, скульптурный рельеф. Подобное усиление пластического начала вместе с освоением пространственной глубины происходит прежде всего в натуральной природе скульптуры, ярко воплотившись в донаторских портретах Наумбурга, в скульптуре Амьенского собора, выступая главной чертой искусства XIII в.⁹² Внутри этого процесса находят свое место и произведения монументальной живописи, представляя стилистически замкнутый круг произведений.

Пластический покой объемной формы, прочерченной вертикальными линиями, является основной категорией этого направления. Ею определяется це-

⁹⁰ Lagerlöf E. Gotland och Byzanz... S. 73–76. Fig. 52–55.

⁹¹ Похоже написаны лики и в Благовещенской церкви на Мячине: Царевская Т.Ю. Фрески церкви Благовещения... Рис. 13, 16–18, 21–25.

⁹² Demus O. Byzantine Art and the West. P. 194, 213–216.

лостность стилистического процесса, в котором живопись Гарды очерчивает свой периферийный круг, включая в него и рельефы многих скандинавских каменных купелей. С графикой некоторых из них роспись Гарды сравнивал когда-то еще Д. Росваль. Одна из таких купелей находится в самой Гарде. Д. Росваль и вслед за ним А. Андерссон считали ее произведением мастера, хорошо знакомого с навыками византийского искусства⁹³. Ангел, символ евангелиста Матфея, отправляющий службу священник и другие изображения выполнены в нишевом рельефе, детали которого прочерчены тонкими, частыми линиями. Вместе с купелями церкви Атлинбо, Кэллунги эти рельефы составляют единый фонд созданный разными по виду, но стилистически близкими произведениями, что дает основание видеть в росписи Гарды не единичный, выходящий из общего ряда образец, но закономерное явление искусства раннего XIII в.

Принадлежность его своему времени особенно ярко проявляется в изображении лика, не имеющего прямых аналогий в византийском искусстве XII в. И дело не только в близко поставленных глазах, большом пальце руки или удлиненном носе, в которых можно видеть общий признак византийского искусства позднего XII в., но в неповторимости выражения этого лица с близко поставленными, косящими глазами. Не просто найти аналогии очертанию змеистых губ, длинному носу, с тонкой переносицей и расширенной, нависающей нижней частью, и только в Нередице есть несколько подобных ликов. Это прежде всего ангел справа от Богородицы в купольной сцене "Вознесения"⁹⁴, отличие которого особенно очевидно при сопоставлении его с византийским ликом ангела слева⁹⁵. Те же черты и тот же характер свойственны лику апостола Петра в сцене "Вознесения" и ангела в сцене "Евхаристии", слева⁹⁶. Кажется, нередицкие аналогии с готландским ликом исчерпываются этими примерами. Мастер, с которым их можно связывать, работал в куполе и апсиде, и, как видно, его участие в росписи невелико, причиной чему могли быть разные обстоятельства. Одна из них, возможно, заключалась в иноземном происхождении художника.

Не утверждая, что именно этот художник работал в Гарде, подчеркнем, что созданный готландским мастером тип лика обладает скандинавскими чертами, которые впоследствии станут привычными в живописи собственно Готландской средневековой Швеции в целом. Несколько гротескный вариант его можно видеть в апсиде церкви в Овраби, второй половины XII в. Лик Христа со сближенными глазами, неправильной формой носом кажется графической формулой времени и места многих других произведений скандинавской живописи позднего XII – раннего XIII вв.⁹⁷ Подобные, лишь слегка смягченные черты отличают лики в витражах церкви Далхема, 1230-х годов⁹⁸, с которыми роспись Гарды сближается еще и пышностью орнаментальных украшений. Среди похожих миниатюр следует, по-видимому, назвать и миниатюры Псалтири из библиотеки в Донаушинген, изображения на створах хальберштадского шкафа начала XIII в. Все они, восходя к византийским истокам, представляют иной, вполне сформировавшийся вариант стиля, определяющий художественный облик ми-

⁹³ *Roosval J. Die Steinmeister Gotlands. S. 110; Andersson A. The Art of Scandinavia. P. 131–132.*

⁹⁴ Фрески Спаса-Нередицы. Табл. V, 2.

⁹⁵ Там же. Табл. VI.

⁹⁶ Там же. Табл. VIII, 1; XXVII, 1.

⁹⁷ *Roosval J. Die Steinmeister Gotlands. Taf. XXIII, 1; Andersson A. The Art of Scandinavia. P. 26 Fig. 94.*

⁹⁸ *Roosval J. Kyrkor i Halla ting norra Delen // Sveriges kyrkor: Kosthistoriskt Inventarium. Stockholm, 1959–1964. Bd. IV. Halvband 1. S. 185–187, 215; Andersson A. Die Glasmalereien des Mittelalters in Scandinavien: Corpus vitrearum medii aevi. Stockholm, 1964.*

гих северогерманских и скандинавских произведений живописи и каменной пластики⁹⁹.

О принадлежности росписи в Гарде миру северного искусства свидетельствует ее цветовая гамма. Впервые на технику *al secco* и отсутствие нюансировки в колорите как на особенность скандинавской живописи обратил внимание А. Андерссон. Палитру ее, как правило, составляют десять пигментов: белый (кальций гидроксид), черный (сажа), сырая желтая охра (земля), жженая охра (светлый красно-коричневый в колорите), сиенская земля, сурик, ртутная киноварь, ультрамарин (ляпис-лазурь), зеленый (медные окислы), глубокий малахитовый (медный карбонат). Тональные вариации цветовой гаммы достигаются простым разбавлением белых и черных, смешиванием сажи с белой краской, имитировавшим дорогой ляпис-лазурь. Этот, за исключением ляпис-лазури и малахита, набор пигментов определяет палитру росписи в Гарде¹⁰⁰, цветовая концепция которой ясно выражена в раскраске одежд мученика на северном склоне арки. Сочетание, скорее, соревнование яркого зеленого и черного цветов не известно в произведениях древнерусской монументальной живописи. Но именно этот, построенный с помощью медных окислов и сажи, напряженный цветовой диссонанс на долгие времена определит палитру скандинавских художников. Новгородские мастера, если бы они работали в Гарде, также могли бы, вероятно, использовать местные пигменты, но метод письма по сухому грунту, портретное своеобразие лика дают основание видеть в этих чертах проявление творческой самобытности готландского художника.

Роспись в Гарде не была одиноким художественным явлением в скандинавской культуре, но в отличие от Кэллунги, активно входившей в систему западноевропейской монументальной живописи второй половины XII в., Гарда имеет более узкую сферу притяжения. В нее включаются произведения декоративно-прикладного искусства, рельефы резных купелей, бронзового литья. Наделенные общими стилистическими признаками, они составляют широко распространенную продукцию северогерманских, датских и скандинавских мастеров¹⁰¹, в круг которых входят и мастерские витражей. Физиономическим подобием ликов, избыточной пышностью орнаментальных украшений роспись Гарды особенно близка витражам в Далхеме, 1230-х годов¹⁰².

Гарда и Кэллунга – художественно близкие явления, исходящие из одного, главного для них русско-византийского истока. Но, соприкасаясь внешними окружностями своих сфер, они устремляются друг от друга в разных направлениях. Очевидное подобие памятников при более пристальном изучении оказывается скрытым несходством, в котором отчетливо сказывается разность традиционных привязанностей. Если мастер Кэллунги идет в ногу со своими западными современниками, энергично преодолевает византийское начало, то живопись Гарды составляет второе крыло скандинавского искусства, в медленном движении которого ощутима более спокойная эмоциональная тональность, созвучная природе пластического искусства, уходящего от образной напряженности готики, но и через нее преодолевающего схематизм остающейся в прошлом византийской традиции.

⁹⁹ Demus O. *Byzantine Art and the West*. P. 206–207; Hinz P. *Gegenwärtige Vergangenheit...* S. 168–170.

¹⁰⁰ Andersson A. *The Art of Scandinavia*. P. 241–242.

¹⁰¹ Demus O. *Byzantine Art and the West*. P. 206–207; Hinz P. *Gegenwärtige Vergangenheit...* S. 168–170.

¹⁰² Roosval J. *Kyrkor i Halla ting norra Delen*. S. 185–187, 215; Andersson A. *Die Glasmalereien des Mittelalters in Scandinavien...*

А.Я. Каковкин

ДВЕ ТКАНИ VIII ВЕКА ИЗ ЭРМИТАЖА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТОГО СИСИНИЯ

В 1916 г. вышла в свет статья Б.А. Тураева “Абиссинские магические свитки”¹. В ней автор опубликовал интересный тканый памятник из своего собрания (рис. 1). Он представлял собою кусок льняного полотна с неровно оборванными краями. На него нашита многоцветная, выполненная в гобеленовой технике вставка – медальон (от которого сохранилась только правая часть) с изображением скачущего влево на белом коне всадника с нимбом. Под ногами коня простерта обнаженная, со связанными перед грудью руками, женская фигура. Слева просматриваются остатки изображения другого всадника, под ногами которого видно существо с выпученными глазами. Обрамление – полоса из стилизованных мотивов. Б.А. Тураев обратил внимание только на изображение правой части: он определил, что всадник представляет святого Сисиния, почитающего Верзалию, и отметил, что оба эти образа “в корне восходят к Марку и Тиамот”². Вещь Б.А. Тураев не датировал. В 1920 г., после смерти Б.А. Тураева, в числе других памятников его собрания, эта ткань была приобретена родственниками выдающегося египтолога и эфиописта Эрмитажем³.

Через 62 года после публикации Б.А. Тураева была опубликована статья М.Г. Быстриковой “Коптские ткани – медальоны в роли защитных амулетов”. В ней автор, не зная, что тураевская ткань издана, снова опубликовала ее, ошибочно указав, что памятник привезен хранителем Эрмитажа В.Г. Бокором Египта в 1889 г.⁵ М.Г. Быстрикова, как и Б.А. Тураев, посчитала, что всадник представляет св. Сисиния, но женскую фигуру под ногами коня назвала Ала

¹ Тураев Б.А. Абиссинские магические свитки // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М., 1916. С. 176–201.

² Там же. С. 185–186. Табл. XIII. Рис. 22. Изображения св. Сисиния с Верзалией на эфиопских пергаменных свитках XIX в. см.: Mercier J. Sousenyes ou la protection des nouveau-nés // Le Salomon et les maîtres du regard. Art et médecine en Ethiopie. P., 1992. P. 168–169. Fig. 129–130. Литературные произведения, содержащие эфиопские апокрифы о св. Сисинии см.: Wolf W. Studien zum abyssinischen Zauberwesen // ZA. 1909. Bd. XXIII. S. 149–183; 1910. Bd. XXIV. S. 59–96.

³ Государственный Эрмитаж, сектор Древнего Востока, инв. № 8877. Лен, шерсть. Гобеленовая техника. Размеры: полотна – 21,2 × 25 см., вставки – 22,2 × 14,7 см. Сохр.: утрачена левая часть медальона, во многих местах вытерся уток, разрывы, нарушен рисунок. При реставрации подкладочное полотно и вставка сдублированы на разные основы. Поступила в Эрмитаж в 1920 г. от родственников акад. Б.А. Тураева. Экспонировалась на выставке “Коптское искусство” (Эрмитаж, 1987 г.); “Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и восточных православных христиан” (Санкт-Петербург, Дворец Меншикова, 1998 г.); “Сокровища египетских пустынных монастырей (Памятники коптского искусства и письменности в собрании Государственного Эрмитажа)” (Эрмитаж, 1999–2000 гг.).

⁴ Быстрикова М.Г. Коптские ткани – медальоны в роли защитных амулетов // ВДИ. 1999. № 4. С. 64–71.

⁵ Там же. С. 69. Рис. 4.

Рис. 1. Коптская ткань. VIII в. Государственный Эрмитаж, инв. № 8877

Рис. 2. Коптская ткань. Конец VII–VIII в.
Государственный Эрмитаж, инв. № 13252

стрией. Конкретную дату вещи М.Г. Быстрикова не указала, но, судя по контексту, датировала ее “не ранее VI века”⁶.

В этой статье М.Г. Быстрикова обнародовала еще одну коптскую ткань изображением св. Сисиния (рис. 2). Это полотно с нашитой вставкой – медальоном с исполненным в гобеленовой технике многоцветным изображением скачущего вправо всадника с нимбом. Верхняя часть его корпуса развернута на зрителя, руки распростерты в стороны. Под ногами коня распластана человеческая фигура. Медальон обрамлен двухрядной полосой из чередующихся геометрических фигур разной конфигурации⁷. Для идентификации персонажей на ткан

⁶ Скорее всего ткань, датируется VIII в. См.: Христиане на Востоке. Искусство мелькиотов и инославных христиан. СПб., 1998. С. 144. № 182.

⁷ Государственный Эрмитаж, сектор Древнего Востока, инв. № 13252. Лен, шерсть. Гобеленовая техника. Наиб. диаметр 13,4 см. Сохр.: в некоторых местах (главным образом в левой части) пропал уток, нарушен рисунок. Поступил в Эрмитаж в августе 1938 г. из Института АН СССР (быв. собр. Н.П. Лихачева). Был представлен на выставках: “Коптское искусство” (Эрмитаж, 1987 г.); “Из коллекций академика Н.П. Лихачева” (Государственный Русский музей, 1991 г.); “Сокровища египетских пустынныхиков (Памятники коптского искусства и письменности в собрании Государственного Эрмитажа)” (Эрмитаж, 1999–2000 гг.).

она привлекла два коптских памятника. Первый – роспись VI–VII вв. в часовне XVII монастыря аввы Аполлона в Бауите, в которой святой всадник в окружении фантастических существ поражает копьем женскую фигуру. Эти лица поименованы: “святой Сисиний”, “Алабастрия”⁸. Второй памятник – известняковый рельеф из Бруклинского музея в Нью-Йорке, на котором всадник повергает наземь человеческую фигуру. Персонажи не поименованы, но специалисты принимают эту сцену за изображение святого Сисиния⁹. М.Г. Быстрикова, основываясь на этих аналогиях, сочла, что и на ткани представлен св. Сисиний, расправляющийся с дьяволицей Алабастрией. Датировала она памятник “не ранее VI века”¹⁰.

Предлагаемые Б.А. Тураевым и М.Г. Быстриковой идентификации персонажей на тканях вполне убедительны: перед нами св. Сисиний и дьяволица, имевшая несколько имен. В агиографических сказаниях христианской церкви фигурирует несколько святых с именами Сисиний. Но все это мученики, пострадавшие в начале IV в. На рассматриваемых коптских памятниках представлен другой святой, можно сказать, “египетский”, поскольку он не был признан греческой церковью¹¹, но пользовался популярностью в долине Нила (о чем свидетельствуют не менее десятка художественных памятников: росписи, каменные рельефы, поделки из кости, ткани, поздние иконы – и нарративные источники)¹².

Итак, мои предшественники определили представленную на эрмитажных тканях сцену как расправу св. Сисиния с дьяволицей. Но идентификацией героев историко-культурное значение этих памятников не исчерпывается, оно шире и глубже. Ведь это, насколько мне известно, единственные тканые изображения св. Сисиния среди всех разного рода коптских памятников, на которых запечатлен образ этого божьего воителя.

Особый интерес представляет тураевская ткань. На мой взгляд, она уникальна среди всех коптских памятников с изображением св. Сисиния. Уникальность ее заключается в том, что на известных мне коптских произведениях, иллюстрирующих сказания о св. Сисинии, представлены только святой и дьяволица. На этой же ткани, в плохо сохранившейся левой части представлен скачущий навстречу св. Сисинию другой всадник с нимбом, под ногами коня которого распростерто какое-то существо (М.Г. Быстрикова считает, что это лев)¹³. Мастер этой ткани воспользовался широко распространенным в коптском ткачестве вариантом изображения скачущих навстречу друг другу всадников¹⁴

⁸ Clédat J. Le monastère et la nécropole de Baouït // MIFAO. 1906. Vol. XII. P. 80–81 Pl. LV, LVI; Dans les pas de Jean Clédat. L’Égypte en Perigord. Catalogue raisonné de l’exposition. Paris; Louvain, 1991. P. 48–49. № 51.

⁹ Late Egyptian and Coptic Art. An Introduction to the Collections in the Brooklyn Museum. N.Y., 1943. P. 18. Pl. 19; Beckwith J. Coptic Sculpture. 300–1300. L., 1963. P. 27, 55. Fig. 122. Датировается памятник широко – от VI до IX в. Я склонен отнести его к VIII–IX вв.

¹⁰ Мне представляется, что ткань следует датировать концом VII–VIII в. См.: Из коллекций академика Н.П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993. С. 41–42. № 3.

¹¹ Шестаков Д. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910. С. 200.

¹² Lemm O von. Berselia und Sisimonos – Koptische Miscellen, 1 // Bulletin de l’Académie des Sciences de St.-Petersbourg. SPb., 1907. Oct. 1. N 3. S. 19. Перепечатано: Lemm O von Koptische Miscellen. 1. N XIX. SPb., 1911. S. 501.

¹³ Быстрикова М.Г. Указ. соч. С. 69.

¹⁴ Подобные изображения нередки как в тканях, выполненных в гобеленовой технике (Pagan and Christian Egypt. Egyptian Art from the First to the Tenth Century A.D. N.Y., 1941. N 221, 228; Bagynski A., Tidhar A. Textiles from Egypt 4th–13th Centuries C.E. Tel-Aviv, 1980. P. 125. N 184.

(в данном случае это, конечно же, не сцена поединка, единоборства), чтобы проиллюстрировать одну из особых версий народных преданий о св. Сисинии. В этих преданиях, сохранившихся в коптской, эфиопской, греческой среде, повествуется не только о св. Сисинии, но и о его брате – св. Синодоре (варианты Сисинарии), а в некоторых версиях – и о их сестре – св. Мелитене¹⁵. В этих повествованиях святые братья на конях преследуют женского демона – дьяволиц. В разных источниках имена дьяволиц варьируются: Алабастрия, Верзилия, Гило и др. Такое разнообразие имен, по-моему, объясняется тем, что формировались эти повествования в разноязычной среде, и не только в литературных кругах, но и в устном предании. Не исключено, что разные имена дьяволиц указывают и на многообразие зла в мире, на то, что зло многочисленно и повсеместно. Поэтому от воителей Христовых, защитников веры и верующих, требуется постоянная готовность и большие усилия в нескончаемой борьбе с князем мира сего и его многочисленным воинством.

На рассмотренных памятниках представлен самый популярный мотив коптских тканей. Конники изображали охотников, воинов, святых¹⁶. Подавляющее большинство всадников безымянно, но есть и редкие исключения, когда благодаря пояснительным надписям или характерным иконографическим признакам, можно идентифицировать персонажей. В первом случае это Эней и Дидона¹⁷, Александр Македонский¹⁸, во втором – византийский император Ирадий¹⁹, шахиншах Хосрой I²⁰ и, как в данном случае, святой Сисиний.

И последнее. Значительное количество коптских памятников (особенно тканей) с изображениями всадников с нимбами относится к периоду после покорения Египта арабам в 642 г. Этот факт примечателен, поскольку с середины VIII в. отношения между христианским и мусульманским населением долины Нила со временем все более и более осложнялись²¹. Дело дошло до того, что

Pl. VII; *Stauffer A.* Spätantike und koptische Wirkereien. Bern; Berlin, etc., 1991. Taf. 34 (Kat. 67), Taf. 38. (Kat. 73)), так и в шелкоткачестве (*Shepherd D.G.* A Coptic Silk // *BCMA.* 1947. Т. 3. № 9. P. 216–217, 237; *Каковкин А.Я.* Коптские ткани из фондов Эрмитажа. Каталог выставки. Л., 1978. С. 52–53; № 92, 93).

¹⁵ *Соколов М.И.* Новый материал для объяснения амулетов, называемых мезевиками // *Древности. Труды славянской комиссии императорского Московского археологического общества.* М., 1895. Т. I. С. 120; *Шестаков Д.* Указ. соч. С. 200, 252, 254.

¹⁶ Литература, посвященная изображениям всадников в коптском искусстве, огромна. Укажем только основополагающие работы по этой тематике: *Perdrizet P.* *Negotium perambulans tenebris.* Etude de démonologie gréco-orientale. Strasbourg, 1922; *Lewis S.* *The Iconography of the Coptic Horseman in Byzantine Egypt* // *JARCE.* 1973. Vol. 10. P. 27–63; *Renner D.* *Cavaliers on entaux dans les tissus coptes* // *Bulletin de liaison du CIETA.* N 61–62. 1985 – I et II. P. 17; *Scholz P.O.* *Remarque sur l'étude de l'iconographie du cavalier chez les coptes* // *MC.* N 18. 1990. P. 19–26.

¹⁷ *Noll R.* *Unerkannte Szenen aus der Aeneas–Dido–Sage auf koptischen Stoffen in Düsseldorf und Wien* // *Österreichische Akademie der Wissenschaften.* Wien, 1983. Phil.-hist. Klass. Jg. 119. So. 1. S. 261–270.

¹⁸ *Berliner R.* *Horseman in Tapestry Roundels Found in Egypt* // *TMJ.* 1963. Vol. 1. N 2. P. 39–54; *Shepherd D.* *Alexander – the Victorious Emperor* // *BCMA.* 1971. N 58. P. 245–250.

¹⁹ *Каковкин А.Я.* Коптские ткани с изображением византийского императора // *Византизм и славянское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византинистов.* Барнаул 29 мая – 2 июня 1998 года. Барнаул, 1998. С. 20–23.

²⁰ *Толь Н.* *Сасанидско-египетская ткань из Антиноя* // *Seminarium Kondakovianum.* Prague 1926. С. 93–100. Рис. 1. Табл. XV; *Bénazeth D.* *Une paire de jambières historiées d'époque copte retrouvée en Egypte* // *RLMF.* 1991. N 3. P. 16–27. Fig. 1–3, 6.

²¹ *Deitf C., Müller G.* *Grundzüge des christlich-islamischen Ägypten von der Ptolemäerzeit bis zur Gegenwart (Grundzüge. Bd. 11).* Darmstadt, 1968. S. 144–188.

арабы запретили христианам ездить на конях, а только на мулах и ослах. Вполне вероятно, что рост числа коптских памятников с изображением святых конников можно рассматривать как своеобразную, пожалуй, единственно возможную в тот период ответную реакцию коптов на усилившийся пресс со стороны мусульман. Такие изображения, будь они в росписях, в миниатюре, на иконах, на каменных и деревянных рельефах, на костяных поделках, в металлических изделиях, в керамике, тканях, поддерживали веру в защиту святых всадников – покровителей и заступников, служа оберегами от зла, насилия, напастей, болезней и т.п. Несомненно, к такого рода памятникам принадлежат и рассмотренные эрмитажные ткани с изображением св. Сисиния²².

²² *Perdizet P.* Op. cit. Недаром Б.А. Тураев опубликовал свою ткань с изображением св. Сисиния в статье об эфиопских амулетах – свитках, а М.Г. Быстрикова такого рода тканые изображения отнесла к категории защитных амулетов.

Balletto L. Liber Officii Provisionis Romaniae (Genova, 1424–1428)
 Genova, 2000 [Università degli Studi di Genova, Sede di Acqui Terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino, 6]. LXXX, 531 p.

Оффиции Попечения Романии Генуэзской республики принадлежала особая роль в системе управления факториями на Леванте и в Латинской Романии, прежде всего в Крыму (Каффа), на Босфоре (Пера) и на Кипре (Фамагуста). Вероятно, эта магистратура возникла вскоре после 1363 г., постепенно заменив ранее существовавшую Оффицию Газарии, ведавшую также и вопросами навигации, и исчезла в 1453 г., с передачей функций управления генуэзскими факториями Банку Сан-Джорджо. Расцвет ее деятельности приходится на конец XIV – первую половину XV в. Как справедливо отметил Дж. Пистарино в предисловии к книге, с одной стороны, Оффиция возникла как временная и конъюнктурная магистратура, с другой – она была задумана как консолидирующий Генуэзскую Романию административный инструмент (см. с. VII–XI). В состав магистратуры входило 8 чиновников, избираемых на короткий (до года) период времени. Первоначальные функции чиновников были сугубо консультативными, что и зафиксировано в регламенте Оффиции от 8.I 1398 г., но постепенно их роль и влияние усиливались, и они стали не только координировать действия всех других учреждений власти применительно к факториям, но и участвовать в подготовке их статуты (например, Статуты Каффы) и выборах (или назначениях) должностных лиц генуэзского “Заморья”. Оффиция давала судебные предписания и юридические рекомендации, а также ответы на запросы коммуны Каффы. Она же информировала консулов о текущей политической ситуации.

Постановления и рекомендации Оффиции Попечения Романии сохранились, к сожалению, фрагментарно в составе фондов Банка Сан-Джорджо Генуэзского государственного архива. Два дошедших до нас регистра охватывают периоды 1424–1428 и 1447–1449 гг. Часть третьего регистра за 1450–1453 гг. из 13 листов, в очень плохом состоянии, хранится в ином собрании – Секретном архиве (фонд Frammenti di Diversorum 712A). Преимущественно это послания в Каффу, Чембало и Самастро в связи с избранием официалов этих факторий. Отдельные, довольно многочисленные документы Оффиции или связанные с ее деятельностью материалы встречаются и в иных фондах Генуэзского архива: актах официального делопроизводства Республики (Archivio Segreto, Diversorum, Registri; Litterarum), среди петиций (Archivio Segreto, Diversorum Filze) и нотариальных актов. Профессор Генуэзского университета, известный архивист и палеограф Лаура Баллетто публикует первый, наиболее интересный по содержанию полный регистр Оффиции за 1424–1428 гг. В регистре 297 документов, написанных стандартным канцелярским полуготическим письмом. Трудность его издания состояла в установлении датировок и хронологической последовательности текстов, ибо страницы регистра нередко перемещены и не следуют строгому хронологическому порядку. Имеются и очевидные лакуны, и погрешности при регистрации постановлений разными писцами. Принятые постановления, кроме того, записывались с разной степенью детализации и содержат скрытые и не всегда понятные аллюзии. Регистр уже был известен исследователям, и отрывки из него публиковались румынским историком Н. Бэнеску¹. Однако первое полное издание Л. Баллетто, выполненное на высоком современном уровне, не только уточняет многие датировки и транскрипции, но и содержит удобные регесты и обширный исторический комментарий. Появление этого труда медиевисты и

¹ Bănescu N. Archives d'État de Gênes. Officium Provisionis Romaniae // RESEE. T. IV. N 3–4. 1966. P. 575–591; T. V. N 1–2. 1967. P. 235–263.

византинисты ждали давно, ибо постановления Оффиции, принимаемые чаще всего и от лица высшей администрации Генуи, охватывают большой круг вопросов как внешней политики, включая связи с Византией, Трапезундской империей, Османской державой, так и управления факториями.

Время, когда создавались эти документы, не было легким для Генуи, находившейся под властью герцога Милана, правившего через своих губернаторов, сначала – графа Франческо Карманьолю, затем – кардинала Джакомо де Изоланис. Достаточно глубокие изменения затронули и факторий². Пересматривались многие решения прежних консулов Каффы (см. документы № 120, 122 и др.). В Лигурии не прекращалось сопротивление миланскому господству и, в союзе с Флоренцией, борьбу против герцога вели знатные генуэзские сеньоры Фьески, Фрегозо и др. Очаги сопротивления, как явствует из поставлений Оффиции Попечения Романин, существовали и в факториях, в частности в Каффе. Для их подавления и расправы над заговорщиками и просто хулителями герцога отправляли специальных комиссариев, наделенных широкими полномочиями. Консулам Каффы предписывалось оказывать им безоговорочную поддержку, что те, впрочем, делали без особого энтузиазма (например, № 54, 77, 134, 258, 260, 290). Среди писем, отправляемых Оффицией, преобладают послания в Каффу, либо консулу и массариям, либо всей администрации, либо даже всей городской общине. Гораздо реже – письма в Перу, Фамагусту или на Хиос. Это легко объяснимо той особой ролью Каффы, которую она стала играть не только в Крыму, но и во всем Восточном Средиземноморье, потеснив даже Перу. Особый интерес представляют немногочисленные послания византийскому и трапезундскому императорам, цель которых была в урегулировании конфликтов, в основном – финансовых или выплата долгов. Большое место в переписке занимает и проблема отношений с османами, политическая ситуация в регионе. Чрезвычайно важны некоторые документы (№ 1, 42 и др.) для понимания самой сути политики Генуи. Иногда они обнаруживают неожиданную сторону дела, например, что в Фамагусте, на Кипре накануне набега флота египетского султана, генуэзцам Каффы принадлежали многие дома и значительное имущество (№ 114). Имеются сведения даже по истории аграрной периферии. Например, документы № 235, 240 содержат предписание бюргерам Каффы не продавать пастбищ и выпасов для скота, ранее приобретенных у хана и татар, ради сохранения плодородия почв и свободного выпаса. Перед нами, быть может, один из редких актов заботы об экологии и своеобразной борьбы с огораживанием. И, разумеется, это издание – бесценный свод просопографической информации.

Необходимо отметить точность и аккуратность транскрипций, прекрасную организацию текста, ясность и четкость регест документов. Исследователь может в полной мере доверять прочтению и комментариям всех текстов. Нередко Л. Баллетто, прекрасный знаток Генуэзского архива, привлекает для объяснения истории Оффиции или мотивов ее действий важнейшие документы других фондов, в частности *Diversorum*, *Registri*. Некоторые тексты оттуда изданы в предисловии.

Необходимо отметить практическое отсутствие погрешностей и опечаток. Нам удалось обнаружить лишь одну – в документе № 156 упомянут Джованни Адорно (ранее – он *custos darsine*, № 1), в регесте (р. 175) он именуется Антонио. Регесты, правда, имеют разную степень детализации. Пространные документы, содержащие важную политическую информацию нередко описываются более суммарно по сравнению с конкретными предписаниями. В индексе имена классифицируются по пренуму. Возможно, систематизация их по патрониму была бы более удобна. Упомянутая в документе № 265 *Atzenga* – не Эрзерум, как считает издательница (регеста, с. 294), а Эрзинджан на Евфрате, известный западным путешественникам со времен Марко Поло.

Итак, перед нами важный и образцово изданный источник, и многие поколения исследователей будут благодарны Л. Баллетто за осуществление этого нелегкого многолетнего труда.

С.П. Карпов

² См.: *Basso E. Filippo Maria Visconti face au problème colonial: politique et administration dans le Levant Génois (1421–1435) // Coloniser au moyen âge / Sous la direction de M. Balard, A. Ducellier. P., 1995. P. 199–205, 222–224; Idem. Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994 [Consiglio Nazionale delle ricerche. Istituto sui rapporti Italo-Iberici. 20]. P. 151–196.*

Как заметили авторы книги, немецкие ученые Клаус-Петер Мачке (Лейпциг) Франц Тиннефельд (Мюнхен), византийское общество, несмотря на все успехи византистики последних десятилетий, остается некоей тайной “за семью печатями” (с. 1). Это во многом верно: Византия – это не Запад и не Восток; это автократия (да еще с которым демократическим оттенком), а не деспотия; здесь нет восточных каст и западных сословий. Византия многое напоминает и одновременно ни на что не похожа. Особенно эта “самость” Византии проявлялась в поздневизантийское время. Простальное внимание византистики к палеологовской Византии было стимулировано посвященной этой эпохе секцией на XIV Международном конгрессе по византиноведению в Бургесте (1971). За последующие тридцать лет появилось немало исследований по византийскому обществу времени Палеологов, в том числе и принадлежащих перу автору рецензируемой монографии¹.

Данное исследование выполнено К.-П. Мачке и Ф. Тиннефельдом в несколько иной манере, чем их прежние работы. Конкретно-исторический материал представляет здесь лишь некоторый фон без прорисовки отдельных деталей. Пожалуй, это единственное исследование о поздней Византии, где не упомянут исихазм, без отсылки к которому обычно никто из ученых не обходится. В целом исследовательские наблюдения учены подняты над реалиями на концептуальный уровень.

Отказавшись от использования в своей книге понятий “класс” и в – какой-то степени – “сословие”, авторы рассматривают состояние и развитие поздневизантийского общества преимущественно через такую категорию, как “группа” – социальная, профессиональная, интеллектуальная и т.д.

В центре внимания исследователей находятся прежде всего три большие группы – аристократы, бюрократы и народ, представляющие основной фон, некий *Hintergrund* и являющиеся своеобразной “триадой” византийского общества (с. 386 и др.). Фундаментальному исследованию групп этой триады посвящена вторая глава монографии (с. 15–98).

Аристократы рассматриваются как владельческая знать: им принадлежали земли деревне и в городе, они владели целыми провинциями, имели апанажи и острова. Аристократы выделялись среди других групп прежде всего по происхождению. Они имели по 3–4 патронима и были отделены от остальных групп некоей незримой чертой. Понятия *μεγούτωνες* и *ἐπιφανής* были употребимы именно в отношении аристократов. Они диктовали “правила игры” в верхах общества, отбирали кандидатов для игры, определяли ставки и снимали банк (с. 39). В годы гражданской войны аристократы были доминирующей, контролирующей и требующей силой (с. 55). Они вышли победителями из гражданской войны, но эта победа была Пирровой. Понятие “мегистан”, обозначавшее мощнейших аристократов, после войны исчезает (с. 56).

Бюрократия, вторая из групп триады, как замечают авторы монографии, развились в раннепалеологовский период в сравнении с аристократией по принципу не “иди или”, а “как – так и” (с. 54). Центром реставрации бюрократии после латинского владычества стало финансовое ведомство. Социальная граница между аристократами и бюр

¹ *Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. B., 1971; Idem. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1976; Idem. Grund- und Hauseigentum in und um Konstantinopel in spätbyzantinischer Zeit // Jahrbuch der Wirtschaftsgeschichte. 1984. N 4; Idem. Bemerkungen zu den Mikro- und Makrostrukturen der spätbyzantinischen Gesellschaft // XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Moscow, 1991. 1. History; Tinnefeld F. Freundschaft und PAΙΔΕΙΑ. Die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos (1375–1387/8) // Byz. 1985. T. 55; Idem. Zur Krise des Spätmittelalters in Byzanz // Europa 1400 – Die Krise des Spätmittelalters. Stuttgart, 1984; Demetrios Kydones. Briefe. Übers. u. erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981–1999. Bd. I, 1–2, II, III.*

кратами вначале прослеживалась очень четко (с. 62); проникновение в правящие кланы, несмотря на существование явлений как вертикальной, так и горизонтальной диффузии, было затруднительным (с. 54). Даже кризис аристократии после гражданской войны не стал часом бюрократии. Баланс сил в целом соблюдался: аристократия поддерживалась материально крестьянским продуктом, а через и налоги он содержал и государственный аппарат (с. 58).

Место народа в обществе и его роль в качестве “демократического элемента” в поздней Византии рассмотрена в монографии в специальном разделе (с. 62–82). Народ – это и деревенские жители, организованные в общину, и жители города, где их неформальной организацией было соседство; народ – это и неоформленные группы бродяг и разбойники. Вспоминая о праве народа на восстание, авторы книги отмечают его активное участие в гражданской войне XIV в., после которой он уходит из общественного движения (с. 80). Однако во многом Константинополь до самого конца жизни империи оставался живым городом благодаря народу, толпе.

Большое внимание уделено авторами монографии такой группе, как “средние” (гл. 3, с. 99–157). “Средние”, по их определению, не большие и не маленькие, не совсем богатые и не полностью бедные, не носящих известные, знатных, блестящих имен, но все же не совсем безымянные; они знали, кем они хотели быть, но в конечном итоге не могли ими стать (с. 12). Особый акцент сделан на индивидуальных и коллективных отношениях и на актуализации групповых отношений (с. 144–153). “Средние”, по мнению авторов монографии, были более сплочены через краткосрочные торговые связи, нежели через фамильные отношения, ибо путь их становления как социальной группы при Палеологах был недолгим, что не способствовало складыванию фамильных традиций в области ремесла (с. 388).

Особо выделена (с. 221–385) при исследовании структур поздневизантийского общества группа носителей культурных ценностей – так называемые “литературно образованные” византийцы (или проще – литераторы). Объем характеристики этой группы превосходит характеристику любой другой группы, что несколько “деформирует” реальное соотношение структур и групп внутри общества. Число литераторов на самом деле не было большим – об этом может свидетельствовать хотя бы сопровождающий текст главы просопографический список, насчитывающий 174 человека, упомянутых в различных источниках эпохи. Стилистика главы 5, посвященной группе литераторов, несколько выпадает из общей исследовательской манеры, в которой выполнена монография, и производит впечатление “книги в книге”. Уже проводимая в главе дефиниция понятия “die literarisch Gebildeten” (с. 222–224) свидетельствует, что вычленив эту группу и легко (наличие образования, владение изощренной риторической техникой, нашедшей отражение в сочинениях), но и сложно, так как отдельные литераторы могли иметь аристократическое происхождение либо входить в группу бюрократии. Некоторые из рассмотренных в главе вопросов принадлежат к числу классических для этой темы (идеологические споры внутри группы, отношения “учитель – ученик”, ступени образования, локализация образованности, оценка литераторами социальных проблем общества). Украшением этой главы (хотя еще раз подтверждающим ее “выпадение” из общей исследовательской стилистики книги) является алфавитный список учителей и учеников в палеологовское время (с. 297–300) и общий просопографический список всех известных по источникам литераторов (с. 371–385). Последние из названных списков, впервые заявленный в 1971 г. И. Шевченко, включал 91 лицо и позднее дополнялся А. Кажданом и другими исследователями. Представленный же в книге просопографический список литераторов, включающий, как отмечалось выше, 174 человека, выполнен идеально с точки зрения соблюдения классификационных формальностей; принадлежит он скорее всего Ф. Гиннефельду.

Обращаясь к вопросу об эволюции группы литераторов, авторы выделяют 4 фазы. Первая фаза (1260 – примерно 1320 г.) – это прежде всего время объединения литераторов вокруг императорского двора. Вторая фаза (1320–1354) названа в книге временем гражданских войн и споров вокруг паламизма. На третьей фазе (1354–1400) проявляются попытки сближения части литераторов с Западом либо же, напротив, поддержка учения Григория Паламы. И наконец, четвертая фаза (1400–1460) – последний рас-

цвет литературной жизни. В целом не вызывающая возражений периодизация этапов литературной жизни не отражает, однако, динамики статуса литераторов как социальной группы.

Несомненным достоинством монографии является то, что ее авторы не рассматривают поздневизантийское общество как нечто неподвижное: все структуры и группы представлены в динамике.

Наиболее генерирующим временем для аристократии была эпоха ранних Палеологов – первые 90 лет палеологовского правления. Это было время, когда родовитость имела особое значение как признак преемственности общества. Аристократы формировались из клана, который был обычно близок к императорскому двору, к правящей династии. Упрочение аристократии в это время определялось концентрацией в их руках крупных земельных владений, а благодаря им – и власти. Хотя аристократия ни в этот период, ни позднее не была выделена в отдельное сословие, ее особое положение как элиты поддерживалось в значительной степени общественным мнением. Именно в ранний период, по определению авторов исследования, аристократы имели и экономический потенциал, и политическую влияние (с. 27). После гражданской войны середины XIV в., а точнее с 80-х годов этого столетия в силу осложнившейся экономической и политической ситуации аристократия (точнее ее часть) будет искать свое место на рынке предпринимательства, что само по себе не является закономерностью общественного развития, а скорее “выпадением из правил” (с. 387). Аристократы будут заполнять некий общественный вакуум, возникший после падения значения “средних”. Движущим мотивом этой общественной трансформации было со стороны аристократов стремление найти путь, который мог хотя бы в какой-то степени помочь сохранить привычный уровень жизни. Авторы исследования убедительно показывают, что такой неожиданный “поворот” со стороны аристократов был следствием отнюдь не общественного подъема, действием, мотивируемым прежде всего страхом потери своего общественного престижа (с. 389). Нежелание отказаться от привычного жизненного стандарта толкало часть аристократии в непривычную среду. Но это не было сближением с *mesoi*. Поздневизантийская аристократия, вставшая, на путь предпринимательства, не может быть сопоставлена с элитой североитальянских городов (с. 390). Различаются не только размеры предпринимательской активности, но прежде всего направленность этой активности: расширение дела и увеличение капитала, как у итальянцев, а лишь сохранение стабильности жизненных условий (там же).

Аристократическому предпринимательству авторы монографии посвящают специальную главу (гл. 4, с. 158–220), где рассматриваются исходные моменты и прототипы этого вида деятельности аристократов в позднее время, ее характер и структура, центры предпринимательской деятельности и ряд других вопросов. Однако следует отдать авторам должное; они проявили достаточную осторожность в определении этой группы, назвав посвященную им главу “Следы аристократического предпринимательства в поздней Византии”. Можно, однако, заметить, что проявленное авторами внимание к этой группе говорит все-таки о некотором преувеличении ее значимости в византийском обществе накануне его гибели. Авторов привлекла парадоксальность общественной “всплеска” в форме предпринимательства аристократов, что не могло не вызвать стремления особым образом сфокусировать внимание на этом материале.

Что касается динамики в статусе бюрократии, то ее развитие шло параллельно изменениям в среде аристократии (с. 58). В рядах аристократов стали появляться крупные фигуры, а социальная граница между аристократией и бюрократией, прослеживаемая очень четко в раннепалеологовское время, в конце жизни империи постепенно стирается (с. 62).

Основная идея авторов монографии при рассмотрении вопроса о постепенном перефилировании поздневизантийского общества по преимуществу представлена тезисом о том, что макроструктуры имеют тенденцию микроструктурироваться (с. 95 и др.). Аристократическая властная и владельческая элита через каналы семейных отношений постепенно теряет обособленность и превращается в известной мере в другую общественную группу. Народ же через микроструктурированные связи в виде сельской общины и городского соседства также со временем теряет свои параметры макроструктуры

Авторы монографии, обратившись к идее микроструктурирования как к форме перепрофилирования общества, рассматривают в частности структуры свит и синтрофий — сюжеты наиболее дискуссионные в их интерпретации. Заслуживает внимания мысль авторов, что один и тот же индивидуум мог принадлежать к многочисленным общественным группам. Принадлежность к различным групповым объединениям отражает нечеткость общественных границ и является, по мнению авторов, типично византийским явлением (с. 394).

В палеологовское времени вехи трансформации общества просматриваются четко. Для раннепалеологовского периода характерны процессы макроструктурного характера (формирование и профилирование). С середины же XIV в. стали заметны следы общественного “истощения” и дезинтеграции (с. 96). Макроструктурные процессы начали блекнуть, деградировать, обращаясь назад и усложняя микроструктурную картину общества.

Следует заметить, что статус общественных групп и его изменения авторы стремятся рассматривать не только в реалиях их социальных параметров, но и через изменения в общественном сознании, самосознании и политических амбициях. Однако этот исследовательский ракурс остался в книге на “вторых ролях”. Не получил должного отражения и сюжет, вынесенный в название книги — *die Lebensformen*.

При выделении авторами больших групп поздневизантийского общества оказалась несколько стертой их типологическая оценка. В древнем Риме или во Франции эпохи абсолютизма были свои аристократы и бюрократы. Но их происхождение и место в обществе может быть определено лишь типологически. Как ни хотелось бы отбросить надоевшие социологические штампы, тем не менее не обойтись без конкретных оценок, ибо просто аристократии или просто бюрократии не существует.

Казалось бы, в книге представлен и сравнительный материал. Но он использован, пожалуй, преимущественно для характеристики такой группы общества, как аристократы. Однако нижней временной границей для сравнения является эпоха Македонской династии. Спрашивается, были ли какие-либо черты сходства по положению в обществе отдельных групп в более позднее время? Даже если эти параллели не прослеживаются, нужно было бы попытаться определить эпоху, когда произошел принципиальный “водораздел” внутри тысячелетней истории византийского общества.

Многочисленные краткие сравнения авторами византийской структуры общества со средневековой западной ведет их к постулированию отличий между этими обществами, но авторы не дают при этом объяснений устанавливаемых типологических отличий.

Порой в выводах встречаются и некоторые диссонирующие (надо полагать, случайные) оценки. К примеру, по замечанию авторов книги, к концу палеологовского времени наблюдается “картина общего обнищания, деградация общественных структур и потеря ими общественного уровня” (с. 395). Но одновременно имеются в книге и противоположные заключения: “важные основы этого общества могли и далее, в турецкое время, существовать”, “важные принципы общественной организации еще очень долго могли оставаться действенными” (с. 396).

Думается, что многие “недоговоренности” в авторских оценках можно объяснить их переходом на довольно новую систему понятий. Дефиниции “*die makrostrukturelle Formierung*”, “*Profilierung*”, “*Ausprofilierung*”, “*Kanalisierung*”, “*Positionierung*”, “*Massierung*”, “*Ausprägung*”, “*Potenz*”, “*Valenz*”, “*Konsistenz*”, будучи с языковой точки зрения довольно прозрачными, в византиноведческой литературе не совсем привычны и должны были бы, вероятно, соотносены с устоявшейся системой координат.

Поскольку в книге подвергается анализу одно из крупнейших обществ средневекового мира, то вполне естественен вопрос об отношении авторов к понятиям “феодализм” и “феодализация” (тем более, что применительно к Византии они весьма спорны). В книге этот вопрос не снимается (с. 15, 32, 62), но и не обсуждается.

Обширное исследование Кл.-П. Мачке и Ф. Тиннефельда представляет собой первый опыт анализа поздневизантийского общества через призму состояния его групп и структур как части общего целого (с. 92). В книге ощущается некая раскованность, освобождение от привычных (и набивших оскомину) терминологических пут. Многие наблюдения авторов, выделение этапов и связи и “отталкивания” общественных групп по-

зволюют по-новому увидеть общество палеологовской эпохи. Надо полагать, рецензируемая книга, как все новое, вдохновит на последующие исследования в этой области и даст почву для научных дискуссий.

М.А. Поляковск

Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб: Алетей, 2001. 474 с. ("Византийская библиотека")

Нет нужды доказывать, что история раннесредневековой византийской Италии – достойный предмет изучения, таящий массу нераскрытых возможностей для исследования не только особого, специфического анализа, но и всей переходной эпохи, завершившейся становлением новых феодальных отношений. По сути дела это своеобразная "лаборатория", позволяющая выявить специфику становления одного из вариантов феодализма, не похожего на византийский и, вместе с тем, имевшего с ним общие корни. Не затухающий интерес к истории средневековой Италии, ее византийских владений – юге, в Апулии – Калаврии, и на севере, в Равеннском экзархате и обоих Пентаполях, наблюдается во все новых и новых работах, появляющихся по этой проблематике (Г. Рики – о Равенне, П. Арзура – о Неаполе в "темные века", Б. Вард-Перкинс – о Северном и Центральной Италии, Г. Баркер – об италийском урбанистическом "пейзаже" I тысячелетия н.э., Дж.-М. Мартин и Х. Нойе – о городах и поселениях Италии V–X вв. и др.). В этот ряд последних фундаментальных исследований самым достойным образом вливается книга О.Р. Бородина, которая существенно пополняет вклад, сделанный известной ставшей классической, монографией А. Гийу, изданной в Риме тридцать лет назад. Обращение к истории Равеннского экзархата в самом широком смысле позволило О.Р. Бородину решить ряд ключевых, принципиально важных вопросов, причем решить в аспектах, отличающихся существенной новизной. Главные среди них – уточнение организационной и социальной системы развития итало-византийских вооруженных сил, проследование формирования имперской идеологии в восточноиталийской зоне и на западе Европы, установление роли папства и Равеннской автокефальной архиепископии, выяснение специфики эволюции экономического (аграрного и городского) развития регионов и в итоге выявление клубка причин, предопределивших к середине VIII в. отделение Северной и Средней Италии от Византии.

Следует отметить владение О.Р. Бородиным всеми нюансами историографии темы и энциклопедический охват всего комплекса доступных источников, включающего самые разные их типы. При характеристике источников, их систематизации автор учитывал как форму, так и содержание источников, отчего некоторые жанровые произведения, скажем, письма пап Григория I, Мартина I и др., оказались не среди эпистолярных памятников, а среди произведений богословского содержания (с. 34). По той же причине в одном разделе ("Памятники культуры") оказались географический трактат Равеннского Анонима, ремесленный трактат об окраске мозаик и формулярный *Liber diurni*, хотя последний носит явную печать актового, документального источника (с. 37–42). Правовые источники, которым было справедливо уделено особенно много внимания, оказались в предлагаемой систематизации на предпоследнем месте (с. 49–62), что не соответствует высокой степени их авторитетности, достоверности, а замкнул этот ряд исключительно ценный и информативный актовый материал, известный как "равеннские папирусы" (с. 62–67). К сожалению, в этом аналитическом обзоре оказался не учтен вклад нумизматических, сфрагистических и археологических источников, какими несомненно располагал и пользовался автор книги.

Структура последней тесно увязана с задачами исследования и в какой-то степени предопределена ими, что, впрочем, вполне оправдано. Первая часть работы (с. 69–88) охватывает проблемы социально-политической, церковной и административной истории византийской Италии (за исключением Апулии, Калаврии, Лукании и Сицилии), тогда как вторая часть (с. 189–340) посвящена истории северо-восточного региона визан-

тийской Италии – Равеннскому экзархату и Пентаполю – преимущественно с точки зрения экономических и этнических процессов. Она весьма интересна, ибо изучением особенностей хозяйства Восточной Италии после VII в. историки занимались незаслуженно мало. К примеру, такой вопрос, как роль торговли в связях Равеннского экзархата с Византией, ставился лишь в статье Л. Руджини, да и то во временных рамках позднеантичного периода. Остается неясность в степени упадка византийских городов Италии, профессиональной специализации, а также в оценке роли торговли, преимущественно внешней, в преодолении центробежных тенденций.

В этой связи вполне уместными, логичными представляются хронологические рамки исследования, которое начинается с окончания Готских войн (середина VI в.) и заканчивается падением Равеннского экзархата (середина VIII в.), когда Северо-Восточная Италия отделилась от Византии. Правда, на этом фоне несколько обособленно смотрится параграф книги, посвященный участию римской курии в знаменитом венчании Карла Великого императорской короной 25 декабря 800 г. (с. 175–184), что сделано для того, чтобы до конца проследить эволюцию идеи империи на Западе.

Всяческого внимания заслуживает попытка О.Р. Бородина разобраться в особенностях таких административно-территориальных образований как экзархаты и фемы, четко определить их не всегда уловимые отличия (с. 87–100). В этой связи правомерно подчеркивание необязательности совпадения военной службы с обладанием стратегическим землевладением. Действительно, отсутствие системы “стратиотика ктисис”, системы солдатских наделов за службу – существенный момент, без которого будет неполной картина причин, вызвавших ослабление власти империи в Италии. Однако надо учесть, что этот момент, как и ослабление внешнеторговых связей, не всегда срабатывал в сторону усиления сепаратизма. Например, вооруженные силы фемы Климаты–Херсон, созданной в 840–841 гг. в Таврике, тоже должны были опираться главным образом на местных земельных и прочих собственников, федератов, но это обстоятельство не влекло к отпадению Херсона от империи, следовательно, его можно учитывать только в совокупности с иными, более важными причинами, крепившими регионализм. Поэтому же не следует преувеличивать антиимперский характер Равеннского восстания 710 г. и видеть в нем некую особую “грань” во взаимоотношениях империи “с самым византийским городом Северной и Средней Италии”. О.Р. Бородин признает, что “население Равенны традиционно было более лояльно по отношению к империи, чем население Рима” (с. 148). Выступление было, по сути дела, спровоцировано Юстинианом II, который, к слову, бежал из Херсона не в 705 г., а вскоре после 698 г. (ср. с. 162). Оно было направлено против императора лично и в этом смысле ничем не отличалось от аналогичных выступлений херсонитов и босфорян, икиторов византийских архонтий в Таврике осенью 711 г. Это были претензии подданных к конкретному непопулярному василевсу, оказавшемуся недостойным трона, протест против его злодеяний, но не больше. Недаром равеннцы после вернулись к монофелитству и к автокефалии Равеннской епископии. Решающую роль в последующем отпадении от Византии сыграли подвижки иного рода, связанные с внутренними социально-политическими и ментальными трансформациями, которые О.Р. Бородин наметил совершенно верно, как и порядок событий восстания в Равенне. В отличие от А. Гийу он относит их к лету–осени 710 г., а не к 711 г., когда главным действующим лицом разыгравшейся исторической драмы стал уже Херсон, а не Равенна.

Кстати, с внешнеполитической точки зрения византийская Восточная Италия должна была чувствовать себя отнюдь не так тревожно, как представляется некоторым византинистам. Предложенная в книге периодизация внешнеполитической истории византийско-лангобардских отношений убедительно показывает, что после первого удара 568–574 гг. Византия быстро оправилась, перешла в наступление, пыталась вернуть свои владения и укрепить позиции; отношения с лангобардами до второй четверти VIII в. были относительно стабильными, мирными, а варварские племена никогда не расселились на византийских территориях Италии. Поэтому крушение византийской власти здесь произошло как бы внезапно, вдруг, за недолгий срок в четверть века. Последнее еще раз подтверждает основополагающую мысль автора книги, что причины случившегося лежали не у поверхности событий, а медленно и неотвратимо зрели в определенных мест-

нию предисловий в сочинениях ряда византийских историков. Рассматривая прооίμι Νικίτης Χονιάτα, исследователь пытается объяснить противоречие между заявлениями писателя о его стремлении к простоте и ясности и запутанностью его стиля (с. 4). Мысль Григориадиса заключается в следующем: слова Χονιάτα о простоте слога характерное для византийцев самоуничижение; историк сознательно умалает свой талант на словах, дабы на деле доказать обратное. Но можно ли считать такое объяснение обоснованным? В предисловии Χονιάт утверждает, что истории приличествует ясность и простота и что он не будет писать вопреки установившимся жанровым канонам⁵. Иначе говоря, как это следует из слов самого Χονιάта, он пишет простым языком отнюдь не потому, что сложнее писать не в состоянии, а потому, что именно таким стилем следует писать историю. Самоуничижения, как мы полагаем, в словах Νικίτης нет.

Кроме того, видимо, по недосмотру Григориадис допустил в тексте ряд незначительных ошибок. Так, к примеру, он пишет, что в предисловии к Синописису Скилицы упоминается Георгий Монах (с. 34). В действительности там идет речь о Георгии Синкелл. Цитируя Продолжателя Скилицы, Григориадис однажды назвал его Кедрином (с. 7), а сообщение Кедрина о событиях VI в. приписал Скилице (с. 144).

Однако в целом ученому удалось достигнуть его основной цели – убедить современного читателя, что хроника Иоанна Зонары – своеобразное историческое сочинение ценнейший литературный памятник комниновской эпохи. Хочется надеяться, что книга повысит интерес исследователей к творчеству одного из до сих пор недооцененных византийских авторов.

Д.А. Черноглаз

“Coptica Hermitagiana”. Сборник материалов. К 100-летию коптской коллекции Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2000. 184 с., 42 ил.

На рубеже XIX и XX веков произошло подлинное открытие коптского искусства. Частные лица и ряд музеев в разных уголках земного шара начали формировать собрания своеобразных произведений египтян-христиан, открытых в результате археологических раскопок, покупок, дарений. В числе таких музеев был и Императорский Эрмитаж. Ядро коптской коллекции музея заложил хранитель отделения Средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа В.Г. Бок (1850–1899), совершивший в 1887–1888 и в 1889–1898 гг. поездки в долину Нила. Ныне эрмитажное собрание насчитывает более 5,5 тысяч единиц хранения. Оно является самым крупным в России и одним из лучших в мире.

На конец 1990-х годов пришелся юбилей коптской коллекции Эрмитажа. Музей отметил столетний юбилей проведением 29–30 сентября 1999 г. международной коптологической конференции, а 15 ноября того же года научного заседания отдела Востока Эрмитажа, посвященного памяти В.Г. Бока, устройством временной выставки “Сокровища египетских пустынников (Памятники коптского искусства и письменности в собраниях Эрмитажа)”, изданием нескольких публикаций. В их числе находится и сборник “Coptica Hermitagiana”, составителем и научным редактором которого является хранитель коптской коллекции музея, д-р искусствоведения А.Я. Каковкин.

Сборник открывается вступительной статьей директора Эрмитажа, чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровского “Свет коптской лампы”. Далее – три страницы от составителя. Затем следуют основные разделы. В первом, самом большом, названном “Из истории коптской коллекции Эрмитажа”, помещены статьи о первом поступлении в Эрмитаж коптских тканей (Б.А. Тураев, 1890 г.) и о последнем приобретении музея (А.И. Еласская, 1977 г.), а также о хранящихся в музее памятниках (В.Г. Бока, 1895 г. – о бронзовом сосуде V в. для еля; В.В. Струве, 1912 г. – о папирусе с текстом долгового обязательства, позже VIII в.; К.С. Ляпуновой – о самой большой завесе Эрмитажа V в.; М.Г. Быстриковой – о деревянной пластине с изображением газели V–VI вв., автор д.

⁵ Nicetae Choniatae Historia / Ed. J.A. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975. Pt. I. P. 3. P. 34–5.

⁶ Joannes Scylitzes. Synopsis historiarum / Ed. I. Turn. B.; N.Y., 1973. P. 3. 7–8.

тирует ее IX–X вв.); О.В. Ошариной – о группе бронзовых светильников. Две статьи принадлежат А.Я. Каковкину. Одна из них – о первой в России выставке коптских памятников, организованной В.Г. Бокон (при содействии И.Я. Смирнова) в Лоджиях Рафаэля Эрмитажа (осень 1898 – весна 1899 г.), вторая – о группе росписей VI–IX вв. в часовнях обители аввы Аполлона в Бауте (Верхний Египет). Раздел сопровождается аннотациями на английском языке (с. 103–105).

За первым разделом следует “Персоналия”. В ней представлена информация о 49 отечественных и зарубежных лицах, которые собирали, хранили, реставрировали, изучали, публиковали, экспонировали коптские памятники Эрмитажа.

Следующий раздел составляет аннотированная библиография публикаций произведений коптского искусства и письменности эрмитажного собрания, включающая около 350 названий. Завершает этот раздел список фамилий ученых, фигурировавших в библиографии (115 имен).

Третий раздел включает названия докладов, сообщений, рефератов, выступлений, лекций отечественных ученых на коптологические темы с 1890 г. по 2000 г., а также указатель выставок, на которые были представлены коптские памятники Эрмитажа с 1888 г. по 2000 г. Здесь же перечислены музеи и учреждения, из которых в Эрмитаж поступали египетские памятники христианской веры. В конце сборника помещен список сокращений. Публикации сопровождаются черно-белыми иллюстрациями (часть из которых заимствована из архивов).

Уже одно содержание сборника свидетельствует о его уникальности. Ни в отечественной, ни в мировой историографии мы не найдем ничего похожего в области коптологии. По сути дела это настоящий энциклопедический справочник по одному из крупнейших собраний мира. Поэтому совершенно справедливы слова из вступительной статьи директора Эрмитажа о том, что сборник является “итоговой работой для целой научной эпохи”.

Статьи из республик и работа М.Г. Быстриковой сопровождаются послесловием составителя, в котором приводятся данные о музейной документации памятников, их публикациях, нынешнем состоянии, мнениях о датировках и т.п. Нельзя не обратить внимания на статью В.В. Струве (с. 30–35). Дополнением к ней является и аннотация А.Л. Коченовского и извлеченный из архива перевод текста П.В. Ернштедта (с. 35–37). Особое значение в этом разделе несомненно принадлежит работе А.Я. Каковкина “Об одной группе росписей VI–IX вв. в часовнях Бауты”. В ней совершенно по-новому предлагается трактовать изображения в нишах-апсидах на восточной стороне часовен. До сих пор эти росписи понимались как изображения Вознесения Христа. Автор убедительно, на мой взгляд, трактует их как изображения Церкви небесной (вверху) и Церкви земной, с Девой, апостолами и местными подвижниками.

Нельзя не отметить, что в разделе “Персоналия” указаны точные даты жизни Т. Графа (1840–1903) и Й. Стржиговского (1862–1941), которые в европейских изданиях указаны ошибочно или стоят под вопросом.

Несомненно, самостоятельную ценность имеет аннотированный библиографический указатель (с. 144–158). Он намного полнее и – главное – информативнее указателей А. Каммерера (1950 г.), П. Нагеля (1878 г.), Г. Шрон (1989 г.). Из него можно почерпнуть сведения о памятниках (инв. номерах, датах, публикациях и т.п.). Нам представляется, что в этой части работы А.Я. Каковкина есть некоторые просчеты. В основном они относятся к памятникам письменности. Я не уверен, что составителем учтены все публикации текстов на греческом, коптском языках на остраках, мумийных этикетках, стелах. Непонятно, почему отсутствуют в указателе фундаментальный труд Д.В. Айналова “Эллинистические основы византийского искусства” (СПб., 1901), в котором широко представлены коптские памятники (в том числе и из эрмитажного собрания), и основополагающая работа по коптскому искусству В.Б. Гринейзена “Les caractéristiques de l’art copte” (Florence, 1922).

Но эти замечания несколько не снижают научной и познавательной значимости рецензируемого издания. Оно является весомым вкладом в мировую коптологию и на долгие годы останется важнейшим справочным изданием. Жаль, что тираж сборника весьма мал.

А.Л. Хосроев

шинство, а шелкоторговцы и гуннары – “меховщики” (скорняки) едва ли ими обладали (ср. с. 296). Сближать их всех с аристократией едва ли правомерно, ибо отправление чиновных обязанностей автоматически переводило торговцев в иную страту, для которой отправление торговых дел не имело прежнего значения, а становилось чем-то второстепенным.

Книга завершается анализом этнических процессов в Восточной Италии и попыткой установить их специфику. Главное, что здесь удалось определить О.Р. Бородину, это постепенную, неуклонную натурализацию византийских социальных элементов в стране. Причем воздействие варварских этносов на ход социальных процессов он вполне убедительно считает необходимым признать “исчерпывающе незначительным” (с. 331).

В целом, следует подчеркнуть оригинальность мышления, высокий профессионализм, компетентность, прекрасное владение словом, проявленные автором книги, что позволяет оценить ее как блестящий вклад в медиевистику, который пополнил “золотой фонд” фундаментальных исследований престижной серии “Византийская библиотека”.

С.Б. Сороча

А н г е л о в П. *България и българите в представите на византийците*. София: ЛИК, 1999. 288 с.

Тему новой монографии видного болгарского медиевиста, заведующего кафедрой болгарской истории Софийского университета проф. Петра Ангелова трудно назвать новаторской. Введенная в круг “главных тем” современной византистики на XVII конгрессе византологов в Вашингтоне (1986) акад. Г.Г. Литавриным, проблема взаимных представлений византийцев и славян друг о друге по сей день находится в центре внимания отечественных и зарубежных ученых. П. Ангелов в своем труде сводит результаты многолетних исследований образа болгар и их страны в византийских нарративных источниках за весь период существования средневекового Болгарского государства. Его книга рассматривает представления византийских авторов о своих ближайших соседях, партнерах и антагонистах как в тематическом (земля болгар, их внешний вид и одежда, ментальность, обычаи и язык), так и в хронологическом (государи Первого и Второго Болгарских царств) аспектах.

Автор подходит к “образу другого” как к отражению двух культур – той, что создает этот образ, и той, которой принадлежит его прототип. Отдавая себе отчет в предельной обобщенности такого образа, он вводит в исследование в качестве конкретных примеров портреты (“психосоматограммы”) болгарских государей, которые упоминаются в византийских текстах, по преимуществу историографических, житийных и эпистолярных. Прав болгарский исследователь и в другом выводе из первоначальной посылки – изменявшаяся от VII к XIV столетию византийская картина мира влияла на трансформацию образа болгар и Болгарии не в меньшей степени, чем изменения самих объектов.

В первой главе книги рассматривается видение византийскими авторами Болгарии и ее “природных данностей”. Автор выделяет общие представления о Болгарской земле и влиянии ее природной среды на живущих здесь людей, взгляды на Болгарию как театр военных действий имперских войск, описания климата и природных богатств страны. Глава очень лаконична и оставляет неосвещенными отдельные вопросы. Например, важнейшая “природная данность” Болгарии – это ее место в пространственной ориентации византийцев. Если для одних авторов болгары – это люди Севера, т.е. типичные варвары, подходящие под стереотипные описания северян, идущие от античной традиции, то для других территория Болгарии – это имперский Запад, часть полученного Вторым Римом Константинова наследия. “Северная” и “западная” ориентации порождают два разных угла зрения, которыми и объясняются кажущиеся противоречия византийских текстов, рисующих Болгарию то дикой и пустынной страной, то процветающей житницей.

Не слишком пространна и вторая глава – “Внешний вид и одежда болгар”, где автор также пытается разделить стереотипные описания одетых в кожи варваров и реальные наблюдения византийцев. Однако следует иметь в виду как условность наименований “иноземного” стиля одежды, так и нередкую удаленность последнего от нареченного прототипа, будь то “сарматский стиль” поляков XVII–XVIII вв. или “алафранга” тех же болгар в более позднее время. Важно другое – название определенного стиля одежды именем соседнего народа можно считать показателем значительной культурной близости. Не совсем к месту приведены в главе сведения об устремлениях отдельных болгарских средневековых деятелей усвоить себе одеяния и инсигнии византийских государей и сановников, имевших исключительно политическое значение.

Глава третья “Духовность и ментальность болгар” занимает центральное место не только по своему положению в работе. В первом параграфе, отмечая, что после крещения болгары уже не привлекают столь пристального внимания византийских авторов, как в языческие времена, П. Ангелов делает вывод, который тут же называет “еретическим” (с. 94). Признание византийскими авторами болгар на рубеже IX–X вв. “божьем народом”, по его словам, означало признание их права “иметь свое государство, которое могло развиваться и процветать”. На наш взгляд, в этом выводе нет ничего еретического, и такое признание не только не противоречило доктрине византийского ойкуменизма, но и означало ее дальнейшее развитие. Рассматривая отмечаемые византийскими писателями особенности поведения болгар в дипломатии и на поле боя, исследователь приводит массу характерных эпизодов из различных эпох. В этом ряду, однако, выглядит натянутым предположение, что Симеону могли быть известны подробности аварско-славянских отношений VI в. (с. 102). В параграфе о власти и обычаях болгар в изображении византийцев П. Ангелов оправданно отмечает, что данный сюжет был в наименьшей степени подвержен влиянию стереотипов, так как речь чаще всего шла о реальных и хорошо известных особенностях – наследственном принципе передачи верховной власти, обычном праве и пр. Заслуживает упоминание нетрадиционная и, на наш взгляд, правильная интерпретация известного прозвища Симеона – “полугрек”, даваемая в параграфе о восприятии ромеями болгарской образованности и языка. В этой сфере византийская общественная мысль не допускала равенства болгарина и ромея особенно последовательно и жестко.

Две последние главы посвящены византийским характеристикам государей соответственно Первого и Второго Болгарских царств. Говоря о портретах языческих правителей Болгарии, П. Ангелов подчеркивает, что они дошли до нас в основном в сочинениях, созданных после 843 г. и соответственно не склонных к позитивному изображению василевсов-иконоборцев. Этим во многом объясняются детальные описания побед болгар над ромеями, картины жестокости и мощи языческих ханов. Начиная с крестителя Болгарии Бориса-Михаила, болгарские государи изображаются как бы на фоне образа идеального христианского правителя, причем им или приписываются отдельные черты этого образа, либо, наоборот, проводятся обратные параллели с государями-язычниками и иноверцами. Любопытен и, видимо, правомерен вывод о том, что Самуила в Константинополе считали не государем болгар, а отступником, предавшим василевса, которому после падения Преслава болгарский предводитель обязан был подчиниться. Аналогичным образом воспринимались и вожди антивизантийского восстания 1186 г. Асень и Петр, но уже их младший брат Калоян фактически был признан в царском достоинстве после падения Константинополя в апреле 1204 г. В то же время, если сам болгарский царь, видимо, считал себя мстителем за массовые убийства болгар императором Василием II, византийские авторы приводили отчетливые параллели между ним и болгарскими ханами-язычниками.

Как и любое печатное издание, монография П. Ангелова не свободна от технических недостатков: масса опечаток в иностранных заглавиях ухудшает впечатление от весьма информативного справочного аппарата, на с. 165 хроника Константина Манассии датирована XI в., отсутствует указатель имен, неполна библиография.

Книга П. Ангелова позволяет детализировать и расширить научную картину взаимных представлений болгар и византийцев друг о друге как интересными выводами и наблюдениями, так и богатым фактическим материалом, впервые собранным воедино в

рамках монографического исследования. Лишь небольшая его часть впервые вводится в научный оборот, но некоторые важные тексты заново рассматриваются с интересующего автора угла зрения. Так, в одной греческой рукописи, хранящейся в Ватиканском архиве, содержится рассказ о походе безымянного византийского полководца палеологского времени в Болгарию, страну, которая оказывается “скорее тенью, чем реальностью, скорее образом, чем прототипом, скорее чем-то несущественным, нежели тем, что она собой представляет, скорее потерей, чем приобретением”. Трудно найти во всей византийской литературе за семь столетий соседства и симбиоза со средневековой Болгарией более емкое определение. Болгария не была для ромеев ни своей, ни чужой. Страна и ее обитатели воспринимались византийцами как некий “незавершенный проект” приведения к богопознанию соседнего варварского племени и его государей. Ромеи могли сетовать, что под руками болгар совершенные формы имперского политического порядка становились более похожими на варварские, что даже самый образованный болгарин мог достичь лишь половины греческой учености, что христианская вера не могла полностью преодолеть “необузданную и грубую” природу недавних язычников. Они могли гордиться тем, что болгары приняли из византийских рук свет христианства, что их столицы были “детьми” великой Матери городов – константинопольской метрополии, а их государи – крестниками и духовными сыновьями, братьями и даже племянниками ромейских василевсов. И в том, и в другом случаях Болгария и болгары, в отличие от других славянских народов православного круга, воспринимались как часть ядра византийской ойкумены, а не как ее далекая периферия. Эта важнейшая особенность болгарской средневековой культуры нашла в новом исследовании болгарского медиависта очередное подтверждение.

Д.И. Польшанский

Iordanis Grigoriadis. Linguistic and Literary Studies in the *Epitome Historion* of John Zonaras // Κέντρο βυζαντινῶν ἐρευνῶν. Θεσσαλονίκη, 1988

Книга ныне покойного греческого исследователя И. Григориадиса – первая монография, посвященная творчеству Иоанна Зонары. Уже само название этой работы указывает на ее новаторский характер. Стилистического анализа хроники Иоанна Зонары, а тем более других его сочинений, еще никто не проводил. О Зонаре писали многие исследователи, но такой задачи они перед собой не ставили. Это вполне объяснимо: “Сокращенную историю” писателя долгое время считали всего лишь *Mönchsarbeit* – примитивный “монашеской” хроникой¹. Г. Хунгер безоговорочно относил ее к *Trivialliteratur*², при согласии с таким определением анализ ее языка и стиля представлялся бы почти бессмысленным. Действительно, стоит ли искать индивидуальные художественные достоинства в заурядном компилятивном сочинении?

По-новому взглянуть на хронику Зонары позволила статья П. Магдалино³, где ученый показал, что хронист далеко не всегда так зависим от своих источников, как это кажется на первый взгляд. Пересказывая источник, Зонара не скрывает собственных взглядов, нередко вносит исправления, снабжает текст комментарием. Таким образом были приведены серьезные доводы в пользу того, что хроника – не примитивная компиляция, а самостоятельное историческое сочинение.

Вслед за работой П. Магдалино появилась статья Д.Е. Афиногенова⁴, в которой исследователь проанализировал проοίμιον хроники Зонары и пришел к заключению, что одним из достоинств компилятивного исторического труда Зонары является его стили-

¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 374.*

² *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. S. 418.*

³ *Magdalino P. Aspects of twelfth Century Byzantine Kaiserkritik // Speculum. 1983. 58. P. 326–346.*

⁴ *Afinogenov D.E. Some Observations of Genres of Byzantine Historiography // Byzantion. 1992. 72. P. 13–33.*

стическое единообразие. Стал очевиден интерес автора хроники к проблемам художественного стиля.

В контексте упомянутых работ необходимость подробного исследования языка и стиля хроники Зонары уже вполне понятна. Первая попытка такого исследования и была предпринята автором рецензируемой монографии.

Метод И. Григориадиса – детальный и всесторонний анализ текста хроники. Ученый сопоставляет тематически сходные отрывки хроники и других исторических сочинений XI и XII вв., привлекает обширный материал из риторических трудов того же периода, проводит многочисленные параллели с другими произведениями Зонары.

И. Григориадис пришел к ряду важных выводов. Он показал, что хроника Зонары написана изысканным и даже усложненным “аттическим” языком. Особое внимание хронист уделяет лексике: он тщательно избегает простонародных выражений, но соответствующих аттической норме, использует множество синонимов для обозначения одного и того же понятия, проявляет заметный интерес к этимологии. Синтаксический строй хроники тоже подвержен влиянию аттической нормы. Пересказывая источник, Зонара часто усложняет его текст. Длинные периоды, сложноподчиненные предложения, многократное употребление пассивных конструкций – все это свидетельствует о высоком мастерстве хрониста.

Однако успешно подражание древним образцам, “правильность” языка – не единственное достоинство хроники Зонары. Григориадис показывает, насколько искусно писатель владеет техникой словесной игры. Игра слов, редкие идиоматические выражения и неожиданные метафоры позволяют хронисту пересказать по-новому даже “общие места” византийских хроник, что особенно заметно при сравнении текста хроники с ее источниками. Весьма интересно, что И. Григориадису удалось обнаружить в тексте хроники целенаправленную иронию (с. 133–147). Иронический оттенок чаще всего появляется в повествовании Зонары в пассажах, где он прибегает к словесной игре и снабжает текст хроники авторскими ремарками. Эти приемы изложения характеризуют литературный талант Зонары, пожалуй, наиболее ярко.

Таким образом, Григориадис убедительно показал, что хронику Иоанна Зонары не следует оценивать исключительно как перечень исторических фактов и событий или как пересказ исторических сочинений своих предшественников (древних и недавних). Его хроника – оригинальное сочинение, имеющее самостоятельную ценность. Это утверждение, ставшее лейтмотивом монографии, ученый подкрепляет множеством примеров. Так, Григориадис приводит шестьдесят случаев искусной словесной игры в тексте хроники (каждый из этих случаев он снабжает своим комментарием – С. 149–156). Богатейший материал, собранный исследователем, представляет огромный интерес для дальнейшего изучения творчества Зонары.

Однако при исследовании этого обширного материала Григориадис не всегда, на наш взгляд, четко формулирует стоящие перед ним задачи. К примеру, чтобы оценить, насколько единообразен стиль Зонары, ученый рассматривает два вопроса: во-первых, сколь часто в хронике повторяются “сходные элементы” (similar elements), и, во-вторых, насколько верен Зонара тем принципам, которые он сам обозначил в предисловии (с. 129). Григориадис показал, что хронист регулярно вносит в источники одни и те же стилистические изменения, и эти изменения вполне созвучны его установкам, высказанным в проoimion. Кроме того, на протяжении всего текста Зонара употребляет одну и ту же лексику, сходные формы и обороты при построении фраз. К примеру, он многократно преобразует активный залог в пассивный, вставляет в текст назывные предложения. Однако вряд ли на этом основании следует заключать о единообразии стиля Зонары. Хронист мог сколь угодно часто вносить в текст те или иные сходные элементы, но основные стилистические различия используемых им источников могли при этом сохраниться. Удавалось ли Зонаре действительно устранить хотя бы наиболее существенные из таких различий в стиле источников, или же они тем не менее остаются заметны в тексте хроники? Этого вопроса, наиболее важного в данном контексте, Григориадис не ставит вообще. Поэтому и вывод его о единообразии стиля Зонары кажется все-таки преждевременным.

Некоторые же заключения Григориадиса представляются нам ошибочными или неточными. Так, отдельную главу монографии ученый посвящает разбору и сопоставле-

ных социальных и этнических кругах. Именно они стали основой для антиимперских центробежных тенденций в византийской Италии, что вместе с общностью социального развития византийской Романьи и лангобардской Италии предопределило вхождение византийских владений в состав Лангобардского королевства. Самая же главная причина случившегося видится автору в том, что по темпам феодализации Восточная Италия опережала Византию. В связи с этим стоило бы подчеркнуть, что беда крылась не с слабости Ромейской империи эпохи “темных веков” (она, напротив, проявила совершенно потрясающую жизнеспособность), а в объективных исторических обстоятельствах обречших цивилизацию Запада и в том числе большую часть Италии на следование по пути развития, все более отклонявшегося от классического византийского. Базы для “второй реконксты” после 751 г. уже не было и не могло быть, учитывая происшедшие к этому времени изменения. Эволюция византийской Восточной Италии пришла к своему закономерному концу, в чем О.Р. Бородин совершенно прав.

Немалую роль в понимании этого играет вторая – социально-экономическая часть исследования, в которой одной из лучших является предпоследняя, объемная глава “Город и торговля” (с. 244–309). Она начинается с рассмотрения эволюции курии вплоть до ее исчезновения, а точнее, перерождения в делопроизводственную организацию со штатом постоянных и даже наследственных магистратов – явление, собственно говоря, общевизантийское, а не специфически италийское (с. 245–252).

Разбирая вопрос о судьбах муниципальной собственности, О.Р. Бородин высказывает предположение о возможном контроле, осуществляемом церковной властью в городе за эксплуатацией некоторых общественных сооружений, в частности бань. Можно добавить, что эта версия находит косвенное подтверждение и в материалах раскопок ранне-средневекового византийского Херсона, где одна из бань обнаружена сооруженной рядом с Северной базиликой, являвшейся крупным католиконом, а другая, вероятно, существовала неподалеку от экзархатского кафедрального храма – Уваровской базилики (остатки стен этой бани с проходящими сквозь них гончарными трубами были разобраны в последней четверти XIX в. во время сооружения дома для проживания академика Ф.И. Чагина, работавшего над внутренней отделкой выстроенного в Херсонесе Владимирского собора).

Говоря о строительной деятельности в Равеннском экзархате, О.Р. Бородин обратил внимание на ее исключительно высокий, невиданный по интенсивности характер во второй половине VI в., отмеченный повсеместным возведением храмов, монастырей и прочих общественных сооружений. После этого в книге констатируется “глубокий спад с начала VII в. Однако было бы странно ожидать крупных строительных работ в течение последующего столетия после столь интенсивного рывка. Византийская Италия не могла оставаться в состоянии непрерывной стройки, тем более что задача, поставленная в первые десятилетия византийского господства, была масштабна, с успехом решена. Следует обратить внимание, что в первой трети VIII в. уже идет строительство, перестройка, обновление отдельных зданий. Что касается руин порта Классиса и прекращения военного строительства, то это относится к IX в., к поствизантийскому времени.

Трудно согласиться с тем, что раннесредневековое провинциальное строительство было способно “...обеспечить лишь сооружение мелких церквей и реставрацию более древних зданий” (с. 262). Даже для византийской Италии этот вывод требует оговорок на которые подталкивают факт строительства собора в Комаккьо в начале VIII в. и обширного *domus Felicis* в Равенне. Может быть, время крупных, универсальных по замыслу сооружений действительно прошло, церкви стали соответствовать по своим масштабам приходу, городу, но лишь потому, что теперь на первый план выдвигались целесообразность и соответствие нуждам нового, гораздо более камерного средневекового общества.

Книга касается практически всех известных в Равеннском экзархате ремесленных специальностей. Этот список открывают строители, вслед за которыми следуют производители украшений, мозаики, стекла, пергамента, книг, керамики, металлических изделий, изготовители шатров, обуви, мыла, свечей, красок, булочники, мясники, рыбаки, судостроители, а замыкают лица свободных профессий, обслуживавшие рынок сферы услуг, – врачи, учителя, бродячие актеры, мимы. Среди этого ряда названы и кузнецы,

которые значатся как изготовители оружия. Разумеется, источники называют такую продукцию как копья, мечи, дротики и даже то “железо”, в которое были облачены равенны – участники событий 710 г., но едва ли для всего этого годились обычные кузницы (ср. с. 264). Здесь требовались навыки специалистов-оружейников. Маловероятно также, чтобы абсолютно все свечники – *secearii* находились в зависимости от архиепископа Равенны (с. 265). Монополию церкви на производство и продажу свечей не следует абсолютизировать.

Весьма важен вывод об отсутствии в этом мире италийских профессионалов узкой специализации и о сочетании в лице одного носителя нескольких специальностей, к примеру, золотых дел мастера, стекольщика, красильщика и, возможно, изготовителя пергамента. Это наблюдение находит подтверждение в археологических источниках, обнаруживающих сочетание работы с самым разным исходным сырьем. Зато другой категорический вывод о том, что в VIII в. “качество работы мастеров резко изменилось к худшему”, требует смягчения и известной корректировки, поскольку в полной мере относится лишь к произведениям художественного ремесла (с. 268). Дело в том, что по уровню исполнения массовых изделий нет особой разницы между продукцией VII и IX вв. Археологи, имеющие дело с остатками такого массового материала, хорошо знают эту особенность. Что касается строгой специализации, то и раньше она отнюдь не доминировала в любой отрасли ремесла и в торговле. Даже попадание в зависимость от Церкви некоторых ремесленников, например, все тех же свечников, и их работа на заказ не означали полного отрыва от рынка, ибо главный заказчик продукции сам ориентировался на продажу части заказа. Эта поправка вполне увязывается с заявлением О.Р. Бородина, что “изделия местного ремесла регулярно поступали на городские рынки” (с. 269).

Торговля и не прекращавшееся движение товаров обнаруживают себя в наличии этих рынков и денежного обращения. Само собой разумеется, трудно было бы ожидать ее интенсивности между отдельными районами, поскольку ассортимент обращающихся продуктов и товаров был везде один и тот же. Таким образом, отраженную в книге картину следует признать вполне нормальной для уровня запросов раннесредневекового общества. Несколько иное положение занимает внешняя торговля, тоже знавшая специализацию среди купцов и сокращение числа последних в VII–IX вв. (с. 270–271). Впрочем, и здесь происшедшие изменения отражали закономерности эпохи и назвать их имманентно кризисными можно с большой натяжкой. К примеру, упадок Классиса был вызван не экономическими, а экологическими причинами, отступлением моря, поэтому равенны не забросили мореплавание, но в VIII в. стали использовать в качестве гавани бухту *Candidianus* недалеко от Классиса (с. 272). Если состояние портов и ухудшилось, то прежде всего вследствие натиска лангобардов, и, следовательно, это явление не имело подспудно вызревавшей экономической подоплеки. Вывоз сельскохозяйственной продукции из экзархата в Византию тоже находит новые, любопытные подтверждения (с. 279).

Среди выдвинутых О.Р. Бородиным положений следует особо отметить проблему сохранения в византийской Италии VI–начала VII в. корпоративной организации торговли и ремесла (с. 289). В VII–VIII вв. такие объединения выступали под неофициальным названием *sholae*, не имели четкой внутренней структуры и, важно подчеркнуть, не подвергались жесткой государственной регламентации, какую исследователи обычно связывают с классическим строем византийских профессиональных ассоциаций. Это был более гибкий подход и поэтому за ним было будущее.

Необходимо признать плодотворной еще одну попытку исследования социальной стратификации городского населения, проделанную О.Р. Бородиным после А. Гийу, А. Вазины, Ф. Дельгера и Т. Брауна. Оригинальным представляется наблюдение о включении в состав нобилитета не только земельных собственников, но и верхушки торгово-ремесленного населения, особенно тех ее представителей, чья деятельность приравнивалась к государственной службе (аргиропратов, навклиров). Автор, в отличие от своих предшественников, учитывает внутреннюю неоднородность социальных групп, определяемую источниками (с. 293–303). Вместе с тем, об исключительно высоком общественном статусе всей верхушки купечества следует говорить осторожнее: публичные обязанности, сблизившие их с оффициалами, имели далеко не все, причем, скорее мень-

Das Lemberger Evangeliar: eine wiederentdeckte armenische Bilderhandschrift des 12. Jahrhunderts / Hrsg. von Günter Prinzing und Andrea Schmidt. Mit Beiträgen von Anton von Euw, Christian Hannick, Mesrob K. Krikorian, Anne Lang-Edwards, Günter Prinzing, Andrea Schmidt, Christian Weise. Wiesbaden 1997, Dr. Ludwig Reichert Verlag (Sprachen und Kulturen des Christlichen Orients). Hrsg. von Johannes den Heijer, Stephen Emmel, Martin Krause, Andrea Schmidt. Bd. 2. 186 с., 2 карты, XXIX табл.

Книга посвящена богато иллюстрированной армянской киликийской рукописи XII в. – так называемому Львовскому Евангелию, в армянской традиции именуемому Скеврским – по названию монастыря Скевра (в нескольких километрах к юго-востоку от замка Ламброн), где, как гласит памятная запись, в 647 г. армянского летосчисления (31 января 1198 г. – 30 января 1199 г.) писцом и миниатюристом Григором была закончена работа над списком. В 1930 г. рукопись была описана венским мхитаристом Нессом Акиньяном, а во время второй мировой войны исчезла. Перед войной она принадлежала армянской униатской общине Львова, а после присоединения Западной Украины к СССР и переселения львовских и западноукраинских армян в Польшу следы ее были потеряны. Вновь заговорили о ней в 1993 г., когда Евангелие продемонстрировано в Гнезно (недалеко от Познани) д-ру Гюнтеру Принцингу его польский коллега К. Ивский. Большая группа специалистов из разных стран принимала участие в реставрации и исследовании рукописи, организованных стараниями Г. Принцинга и А. Шмидт в Музею Гутенберга в Майнце и завершившихся посвященными ей конференцией и выставкой. Материалы конференции и исследований с подробным описанием проведенных работ легли в основу рецензируемого сборника. Не обошлось без скандала, поскольку польская сторона потребовала немедленного возвращения рукописи вопреки договоренности с нью-йоркским музеем Метрополитен, где Львовское Евангелие должно было экспонироваться в числе шедевров византийского искусства в рамках выставки “Славяне Византии” с 11 марта по 6 июля 1997 г. (с. 11–17, 25–26). История львовского манускрипта подробнейшим образом излагается в статье, написанной Гюнтером Принцингом, где автор уделяет внимание и целям его создания. По его мнению, эта украшенная роскошными миниатюрами парадная рукопись предназначалась для церемонии коронации киликийского царя Левона I Рубиняна (с. 18–21).

В статье Г. Принцинга и Х. Ханника (с. 27–30) дается кодикологическое описание рукописи, которая содержит 426 листов. Евангелиям в списке по традиции предпослано письмо Евсевия Кесарийского Карпиану и десять так называемых канонических таблиц, указывающих параллельные места в Евангелиях. Пергамен для списка был привезен с Кипра, о чем сообщается в колофоне (с. 101), и этому обстоятельству уделяется особое внимание в статье А. фон Эйва (с. 41). Текст написан армянским унциалом (еркатагир) 2 столбца по 15 строк. Прилагается список работ, содержащих описание рукописи (с. 3).

Славист, византинист и знаток армянского и грузинского языков Христиан Ханник сличил Скеврское Евангелие с опубликованным Акиньяном в 1930 г. описанием рукописи и составил обзор армянской традиции евангельских текстов с первых переводов начала V в. до наших дней. Надо заметить, что, к сожалению, не существует современного научного издания армянских евангельских текстов. И это при наличии огромного рукописного материала (а также двух отличных друг от друга “классических” публикации венецианской “Зограбян” 1805 г. и изданной в 1666–1668 гг. в Амстердаме Библии “Осканян”), что, собственно, и затрудняет работу над критическим изданием. В этом плане появление в научном обиходе еще одного, к тому же великолепного списка может сыграть положительную роль. Автор подчеркивает экзегетическое и теологическое значение древнейшего армянского перевода Нового Завета. В греческих изданиях средние различия наряду с сирийскими и коптскими даются древнеармянские варианты. Если недостаточно, по мнению автора, изучена лексика армянского перевода (кстати, работ в этом направлении велась и в Армении, и за ее пределами, в частности в Лейденском университете). Например, в знаменитом высказывании Иисуса по поводу верблюда игольного ушка (Мт. 10, 24; Мк. 10, 25; Лк. 18, 25, то же и в суре 7, 38 Корана) в армя

ском тексте стоит слово “малух”, означающее “канат”, “веревка” (с. 34), что, следует отметить, соответствует греческому ΚΑΜΙΛΟΣ, а не ΚΑΜΗΛΟΣ. Далее Ханник обращается к литургическим функциям Скеврского Евангелия, замечая в конце, что греческие надписи на миниатюрах царской рукописи должны были свидетельствовать о культурной общности Киликийского царства и Византийской империи, об их конфессиональной близости и о преодолении догматических разногласий между монофизитами и халкидонитами (с. 37).

Центральной в представляемом сборнике, без сомнения, является статья искусствоведа Антона фон Эйва (Ойв?), рассматривающего скеврский список в контексте истории культуры. Статья озаглавлена “Львовское Евангелие как произведение искусства”. Она открывается списком имеющихся в рукописи миниатюр (с. 39–40). Подробное искусствоведческое описание рукописи содержит данные о ее формате и объеме, манере декорирования текста, включает детальный анализ стиля, техники рисунка и цвета, композиций и орнаментов, а также их элементов (с. 41–47). Особые разделы статьи посвящены украшенным заставками страницам, содержащим послание Евсевия Кесарийского и вписанные в *хораны* канонические таблицы (с. 47–53); изображениям евангелистов в скевском списке, а также традиции их изображения в киликийской и в армянской рукописной книге вообще (с. 53–58); росписи титульных страниц Евангелий и символике образов, возникновению и развитию евангельских символов, взаимовлиянию восточных и западных традиций (с. 59–63); иллюстрациям на полях (с. 64–67); инициалом и прочим украшениям (с. 70–75). Исследуя мотивы, присутствующие в иллюстрациях и орнаментах скеврского списка, автор проводит традиционные параллели, находя их не только в средневековых манускриптах, но и в монументальном и прикладном искусстве (с. 76–80, 85–91). Отдельного рассмотрения удостоивается переплет Евангелия (с. 82–83 и 92) и, разумеется, личность писца и художника Григора, который, начав свою работу в монастыре Млич, завершил ее в скриптории монастыря Скевра. По словам автора, художественная зрелость и глубина мысли, выдержанность стиля и отточенная техника мастера поражают с первого до последнего листа рукописи; впечатляет его художественное осмысление текста, выражаемое сопровождающими текст иллюстрациями на полях. “Но самое поразительное – это его фантазия, которая, прорастая сквозь византийские формы, придает произведению его армянский характер” (с. 82).

Армянский искусствовед А. Казарян, опубликовавший отзыв на данную статью рецензируемой книги в “Историко-филологическом журнале” (1999, № 1, с. 363–366), высказывает ряд замечаний в адрес А. фон Эйва. Последний видит образцы для иллюстраций и орнаментов Скеврского Евангелия в византийских манускриптах XI–XII вв., оставляя без внимания сходство с фигурами и мотивами восточноармянских иллюстрированных рукописей X–XII вв. Здесь следует добавить, что некоторые исследователи, напротив, склонны усматривать влияние произведений армянских миниатюристов на орнаментацию византийских книг в X в. (Лихачева В.Д. Изобразительное искусство // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 480). Рассматривая иллюстрации, нельзя не заметить некоторые неточности в их описании (с. 54 и табл. XII).

Скевское Евангелие содержит восемь колофонов, и им посвящена статья филолога, специалиста по языкам Христианского Востока А. Шмидт. Первые три колофона с просьбой помянуть в молитвах священника Степаноса писаны рукой переписчика и художника Григора из Млича в 1198 г. Четвертый – самим Степаносом в том же году и занимает несколько страниц. Весьма необычно, что Григор не оставил записи с подобной просьбой о себе. Пятая запись сделана рукой неизвестного в 1219 г. и сообщает о смерти Левона Рубиняна, шестая монахом Симеоном (1422 г.) о новом владельце рукописи Хутлубеге. Следующая сделана в 1592 г. священником Симеоном о том, что господин Торос Пернатенц в Польше пожертвовал немалые деньги на реставрацию рукописи и на украшенный серебром переплет. Последний, восьмой колофон написан рифмованными строками и принадлежит перу реставратора и переплетчика Ованнеса. В статье говорится об уникальности и ценности памятных записей (хишатакаранов) в армянских рукописях вообще и дается перевод всех восьми колофонов Скеврского Евангелия (с. 98–105), а также их факсимильные копии (с. 106–109).

Реставратор Аннетт Ланг-Эдвардс в своей статье подробно описывает все работы

по восстановлению и стабилизации рукописи, проведенные в 1997 г. в Музее Гутенберга в Майнце (с. 111–119).

Андреа Шмидт принадлежит в сборнике еще и статья о роли и значении монастыря Скевра. Здесь, по мнению автора, в XII–XIV вв. пересекались и развивались церковные и культурные традиции Киликийского царства. Монастырь Скевра был крупнейшим научным и культурным центром Киликийской Армении. При нем действовало высшее учебное заведение, имелась богатая библиотека, где находился знаменитый скриптор, откуда вышло немало шедевров [от списка “Книги скорбных песнопений” Нарекана 1173 г. до списка лечебника Мхитара Гераца 1279 г. (с. 123–132)]. Монастырь пережил за свою историю два периода расцвета. Первый связан с именем крупного церковного деятеля, писателя и философа Нерсеса Ламбронати и относится к XII – началу XIII в. Армянское киликийское государство существовало в “космополитическом пространстве” в силу своего географического положения. Оно соприкасалось с греко-эллинистическим, сирийско-семитским, исламским, а через крестоносцев-латинян и с западным миром. В произведениях Нерсеса немало места уделено обсуждению возможностей сближения армянской церкви как с греками, так и с латинянами. Все это составляет тот культурно-исторический фон, на котором создавалось Скевское Евангелие (с. 132–133). Время второго расцвета монастыря Скевра – последняя треть XIII в., когда его настоятелями были Мхитар, Симеон, Минас и Костандин. Он был прерван мамлюкским завоеванием 1375 г. (с. 136–142). Заслуживает внимания то обстоятельство, что автор опирается в основном на сведения колофонов армянских рукописей, что, отнюдь, не обедняет изложения, а напротив, придает ему живость и драматизм (как в рассказе о нападении сельджуков на караван монахов (с. 121)).

Статья “Следы армянской общины во Львове” принадлежит перу теолога, знатока истории украинской церкви Христиана Вайзе. Первые небольшие группы армян-переселенцев на территории современной Украины появились еще в XI в., после разрушения сельджуками армянской столицы Ани (1064 г.). Однако первая большая волна переселенцев из северных районов Армении, находившихся тогда под суверенитетом Грузии, была вызвана монгольским нашествием конца XII – начала XIII в. Через генуэзские колонии армяне направлялись в Крым, где оседали главным образом в Каффе (Феодосии) или шли дальше на запад до галицко-подольского региона и Львова. Вторая волна массового переселения армян относится ко времени завоевания мамлюками Киликии (1375 г.), а третья была вызвана турецким завоеванием Крыма в 1475 г. Но и в последующие века не иссякал поток эмигрантов из Османской империи (с. 143–144). Далее автор переходит непосредственно к истории львовской армянской колонии, повествуя о строительстве первых армянских церквей во Львове (с. 145–148); об унии с римской церковью 1626–1663 гг. (с. 148–149); о дальнейшей судьбе армян-униатов вплоть до присоединения Западной Украины к СССР, их депортации и их судьбе в Польше (с. 149–152); о положении ныне немногочисленных армянских общин, в том числе армянской общины Львова (с. 153–159). В заключительной части статьи представлены сведения о судьбе и о местонахождении после второй мировой войны армянских рукописей из библиотек и архивов, находившихся во Львове с конца XIX в. (с. 159–167). Прилагается хронологическая таблица (с. 168–169).

Завершается сборник статьей венского архиепископа Месроба Крикоряна, посвященной жизни и деятельности известного филолога и палеографа, арменоведа мхитариста Нерсеса Акиняна, составителя целого ряда каталогов армянских рукописей, в том числе львовских. М. Крикорян пересказывает содержание описания Скевского Евангелия опубликованного Акиняном в 1930 г. в Вене. Евангелие находилось в Польше по крайней мере с 1592 г., когда оказалось в руках Тороса Пернатенца. В середине XIX в. оно перешло в собственность львовского армянского католического архиепископата (с. 171–176).

Сборник снабжен указателем рукописей и указателем имен, двумя картами – Центральной и Восточной Европы, на которой обозначены города, где образовались колонии армян-переселенцев, и картой Малой Армении, а также прекрасными цветными черно-белыми иллюстрациями. Библиография содержит 21 наименование избранных работ (Auswahlbibliographie), куда не вошла даже книга Н. Акиняна с первым описанием Скевского Евангелия.

Основным недостатком рецензируемой книги (как, впрочем, и многих других работ, публикуемых на Западе) является слабое знакомство с литературой на армянском и русском языках. Это отмечают и армянские рецензенты книги В. Казарян и А. Бозоян (ИФЖ, 1999, № 1, с. 360–366). Несомненными достоинствами являются великолепная печать и стиль изложения, делающие издание интересным и доступным, в том числе широкому кругу читателей-неспециалистов.

Е.Д. Джагацпанян

B r u b a k e r L. Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium. Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Studies in Palaeography and Codicology, 6. Cambridge University Press, 1999, xxiii, 489 p., 47 p. of plates, ill. facsim. 26 cm.

Рукопись, которой посвящена книга, во всех отношениях царская: она была создана в 879–882 гг. в придворном скриптории для византийского императора Василия I. В истории византийского искусства найдется не много памятников, сопоставимых с ней по великолепию и роскоши. Из 463 ее страниц 46 полностью занимают миниатюры. Самых изображений гораздо больше – листы разделены горизонтальными, а в некоторых случаях еще и вертикальными полосками-рамками на небольшие прямоугольники, заполненные одной или несколькими сценами или отдельными фигурами.

Небольшое число миниатюр в начале манускрипта расположено на отдельных листах, остальные иллюстрации имеют на другой стороне листа текст¹. Изображения были написаны достаточно плотно, яркими красками с обильным использованием золота. Расположение миниатюр на листах, одна из сторон которых была отведена для письма, а значит, разлинована, стало причиной довольно сильного осыпания красок. Из страха потерять то, что еще осталось, рукопись, с XVI в. хранящуюся в Парижской национальной библиотеке, уже давно никому не показывают. Не видела ее и сама автор огромной книги, – печальный, особенно для историка искусства факт, о котором Л. Брубэйкер неоднократно упоминает в разных главах своего исследования.

Л. Брубэйкер старалась сделать свое исследование как можно более полным. В самом деле, оно включает в себя помимо собственно описания и результатов изучения рукописи, т.е. прежде всего украшающих ее изображений, данные палеографии и кодикологии, элементы исследования текста и анализ “художественной продукции” эпохи, несколько приложений в конце книги и обширную библиографию. Однако претензия на полноту имеет своей оборотной стороной излишнюю подробность в изложении научного материала, навязчивую скрупулезность в деталях, придающую отдельным фрагментам книги сходство с математическим справочником. Использование, порой безо всякой надобности, специальной терминологии заметно затрудняет чтение. Есть в этой монографии и фрагменты, которые в византийском и искусствоведческом исследовании выглядят несколько странно².

¹ Миниатюры вставлены перед началом каждой из гомилий и, следовательно, занимают оборот листа с окончанием предыдущей гомилии или лицевую сторону листа перед началом того самого текста, который они иллюстрируют или “образно комментируют” (visual commentary – излюбленный термин Л. Брубэйкер).

² Автор не упускает случая выразить восхищение предметом своего исследования: “Парижский список Гомилий ... единственная византийская датированная рукопись второй половины IX века и первая из дошедших до нас рукописей, созданных для византийского императора...”, “... ни один другой манускрипт Гомилий Григория Назианзина не имеет полностраничных иллюстраций...” и т.п. Приведенные утверждения абсолютно справедливы, но эти факты слишком хорошо известны, чтобы приводить их не в учебнике, а в научном исследовании.

Гендерное исследование (от англ. gender – род, пол) – жанр, которому почему-то уделено место в своей книге Л. Брубэйкер. Исследовательница совершенно серьезно пишет, что художник, украшавший рукопись, пытался уравновесить число мужских и женских образов.

Одним из наиболее серьезных недостатков книги является отсутствие цветных иллюстраций. Маленькие (примерно в половину обычного листа) черно-белые, хотя и прекрасного качества, фотографии не дают ни малейшего представления о цветных миниатюрах, созданных несомненно лучшими византийскими мастерами второй половины IX в., занимающих страницы формата 410 × 300 мм.

В первой главе своей книги Л. Брубэйкер предприняла попытку (пусть не во все удачную, но первую в истории византийского искусства!) проанализировать характер художественных образов, украшающих рукописи IX в. Здесь исследовательница рассматривает восприятие изображения в византийском обществе, его функции, роль традиции в создании и понимании образа, приводя в подтверждение своих слов многочисленные цитаты из сочинений наиболее известных представителей партии иконопочитателей Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, патриарха Никифора. Л. Брубэйкер дает очень живую характеристику смысла образа, как он был сформулирован в решениях II Никейского собора, и делает важное замечание об отсутствии у миниатюристов IX в. интереса к деталям, фону. Однако многие аспекты восприятия художественного образа, упомянутые автором исследования как присущие византийской культуре IX в., остаются характерными для нее на протяжении всех последующих столетий, а когда речь идет о сохранении художественной и духовной традиции, то и в течение всего существования Византии.

Во второй главе на общем, концептуальном уровне обсуждается выбор сцен для иллюстрирования, взаимосвязи между разными миниатюрами и другие формальные проблемы. Л. Брубэйкер готова во всем – в деталях, в построении композиции – видеть скрытый смысл, оставляя, таким образом, слишком мало творческой свободы для мастера.

Лейтмотив книги – соотношение текста и образа в парижских Гомилиях Григория Назианзина и других греческих рукописях IX в. Следующие главы посвящены отдельным группам миниатюр парижского кодекса, выделенным исследовательницей. Каждая из этих глав обычно начинается с краткого вступления, за которым следует подробное описание миниатюр, относящихся к данной группе, и завершается выводом о “толковательной” роли образа. Л. Брубэйкер полагает, что чем ближе к концу рукописи, тем сложнее становятся “образные толкования” текста.

Нередко в своем стремлении добиться определенных результатов автор преувеличивает значение одних явлений и недооценивает роль других. По правде говоря, от IX в. до нас дошло так мало рукописей, и наши знания о них столь отрывочны, что построение на этом крайне непрочном фундаменте строгую концепцию просто не представляется возможным. Исследовательница обнаруживает, например, влияние антииконоборческой полемики в подавляющем большинстве иллюстрированных манускриптов IX в. в том числе в миланском списке Гомилий Григория Назианзина, местом создания которого принято считать один из монастырей Италии, где подобная полемика была совсем не актуальной. Однако краткий очерк, посвященный этому кодексу (как наиболее близкому по времени создания³, составу текста и, возможно, восходящему к общему прототипу вместе с парижским списком Гомилий), который Л. Брубэйкер приводит во вступлении к своей книге, написан очень точно и лаконично.

Автор преувеличивает и значение сопоставления в миниатюрах парижского кодекса Василия I с библейскими персонажами – Давидом, Самсоном, Иосифом, придавая этому сопоставлению слишком личный оттенок. Императора как помазанника Божия всегда сравнивали с царем Давидом, причем не только на Востоке, но и на Западе.

Характеризуя стиль миниатюр рукописи, автор следом за самыми первыми учеными, писавшими о парижских Гомилиях Григория Назианзина⁴, выделяет в ней две группы образов. Одной из них, более классической она справедливо находит аналогии в миниатюрах ватиканской “Христианской топографии” Космы Индикоплова (Vat. gr. 699)

³ Он был написан и украшен миниатюрами, по всей вероятности, в первой половине IX в.

⁴ Waagen G. Kunstwerke und Künstler in England und Paris III. B., 1839; Bordier H. Description de peintures et autres ornements contenus dans les manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale P., 1885; Herbert J.A. Illuminated Manuscripts. N.Y., 1911; Morey C.R. Notes on East Christian Miniatures // Art Bulletin. 1929. II. P. 5–103.

созданных примерно в те же годы мозаиках Софии Константинопольской. Другую группу изображений, более экспрессивных и выполненных с нарушением пропорций, исследовательница сопоставляет с иллюстрациями *Sacra Parallela*. Однако едва ли правомерно сравнивать выполненные с прекрасным знанием анатомии, многоцветные (пусть слегка уплощенные) изображения, украшающие парижскую рукопись, с абсолютно внереальными, исполненными только с помощью золота, контура и еще нескольких линий, придающих изображению законченность, знаково-лаконичные и при этом завораживающе выразительные образы *Sacra Parallela*.

В целом при чтении книги создается впечатление, будто автор никак не ожидал, что кто-нибудь прочтет ее целиком: в разных частях тома можно обнаружить достаточно пространственные и почти идентичные фрагменты, приводимые в подтверждение одной и той же авторской идеи. И еще исследовательница, по-видимому, так и не решила, кому она адресует свой труд: помимо того, что язык изложения совсем нельзя назвать простым, у читателя, очевидно, предполагается наличие хороших знаний по византийской иконографии и неплохих представлений о других рукописях IX в., упоминаемых в тексте. При этом появляются пассажи, объясняющие, кто такой патриарх Фотий и какова его роль в византийской культуре второй половины IX в., излагается суть его "Библиотеки" и "Амфилохии".

Многие недостатки книги, о которых шла речь безусловно ничуть не уменьшают значения осуществленного исследования, но сильно затрудняют чтение и делают ее доступной, увы, лишь для узкого круга специалистов. Знаменитая статья С. Дер Нерсесьян остается на сегодняшний день несомненно наиболее удачным (глубоким, ясным, достаточно лаконичным и легким для восприятия) исследованием парижской рукописи Гомилий Григория Назианзина⁵.

И.А. Орецкая

Христианские реликвии в Московском Кремле / Редактор-составитель А.М. Лидов. М.: "Радуница", 2000. 304 с., илл.

Новое издание Центра восточнохристианской культуры представляет собой каталог одноименной выставки, проходившей в выставочном зале кремлевской звонницы с мая по октябрь 2000 г. Экспозиция православных святынь, приуроченная к организованному Центром симпозиуму "Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира", была призвана продемонстрировать научную и общекультурную значимость этой важнейшей компоненты православного благочестия. Массовое паломничество в Кремль верующего народа, показало, что "единицы хранения" кремлевских музеев на время восстановили свой некогда высокий сакральный статус. Однако реализация сакрального аспекта выставки на уровне современного, в значительной части неофитского, религиозного сознания в известной степени заслонила реализацию ее притягательной научной концепции. В конце XX в. для России стал привычным компромиссный способ обращения с чтимой святыней, выраженный ситуацией типа "проскинесис в музее". В этом смысле выставка реликвий принципиально ничем не отличается от постоянной экспозиции в Успенском соборе, где есть и мощи, и чтимые иконы. Таким образом, многовековая православная традиция, подтверждая свою мощь, сама стихийно конструирует вокруг реликвии новое "сакральное пространство" (воспользуемся краеугольной категорией из вступительной статьи А.М. Лидова), мало нуждаясь в услугах устроителей выставки: два различимый в окошке реликвария предмет, которому традиция усваивает громкое имя Ризы Господней, в современных условиях неминуемо привлечет к себе внимание без всякой теоретической базы. И в этом нет вины авторов выставки, которые много сделали для того, чтобы демонстрируемые артефакты воспринимались не

⁵ *Der Nersessian S. The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus, Paris. Gr. 510. A Study of Connections between Text and Images // DOP. 1962. 16. P. 197-228.*

сообщения на круглых столах и секциях. Активно участвовали при этом в дискуссиях молодые византинисты, среди которых находились и российские делегаты.

Особое заседание было посвящено византийской историографии и хронографии. О. Смирнова (Россия) показала значение как неоплатонистских идей, так и языческих бытовых топосов (гадания, магия и мистика) в изображении исторической реальности Евнамием и Зосимом. И. Ващева (Россия) рассмотрела главные аспекты формирования принципов ранневизантийского христианского историзма, анализируя сочинения Евсевия Кесарийского, пространственно-временные ориентации которого легли в основу представлений византийских авторов о структуре мироздания как в географическом, так и историческом отношениях.

Х. Синьес-Кодоньер (Испания) трактовал “Тайную историю” Прокопия Кесарийского в контексте его “Войн” как выражение идей антиюстиниановской оппозиции. Ж. Шамп (Швейцария) рассмотрел творчество Иоанна Лида в тесной связи с личной жизнью и служебной карьерой автора. С. Лантеос (Австрия) возводил византийскую мировоззренческую антитезу двух миров “Восток–Запад” уже к ранневизантийской эпохе, проследив ее на географическом, государственном, религиозном и культурно-идеологическом уровнях. Д. Фредо (Ирландия) вскрыл методику создания портретов у Георгия Писиды (Фока, Ираклий) как сочетание имперских традиций и политических реалий риторике его времени. К. Максимович (Россия) предложил анализ творчества Николая Черногорца в контексте разных редакций так называемой “Хроники Логофета” (Л. Грамматик и др.).

Многообразие жанрово-стилевых форм византийской исторической литературы определялось, таким образом, как классическими традициями, так и реалиями живой действительности.

Повышенный интерес был проявлен к функциональной роли византийской литературы, естественным образом рассмотренной на заседании, посвященном богословию и литургике. Н. Смелова (Россия) отметила особенности богородичных текстов на фоне как западно-, так и восточнохристианской “мариологии”. А. Кузнецов (Россия) на примере терминологии Максима Исповедника, относящейся к Божественному Слову, осветил специфику византийской гносеологии VII в. Б. и Дж. Хэмилтон (Великобритания) выявили сходство идей Симеона Нового Богослова и Орлеанского Канона 1022 г. А. Бармин (Россия) охарактеризовал трактат “Об опресноках” Иоанна Клавдиопольского как источник сочинений конца XI в. переяславского митрополита Ефрема, которого следует отличать от киевского митрополита середины того же века.

Л. Авилушкина (Россия) анализировала апокрифические сюжеты в хронике Михаила Глики, снискавших ей популярность как в современной ей византийской, так и в древнерусской литературе.

Функциональным особенностям византийской агиографии была посвящена специальная секция. Место агиографии в формировании культов святых рассмотрел А. Папаконстантину (Франция). А. Кюлцер (Австрия) выявил следы антииудейской полемики в житиях как VII (Симеон Юродивый), так и XI в. (Никон Метаните).

Жития святых-воинов и военные сюжеты в житиях были рассмотрены соответственно К. Вальтером (Франция) и М. Детораки (Греция). А. Виноградов (Россия), анализируя андреевскую традицию, показал место монаха Епифания (ок. 815–843 гг.) как создателя средневизантийской агиографической литературы. И. Тамаркина (Россия) предложила датировать жизнеописание патриарха Игнатия временем ок. 886 г. О. Родионов (Россия) выявил специфику параллелизма (стилистического и сюжетного) между житиями византийских святых-исихастов и древнерусской агиографической традицией конца XIV–XV вв.

Ряд заседаний круглых столов и секций, на которых были рассмотрены такие темы, как гимнографические жанры, этноистория, монашество, проходили параллельно во времени с другими сессиями, посвященными проблемам литературоведения. Между тем на этих заседаниях сделали в частности свои интересные доклады Г. Алексеева (Россия) о византино-древнерусской семиографии и А. Ванькова (Россия) о социально-правовом статусе византийского монашества.

Что же касается темы второй пленарной сессии, предусматривавшей рассмотрение вопросов аграрной истории (о византийской деревне), то и постановка проблемы и ее ре-

шение отличались неожиданным своеобразием. Из запланированных 5-ти докладов 2 были посвящены западноевропейской деревне (Б. Кюрсант. "Деревня на средневековом Западе. IX—XIV вв." и К. Уикхэм. "Развитие деревни на Западе. 300—900"). Несомненно, Оргкомитет, принимая эти доклады в качестве пленарных на конгрессе византистов, надеялся на рассмотрение проблемы в историко-сравнительном плане (общее и особенное в жизни деревни на Западе и Востоке). Однако этого не произошло: авторы постарались избежать отвечающей замыслу организаторов постановки проблемы. Один из докладчиков (Б. Кюрсант), признавая необходимость периодического сравнительного изучения западной и византийской деревни, видел свою цель в том, чтобы показать все те трудности, с которыми в таком случае предстоит встретиться исследователю. Во-первых, он констатировал чрезвычайно многообразие форм аграрной жизни и типов деревни в разных географических и климатических зонах самого Запада и различий в традиционных формах организации и происхождения сельских поселений. Во-вторых, он отметил, по сколь многочисленным параметрам предстоит сделать сопоставительное исследование западной и византийской деревни. Однако названные автором критерии для сравнения относятся в основном к той сфере деревенской жизни, которые могут быть выявлены или уточнены главным образом с помощью археологии, а именно: структура поселения, расположение домов, их размеры и материал, крестьянские пахотные участки, место деревни в окружающем ландшафте, характер связи первоначального ядра поселения с окружающими его жилищами, деревня и замок, деревня, церкви и погост и т.п. В заключение своего доклада Б. Кюрсант прямо заявил, что он не готов к детальному сравнительному анализу. "Отчасти и было предусмотрено не вводить в этот доклад критерии для сравнения Запад—Восток, чтобы не затруднять дискуссию", поскольку предварительного рассмотрения требует множество непроясненных фактов и явлений.

Второй докладчик (К. Уикхэм), также констатировав множество местных особенностей в Западном Средиземноморье, упомянул лишь о некоторых характерных отличиях (социальных и культурных) аграрного режима в этом регионе сравнительно с положением дел в Восточном Средиземноморье: более слабые внутриобщинные связи на Западе и более слабые связи деревни с городом, более сильный контроль над деревней со стороны крупных собственников, предпочитавших (в отличие от собственников Византии) жить не в городах, а в своих поместьях. Автор связывает будущий прогресс в сравнительных изысканиях с тщательным учетом всех региональных особенностей, что станет возможным, по его мнению, лишь с ростом археологических материалов.

Два других докладчика (А. Дюнн и С. Элиас) рассматривали особенности социального и экономического положения деревни в Северной Африке и в Северной Македонии. Первый отстаивал тезис, что вопреки принятому мнению об экономическом упадке данной провинции в позднеантичный период, включая VI—VII вв., археология не подтверждает таких заключений. Автор предлагает, прежде чем сравнивать Северную Македонию с другими регионами, провести комплексное исследование, выяснив многосторонние связи деревни (экономические, социальные и культурные) с римскими *vicis*, с городом, с распределением ранневизантийских приходов, с позднеримскими укреплениями, с местными ресурсами. Второй докладчик, напротив, проводил мысль, что широко распространенное мнение, что Египет перед арабским завоеванием оставался житницей империи, является ошибочным. Со времени войн с вандалами регион находился в упадке. Яркое выраженной была аграризация городской жизни. Экономическое восстановление Северной Африки до прихода арабов не произошло.

Третий доклад (П.-Л. Готье) "Деревня византийского Ближнего Востока: новые перспективы" был также посвящен демографическим особенностям ранневизантийской деревни в регионе, отнятом у Византии арабами в 30—40-х годах VII в. (резюме этого доклада, кстати говоря, не было издано в "Предактах" Конгресса).

Не было опубликовано и резюме доклада ответственного за организацию второй сессии Ангелики Лайу ("Эволюция византийской деревни в V—XIV вв."). Ее доклад являлся в сущности вступлением к рассмотрению поставленной на сессии проблемы: автор ограничилась беглым выборочным обозрением новейшей литературы, кратким изложением своей позиции, отраженной в ее трудах, и эскизным обозначением спорных и мало

нию с Афоном) немногочисленность хороших образцов византийской живописи XIV–XV вв.

Жанр комментированного издания икон довольно распространен. Однако комментаторы часто ставят перед собой разные задачи. Очевидно, что иконографические аннотации А. Лидова по замыслу автора в своей сумме призваны стать своеобразным пособием или руководством по истолкованию византийских икон, благо в альбоме представлены памятники самых разных периодов, стилистических направлений и иконографических изводов. Поэтому здесь нет излишней описательности, которыми порой грешат альбомы и каталоги, несмотря на то что хорошие цветные репродукции, казалось бы, избавляют их авторов от необходимости подробно, но поверхностно характеризовать колорит или композицию иконы. На конкретный, специально подобранный пример А. Лидов пробует представить византийскую икону, вне зависимости от времени ее создания, как целостный организм с тщательно продуманной иконографической программой, которую без особого труда мог прочесть если не каждый, то по крайней мере достаточно искушенный в богословских и обрядовых проблемах молящийся. Памятуя, что мы имеем дело именно с молящимся, а не со “зрителем” в теперешнем значении этого слова, автор, находящийся в двойне опасном положении зрителя и исследователя конца XX в., пытается поставить себя на место византийца и показать, на что прежде всего должен был реагировать православный грек X, XIII или любого другого столетия, воспринимая икону как моленный образ и важнейший элемент христианского обряда. Внимание к сюжетам и символам, составляющим язык византийской иконописи, означает пренебрежения блистательной по своим художественным качествам формальной стороной этого искусства, которая осмысливается автором как необходимый и византийцу, и современному зрителю этап или скорее инструмент постижения смысла изображенного. Впрочем, пропорциональное соотношение размышлений автора на эти темы все же говорит о доминировании в альбоме иконографического начала: нормы и практическое значение интерпретации стиля средневекового искусства пока остаются немыми, а атрибуционные проблемы, обычно занимающие так много места в изданиях по византистике и в том числе по иконам синопольской пинакотеки, отходят на второй план.

Тем не менее, уже сейчас можно сказать о том, что А. Лидов демонстративно выводит из юрисдикции истории искусства как истории формы многие детали синопольских икон, которые он склонен воспринимать как основополагающие элементы иконографического замысла. Это касается, например, иллюзионистически написанных ниш, которые служат фонами ранних синопольских икон и, по мнению А. Лидова, обозначают Небесный Иерусалим, или прозрачной набедренной повязки Христа из “Распятия”, зримо узывающей на реальность Боговоплощения и нетление Божественной плоти. Особенно тщательно автор фиксирует детали, которые связывают публикуемые им иконы с синопольской и практикой православного богослужения и указывают на изначальную роль этих изображений в пространстве храма. К сожалению, жанровая специфика альбома делает невозможной аргументацию многих постулированных в нем гипотез. Временами кажется, что апелляция к богослужению и абсолютизация его воздействия на культурное искусство затмевают другие аспекты религиозного быта Византии и приводят к истолкованию в литургическом ключе простейших деталей, которые могли и не нести подобной откровенно символической нагрузки. Впрочем, здесь сказываются естественное для такой гуманитарной дисциплины, как история искусства, отсутствие бесспорно объективных критериев интерпретации византийской иконографии, а с другой стороны попытка автора предложить как можно более действенный метод анализа этого искусства. Однако именно это противоречие парадоксальным образом дает возможность оценить одно бесспорное качество православной иконы – сложнейшую стратиграфию смыслов, которая активно воздействовала на византийское общество и, воспитывая его членов, чутко реагировала на разнообразные запросы их благочестия. Несмотря на то что А. Лидов тяготеет к тому, чтобы свести эти запросы к единственному литургическому знаменателю, его тексты в сочетании с иллюстрациями создают интересный, хотя и не бесспорный образ византийского религиозного искусства.

ОБОЗРЕНИЕ ИТОГОВ XX МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (Париж, 19–25 августа 2001 г.)

Очередной XX (юбилейный) Международный конгресс византистов состоялся в Париже 19–25 августа 2001 г. Подготовка и проведение Конгресса осуществлялась в данном случае Французским национальным комитетом¹.

Число участников Конгресса было на этот раз рекордным: на 20 августа зарегистрировались 772 делегата. Фактически же в Конгрессе приняли участие около 900 ученых (немало делегатов прибыли после открытия Конгресса и зарегистрировались с запозданием). Для сравнения – в одном из самых крупных XVIII Московском конгрессе 1991 г. участвовали около 700 ученых.

Рекордным было и число членов российской делегации – 60 (а вместе с двумя издателями, ответственными за книжную выставку, – 62). Наша делегация уступала по численности только греческой (112) и французской (109)². Молодых (до 34 лет) ученых в составе российской делегации было 21 (т.е. треть ее состава), что и было особо отмечено на заключительной сессии Конгресса.

Российские делегаты представляли 18 научных центров в 8 городах России: в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Волгограде, Барнауле, Тюмени, Владивостоке и Коломне. Сотрудников академических институтов было в делегации 24 человека (Институт всеобщей истории – 17 делегатов, Институт славяноведения – 2, Институт русского языка – 1, Санкт-Петербургский Институт истории – 3, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения – 1). 21 делегат представлял высшие учебные учреждения (МГУ – 8 человек, Уральский университет – 4, Санкт-Петербургский – 2, Волгоградский – 2, Российский государственный гуманитарный университет – 1, Университет дружбы народов им. Лумумбы – 1, Алтайский – 1, Тюменский – 1, Коломенский педагогический университет – 1). От Государственного Эрмитажа было 6 делегатов, от Института искусствознания Министерства культуры – 7, от Государственного Исторического музея – 1, от Дальневосточного института искусств – 1.

Беспрецедентными были льготы, предоставленные французским Оргкомитетом российской делегации. Все российские делегаты были освобождены от уплаты вступительного взноса. 10 молодых ученых и 14 делегатов старших возрастов были приглашены на статусе гостей Оргкомитета. По имеющимся в нашем Нацкоме сведениям, кроме пяти делегатов, прибывших в Париж и пребывавших там только на собственные средства, все остальные получили поддержку либо от своих научных и учебных учреждений, либо от научных фондов (в том числе 10 человек – от РФНФ).

¹ Учитывая слабую осведомленность молодых византистов России о деятельности Международной ассоциации византиноведческих исследований, редакция "Византийского вестника" публикует в конце данного обзора официальный статут Ассоциации (см. с. 224). В настоящее время ее членами являются национальные комитеты следующих тридцати шести стран: Австралии, Австрии, Англии, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Ватикана, Венгрии, Греции, Грузии, Дании, Израиля, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Кипра, Китая, Нидерландов, Норвегии, Польши, России, Румынии, США, Турции, Украины, Франции, Финляндии, Хорватии, Чехии, Чили, Швеции, Эстонии, ЮАР, Югославии, Японии.

² Цифры приблизительны: Оргкомитет не давал точных сведений о численности национальных делегаций.

В структуре Конгресса было 8 пленарных сессий (состоялось 60 докладов), 25 круглых столов (225 выступлений) и 27 так называемых “открытых сессий” (практически секций) (около 430 сообщений)³.

Российские делегаты выступили на 3-х пленарных заседаниях (сделав 6 докладов т.е. 10% от их общего числа), на 6-ти круглых столах (10 выступлений) и в 21 секции (42 сообщения)⁴.

Российские ученые руководили работой 3-х секций (Г.Г. Литаврин, И.П. Медведев, Б.Л. Фонкич). Примечательно, что пленарные заседания открылись выступлением российского делегата М.В. Бибикова на первой сессии, посвященной византийской литературе. Четыре российских доклада состоялись 25 августа на двух последних пленарных сессиях (доклады С.П. Карпова, А.А. Талызиной, В.Г. Ченцовой – на сессии “Люди и города в городах византийских провинций” и доклад И.П. Медведева – на сессии “Instrumenta studiorum”). Пленарный доклад О.С. Поповой состоялся 22 августа на сессии “Афон – Святая Гора. Традиции и новации в искусстве”.

Исключая 2–3 случая, все российские делегаты выступали на трех основных западноевропейских языках. По весьма неполным сведениям от коллег все выступления российских делегатов были с интересом восприняты аудиторией.

Конгресс был тщательно подготовлен, и его организация, как и структура, не вызвали особых нареканий участников. Часть делегатов, однако, в том числе российских, высказывали недовольство тем, что подготовленные ими выступления для круглых столов были перенесены (без ведома авторов) в секции. Необходимо учесть, однако, что программа заседаний круглых столов оказалась чрезмерно перегруженной, и у организаторов не оставалось другого выхода, как перенести в секции часть выступлений, запланированных для круглых столов.

Не столько перегруженность программы, однако, сколько большая численность участников Конгресса обусловила и на этот раз почти полное отсутствие дискуссий. В лучшем случае задавались (коротко) вопросы докладчикам и следовали столь краткие ответы. Этот недостаток остается в настоящее время общим для больших научных форумов и требует, видимо, кардинальных изменений в организации международных конгрессов вообще.

Кратко о научной проблематике Конгресса. Его тематика отличалась большим разнообразием и продуманностью ее звеньев. В частности, тематика большинства круглых столов и части секций была соотнесена с проблематикой пленарных заседаний. В качестве пленарных были определены 8 тем (напомним, что тематика форумов византистов должна отражать разные отрасли византиноведения как комплексной дисциплины и что последняя пленарная тема на конгрессах традиционно посвящается “Instrumenta studiorum” и носит по большей части информационный характер).

Итак, пленарные темы: 1. Дух и форма в византийской литературе. 2. Эволюция византийской деревни в V–XIV вв.; 3. Византия между христианским Западом и мусульманским миром. Данные искусств. 4. Афон – Святая Гора. Традиции и новации в искусстве. 5. Состояние исследований в сфере византийского права. 6. Византия – Поствизантизм. Периферия во времени и пространстве. 7. Люди Запада в городах византийских провинций. 8. Instrumenta studiorum.

В целом проблематика пленарных сессий довольно точно отражает основные приоритеты в научных направлениях современного мирового византиноведения. Очевидной особенностью состояла на этот раз в том, что Оргкомитет ориентировал модераторов и координаторов на освещение тех тем и проблем, которым в последние десятилетия

³ Тезисы пленарных докладов, выступлений на круглых столах и сообщений на секциях были изданы до открытия Конгресса и предоставлены всем делегатам вместе с программой XXe Congrès International des études byzantines. Pré-actes. I. Séances plénières. II. Tables rondes. III. Communications libres. Paris, 2001.

⁴ Точность приведенных цифр относительна: в программу в ходе Конгресса вносились правки, часть докладов не состоялась. К закрытию Конгресса Оргкомитет не успел обработать статистические данные на этот счет.

уделялось достаточного внимания. Это прежде всего местная специфика удаленных от центра империи регионов, независимо от того, остались ли эти провинции в составе Византии или были потеряны ею в VII в. (Сирия, Палестина, Северная Африка, север Балкан), а также преобладание проблем, относящихся хронологически к ранневизантийскому периоду. Значительно большее внимание проявлено в программе к проблемам искусства и истории культуры. 4-м из 8-ми сессий посвящены по преимуществу именно этой тематике (сессии 1, 3, 4, 6). Несомненно, удачным является включение в число пленарных заседаний вопроса о состоянии изучения в настоящее время византийского права – проблемы, долго остающейся на периферии научных интересов византинистов. Сравнительно меньше места заняла на XX Конгрессе, как и на XIX, социально-экономическая (в частности – аграрная) тематика.

Переходя к обозрению пленарных докладов, целесообразно попутно коротко сказать и о том, какое развитие получила каждая пленарная проблема на круглых столах и в секциях.

По первой теме состоялось 7 (?) докладов из 9-ти запланированных, охватывающих широкие аспекты развития византийской литературы на всем протяжении ее истории.

20 лет назад, на XVII Конгрессе в Вене и на пленарных, и на секционных заседаниях проблемы литературы были представлены в весьма широком тематическом разнообразии, а дискуссии были в основном сосредоточены вокруг дилеммы антиквизированной формы и средневекового содержания византийской литературы. Теперь же особое внимание привлекла проблема сложности самого понятия литературы Византии: зачастую, даже в творчестве одного и того же автора присутствуют и популярные и элитарные мотивы. Нормальные данные языка и стиля не исчерпывают “социальную” атрибуцию читательского круга.

Так, М.В. Бибилов (Россия) стремился сопоставить в своем докладе исторические мемуары XII–XIII вв. (Анна Комнина, Никита Хониат) с их так называемыми “народноязычными парафразами” (Феодор Скутариот) и с поэтическими опытами той эпохи (Феодор Продром, Михаил Глика), представляя византийскую литературу как своеобразную сбалансированную словесно-стилистическую игру между классицизмом и “народностью в условиях подъема литературного образования и роста престижности литературного творчества в комниновскую и посткомниновскую эпоху”.

В. Конка (Италия) подчеркнул важное место в стилистике религиозной поэзии (Григорий Назианзин, Роман Сладкопевец и др.) сугубо мирских, часто даже языческих мотивов. Напротив, Р. Маэзано (Италия), сравнив библейские аллюзии у Романа Сладкопевца и Никиты Хониата, показал многофункциональность библейских цитат в памятниках самого разного содержания, даже весьма далеких от духовной литературы. Д. Маттино (Италия) и Л. Перно (Франция) показали важную роль риторики в таких, казалось бы, “прагматических” сферах творчества, как юриспруденция и политический диалог (Феодор Метохит). А.-М. Иерачи-Био определила пути трансформации формы и роли античного диалога в литературной реальности империи от Захария и Синесия до Михаила Пселла и Алексея Макремволита.

И. Шевченко в своем пленарном докладе вернулся к проблеме “оригинальности” византийской литературы, считая эту категорию скорее принципом эстетики нового и новейшего времени, чем критерием оценки собственно средневековой литературы, подвергнув анализу слышавшие “хорошей литературой” труды Фотия, Иоанна Геометра, Григория Пардоса, Михаила Пселла и Иосифа Ракендита.

Руководитель пленарной сессии А. Гарсиа (Италия) остановился на специфике византийской литературы как феномена средневековой культуры, апеллируя к моделям М.М. Бахтина и полемизируя с аксиологизмами Ф. Дэльгера. Докладчик представил византийскую литературу как сложное сочетание разных компонентов и на языковом и на содержательном уровнях, как многообразную мозаику стилей, тенденций, сюжетов и направлений, противоречащих представлениям о пресловутом конформизме византийских авторов.

Живой, развивающейся, далекой от статичности, абстрактности и консервативности византийская литература была представлена во всем разнообразии жанров в докладах и

только как более или менее выдающиеся произведения средневекового искусства. Вообще же, как свидетельствуют недавние проекты других отечественных музеев (выставки типа “Синай. Византия. Русь”, “Россия. Православие. Культура”, “София Премудрости Божия”), на средневековом материале трудно создать удачную экспозиционную концепцию и почти невозможно воплотить эту концепцию на предметном уровне.

В подобных обстоятельствах издание каталога выставки (пусть даже после ее закрытия) – нечто большее, чем дань привычному обычаю сопровождать экспозицию каким-либо комментирующим ее изданием. Каталог в каком-то смысле более выразителен, поскольку в нем удалось структурировать интенции организаторов выставки, которые всегда отчетливо читались под низкими сводами кремлевской звонницы. Авторы каталога пытаются представить в его статьях основные принципы православного культового реликвий, и потому в нем действительно ощущается отмеченное А.М. Лидовым в предисловии смешение жанров: тексты, предваряющие основные разделы издания, могли бы стать составными частями небольшой коллективной монографии о восточнохристианских реликвиях, тем более что каталог является одной из первых отечественных публикаций на эту тему.

Специфика выставки, построенной на материалах российских музейных собраний, предопределила преимущественное внимание авторов к проблемам русской средневековой культуры. Многие из экспонированных святынь – византийского или восточного происхождения, но конкретные, предметные формы их почитания – продукт запросов русского общества. Факт миграции реликвий, присущая им роль носителей культурной информации оттеняют региональную специфику (на выставке и в каталоге отражены сугубо местные сюжеты, связанные с формированием культов русских святых) и в то же время помогают выйти на более широкий уровень. Они позволяют высказаться на значимую для всей восточнохристианской культуры тему роли реликвий в организации сакрального пространства храма, который может осуществлять функции реликвария или ковчега с мощами (статья А.М. Лидова “Сакральное пространство реликвий”), или пространства самого Московского Кремля как одной из важнейших и максимально насыщенных импортной и отечественной святостью сакральных зон Русского государства.

Типология описанных в каталоге артефактов весьма разнообразна и репрезентативна. Здесь есть предметы, которым издавна сопутствовала репутация чтимой святыни, предметы, наделенные функциями реликвии столетия спустя после их создания. Счастливцами мощей соседствуют чудотворные иконы или их списки. Продемонстрированы различные варианты хранения и вообще использования реликвий – их можно заключать в драгоценные ковчеги, вставлять в икону, трактуемую в качестве реликвария, превращать в особо сакральный материал для изготовления новых произведений, почитать, изображая на иконах обретение или перенесение святыни. Однако внимание авторов каталога было обращено не столько на проблему оформления культа реликвий (ей было специально посвящена лишь статья И.А. Шалиной “Реликвии в восточнохристианской иконографии”), сколько на оппозицию “Православный Восток – Русь”, напоминая о традиционно кружащих головы исследователей мифологемах Третьего Рима и Нового Иерусалима, которые неминуемо всплывают на поверхность в стенах Кремля, не так далеко от дворца московских государей. Цементирующее выставку и каталог наличие “своей”, т.е. русской и даже кремлевской колокольни стимулируют желание увидеть в ней не только Корсунь, некогда воспринимавшуюся как один из источников русских святынь, но и первоисточники материализованной в мощах благодати – Иерусалим и Константинополь. Поэтому после статьи И.А. Стерлиговой, где идет речь о византийском почитании новозаветных реликвий и о продолжении этой традиции на Руси, помещены тексты о тех же новозаветных святынях, происходящих из Палестины (Л.А. Беляев, Константинополь (А.С. Зверев) и полулегендарной Корсуни (Т.В. Толстая, Е.В. Уханова). Эти исследования сопровождаются другими текстами, в которых говорится о дополняющих картину собственно русских сюжетах – чудотворных иконах Кремля (Л.А. Шенникова) и реликвиях русских святых – прежде всего похороненных в храмах Кремля московских митрополитов (Е.А. Моршкова, Т.Е. Самойлова).

Заметно, что авторы каталога максимально расширяют смысловое поле слова “реликвия”, которое в принципе не совсем адекватно русской традиции, знавшей всеобщее

лющее слово “святыня” и более конкретный термин “мощи” (ему соответствовали лишь телесные останки и контактные реликвии). Программным становится включение в каталог раздела о чудотворных иконах, которые осмысляются как явление, близкое мощам по функциям и принципам почитания. Хотя подобный подход оправдан двойным статусом такой знаменитой святыни, как Эдесский Нерукотворный образ Христа, и кремлевским статусом экспозиции, он все же мешает классифицировать предметы, почитавшиеся людьми византийского и русского средневековья, и решить сложную проблему взаимоотношения священного образа и реликвии (впрочем, статьи И.А. Шалиной и Д.А. Беляева содержат весьма интересные размышления на эту тему). Поэтому слово “реликвия” приобретает несвойственное средневековью значение мемориального предмета вообще, и в то же время из круга материальных проводников Божественной благодати исключаются, например, такие немаловажные явления, как культ святых источников или запасавшейся впрок богоявленной воды. Следствием этой же установки оказывается неразличение ключевых особенностей почитания раздробляемых и тяготевших к церковному интерьеру материальных останков и не поддающихся разделению, но зато выносившихся на городские улицы и постоянно воспроизводимых чудотворных икон (тем более что динамика копирования чтимых образов в восточнохристианском мире пока остается малоисследованной).

Конечно, нельзя требовать от каталога итоговой, полной и точной (да и где критерии этой точности?) расстановки акцентов. Безусловно, теме реликвий уготовано интересное будущее: на продолжение исследований провоцирует прежде всего русская тематика – культы национальных святынь, параллели и контрасты с православным Востоком и латинским Западом, преемственность и разрыв Нового времени по отношению к средневековому благочестию. Нет никаких сомнений в том, что труды Центра восточнохристианской культуры, реабилитировавшие реликвии, содействуют приобщению к рассмотренным непростым сюжетам и заполнению историографической и культурной лакуны.

А. Преображенский

Л и д о в А.М. Византийские иконы Синая. Москва; Афины: “Христианский Восток”, 1999. 146 с., илл., резюме на греческом яз. (Серия “Икона”, издатель и составитель серии А. Ивинская)

Большие и малые публикации и исследования афонских, кипрских и синайских древностей на Западе стали почти повседневным, но никак не рутинным явлением, а русские ученые в своей массе довольствуются информацией, полученной из вторых и третьих рук. Между тем с недавних пор ситуация стала меняться: Синайский монастырь святой Екатерины предоставил несколько выдающихся икон из своего собрания для экспонирования в залах Эрмитажа, а книга А. Лидова, исследовавшего памятники непосредственно в стенах монастыря, стала первым русским изданием, специально посвященным уникальной иконной коллекции Синая.

Альбому предпослана вступительная статья, в которой автор излагает историю Синая и обрисовывает пути эволюции византийской живописи на примере икон, сохранившихся в монастыре св. Екатерины. Высокое качество и разнообразие памятников синайской коллекции позволяют справиться с этой задачей. Однако самая ценная и информативная часть альбома – воспроизведения и иконографическое описание-комментарий сорока двух икон VI–XV вв. (за рамками книги остались памятники, созданные после падения Византийской империи). Конечно, это лишь верхушка синайского айсберга, поскольку всего икон в монастыре около двух тысяч. Впрочем, осуществленная автором выборка достаточно репрезентативна и отражает реальные черты монастырской коллекции: наличие редчайших икон VI–VIII вв., богатейшее собрание памятников средне-византийской эпохи, уникальная группа икон из так называемых “мастерских крестоносцев”, комплекс интереснейших житийных икон и относительная (например, по сравне-

изученных вопросов (в том числе такой первостепенной, как проблема права земельной собственности в Византии).

Таким образом, новые подходы к изучению в целом одной из важнейших проблем византистики были в сущности только обозначены как программа для исследования на ближайший период.

В стороне от кардинальных проблем аграрная тематика трактовалась и на круглых столах, на которых предполагалось продолжить и углубить дискуссию, завязанную на пленарных сессиях. Назовем вначале все круглые столы: 1. Деревня: региональные исследования (север и запад империи); 2. Деревня: региональные исследования (юг и восток империи); 3. Культурные аспекты деревенской жизни; 4. Монетное обращение в деревне; 5. Сигиллография; 6. Элита и государство во время экспансии; 7. Византийское богословие: приемы и жанры литературы; 8. Монашество: новые подходы; 9. Восточные христиане негречи до ислама; 10. Реликвии и мученичество; 11. Вне пограничных рубежей: византийская икона в позднюю эпоху; 12. Папирус или пергамен; 13. Дипломатическое послание; 14. Прошения в Византии; 15. Умение читать и писать в Византии; 16. Эпистолография и поэзия в жанре эпиграмм: актуальные проекты и вопросы методологии; 17. Агиография и литературные источники; 18. Философия и науки времени Никейской империи и правления Палеологов; 19. Жанры гимнографии и их использование в византийском пении; 20. Магия, ритуалы и церемониал; 21. Новые исследования места расположения византийского Константинополя; 22. Византийская Северная Африка; 23. Византийская Италия; 24. Обмен и конфликты между христианским западом и мусульманским миром; 25. Византия и изучение ее истории (вплоть до 2001 г.).

Аграрная тема, по замыслу, должна была рассматриваться на 3-х круглых столах в 15 докладах на 1-м и 2-м круглых столах (“Деревня в северных и западных провинциях”, “Деревня на юге и востоке империи”) и в 9 докладах на 4-м столе (“Монетное обращение в деревне”).

Казалось бы, важнейшим вопросам жизни византийской деревни в 24-х докладах было уделено достаточно внимания. Однако и здесь этого не случилось. Факт этот представляет тем более неожиданным, что в последнее десятилетие крупным проблемам аграрной истории были посвящены две монументальные монографии представителей западной школы аграрной истории Византии (М. Каплана и Н. Икономидиса⁵), поставивших не мало дискуссионных вопросов.

Совершенно закономерно – в русле пленарной тематики – и на круглых столах продолжалось уснение региональных особенностей жизни деревни на севере и западе, юге и востоке империи; на четвертом столе о “Монетном обращении в деревне” речь шла также по преимуществу о периферийных районах империи. Здесь в частности, были обнародованы и интерпретированы данные нумизматики (включая новейшие), относящиеся в основном к VI–VII вв. и являющиеся одним из наиболее достоверных источников о состоянии экономики, хозяйственных связей с городом, о монетаризации и масштабах разорений от нападений варваров.

Деревня (причем главным образом ранневизантийская) рассматривалась на круглых столах (с привлечением преимущественно археологических материалов) прежде всего как тип поселения (расположение на местности, обеспеченность природными ресурсами (вода, лес), региональные отличия и типология, корни местных традиций, повседневная жизнь, виды занятий, число, размеры, материал и виды строений, орудия труда и домашняя утварь и т.д.). Большое внимание уделялось также демографическим вопросам: этническому составу населения, его плотности, переменам во времени в связи с завоеваниями внешним врагом или разорениями в результате длительных войн и т.д. При этом в поле зрения докладчиков были как находящиеся во власти империи территории, так и потерянные ею (в Сирии, Палестине, Африке). Имелся здесь и доклад (М. Бомпэра), охватывающий вопросы, связанные с территорией Запада – “Деньги в деревне во Франции и на Западе: историки, археологи, нумизматы” (доклад этот несомненно был заказан организаторами в целях

⁵ Caplan M. Les hommes et la terre du VIe au XIe siècle. P., 1992; Oikonomidès N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe siècles). Athènes, 1992.

сравнительного анализа, но ничто не свидетельствует о том, что автор руководствовался подобным замыслом).

Среди докладов о деревне на круглых столах отметим доклад Ж. Лефора (“Деревня в Восточной Македонии”), где особенно важными представляются два тезиса: любая деревня не может быть успешно исследована без ее окружи, без пастбищ, источников и прочих угодий (средняя их величина для каждой деревни в Южной Македонии составляла 15–20 кв. км) и община в той или иной ее форме не исчезла и под господством крупных земельных собственников. Сходные идеи были развиты и в содержательном докладе Л. Максимовича и М. Поповича “Деревня в средневековой Сербии”.

Итак, на круглых столах были достаточно многосторонне рассмотрены вопросы деревенской жизни византийской провинции, в особенности в ранний период истории империи. Было введено в научный оборот не мало новых материалов, сделано много новых наблюдений, намечены перспективные пути и методы дальнейших исследований. Безусловно, важно уяснение и всех поставленных на круглых столах и названных выше вопросов. Но можно ли определить их в качестве основополагающих? На наш взгляд, нельзя. Приходится лишь пожалеть, что ни в одном выступлении на круглых столах не были поставлены, хотя бы в обзорно-историографическом плане, остающиеся дискуссионными кардинальные проблемы аграрной истории Византии (виды земельной собственности, различия между категориями зависимого и свободного крестьянства, пути формирования крупных поместий, доходность крестьянского хозяйства, особенности византийской ренты и т.п.).

Названная выше специфика аграрной проблематики на Конгрессе была характерна, за редкими исключениями, также и для 4-х секционных сессий, посвященных социальным и экономическим проблемам. Причем на одной из этих сессий указанные выше аспекты должны были быть представлены особенно отчетливо (“Деревня, жилище, население”).

Тематика секций была в целом весьма пестрой, как это обычно и бывает на конгрессах. Аграрная проблематика была затронута здесь по большей части только косвенно в 14 сообщениях из 58-ми, в основном на секциях 12 (“Институты, экономика, общество: VIII–XII вв.”) и 14 (“Институты, экономика, общество: XIII–XV вв.”). Сказать о содержании этих сообщений можно то же, что и о выступлениях на круглых столах: освещались периферия, ее особенности, материальная культура; вводились в оборот новые данные археологии.

Несомненно, Оргкомитет рекомендовал и модераторам и организаторам секций специально сосредоточить внимание именно на указанных аспектах, которые долго оставались в тени и не освещались на международных конгрессах (региональные особенности в империи).

В искусствоведческом по преимуществу аспекте (культурное взаимодействие) рассматривалась и третья пленарная тема – “Византия между христианским Западом и мусульманским миром. Данные искусства”. В точном соответствии с этим назначением сессии был сделан (единственный из шести пленарных) доклад Э. Катлер “Обмен одеждами в Византии и исламе: ассиметричные источники – симметричные практики”. Докладчица убедительно показала, что обе стороны придавали большое значение взаимному одариванию одеждами, остро ощущая магию костюма и его знаковое выражение (заключенное в покрое, цвете, материале). Кроме этого доклада, косвенное отношение к заявленной теме имел только доклад В. Франсуа “Столовая посуда в Византии: ремесло и рынок, мало подверженные влияниям извне”. В докладе выявлялись следы влияния импортируемой в Восточное Средиземноморье исламской и китайской керамической техники. Отметим попутно, что проблема технологического обмена между византийским и мусульманским мирами трактовалась в секционном докладе на примере стекольного производства Ю.Л. Щаповой (Россия). Автор установила технологическую зависимость исламского стекла от византийской ремесленной практики. Сходный вывод обосновывала Э. Метисис на примере текстиля: на мусульманском Востоке имитировали не только византийскую орнаментку, но и ткацкую технологию.

Целиком византийско-исламской тематике был посвящен круглый стол “Взаимообмен и конфликты между христианским Западом и мусульманским миром” (руководитель У. Кэги). Его доклад “Связь мусульманскими рейдами в Анатолию и борьбой за Северную Африку в VII в.” был основан на не привлекавшемся ранее отрывке сочинения арабского исто-

рика Ибн Са'да. Докладчик аргументировал вывод, что после прихода к власти Муавий операции арабов в Анатолии, Северной Африке и Средиземноморье были частью общего стратегического плана, призванного обеспечить успех на главном фронте (в Анатолии); наступление в Африке прерывало поток средств в Константинополь из средиземноморских провинций империи и лишало ее стратегических баз. Доклад С. Козлентино "Византийский флот перед угрозой мусульманской экспансии" был созвучен выступлению У. Кэги: докладчик подтверждал тезис о том, что начиная с VIII в. (создание фемы Кивирреоты) развитие военного флота империи инициировалось в технологическом и институциональном отношении арабской экспансией и носило вынужденный характер. Лишь в IX–X вв. военно-морской флот империи играл существенную политическую и военную роль. Византийцы с недоверием относились к морю, а значит – к флоту и морской торговле. Служба на флоте, в отличие от сухопутной армии, была менее престижной. Византийская знать была теснее связана с земельными владениями. Возможно, здесь сказалось и влияние библейских представлений о море как о губительной стихии.

Следующие 4 доклада были посвящены византийско-тюркским отношениям в Анатолии в XIII–XV вв. Два доклада касались византийско-тюркского пограничья в Северо-Западной Анатолии в XIII в. с целью уяснения, с одной стороны, причин фатального для византийцев провала, а с другой – генезиса Османского государства, зародившегося в этом регионе и ставшего вскоре одной из сверхдержав позднего средневековья. В докладе Д. Коробейникова (Россия) рассматривалось во многом загадочное восстание в Кастамоне в 1291–1293 гг. против монголов и марионеточного сельджукского режима в Конье. Докладчик продемонстрировал глубокую вовлеченность палеологовской дипломатии во внутритюркское соперничество в Пафлагонии с целью использовать силы кочевников пограничья в своих интересах. Пафлагонской тематике был посвящен и доклад Я. Бута, который внес ряд уточнений в общепринятые представления о сельджукско-византийской границе, подвергнув радикальному пересмотру географию границы, предложенную Г. Острогорским и Э. Арвейлер.

Р.М. Шукуров (Россия) в докладе "Тюрки-христиане и крипто-мусульмане в Анатолии" ввел в научный оборот неизданный персидский источник XV в. (по рукописи "Географии" Хафиза Авбру из Британской библиотеки в Бодли), свидетельствующий о наличии на территории империи христианизированных общин, тайне исповедовавших ислам. Византийская юриспруденция избегала, в отличие от отношения к иудаизму, правового определения ислама, чтобы не создавать юридических оснований для гонений против мусульман как еретиков и язычников, но она же выводила мусульман за пределы византийского социума. Прием в него был жестко обусловлен переходом мусульман в христианство.

Вопрос о взаимном христианско-мусульманском обращении ставился и на круглом столе "Сигиллография". К. Соде сообщила об открытии новой печати, принадлежавшей Изтийар ал-Дину Гафрас (XII в.) – видному представителю исламизированного рода понтийских Гавров. Последним на византийско-восточной секции было сообщение А. Стати-Шурел, содержащее общий обзор христианско-исламских догматических споров в Анатолии в эпоху Палеологов.

Не менее важные сообщения по византийско-тюркской проблематике состоялись в секции "свободных сообщений". Весьма смелым представлялось сообщение М. Баливе "О некотором сходстве между византийцами и тюрками": в течение XI–XV вв. они сосуществовали на одной территории, тесно взаимодействовали и влияли друг на друга, в том числе в культурной сфере, что обусловило возможность культурного диалога и сближения между византийско-христианским и тюрко-мусульманским субстратами. Методологически новаторский подход М. Баливе сопровождался демонстрацией убедительных фактов и послужит несомненно стимулом к дальнейшему изучению проблемы. Созвучные идеи высказывались и в сообщениях М. Парани, которая показала, что репрезентация восточных персонажей в византийском искусстве XI–XV вв. носит в целом комплексный характер, свидетельствующий о притягательности Востока для византийского сознания.

В секции "Институты, экономика, общество" византист и востоковед Н. Неджипоглу рассмотрела экономическую ситуацию в Константинополе в 1453 г., показала, что на фоне обнищания массы населения узкий слой горожан обладал большими богатствами, но не пожелал оказать материальную поддержку защитникам столицы.

Традиционная для французской науки тема арабского Средиземноморья (особенно североафриканского) была широко представлена на круглом столе “Древняя: региональные отличия (юг и восток империи)”. Докладчики усматривали тесную преемственность между византийским и мусульманским этапами в социальном и экономическом развитии Восточного Средиземноморья, что удостоверяется аграрной историей современной Иордании (сообщение Э. Уолсмли, Фаюма (Р. Бегиол, К. Гобер), Северной Сирии (Ж.-П. Содини, А.-М. Эдде). Большой интерес вызвало сообщение Дж. Кинена, который опровергал принятые положения об аграрном кризисе в Фаюском оазисе в XIII в.: ни в XIII, ни в III–V вв. фаюмская деревня не знала упадка, некоторая реструктуризация хозяйственной жизни не может квалифицироваться как ее деградация.

Арабскому завоеванию в VII в. был посвящен доклад М. Бенаббаса на круглом столе “Византийская Северная Африка”. Автор ввел в оборот неизданный арабский памятник XIII в. – сочинение Ибн Шаббата “Силат ал-Самт” (рукопись хранится в Национальной библиотеке Туниса). Этот уникальный по подробностям источник о географии региона в византийскую эпоху, хотя и составлен шестью веками позже рассматриваемых событий, содержит их древнейшую версию и дает детальный список североафриканских поселений на время их захвата арабами.

На круглом столе по дипломатике А. Байхаммер в докладе “К типологии императорских писем к мусульманским адресатам в эпоху Македонской династии” по отрывкам и пересказам в арабских и сирийских источниках воссоздал реальный византийский формуляр официальных посланий василевсов.

Прозвучавшая в докладах восточная тематика отразила безусловно широкий спектр исследований проблем политической и экономической истории и судьбы культурного взаимодействия на территориях от Магриба до Средней Азии. Вместе с тем итоги Конгресса убеждают в наличии явного кризиса в византийско-восточных штудиях, наметившегося еще в 80-х годах XX в. По-прежнему мало византинистов, владеющих восточными языками, хотя византийско-восточная тематика все более становится предметом занятий именно византинистов. Восточные сюжеты приобретают в этих условиях маргинальный характер, а восточные источники, привлекаемые в переводах или пересказах, выступают как второстепенные. Подобная тенденция губительна для византистики: отношения Византии с Востоком, как мусульманским (арабским, персидским и тюркским), так и доисламским сасанидским, являлись краеугольным камнем не только внешней политики империи – они влияли на все стороны внутренней жизни Византии на протяжении всей ее истории.

Негативные тенденции проявились, во-первых, в замедлении ввода в оборот неизданных источников, в особенности архивных. Восточное письменное наследие (арабское, персидское, тюркское), хранящееся даже в европейских древлехранилищах, остается во многом не освоенным. Еще более сложной является ситуация с собраниями мусульманских архивов (Ирана, Средней Азии, Индии и др.). Византисты, как правило, не выходят за пределы наличных критических изданий восточных памятников (или их переводов), уже отработанных предшествующими поколениями исследователей. Во-вторых, мы являемся свидетелями стагнации целых областей византистики: практически не изучается крупная тема “Византия и Иран в IV–VII вв.” (на Конгрессе лишь два докладчика – арменист Ф. Жиню и нумизмат А. Поттье – касались этой темы); затухает интерес к теме “Наука в византийском и мусульманском мирах” (состоялся только один доклад о геомантии М. Мавроди). По важной проблеме “Христианско-мусульманская полемика и догматические взаимосвязи” не было прочитано ни одного доклада.

Определенный спад характерен и в сфере византийско-османских отношений и в изучении византийско-арабского симбиоза в Южной Италии (на Конгрессе состоялся лишь один обзорный доклад С. Эфтимиадис на круглом столе по византийской Италии). На второй план отходят традиционные для науки XIX и XX веков темы, не получают развития и такие мало разработанные сюжеты, как “Византия и иранский мусульманский мир в XI–XV вв.”, “Византийское и мусульманское искусство” и др.

Нельзя вместе с тем не отметить, что ряд направлений в византийско-восточной проблематике получил в последние годы существенный импульс к развитию и нашел удовлетворительное отражение на Конгрессе, в частности христианско-мусульманские отношения в Анатолии с XI до XIV в. и византийско-арабские связи в Северной Афри-

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
ОРГАНИЗАЦИЯ АССОЦИАЦИИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО БЮРО**

УСТАВ

Статья I

Международная Ассоциация византиноведческих исследований, созданная VI-м VII-м Международными конгрессами, состоявшимися в Париже и Брюсселе в июле августе 1948 г., и Международный комитет, реорганизованный конгрессом, проходившем в Охриде в сентябре 1961 г., имеют своей целью способствовать всеми доступными для них средствами развитию византиноведческих исследований и, в частности, организации общих задач и облегчению публикаций работ международного значения.

Статья II

Ассоциация периодически собирается на общие собрания по случаю международных конгрессов и в том месте, где происходит каждый из этих конгрессов. Собрание имеет право выносить по предложению комитета и при наличии двух третей голосов решение относительно любого изменения в уставе, определять порядок срочности задач и объявлять о роспуске Ассоциации.

Статья III

Международная Ассоциация византиноведческих исследований примыкает к Международному комитету исторических наук и к Международной федерации антиковедов.

Статья IV

МАВИ имеет два органа:
а) Международный комитет;
б) Бюро.

Статья V

В Международный комитет византинистов входят представители стран, учредившие свои национальные комитеты, после принятия их в Комитет по их просьбе об этом. Его местопребыванием являются Афины.

Статья VI

Каждую страну, входящую в Ассоциацию, представляют в Комитете делегат и вице-делегат, причем и тот и другой имеет право голоса.

Статья VII

Международный комитет собирается по случаю каждого конгресса, а в промежутках между конгрессами – настолько часто, насколько это представляется необходимым, однако, не менее одного раза.

Статья VIII

Комитет должен предлагать общему собранию, т.е. конгрессу, все полезные мероприятия, касающиеся международной организации и развития византиноведческих исследований, в особенности место, время и программу каждого конгресса. В период между собраниями, т.е. между конгрессами, Комитет может принимать любое решение в зависимости от обстоятельств, при условии, что он отчитается перед собранием.

Статья IX

Комитет определяет взносы стран-участниц, следит за их поступлением и объявляет об исключении из Ассоциации несостоятельных стран. Он одобряет дела, касающиеся финансовой деятельности Бюро-Исполкома.

Статья X

Бюро Международной Ассоциации византиноведческих исследований подразделяется на:

- а) Бюро-Исполком;
- б) Расширенное Бюро.

Статья XI

Бюро-Исполком состоит из президента, генерального секретаря и казначея, избранных членами Комитета Международной Ассоциации византиноведческих исследований и переизбираемых по случаю каждого общего собрания, т.е. каждого конгресса.

Статья XII

Бюро-Исполком осуществляет текущую работу Международной Ассоциации византиноведческих исследований и имеет полномочия осуществлять любые финансовые операции, касающиеся интересов Ассоциации.

Статья XIII

Расширенное Бюро состоит из:

- а) почетных президентов и вице-президентов;
- б) членов Бюро-Исполкома и
- в) вице-президентов.

Статья XIV

Расширенное Бюро вносит предложения, касающиеся деятельности Ассоциации.

Статья XV

Настоящий устав отменяет предыдущий*.

*Перевод А.А. Чекаловой

циях некоторых конкретных икон, заказанных по специальному случаю. Сообщение Е.Я. Остащенко было посвящено проблеме влияния византийского искусства на древнерусское в первой половине XV в. Э.С. Смирнова в докладе “Образ Христа в русских иконах конца XIII–XV в.” выделила несколько основных иконографических типов и выяснила, когда, где и откуда они появились и распространились на Руси, чем отличались, какие функции выполняли и на что оказали влияние.

Иконам была посвящена также одна из секций “свободных сообщений”. Здесь было представлено несколько обзоров мало известных коллекций поздневизантийских, поствизантийских и русских икон (Минск, Стокгольм, запасники Эрмитажа, Финляндия) и несколько сообщений, посвященных проблемам атрибуции, реконструкции и реставрации некоторых конкретных памятников. В двух докладах речь шла о несохранившихся иконах (Д. Линдсей Оппи “Первые иконы” и О.Е. Этингоф “Средневизантийские иконы с Синая из коллекции Порфирия Успенского”). В ряде сообщений затрагивались проблемы почитания чудотворных икон и реликвий, в том числе влияние культа на иконографию (доклады Д. Попович о почитании реликвий Честного Креста в Сербии и И. Шапиной о влиянии обрядов, связанных с Плащаницей, на формирование иконографии Христа – Мужа Скорбей). В эту же секцию был включен доклад А.М. Лидова “Священство Богоматери в византийской иконографии”, в котором была осуществлена попытка нетрадиционной интерпретации некоторых деталей иконографии Богоматери.

В секции “Византийская и поствизантийская иконография” преобладали сообщения, посвященные истории одной иконографии или интерпретации одного конкретного сюжета. Н. Озолин (“Византийская иконография Преполовления Пятидесятницы”) и И. Синкевич (“Сретение Господне: драма и ритуал”) попытались уловить изменение богословского содержания определенной темы в эволюции ее иконографии на протяжении нескольких столетий. Другие доклады были посвящены интерпретации и поиску источников одного иконографического сюжета (И. Евтич “Некоторые замечания о персонализациях Земли в росписях эпохи палеологовского ренессанса”; Б. Милькович “Иллюстрация второй гомилии на Пасху св. Григория Назианзина”; З. Расолкоска-Николовска, “Богоматерь – Неопалимая купина в церкви св. Георгия в Горен Козяк близ Штина в Македонии” и др.). Несколько иной подход продемонстрировала В. Кепеци: в докладе “Отголоски политической идеологии в росписях одной церкви в Лаконии” она проанализировала иконографию Целования Петра и Павла в росписях Лаконии XII–XIV вв. и связала ее с проблемой взаимоотношений Западной и Восточной Церквей в период латинского господства. Многие докладчики, выступавшие в этой секции, говорили не об иконографии, а о стиле живописи и проблемах атрибуции. Особенно интересными были сообщения Ф. Дроссоянни “Стена-палимпсест и школа живописи в Наксосе” (о группе росписей XIII в.) и А. Василякериса “Эволюция палеологовского художника” (о проблеме индивидуального стиля художника, его эволюции и соотношении с общим стилем эпохи).

Самый разнообразный характер имели сообщения, прочитанные в секции “Искусство поздневизантийского мира”. Многие из них были посвящены новым или мало известным памятникам (М. Георгопулу Верра “Византийские фрески Северо-Западного Пелопоннеса XII–XIII вв.”; А. Кацелаки “Замечания о росписях церкви Богоматери Одигитрии в Аполлене (Лефкада, Греция)”; С. Габелич “Фрески Конче”; П. Милькович Пепек “Некоторые новооткрытые иконы”). В ряде других докладов затрагивалась проблема взаимного влияния византийского и западного искусства. Особенно интересными были доклады В. Фоскулу об общих чертах в искусстве Восточного Средиземноморья в XIII в. и некоторых конкретных проявлениях западного влияния в росписях Оморфи Экклесия на о-ве Эгина (1287 г.) и К. Спану об основных направлениях кипрской живописи XIII в. и об одной мастерской второй половины века. Л. Мавродинова представила новую интерпретацию сюжета оборота знаменитой иконы из Поганова. Следует отметить также доклады М. Глигорьевич-Максимович “Характерные черты сербских ктиторских портретов XIII в.” и Д. Симич-Лазер “Особенности образа Христа – Мужа Скорбей в сербских церквях Моравы”.

Секция “Священные и светские изображения в византийской традиции” также объединяла самые различные темы и жанры. В докладах Э. Литтлвуда “Данные изображи-

тельного искусства о византийских садах" и Ю. Дотерман Мэгуайр "Византийские соколы, приманка и пантеры" показано, что "светские" изображения были использованы как исторический источник для воссоздания некоторых аспектов жизни и мировоззрения византийцев. Отражение политической истории поздней Византии в иконографии Избиения младенцев было темой сообщения М. Камбури-Вамвуку. А. Страти ("Замечания о монументальной живописи Восточной Македонии XII в.") и Э. Болтман ("Монашеские видения: росписи XIII в. в монастыре св. Антония на Красном море в Египте") представили некоторые недавно открытые памятники монументальной живописи. А. Цакалос ("Путешествие в Вифлеем в сельских церквах византийской Каппадокии") и Ж.М. Розенштил ("Давид, Соломон многие другие в композиции Сошествия во Ад") выступили в традиционном жанре иконографического этюда. Сообщения Н. Изар и И. Голован были неудачными попытками интерпретации иконографии Сошествия во Ад и программы Софии Киевской.

Название пленарного заседания "Византия – Поствизантия. Периферия во времени и пространстве" отражает содержание более чем трети всех докладов по изобразительному искусству. Прочитанный на этом заседании доклад Л. Брубэкер "На полях византийского иконоборчества" был посвящен произведениям искусства, свидетельствующим о реакции периферии на исходившую из Константинополя иконоборческую идеологию. Докладчица исследовала также несколько десятков храмов с нефигуративной росписью в Каппадокии, на Наксосе, Родосе, в Трапезунде и других местах и доказала, что отнюдь не всегда такая декорация принадлежит к эпохе иконоборчества.

В секции по иллюстрированным рукописям также преобладала не византийская проблематика. Было прочитано только три доклада по греческим рукописям: Э.Н. Добрынина "Московская рукопись гомилий Иоанна Златоуста и группа рукописей конца IX – начала X в.", Г. Бартхолф "Рукопись XI в. из монастыря Панагии Хозивиотиссы на о. Аморгос" и А.В. Захарова «Миниатюры "императорских" менологиев». Остальные доклады были посвящены армянским, грузинским, молдавским и славянским рукописям. И. Рапти ("Иллюстрации лекционария Хетума II (Матенадаран 979). Источники и функции миниатюр") и К. Маранчи ("Короли и рассказчики: изобразительное повествование в армянском романе об Александре") сосредоточились на функциях миниатюр и соотношении иллюстрации и текста в двух богато иллюстрированных армянских рукописях XIII и XV вв. Э. Варданян ("Армянская иллюстрированная псалтирь XV в.") и Э. Балицка-Витаковска ("Армянский свиток в университетской библиотеке в Уппсале") представили сообщения, посвященные подробному разбору одного памятника. Е. Уханова (Россия), напротив, попыталась выявить общие черты в декоративном оформлении рукописей, созданных в разных областях восточнохристианского мира и в Италии; по ее мнению, эти черты свидетельствуют о влиянии византийской монастырской рукописной культуры.

Различным аспектам византийской культуры в Италии был посвящен один из круглых столов. Следует отметить сообщения И. Хуттер, выявившей основные особенности и этапы развития местной традиции иллюстрирования рукописей в Южной Италии в X–XII вв., и В. Паче, сообщившего о своеобразии восприятия и использования византийских моделей в средневековой Италии, об изменении смысла образов под влиянием иного контекста и художественной среды. В рамках секции "Византия и ее периферия" была прочитана серия докладов итальянских исследователей, представлявших корпус памятников византийской живописи в Италии, готовящийся под руководством М. Бонфиоли. Большая часть этих докладов имела форму обзора византийских памятников в одной из областей Италии или презентации мало известных и недавно открытых произведений. Т. Штеппан представил недавно открытые фрески начала XIII в. в Тироле, в стиле которых, по его мнению, отразилось влияние позднекомниновского искусства. Доклады Я. Фольды и Н. Хелу были посвящены искусству Ближнего Востока эпохи владычества крестоносцев. Многие докладчики из Молдавии, Румынии, Украины и Белоруссии говорили об отражении и развитии византийских традиций в искусстве XV–XVII вв. в этих землях.

Поствизантийскому искусству была посвящена также отдельная секция "свободных сообщений", на который выступали в основном греческие ученые. Преобладали

обзоры памятников той или иной области, презентация и атрибуция мало известных произведений.

На Конгрессе было прочитано более 50 докладов по архитектуре и христианской археологии. В целом их оказалось мало на пленарных заседаниях. Новым исследованием Константинополя был посвящен один из круглых столов, а основная часть выступлений была распределена по секциям “свободных сообщений”. Как и на прошлом конгрессе византинистов, докладчики не пытались решать глобальных проблем развития зодчества или предлагать новую методику исследования. Большинство из них демонстрировало результаты последних археологических и реставрационных работ и освещали локальные вопросы византийской архитектуры. Тем не менее, общий объем информации расширил базу дальнейших исследований по зодчеству Византии и стран византийского мира.

География архитектурно-археологических разысканий отражает особенности научного интереса, возможности финансирования подобных работ и, не в последнюю очередь, специфику окружающего политического климата. Большинство исследований проводилось в последние годы в Турции, причем в районах, издавна доступных историкам архитектуры – в древнем Константинополе и южных областях Малой Азии. Помощь местным археологам и реставраторам оказывали научные центры Великобритании, Италии, США.

Среди раскрытых в Стамбуле построек, представленных Ф. Озгюмюшем (Турция) особый интерес вызывают две церкви: первая в районе Сиркеси и вторая в древнем монастыре Богородицы Перивлепты под армянской школой Саакян Нуян. Ранее предполагаемая в виде октагона, она имела структуру креста, вписанного в прямоугольник. О других выявленных памятниках Царьграда поведали Х. Четынкая (Турция), К. Дарр (Великобритания) и А. Риччи (Италия), выдвинувшая гипотезу о назначении комплекса Кючюкиали на азиатском берегу Стамбула (обследовался в 1995 г.) в связи с обнаружением тут цистерны и остатков купольной церкви. Памятник, идентифицировавшийся ранее с дворцом Бриас императора Феофила (829–842), по мнению Риччи, являлся монастырем Сатира того же времени. Результаты реставрационных и исследовательских работ 1997–2000 гг. в комплексе бывшего монастыря Пантократора, пополнившие сведения о строительной технике XII и следующих веков, представил Р. Остерхут (США). С массивом Константинополя были тесно связаны его окрестности, в частности прилегающая территория Фракии. Дж. Кроу и Р. Бейлиз (Великобритания) обобщили итоги первого этапа (1994–2000) ее исследования, рассказав в частности об оборонительной системе VI в., тянувшейся от Черного до Мраморного моря более чем на 56 км и об атерии водоснабжения столицы длиной 250 км, с акведуками и подземными каналами.

Проблема сохранения наследия Константинополя была затронута итальянскими коллегами. История формирования Большого императорского дворца, организация его понижения его памятников освещались Е. Болонези, а о каталогизации мраморных фрагментов Св. Софии рассказали К. Барсанти и Р. Фламенио. Отдельные памятники города удостоились специального анализа. Пространственно-сложная композиция Софийского собора была рассмотрена С. Уллеа (Румыния). Изучив исторический контекст создания храма св. Полиевкта (524–527) и его архитектуру, К.Л. Коннор (США) предположила мемориальный характер церкви, о чем свидетельствует как ее предполагаемая композиция в виде купольной базилики, так и программа скульптурного убранства. Архитектурный замысел был обусловлен желанием принцессы Юлианы Аникии создать храм, в котором ее погребение соседствовало бы с останками мучеников. В докладе М. Саважа (Австрия) приведен анализ церкви св. Иоанна Предтечи в Трулле, условно датированной исследователем временем около 1100 г. Локализация “райских” монастырей Константинополя по данным печатей и сведениям из “Книги паломника” Антония Новгородского рассмотрена В. Булгаковой (Германия).

Внимание исследователей архитектуры Малой Азии было сосредоточено на обследовании ранневизантийских памятников. Две церкви, обнаруженные в последние годы, представил Р.Л. Ванн (США), а С. Алпаслан (Турция) рассказал о назначении фрагментов со скульптурным декором, во множестве обнаруживаемых при раскопках византийских памятников Малой Азии. С серией докладов о византийских памятниках Киликии

выступили итальянские ученые. Ф. Де Маффеи изложила результаты обследования дворцового комплекса Аккале, а трое ее коллег – М. Делла Валле, А. Парибени и А. Иакобини – представили архитектуру четырех базилик V в. города Канителы (совр. Канлидиване), к северо-востоку от Силифке в Турции.

Результатом другого значительного исследования ранневизантийских построек, на сей раз на Балканах, явилось изучение и реставрация комплекса VI в. в Парентиуме (Пореч/Паренцо в Истрии), включающего церковные постройки и епископский дворец. Этому сюжету были посвящены доклады П. Шевалье (Франция) и И. Матейчича (Хорватия).

Внимание исследователей зодчества Греции и Кипра, напротив, было сосредоточено на памятниках средне- и поздневизантийского периодов и охватывало архитектуру Афона и южных областей. П. Теохаридис на пленарном заседании в докладе “Архитектурная организация Афонских монастырей на протяжении византийского периода” с сожалением отметил малую долю сохранившихся памятников. Особенно пострадали небольшие постройки, входившие в монастырские комплексы или служившие скитами и часовнями. Сообщения источников, как и основной тип сохранившихся монастырей, демонстрируют хорошо известную модель распределения различных построек вокруг двора, в середине которого высился кафоликон (эта структура по-разному трансформировалась в XVI–XIX вв.). Путешественники XVIII–XIX вв. сообщают подробности иерархической структуры использования монастырских дворов и построек. Устройство и состав построек комплексов зависел также от функциональных особенностей монастырей. Фактологический материал по афонским памятникам пополнили сообщения греческих исследователей – С. Мамалукоса и П. Андрудиса.

Строительную технику и композиции церквей Арголиды XI–XII вв., на юге Греции, проанализировала Г. Хаджи-Минаглу (Греция). М. Георгопулу (США) в пленарном докладе “Готическая архитектура и ее воздействие на латинскую Грецию и Кипр” отметила особенности зодчества церквей латинян в греческих городах на бывших византийских территориях после IV Крестового похода. Различия в строительной практике греков и латинян постепенно стирались вследствие проникновения черт готической архитектуры и в храмы православной конфессии. Со временем происходит изменение в восприятии готических построек от представления о них как иностранных и чуждых до признания в качестве родных образов, составляющих часть местного ландшафта. Та же проблема была затронута в исследовании небольшой латинской церкви в Мербаке на Пелопоннесе, представленном М.Л. Коулсон (Великобритания), которая датирует памятник третьей четвертью XIII в.

Докладов по архитектуре окраин империи и сопредельных стран оказалось сравнительно немного. Результаты исследования церковного комплекса св. Сергия в Нитле (Нитиле), в 10 км от Мадабы в Израиле, были изложены в двух сообщениях. М. Пиччирилло (Израиль) рассмотрел архитектуру комплекса с двумя параллельно построенными базиликами, перекрытыми арками и каменными плитами. В одной из них обнаружена надпись Аретаса – царя арабов времени Юстиниана I. И. Шахид (Великобритания) отметил значение впервые обнаруженного памятника, бесспорно возведенного Гассанидами, арабскими федератами Византии.

Украинские коллеги представили два исследования по археологии Крыма. А.Г. Герцен проследил превращение ранневизантийской крепости Дорос в Юго-Западной Таврике в город Феодоро XIV в. и его дальнейшую трансформацию в турецкую крепость Мангуп XV–XVIII вв. Ю.М. Могаричев рассмотрел и классифицировал около 20 пещерных монастырей горного Крыма.

Проникновение художественных форм ислама в памятники Абхазии византийской эпохи продемонстрировала Л.Г. Хрушкова (Россия), основываясь на исследовании плит алтарной преграды из Цебельды (вторая половина VIII или начало IX в.) и на анализе архитектуры дворца в Лыхны, первая фаза создания которого отнесена ученым ко второй половине X в.

Несколькими выступлениями были представлены и памятники культуры славянских народов. Ориентация зодчих сербского короля Милутина (1281–1321) на широкий круг византийских храмов продемонстрирована В. Корачем (Югославия). П. Лекак

(США) и Е. Дерменджиев (Болгария) сообщили новые данные по архитектуре и росписям скальных церквей вдоль ущелья Русенский Лом у села Иваново в Болгарии.

Результаты раскопок 1996–1999 гг. на территории монастыря св. Михаила в Киеве изложил Г. Ивакин (Украина). Обнаружено, что апсида собора 1108 г. была оформлена лопатками и нишами. У юго-западного угла собора раскрыта трехапсидная церковь, а к северу от собора – каменные ворота XII в., некогда украшенные росписью.

Сопоставительному анализу вариантов пятичленных композиций храмов XI в. посвятил доклад А.И. Комеч (Россия), показавший отличия пространственной организации соборов Св. Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке от решений ряда построек в Византии.

За рамки отдельного региона выходят исследования и двух других архитектурных типов. Шестиэкседровые храмы Востока, по оценке Х. Голдфуса (Израиль), копировали церковь св. Евфимии на ипподроме Константинополя. Началу процесса способствовало перенесение императором Ираклием мощей св. Евфимии из Халкидона в эту столичную постройку. Предположения исследователя можно было бы подтвердить и на материале однотипных храмов Закавказья, наиболее ранний из которых – армянская церковь в Арагаце (вторая четверть VII в.). А.Ю. Казарян (Россия) привел новые доводы, связывающие армянские кафедралы типа четырехстолпных крестовокупольных триконхов с храмом Рождества в Вифлееме и проследил формирование аналогичных им грузинских и афонских соборов конца X – начала XI в. Началу изучения интересного вопроса отражения византийской строительной техники в грузинской архитектуре посвятил доклад Д. Хоштария (Грузия).

Взаимосвязи функциональных особенностей храмов и монастырей с их архитектурой рассмотрены в сообщениях И. Ианковеску (Румыния), С. Попович (США), Н. Сиомкоса (Франция) и др. Вопросы архитектуры и истории строительства храмов трактовались также в докладах Ж.-П. Маэ о культе Св. Креста в Армении, З. Схиртладзе о мучениках и мартириях Гареджийских монастырей в Грузии, Ж.-П. Содини и А.-М. Эдде (Франция) о судьбе северосирийских поселений в эпоху исламизации, С. Тамбаки (Греция) о перестройках церквей Фессалоники в мечети, Л. Теис (Германия) об иерархии зон храмов средневизантийской эпохи.

На различных заседаниях конгресса было прочтено около тридцати докладов, посвященных непосредственно “малым искусствам”, художественным ремеслам, пластической декорации храмов, орнаментам во фресковых росписях, или рассматривающих данный материал в историко-культурном аспекте. На пленарном заседании “Афон – Свята Гора. Традиция и новации в искусстве” драгоценные произведения церковной утвари фигурировали в докладе К. Луверду-Цигарида как свидетельства связей верхушки византийского общества с монастырями Святой Горы; анализировались обстоятельства вкладов, исторические судьбы предметов, а также круг вкладчиков. Доклады Э. Катлера (“Дарение одеяний в Византии и исламских странах: различие источников и сходство обычаев”) и В. Франсуа (“Столовая посуда в Византии: ремесленное сословие и рынок мало подверженные внешнему влиянию”) на пленарном заседании “Византия между христианским Западом и мусульманским миром: данные художественного творчества были связаны с произведениями художественных ремесел. В первом на основании текстов был показан, как и почему ценилась роскошная одежда, которую правители дарили своим подданным и иностранным государям в Византии и мусульманских странах. Второй представлял итоги исследования технологии производства, источником импорта и художественного своеобразия бытовавшей в Византии керамической посуды, приведшего автора к интересным и порою неожиданным выводам.

В рамках круглого стола “Реликвии Страстей Господних” Т. Метьюз и Э. Дендридж рассказали о результатах обследования и проблемах изучения выдающегося памятника, значительно пострадавшего от рук грабителей в 1989 г. – драгоценного реликвария Истинного креста, вложенного в 964 г. в Лавру святого Афанасия Никифором Фокой.

Одна из секций “свободных сообщений” “Скульптура X–XIV вв., шелкоделие и ткачество, камни, ювелирное дело” была специально посвящена декоративно-прикладному искусству, но произведения “малых искусств” рассматривались также на других секциях отделения “Археология и история искусства”, так как распределение сообщений по секциям в ряде случаев было случайным.

Наибольшее число выступлений было посвящено произведениям византийских ювелиров. Сообщении Д. Пиже-Панайотовой представляло собой основательную атрибуцию замечательной серебряной курильницы юстиниановской эпохи с чеканными и резными изображениями из жизни Богородицы и черневыми надписями, хранящуюся в музее Анталии. О выдающихся произведениях средневизантийской церковной утвари, еще малоизвестных исследователям, говорилось К. Тотевиным (“Два византийские процессионных креста из Великого Преслава”), связавшим найденные в древней болгарской столице памятники с константинопольской мастерской X в., и В. Ковеленко (“Новые византийские находки из Чернигова и его окрестностей”), в сообщении которого, наряду с рядовым материалом, фигурировало также уже опубликованное, но все еще ждущее серьезной атрибуции чеканное серебряное блюдо с рельефными изображениями св. Николая и святых воинов, являющееся, по нашему мнению, константинопольским произведением конца XI – начала XII в.

О драгоценных иконах речь шла в сообщениях П. Хеферингтона (“Оклад иконы *Sacro Volt* в Генуе и поздневизантийские эмали”), отметившего уникальность техники этого произведения XIV в. и его важность для изучения истории эмали, а также связавшего некоторые необычные черты его иконографии с историческими реалиями XIV в., В. Залесской (“Золотая икона Богородицы Елеусы из Эрмитажа в свете новых эпиграфических и археологических исследований”), существенно расширившей наши представления о выдающемся памятнике – миниатюрной наперсной иконе-мощевике, Анастасии Драндаки (“О серебряной иконе с изображением Благовещения из Музея Бенаки”), введившей в научный оборот новое произведение – небольшую серебряную чеканную икону неизвестного происхождения, изображение на среднике которой по иконографии сходно с одноименным клеймом на знаменитом грузинском окладе иконы Богородицы из Зарзмы. Икона из Музея Бенаки, отнесенная Драндаки на основании иконографических особенностей ко второй половине XII в., по нашему мнению, является блестящей антикварной фальсификацией, на что указывает как прекрасное состояние ее сохранности, невероятное для средневекового произведения, так и нарочитые утраты изображений на ее полях и заменяющие их “поздние” вставки.

Прославленным памятникам византийского серебрения, имеющим давнюю традицию изучения, было посвящено два сообщения. Э. Киесс (“Ставротека из Лимбурга, ее орнаментация и стилистическое многообразие”) говорила не только о перегородчатых эмалях ставротеки, но и о менее известных чеканных частях ее декора, Д. Ружа уточнил историю ставротеки из Эстергома в эпоху позднего средневековья и остановился на некоторых особенностях ее иконографии.

Каменной пластике были посвящены выступления С. Алпаслан о развитии и трудностях в определении предназначения византийской скульптуры Малой Азии; Е. Архиповой, предложившей атрибуцию двух фрагментарно сохранившихся рельефов (с изображениями частей фигуры святого воина и геральдической группы), найденных на территории Михайловского Златоверхового монастыря в Киеве и относящихся, по мнению автора, к наружной декорации храмов XI–XII вв.; М. Гладкой, продолжившей традиции исследования романских черт рельефов Дмитриевского собора во Владимире; А. Каввади, сообщившей о проблемах изучения византийской скульптуры Мистры.

О памятниках художественного ткачества говорили А. Мутесиус (“Влияние византийского шелка на ткани латинского и исламского миров”), А. Хедигер Краг (“Византийские шелковые ткани из собора в Оденсе в Дании”), представившая два предмета из шелка, входящие в число реликвий святого Кнуда, М. Мартиниани-Кубур (“Армянские средневековые ткани: попытка идентификации”) и И. Куйчукова (“Декоративные мотивы византийских тканей по иконографии XI–XIV вв.: происхождение, эволюция и символы”). Об искусстве лицевого шитья речь шла в сообщении Х. Папаставру (“Византийское влияние в шитой пелене XIV в. из Бенедиктинского монастыря в Задаре (Хорватия)”); проанализировавшей антепендиум с изображением тронной Богородицы с Младенцем и коленопреклоненного донатора, сочетающий византийские и западноевропейские черты.

Ю. Щапова (“Византия и мусульманский мир в произведениях резного стекла IV–XII вв.”) рассматривала на материале стеклоделия проблемы взаимоотношений двух

художественных миров и отстаивала мнение о возникновении производства резного стекла в Византии. И. Стерлигова ("Византийские и русские реликварии Страстей Господних XII—XIV вв.") говорила о составе священных вложений и истории четырех древнейших из сохранившихся на Руси реликвариев Страстей. Интересное сообщение М. Шупуп ("Мотивы архитектурной каменной декорации в поздневизантийских стенописях") было посвящено орнаментам, заимствованным живописцами из репертуара рельефной каменной декорации и способствовавших архитектурному единству росписи храма Ж. Альбани ("Средневизантийские камеи") коснулась основных проблем изучения византийской глиптики. М. Константудакис-Китромилидес сообщила о находке любопытного нотариального акта 1390 г. из Архива Венеции, описывающего драгоценности некой византийской дамы из императорской семьи, находящиеся в ее апартаментах в Кандии на Крите. Таким образом, на конгрессе были затронуты почти все виды византийского декоративного искусства.

Безусловно, весьма полезным было сделанное крупными специалистами на 5-й сессии обозрение работ по византийскому праву и определение основных задач предстоящих исследований. Эта важная область византиноведения, уже в течение нескольких десятилетий не пользующаяся должным вниманием, впервые в истории международных конгрессов византинистов была представлена на пленарное рассмотрение. Заседание состоялось 22 августа под председательством Д. Зимона. После его краткого вступительного слова состоялся доклад Ж. Бокампа о ранневизантийском праве в Египте по данным папирусов, содержащих отрывки из кодексов Феодосия и Юстиниана и из новелл Б. Штольте рассмотрел давно занимавшую специалистов проблему степени самостоятельности византийского права сравнительно с римским и позднеимперским (автор видит в праве Византии особый культурный феномен). Последний раз итоги исследования в сфере византийского права были подведены (за истекший послевоенный период) в 1958 г. на XI Конгрессе в Мюнхене. И все-таки теперь, через почти полувековье, византинисты могут указать на новые существенные успехи: критические издания Василия со схолиями, актов Афона, Исаурийской Эклоги, Земледельческого закона, постановлений византийских императоров, ряда номоканонов, сохранившихся и в латинской, и славянской версиях. Иные итоги изучения византийского права в течение последнего десятилетия были подведены в докладе Л. Бургмана. Они позволили уточнить предложенную еще К. Цахариз фон Лингенталем периодизацию (докладчик выделяет с VI до XIII в. 6 этапов в развитии права в Византии).

Свежим подходом к теме отличался четвертый доклад на данной пленарной сессии сделанный Р. Макридисом о правовых аспектах в литературных произведениях. Интересные новые наблюдения были сделаны в обстоятельном докладе Ф. Гория о категориях византийских юристов VI—XII вв., об их квалификации и месте в обществе.

Поздневизантийскому праву был посвящен доклад Э. Папаянни. Опираясь на изданный группой австрийских ученых под руководством Г. Хунгера и О. Крестена регистр Константинопольского патриархата, на труды Димитрия Хоматиана и Иоанна Апокалика и на правовые памятники поздневизантийской эпохи, докладчица пришла к выводу о плохом в то время соблюдении условий юридически оформленных контрактов и о том, что патриархия сплошь и рядом принимала решение со ссылками на императорские решения, цитаты из Священного Писания и даже на особые обстоятельства (бедность от ветчика).

Ряд докладов и сообщений, посвященных правовой тематике, состоялся в рамках секции "Право, философия, науки". Здесь К. Питсакис представил результаты своих изысканий по неизданному поствизантийскому юридическому сборнику Бонефидия Критского, а Л.А. Герд (Россия) выступила с сообщением о подготовке каталога поствизантийских юридических рукописей Российской национальной библиотеки. Особое внимание аудитории (в том числе крупнейших правоведов) привлекло сообщение на этой секции нашего делегата Ю.Я. Вина об опыте создания базы данных по изучению юридической и социальной терминологии правовых документов с использованием специальных компьютерных программ. Создание электронной версии базы данных, которую на материале 8-томного собрания законов ("Василик") Центр "Проблемы исторического познания" Института всеобщей истории РАН (руководитель Центра К.В. Хвостова)

намерен, как сообщил Ю.Я. Вин, завершить в основном уже в 2001 году. Создаваемая база данных может послужить в качестве трудно переоценимого подспорья в работе историков права во всем византиноведческом научном сообществе.

Шестая пленарная тема (Византия – Поствизантия) носила главным образом культуроведческий характер (судьбы византийского наследия). Эта тема, как видно, может стать традиционной на конгрессах византинистов: особое внимание ей было уделено уже на XIX Конгрессе в Копенгагене.

Более плодотворным, сравнительно с аграрной проблематикой, представляется освещение на 7-й сессии вопросов истории поздневизантийского города, внешней торговли и политических отношений империи с итальянскими республиками в Восточном Средиземноморье. Основная цель докладчиков состояла при этом в уяснении истинных масштабов торговых операций западноевропейцев (преимущественно генуэзцев и венецианцев) в византийских городах в XII–XIV вв. и реального влияния латинян на жизнь империи в это время. Председательствовавший на сессии крупный специалист по истории Генуэзской Романии проф. Сорбонны М. Балар справедливо подчеркнул, что указанные выше проблемы не могут быть решены лишь на материале Константинополя. Поэтому исследователи в ходе последнего десятилетия закономерно обратились к городам на периферии империи, несмотря на ощущавшийся при этом крайний недостаток источников. Комниновская эпоха послужила, по его словам, “золотым мостом” для проникновения купцов-латинян в Фивы, Спарту, Коринф, Фессалонику, порты Крита и Кипра. После IV Крестового похода темпы этого проникновения усилились, возросли объемы торговли. На территории империи возникли постоянные фактории латинян. Увеличение масштабов торговли между Востоком и Западом было обусловлено экономической необходимостью, прежде всего демографическим ростом в итальянских городах. Они гораздо более остро нуждались теперь в византийском продовольствии и сырье (зерне, шерсти, коже, хлопке), чем в константинопольских изделиях роскоши. Политические перемены в империи и вне ее лишь создавали благоприятные условия для развития этой торговли.

Доклад К. Сиггара являлся, по сути, вводным к проблематике сессии, так как он анализировал самые понятия “византийский” (как ареал, находящийся не только под властью Империи, но и утраченный ею в XII–XIII вв.), “западное население” (как прежде всего итальянцев, доминировавших в торговле, и французов как главных участников Крестовых походов), “провинциальный город” (как все города империи, кроме ее столицы).

В докладе Л. Балетто было рассмотрено генуэзское присутствие в XIII–XIV вв. на Хиосе и в Фокее, удачно расположенных географически (на перекрестке коммуникаций, в христианском преддверии к миру ислама) и служивших центрами эксклюзивного производства (мастика, алюминиевые рудники и другие редкие продукты). Со второй половины XIII в. Генуя протривостояла и здесь уже оформившейся Венецианской колониальной империи. И Хиос, и Фокея были освоены не столько республикой Генуя, сколько ее частными предпринимателями. Поддержка, которую генуэзцы оказывали здесь греческой церкви, обусловила заинтересованность в них византийских императоров.

Д. Якоби (Израиль) в своем докладе сопоставил два периода проникновения латинян на Балканы: с X в. до 1204 г. и с 1204 до 1261 г. Автор отмечает некоторую условность своей постановки вопроса, ибо Балканы не были едиными ни в политическом, ни в экономическом, ни в географическом отношениях. Положение полуострова (Запад – Византия – Ближний Восток) обусловило быстрое и раннее проникновение латинян если не вглубь полуострова, то во всяком случае в морские порты региона. В первый период интенсификации экономических связей содействовали образованию латинских государств на землях империи, торговая экспансия в Египет и крупные привилегии Венеции, Пизы и Генуи, выданные императорами Византии. После 1204 г. темпы экономического и демографического проникновения латинян на Балканы, особенно в Грецию, возросли, ведущую роль играли при этом венецианцы, вкладывавшие большие капиталы не только в торговлю, но и в производство шелка. Влияние латинян привело уже в первой половине XIII в. к частичной переориентации экономики Балкан (производство продуктов, имеющих высокий спрос на Западе), к структурным переменам рынка и к росту масштабов обмена.

Аналогичные процессы на Кипре были рассмотрены в докладе К. Оттен-Фру. Как период реального проникновения латинян в Византию докладчица считает XIII–XIV вв. и ищет ответа на несколько вопросов: о специфике и значении Кипра, о наличии здесь латинского населения, способного поддержать завоевателей, о реакции на захват острова крестоносцами (1191 г.) со стороны папства, франков Святой Земли, византийцев Константинополя и самих киприотов. Географическое положение Кипра (отдаленность от Константинополя и близость к берегам Малой Азии) определило его судьбу. До завоевания латинянами остров служил для них только перевалочным пунктом в Святую Землю. Пребывание там западноевропейцев было обычно кратким и распространялось только на прибрежную зону. Захват Кипра Ричардом Львиное Сердце не привел поначалу к заметным переменам в экономике острова. Папство смотрело на Кипр как на форпост по обеспечению безопасности латинских государств на Востоке, а западноевропейцы по-прежнему как на перевалочный пункт по пути в Силикию, Сирию, Палестину. Однако венецианцы, генуэзцы и пизанцы (отчасти марсельцы и каталонцы) все активнее осваивали на Кипре свои постоянные торговые фонды и наращивали торговлю между Западной Европой и Восточным Средиземноморьем, как и в пределах региона (с Киликией, Сирией, Египтом).

Экономическим связям итальянских республик с Охридом на рубеже XII–XIII вв. был посвящен доклад Б. Панова (Македония). Основываясь преимущественно на письмах Феофилакта Охридского и на “Географии” Идриси, автор показал, как росли масштабы торговых связей: итальянцы ввозили текстиль, полотно, одежду, церковную утварь, золотые и серебряные украшения, а вывозили продукты сельского хозяйства и сырье (зерно, воск, мед, молочные продукты, шерсть, шкуры, крупный рогатый скот).

Доклады российских делегатов по проблемам латинского присутствия в византийском регионе, сделанные на пленарном заседании, представляли научную школу профессора МГУ С.П. Карпова. Поиск в архивах Италии и комплексное изучение неизвестных нотариальных актов являются одним из приоритетных направлений в работе созданной при историческом факультете МГУ Лаборатории истории Византии и Причерноморья. Итоги работы Лаборатории были отражены в докладе С.П. Карпова «Западноевропейцы в городах византийской периферии: “венецианское” Черное море в XIV–XV вв.». В фондах Венецианского государственного архива докладчик выявил 1191 акт, составленный в Тана тридцатью четырьмя нотариумами. Анализируя акты, он делит их на два комплекта: первый относится к 1359–1360 гг., второй – к началу XV в. Во всех этих документах идет речь о восстановлении фактории – сначала после изгнания итальянцев в 1343 г. и их возвращения в 1358 г., затем – после разрушения города Тамерланом в 1395 г. и его захвата татарами в 1410 г. Автор устанавливает этнический состав населения Таны (включая рабов, которые были здесь тогда главным товаром среди прочих осетрины, икры, мехов и специй), представляя результаты анализа в виде наглядных таблиц. Рост числа русских рабов и сокращение числа рабов-татар было следствием перемен в расстановке сил в начале XV в.: ослабление Золотой Орды сопровождалось усилением бесконтрольных грабительских набегов татар и на венецианскую Тану и на русские земли. Несмотря на то что Тана находилась тогда на территории Золотой Орды, она принадлежала к византийскому миру: здесь была сильная греческая община, имевшая свою (православную) церковь и поддерживавшая активные торговые и культурные связи с Константинополем.

Пленарный доклад сотрудника упомянутой Лаборатории А.А. Талызиной (Россия) был посвящен деятельности венецианского нотариуса Кристофоро Риццо, акты составленные им позволяют осветить некоторые важные стороны истории Таны в 1411–1413 гг. Анализ актов приводит Талызину к выводу о возможных английских корнях Кристофоро Риццо.

В пленарном докладе В.Г. Ченцовой (Россия) “Эволюция локальных рынков и присутствие западноевропейцев в балканских провинциальных городах XIII–XV вв.” рассматривались пути проникновения латинян (в основном венецианцев) на балканские рынки. В центре внимания автора – состояние поздневизантийской экономики: действительно ли XIII–XV вв. ознаменовались экономическим кризисом, отмечено ли это время преобладанием на местных рынках иностранцев и византийской феодальной знати. Исследо-

вательница пришла к выводу о несостоятельности недавно господствовавшей в историографии концепции о полном упадке торговли и натурализации византийской периферии того времени. Отсутствие точных количественных данных не может помешать, по мнению Ченцовой, более позитивной оценке поздневизантийской экономики, чем это делалось ранее.

Румынской ученой М. Добре в пленарном докладе на 7-й сессии “Венецианцы в фессалоникских источниках XV в.” освещена проблема на локальном материале (г. Фессалоники) отношений византийцев и латинян в драматической атмосфере XV в. В условиях осады города Мурадом II перед греками встал вопрос выбора между турецким или венецианским владычеством. И те, и другие были для жителей Фессалоники представителями чуждых культурных, религиозных и политических традиций. Из двух зол византийцы избрали меньшее – христиан-латинян. Этот выбор отнюдь не понуждал фессалоникцев забыть свое отличие от латинян – он указывал в данном случае лишь на возможность диалога (“altérité de dialogue”). Совершенно иным было отношение фессалоникцев к туркам: они представляли “абсолютную инаковость” (“altérité absolue”).

Более широкой “городская” проблематика была представлена и на круглых столах и в секциях: здесь ставились вопросы типологизации городских поселений, развития внутреннего и внешнего рынка, монетного обращения, градостроительства и возведения городских оборонительных укреплений. Упомянем в этой связи сообщения С.В. Ближнюк, А.Г. Еманова, М. Геролимату, В. Гюзелева, В. Неранци-Вармаци и Н. Несипоглу.

В целом следует заметить, что при рассмотрении на Конгрессе неизменно актуального вопроса о роли латинян в экономической и политической жизни Византии в докладах западных (а отчасти и российских) ученых была отчетливо выражена тенденция к преодолению еще недавно господствовавших однозначно негативных оценок. Не без преувеличений, однако, старые оценки заменялись новыми – почти столь же однозначно позитивными.

Тематика последней 8-й пленарной сессии была на этот раз значительно расширена. Помимо традиционной информации (издательская деятельность Ассоциации, состояние работы над проектами по византийской просопографии и созданию базы данных по библиографии, новое в исследовательской технике и т.п.), на 8-й сессии было сделано 10 сообщений о состоянии исследований в смежных дисциплинах (палеография и кодикология, дипломатика, лексика и язык, эпиграфика, быт и материальная культура, искусство, историческая география, музыка, нумизматика, сигиллография), а также несколько докладов о научном наследии, сохранившемся в архивах византинистов старших поколений: Санкт-петербургских (здесь уместно упомянуть интересный доклад И.П. Медведева об архиве российских византистов в Санкт-Петербурге), германских (доклад Ф. Тиннефельда о “Крумбахериане”), болгарских (доклад А. Джуровой и П. Шрайнера о деятельности и собраниях научного центра “Иван Дуйчев”).

Теперь коротко – общая характеристика работы круглых столов. В целом тематически на 25-ти круглых столах преобладали проблемы, связанные с религией, историей церкви и монашества (7 круглых столов) и проблемы литературы, науки, культуры и искусства (8 столов). Помимо упомянутых выше круглых столов по аграрно-экономической тематике, отметим специально два круглых стола, на которых трактовались социальные аспекты жизни византийского общества (“Элита империи в эпоху экспансии” и “Прошения подданных к императору”).

Что касается тематики сессии “свободных сообщений” то она, как это обычно бывает на секциях международных конгрессов, была чрезвычайно пестрой, охватывая в сущности все отрасли византиноведения как комплексной дисциплины, и была в меньшей мере, чем тематика круглых столов, соотносена с проблематикой пленарных докладов. Приоритетными были и здесь темы, связанные с историей религии, церкви, культуры и искусства (16 сессий из 27). Специальными были сессии, посвященные смежным дисциплинам (нумизматике, сигиллографии, археологии). На одной из сессий трактовалась проблема, бывшая на XIX Конгрессе в Копенгагене одной из главных, а именно проблема этнополитической идентичности (“Византия и другие”. Этой сессией руководил И.П. Медведев).

Что касается проблематики докладов и сообщений российских делегатов, то о них следует сказать особо. В целом эти доклады, выступления и сообщения находилась в русле кратко охарактеризованной выше тематики мирового византиноведения. Наши делегаты на Конгрессе также продемонстрировали почти полное отсутствие интереса к некогда ведущей в российской византистике социально-экономической теме. Хозяйственная жизнь города косвенно освещалась лишь в докладах С.П. Карпова, В.Г. Ченцовой и А.А. Талызиной, а аграрная проблематика – только в одном сообщении Г.Г. Литаврина. Более того, специфика в тематике докладов российской делегации заключалась даже в относительно большем внимании, сравнительно с докладами делегатов других стран, к проблеме искусства (16 докладов), религии и церкви (10 докладов) и вопросам источниковедения (13 докладов в связи с анализом источников религиозно-церковного содержания).

Данная особенность современного российского византиноведения вполне объяснима: широкий интерес к искусству Византии и высокий научный уровень российского искусствоведения издавна обусловлены значительным количеством памятников византийского искусства, хранящихся в музеях России. Повышенное внимание к конфессиональным вопросам объясняется также длительным перерывом в их изучении в советское время. Теми же в основном причинами определяется особый интерес (причем прежде всего со стороны молодых ученых) к источниковедению, так как среди письменных источников, впервые по-настоящему вводимых в научный оборот, имеется множество памятников житийной литературы, богато представленной в отделах греческих рукописей наших древлехранилищ.

В целом существенный вклад в научные достижения XX Международного конгресса внесли несомненно и российские византисты, представляющие теперь византиноведческие центры не только в европейских регионах России, но и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Подавляющее большинство докладов российских делегатов по указанным темам было сделано на высоком научном уровне, о чем говорится в письме организаторов Конгресса, полученном Отделением истории РАН, дирекцией Института всеобщей истории РАН и Центром по изучению византийской цивилизации этого института вскоре после завершения форума.

Нельзя не выразить, однако, сожаления по поводу ярко проявившейся диспропорции и односторонности в тематике современных исследований российских византистов (в особенности молодых). Самое главное состоит в том, что за пределами их внимания остается основной фонд источников по истории Византии во всем их жанровом разнообразии. Без овладения же этим фондом трудно рассчитывать на успешное становление византиста-профессионала. На преодоление указанной тенденции потребуются по-видимому, значительное время в условиях ослабления планирования научных исследований и приверженности молодежи к полной самостоятельности при определении приоритетов собственного научного поиска. Приходится надеяться прежде всего на здравый смысл становящихся на ноги молодых специалистов и на естественное их желание сказать веское слово в науке.

В целом XX Конгресс свидетельствовал об активизации византиноведческих исследований в мире, о росте научного авторитета Международной ассоциации, о появлении новых имен видных специалистов, о большом притоке в науку о Византии способной молодежи. На пленарных сессиях, на круглых столах и в секциях было высказано немало новых оценок, наблюдений и гипотез. Весьма полезной и важной была информация о новых археологических открытиях, о находках неизвестных ранее печатей и монет, о вводимых в научный оборот новых письменных источниках и об освоении архивных материалов по истории византиноведения.

Помимо отмеченного выше отхода от постановки на Конгрессе крупных социально-экономических проблем, определенным недостатком можно считать также отсутствие в программе таких кардинальных вопросов, как судьбы ранневизантийского городского эволюции административной системы, специфики византийской культуры, методологии научных исследований (при преобладающем ныне преимущественном внимании к фактологии).

Проведение Конгресса сопровождалось мероприятиями культурно-познавательного характера. 24 августа “византийским хором” Греции и органическим ансамблем париж-

ского собора св. Этьена для участников Конгресса был дан концерт “благочестивого пения”.

Работу Конгресса украшали также организованные хозяевами четыре выставки византийских древностей: 1. Заново обретенная Византия. Эрудиты и путешественники Франции XVI–XVIII вв.; 2. Сокровища Святой Капеллы; 3. Сокровища Византии. Греческие рукописи Французской национальной библиотеки; 4. Византийское искусство в коллекции Габриэля Мийе (историка искусства: 1867–1953).

Для участников Конгресса был открыт бесплатный доступ в библиотеки и ряд музеев Парижа, прежде всего в Лувр.

Были организованы и выставки книг по византиноведению, вышедших между двумя конгрессами, т.е. между 1996 и 2001 гг. Их устройством в данном случае занимались не нацкомы, как в основном это было ранее, а издательства, причастные к византистике. Наша выставка в большей части ее состава была обеспечена петербургским издательством “Алетейа”, опубликовавшим начиная с 1996 г., более полусотни научных книг о Византии, два тома серии “Славянская библиотека”, три выпуска серии “Причерноморье в средние века”. В немалой мере по этой причине выставка российской литературы имела явный успех. Помимо книг, опубликованных данным издательством, на выставке были представлены более 30 книг, опубликованных другими издательствами, в том числе 5 томов “Византийского временника”, крупные публикации по искусству Византии и др. Большинство книг с выставки российской делегации, по нашей давней традиции, было подарено нами и издателями библиотекам Сорбонны и Коллеж де Франс, т.е. хозяевам Конгресса.

В ходе Конгресса состоялись 4 приема: два организованные Оргкомитетом при открытии и закрытии Конгресса, один, данный президентом Ассоциации Жильбером Дагроном для Международного комитета Ассоциации в Малом Люксембургском дворце – резиденции сената, и один, устроенный Немецким институтом истории в Париже.

21 и 23 августа имели место заседания Международного комитета. От России в них как члены Комитета участвовали председатель Нацкома византистов России Г.Г. Литаврин и его заместитель И.П. Медведев. На первом заседании были заслушаны отчеты президента, генерального секретаря и казначея, а также руководителей комиссий.

На заседании 21 августа были названы нацкомы (в том числе российский), не имеющие (включая 2001 г.) задолженности перед Ассоциацией по ежегодным взносам.

На втором заседании 23 августа в состав Ассоциации были приняты Грузия, Эстония и Турция (с настоятельной просьбой к турецкой научной и культурной общественности принять все меры к прекращению систематического разрушения византийских памятников на территории Турции).

На этом же заседании было избрано новое бюро Ассоциации. Президентом на альтернативной основе был избран профессор Кельнского университета Петер Шрайнер (бывший до этого казначеем). Результаты тайного голосования: 50 бюллетеней из 57 за П. Шрайнера. При одном недействительном бюллетене и отсутствии бюллетеней против были избраны генеральным секретарем Ассоциации Евангелиос Хрисос (Греция), а казначеем – Сесиль Морриссон (Франция). Почетным президентом стали Ж. Дагрон и К. Манго. Членами Международного комитета с правом голоса остались на новый срок Г.Г. Литаврин и И.П. Медведев. Литаврин сохранил звание вице-президента Ассоциации (их в настоящее время 9). Местом очередного конгресса в 2006 г. был определен Лондон.

Г.Г. Литаврин (общее обозрение, деревня),

М.В. Бибиков (литература),

Р.М. Шукуров (Запад – Восток),

А.В. Захарова (изобразительное искусство),

А.Ю. Казарян (архитектура),

И.А. Стерлигова (декоративно-прикладное искусство),

Л.А. Герд (право),

А.А. Талызина (западноевропейцы в провинциях империи).

ке. Следует, кроме того, признать в качестве положительной тенденцию к появлению трансвременных исследований ближневосточной истории, которые нацелены на анализ динамики экономических структур на больших временных промежутках, включающих как византийский, так и мусульманский периоды.

Как выше было упомянуто, Оргкомитет уделил в программе особенно большое внимание проблемам культуры и искусства. В рамках трех пленарных заседаний ("Византизм между христианским Западом и мусульманским миром. Данные искусства Афона – Святая Гора. Традиция и новации в искусстве"; "Византийское и поствизантийское Периферия во времени и пространстве"), двух круглых столов ("Вне границ: икона в Византии в позднее время" и "Византийская Италия") и семи секций свободных сообщений ("Иллюстрированные рукописи", "Искусство поздневизантийского мира", "Поствизантийская Греция", "Византия и ее периферия", "Византийская и поствизантийская иконография", "Иконы", "Священные и светские изображения в византийской традиции") было прочитано около 130 докладов по изобразительному искусству.

Выступления имели самый разный характер. Как и раньше, достаточно четко обозначались различия в подходе и методах исследования между западноевропейскими и американскими учеными, с одной стороны, и представителями Греции и стран Восточной Европы – с другой. Доклады последних были в основном посвящены конкретным частным проблемам: мало изученным или недавно открытым памятникам, вопросам датировки и атрибуции, интерпретации или истории развития и распространения того или иного иконографического сюжета. Значительная часть сообщений имела форму обзор мало известного материала какой-либо коллекции или области. В западной византистике преобладает тенденция к максимальному расширению круга изучаемых памятников и проблем, к междисциплинарности и переходу от классического искусствознания к культурологии. Особенно много докладов ученых было посвящено искусству периферии и соседних с Византией территорий.

Многие заседания были намеренно составлены из сообщений, посвященных самым разнообразным аспектам византийской культуры: живописи, архитектуре, искусству малых форм, предметам быта, реликвиям, письменным источникам, литературе, палеографии, обрядам и церемониям и т.д. За такой планировкой заседаний угадывается стремление организаторов к всестороннему освещению той или иной проблемы и желание следователей обогатить свою науку методами других дисциплин. Для историков искусства наиболее соблазнительными оказываются богословие, литургика и особенно точниковедение и политическая история; однако часто отсутствие необходимой подготовки в этих областях снижает научную ценность докладов. С другой стороны, стремление заменить методы традиционной истории искусства инструментарием других дисциплин приводит к тому, что произведения живописи, скульптуры и архитектуры начинают рассматриваться только как свидетельства об определенных социальных, экономических и политических процессах или как отражение конкретных идей (как правило, речь идет либо об имперской идеологии, либо о богословских спорах). Интересно отметить, что увлечение богословской и литургической интерпретацией иконографических программ и отдельных сюжетов пошло на спад, а функционально-социологический подход преобладает. Большой интерес у исследователей сейчас вызывают темы, находящиеся на стыке нескольких дисциплин. Одна из таких популярных ныне тем – реликвии и чудотворные иконы, особенности их почитания и связанные с ними обряды и сказания. Истории собирания и развитию культа реликвий, связанным с этим обрядам, сказаниям и идеологии был посвящен отдельный круглый стол.

В меньшинстве оказались доклады, целью которых было выявление и осмысление каких-либо крупных процессов или основных направлений в развитии искусства определенного периода в том или ином регионе Византийской империи. Такая проблематика преобладала в докладах пленарного заседания, посвященного искусству Афона. Е. Цигаридас представил всеохватный обзор памятников станковой и монументальной живописи X–XV вв. на Афоне; особое внимание он уделил недавно открытым произведениям. Главной задачей докладчика было соотнести эти памятники с другими произведениями и направлениями в византийской живописи, датировать и атрибутировать их местным школам (в первую очередь школам Константинополя и Фессалоники) или извест-

ным мастерам (Панселину, Михаилу и Евтихию, Георгию Каллиергису). Г. Галаварис рассмотрел основные особенности и этапы формирования местной традиции производства иллюстрированных рукописей на Афоне в византийское и поствизантийское время. Доклад Б. Годича был посвящен изображениям новых святых в монументальной живописи Афона в XIII–XIV вв. и влиянию этих изображений на распространение культа этих святых. О.С. Попова говорила об одной иллюстрированной рукописи Слов Исаака Сирина и о проявлении аскетических устроений в византийской живописи XIV в. Доклады К. Ловерду-Цигарида “Произведения декоративно-прикладного искусства как выражение отношения Афона к церковной аристократии и политике Византии” и П. Георхаридиса “Архитектурная организация афонских монастырей в византийское время” дополнили эту панораму развития изобразительного искусства на Афоне.

Несколько иной характер имело пленарное заседание “Византия между христианским Западом и мусульманским миром. Данные искусства”. Прочитанные на нем доклады затрагивали такие разные аспекты византийской цивилизации, как одежда, керамика, готическая архитектура и восприятие изобразительного искусства вообще. Э. Катлер на основании анализа источников сделал несколько интересных выводов о том, как и почему ценилась роскошная одежда, которую правители дарили своим подданным и иностранным государям в Византии и мусульманских странах. В докладе М. Георгопулу, посвященном готической архитектуре в Греции и на Кипре в период латинского господства, развитие местной строительной традиции и готического стиля рассматривалось как отражение национального самосознания и политических амбиций разных слоев населения этих территорий. Сообщение В. Франсуа “Столовая посуда в Византии: ремесло и рынок, мало подверженные влиянию извне” имело характер добротного археологического исследования. Ж.-М. Спизер выступил с историко-философским очерком эволюции представлений о Византии и византийском искусстве на Западе в новое и новейшее время. На фоне этих выступлений несколько неожиданно прозвучал доклад Р. Нелсона “Византийское искусство и Запад: асимметричные отношения”. Стремясь объяснить различное отношение к влиянию извне в византийском и средневековом западном искусстве, исследователь доходит до заключения о некоторых базовых различиях в функциях и восприятии образа в этих двух культурах. Задача западного искусства – рассказывать, учить, документировать и обозначать; искусство здесь служит как эквивалент слова, оно заменяет собой религиозное учение и политические идеи. Главная функция византийского образа – представлять первообраз и делать возможным общение между верующим и Богом; икона Христа воспринимается не только как знак, но и как следствие Боговоплощения, сделавшего возможным Его изображение.

Вероятно, потребность снова сформулировать идеи, лежащие в основе византийского искусства, появилась в противовес функционально-социологическому подходу и попыткам модернизации мировоззрения византийцев. Аналогичные цели были поставлены А. Вейл Карр, возглавлявшей круглый стол по поздневизантийской иконе. Чем был образ для византийцев, какой смысл они в него вкладывали и чего ожидали? Чем отличаются поздневизантийские иконы от произведений, созданных в другое время или в других землях? Установка на осмысление некоторых общих теоретических проблем так или иначе присутствовала почти во всех докладах, прочитанных в рамках этого заседания. Сообщения М. Хелдман (“Иконы св. Луки в Эфиопии”) и Б. Пенчевой (“Воображаемый Константинополь: копии и сказания об иконе Богоматери Одигитрии”) были посвящены особенностям почитания чудотворных икон. Две другие докладчицы говорили о взаимодействии византийского и итальянского искусства. Доклад Р. Корри был посвящен двум иконам Коппо ди Марковальдо и проблемам использования и усвоения византийских образцов в Италии в XIII в. Л. Хадерман Мизгши говорила о трактовке пространства в критской иконе XVI–XVII вв.: при том, что критские мастера перенимали многие приемы итальянской ренессансной живописи, они стремились сохранять плоское пространство, которое воспринималось как главный критерий “иконности” изображения и как национальная особенность критской живописи. В докладах Э. Бакаловой (“Богородичные иконы в поздней Византии: понимание смысла специального заказа”) и М. Василяки (“Мария Палеологиня и ее иконы”) речь шла об истории и особых функ-

ВЫСТАВКА КОПТСКОГО ИСКУССТВА И ПИСЬМЕННОСТИ В ЭРМИТАЖЕ

На конец XX в. пришелся 100-летний юбилей собрания коптского искусства, ремесла и письменности Эрмитажа. Основу этого собрания заложил хранитель Отделения средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа Владимир Георгиевич Бок (1850–1899). Ныне она включает более 5,5 тысяч разнообразных памятников, являясь одной из самых полных в мире (в ней отсутствуют только произведения монументальной живописи). Эрмитаж отметил этот юбилей рядом мероприятий. В сентябре 1999 г. была проведена Всероссийская научная конференция “Копты”: религия, культура, искусство” (были изданы тезисы докладов участников конференции). В ноябре 2000 г. Отдел Востока Эрмитажа посвятил памяти В.Г. Бока научное заседание. В конце 2000 г. издательство Эрмитажа выпустило сборник “Coptica Hermitagiana”, в котором отражена многогранная деятельность исследователей, занимавшихся собиранием, реставрацией, классификацией, экспонированием, изучением коптской коллекции музея за 100 лет. В ряду этих мероприятий стоит и организация временной выставки “Сокровища египетских пустыньников (Памятники коптского искусства и письменности в собрании Государственного Эрмитажа)”. Она функционировала в четырех залах Зимнего дворца с 26 октября 1999 г. по 15 марта 2000 г. Пожалуй, для специалистов и рядовых посетителей музея устройство такой выставки было наиболее важным событием из всех мероприятий, посвященных юбилею коллекции, поскольку с 1965 г. в Эрмитаже нет постоянной экспозиции коптского искусства и культуры. На выставке было представлено около 300 экспонатов, датируемых от I до XI в. включительно. Перед посетителями выставки стояли две главные цели. Первая – как можно полнее представить состав музейного собрания по материалам (ткани, камень и т.д.). Вторая – отразить основные компоненты искусства египтян-христиан. Понятно, что выросло это искусство на многовековых местных традициях, заимствовало образы, сюжеты, технические приемы у греков и римлян, обращалось к изобразительным мотивам Персии, Сирии, Византии и даже Индии. Естественно, что слияние таких компонентов определило своеобразный, неповторимый характер коптского искусства. Следует указать и еще на одну особенность этого искусства. Известно, что Египет был родиной христианского монашества. Этот мощный институт имел огромное влияние на многие стороны жизни страны, в том числе (а может быть, даже первую очередь) и на художественную деятельность. Недаром В.Н. Лазарев определял коптское искусство как искусство монастырское по духу и формам. Именно эти особенности искусства христиан долины Нила и постарались в первую очередь продемонстрировать организаторы экспозиций.

Самый большой раздел на выставке был отведен наиболее распространенному в египетских ремеслах – ткачеству. (В собрании музея более 3300 тканей IV–XII вв. из разных материалов, различной техники и многообразного назначения.) На ряде тканей отражены мотивы древнего Египта: нильские сцены, знак жизни (анх), цветок вечности лотос, “божественное око” (уджат), скарабей и др. На многих тканях изображены античные боги, герои, олицетворения; Гея, Дионис, Афродита, Зевс, Гермес, Гера, Афина, Эрот, Геракл, Ники, персонификации месяцев. Нельзя не отметить уникальную ткань-медальон X–XI вв. с изображением Ганимеда, кормящего орла. Конечно, большое место отводилось тканям с христианской тематикой. На десятке с лишним образцов были представлены эпизоды истории патриарха Иосифа и царя-пророка Давида. Интересны ткани с изображениями сцен христологического цикла. К редким памятникам можно отнести ткань VIII–IX вв. с изображением крещения народа апостолами (Ин. 4: 2). Уникален украшавший детскую тунику медальон V–VI вв. с изображением мученичества иконоийской девы, равноапостольной святой Феклы. Нельзя не обратить внимания и на фрагментированную ткань, на которой представлен ангел(?) с венком и вышита греческая надпись: “Милость божия со святым господином Коллуфом” (VI в.). Очень популярен у коптов был мотив всадника: охотника, воина, святого. Среди тканей с этим мотивом отмечу два медальона. На одном (VII в.) представлен весьма популярный в Египте святой Сисиний, поражающий дьяволицу. На другом (VIII в.) этот же святой вместе со

своим братом Синодором (вариант – Сисинарием) преследуют женских демонов. На нескольких тканях VIII–IX вв. видим всадника с нимбом и с императорскими регалиями; слева и справа от него – по одной человеческой фигуре со связанными за спиной руками. Мне представляется, что эти сцены можно трактовать как символические изображения Иракия I, разгромившего аваров и персов. На десятках тканей вытканы или вышиты кресты, монограммы и “альфа” и “омега”.

Значительное место в экспозиции занимали изделия из камня (известняк, песчаник, мрамор, диорит): надгробные плиты, детали архитектурного убранства монастырских построек, церквей, погребальных часовен, формы для отливки мелких изделий (медальонов, колец, подвесок и т.п.) и др. Отмечу наиболее интересные памятники: фрагмент жертвенного блюда из мрамора с изображением Давида, отправляющегося на поединок с Голиафом. Датируется оно концом IV – началом V в., а 12-тистрочная коптская надпись погребального содержания исполнена в VIII в. К V в. относятся диоритовая головка ангела и фрагмент рельефа с изображением Даниила во рву львином. Большой интерес представляют известняковые плиты VI–VII вв. с изображениями трех монахов-мучеников в раю и нетрадиционно решенная сцена “Жертвоприношение Исаака”. Этим же временем датируется известняковая плита, украшенная крестами и анхами, с греческой надписью: “Монастырь дев”. К редким образцам относятся и капитель пилястры в форме плиты (VII–VIII вв.) из Луксора. Необычайно разнообразны по оформлению и широте временного диапазона надгробия. Стелы эрмитажного собрания дают хорошее представление об общей эволюции этого вида погребального искусства. Ранние памятники II–IV вв. (Коптос, Ком-Абу-Билу) украшены поясными или в рост изображениями умерших, сопровождаемыми скупыми пояснительными надписями. Стелы V–VII вв. (их в нашем собрании довольно много) насыщены изобразительно-символическими мотивами (оранты, птицы, анхи, кресты, монограммы, алтари и др.), как правило, сопровождаемы надписями. Надгробия VIII–X вв. обычно без изображений, но с пространными надписями. Отмечу несколько памятников этой категории: стела монаха Патермугия высотой более 1 метра (самое большое надгробие в собрании Эрмитажа), стела с коптской надписью: “Колфе плотник, Бог с тобою!” и с фрагментарно сохранившимся изображением покойника, и с прямоугольным отверстием в центре, означающим вход в рай. Но, вероятно, самым загадочным надгробием нашего собрания является кирпичеобразный мраморный блок, на одной из больших сторон которого выбиты четыре бороздки (две продольные и две поперечные), процарапан крест и надпись, которую одни специалисты переводят: “Коллуф христианин”, а другие – “Последователь (следующий за) Христа (Христом)”. Судя по всему, это очень редкий и ранний (вряд ли позднее IV в.) памятник.

Не менее разнообразными были также изделия торовтов из бронзы, латуни, железа: кресты, лампы, кадило, курильницы, переносные алтарики, канделябры, сосуды, медальоны, подвески, но больше всего – светильники. Наибольший интерес посетителей вызывали такие памятники, как бронзовый канделябр (V–VI вв.) в виде фигуры женщины, стоящей на колонке и держащей двух барсов, поддерживающих кольцо, в котором подвешен двухрожковый светильник в виде дельфина, и основание бронзового канделябра, состоящее из фигурок львов, лани, птицы и дельфинов (VI в.). Женскую фигуру канделябра можно трактовать как олицетворение первомысли – мать всего сущего. В этом случае она связана с дуалистическими представлениями гностиков, пользовавшихся в IV–V вв. в Египте большим влиянием. Отличается этот памятник от других того же назначения и значительными размерами – высота его 78 см. Компоненты основания другого канделябра, возможно, символизируют четыре стихии: львы и лань – землю, птица – воздух, пара дельфинов – воду, свет светильника – огонь. Отмечу и бронзовый сосуд для елея в виде амфоры, укрепленной на треножной подставке, которая характерна для древнего и птолемеевского Египта (конец V в.). К VIII в. относится бронзовая курильница в виде коня. VIII–IX вв. датируется светильник с ручкой в виде креста, стоящего на полумесяце. Такая комбинация, по-видимому, должна символизировать единение христианского и мусульманского населения долины Нила.

Многообразием отличалась продукция египетских керамистов: светильники, штампы, сосуды с живописными и лепными изображениями, фигурки рыб и птиц, оттиски штампов; особое место занимали ампулы из святилища святого мученика Мины. Заслу-

живаю внимания светильники с изображениями Пегаса, семисвечника, анхов, “Жертвоприношения Исаака”, лягушек (символов воскресения), виноградной лозы. На фрагментированном краснолаковом блюде из Сохага (V–VI вв.) отгиснуто изображение Христа с крестом-посохом, птицы и четырех рыб. Так символически мастер передал торжество христианства. К уникальным произведениям относится фрагментированный крест-надгробие (V–VI вв.) с живописными изображениями сосуда, по сторонам которого представлены две птицы и две рыбы. К редким памятникам можно причислить подвесной светильник в виде рыбы, на одной стороне которой отгиснут крест, а на другой – монограмма (IV–V вв., Александрия), и также подвесную фигурку голубя (V–VI вв.) – олицетворение святого духа. Такие фигурки обычно подвешивались в храмах над алтарями или крещальными купелями. К V–VI вв. можно отнести и отгиск от штампа с круговой надписью: “Божья милость. Аминь” и буквами “П” и “А” по сторонам креста в центре. Скорее всего буквы обозначают: “Патриархат Александрии”. Ампулы святого Мины (V–VII вв.), предназначавшиеся для хранения освященного масла (едея) и целительной воды, выполняли роль апотропеев, филиakterиев и памяток о посещении места упокоения и чудотворений святого Мины.

Произведений резьбы по дереву в нашей коллекции немного. Лучшие из них были выставлены: фрагментированный литургический гребень (IV–V вв.), посредине которого изображен человек, держащий в одной руке змею. Это изображение призвано символизировать победу сил добра над силами зла, добродетели над грехом; к VII–VIII вв. можно отнести панель с резным изображением храма и крест в ромбе; навершие посоха в виде двух птиц, обращенных в разные стороны, и несколько штампов с вырезанными именами владельцев.

Еще скромнее количество поделок из кости с христианской тематикой: три амulette (VIII–IX вв.) с изображениями драконоборцев и крест. Из памятников станковой живописи на выставке фигурировали: выполненный темперой погребальный портрет (погрудный) юноши (VI–V вв.) и плохой сохранности энкаустическая икона из дехнаса (Осирийнх) святого воина (Федор?) (VI–VII вв.). Миниатюрное искусство было представлено изображениями Христа на листе пергамента (IX–X вв.). К X–XI вв. относится фрагментированная завеса с живописным изображением сцены “Крещения Христа”.

Неподдельный интерес посетителей вызывала коптская просфора, своей формой и убранством отличная от просфор православных. У православных они делаются двучастными, и эти части означают единство божественного и человеческого во Христе. У коптов просфоры плоские и одночастные, символизирующие только божественную природу Спасителя.

Гордостью эрмитажной коллекции являются происходящие из Египта разнообразные памятники письменности на греческом, коптском (в отдельных случаях – на арабском, мероитском, сирийском) языках. Это тексты, написанные на папирусе, пергамене, остраках, дереве, процарапанные на камнях, отгиснутые на глиняных изделиях, вырезанные на дереве, выполненные красками или вышитые на тканях. Содержание их самое разное: это и деловые документы (договоры, расписки, квитанции и т.п.) и тексты религиозного содержания (молитвы, наставления пастве, заклинания и т.п.). Большинство из них являются ценнейшими источниками по истории страны, ее экономике, культуре, истории церкви, монашества и т.п.

Акцентируя религиозный аспект коптского искусства, организаторы экспозиции, чтобы полнее отразить все стороны искусства Египта христианской поры, привлекли разнообразные предметы бытового, домашнего обихода и хозяйственного назначения из металлов, кости, дерева, стекла, кожи, тканей. Выделю наиболее показательные памятники такого рода. Из металлических изделий – латунная обложка шкатулки из дерева, на которой техникой выколотки изображен Дионис со свитой (IV в., Александрия), латунная же диадема, сохранившаяся в трех частях, представляющих собою соединенные друг с другом чередующиеся круглые и прямоугольные бляшки, в которых помещено по профильное изображение императора; одна из круглых бляшек размерами превышает другие, на ней представлено погрудное изображение человека в фас, по сторонам греческие надписи: “благодать” и “здоровье” (IV–V вв.); железный ключ. Изделия косторезов – небольшие пластины, большинство из которых служило обложками для ларцов

украшены рельефными или врезными изображениями эротов, танцовщиц, война, сцен охот, рыбной ловли, растительным орнаментом. Довольно много предметов бытового назначения: пряслицы, стили, булавки и амулеты в виде стилизованных женских фигурок или лиц. Из памятников резьбы по дереву выделю: деревянное панно с рельефным изображением нильского пейзажа и ниломера (IV в.); подголовник с инкрустацией; футляр в форме цилиндра для красок; блюдо в виде полукруга, украшенное с лицевой стороны резьбой (IX в.). Было выставлено несколько стеклянных сосудов для благовоний и мазей, кожаная туфля с ажурным украшением из золоченной кожи, кожаный пояс с тесненным рисунком, детская сандалия, плетеная из травы, детский шерстяной носочек. Из произведений живописи были выставлены все восемь хранящихся в Эрмитаже фаянсовых портретов (I–II вв.) и створка триптиха VI–VII в. с живописным изображением одного из Диоскуров.

Около трети представленных на выставке памятников экспонировалось впервые, некоторые из них были передатированы, а другие были истолкованы по-иному. Уже одно это обуславливало настоятельную необходимость снабдить выставку каталогом (что в последнее время стало вроде бы доброй традицией в деятельности Эрмитажа). К сожалению, из-за нехватки средств подготовленный задолго до открытия выставки научный каталог издан не был. Издательство Эрмитажа “отважилось” только на издание буклета крохотным тиражом. Выставка имела широкий общественный резонанс. Информация о ней прошла по петербургскому и российскому телевидению и радио, ряд газет (в их числе и издающаяся в Париже “Русская мысль” – № 4305, 17–23 февраля 2000 г.) поместил посвященные ей статьи и заметки. По данным музейного Центра социологических исследований, это была одна из самых посещаемых временных выставок в Эрмитаже; среди посетителей преобладала молодежь. Проведено было более ста экскурсий и разного рода консультаций. Об интересе к выставке свидетельствуют многочисленные записи в Книге отзывов. В записях отмечался высокий профессионализм в оформлении экспозиции (заслуга группы художников-дизайнеров во главе с О.В. Сокруто), выражались недоумения по поводу отсутствия каталога и сетования на краткость экспликаций, высказывались настойчивые пожелания о сохранении выставки в качестве постоянной экспозиции. Актуальность последнего пожелания очевидна. Несколько поколений петербуржцев и гости города, посещающие Эрмитаж, даже не догадывались о существовании в Эрмитаже одного из лучших в мире собраний памятников египтян-христиан. Постоянная экспозиция коптского искусства явилась бы логичным звеном в многотысячелетней истории Египта, заполняющим лауну между выставками древнего Египта и Египта арабской эпохи.

А.Я. Каковкин

О НАУЧНЫХ РАЗРАБОТКАХ МОЛОДЫХ УРАЛЬСКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ ЗА 1996–2001 гг.

В 1996–2001 гг. активно работали молодые византилисты, группирующиеся вокруг кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета имени А.М. Горького (зав. кафедрой – д.и.н. проф. М.А. Поляковская) – к.и.н., доцент кафедры А.С. Мохов, к.и.н., ассистент Т.В. Куш, к.и.н. С.В. Красиков, к.и.н. Л.С. Ряшко, О.Е. Колотова, Л.Ю. Лобова-Костокрызова, Д.И. Макаров, К.И. Лобовикова (Морозова), Н.Г. Пашкин, Е.А. Серен, О.С. Коскина, Э.Н. Хрущева. Для этих исследователей характерно обращение к проблемам духовной и культурной истории Византии, истории интеллектуальной жизни и Церкви, а также к историографии.

В работах А.С. Мохова немалое внимание уделяется проблемам военной истории Византии и проблемам фемной организации империи в XI–XII вв. В статье “Командный состав византийской армии в правление Константина VIII” (АДСВ. 1997. Т. 28. С. 19–33) Мохов дает свой ответ на вопрос о том, почему после смерти Василия II Болгаробойцы

“византийская армия оказалась в состоянии кризиса и не сумела выполнить задачу обороны границ империи” (с. 19), более того, была втянута во внутривизантийскую борьбу. Он считает, что произведенная в 1025–1028 гг. смена высшего командования вкупе с усилением налогового гнета пагубно сказалась “на экономическом положении стратиотов и означала “фактический отказ от политики Василия II, направленной на сохранение феменных стратиотских ополчений в составе византийской армии” (с. 25–26). В работе “Командный состав византийской армии в XI в.: правление Романа III Аргири (1028–1034)” (АДСВ. 2000. Т. 31. С. 173–197) Мохов анализирует наступательную внешнюю политику империи тех лет, обращая особое внимание на сирийскую кампанию 1030 г. Эта кампания, по его словам, “в очередной раз доказала преимущество регулярных войск перед феменным ополчением” (с. 183). И хотя этот поход оказался для византийцев неудачным, к 1034 г. успехи на южном (итальянском) и юго-восточном (палестинском) направлениях были налицо. “Успех был достигнут после возврата к традиционной военной политике Василия II, испытанной временем стратегией и тактике обороны границ ведения наступательных операций” (с. 194). Мохову принадлежит также работы по административной структуре и просопографии высших военных чинов Византийской империи (Василий Апокап) во второй половине X – первой половине XI в. (Командный состав византийской армии во второй половине X в. // Византизм: кумуляция и трансляция культур. Екатеринбург, 1997. С. 59–61; К проблеме формирования и функционирования феменной системы Византийской империи в 20–30-х годах XI в.: Балканский полуостров // История Византии и византийская археология. Тезисы докладов X научных Сюзюмских чтений... Екатеринбург, 1998. С. 34–36; К административной структуре Византийской империи на Дунае в период войны с узлами (1064–1065 гг.) // АДСВ. 1999. Т. 30. С. 158–168). В настоящее время он завершает работу над обобщающей монографией.

Проблемы поздневизантийской культуры и интеллектуальности, рассмотренные в которых сопряжено с анализом таких феноменов, как ученая дружба, корпоративные связи в среде византийских интеллектуалов и отношения их с властью, а также интеллектуальная и духовная полемика (исихастские споры продолжают оставаться в центре внимания), поднимают в своих статьях и тезисах Т.В. Куц, С.В. Красиков, Л.С. Рязанцев, Л.Ю. Лобова-Костогрызова, Д.И. Макаров, К.И. Лобовикова. Некоторые аспекты церковной истории затрагиваются в печатных выступлениях Н.Г. Пашкина, О.С. Коскиной, Д.И. Макарова. Военной истории средневизантийского периода уделяет внимание Е.А. Серен, рассматривающий как эволюцию вооружения, так и конкретные военные события той поры (Эволюция вооружения норманнов на византийской службе (серия X – конец XI в.) // История Византии и византийская археология... С. 32–33; Битва при Диррахии – ключ к Балканской операции норманнов против Византии (18 октября 1081 г.) // АДСВ. Т. 30. С. 169–175). Проблемы медитерранистики на конкретном примере анализа пиратства у византийских берегов в XIV–XV вв. рассматривает О.Е. Колотов (Основные этапы пиратства в Эгейском море (1204–1453 гг.) // Россия в контексте мировой истории. Екатеринбург, 1996. С. 53–54; О социальном происхождении пиратов Эгейды (1261–1453 гг.) // История Византии и византийская археология... С. 44–45; Пиратство ордена госпитальеров в Восточном Средиземноморье (1291–1522 гг.) // АДСВ. Т. 30. С. 223–233; Нападения пиратов на византийские монастыри и православных священнослужителей во второй половине XIII – первой половине XV в. // История Церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999. С. 260–263; Защита венецианских торговых судов и колониальных владений от пиратов (на примере Эгейды XIII–XV вв. // Орден шестого легиона. Вып. 2. Екатеринбург, 2000. С. 41–43; Родосское пиратство как один из аспектов взаимоотношений Ордена госпитальеров и Венеции в XIV–XV вв. // Вера и Церковь в Средние века и раннее Новое время (Западная Европа и Византия). М., 2000. С. 45–48). В работах Колотовой прослеживается тенденция к систематизации и осмыслению разнородного фактического материала.

Некоторое внимание к просопографии поздневизантийских знатных родов наблюдается в тезисах Т.А. Михеевой (Синадины в поздневизантийское время // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. СПб., 1999. С. 26–28; Петралифы; роль в Византийской империи // Проблемы истории и культуры средневекового общества СПб. 2000. С. 14–15; Семья Асанов: ее значение в палеологовской Византии // Орел шесто-

легиона. С. 48–51). Внимание привлекают глубокие историографические экскурсы Э.Н. Хрущевой, посвященные жизни и научному творчеству А.П. Каждана (Концепция перемен в византийской истории по трудам А.П. Каждана. К 75-летию со дня рождения ученого // АДСВ. Т. 28. С. 4–18 (ценная статья, фактически оказавшаяся некрологом. – Д.М.) и М.Я. Сюзюмова (Проблема истоков и эволюции византийского государства в трудах М.Я. Сюзюмова // Орел шестого легиона. С. 54–57); следует отметить также историографический экскурс Д.И. Макарова в историю изучения паламизма в дореволюционной, советской и постсоветской России (Очерки российской историографии паламизма (1860–1998 гг.) // АДСВ. Т. 30. С. 338–353). Ввиду продолжающегося бурного изучения темы некоторые сведения, приводимые в последней части, нуждаются в дополнении. Однако предложенная автором типология исследовательских течений последних лет, думается, в целом адекватно отражает существующую картину.

Остановимся на магистральном русле исследований, проводимых молодыми византинистами уральской школы. Т.В. Куц изучает различные аспекты стиля жизни и мироощущения византийских гуманистов за последние 70–80 лет существования империи: феномен “ученой дружбы”, являвшийся одной из скреп корпоративности в среде интеллектуальной элиты, и его характеристики, близкие итальянскому Ренессансу (Ренессансные основы феномена “ученой дружбы” в поздней Византии // Византия: кумуляция и трансляция культур. С. 31–34); “театры” и иные формы общения, специфичные для византийских гуманистов – здесь исследовательница опирается на богатую научную традицию (Г. Хунгер, Ф. Тиннефельд, Дж. Деннис, И.П. Медведев, Я.Н. Любарский и др.). Эти изыскания ведутся как в генерализующем (Формы интеллектуального общения в Византии в XIV в. // Россия в контексте мировой истории. С. 63–64; Византийский Θέατρον (THEATRON) конца XIV–XV в.: некоторые наблюдения // АДСВ. Т. 31. С. 323–329), так и в персонологическом (Византийский ученый Мануил Хрисолора в письмах своих современников // АДСВ. Т. 30. С. 308–318) аспектах. Выделение общих черт “гуманистического стиля жизни” (Византийские ученые в Италии. К вопросу об интеллектуальных связях Византии и Запада // АДСВ. Т. 28. С. 116–128, здесь с. 125) – как в аспекте его сближения с аналогичным феноменом, известным из истории итальянского Ренессанса, так и в плане анализа некоторых его частных проявлений (Поздневизантийские интеллектуалы на дипломатической службе // История Византии и византийская археология... С. 42–43) – ведет Куц к созданию обобщающей модели рассматриваемого явления, созданной при помощи просопографических методов (Византийская интеллектуальная среда (конец XIV–XV в.). Опыт характеристики // АДСВ. 1998. Т. 29. С. 122–138). Хронологические рамки анализа – 1371–1453 гг. (с. 123). Путем построения анкеты, включившей в себя данные о 150 лицах, и обработки собранного материала выделены некоторые общие показатели, характеризующие элиту. Так, средняя продолжительность жизни интеллектуала составляла, по данным Куц, 72 года (с. 125); из 150 человек лишь 25 вступили в брак, в том числе Мануил Хрисолора (с. 126); примечателен и тот факт, что “в данный период нарастает тенденция пополнения интеллектуальной элиты выходцами из провинций” (с. 127) и т.д. Работа Куц отвечает магистральным потребностям современного исторического знания в комплексном и непредвзятом изучении тенденций микро- и макроразвития всех слоев человеческих общностей, а не только представителей верхушки. В настоящее время автор работает над монографией.

Для работ С.В. Красикова характерно обращение к интеллектуальной составляющей богословских дебатов 30–50-х годов XIV в., так или иначе связанных с исихастскими спорами. Это и полемика св. Николая Кавасилы с Никифором Григорой в 1355 г. по ряду философских вопросов (примечателен бросаемый Кавасилой в адрес оппонента упрек в астрологии, см.: Идеиная полемика в Византии 50-х годов XIV в.: Николай Кавасила и Никифор Григора // АДСВ. Т. 28. С. 93–103 и 104–109 – приложен перевод памфлета Кавасилы “Слово против нелепостей Григоры”, русский язык которого несколько хромает), и начальные этапы спора св. Григория Паламы с Варлаамом (Первое письмо Варлаама Калабрийского к Григорию Паламе // История Византии и византийская археология... С. 49–50), а также с Акиндином (Политический подтекст Первого письма Григория Паламы Григорию Акиндину // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. С. 18–19 – автор приходит к выводу, что речь идет “о столкновении элит”, хотя в то же

время признает, что Варлаам, в конце концов, оказался в одиночестве, ибо от него отмежевались все). Внимание Красикова привлечено к методам интеллектуальной полемики византийцев с латинянами в 1334–1336 гг., когда в Константинополе велась с участием папских легатов переговоры об унии церквей, не увенчавшиеся успехом из-за разногласий в вопросе о Filioque (К вопросу об идейной полемике с латинянами в Византии 1330-х гг. XIV в. // АДСВ. Т. 30. С. 271–287; Спор о силлогизмах в византийской антилатинской полемике 1334–1336 гг. // Вера и Церковь... С. 28–30). Следуя в русле выводов Р.Э. Синкевича, автор стремится нащупать корни рассматриваемых им явлений в духовной истории Византии предшествующих столетий, а также провести некоторые аналогии с развитием западноевропейской теологии, но, думается, следовало бы скорее сосредоточить взор на непосредственных предпосылках исихастских споров и их ближайших последствий (полемика св. Каллиста Ангеликуда с томизмом и в то же время его усвоение св. Нилом Кавасилой и Феофаном Никейским представляет собой любопытное доказательство неомогенности развития византийского богословия в палеологовскую пору). И уж если утверждать, что спор Паламы с Варлаамом в первом письме был “первым в духовной истории Византии попыткой философского творчества” (АДСВ. Т. 30. С. 285) – а сколько вопросов возникает при такой расстановке акцентов! – то как совместить этот вывод с другим утверждением в конце статьи – “об истинных мотивах автора письма (т.е. Паламы. – Д.М.) можно только догадываться (с. 287)? И источники, и исследовательская традиция (тот же Мейендорф) дают вполне четкий ответ на этот счет. Если же пытаться устанавливать духовную генеалогию Варлаама, то следует обращаться не к Клименту Александрийскому, а к более близким ему по времени и созвучным устремлениям представителям той традиции “гуманистического богословия”, о которой говорил, например, на Двадцатом международном конгрессе по византиноведению Г. Подскальски (ср. его же доклад на Пятнадцатом конгрессе в Афинах в 1976 г.). Иначе при менее строгих критериях и подходах, историко-философская доказательность вновь утрачивается, заменяясь более или менее вероятными предположениями.

В работах Красикова встречаются и другие чересчур поспешные выводы и обобщения, например: “Риторика в византийской теологии торжествует над логикой” (Византийское мышление в теологии: отказ от логики? (антилатинская полемика 30-х гг. XIV в.) // Орел шестого легиона. С. 44). Как тогда быть хотя бы с изучаемой автором полемикой о Filioque, в которой усилиями таких богословов, как патриарх Фотий, Никифор Влеммид, Григорий Кипрский, Марк Эфесский и десятки других, была выработана сложнейшая система категориального опровержения латинян шаг за шагом, в том числе и с использованием силлогизмов (чего стоят одни “Силлогические главы против ереси латинян” св. Марка Эфесского!). Ряд выводов банален, будучи к тому же сформулирован в невразумительной форме, как, например: “Итак, стремление к многознанию было в Византии не столько личным выбором отдельного интеллектуала... сколько элементом культуры, обусловленным существующей системой ценностей (получается, что образование человека происходило без личного выбора и помимо сознания учащегося?) – Д.М.). Однако эта обусловленность вовсе не исключала рефлексию на самих себе (т.е. о самих себе? – Д.М.)” (Византийское мышление: эрудиция против креативности? АДСВ. Т. 31. С. 266–283, здесь с. 276). Тут на помощь автору могут прийти такие труды, как “История автобиографии” Г. Миша, статьи и исследования Дж. Мунитиса, Я.Н. Либарского и других, показывающие, что едва ли не во все эпохи византийской истории сохранилось стремление интеллектуалов мыслить и рефлексировать о себе...

В работах Красикова чувствует стремление противопоставить св. Григория Паламу предшествующей святоотеческой традиции. Это становится ясным, когда автор утверждает: “Очевидно, что мышление Паламы в этом вопросе (о познании Бога. – Д.М.) более проникнуто аристотелизмом, чем патристическая традиция” (Аподиктический силлогизм как метод катафатического богословия у Григория Паламы и Никифора Григория // Verbum. Вып. 3. Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в СПб., 2000. С. 218–224, здесь с. 223). Но ведь понятия “энергия”, “ипостась”, “фюсис” – аристотелевского происхождения...

Думается, причин подобного рода заблуждений две. Первая: будучи специалистом по одному автору (Никифор Григора) и по одному сравнительно небольшому отрезку

его деятельности (начальный этап исихастских споров, 1334–1336/1337 гг.), Красиков выстраивает развернутые модели византийской интеллектуальной и духовной культуры за весь период ее истории; но эти модели, будучи оторваны от реальной источниковой базы, представляют собой некие исследовательские гиперабстракции, могущие повести и к заблуждениям... (Из работ Красикова о Григоре нужно, в дополнение к вышеупомянутому, назвать: Изображение идеала чувственного восприятия у Никифора Григоры // *Византия: кумуляция и трансляция культур*. С. 25–27; Описание Святой Горы у Никифора Григоры и Ratio vivendi византийских интеллектуалов // *АДСВ*. Т. 29. С. 96–121; Peira kai empeiria (в оригинале греч.! – Д.М.) в представлении Никифора Григоры // *Проблемы истории и культуры средневекового общества*. С. 16). Вторая причина – в забвении одного важного принципа: audiatur et altera pars... Если бы автор подходил к паламитским источникам, не навязывая им собственных идеологем, а стремясь найти в них их собственные ответы на волновавшие эпоху вопросы, градус понимания был бы выше.

В лице Красикова мы имеем дело со специалистом по византийско-латинской полемике в ее нюансах. Однако анализ такого рода не должен затмевать собой тот факт, что нам порой недостает знаний собственно византийского аспекта полемики.

Л.С. Ряшко известна как переводчица и исследовательница сочинений Никифора Влеммида, и в первую очередь “Царской статуи” (перевод см. на с. 283–321). В работах Ряшко мы встречаем анализ различных сторон мирозерцания Влеммида, в основном на материале названного трактата (*Императорская справедливость в интерпретации Никифора Влеммида: риторика и реальность* // *АДСВ*. Т. 28. С. 67–71; “Дружба” и “семья” в представлении Никифора Влеммида // *История Византии и византийская археология...* С. 39–41; О библейских сюжетах в трактате Никифора Влеммида “Царская статуя” // *АДСВ*. Т. 30. С. 216–222; Интерпретация исторического материала в трактате Никифора Влеммида “Царская статуя” // *АДСВ*. Т. 31. С. 222–232; О влиянии античного наследия на творчество Никифора Влеммида (“Царская статуя”) // *Проблемы истории и культуры средневекового общества*. С. 13–14; Характер рецепции Никифором Влеммидом античного наследия (“Царская статуя”) // *Орел шестого легиона*. С. 53–54).

В публикациях Л.Ю. Лобовой-Костокрызовой проясняются некоторые аспекты мирозерцания св. патриарха Афанасия I (1289–1293, 1303–1310) (Состояние византийской Церкви конца XIII – начала XIV в. в восприятии патриарха Афанасия I // *АДСВ*. Т. 28. С. 34–48), а также св. Феодипта Филадельфийского, в бытность последнего духовником Ирины-Евлогии Хумнены; освещаются и непростые проблемы взаимоотношений Ирины и Феодипта (Эпистолярное наследие Ирины-Евлогии Хумнены // *История Византии и византийская археология...* С. 46–48; Духовное наставничество в Византии: Феодипт Филадельфийский и Ирина-Евлогия Хумнена // *Мир Православия*. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 46–60). Она также уделяет внимание освещению роли Ирины в исихастских спорах, выходя на магистральные проблемы истории и палеологовской Византии (Оценка паламитами и антипаламитами роли Ирины-Евлогии Хумнены в исихастском противоборстве XIV в. // *АДСВ*. Т. 31. С. 290–296), и истории двойных монастырей в Византии в тот период, поскольку именно в таком монастыре жила Ирина... (Константинопольский монастырь tou philanthropou Soterou в первой половине XIV в. // *АДСВ*. Т. 30. С. 260–270; прилагается перевод (не всегда надежный) типика монастыря, составленного Хумненой, с. 269–270; Двойные монастыри в Византии // *История Церкви: изучение и преподавание*. С. 274–277). В работе о роли Хумнены в исихастских спорах сообщаются и анализируются интересные подробности организации ею антипаламитского собора в 1342/1344 г., а также другие аспекты проводившейся ею многогранной антипаламитской деятельности. Причиной такой ориентации могла послужить, по словам автора, «преданность дому Палеологов и любовь к “внешней мудрости”» (Оценка... С. 295). Работа о св. Феодипте и Ирине примечательна вдумчивым и подробным анализом рекомендаций насчет быта и духовной жизни, которые митрополит посылал своей духовной дочери. В работах Костокрызовой немало ценных наблюдений и выводов, вносящих свою лепту в наше понимание духовных процессов, протекавших в византийском обществе эпохи “багряной осени” Палеологов.

Объектом анализа в работе О.С. Коскиной становятся различные проблемы истории византийского монашества в постиконоборческий период – как общие (Позиция монашества в период иконоборчества // История Византии и византийская археология. С. 25–28; Социальный состав византийского монашества конца XIII – начала XIV вв. Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. С. 16–18; $\Phi\Lambda\Lambda\Lambda$ в контексте образа жизни византийского монашества в начале XIV в. // История Церкви: изучение и преподавание. С. 278–286; Идеал монашества – киновия и анахоретство // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 9–10), так и частные, например, проблема восстановления черт характера и реконструкции исторической роли конкретной личности по описанию единственного источника; задача разрешена Коскиной вполне успешно (Игумен Хорского монастыря Лука // АДСВ. Т. 30. С. 253–259; ср.: Любский Я.Н. Византийский монах XI века Илья // АДСВ. 1973. Т. 10). Коскина считает, что в начале XIV в. в политике Константинопольской патриархии нельзя было увидеть единства курса, но, похоже, склонна объяснять это лишь личными качествами патриарха (Социальный состав... С. 17); думается, следовало бы уделить больше внимания кардинальной важности историческим событиям, имевшим место в рассматриваемый период – Лионской унии и расколу арсенитов...

Св. Григорию Паламе, который и в последнее время остается одним из наиболее исследуемых и цитируемых Отцов Церкви, посвящен ряд работ Д.И. Макарова, в которых взгляды учителя безмолвия анализируются (преимущественно на материалах ранее пренебрегавшихся источников, например, гомилий и трактата “Три главы о молитве и чистоте сердца”) как в традиционных (антропология, учение о Свете Фаворском, о Преображении), так и в новых аспектах (космология, физиология, оценка народной культуры и городской среды). Для работ Макарова характерно стремление вписывания св. Григория Паламы в контекст святоотеческой мысли, открывая в то же время новые грани в самом этом контексте; интересны его наблюдения о взаимосвязи гомилетической традиции на праздник Преображения с мистикой синайского афонского исихазма, среди видных представителей которой и авторы наиболее прославленных гомилий на Преображение (преп. Анастасий Синаит, св. Андрей Критский)... Основные работы: Антропология Григория Паламы и ее след в русской мысли: к проблеме византийско-русских культурных связей // Россия в контексте мировой истории. С. 72–74; Проблема человека в мировоззрении Григория Паламы // АДСВ. Т. 28. С. 79–92; Основные этапы развития византийской гомилетики (К вопросу о триодизации жанра) // История Византии и византийская археология... С. 79–81; Народная культура глазами Церкви: Григорий Белгородский и Григорий Палама о виноделии // Древнерусская книжная традиция и современная народная литература. Нижний Новгород, 1998. С. 22–24; Создание и организация мироздания в интерпретации Григория Паламы (по материалам Шестой гомилии) // Средневековое Православие от прошлого до патриархата. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 97–108; Отражение социальной структуры населения Фессалоники после восстания зилотов в гомилиях Григория Паламы // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. С. 25–26; Тема Преображения в византийской гомилетике V–XIV вв. (Христологические предпосылки учения об обожении) // История Церкви: изучение и преподавание. С. 292–295; Об истоках физиологических взглядов св. Григория Паламы (на материале Двенадцатой гомилии): к проблеме существования галеновской традиции в поздней Византии // Орел шестого века. С. 46–48; Место 34 и 35 гомилий св. Григория Паламы в истории византийской гомилетики на Преображение (III–XIV вв.) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 66–68; Место антропологических идей св. Григория Паламы в контексте византийской гомилетики на праздник Преображения (VII–XIV вв.) и в традиции афонского исихазма // Verbum. Вып. 3. Византийское богословие... С. 224–241; Учение Григория Паламы об очищении человека (по трактату “Три главы о молитве и чистоте сердца”) и некоторые параллели в поздневизантийской мистике // Мир Православия. Вып. 3. С. 61–72; К вопросу о нумерологии св. Григория Паламы // Средневековое общество в социально-политическом и культурном аспекте. СПб., 2000. С. 72–73; Исихастские мотивы в гомилиях св. Григория Паламы // Вера и Церковь. С. 24–25.

Макарову также принадлежит краткий комментарий к одному из трактатов св. Каллиста Ангеликуда (Из истории византийской философии XIV в. (Об определении термина “философия” в “Четырех исихастских трактатах” св. Каллиста Ангеликуда) // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 2000. С. 50–52) и очерк истории изучения идей св. Григория Паламы в России (см. выше). В печати находятся еще несколько работ автора, во многом посвященные тем же проблемам.

Не обходя вниманием в уральской школе и антипаламитов. Григорию Акиндину и киприоту Георгию Лапифу, о котором после статьи Цолакиса (1964 г.) практически ничего не писалось, тогда как фигура этого антипаламита заслуживает всяческого внимания, посвящены статьи и тезисы К.И. Лобовиковой (Морозовой). В статье “Григорий Акиндин: диалог с колеблющимся” (АДСВ. Т. 30. С. 303–307) автор приходит к выводу о том, что “первый диалог” Акиндина с колеблющимся (между паламитами и антипаламитами) был “его диалогом с самим собой” (с. 307), возникшим из желания определить собственную позицию в споре сторон. Акиндину посвящено еще несколько работ Лобовиковой, в которых затрагиваются наиболее жгучие и актуальные вопросы, связанные с именем этого деятеля, как, например, оценка им деятельности паламитов (Св. Григорий Палама и его сторонники в письмах Григория Акиндина // Средневековое общество в социально-политическом и культурном аспекте. С. 74–75; см. также: Четвертое письмо Григория Акиндина к Варлааму // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. С. 20–23 (подчеркиваются такие черты характера Акиндина, как открытость и способность вступить в диалог с другом); Григорий Акиндин и патриарх Иоанн XIV Калекса // История Церкви: изучение и преподавание. С. 296–301; о Лапифе см.: Еще раз о роли Георгия Лапифа в исихастской дискуссии // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 17–18). Наконец, крайне интересен и заслуживает всяческого продолжения опыт Лобовиковой по реконструкции антипаламитских библиотек и всего свода содержащейся в них литературы, в основном опять-таки с опорой на письма Григория Акиндина (Неизвестные антипаламитские трактаты // Verbum. Вып. 3... С. 254–257).

Н.Г. Пашкин занимается историей Констанцского и Базельского соборов в свете византийско-венецианских отношений в первой половине XV в. (К вопросу о развитии византийско-венецианских отношений в первой половине XV в. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 36–37) и феномена “конциляризма”, явившегося одной из важнейших составляющих взаимоотношений Византии с католическим Западом в последние десятилетия существования империи Палеологов (Византия и соборное движение в Европе первой половины XV в. // АДСВ. Т. 28. С. 110–115; Император Сигизмунд, Византия и Констанцкий собор // Эпоха Средневековья; проблемы истории и культуры. С. 65–66). Общий вывод звучит в унисон с Мейендорфом и другими учеными, которые занимались изучением печально известной Флорентийской унии: “Конциляризм не стал основой для политического и культурного сближения Византии и Запада” (Византия и соборное движение... С. 114). Большинство жителей империи предпочитало любую помощь с Запада сохранение традиционного Православия.

Подводя итоги нашему обзору работ молодых византинистов уральской школы, следует отметить, что при пестроте и разнообразии поднимаемых тем четко выделяется главный интерес – изучение духовных, культурных и интеллектуальных традиций Византии, ее духа, менталитета и стиля жизни в контексте происходивших в XIV–XV вв. и, видимо, становившихся все более необратимыми экономических, политических, социальных и – шире – цивилизационных изменений как внутри самой Византии, так и в ее взаимоотношениях с соседями. Именно эти традиции, которые, несмотря ни на что, смогли выжить и сохраниться до наших дней, наиболее дороги нам в Византии сегодня.

Д.И. Макаров

“ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА” ИЗДАТЕЛЬСТВА “АЛЕТЕЙЯ”

Санкт-Петербургское издательство “Алетейя”, организованное двумя молодыми философами О.Л. Абышко и И.А. Савкиным, существует с 1992 г. (до 1994 г. как редакционно-издательская группа). За этот период оно выпустило в свет уже более 500 названий книг. Главное направление его деятельности – издание первоисточников по зарубежной и отечественной истории, философии, филологии, религии, психологии, а также современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания. Большая часть изданий выходит в прекрасно оформленных книжных сериях, число которых уже превысило двадцать. К наиболее “старым”, устоявшимся и заслужившим уважение признание как у специалистов, так и всех, кто интересуется историей Византии, относятся “Византийская библиотека”. Пятилетний юбилей, который она недавно отметила, является неплохим поводом для разговора о характере изданных книг и подведения некоторых итогов.

Появление такой серии в 1996 г. несомненно явилось своеобразным отражением возросшего в последнее десятилетие интереса к истории и культуре Византии среди широких кругов читателей. Однако издатели ставили перед собой не только просветительские задачи. Серия должна была стать одновременно и аккумулятором научной продукции российских византинистов, работающих в разных научных центрах и университетах, придав издательской деятельности строго научный характер. Как же решались эти двояковысказанные между собой задачи?

Собственно “Византийскую библиотеку” составляют два больших раздела: “Источники” и “Исследования”. В первом на начало 2002 г. вышло 15 книг, которые в свою очередь делятся на два вида: исправленные и часто дополненные издания уже опубликованных ранее переводов византийских памятников и совершенно новые переводы.

Открыла раздел “Источники” изданная в 1996 г. “Алексиада” Анны Комнины – один из важнейших источников по истории Византии. Первое ее издание в 1965 г. в переводе Я.Н. Любарского с комментарием и большой вступительной статьей давно стало библиографической редкостью. Для второго издания написано послесловие (с. 688–703), в котором Я.Н. Любарский по-новому определяет место “Алексиады” в истории византийской литературы и приводит основную библиографию за 1965–1995 гг. В следующем, 1997 г., были переизданы с небольшими исправлениями и дополнениями классический, подробно и глубоко комментированный перевод Е.Ч. Скржинской книги Иордана “О происхождении и деяниях гетов (Getica)” и переведенный с неизданной рукописи “Византийский медицинский трактат XI–XIV вв.” Г.Г. Литаврина. К этому же виду “полупринтных” изданий следует отнести и “Диалог с Иудеем” Иоанна Кантакузина (1998), включающий в себя также послание византийского императора папскому легату Павлу Выполненные Г.М. Прохоровым эти переводы были опубликованы в разное время. “Византийском временнике” (Т. 29. 1969) и ТОДР (1988–1996). Существенным недостатком издания 1998 года, который снижает его научную ценность, является отсутствие какого-либо комментария к такому сложному в богословском отношении тексту.

Более существенные дополнения и изменения претерпели переиздания трудов Прокония Кессарийского (“Война с персами”, “Война с вандалами”, “Тайная история”, 1998) в переводе А.А. Чекаловой и “История” Олимпиодора Фиванского (1999), переведенная и изданная Е.Ч. Скржинской еще в 1956 г. (ВВ. VIII. С. 223–276). В тексте Прокония Кессарийского и в комментарии к нему устранены погрешности первого издания (М., 1993). Кроме того, книга дополнена переводом (сделанным впервые) на русский язык XVIII главы “Хронографии” Иоанна Малалы, что позволяет увидеть исторический труд Прокония в более широком контексте, сравнив два совершенно различных взгляда на эпоху царствования Юстиниана. В исправленном и дополненном издании Олимпиодора текст книги тщательно отредактирован, снабжен новой вступительной статьей редактора П.В. Шувалова (с. 5–41) и дополнительными примечаниями к комментарию Е.Ч. Скржинской. Научный характер труду придает и греческий текст “Истории”, сохранившийся лишь в составе библиотеки Фотия и охватывающий события с 407 по 425 г.

Среди новых изданий “Византийской библиотеки” в разделе “Источники” безусловно выделяется “Церковная история” Евагрия Схоластика, новый перевод которой осуществлен известным исследователем ранневизантийской историографической традиции И.В. Кривушиным. Из шести книг “Церковной истории” изданы уже четыре (1999, 2000), охватывающие события с 431 по 565 г. Текст перевода тщательно и добросовестно откомментирован и снабжен обширными приложениями, которые содержат отрывки из еще не переведившихся на русский язык текстов, послуживших источником для Евагрия (Захария Ритор, Зосима, Иоанн Малала, Иоанн Руф и др.) или же дающих дополнительную информацию об описываемых историком событиях (Либерат, Иоанн Никиусский, Аноним Валезия и др.). Некоторое неудобство представляет отсутствие указателей к вышедшим книгам, которые несомненно будут помещены в третьем, заключительном томе.

Публикация новых переводов была продолжена избранными гимнами преп. Симеона Нового Богослова (“Прииди, Свет истинный, Избранные гимны”. 2000) в поэтическом переводе современного русского патролога игумена Илариона (Алфеева). Этот перевод дает возможность узнать преп. Симеона не только как богослова и мистика, но и как прекрасного поэта. “История против язычников” в 5-ти книгах Павла Орозия, римского христианского историка начала V в. – этапное произведение раннесредневековой историографии, заложившее основы латинской христианской хронографии. Он (вышел в двух томах – 2001, 2002) впервые публикуется в русском переводе В.М. Тюленева, с его вступительной статьей, добротным комментарием, указателями, а также с текстом латинского оригинала. В середине 2001 г. вышли впервые изданные на русском языке, с обширными комментариями и параллельными греческими текстами “Житие Андрея Юродивого” (в переводе Е.В. Желтовой) и “О церковной иерархии. Послания” Дионисия Ареопагита (в переводе Г.М. Прохорова). Публикация этих очень важных (и интересных) текстов требует отдельного разговора, прежде всего – с церковной точки зрения.

Одним из последних (на начало 2002 г.) изданий новых переводов византийских памятников является публикация двух военно-научных сочинений последней четверти X в. (“О боевом сопровождении”, “Об устройстве лагеря”), подготовленная крупнейшим специалистом по военной мысли Византии В.В. Кучмой. Сведения этих трактатов достаточно объективно отражают уровень развития военной организации Византийской империи в конце X столетия. Изданные под одной обложкой (“Два византийских военных трактата конца X века”, 2002) переводы снабжены обширными вводными статьями и необходимым комментарием, в котором дается анализ военно-научных и военно-исторических реалий.

Краткое рассмотрение пятнадцати томов источников, выпущенных за шесть лет в “Византийской библиотеке”, свидетельствует о том, что издательство “Алетейя” постепенно делает упор на издание новых переводов памятников, подготовка которых долго и кропотливое, либо на дополнительное и более качественное в научном отношении переиздание ранее вышедших исторических сочинений, число которых, как известно, еще значительно. Тематический план на 2002 г. подтверждает этот вывод, что нельзя не отметить как весьма положительный симптом в работе издательства “Алетейя”.

Второй раздел рассматриваемой серии озаглавлен издательством как “Исследования”. В нем выпущено на начало 2002 г. в три раза больше книг, чем в разделе “Источники”: 48 названий в 53 томах. Условно их можно разделить на четыре группы.

1. Переиздание трудов русских византистов, изданных до 1917 г. или вскоре после него. В основном это дореволюционные издания. Открыла эту группу в 1996 г. трехтомная “История Византии” Ю.А. Кулаковского (1855–1919), охватывающая события 395–602 гг. Издание осуществлено под редакцией А.Г. Грушевого, которым написан краткий очерк жизни и творчества крупнейшего русского византиста и осуществлен анализ рецензий его современников на этот труд (Т. 1. С. 435–445), а также учтены все неточности и опечатки, отмеченные рецензентами. В качестве приложения к 3-му тому (с. 314–381) помещены пять статей Ю.А. Кулаковского. Однако, несмотря на наличие разнообразного вспомогательного материала (именной указатель, хронологические

таблицы римских и византийских императоров, пап и восточных патриархов), издание совершенно лишено современного комментария, учитывающего развитие византистики на протяжении XX в. Есть надежда, что этот существенный недостаток будет исправлен в готовящемся издательством новом варианте издания этого труда. Частично это реализовано в недавно вышедшем сборнике статей Ю.А. Кулаковского по истории алан I–XV вв. (Избранные труды по истории Алан и сарматов. 2000), который подготовил С.М. Перевалов.

Из сочинений дореволюционных византинистов, выпущенных издательством “Алетей”, выделяется шеститомное собрание научных трудов крупнейшего русского историка Церкви проф. А.П. Лебедева (1845–1908):

Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. 1997.

Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви в IX, X и XI вв. 1998.

Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. 1998.

История разделения Церквей в IX, X и XI вв. 1999.

Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX века. 2000.

История Константинопольских соборов IX века. 2001.

Переиздание трудов А.П. Лебедева осуществлялось под научной редакцией М.А. Морозова. Хотя изданию и предпослан краткий биографический очерк жизни и научной деятельности русского историка Церкви (Духовенство... С. 5–21), а каждый том снабжен именным указателем, хронологическими таблицами высших церковных иерархов и кратким списком новейшей литературы, в целом оно грешит тем же недостатком, что и “История” Ю.А. Кулаковского: отсутствием серьезного научного комментария (приятным исключением является последний том, подготовленный в научном отношении значительно лучше), который дал бы читателю представление о современном состоянии исследований по истории Византийской Церкви и обратил внимание на отвергнутые наукой концепции. Поэтому, несмотря на научную значимость трудов Лебедева для своего времени, данное издание имеет скорее историографическое, чем строго научное значение. К тому же по непонятным причинам издательство не включило в переиздание труд А.П. Лебедева “История Вселенских соборов” (Ч. 1–2. СПб., 1904), тесно связанный с опубликованными работами.

Зато два других издания “Алетей” в этой группе трудов не только лишены отмеченного выше недостатка, но и сами по себе сохранили свое научное значение. Речь идет об исследовании А.П. Рудакова (1886–1940) “Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии” (1997) и об “Истории Византийской империи” А.А. Васильева, двух томах (1998). Предисловие и послесловие к “Очеркам” А.П. Рудакова, которые всегда вызывали интерес в среде ученых, так как не только давали обзор данных византийской агиографии по истории и культуре византийского общества, но и помогали исследователям по-новому взглянуть на этот жанр византийской литературы, написаны Г.И. Курбатовым и Г.Е. Лебедевой. В них показан жизненный и научный путь ученого, характер его труда, место и значение в современной византистике.

Сочинение А.А. Васильева, благодаря усилиям научного редактора и переводчика А.Г. Грушевого, нельзя определить как просто переиздание русской версии труда, вышедшего выпусками в 1920-е годы. Это сводный труд, в который вошли и те главы, которые были опубликованы в окончательной редакции во 2-м американском издании “History of the Byzantine Empire, 324–1453” (Madison, 1952), ставшем одним из крупнейших монографических исследований в византистике. Изданию предпослана вступительная статья об А.А. Васильеве, обновлена библиография, а библиографические ссылки приведены в единую систему, которая наряду с таблицами и именным указателем облегчает работу с исследованием ученого. Многие спорные вопросы истории Византии наши современное разъяснение в многочисленных примечаниях научного редактора. Во 2-м томе в качестве приложения дано описание архива А.А. Васильева, хранящегося в Dumbarton Oaks, выполненное С.П. Карповым. Единственная неточность находится на с. 5 второго тома, где редактором почему-то указано, что второй том включает в себя главы, начиная с IV Крестового похода. На самом деле второй том начинается с эпохи Комнинов.

К переизданию дореволюционных трудов и одновременно как “переходный” ко второй группе изданий можно отнести и своеобразный “конволют” “Две книги о Михаиле Пселле” (2001), содержащий два сочинения: П.В. Безобразова “Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл” (1890); Я.Н. Любарского “Михаил Пселл. Личность и творчество” (1978). Два автора, труды которых разделяет почти столетие, с разных методологических и историографических позиций дают портрет знаменитого византийца XI в., дополняя и обогащая образ писателя, ратора и ученого. Но если для В.П. Безобразова (1859–1918), имевшего дело с довольно ограниченной источниковедческой базой, работа свелась по сути к написанию живой биографии Михаила Пселла, то для Я.Н. Любарского, работавшего уже в других условиях и с новым материалом, главным было не только изображение личности Пселла, но и анализ его обширного творчества. Попытка издательства объединить произведения двух русских ученых, придерживающихся разных взглядов, об одном выдающемся византийце под одной обложкой, оказалась, на наш взгляд, чрезвычайно удачной и продуктивной, но пока единственной. По возможности, этот полезный опыт следует продолжить.

Таким образом, издательством “Алетейя” за 5 лет были переизданы основные произведения четырех крупнейших византинистов конца XIX – середины XX в. в 13 книгах, что составляет уже небольшую библиотеку. Однако поле деятельности издателей в этом направлении еще очень велико. Хотелось бы видеть переизданными, с хорошими вступительными статьями, научными комментариями и справочным аппаратом, сочинения В.Г. Васильевского, “Историю Византийской империи” Ф.И. Успенского, “Византийскую Церковь и государство в XI в.” Н.А. Скабалановича, “Лекции по истории Древней Церкви. В.В. Болотова, “Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских соборов” П.В. Гидулянова и многое другое. Возможно, кое-что из этого уже вошло в ближайшие планы издательства “Алетейя”.

2. Ко второй группе изданий, вышедших в разделе “Исследования”, следует отнести хорошо известные, даже классические работы современных отечественных ученых, опубликованные в 60–90-е годы XX в. Большинство из них – это монографические исследования, выходящие вторыми, исправленными и дополненными изданиями, в которых учтена новейшая литература, появившаяся за период после выхода книги. Таковы работы Г.Г. Литаврина и А.П. Каждана “Очерки истории Византии и южных славян” (1998); А.П. Каждана “Византийская культура” (1997, 2000); И.П. Медведева “Византийский гуманизм XIV–XV вв.” (1997); М.А. Поляковской “Портреты византийских интеллектуалов” (1998); А.А. Чекаловой “Константинополь в VI в. Восстание Ника” (1997); В.П. Будановой “Готы в эпоху великого переселения народов” (1999); Г.М. Прохорова “Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы” (в 2-х томах) (2000).

Особо хотелось бы отметить среди этой большой группы изданий исследование Л.А. Беляева “Христианские древности. Введение в сравнительное изучение” (2000). Вышедшая вторым изданием (первое разошлось очень быстро) книга Л.А. Беляева не имеет аналогов ни в России, ни за рубежом. Изучение церковных древностей – очень молодая научная дисциплина. Она лежит на границе нескольких наук: археологии, истории религии, Церкви, истории искусства и архитектуры. Ее задача – собирание, источниковедческая обработка и интерпретация материальных объектов, церковных сооружений, церковных принадлежностей храмов, памятников погребального обряда и религиозных артефактов. Написанная в виде очерка по истории исследования древностей христианской цивилизации от ее зарождения (раннехристианские древности) до позднесредневекового периода истории Западной Европы и Древней Руси, книга – своего рода итинерарий по истории святых мест и их исследований. Обширный справочный материал позволяет хорошо ориентироваться в работе.

Примыкает к этой группе изданий републикация статей ведущих российских ученых, собранных вместе иногда из очень труднодоступных изданий за рубежом и объединенных какой-то одной или двумя темами. Таковы книги Я.Н. Любарского “Византийские историки и писатели” (1999); Г.Г. Литаврина “Византия и славяне” (1999); Е.Ч. Скржинской “Русь, Италия и Византия в Средневековье” (2000) с замечательной вступительной статьей Н.Ф. Котляра. Нередко в них публикуются неизданные работы, переводы и документы в качестве существенного дополнения. Но серьезное упущение при издании

всех этих трех репринтных работ – отсутствие в них каких-либо указателей, что затрудняет поиск необходимого материала и является отступлением от классического *Variorum Reprints*. Вероятно, издательству следует подумать над этим вопросом в будущем.

Переходным типом изданий между переизданием монографий и репринтными сборниками статей служат только что вышедшие книги С.П. Карпова “Латинская Романия” (2000) и О.Р. Бородина, С.Н. Гуковой “История географической мысли в Византии” (2000). Обе книги объединяет то, что в основе их лежат главы, опубликованные в трехтомной “Культуре Византии” (М., 1984–1991). Но если книга О.Р. Бородина и С.Н. Гуковой текстом этих глав и ограничивается, не имея, к сожалению, даже указателей, то исследование С.П. Карпова значительно расширено более чем десятком статей, посвященных Латинской Романии и опубликованных как в России, так и за рубежом. Хотя, как справедливо во введении пишет автор, “эта книга не претендует на систематическое и полное изложение всей многогранной истории Латинской Романии” (с. 6), однако в ней впервые в русской историографии в комплексе исследуется, часто на основе неизданных документов из итальянских архивов, история государства, образованных на территории Византии в XII–XV вв. западноевропейскими рыцарями и итальянскими республиками. Все разделы глав обновлены, значительно расширены комментарии и добавлена новая литература. Украшают книгу помещенные в ней иллюстрации и указатели – именной и географической. Перед нами, по сути дела, монографическое исследование.

3. Третья группа изданий – совершенно новые исследования, которых в рассматриваемый период вышло девять. Первой была книга Е.В. Герцмана “В поисках песнопений Греческой Церкви: Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция древних музыкальных рукописей” (1996). Это прекрасная монография одного из авторитетных музыковедов-византинистов о поисках церковных песнопений Византии Порфирием Успенским. Его собрание, насчитывающее 44 музыкальных рукописи благодаря работе Е.В. Герцмана привлечет теперь большее внимание музыковедов.

Две следующие книги посвящены византийской историографии. Прежде всего, это труд И.В. Кривушина “Ранневизантийская церковная историография” (1998), в которой на примере пяти церковных историков – Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита Киррского и Евагрия – рассмотрена эволюция этого жанра. Исследование И.В. Кривушина – первый не только в отечественной, но и в мировой византистике труд, в котором дается анализ всех дошедших до нас ранних “Церковных историй”. Автор много внимания уделяет представлению церковных историков об историческом процессе, дает характеристику “историзма” их “Историй”, показывает пути сближения церковной и “христианско-имперской” истории. В работе М.В. Бибикова “Историческая литература Византии” (1998), основу которой составляют главы, опубликованные в “Культуре Византии”, исследуются исторические произведения византийских авторов с IV до XV в. В ней даются систематическое описание и анализ эволюции исторических представлений византийских историков. Здесь, как и в предыдущей работе, много внимания уделяется проблеме средневекового историзма и его отражения в византийской агиографии. Книга снабжена обширной библиографией (с. 287–315), включающей в себя все основные современные издания источников и литературы, что делает ее ценной для любого исследователя Византии. Другая работа М.В. Бибикова “Византийские источники по истории Руси и Кавказа” (1999) ставит в центр внимания источниковедческие проблемы. В первой ее части анализируются история изучения заявленной проблематики, особенности византийских источников, характер передачи авторами этнонимов, эпонимов и т.д. Вторая часть работы посвящена подробному рассмотрению данных византийских источников о половцах Северного Причерноморья и аланх Северного Кавказа. Труд продолжает начатое еще Ю.А. Кулаковским исследование в этой области.

Коллективный труд российских византинистов “Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики” (1999) – еще одна попытка внести свой вклад в рассмотрение некоторых сторон проблемы роли Византийской империи в средневековой истории Европы и Ближнего Востока. Труд, состоящий из 19 очерков, делится на две неравномерные части: в первой, большей по объему, освещаются отношения Византии со странами и народами Запада, во второй – с народами Востока. Авторы коллек-

тивной работы не ставили перед собой цель выработать общую концепцию изучаемой проблемы: их очерки и предварительные выводы – только первый опыт рассмотрения многих общих и частных вопросов этой широкой темы.

К этой же группе относится монография Г.Г. Литаврина “Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.)” (2000), посвященная проблемам становления Древней Руси со времени первых ее контактов с Византией в IX в. (поход росов на Амастриду и Сурожд) и до взаимоотношений с империей на рубеже XII в. В центре внимания исследователя – военно-дипломатические контакты с Византией и Болгарией. Особенно подробно рассмотрены дипломатия княгини Ольги, ее поездка в Константинополь (гл. 4), а также положение Руси в первые полвека после принятия христианства (гл. 5). Вместе с тем в книге значительное место уделено как социально-экономическим отношениям двух государств (проблема пошлины, условия пребывания купцов и русов в Константинополе и т.д.), так и культурным связям (гл. 7) Заключают работу три Приложения, которые содержат комментированные переводы отрывков из сочинений Константина Багрянородного, и обширная библиография с указателями.

Список изданий новейших исследований издательством “Алетейя” в серии “Византийская библиотека” особенно быстро пополнился в 2001 – начале 2002 г. Среди опубликованных в это время книг необходимо указать на три монографии, относящиеся, условно говоря, к теме “Византия и ее соседи”. Одна из них – речь идет о работе О.Р. Бородина “Равенский экзархат. Византийцы в Италии” (2001) – посвящена истории владений Византийской империи на Апеннинском полуострове от окончания Готской войны до падения византийского государства в Северной и Средней Италии, две другие – взаимоотношения империи с восточными соседями. Прежде всего это труд Р.М. Шукурова “Великие Комнины и Восток (1204–1461)” (2001), являющийся первой в византиноведении попыткой дать полную картину отношений Трапезундской империи (анклава византийской цивилизации на Понте в XIII–XV вв.) с государствами Востока. Автор на основе широкого круга западных и восточных источников прослеживает историю империи Великих Комнинов, ее политическую и дипломатическую активность на международной арене мусульманского Переднего Востока. В монографии М.В. Кривова “Византия и арабы в раннем средневековье” (2002) исследуется история военно-политических и взаимных культурных влияний Византии и Арабского халифата в VII–VIII вв.

В 2001 г. вышли и труды широко известных специалистов в области византийского военного дела и права. Мы имеем в виду сочинения В.В. Кучмы “Военная организация Византийской империи” и И.П. Медведева “Правовая культура Византийской империи”.

Книга В.В. Кучмы представляет собой первый в отечественной византистике тематический сборник статей, посвященных военной организации Византийской империи. Написанные в разное время статьи автора скомпонованы в соответствии с сюжетно и логически продуманным планом. В результате этого сборник статей стал в сущности монографическим исследованием, в котором военная организация Византии подвергнута систематическому рассмотрению с VI до конца X в. Открывается же книга впервые издаваемым автором очерком античной военно-теоретической литературы, традиции которой усиленно изучали византийцы и широко использовали при составлении собственных руководств по стратегии и тактике. Весьма плодотворен применяемый В.В. Кучмой метод изучения военной практики и воинской науки на фоне социально-экономического, политического и правового развития Византийской империи. Особую ценность представляет произведенный автором глубокий анализ почти десятка военных трактатов, позволивший проследить развитие военно-теоретической мысли (римской, греческой и византийской) на протяжении почти тысячелетия (начиная с античных времен вплоть до конца X столетия).

Основу (и только основу) книги И.П. Медведева также составили ранее опубликованные работы. Однако автор подверг их основательной переработке с учетом эволюции собственных взглядов и новейшей специальной литературы. Книга пронизана единой концепцией византизма, трактуемого в качестве культурной системы, которая была основана на цивилизованном, писаном праве, отражавшем высокий уровень юридического мышления и общей образованности. Автор рассматривает такие важные проблемы как правовые основы византийской государственности, этапы развития византийского зако-

нодательства и юриспруденции, систему правового образования, организацию судопроизводства, история нотариата и т.п. Необходимо подчеркнуть, что монография И.П. Медведова – первое после длительного перерыва исследование в области византийского права в отечественной литературе и одно из немногих в мировой современной историографии вообще. Пользование книгой облегчают тщательно составленные указатели.

Наряду с публикацией новых переводов богословских памятников (см. выше) в рецензируемой серии вышел и ряд исследований по православной тематике. Прежде всего необходимо отметить 4 книги богослова и патролога, игумена Илариона (Алфеева): “Жизнь и учение св. Григория Богослова” (2001), “Преподобный Симеон Новый Богослов и Православное Предание” (2001), “Христос – Победитель ада. Тема сошествия в ад в восточнохристианской традиции” (2001), “Духовный мир преподобного Исаака Сирина” (2002), а также труд священника О. Климкова “Опыт безмолвия. Человек в мире созерцания византийских исихастов” (2001).

К XX Международному конгрессу византинистов были изданы работы российской делегации в сб. “Византийские очерки”.

4. В эту группу мы выделяем переводные работы. Пока таких всего одна – Р.Ф. Тафта “Византийский церковный обряд” (2000). Однако надеемся, что обобщающие и серьезные работы зарубежных ученых не будут редкостью среди книг “Византийской библиотеки”, тем более, что здесь широкое поле деятельности. Прекрасный труд Р.Ф. Тафта, крупнейшего специалиста в области изучения византийского богослужения, в переводе А.А. Чекаловой, является итогом его многолетней научной и священнической деятельности. Автор показывает, как рождалось и развивалось православное богослужение, как сами византийцы понимали ритуал церковной службы и церковное здание. В конце книги помещен обширный список публикаций О.Р. Тафта, насчитывающий 578 наименований (с. 111–158).

Таким образом, за шесть лет существования серии “Византийская библиотека” в ней издано (не считая дополнительных тиражей) 63 наименования книг (68 томов). Это действительно уже солидная библиотека и одновременно – серьезная заявка издательства “Алетейя” на приоритетное издание как византийских памятников, так и научных трудов византинистов, прежде всего отечественных. В последнее время четко намечился положительный сдвиг в сторону издания новых переводов и исследований. Полнографическое исполнение серии не вызывает каких-либо претензий, чего иногда нельзя сказать о качестве набора: иногда проскальзывают досадные опечатки и недосмотры, особенно в греческом тексте. Но в целом есть все основания считать, что в новом столетии “Византийская библиотека” издательства “Алетейя” будет достойно представлять византиноведение в России.

П.И. Жаворонки

К вниманию российских византинистов

Уважаемые коллеги!

Международная ассоциация византийских исследований каждый год помещает в страницах Бюллетеня информации и координации сведения о текущих работах по истории Византии и смежным предметам. В этой связи Национальный комитет просит всех российских византинистов заблаговременно сообщать об их находящихся в печати или подготавливаемых к изданию работах (не более 2–3 названий), вышедших в минувшем году монографиях, а также о поставленных на защиту в их научных учреждениях диссертациях и дипломах, как и о готовящихся в наступающем году конференциях или коллоквиумах по истории Византии. Все эти сведения необходимо направлять в Национальный комитет византинистов России 117334, Москва, Ленинский пр., 32а. Институт всеобщей истории к 1 ноября каждого года.

Председатель Национального комитета,
академик РАН, профессор

Г.Г. Литаврин

**КНИГИ, ПОСТУПИВШИЕ В БИБЛИОТЕКУ ЦЕНТРА
ПО ИЗУЧЕНИЮ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИВИ РАН
В 1999–2001 гг.**

Источники

1. Книга Хрий / Пер. с древнеарм., предисловие и коммент. Г. Мурадян. Ереван, 2000. 300 с.
2. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси. X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. 504 с. с илл.
3. Actes de Vatopédi. T. 1: Des origines à 1329 / Ed. diplom. par J. Bompaire, J. Lefort. Texte, Album. P., 2001.
4. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 4: Alexius I to Michael VIII (1081–1261) / By M.F. Hendy. Pt. 1–2. Washington, 1999. 736 p. Pl.; Vol. 5: Michael VIII to Constantine XI (1258–1453) / By Ph. Grierson. Pt. 1–2. Washington, 1999. 611 p. Pl.
5. Documenti medievali graeci e latini. Studi comparativi / A cura di G. de Gregorio, O. Kresten. Spoleto, 1998. 416 p.
6. *Eustathius Macrembolites*. De Hysmines et Hysminae Amoribus libri XI / Ed. M. Marcovich. Monachii; Lipsiae, 2001. 160 p.
7. Nicephori Patriarchae Constantinopolitani. Refutatio et Eversio Definitionis Synodalis Anni 815 (= Corpus Christianorum. Series graeca, 33). Leuven, 1997. 380 p.
8. Μάρτυρος Σανούδος Τόρσελλο. Ιστορία της Ρωμανίας, Αθήνα, 2000, 337 σ.

Исследования

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 350 с.
2. Бородин О.Р. Равенский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001 (ВБ).
3. Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. 544 с., илл.
4. Византийская цивилизация в освещении российских ученых Т. 1: 1894–1927. М., 1999, 574 с.; Т. 2: 1947–1991. М., 1999. 800 с.
5. Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. 534 с.
6. Вопросы истории славян. Сб. научных трудов. Вып. 14. Памяти А.Е. Москаленко (1904–1984). Воронеж, 1999. 216 с.
7. Восточная Европа в древности и в средневековье. Контакты, зона контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1999. 166 с.
8. Геннадийос. Сб. ст. к 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999. 303 с.
9. Герцман Е.В. Пресвященный Порфирий Успенский и его коллекция древних музыкальных рукописей. СПб., 1996 (ВБ).
10. Годишник на Софийския университет “св. Климент Охридски”. Научен център за славяно-византийски проучвания “Иван Дуйчев”. Т. 3(83). 1989; Т. 4(84–85). 1990–1991; Т. 5(86). 1992–1993; Т. 6(87), 1994; Т. 7(88), 1995; Т. 8(89), 1997.
11. Джурова А. Въведение в славянската кодикология. Византийският кодекс и рецептията му сред славяните. София, 1997. 416 с.
12. Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. Иваново, 1998. 204 с.
13. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000 (ВБ).
14. Князький И.О. Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX – середина XIII в.). Коломна, 1997. 272 с.
15. Князький И.О. Император Диоклетиан и конец античного мира. М., 1999. 222 с.
16. Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. Коломна, 2000. 137 с.
17. Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае, I–IV вв. н.э. М., 2000. 288 с.

18. *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. 604 с.
19. *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. 410 с.
20. Мир православия. Сб. ст. Волгоград. Вып. 2. 1998. 138 с.; Вып. 3. 2000. 305 с.
21. *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Киев, 1999. 296 с.
22. *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998 (ВБ).
23. *Пириватрић С.* Самуилова држава. Београд, 1998. 228 с.
24. Рождественские чтения. Сб. докладов. М., 1999. 208 с.
25. *Серов В.П.* Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул, 2000. 208 с.
26. Средневековое православие от прихода до патриархата. Сб. науч. статей. Вып. 1. Волгоград, 1998. 332 с.
27. Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (проблематика следования и тексты). Иваново, 2000. 282 с.
28. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. СПб., 2001.
29. *Чекалова А.А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997 (ВБ).
30. Церковные древности. Сб. докладов. М., 2001. 343 с.
31. *Христова Б., Джурова А., Велинова В.* Опис на славянските ръкописи от Център за славяно-византийски проучвания "Иван Дуйчев" към су "св. Климент Охридски" XIV–XIX вв. София, 2000. 228 с.
32. *Щапнова Ю.Л.* Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998. 288 с.
33. *Arabatzis G.* Éthique du honneur et orthodoxie à Byzance (IV–XIIe siècles). P., 1998. 207 p.
34. *Bănescu N.* Istoria imperiului byzantin. Vol. 1 (313–610). Bucureşti, 2000. 786 p.
35. *Beihammer A.D.* Nachrichten zum byzantinischen Urkundenwesen in arabischen Quellen (565–811). Bonn, 2000. 515 S.
36. Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / Ed. by H. Maguire. Washington, 1997. 264 p.
37. Les centres protourbains russe entre Scandinavie, Byzance et Orient / Ed. par M. Kazanski. P., 2000. 441 p.
38. *Cheyne J.-Cl.* L'aristocratie byzantine (VIIIe–XIIIe siècle) // Extrait de "Journal des Savants" 2000.
39. *Covel I.* Voyages en Turquie, 1675–1677. P., 1998. 468 p.
40. *Hrushewsky M.* History of Ukraine-Rus'. Toronto, 1997. Vol. 1. 602. p.
41. *Hunger H., Kresten O.* Studien zum Patriarchatsregister von Konstantinopel. II. Wien, 1997. 218 S.
42. *Kokoszko M.* Descriptions of Personal Appearance in Iohn Malalas' Chronicle. Łódź, 1997. 182 p.
43. *Kresten O.* Die Beziehungen zwischen den Patriarchaten von Konstantinopel und Antiochia unter Kallistos I. und Philotheos Kokkinos im Spiegel des Patriarchatsregister von Konstantinopel. Mainz; Stuttgart, 2000. 86 S.
44. *Leszka M.I.* Uzurpacje w cesarstwie Bizantyńskim w okresie od IV do połowy IX wieku. Łódź. 1999. 150 p.
45. *Leszka M.I.* Rola duchowieństwa na dworze cesarzy wczesnobizantyńskich. Łódź, 2000. 136 p.
46. Mélanges d'histoire Byzantine offerts à Oktawiusz Juzewicz à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire. Łódź, 1998. 210 p.
47. Πολύπλευρος νοῦς. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag. München; Leipzig, 2000. 434 p.
48. *Oikonomides N.* (ed.). Studies in Byzantine sigillography Washington. Vol. 5. 1998. 275 p. Vol. 6, 1999. 200 p.
49. *Scholz C.* Graecia Sacra. Studien zur Kultur des mittelalterlichen Griechenland im Spiegel hagiographischer Quellen. Frankfurt am Main, 1997. 308 S.
50. Αετός. Studies in honour of C. Mango. Stuttgart; Leipzig, 1998. 380 p. + 83 pl.
51. *Taft R.F.* A History of the Liturgy of St. John Chrysostom. Vol. 5: Precommunion rites. Roma, 2000. 574 p.
52. La Transmission du Patrimoine. Byzance et l'aire méditerranéenne / Ed. par J. Beaucamp, G. Dagron. P., 1998. 271 p.

53. *Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society*. Stanford; California, 1997. 1020 p.
54. *Wills from Late Medieval Venetian Crete. 1312–1420* / Ed. S. McKee. Washington, 1998. T. 1–3. 1200 p.
55. Ο Άθως στους 14^ο–16^ο αιώνες. Αθήνα, 1997. 200 σ.
56. Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6ος–12ος αι.) Αθήνα, 1998. 446 σ. (Διεθνή συμπόσια, 6).
57. Βιζαντίο και Σερβία κατά του ΙΔ' αιώνα. Αθήνα, 1996. 432σ. + 213πιν.
58. Γάσπαρης Χ. Η γή και οι αγρότες στη μεσαιωνική Κρήτη. 13ος–14ος αι. Αθήνα, 1997. 462 σ.
59. Το εμπόριο Βυζαντίο (9ος–12ος αι.) Αθήνα, 1997. 282 σ.
60. Ζαχαριάδου Ε.Α. Δέκα τούρκικα έγγραφα για την μεγάλη εκκλησία (1483–1567). Αθήνα, 1996. 206 σ.
61. Κούντουρα-Γαλάκη Ε. Ο Βυζαντινός κλήρος και η κοινωνία των “σχοτεινών αιώνων”. Αθήνα, 1996. 248 σ.

Периодика

1. АДСВ: Вып. 29. 1998; 30. 1999; 31. 2000.
2. ВВ: 58(83). 1999; 59(84). 2000; 60(85). 2001.
3. ЗРВИ: 37. 1998; 38. 1999.
4. ВЗ: 91, 1–2. 1998; 92, 1–2. 1999; 93, 1–2. 2000; 94, 1–2. 2001. Supplementum bibliographicum. II–III. 1998.
5. BS: 59, 1–2. 1998; 60, 1–2. 1999.
6. DOP: 52. 1998.
7. JÖB: 3. 1954; 21. 1972; 25. 1976; 31. 1981; 34. 1984; 39. 1988; 45. 1995.
8. Mésogeios: 11, 12, 13–14. 2001.
9. Oriens christianus. Hefte für die Kunde des christlichen Oriens. Bd. 83. 1999.
10. Studi sull' Oriente Christiano Roma. T. 2, 1–2. 1998; T. 3, 1. 1999; T. 4, 1. 2000.
11. Travaux et Mémoires. 13. 2000.
12. Βυζαντιακά. 19. 1998; 20. 1999.
13. Εκκλησιαστικός Φάρος, n.s., 10(1999), 11(2000).
14. Σύμμεικτα: 11, 1997; 12. 1998*.

МОЛОДЕЖНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Ежегодно в феврале исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова проводит Всероссийские конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, сферой интересов которых являются медиевистика и византиноведение. Сама идея проведения подобных научных встреч молодежи из различных регионов России и стран СНГ возникла два года тому назад и была активно поддержана Всероссийской Ассоциацией медиевистов и историков раннего нового времени и кафедрой истории средних веков исторического факультета МГУ. По итогам работы конференций 2001 года “Вера и церковь в средние века и раннее новое время (Западная Европа и Византия)” и 2002 года “Война и мир в средние века и раннее новое время (Западная Европа и Византия)” были опубликованы сборники тезисов докладов¹.

* Составил П.И. Жаворонков.

¹ Вера и церковь в средние века и раннее новое время (Западная Европа и Византия). Тезисы докладов Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 7–8 февраля 2001 г. М.: МГУ, 2001; Война и мир в средние века и раннее новое время (Западная Европа и Византия). Тезисы докладов Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 8–9 февраля 2002 г. М.: МГУ, 2002.

Проведение именно тематических конференций позволяет собрать молодых исследователей, заинтересованных в изучении определенного круга вопросов на материалах разных стран, регионов, эпох. Тематику конференций определяют сами их участники и мы приглашаем коллег высказывать свои предложения. Наш адрес: 119899 Москва, В-234, МГУ, исторический факультет, кафедра истории средних веков, Талызиной А. А. E-mail: medieval@hist.msu.ru

А.А. Талызина

“BYZANTINE MULTIMEDIA”

16–17 мая 2001 г. на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова проходит Международный круглый стол “BYZANTINE MULTIMEDIA”, в работе которого приняли участие ученые из России и Италии. Были подведены итоги исследований по программе “BYZANTINE MULTIMEDIA”, основной целью которой являлось мультимедийное представление последних достижений в области византиноведения. С докладами выступили:

Профессор А. Кариле (Болонья/Равенна). Вступительное слово.

Доктор А. Нанетти (Равенна). “BYZANTINE MULTIMEDIA”: результаты и перспективы.

Профессор С.П. Карпов (МГУ). Методы реконструкции нотариальных архивов итальянских факторий Причерноморья, XIII–XV вв.

Доктор А. Ассини (Генуя). Об одном путешествии в Черное море: генуэзские нотариусы Трапезундской империи в начале XIV в.

Н.Д. Прокофьева (МГУ). Юридические формулы в нотариальных актах, составленных в Причерноморье, XIII–XV вв.

Доктор Л. Канетти (Болонья-Равенна). Джованни да Монтекорвино и католические миссии в Центральной и Восточной Азии в XIII и XIV вв.

Профессор М.Д. Спандаро (Катания). Византийский морской флот от *De thematibus* Константина VII Багрянородного до *Logos basilikos* Кекавмена.

Р.М. Шукуров (МГУ). Христианская символика на ранних тюркских монетах Анатолии XII–XIII вв.

Профессор С. Козентино (Болонья/Равенна). Социальная структура византийской Италии и вклад в ее изучение “Просопографии византийской Италии (493–804)”.

Профессор К. Крими (Катания). Заметки о Косме Иерусалимском и Никите Давидовиче Пафлагоне, комментаторах Григория Назианзина.

О.С. Воскобойников (МГУ). Иллюминированные научные рукописи при дворе Фридриха II Сицилийского: попытка новой интерпретации.

Доктор М. Кароли (Болонья/Равенна). Перенос реликвий, международные связи, электронные базы данных: перспективы текущих исследований.

Профессор Дж. Страно (Турин). Отношения между Византией и Арменией в свете средневековых исторических источников, IX–X вв.

Профессор Л. Балетто (Генуя). Причерноморье в актах генуэзских нотариусов: общий обзор, состояние исследований, публикации.

А.Л. Пономарев (МГУ). Применение статистических методов для анализа массовых документов. Каффы 1374 и 1381 гг.

Доктор А. Пармеджани (Болонья/Равенна). Книга обычаев и статуты империи Романии (Ассизы Романии). Составление текста.

Профессор Э. Морини (Болонья). Греческая рукопись из Южной Италии, отражающая монастырский устав.

Профессор Дж. Веспиньяни (Болонья/Равенна). Равенна и Анкона: центры распространения культуры и средиземноморские пути в равеннской документации IX–X вв.

А.А. Талызина (МГУ). Венецианские нотариальные акты XIV в. как источник по истории навигации в Черном море.

Профессор А.М. Орселли (Болонья/Равенна). Святость городских стен.

Доктор Э. Бассо (Генуя). 1453 год – год катастрофы. Генуэзские документы об администрации в Причерноморье во время падения Константинополя.

17 мая прошла церемония присвоения звания профессора МГУ *honoris causa* профессору Болонского университета декану факультета истории и сохранения культурных ценностей (Болонья/Равенна) Антонио Кариле.

Затем состоялась лекция профессора А. Кариле на тему “Рим глазами второго Рима – Константинополя”.

Предполагается публикация материалов круглого стола и лекции А. Кариле.

А.А. Талызина

К 80-ЛЕТИЮ ВАЛЕНТИНЫ САМОЙЛОВНЫ ШАНДРОВСКОЙ

К 80-летию В.С. Шандровской

19 августа 2002 г. исполнилось 80 лет Валентине Самойловне Шандровской, кандидату филологических наук, ведущему научному сотруднику отделения Византии и Ближнего Востока Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Все мы, коллеги, друзья и современники Валентины Самойловны знаем ее как человека мужественного, временами резкого и сурового в оценках, но неизменно справедливого и доброжелательного.

Валентиной Самойловной много сделано и делается для восстановления преемственности в изучении богатейшей эрмитажной коллекции византийских моливдовулов, собранной трудами Н.П. Лихачева и коллектива Русского Археологического института в Константинополе. После долгих лет забвения благодаря ее энергии и поддержке коллег (вспомним А.В. Банк Валентиной Самойловной был подготовлен к печати и издан с исправлениями и значительными дополнениями

каталог Н.П. Лихачева “Моливдовулы греческого Востока”.

Значителен личный вклад юбиляра в российскую, ранее – советскую византистику. Прделана большая работа по изданию печатей с фамильными именами, без ссылок на которые не обходится ни одна работа по византийской просопографии. Не без влияния работ Валентины Самойловны обратились к моливдовулам в своих штудиях и историки искусств. Собственные достижения юбиляра очевидны и международно признаны. Так же значителен ее вклад в формирование сфрагистики как самостоятельной исторической дисциплины, все более выходящей за рамки “вспомогательной”, свидетельством чему – появление секции сфрагистики на последних всемирных конгрессах византинистов.

В настоящее время Валентина Самойловна продолжает работу, храня, пополняя и издавая эрмитажную коллекцию моливдовулов. Коллектив “Византийского Временника”, друзья и коллеги Валентины Самойловны поздравляют ее с юбилеем и желают ей здоровья, счастья и долгих лет жизни.

В.П. Степаненко

**“СУД ЦАРА ЛЕОНА И КОНСТАНТИНА”
КАК СЕРБСКИЙ ПАМЯТНИК РЕЦЕПЦИИ
ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА**

Судебник, имеющий заглавие “Суд цара Леона и Константина”, представляет собой ценный памятник истории сербского права второй половины XVII в. Он известен в единственном списке, в западносербском Раваницком юридическом сборнике 1687 г., вместе с особой редакцией “Законника” Стефана Душана и юридической компиляцией “Суд цара Константина и Устиниана”. Этот судебник представляет собой компиляцию, основанную на византийских и раннеславянских памятниках права и включающую нормы сербского права своего времени.

Раваницкая рукопись была приобретена П. Шафариком в 1831 г.¹ и в составе его собрания хранится в Национальном музее в Праге (IX. H. 7 serb. 17). Она описывалась неоднократно². Это сербский сборник в малую 8°, с западносербскими чертами языка, писанный несколькими почерками ресавского правописания. На л. 56 владельческая запись игумена Раваницкого монастыря 7195 (1687) г.³ В рукописи есть и другие записи, связанные с этим монастырем, по которому она носит свое название.

Сборник состоит из несколько разновременных частей. Первая, наиболее ранняя его часть, писанная полууставом, содержит два памятника сербского права: “Закон Константина и Устиниана” (л. 1–21, в других списках известный под названием “Судац”) – компиляция XVII в. на основе византийских кодексов права⁴ и “Законник” Стефана Душана в особой редакции того же века (л. 22–46)⁵. “Суд цара Леона и Константина” писан скорописью и представляет вторую часть сборника (л. 47–51 об.), приписанную к первой позднее. Далее следуют принадлежащие другим писцам части: молитвы “на трапезах” с перечнем славянских святых, начиная от Симеона Сербского и Иоанна Рыльского и включающем Антония и Феодосия Печерских (л. 52 об.–56). Запись 1687 г.

¹ *Safarik P.* Geschichte des südslavischen Literatur. Bd. III. Prag, 1865. S. 225.

² *Флоринский Т.* Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888; *Сперанский М.Н.* Рукописи П.И. Шафарика // Чтения в ОИДР. 1894. Ч. 1 С. 227–230 и отдельно: М., 1894. С. 63–65; *Яцимирский А.И.* Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Т. I. Пг., 1921. С. 703–706 (№ 41); *Соловьев А.* Српске законске компиљације XVII в. // Глас српске краљевске академије. CLVII. Други разред. 80. Београд, 1933. С.110–151; *Vašica J., Vajs J.* Soupis staroslovanských rukopisů Národního muzea v Praze. Praha, 1957. S. 301–304 (№ 143); *Соловьев А.В.* Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354 године. Београд, 1980. С. 85–90.

³ “Сја книж(и)ца г(ла)го(л)емя Соуд правилнии Стефана бл(а)гоч(ь)стиваго ц(а)ра срьбскааго монастира зовомаго Раваниц(а) с(вя)т(а)го кн(е)за Лаз(а)ра игумена кур Димитриа иеромонах(а) раваничкога лѣта, з.р.ч.ѣ” (л. 56 об.).

⁴ Издан Т. Флоринским в вариантах к Софийскому списку (Памятники... Прилож. IV. С. 55–94). Об этом памятнике см.: *Андреев М.* Закон на Константин Юстиниан. София, 1972.

⁵ Издан Т. Флоринским по этому списку (Памятники... Прилож. III. С. 36–51).

помещена после этой части и дает наиболее позднюю ее дату. Еще позднее были приписаны “Чин многолетия” (л. 57–60), в котором на первом месте стоит многолетие царю Московскому, молитвы и другие песнопения (л. 60–68).

Основной источник компиляции “Суд ц(а)ра Леона и Константина” – московская Печатная Кормчая 1653 г. – дает возможную нижнюю дату; таким образом, интересующий нас список памятника датируется второй половиной или скорее третьей четвертью XVII в.

“Суд ц(а)ра Леона и Константина” был введен в науку Т.Д. Флоринским, который опубликовал начала всех статей (дав разделение памятника на 24 статьи) а некоторые привел целиком. Его характеристика очень кратка и приводится здесь без сокращения: “Суд ц(а)ра Леона и Константина. Статья под этим заглавием, писанная более поздним почерком, представляет небольшой, не имеющий системы сборник разных юридических постановлений, из которых одни заимствованы из византийских компиляций, а другие – несомненно возникли на сербской почве в эпоху борьбы сербов с турками. Перечисляю здесь эти постановления и те из них, которые наиболее интересны и притом удобочитаемы, сообщая в полном виде”⁶.

Специальное исследование памятника принадлежит А.В. Соловьеву⁷. Он изучил источники этого судебного кодекса, дал его историко-юридический анализ и высказал мнение о времени и месте его возникновения. Соловьев разделил текст на 27 статей и дал их публикацию среди комментариев к тексту.

А.В. Соловьев определил, что основной источник, на основе которого был составлен “Суд”, – русская Печатная Кормчая книга, изданная в Москве в 1653 г. Именно в ней представлены переводы и переработки юридических кодексов, использованных сербским компилятором: Эклоги, Прохирона и Закон Судного людем, причем два первых – в тех же переводах, которые вошли в сербский памятник.

Кодекс, по Соловьеву, состоит из трех основных частей: 1) о наследственном праве и имущественных отношениях между супругами (ст. 1–5, 12 и 14 по его нумерации); 2) о военных уголовных преступлениях (6–10, 18, 25 и 26) и 3) о праве убежища (17, 22, 23), о судьях и свидетелях (17, 27).

Соловьев связал возникновение “Суда” с сербским монастырем св. Андрея в Венгрии (Сентэндре), в котором жили монахи разоренного в 1687 г. Раваницкого монастыря. Он считает, что статья об обучении турок кораблестроению имеет в виду плавание по Дунаю и не могла возникнуть до 1688 г., когда Сербия продолжала быть оккупирована турками, но появилась только в 1690 г., когда раваничане оставили Шумадию и ушли в Венгрию⁸. С 1690-ми годами связывает он и появление в статье о разделе военной добычи слова “воевода”: именно в это время сербы в Венгрии боролись с турками под водительством воеводы Иована Манастирлии⁹. Среди самостоятельных дополнений сербского редактора он выделяет статью о продаже коня или оружия, которое, по мнению исследователя, ведет нас к военному периоду 1689–1699 гг.¹⁰ Что касается записи 7195 (1687) г. противоречащей такой датировке, то Соловьев считает ее ошибочной: цифры “95”, по его мнению, были поставлены в монастыре св. Андрея от Рождества Христова по западному летосчислению¹¹, и поэтому исправляет ее на 1695.

⁶ Флоринский Т. Памятники... С. 228. Публикация отдельных статей памятника на с. 229–230.

⁷ Соловьев А. Српске законске компиляције XVII в. С. 114–150.

⁸ Там же. С. 124–125.

⁹ Там же. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 140.

¹¹ Там же. С. 150.

Настоящее издание выполнено на основе фотокопии рукописи заново. Даем свое деление на статьи. Соотношение номеров статей по Флоринскому, Соловьеву и настоящему изданию приводится в таблице.

“Суд” представляет собою краткий кодекс (29 статей), посвященный регулированию только некоторых сфер права. Прежде всего это отдельные нормы наследственного права и права обеспечения вдовы (1–3, 10, 18), права убежища в церкви (14, 17. 1–2), процесса – о порядке допроса свидетелей (21). Он содержит также сентенции о необходимости правильного суда и вреде взяточничества в суде (12, 22).

Значительная часть судебного посвящена вопросам военных и государственных преступлений, связанных с особыми условиями существования непокоренных османами югославянских городов и общин и военных действий в их защиту. Здесь говорится о порядке раздела военных трофеев и дополнительном поощрении отличившихся на войне (11. 1–4), о наказаниях за похищение военного имущества (4), за переход на сторону врага и передачу ему информации (6, 13), за продажу врагам оружия и других военных товаров, коней, хлеба (8, 19–20), за обучение их кораблестроению (5), за агитацию и выступления против государственной власти и покушение на жизнь царя (9–16). Таким образом, половина содержания всего судебного связана с военными и политическими преступлениями, что говорит об особом значении подобных дел там, где эта компиляция составлялась. Важно отметить, что такие сферы права не были разработаны в законнике Стефана Душана, и в условиях XVII в. потребовали от сербского составителя создания нового кодекса, отвечающего его времени.

Анализ состава дел, включенных в судебник, свидетельствует, что это кодекс не основных норм права, а вспомогательное собрание, дополняющее существующее сербское право в уголовной сфере, в имущественных отношениях и в других делах. Действительно, в Раваницком сборнике перед “Судом царя Леона и Константина” находятся другие кодексы, в том числе более ранний Законник Стафана Душана, правда, также переработанный в условиях XVII в. В качестве дополнения к нему и может рассматриваться интересующий нас памятник. Таким образом, составитель нашей компиляции занимался правотворческой деятельностью, дополняя существующее сербское право новыми нормами из имевшихся в его распоряжении сборников византийского от раннеславянского права путем изменения и приспособления этих норм.

Выяснение источников, которыми пользовался составитель “Суда”, ведет нас к византийским руководствам VIII–IX вв. Эклоге и Прохирону, а также к Закону Судному людем, как об этом писал А.В. Соловьев. На эти источники указывает, во-первых, заглавие памятника (упоминание Леона и Константина, как и в Эклоге), и, во-вторых, прямая ссылка на них в ст. 11.4. С именами императоров Леона (Льва) Исавра и Константина Копронима связано издание в 726 г. Эклоги законов, получившей широкое распространение и в Византии, и за ее пределами. “Суд” является одной из таких рецепций византийского кодекса. В ст. 11.4 перечислены те авторитетные памятники, связанные по названиям с византийскими царями, – Закон судный, приписанный Константину Великому, Закон градский (Прохирон) и Закон Льва и Константина (Эклога), которые подтверждают приведенные составителем “Суда” постановления о порядке раздела военной добычи.

Сравнение нашего памятника с этими кодексами в славянских переводах действительно показывает, что составитель “Суда” включил в свой труд нормы византийских памятников. Таблица демонстрирует соответствие статей “Суда” содержанию Эклоги, Прохирина и Закона Судного людем.

Составитель “Суда” в основу своей работы положил отдельные нормы Эклоги, озаглавив и сам кодекс по названию этого памятника. Однако из Эклоги он взял только нормы наследственного права (из титулов 2, 6 и 10), уголовное право, связанные с похищением военного имущества (17.10) и выступление против государственной власти (17.3). Близки к Введению в Эклоге также и ключительные слова “Суда” (ст. 22). Составитель провел определенный отбор и систематизацию использованного материала. Найдя в 39-м титуле Прохирина норму, аналогичную норме Эклоги о похищении военного имущества, он включил оттуда и другие положения о военных и государственных преступлениях, которые очень подходили к условиям жизни славянской страны и были актуальны для времени составления судебника. Наконец, из третьего источника, Закона Судного, была заимствована статья о праве убежища, которая отсутствует в славянском тексте Эклоги. Общей для Эклоги, Прохирина и Закона Судного является статья о краже в армии военного имущества.

Сравнение памятника с известными текстами славянских переводов Эклоги и Прохирина подтверждает заключение А.В. Соловьева, что составитель имел перед собой Печатную Кормчую московского издания 1653 г., а не рукописные списки более ранней традиции. Именно в ней находятся все три использованные памятника. Это подтверждают также чтения “Суда”, которые не имеют аналогии в других славянских текстах Эклоги, известных в рукописях.

Рукописные списки XVI в.	Печатное издание 1653 г.	“Суд”
6.2 [жена] половину части от всего имени его да наследитъ та, а другую половину да примуть.	[жена] пол части от всего имени его да наследит, а иная <i>апостольская церковь</i> и нищие да примут.	3.2. жена половицѹ да ѹзме шт това ша а дрѹгѹ половицу да се дели <i>апостолской цркви</i> и <i>сиромаши</i> .
Аще ли ни жены будетъ умершаго, тогда все имение того, яко без наследия, людския да примуть.	Аще ли ни жены будет умершему и тогда все имение его или <i>апостольска церковь, или царское сокровище, или людскии соньм</i> да примет (Кормчая, л. 508)	Ако ли не има ни жена... цо има да ѹзме или <i>апостолска црковь, или царское скровище, или ѹ людски комѹнѹ</i> да се штдаи.
16.3 С инеми кленетса на нь, или на христианское житие творя...	16.3 <i>Аще кто</i> с инеми кленетса на христианское житие <i>разрушише творити</i> ... (Кормчая, л. 515 об.)	16. <i>Аще кто</i> с другѹем кл’нет’се на христиан’ско житѹе <i>раздрѹшенѹе творити</i> ...

Каковы характер и цель работы составителя? Он в большей части случаев переводит церковнославянский текст русской редакции на сербский язык. При этом представляет интерес вводимая им специальная терминология. В статье 11.2 общеславянское слово “князь” воспроизведено в сербской форме “кнез”, но поскольку к этому времени оно имело различное значение, к нему дана важная глосса – “воевода” – военачальник. Русское слово “полководцы”, которое в Печатной Кормчей заменило южнославянское “жюпаны” славянского перевода, передано через “тисущники”. В ст. 11.3 архаичное древнеславянское “кметищи”

было заменено на “болми”, возможно, в результате сличения главы 16.2 Эклоги с соответствующим титулом 40 Прохирона в той же Кормчей, где был применен этот термин (л. 393 об.)

Составитель “Суда” в процессе приспособления византийских норм к местным условиям не ограничивался заменой отдельных терминов. Он придавал правовым формулам, возникшим в совсем иных условиях, актуальное звучание, как будто они были специально созданы для борьбы с Османской империей. На это указывают следующие изменения текста Прохирона.

Прохирон по Печатной Кормчей	"Суд"
39.38 Иже учат <i>варвары</i> корабли строити главнѣиѣ муцѣ повинни суть.	5. Иже ѹчить <i>турке</i> корбли правити, главе да им се шсекѹ.
39.19. Ратнии иже <i>от нас к ним</i> сами приходяще, мечем мучатся.	6. Воиник кои бежи у <i>туѹ табор рекше тур'ком</i> да се мачем мучеть.
39.17. Иже к <i>ратным</i> своею волею от нас приходяще и наши советы возвѣщающе им, на висилицѣх повѣщаются или сожигаемы бывают.	7. Иже <i>тур'ком шт</i> нас бежи и казѹе им, що ми мислимо, такови да се шбеси или да се сажеже.
39.9. Никто да не продасть <i>варваром рекше иноязычиюком</i> устроена оружия, или неустроена, или железа, понеже таковѹй главною казнию мучитяся.	8. Никто да не прода <i>тѹр'комѹ</i> штраѹена шружѹа, или неѹправлѹена, или железа. I ако се тко наѹе да е продаш, да се таки главом мѹчи.

В приведенных случаях созданию местных норм уголовного военного права способствовал авторитетный императорский сборник права – Прохирон, созданный в аналогичных условиях борьбы Византии с врагами.

Не меньший интерес представляют дополнения, которые редактор вносит в текст для уточнения или развития норм византийского памятника. Так, относительно наследственного права в ст. 1 “Суда” говорится о двух формах завещания: письменной и устной, в то время как в переводе Эклоги (6.1) письменная форма в этой главе не отмечена. В ст. 3.1 содержится дополнительное указание, что претендентами на получение наследства могут быть братья и сестры, не только единоутробные, но и единокровные (от разных матерей), а, кроме того, дается перечень родственников (стриц, тетка, умкѹ), дети которых являются наследниками следующей после родных братьев очереди. Существенной является замена слов “людской сонъм” Печатной Кормчей выражением “ѹ люд'ски комѹнъ” (ст. 3.2). Именно так обозначен коллектив, которому должно поступать выморочное имущество. Эта замена свидетельствует о создании компиляции на Адриатическом побережье, где существовали города и острова – общины, коммуны, подчиненные Венеции. Этот же термин применен в Раваницкой редакции Законника Стефана Душана, находящейся в той же рукописи (“за длѣгъ комуньски” – *Флоринский Т.* Памятники... Приложения. С. 48, ст. 133). Оба эти памятника XVII в. отражают сходные условия приспособления византийских норм права к местным формам государственного устройства. В отдельных случаях, близко передавая статьи Печатной Кормчей, редактор дает небольшие комментарии к тексту. Так, в ст. 10 о правах вдовы несостоятельного должника он добавил к слову “ѹемчила” (поручилась): “или рекла, ако нъ не плати, и ѹ платити” (т.е. “или сказала: если он не заплатит, то заплачу я”).

Нет аналогии в Эклоге и Прохироне дополнению, что право на раздел военной добычи наравне с участвующими в сражении имеют и находившиеся в обзоре (кои таборъ чѣваю), а также те, кто был на работе (на послѣ) и те, кто хранит государственное имущество (царевину, ст.11.3).

Несколько статей в составе “Суда” не являются переводом или переработкой византийских памятников, но представляют оригинальные местные нормы включенные в компиляцию. Таковы прежде всего статьи 2.1 и 2.2 о соотношении большой и малой семей и праве сыновей, живущих отдельно от отца, на самостоятельное юридическое существование: (2.1) “Коа сѣ синови сами w себе, нисѣ заедно со щемъ, ни с матери, него кои сѣ баш’ка” (Если сыновья живут самостоятельно, а не вместе с отцом или с матерью, то им представляют отдельное хозяйство). (2.2) “Ако ли сѣ деца со і щем хоче заедно и нїи им башк’именіе” (Если же дети живут вместе с отцом, то отдельного хозяйства (владения, имения) они не составляют).

В Эклоге есть титул 16 (по славянскому тексту зачаток б), в котором говорится об особом положении земельной собственности стратиотов (воинов), полученной за службу. Хотя сами воины находятся в семейном и имущественно подчинении у своих отцов и дедов, выделенный им за службу надел (“урок”, покुлий) является их собственностью и наследственному разделу после смерти отцов не подлежит. Однако эта норма Эклоги не имеет соответствия в указанных статьях “Суда”. Здесь мы сталкиваемся с разработкой местной сербской нормы, что получило выражение и в применении распространенного в южнославянских землях термина “башка”. Вместе с тем, эта норма, как отметил А.В. Соловьев¹², имеет аналогию в Законнике Стефана Душана (по тому же Раваницкому списку и изданию Т.Д. Флоринского –ст.60¹³).

Таким образом, составитель “Суда”, используя переводные византийские и южнославянский памятники, создал новый юридический кодекс, который и дополнил известные в Сербии нормы Законника Стефана Душана и “Суда царя Константина и Устиниана”, и вносил дополнения, отражающие местные условия, местную терминологию, местные нормы.

О месте возникновения “Суда” можно говорить иначе, чем это делал А.В. Соловьев. Связь рукописи с Раваницким монастырем с 1687 г. несомненно. Нет никаких оснований видеть в дате 7195 ошибку и считать, что запись сделана не в Раванице, а в монастыре св. Андрея. Вместе с тем нет оснований и связывать создание сборника с Раваницким монастырем – он возник ранее и в другом месте, а в Раваницу попал перед 1687 г. и получил здесь новые приписки.

Лингвистические данные, о которых меня любезно консультировали научная сотрудница Археографического отдела Народной библиотеки Сербии Б. Стипчевич и профессор МГУ В.П. Гудков, говорят, что при господстве в памятнике восточно-сербского штокавского диалекта в нем встречаются западные черты, которые могут указывать на возникновение списка в Черногории, Герцеговине и на Адриатическом побережье. Писец сохраняет знак ѣ в приставке *прѣ-* (прѣда – 11.1, 17.2; прѣдавае – 13; прѣтити – 21; прѣдано – 11.3; прѣсечець – 21; прѣжде – 1.2) и в некоторых словах (вѣруе – 21; срѣбро – 21; обрѣтець – 21; крѣпост – 11.1). Там, где он его заменяет, большей частью дает *e*: деца, деца бежи – 7, 17.2; убегао – 17.1, прибегшаго – 17.1, реченно – 11.3, победа – 11.4.

¹² Соловьев А. Там же.

¹³ “И аще се обрѣтет у іедной кући или оїѣ от сїовь или братенци или инїи родимїи или инь кто отдѣлень хлѣбом и именіем, нъ ако буде на єдином огнищи, тїи отдѣленїи да работают ико инїие кои су, у єдиной кући вьсе да платет господару” (Флоринский Т. Памятники... С. 41).

железа – 8, обеси – 7, серебро – 21. Однако в некоторых случаях он дает на месте *ѣ* *ie*: *ніесѣ* (2.1), *отсіеку* (4 при: *осеку* 5) и даже *и*: *заповиди* (16). Слова с корнем *дѣл* большей частью даются через *дел* (*дель* 11.2, 11.3, 18 дважды; *дела* – 11.3; *делити* – 11.3, *предел* – 19), но писец применяет и формы с *и* (*дио* – 1.1, 11.2, 18) и с *іе* (*діела*, *діелити* – 11.3). Можно указать также на формы местоимения *тко* (ст. 8, 10, также *нит'ко* – 12), наряду с *ко* (4, 13, также *нико* 8) и *кто* (9, 16, 18, *никто* – 17.1).

Совокупность характерных черт изучаемого памятника, некоторые западношотоковские формы его языка, применение слова *комун* для обозначения общины, включение в него статьи о наказании тому, кто “*ѹчитъ турке корабли правити*”, позволяет связывать его возникновение с южнославянскими землями западной части Балканского полуострова, близкими Адриатическому побережью¹⁴. Тезис А.В. Соловьева о составлении памятника в Сербии и о связи его с Дунаем потребовал от исследователя слишком много натяжек и поставил под сомнение данные самой рукописи. Памятник свидетельствует, что речь идет о славянском обществе восточнохристианской ориентации, которое было связано с побережьем и находилось с Османской империей в состоянии военного противостояния.

Исследователи обратили внимание на ряд списков Законника Стефана Душана, которые в позднейшее время (XVII–XVIII вв.) были переписаны на западных землях: Далматинский (Паштровичский), Загребский (Режевичский) и Гербальский¹⁵. Эти списки в своем языке, терминологии и составе отражают условия, существовавшие на этих землях. К числу этих рукописей принадлежит и Раваницкий список Законника, также представляющий эту позднюю западнобалканскую традицию. И характер работы составителя “*Суда Леона и Константина*” близок труду редакторов этих списков.

Существует несомненная связь основных частей сборника, которые все являются позднейшей компиляцией ранних текстов. Это не только использование термина “*комунъ*”. Исследователи Раваницкой редакции Законника обращают внимание на то, что это “*совершенно особый тип текста, возникший несомненно в весьма позднее время, вероятно, не ранее XVII столетия*”¹⁶. Основное отличие этой редакции Законника – добавление в нее статей из византийских юридических руководств (не из той ли Печатной Кормчей?), т.е. тот же путь, каким создан и наш “*Суд цара Леона и Константина*”.

Обращает на себя внимание стремление сербских юристов-компиляторов XVI–XVII вв. составлять свои сборники права, объединяя местный кодекс и нормы обычного права с византийскими нормами из переводных памятников, использовать для таких компиляций громкие имена византийских императоров, что должно было повысить в глазах местного православного населения авторитет соответствующих правовых норм. Можно говорить о создании в Сербии, Болгарии, Валахии и Молдавии в это время особого жанра таких компилятив-

¹⁴ По мнению профессора М.М. Фрейденберга, поделившегося своими соображениями с автором, термин “*комунъ*” имеет хождение на Адриатическом побережье в широком географическом диапазоне, от албанских пределов до Кварнерского залива и в самых разных слоях – от городских, т.е. италянизированных, до глухих сельских углов. Сельские судебники из окрестностей Винодола (Каставский, Веприначский, Мощеничский) его постоянно употребляют”.

¹⁵ *Синдик И. Душаново законодавство у Паштровићима и Гробљу // Зборник у част шесте стогодишњице Законика цара Душана. I. Београд, 1951; С. 119–172; Соловјев А. Законик цара Стефана Душана... С. 75–90.*

¹⁶ *Флоринский Т. Памятники... С. 231.*

ных кодексов, распространявшихся из одной земли в другую. Раваницкий сборник свидетельствует об участии в такой работе и Адриатического побережья. Для проблемы рецепции и значения римского права в Европе в XVII–XVIII вв. важен такой факт, как стремление к практическому использованию византийских норм, а не какое-либо применение их в учебных или абстрактно-теоретических целях. Однако вопрос о реальном значении “Суда” как судебного кодекса, применявшегося на практике, и о распространении его норм за пределами Сербии остается пока открытым.

Интересно, что источником, благодаря которому составитель компиляции познакомился со всеми тремя древними кодексами – Эклогой, Прохионом и Законом судным – была русская Кормчая книга, изданная в Москве патриархами Иосифом и Никоном. Известно, какое значение имели русские книги в Сербии в XVIII в., однако и в XVII в. Россия снабжала южнославянские земли важными юридическими пособиями. Русская Кормчая, напечатанная тиражом 126 экземпляров, имела большое распространение. По Кормчей было восполнено утраченное начало в венском Хиландарском списке¹⁷, причем это было сделано в 1685 г., т.е. примерно в то же время, когда составлялся “Суд царице Кристины”. Славянские земли на Адриатическом побережье входили в тот же восточный и юго-восточный европейский регион, что и другие славянские и неславянские страны восточнохристианской культуры, и Россия в это время играла также уже значительную роль.

В основе Печатной Кормчей лежит Сербская редакция Кормчей, связанная с Саввой Сербским, но эта редакция не включала в себя ни Эклоги, ни Закон Судный, и те списки Сербской редакции, которые были известны в XVII в. в Сербии, не могли послужить источником нашей компиляции. Впрочем, на Адриатическом побережье они как будто не были известны. Вместе с тем важно, что Печатная Кормчая, русская по происхождению, содержала переводные памятники на церковнославянском языке русской редакции, который был понятен образованным представителям всех восточнохристианских славянских народов, а Прохион, пришедший на Русь из Сербии, был переведен на церковнославянский язык сербской редакции.

Таким образом, использование московской Печатной Кормчей на Адриатическом побережье в третьей четверти XVII в., замкнуло круг переводов и переработок византийских памятников, включив в него почти все славянские страны: моравский труд по созданию Закона Судного с его болгарской обработкой, болгарский (или русский?) перевод Эклоги, сербский афонский перевод Прохиона через болгарские, сербские и русские списки и московское печатное издание вернулись на Балканский полуостров, чтобы способствовать созданию местного сербского кодекса права.

Ниже публикуется полный текст памятника по Раваницкому списку: Национальный музей в Праге, IX. N. 7 = Serb. 17, XVII в., л. 47–51 об. Благодарю директора Библиотеки этого музея доктора Я. Врхотку за фотокопию рукописного памятника.

“Суд” переписан очень нечеткой скорописью, на что обращал внимание еще Т.Д. Флоринский: многие слова не отделены друг от друга, много выносных букв, описок; есть исправления, сделанные писцом. Хотя нумерации статей па

¹⁷ Листы 1–25 Хиландарского списка были вписаны духовником Хиландарского монастыря Никанором из московской Печатной Кормчей взамен утраченных, и книга была передана новой церкви Троицы у Спасовой Воды. См.: *Троицки С. Како треба издати Светосавску крмчију (номоканон са тумачењима)*. Београд, 1952. С. 50–51.

Таблица

Соотношение нумерации статей по работам Т.Д. Флоринского, А.В. Соловьева и настоящему изданию и параллельных мест в Эклоге, Прохироне и Законе Судном

"Суд цара Леона и Константина"			Источники статей			
Флоринский	Соловьев	Настоящее издание	Содержание	Эклога гр./слав.	Прохирон печатн.	ЗСП
1	1	1.1	Наследование без завещания	6.1/7.1		
1	1	1.2	То же по завещанию	6.3/7.3		
2	2	2.1	Несамостоятельность сыновей, живущих с отцом			
2	3	2.2	Самостоятельность сыновей, живущих отдельно			
3	4	3.1	Наследование без завещания при наличии кровных родственников			
3	5	3.2	То же при отсутствии кровных родственников	6.2		
4	6	4	Похищение военного имущества	17.10	39.53	
5	7	5	Обучение врага кораблестроению		39.38	
6	8	6	Переход военнослужащего в лагерь врага		39.19	
7	9	7	Переход к врагу и передача ему информации		39.17	
8	10	8(см. ст. 20)	Продажа врагу оружия и других важных товаров		39.9	
9	11	9	Агитация против царя и замышление на его жизнь		39.10	
10	12	10	Неответственность вдовы за долги мужа	10.3/11.2		
11	13	11.1	Моральная подготовка к сражению	18.1/17.1		
12	14	11.2	Порядок раздела военных трофеев	18.1/17.1		
13	15	11.3	Порядок дополнительного поощрения отличившихся на войне	18.2/17.2		
13	16	11.4	Ссылка на источники права этих установлений			
14	17	12	Сентенция о необходимости правильного суда			
15	18	13	Предательство на войне		39.1	
16	19	14	Нарушение права убежища в церкви		39.7	
17	20	15	Подстрекательство к убийству		39.8	
18	21	16	Сговор против государственной власти	17.3/17.3		
19	22	17.1	Право убежища в церкви			16
20	23	17.2	Это право не распространяется на раба			

Таблица (окончание)

"Суд цара Леона и Константина"			Источники статей		
Флоринский	Соловьев	Настоящее издание	Содержание	Эклога гр./слав	Прохи-рон печатн.
21	24	18	Право вдовы на наследование и распоряжение имуществом мужа	2.7; 2.5.3	
22	25	19	Продажа хлеба врагу		
23	26	20 (см. ст 8)	Продажа коня и оружия		
24	27	21	Порядок допроса свидетелей	14.1	
24	27	22	Сентенция о вреде взяток в суде и призыв воздерживаться от них	Введение	

мятника в рукописи нет, многие статьи отделены друг от друга сплошной горизонтальной чертой, как бы разделяющей страницу на абзацы. Поскольку эти знаки переписчика важны для определения границ статей, они в издании обозначаются звездочкой*.

Сохраняется орфография списка. Опущенные буквы восстанавливаются в скобках, выносные даются курсивом. Концы строк обозначаются вертикальной чертой. Даем свое разделение на статьи, учитывающее их юридическое содержание и различие источников. Пунктуация соответствует современным нормам

47

Судъ ц(а)ра Левна и Кон'стантина

(1.1) Ако кои чл(ове)къ ѹм'ре, а нѣ свое | расписав, ни нарѹчиw, а им децѹ | или ѹнѹке и има шца и м(а)т(е)рѹ, | или дедѹ, или баба, не можѹт(ь)ц | или м(а)ти или дедѹ и баба не | могѹ ѹмешати се ѹ дѣw каде | им с(и)н(о)ве и ѹнѹке. Ако ли не и | ма с(и)н(о)ве и ѹнѹке, а има от(ь)цѹ, дедѹ, баба или кои сѹ приближни, ти се^а могѹ ѹмешати.

(1.2) Ако ли | расписав прѣжде смерти, како е | разделѣw, шнако нект и бѹде* | тое.

(2.1) Кои сѹ с(и)н(о)ви сами w себе | а нѣсѹб заедно со шцемъ | ни с матери, него кои сѹ баш'ка. ||

47 об. (2.2) Ако ли сѹ деца со і шцем хоше заедно | и нѣ им башка имене.* |

(3.1) Ако ѹмре с(и)нѹ или дащерѹ, а ішче е | живѹ от(ь)цѹ и м(а)тѹ ѹмреть, а не има | чеда, нѣ е расписав братѣмъ ни | сестрам, кои сѹ w одного шца а шт дѣвѣ матери, то ѣе имене ѹзеть родители и за то не хвалѣ братѣ дашчо говоре. Ако ли не има родителя има, дедѹ и баба заедно едного шца | и еднѣ м(а)т(е)ре братѣ даю наследѹет. Ако ли ни деда, ни баби і единога шца і еднѣ м(а)т(е)ре братѣ не бѹдѹт | коие ѹмрох, и даст дарѹ wт трѹгаго рода | братѣ сииречь wт стрица, или тетке, или ѹица тѣ да ѹзмѹгъ. Ако | ли не имат ни тако братѣ, а шно коли сѹ родѣица приближни, ти да наследѹет. ||

^а далее зачеркнуто не

^б далее зачеркнуто слово из четырех букв

48 (3.2) Ако ли е ни тако, не имат рода, а има же на ѡмар'шаго, жена половицѣ да ѡзме^в | *шт* това ща, а дрѡгѣ половицѣ | да се дели ап(осто)лскои цркви и сиромаша. Ако ли не има ни жена, таи кое | ѡмрох тадаръ све нѡгово що има | да ѡзме или ап(осто)лска црковъ, или | ц(а)рское скровище, или ѡ люд'ски комѡнъ да се *штдаи*.* |

(4) Кои краде на воисци сѡдѣ. | Кѡ краде на воици, ако *врѡжѣ* краде, да се биетъ добре. Ако ли кона краде, да мѡ се рѡке *штсиекѣ*.*

(5) Иже ѡчитъ турке корабли правити, | главе да им' се *всекѣ*.* |

(6) Воиникъ кои бежи у туђъ таборъ, рекше *тѡр'ком*, да се мачем мучетъ.* ||

48 об. (7) Иже тур'ком *шт* нас бежи и казѡе имъ, | що ми мислимо, такови да се *шбеси* или да се сажеже.* |

(8) Нико да не прода *тѡр'комъ* *шграђена* | *врѡжѣ*, или *неѡправлѣна*, или *железа*. | ако се тко нађе да е продаѡ, | да се таки главом мѡчи.* |

(9) Иже кто на ц(а)ра | на нѡговъ живот | зло говори, да се ѡбие и домъ его | да се расити.* |

(10) Ако тко имат женѣ и ѡзме *шт* клога ѡ заимъ и не може платити дѡжникѣ, нѣ крива жена негова | *шт* своега^г пристроа що се неино | зове да плађа за мѡжа. Ако се нѣ | за нега ѡемчила или рекла, ако | *шнъ* не плати, *н* *нѡ* платити.* |

49 (11.1) Каде хоше се ићи на воискѣ противѣ | неприателѣа, чѡвати се треба *шт* *валсакога* гласа зла и вещи, тачно кѡ единомъ Б(о)гѣ ѡмъ свои имети и м(о)шлптити се и чѡвати се *шт* блѡда и догоѡварити се како ће бити бран и помѡщъ *от* Б(о)га просити. И з договоромъ | Б(о)гъ дае срѡца (х)рабра защо нѣ победа | многимъ людемъ на *шт* Б(о)га крѣпост. |

(11.2) А каде ви Б(о)гъ прѣда користъ неприа | *тели* *вашего*, шестѣ дель законъ е | ѡзети кнезуд, а дрѡго свиѣмъ людемъ давати еднако великим и малим. | Доста е тисѡщником дѡв кнежки | а добитакъ прочим за хранѣ людем.* |

49 об. (11.3) Ако ли кои *шбретет* се дрѡзнѡвши *шт* (с)е | болмръ бол'ше хробровати, воевода | *шт* више речени дела, сиречъ *шт* шестаго | дѣла *шт* тога, има тѣе више дати дел, || а дрѡго що *вомч'ко* то хвали право | дѣлити и велики(м) и малимъ и кои сѡ | на бою, и кои сѡ на послѣ, и кои табоиръ чѡваю или ц(а)ревинѣ чѡваю, тѣемъ хвали еднако делити. Тако е | и речено, и писано, и прѣдано *шт* пророка Д(а)в(и)да.* |

(11.4) И ако ћешъ знати ѡ комѣ е Сѡдѣ, | првое ѡ Законѣ сѡдним ц(а)ра Кон'стантина глав(а) .ї., друго ц(а)рсѣи книгъ Закона градскога гранѣ .ї., третѣе наћешъ ѡ Сѡдѣ | прѣмудраго ц(а)ра Лава и Константина зачело .ї.* |

(12) Зри, чл(ове)че и сѡдѡв, како ѡсѡдишъ, таки ћешъ сѡдѣ *шт* Б(о)га и ти | прѣieti. | Ако се ти наћешъ да не ће ѡгезнѣти *шт* (т)вое рѡке колѣе кривъ и Б(о)гъ може га | ѡкрити *шт* тебе, а тебе *шт* Б(о)га не може | нит'ко ѡкрити. Теш'ко е ѡпасти ѡ рѡки | Б(о)га живаго; право чини и спасеши се.* ||

50 (13) Кѡ раздражае на бране ратнѣе, или | прѣдаѡе против'ным свое, глави ѡсечениемъ мѡчет' се.* |

^в далее зачеркнуто а друго

^г в рукоп. тсвоега

^д на поле глосса той же рукой воевода

(14) Иже прибегшаго въ светою црквѣ, то се | ѹзда ѹ свое господство
кои тега силом | изведе, таковы биенъ бѹдетъ и въ заточеніе послет' се.

(15) Ако ко комѹ заповеде кога ѹбити, та | *вмѣсѹдит'* се како и ѹбица.

(16) Аще кто съ дрѹгіем кл'нет' се на хр(и)стиан'ско | житіе раздр
шеніе творити, таковаго би | законъ ѹ та часть ѹбити, за що се томѹ | раз
дрѹшенію ѹчитъ е. Али то да не бѹдетъ | защо би многи тако пизмом мно
ѹбили бес (с)ѹда и реч' би посліе приносили да е | на ц(а)рство говорил
него ако би се такі | нашав, повелеваем таковаго чѹвати на твѣ(р)до стра
жи и ц(а)рѹ ѡ нем сказати || и ц(а)рѹ какомѹ бѹде воліа и како заповиди
50 об. тако да бѹдет.* |

(17.1) Никто прибегшаго въ црквѣ силом | да не изведе, него да ка
попѹ и кривицѹ | що е ѹчиніѡ и да га прими пои какое ѹбелгав и да се по з
конѹ тражи и питат се | кривина его. Ако ли га кто силом изведе | и
цркве, томѹ хвала ѹдрити сто и | четридестъ палицѣ и *вмр*дара не хвал
питати ѡного за кривицѹ | кои е силом и(с) цркве изведенъ.* |

(17.2) Рабъ залѹдѹ ѹ црквѣ бежи да познам | бѹдетъ и своемѹ господи
да се прѣда.* |

(18) Аще к'то сиромаш'нѹ женѹ по законѹ ѹзметъ и прежде не
ѹмреть | мѹжъ ей и ако има чл(ове)кѣ трое дече или | *шт* (т)е жене или *ш*
51 прве жене, четв(е)рти | діѡ да ѹзме жена може в неѡ богатства | тако, а
не има више *р* литар *злат*(а) || богатства. Ако лі ей више^с дече, толико
шт (т)оликоѡ блага повелеваем жене ѹзети, коліко едномѹ дететѹ дел
дае'се, защо е тои | *шве* и за то е потреба так'мо *шт* (т)ога имени | же
ѹзети господство же тои дечи храл'нити кои сѹ *шт* (т)ога неина* мѹжа деца.
Ако ли та жена дече *шт* него не имат, повелеваемъ и господство по пра
ди имети над імениемъ | що іѡи *шт* мѹжа богатство не ніеи | делъ доѡе.*

(19) Аще ли кто *и* наѡет' се да продае жито варваром рек'ше тѣр'ком
или ино що пици | ради, таковаго повелеваем немилостиво | бити и щет
на неѡ наложити, аще *кст* | богат. Аще лі е ѹбогъ, бити и (и)згнати *шт*
предель.* |

(20) Ако ли кона прода или *врѹжіе*, или ино | что кѣ ѹготовленію *бо*
такови маченемъ ѡсѹжденію повинанъ *кст*(т).* |

(21) Првее сведочби подобает мукою прѣтити, | ако се *шбретѹ* да л
51 об. жѹ, потом едного по едномѹ || да и призовѹ, и сваки свою речъ да поведат
ако се | *шбрѣте шт* них кои инако каже е, то единако не кажѹ, | да им' се
вѣрѹе.

(22) Защо срѣбро помрачаетъ *шчи* сѹдіамъ и прѣсечет правдѹ |
сакріетъ истинѹ^з | *шсѹдитъ* праведнаго и *шправдитъ* криваго, ако же мно
ге видим творещем. Ти же те бегаи, заіщо тіем чл(ове)кѣ *шт* Б(о)га с
ѹдалаетъ и д(у)шѹ гѹбитъ | и свемѹ е злѹ сребро и злато коренъ.* |

Я.Н. Шапо

^с в рукоп.: аколіе ивише

* далее зачеркнута буква ж (?)

^з далее цифры 225 (вставлены позднее)

UNE NOTICE ANTIQUE SUR LA DATE DES ÉVANGILES

Signalé en 1957 par la Bibliotheca hagiographica Graeca du P.F. Halkin sous le n° 2150, le codex grec de Munich 551, du XVe siècle¹, présente aux fol. 13^v-14^r une courte notice sur les évangélistes, dans laquelle des dates sont proposées pour la naissance de chaque évangile. Ces dates se recourent avec deux documents caucasiens dans les églises qui ont suivi la politique religieuse de l'empereur Justinien. Comme la chose n'a guère été remarquée, et qu'elle n'est pas dénuée de signification, non seulement pour la politique caucasienne de l'empereur Justinien, mais aussi pour la documentation des exégètes de l'époque, il nous a paru utile de présenter ces trois témoignages ci-dessous, et d'en commenter la portée historique.

Le contenu de la notice grecque concerne le culte des quatre évangélistes, dont on sait par ailleurs que Justinien installa le culte à Jérusalem, et à cette occasion la notice énumère les dates². Nous reproduisons ici le texte et la traduction de la notice, et ensuite nous rappellerons dans quel contexte cette notice se retrouve chez les Arméniens et les Géorgiens.

Ἑρμηνεία τῶν τεσσάρων Εὐαγγελιστῶν

Ἔστι μετὰ τὴν ἀνάληψιν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ μετὰ ἔτη ἡ' ἐγράφη τὸ κατὰ Ματθαῖον εὐαγγέλιον παρὰ Ματθαίου τοῦ ἀποστόλου, εἰδὼν τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον εἰς ὁμοίωμα ἀνθρώπου, ὃς ἐγένετο καὶ αὐτόπτης τῶν θείων παθημάτων εἰς ὧν τῶν δώδεκα μαθητῶν.

Μετὰ δὲ χρόνους ι' τῆς Χριστοῦ ἀναλήψεως ἐγράφη τὸ κατὰ Μάρκον εὐαγγέλιον ὑπὸ Μάρκου τοῦ ἀποστόλου, φανείς τὸ Πνεῦμα ἅγιον εἰς αὐτὸν εἰς ὁμοίωμα λέοντος. Οὗτος ὁ εὐαγγελιστὴς Μάρκος παρὰ Πέτρου τοῦ ἀποστόλου ἤκουσε τὸ εὐαγγέλιον ἤγουν ἐγράψατο αὐτό.

Μετὰ δὲ χρόνους ιε' τῆς Χριστοῦ ἀναλήψεως ἐγράφη τὸ κατὰ Λουκᾶν ὑπὸ Λουκᾶ τοῦ ἀποστόλου ὃς καὶ εἰδὼν τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον εἰς ὁμοίωμα μόσχου ὑπαγορευθεὶς /14^r/ τοῦτο ὑπὸ Παυλοῦ τοῦ ἀποστόλου αὐτὸ συνεγράψατο.

Μετὰ δὲ χρόνους λβ' τῆς Χριστοῦ ἀναλήψεως ἐγράφη τὸ κατὰ Ἰωάννην εὐαγγέλιον ὑπὸ τοῦ ἀποστόλου φανείς τὸ ἅγιον Πνεῦμα εἰς αὐτὸν εἰς ὁμοίωμα ἀετοῦ αὐτόπτης γενόμενος τῶν Χριστοῦ παθημάτων καὶ θεασάμενος πάντων συνεργάψατο τὸ εὐαγγέλιον εἰς ὧν ἐκ τῶν ιβ' καὶ ὑπὲρ τῶν ια' ἡγαπημένος παρὰ τοῦ διδασκάλου.

Ὁ λέων δηλοῖ τὸ βασιλεῖον, ὁ βοῦς τὴν γεωργίαν, ὁ ἀετὸς τὰ ὕψη τῆς εὐσεβείας, ὁ ἄνθρωπος τὸν λόγον τῆς θεοσεβείας.

Ἄνθρωπος τὸ λογικόν, ἀετὸς τὸ πνευματικόν, λέων τὸ θυμικόν, βοῦς τὸ ὀρεκτικόν.

Ὁ μὲν ἄνθρωπος ὁ ἐγκεφάλαιος, ὁ ἀετὸς ἡ ψυχὴ, ὁ δὲ λέων ἡ καρδία καὶ ὁ βοῦς τὸ ἥπαρ.

¹ I. Hardt, *Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae regiae Bavaricae*, vol. 1, 5 (Monachi 1812), p. 378-404.

² La date des évangiles est une des préoccupations majeures du livre de M.-Ch. Ceruti-Cendrier, *Les évangiles sont des reportages, n'en déplaise à certains*, Paris, 1997. Cet ouvrage est une profession de foi admirable en Jésus ressuscité, non moins qu'un cri d'alarme en face des désastres que peut causer la myopie professionnelle de l'exégète qui ne lit que des mots.

Traduction

Origine des quatre Évangélistes

En effet, huit ans après l'Ascension de notre Seigneur Jésus Christ, l'évangile selon saint Matthieu a été écrit par l'apôtre Matthieu, lequel avait vu l'Esprit saint sous le ressemblance d'un homme, et avait été le témoin oculaire des souffrances divines, étant l'un des douze apôtres.

Dix ans après l'ascension du Christ fut écrit l'évangile selon saint Marc par Marc l'évangéliste, étant donné que l'Esprit saint lui apparut sous l'apparence d'un lion. Ce l'évangéliste Marc écouta l'évangile donné par Pierre l'apôtre et le mit ainsi par écrit.

Quinze ans après l'ascension du Christ fut écrit l'évangile selon saint Luc par l'apôtre saint Luc, lequel avait vu l'Esprit saint sous l'apparence d'un jeune taureau; il lui avait été prêché par l'apôtre Paul et fut mis par écrit.

Trente-deux ans après l'ascension du Christ fut écrit l'évangile selon saint Jean, le saint Esprit lui étant apparu sous l'apparence d'un aigle, car il était le témoin oculaire des souffrances du Christ et ayant tout observé, il rédigea l'évangile, étant l'un des douze et aimé par le maître plus que les onze.

Le lion signifie l'ordre royal, le taureau l'agriculture, l'aigle le sommet de la piété et l'homme la logique de la crainte de Dieu.

L'homme est le rationnel, l'aigle le spirituel, le lion l'irascible et le taureau le concupiscible.

L'homme est l'encéphale, l'aigle l'âme, le lion le coeur et le taureau le foi.

Les trois dernières énumérations n'appartiennent peut-être qu'au manuscrit 551 de Munich, qui est consacré à des traités philosophiques et médicaux. Ces trois courtes phrases donnent une synthèse d'une densité extraordinaire sur la fonction de l'évangile quadruple dans l'économie terrestre, dans la psychologie et enfin dans la physiologie humaines. Ici les mots signifient des univers.

Pour les dates des évangiles, venons-en au témoin géorgien: celui-ci a été exposé par G. Garitte dans son catalogue des manuscrits géorgiens du Mont Sinai³. Le codex 16, est un évangélaire du Xe siècle et peut-être daté de 992. Le manuscrit a été écrit pour le monastère de Sainte-Croix de Jérusalem, aujourd'hui encore visible dans les jardins de la Kenneseth à Jérusalem. Au fol. 94^v, à la fin de Matthieu, il écrit que l'évangile de Matthieu a été écrit la huitième année après l'ascension du Christ; au fol. 149^v, que l'évangile de Marc a été écrit la onzième année de l'ascension; au fol. 243^v que l'évangile de Luc a été écrit la quinzième année de l'ascension, et enfin au fol. 315^v que l'évangile de Jean a été écrit la trente-deuxième année après l'ascension. Le seul écart concerne Marc, et s'explique aisément par la chute d'un chiffre.

Du côté arménien, il y a le traité sur la hiérarchie de l'Église de David Tserouni, écrit vers 620⁴. Ce traité, probablement incomplètement préservé, a été transcrit dans un ms. du XIVe siècle. Il s'agit d'un texte arménien chalcédonien, ce qui est extrêmement rare. Or il consacre le § 9 aux évangélistes. Nous y apprenons que l'évangile de Matthieu fut écrit sept ans après l'Ascension, Marc dix-sept ans après l'ascension, Luc (quinze ans après l'Ascension et Jean) vingt-deux ans après l'ascension. Nous avons mis entre soulignés ce qui demande visiblement à être restitué.

Si on confronte les chiffres dans les trois sources, l'arménien s'avère le plus corrompu. On a pour Matthieu: 8, 8 et 7. Pour Luc 15, 15 et 22. Pour Marc 12, 11 et 17, et

³ G. Garitte, Catalogue des manuscrits géorgiens littéraires du Mont Sinai, Louvain 1956, p. 49-53.

⁴ M. van Esbroeck, David Tserouni sur la hiérarchie ecclésiastique. Un traité arménien du VIIe siècle, dans *Orientalia Christiana Periodica*, 66(2000), p. 89-117.

enfin pour Jean 32, 32 et rien. Il est pratiquement certain que des fautes de transmission sont à prendre en considération pour expliquer les divergences. Les 22 ans chez Luc en arménien proviennent presque certainement d'une lacune où le chiffre de Luc et le nom de Jean qui suivait ont disparu: il reste alors 22 ans pour Jean au lieu de 32, 17 ans au lieu de 11 pour Marc, et 7 au lieu de 8 pour Matthieu. Les conditions précaires de la transmission du texte arménien suffisent à expliquer ces écarts, qui témoignent avant tout d'intermédiaires onciaux entièrement perdus. L'ancienneté du texte arménien en est confirmée. Il ne faut pas oublier que ce texte a été catalogué comme note marginale dans un codex du XIVe siècle.

L'intérêt pour les quatre évangélistes se manifeste implicitement déjà lors des trois translations effectuées en 356 et 357 par l'empereur Constance: Timothée, Luc et André. Timothée y remplace Jean, parce que le corps de ce dernier n'avait pas été retrouvé. Luc, bien qu'apparemment venu de Thèbes en Béotie, est cependant considéré déjà par Grégoire de Nazianze comme venu d'Achaïe avec André. La théorie des quatre patriarchats où Luc figure à Rome, Marc à Alexandrie, Jean à Constantinople et Matthieu à Antioche est évoquée pour l'année 572 dans plusieurs textes arméniens, mais il y a quelque chance que la théorie se trouvait déjà complètement présente dans le symbolisme utilisé par Maroutha de Mayperqat dès 401. De toute manière, Justinien, qui construisit la *Nea Maria* en face de la Sainte-Sion à Jérusalem, y adjoignit une translation et une fondation des quatre évangélistes à Jérusalem dès 543. Trois ans plus tard, la Pentarchie est inscrite dans la Nouvelle 123 de Justinien, dans l'ordre: Rome, Constantinople, Alexandrie, Antioche et Jérusalem. Il avait pour cela transféré des reliques de Matthieu à partir d'Antioche⁵.

Il y a tout lieu de croire que c'est à cette occasion que la notice sur la date des évangiles a vu le jour, et qu'elle a été jointe à la Liste sur les destinées des apôtres du pseudo-Dorothee, un document strictement chalcédonien⁶; comme le sont toutes les initiatives de la politique religieuse de Justinien. Dans le codex de Munich, la notice sur les évangélistes est insérée entre les *Vitae Prophetarum* et la Liste du pseudo-Dorothee de Tyr. Nous n'excluons évidemment pas que le prologue à cette Liste se retrouve dans quelque autre manuscrit. Brigitte Mondrain, qui s'est attelée à cette édition critique, nous dira davantage à ce sujet lorsque son travail verra le jour. Il reste alors que la meilleure postérité de la politique religieuse de Justinien est celle du Caucase. La fraction chalcédonienne de l'église arménienne, qui vers 690 nous a conservé une chronique préservée dans une traduction grecque, se devait quelque 70 ans plus tôt, d'entériner encore les initiatives de Justinien. Quant à la tradition géorgienne, elle de loin celle qui nous a transmis le plus de textes dus à l'activité de Justinien à Jérusalem. On ne s'étonnera pas d'y trouver des évangélistes entérinant ces dates.

Il reste alors la dernière question: d'où les tenants de la politique religieuse de Justinien ont-ils tiré ces chiffres? Même s'ils les avaient simplement inventés, ils témoigneraient de l'univers exégétique du VIe siècle. Mais il ne faudrait certainement pas exclure qu'ils aient encore eu accès à quelques bribes des ouvrages d'Hégésippe, auquel ne cesse de recourir Eusèbe de Césarée. Moins que jamais, même dans l'exégèse d'aujourd'hui, la nécessité de placer tous les évangiles après la destruction du Temple ne s'impose, pour autant que nous considérons les évangiles comme des livres écrits par un seul rédacteur à une date précise, ce qui est évidemment une projection de notre monde

⁵ Sur tout ceci, voir M. van Esbroeck, *Primauté, Patriarcats, Catholicossats, Autocéphalies en Orient*, dans M. Maccarrone, *Il primato del Vescovo di Roma nel primo millennio. Ricerche e testimonianze*, Vatican, 1991, p. 493-521.

⁶ M. van Esbroeck, *Neuf Listes d'apôtres orientales*, dans *Augustinianum*, 34 (1994), p. 109-199, ici 132-135.

d'aujourd'hui dans un univers beaucoup plus souple. Une rédaction de type contemporain projetée dans ce monde antique serait déjà une raison de penser à une falsification. Heureusement, les petites divergences dans les quatre évangiles nous montrent l'authenticité de la tradition. Ceci nous permet d'avaliser pleinement la merveilleuse anthropologie évangélique qui clôt la notice sur les dates des évangiles.

M. van Esbroeck

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФРАГМЕНТЫ “КАТАФЕМЫ” ПАТРИАРХА МЕФОДИЯ I (843–847) ПРОТИВ СТУДИТОВ НАВКРАТИЯ И АФАНАСИЯ В VAT. ARAB. 76

Взаимоотношения Константинопольского патриархата и прежде всего патриарха Мефодия I (843–847) с мятежным студийским монашеством в лице преемников Феодора Студита Навкратия и Афанасия не раз привлекали к себе внимание ученых-византистов¹. Интерес к персоне Мефодия может объясняться многими причинами: незаурядностью его личностных качеств, блестящей образованностью, литературными талантами, его ролью в посредничестве между иконоборческим Востоком и православным Западом в лице римского папы и т.п. Но есть два обстоятельства, связанные с пребыванием Мефодия на патриаршем престоле, значение которых далеко выходит за рамки его личности и определяет на довольно длительный период историю Константинопольского патриархата в IX в. Это, во-первых, окончательное преодоление иконоборчества и торжество иконопочитания и, во-вторых, жесткое противодействие церковному расколу, истоки которого уходят в так называемую “михианскую схизму” конца VIII в. и связаны с непримиримой позицией ревнителей церковной *акривии* (прежде всего Феодора Студита и его последователей) по вопросу об обязательности канонических предписаний для особ императора и патриарха². Пользуясь ав-

¹ Назовем (в хронологическом порядке) работы: *Dobschütz von [E.]*. Methodios und die Studiten (Strömungen und Gegenströmungen in der Hagiographie des 9. Jahrhunderts) // BZ. 1909. Bd. 18. S. 41–105; *Доброклонский А.П.* Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Т. I. Одесса, 1913. С. 952–956; *Grumel V.* La politique religieuse du patriarche saint Méthode (Iconoclastes et studites) // EO. 1935. T. 34. P. 385–401 (394–401); *Doens I., Hannick Chr.* Das Periorismos-Dekret des Patriarchen Methodios I. gegen die Studiten Naukratios und Athanasios // JOB. 1973. Bd. 22. S. 93–102; *Darrouzès J.* Le patriarche Méthode contre les iconoclastes et les Studites // REB. 1987. T. 45. P. 15–57; *Afinogenov D.* Κωνσταντινούπολις ἐπίσκοπον ἔχει (The Rise of the Patriarchal Power in Byzantium from Nicaenum II to Epanagoga). Pt. 2 // Erytheia. 1996. T. 17. P. 43–71 (62–71); *Афиногенов Д.Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 85–115; *Maksimovič K.* Patriarch Methodios I. (843–847) und das studitische Schisma: Quellenkritische Bemerkungen // Byzantion. 2000. T. 70. S. 422–446.

² “Михианская схизма” (l'affaire moechienne; τὸ μοιχικὸν σχίσμα; the moechian controversy; der “moichianische Streit”) потрясла Константинопольский патриархат в 795 г. в связи с каноническим браком императора Константина VI (780–797) и продолжалась с перерывами до 811 г., см.: *Доброклонский А.П.* Преподобный Феодор... Т. I; *Henry P.* The Moechian Controversy and the Constantinopolitan Synod of January A.D. 809 // Journal of Theological Studies. 1969. Vol. 20. P. 495–522; ODB. 1388–1389; *Fatouros G.* Theodori Studitae Epistulae. Bd. I. Berol. et Novi Eboraci. 1992. S.9*–18*; *Gemmiti D.* Teodoro Studita e la questione moicheiana. Napoli, 1993; *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Frankfurt-am-Main, 1996 (Berliner Byzantinistische Studien, Bd. 2). S. 71–78; *Афиногенов Д.Е.* Константинопольский патриархат... С. 32–37.

торитетом игумена Феодора, монашество Студийского монастыря в дальнейшем взяло на себя роль стражей канонического порядка в рамках патриархата, не брезгуя в борьбе за чистоту канонов также таким антиканоничным средством, как церковный раскол³. Согласно житию Мефодия, последний конфликт патриархии с “некоторыми епископами и игуменами” (под которыми следует понимать в первую очередь учеников и последователей Феодора, студийского игумена Навкратия и игумена монастыря Саккудион Афанасия) возник из-за неканоничных епископских поставлений, произведенных Мефодием после окончательной победы иконопочитания с целью замещения пустующих кафедр⁴. Одержимый идеей объединения и примирения Церкви, долгое время пребывавшей в состоянии гонений и раскола, Мефодий придавал огромное значение авторитету патриарха и не мог допустить публичной критики своих действий, пусть даже со стороны таких убежденных поборников и исповедников православия, как студиты. Понимая, что духовное наследия Феодора Студита всегда будет определять позицию монахов его монастыря по любым церковным вопросам, патриарх попытался несколько релятивировать его значение. Весьма вероятно, что именно по распоряжению Мефодия в Синодик в неделю православия была введена анафема сочинениям тех, кто критиковал патриархию: “Αλατὰ τὰ κατὰ τῶν ἁγίων πατριάρχων (Γερμανοῦ), Ταρασίου, Νικηφόρου καὶ Μεθοδίου ... γραφέντα ἢ λαληθέντα, ἀνάθεμα⁵. Когда этот косвенный путь не привел к желаемым результатам, Мефодий предъявил Навкратию и Афанасию прямое требование – им предписывалось осудить памфлеты Феодора в адрес патриархов Тарасия (784–806) и Никифора I (806–815). Эти полемические сочинения (до нас, разумеется, не дошедшие) подлежали осуждению, как подрывающие авторитет не только названных патриархов, но и самой вселенской патриархии в целом, и самого Мефодия в частности. Студиты отказались анафематствовать сочинения своего учителя (между прочим, незадолго до этого официально признанного святым исповедником) – не впервые вынужденные действовать по совести, а не по расчету, они без колебаний избрали путь конфронтации с волевым и уверенным в себе патриархом⁶.

Несмотря на некоторый прогресс в освещении конфликта студитов с вселенской патриархией, некоторые обстоятельства вплоть до недавнего времени оставались непроясненными, в частности очень важные особенности рукописной традиции и состояния источников.

Вновь и вновь приходится подчеркивать тот факт, что главным источником информации о конфликте между студитами и патриархом Мефодием служат две соборные речи⁷ Мефодия к названным монахам. В этих речах, выдержанных в духе высокой обличительной риторики, патриарх угрожает студитам крайними мерами дисциплинарного воздействия (вплоть до отлучения от Церкви), если они не осудят написанных в свое время Феодором Студитом обличений в адрес патриархов Тарасия и Никифора.

К сожалению, эти тексты Мефодия не сохранились в независимой традиции,

³ Ср.: *Grumel V., Darrouzès J. Les registes des actes du Patriarchat de Constantinople. Vol. I. Fasc. II–III. Les registes de 715 à 1206. P., 1989. P. 81.*

⁴ Ср.: *PG. 100. Col. 1257C.*

⁵ *Gouillard J. Le Synodikon de l'Orthodoxie. Édition et commentaire // TM. 1967. T. 2. P. 53.114–116.*

⁶ Наше изложение следует в целом гипотезе В. Грюмеля, ср.: *Grumel V. La politique religieuse... P. 398–399; Grumel V., Darrouzès J. Les registes... P. 82.*

⁷ О том, что указанные тексты Мефодия представляют собой именно соборные речи, а не “декреты” или “письма” (как они часто именуется в литературе), см.: *Maksimovič K. Patriarch Methodios I... S. 429–432.*

а дошли до нас лишь в составе так называемой “Малой книги” (Μικρὸν βιβλίον) – сочинения антиохийского монаха Никона Черногорца (XI в.)⁸. Этот, несмотря на скромное название, довольно обширный и до сих пор неизданный трактат сохранился в единственном списке Sin. gr. 441¹⁰. Две речи Мефодия против студитов, помещенные здесь, переставлены местами: хронологически более ранний Periorismos – т.е. указ о фактическом аресте игуменов Навкратия и Афанасия в стенах Студийского монастыря – поставлен вслед за более поздней речью, в которой студитам объявляется анафема и “катафема”¹¹. При этом Periorismos сохранился полностью а в “Катафеме” из-за утраты листов отсутствует начало, сохранившийся текст начинается со слов ...οὐ παρέλαβον¹².

До сих пор было сделано две попытки издать эти чрезвычайно интересные во всех отношениях тексты. Мефодиевский Periorismos был опубликован по названной рукописи Синайского монастыря в 1973 г. И. Дунсом и Х. Хаником¹³. Большим достоинством этого издания является привлечение фрагментов послания, цитированных Никоном Черногорцем в его “Тактиконе”, а также цитат, использованных в сочинении эфесского митрополита Иоанна Хиласа против арсениатов (написано после 1290 г.)¹⁴. К сожалению, издание не сопровождалось переводом и комментарием; тем не менее, оно сослужило определенную службу в подготовке Ж. Даррузесом нового, полного издания всех антистудитских сочинений Мефодия, включая фрагменты¹⁵. Данная публикация содержит

⁸ О Никоне см.: *Graf G. Geschichte der christlichen arabischen Literatur*. Bd. 2. Citta del Vaticano, 1947 (= *Studi e testi*, 133). S. 64–69; *Doens I. Nicon de la Montagne Noire // Byzantion*. 1954. T. XXIV. P. 131–140; *Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*. München, 1959. S. 137, 207, 600; *LThK VII*. 1962. S. 1003; *Solignac A. Nicon de la Montagne Noire // DSAM*. XI. 319–320; *Nasrallah J. Nicon (vers 1025 – début du XII siècle // Nasrallah J. Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du V au XX siècle. Contribution a l'étude de la littérature arabe chrétienne*. T. III(1) (969–1250). Louvain; Paris, 1983. P. 110–122; *ODB III*. 1484–1485. Наиболее подробным исследованием о Никоне остается труд: Γιάγκου Θεοδώρου Ε. Νίκων ὁ Μαυροορείτης. Βίος – Συγγραφικὸ ἔργο – Κανονικὴ διδασκαλία Θεσσαλονίκη, 1991 (перевзд.: Γιάγκου Θεοδώρου Ε. ΚΑΝΟΝΙΚΟΛΕΙΤΟΥΡΓΙΚΑ Ι. Θεσσαλονίκη, 1996). Название “Малая книга” придумано самим Никоном с целью отличить это сочинение от его же “Большой книги”, получившей в оригинале название “Истолкования заповедей Господних” (Ἐρμηνεῖαι τῶν ἐντολῶν τοῦ κυρίου), а в современной науке – “Пандекты” Никона Черногорца.

⁹ В настоящее время один из авторов (К.А. Максимович) работает над комментированным изданием греческого оригинала “Малой книги”.

¹⁰ Д.Р. Райнш вслед за В. Гардтхаузенем датирует рукопись концом XI – началом XII в., ср.: *Gardthausen V. Catalogus codicum graecorum Sinaiticorum*. Oxonii, 1886. S. 107; *Harlfinger D., Reinsch D.R., Sonderkamp J.A.M. Specimina Sinaitica. Die datierten griechischen Handschriften des Katharinenklosters auf dem Berge Sinai (9. bis 12. Jahrhundert)*. В., 1983. S. 61. Наиболее подробное описание рукописи сделал В.Н. Бенешевич (хотя его датировка – XIII–XIV вв. – едва ли правильна), ср.: *Benešević V. Katalogus codicum manuscriptorum graecorum qui in monasterio Sanctae Catharinae in monte Sina asservantur*. T. I. S.-Petersburg, 1911 (перевзд.: Hildesheim, 1965). С. 237–246.

¹¹ О понятии “катафема” см.: *Максимович К.А. АНАФЕМА // Православная энциклопедия*. Т. 2: Алексей, человек Божий – Анфим Анхильский. М., 2002. С. 274–279 (275).

¹² Ср.: *Grumel V., Darrouzès J. Les registes... Nr. 435 (под 845/846 г.)* – с неточным указанием инципита: οὐ παρέλαβόμεν. Как увидим далее, эти слова представляют собой фрагмент из Евангелия от Иоанна I: 11: εἰς τὰ ἴδια ἦλθε, καὶ οἱ ἴδιοι αὐτὸν οὐ παρέλαβον.

¹³ См.: *Doens I., Hannick Chr. Das Periorismos-Dekret... S. 97–101.*

¹⁴ Об Иоанне Хиласе см.: *ODB I*. P. 417; *Documentes inédits d'ecclésiologie byzantine / Ed. J. Darrouzès*. P., 1966 (*Archives de l'Orient Chrétien*, 10). P. 88–106; издание текста: Там же. P. 340–413.

¹⁵ См.: *Darrouzès J. Le patriarche Méthode... P. 30–57.*

научный комментарий к тексту и перевод греческого оригинала на французский язык. Даррузес, однако, опустил приведенные у Дунса и Ханика разночтения из “Тактикаона” – в этом отношении их издание осталось до сих пор актуальным. Кроме того, Даррузесу не удалось избежать ряда неточностей, которые уже болезненно отразились на качестве научных исследований, сделанных на базе этой публикации¹⁶. Тем не менее, главным пробелом в наших познаниях о данном эпизоде византийской церковно-политической истории до настоящей публикации можно было считать отсутствие в Sin. gr. 441 начала второй речи Мефодия против студитов – “Катафемы”.

Уже от Ж. Даррузеса не укрылась потенциальная возможность восполнить эту лауну по неизданному арабскому переводу Μικρὸν βιβλίον, который сохранился в рукописи Vat. arab. 76 и некоторых других¹⁷. Ватиканская рукопись была в свое время описана А. Май (1782–1854)¹⁸. Согласно Май, кодекс относится к XII в. и принадлежал некогда монастырю св. Екатерины на Синае. В Ватиканскую библиотеку был доставлен знаменитым собирателем древностей Иосифом Ассемани (1688–1768). Окончание у рукописи отсутствует вместе с колофоном переписчика. “Малая книга” находится на л. 400–478 (у Май: f. 402–480). Май дает также очень краткий обзор содержания кодекса и сообщает некоторые данные о жизни Никона Черногорца¹⁹.

Благодаря любезному содействию администрации Института истории европейского права (Франкфурт-на-Майне, ФРГ) и д-ра Людвиг Бургманна, нам удалось получить в распоряжение микрофильм Vat. arab. 76. Внимательное изучение текста показало, что арабский перевод “Малой книги”, как и греческий оригинал, содержит предисловие, за которым следуют обе речи Мефодия – причем в том же (хронологически обратном) порядке, что и в Sin. gr. 441. Нас, разумеется, больше всего интересовал фрагмент текста, следующий непосредственно за предисловием, поскольку именно здесь в Sin. gr. 441 выпали два листа с началом второй речи Мефодия с “катафемой” против студитов²⁰. Сравнение с арабской версией показало, что в этом месте арабский перевод содержит более полный текст, однако объем дополнения гораздо меньше, чем должно было стоять на двух утраченных листах Sin. gr. 441. Арабский текст покрывал в лучшем случае один утраченный лист. Следовательно, необходимо было предположить еще одну лауну в греческом оригинале – таковая и была найдена далее по тексту, после фразы τὰνύσαντες πρὸς τοῖς ἄλλοις [sic!] перед f. 269r греческого списка. В арабской рукописи после соответствующего места обнаружился до сих пор неизвестный текст, объемом примерно равный искомому листу²¹. Данная лауна не была обнаружена Ж. Даррузесом, который, к сожалению, не подсчитывал количество листов в тетрадах – поэтому греческий

¹⁶ См.: *Maksimovič K. Patriarch Methodios I...* S. 426–429, 433, 435.

¹⁷ Ср.: *Darrouzès J. Le patriarche Méthode...* P. 20; *Graf G. Geschichte...* S. 66–67; *Nasrallah J. Nicon...* P. 117.

¹⁸ *Mai A. Scriptorum veterum nova collectio. T. IV. Roma, 1831. P. 155–170* (о “Малой книге” см. p. 158).

¹⁹ Новейшее описание “Малой книги” и биография Никона Черногорца приведены в работе: *Максимович К.А. “Малая книга” (ΜΙΚΡΟΝ ΒΙΒΛΙΟΝ) Никона Черногорца (XI в.) – новый источник по истории Церкви (в печати).*

²⁰ Количество утраченных листов рассчитывается из того, что в тетрадах Sin. gr. 441 регулярно содержится по 8 листов, тогда как в тетради 34 (f. 264r–270v) их всего 6, ср.: *Maksimovič K. Patriarch Methodios I...* S. 435.

²¹ Итак, в 34 тетради Sin. gr. 441 совершенно понятным образом утрачены второй и предпоследний листы.

текст его издания в данном месте дефектен и может ввести читателя в заблуждение²².

Итак, можно с удовлетворением отметить, что сотрудничество византийцев с коллегами-арабистами вновь доказало свою плодотворность. Благодаря ему корпус византийских источников пополняется неизвестными доселе фрагментами “Катафемы” патриарха Мефодия против учеников преп. Феодора Студита игуменов Навкратия и Афанасия.

Ниже публикуется максимально дословный(и поэтому, к сожалению, не всегда гладкий) русский перевод предисловия к “Малой книге”²³, следующего за ним начала “Катафемы” патриарха Мефодия и лакуны между листами 268v–269r греческого кодекса. В угловых скобках помещены добавления авторов, необходимые для связности текста. В квадратных скобках приводятся ссылки на книги Св. Писания (один раз также – лишний текст, повторенный писцом по ошибке). В приложении публикуется факсимильное воспроизведение соответствующих листов Vat. arab. 76.

ТЕКСТ VAT. ARAB. 76 В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ²⁴

Предисловие к “ΜΙΚΡΟΝ ΒΙΒΛΙΟΝ” Никона Черногорца

(f. 400r) Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Бога, Единого, Живого, Животворящего, Вечного, слава Ему. Эта часть содержит то, что связано с честными монастырями и все, что касается монашеской жизни, и о всех прочих церквах будь то *qâtûlikî*, то есть соборная (церковь) или домовная²⁵, и о значении клириков²⁶, которые служат в ней; и что все они, если не подчиняются местному епископу, то монахи отлучаются от причастия, а клирик(и, которые служат²⁷ в церквах, подвергаются епитимье²⁸. Также эта часть о внешнем назидательном чтении и книгах, не относящихся к Закону: когда ими следует пользоваться и для какой цели, и в какое время, а когда уклоняться и избегать их, как и писания еретические, и самих еретиков²⁹. Также в ней (написано о том), когда нужно оканчивать пост Св. Пасхи, в котором часу ночи Великой Субботы и что те, кто отдаляют его, согрешают против христианской веры и поступают противно словам благовестников³⁰. Также входит в эту (книгу) то, что связано с Великим Четвергом,

²² Так, согласно французскому переводу, студиты “растянули сети своего несогласия, наряду с прочими, против Феодора Студита”, ср.: *Darrouzès J. Le patriarche Méthode... P. 50*. В таком виде текст не дает никакого смысла – ведь студиты не только не “растягивали сетей” против Феодора, но наоборот, последовательно отстаивали память и труды своего учителя от поплзновений патриарха Мефодия. Французский издатель не знал, что перед словами “Феодора Студита” пропущен целый лист текста.

²³ Его греческий оригинал издан в работе: *Benešević V. Katalogus... С. 245–246*.

²⁴ Авторы выражают признательность Т.В. Пентковской и К.А. Панченко за ряд ценных замечаний по тексту перевода.

²⁵ В арабском тексте заимствования *qâtûlikî*, *aktîrûn* – в греч.: *εἴτε καθολικῆ, εἴτε εὐκτήριος* будь (это церковь) “соборная” или “домовная”, ср.: *Benešević V. Katalogus... С. 245*. “Домовная церковь” (или “молельня” – греч. *εὐκτήριος οἶκος*), в отличие от “соборной”, не имела алтаря.

²⁶ В арабском здесь и далее *al-iqlîrikî* – заимствование из греч. мн.ч. *οἱ κληρικοί*.

²⁷ В арабском тексте клякса, текст восстановлен по догадке.

²⁸ В арабском заимствование *al-ibîṭmuâ*.

²⁹ В арабском заимствование *al-'arâfikî*.

³⁰ В греческом оригинале речь идет о “евангелистах” – *εὐαγγελισταί*.

(f. 400v) [и те, кто преступают его, согрешают против христианской веры]³¹, и о праздниках, которые приходятся на пост³². Также в ней (сказано) о смысле разных икономий³³ – оправданных и неоправданных³⁴ – из священных книг, и что тот, кто применяет икономию по своему усмотрению³⁵, рассуждает³⁶ и определяет³⁷ по своему произволу³⁸, без божественного воздействия и помимо Св. Писания, премного согрешает, и на нем великая погибель. Также в ней (описаны) различные способы для тех, кто хочет спасения – добровольные или принудительные. А также в ней увещание от божественных преданий, чтобы избегал человек всеми силами отчаяния и безнадежности и чтобы надеялся человек и прибегал к покаянию и к доброй надежде; и чтобы бежал и удалялся от учителей, которые учат по собственному разумению³⁹, а не от священных книг. А также порицает учеников, ищущих учителей по своим прихотям и не устремляющих свой помысел к священным книгам. И разъясняет из тех самых божественных книг, что во время воздаяния от суда Божия и справедливости Его все погибнут: учителя с учениками их. И излагает также ереси⁴⁰ и расколы, в которых впадают те, кто, имея правую веру, либо по незнанию

(f. 401r) их, либо по небрежности согрешают в делах своих под предлогом добра, которое они мнят в воле их, совершают проступки и поэтому причисляются к еретикам, чья вера испортилась и которые воспротивились Богу. Особенно же монахи часто впадают в это под предлогом аскезы⁴¹. И в составе всего нашего рассуждения от начала его и до конца в этой части (изложены) способы достижения многих благ – ими он завершает диктовку милостью Господа нашего Иисуса Христа⁴² Бога нашего⁴³ Истинного, поклон Имени Его, помощью Госпожи, Родительницы Его, пречистой Сәүтүкүс⁴⁴ и всех святых. И включил (в книгу) из того, что начертано в божественных писаниях, из многих книг, некий монах, живущий на Черной Горе, в одном из монастырей на холмах, на пользу себе и наставление другим в год 6596 от (сотворения) мира (1087/88). И от Бога помощь, и Ему слава, и благодарность, и хвала, и честь до скончания веков и времен Сотворившему человека и Давшему ему разум и дар слова и Перемещающему его либо в обитель унижения либо в (райские) сады.

³¹ Слова в квадратных скобках отсутствуют в греческом оригинале, поскольку представляют собой повторение предыдущего; в рукописи здесь помета "повторяется".

³² В греческом "о праздниках Великого Поста": *λερί τῶν ἑορτῶν τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς*.

³³ В арабском тексте греч. *οἰκονομία* в значении 'разовое послабление в канонической дисциплине' передается термином *siyasa* 'управление'.

³⁴ В арабском "обязательных и необязательных". Однако со строго канонической точки зрения, "икономия" не может быть обязательной, поскольку представляет собой определенное нарушение канонической дисциплины.

³⁵ В арабском "от себя".

³⁶ В арабском "предпочитает предпочтением".

³⁷ В арабском "выделяет выделением".

³⁸ В арабском "сам по себе".

³⁹ В арабском "от чрев их".

⁴⁰ В арабском заимствование *arâsis*.

⁴¹ В арабском *nusk* 'подвижничество'.

⁴² В арабском *İsûc al-Masîh*.

⁴³ "Бога нашего" – на поле.

⁴⁴ В арабском *Tâutûqus* – транскрипция греч. *θεοτόχος* 'Богородица'.

Мефодия (Μηθούδιους), патриарха Константинополя, пресвятого мученика и исповедника судебное решение, налагающее запрещение от божественных законов, отеческих и апостольских, на раскольников⁴⁵, которые

(f. 401v) раскололи Церковь Божию – я имею в виду студитов⁴⁶, то есть саккудионитов и боскитиан⁴⁷ и последователей их из епископов и монахов. (Он сказал:

Различие во мнениях – я не имею в виду мнения всех людей, но противоречие мнения человека самому себе и его изменение – подобно хамелеону, который меняется в любое время и час⁴⁸. Они привели писанные и неписанные свидетельства в свою пользу – законы ромеев и божественные каноны, как это стало ясно и очевидно всем – и всесторонне разъяснили (суть дела) в присутствии тех, кто согласился сейчас; и это не может быть изменено, поскольку утверждено свидетельствами, как мы сказали, писанными и неписанными: то есть со слов людей, которые видели это собственными глазами⁴⁹, (это) было удостоверено и утверждено⁵⁰. И внешние формы⁵¹ преобразуются и меняются по истечении продолжительного времени, поскольку они каждый день (пребывают) в тихом, пренебрежимо малом движении, которое не видно и не ясно. Постоянство же (заключается) в свойствах, то есть в разуме, потому что свойство относится к умопостигаемому, постоянным (сущностям), а не к вещам, воспринимаемым при помощи чувств. Что же до мнений о словах, то они должны быть основаны на наблюдении и соответствовать сути дела. Они хотят движения⁵² и искривляют его, но порядок вещей препятствует ему и обличает его

(f. 402r) и не благоприятствует ему в этом, даже если им это неприятно и нежелательно. Оно разъясняется законом и канонами. Как мы уже сказали, даже если тот, кто подчиняется ему⁵³ по своей воле, не согласится с тем, что я имел в виду в этом предисловии и к чему стремится соблюдающий его и почему начало (речи) сделано таким (образом), несомненно, что это установилось и решено правильно. А если кто-то из них присутствовал при вынесении предыдущего решения⁵⁴, то он оказался под судом, и нелегко изменение его и непросто перемещение его, как этого кое-кому хотелось бы. Ведь апостол предписывает, говоря так: “да пребывает каждый в том, к чему призван” [ср. 1 Кор. 7:20], и можно видеть, что это происходит с начала творения. Посмотри на ангелов, которые не сохранили свой чин, но отвергли его, как говорит Иаков, сын Иуды [ср. Иуд. 6].

⁴⁵ В арабском al-ishimâtîkî – заимствование в форме мн. ч. от греческого οὐσιαστικῶν (частотный вариант к регулярному οὐσιαστικοί).

⁴⁶ В арабском заимствование al-'istûdîyûn.

⁴⁷ В арабском al-sqûdîtâ, al-buskwîfî. О вифинских монастырях Саккудион и Боскитион специально в связи со схизмой см.: Maksimovič R. Patriarch Methodios I... S. 436–438.

⁴⁸ Некоторая бессвязность текста, возможно, объясняется особенностями перевода или порчей в тексте оригинала.

⁴⁹ В арабском плеоназм “видели это и узрели”.

⁵⁰ В утраченном греческом оригинале можно предполагать канцелярскую формулу ἐκυρώθη καὶ ἐβεβαιώθη.

⁵¹ В арабском suwar ‘изображения, виды’ – вероятно, перевод греч. ἰδέαι ‘виды, формы’.

⁵² Речь, видимо, идет о течении (“движении”) зилотов – ревнителей церковной акривии – возглавлявшемся студитами.

⁵³ Вероятно, “канону”.

⁵⁴ Вероятно, имеется в виду первая речь Мефодия против студитов – так называемый Periorismos.

И да видит видящий также Адама и Еву, когда они преступили свой предел и вообразили равенство с богами хитростью врага, и других в разные времена – нет никого, кого бы не обуяла гордыня, кто бы не опустился и не пал падением (а иначе и быть не может)⁵⁵ и не оказался бы в дальнем мраке, как мы прочли и узнали. Высокомерие низвергло ангелов – вторую после Бога идеальную природу – и сделало их демонами⁵⁶, оно заставило

(f. 402v) человека отпасть от его чина и его веры и при посредстве греха ввел смерть в мир. И поскольку Бог человеколюбив и милостив, не ненавидит никого и не вынуждает, но хочет привлечь к себе убеждением стремящихся к лучшему. И поэтому, когда Он воплотился и пришел в мир, некоторые приняли Его, а некоторые не приняли Его, как (написано) в священных преданиях, что он “к своим пришел, и свои его не приняли” [Иоанн I:11]. (...).

Вторая лакуна: в греч. между 268v–269r

(f. 407v) (...Эти – те, которые возжелали дурную вражду и расставили свои сети, чтобы ловить ими других)⁵⁷, потому что они воздвигли жертвенники и возжелали священнодействовать на них без нашего приказания и не помянуть нас поминанием, согласно обычаю, принятому в литургии, то есть анафоре⁵⁸. И они – как дошло до нас – отрастили бороды при разуме детей.

(f. 408r) Они отказались из-за нас помянуть ортодоксию⁵⁹, как сказали они, лжецы в речах, ответив этим тому, кто их спросил. Один из епископов обратился к нам, не отпустим ли мы к нему кого-либо из наших священников, чтобы он со своей стороны сделал его епископом. И он взял его в домовную церковь⁶⁰, которая у него, и не упоминал нас в анафоре. И рукоположил его – более того, не то, чтобы рукоположил, но скорее искривил его – и послал его к нам быстро-быстро, чтобы мы не почувствовали того, что было у него. У меня же возникли подозрения по поводу всего этого и прежде всего по поводу канона “симонова” – даже скорее “сатанина”⁶¹. И мне приходится (этим) заниматься. Это (дело) связано с подкупом, при котором бывает то, что сказал господин мой, глава апостолов Петр-апостол о Симоне проклятом [Деян. VIII: 18–24] и о подобных ему, и отлучает его, и искореняет его. Однако мы не приводим этот канон в этом нашем сочинении, поскольку он часто встречается у каждого во всякое время, и имеется в любой книге и решении⁶². Поэтому я не стал

⁵⁵ В арабском ‘он(о) вынуждает его’; возможно, перевод вводного выражения *ἀνάγκη γάρ* или подобного.

⁵⁶ В арабском ‘шайтанами’ – *šayāṭīn*.

⁵⁷ Фраза, поставленная в скобки, присутствует в греческом, ср.: *Darrouzès J. Le patriarche Méthode...* P. 51 – далее начинается лакуна.

⁵⁸ В арабском заимствование *anâfūrâ*.

⁵⁹ В арабском заимствование *al-’urṭuduksiyya*. Вероятно, здесь имеется в виду “Чин православия”, который студиты, как следует из текста, отказались признать. Причиной этого стало несомненно то, что в “Чине православия” наряду с еретиками косвенно осуждался также учитель Навкратия и Афанасия св. Феодор Студит (ср. выше примеч. 5).

⁶⁰ В арабском *al-aktîrîn*.

⁶¹ Речь идет, очевидно, о “симонии” – купле/продаже церковных должностей, см.: *Ράλλη Κ.Μ. Ποινὴν δίκαιον τῆς Ὁρθοδόξου Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας Θεσσαλονίκης*, 1993³. Σ. 325–334. Мы едва ли ошибемся, если реконструируем в утраченном греческом оригинале любимую Мефодием игру слов: *οἰμωνιαχός* – *σατανικός*.

⁶² Речь, очевидно, идет о 29 каноне свв. Апостолов (против симонии), в котором упоминаются Симон Волхв и апостол Петр.

его приводить по причине его общеизвестности и ясности, но добавляю другого канон, который удаляет, отвергает и отстраняет ее (симонию), чтобы не раздражать уши царей и правителей – и это канон Антиохийского собора⁶³ четырнадцатый⁶⁴.

(Ant 11) Если любой епископ или священник или кто-либо из клира (f. 408v) отправится к царю и не будет иметь с собой писем от епископов епархии⁶⁵, особенно его митрополита⁶⁷ и епископа, то мы удаляем и отстраняем его и отлучаем его от причастия, и низводим его с его степени, как досадителя царям вопреки уставам Церкви. Если его подтолкнула к этому нужда, он должен сделать (это) по приказанию митрополита (того) места, и епископа, и тех кто с ним, и записаться их письмами.

Эти же двое, виновники нынешнего возмущения, которых я имел в виду каноном о них (а святые отцы писали его, приходя в Константинополь, а когда приходили в него, досаждали царям и правителям, настойчиво добиваясь их (внимания) и давая каноны по своему мнению – их я перечислю после) болтают и бредят, не слушаясь канона, пророчески говорящего о них, что “не должно невинным устам говорить гнусность” и думают о других, как они думают о самих себе, по быстроте их склонности к пороку. Но как бы то ни было, поскольку проявилось у них это, то они отвержены и удалены в силу канона не только от причастия, но и от сана и степени. *И после других (подобных) речей говорит*⁶⁸. И я прихожу в конце туда, с чего начал и что отвлекло нас от дела, поскольку слова мои становятся делами,

(f. 409r) а слова о делах – вот эти самые слова. Были составлены две книги для тех, кто внешне согласен с нами и признал (правоту) наших убеждений. В этих двух книгах⁶⁹ (блаженный Феодор Студит был причислен к святым, и из них мы перенесли и переписали .).

К сожалению, сейчас у нас нет возможности дать полный перевод “Катафоты” Мефодия, поскольку это довольно сложный текст, местами требующий обширного комментария. С (неполным) греческим текстом этой речи и ее французским переводом можно ознакомиться в издании Ж. Даррузеса (см. примеч 1). Полный русский перевод обеих речей Мефодия целесообразно предпринять в рамках отдельного исследования конфликта патриархии со студитами и, разумеется, с обязательным привлечением нашего вновь открытого арабского источника.

К А. Максимович, Д А Морозов

⁶³ В арабском *sinūdus 'Antākiya*

⁶⁴ В действительности Ant 11

⁶⁵ В арабском заимствование *al-iklīrus*

⁶⁶ В арабском заимствование *al-abaršiyūa*

⁶⁷ Араб *mutrānīh*

⁶⁸ Фраза, вероятно, принадлежит самому Никону, который опустил часть текста Мефодия

⁶⁹ Конец лакуны. Текст в скобках присутствует в греческом, ср. *Darrouzès J. Le patriarche Méthode. P 51*

الكبير والذين تغدونها عطيون في الديانة المسيحيه
 وفي الاعياد التي تفقد في الصوم وفيه ايضا في
 يعني سياسات مختلفه واجبه وغير واجبه من الكتب
 المقدسه • وان من ساس سياسه من نفسه او
 ميرميرا وافر زيرا من بقا ذاته خلوا من فعل
 الالهى • وخارجا من الصحف لمقدسه خطي كثيرا
 وعليه عطف كبير • وفيه ايضا طرايق مختلفه لمن
 يريد الخلاص بشهوته او بكره عليه • وفيه ايضا
 وساده من الاساطير الالهيه ان هرب الانسان بكل
 جهده من الايات وعدم الرجاء • وان يعمل الانسان
 ويلجا الي التوبه وحسن الامره • وان هرب ويتبعه
 من معلمين الذين يعلمون من لنا اجوافهم لا من
 الكتب لمقدسه • وكذلك يلوم التلاميذ الطالبين
 معلمين على شهواتهم لا يصرفون همهم الي الكتب لمقدسه
 وفيه صرح من قس الكتب الالهيه • ان في الزمان المخص
 بالاسقام من حكم الله ونعدله الجميع كما يكون له
 مع تلاميذهم • وسين ايضا الازاسس والاشفاقات
 التي تفوت بها الذين ماتهم في شفيمه • ان القلم

مهم

منهم اولئك فان فخطيون في عالم محبة الجيد الذي
يظنونه من اذاتهم ويعدون ويحسون لذلك مع
الارائكي الذين قد فسدت ديارهم وصاددوا الله
ولاسيما الزهبان كثيرا وفعوا في ذلك بحبه التسك
وفي ضمن كلامنا جميعه من فاحتته الي هابته في
هذا الجز اسباب متعلق بمنافع كثيره وبها يتم املاه ٣ الامه
بمعه زينا استوع المسيح الحقيقي لذكره النجود بموازته
السيد والدته الطاهر الثا و طوقس وكافه القدر
و ضمن ما سنظر في الصحف الالهيه من كتب كثيره بعض
الزهبان القاطنين في الجبل الاسود في بعض دياره
الاحكام منفعه لنفسه وذكره لغيره في سنه سن
الاف و خمسينه وست وتسعين للعالمه وبالله
وله التسبح والشكر والحمد والمجد الي قنا الادهان
والازمان خالق الانسان ومعطيه الحكه واليا
وناقله الي دارهوان او جنان
بطريرك قسطنطينيه الفايق قدس الشهيد
المعروف قصايا جازمه وحرزوم من القوا
الابونه والمسئوله على الاشحاتيكي الذين

يسوع المسيح الله اعني الاستطوذيوت اي الحقودينا
 البسكويني وتباعهم من لاساقفة والرهبان
 قال الا ان اختلاف الاراء وما الخي ارا جميع الناس
 لكن مخالفه زاي الانسان لنفسه وبغيره مثل
 الحزبا الي تتغير في كل وقت وساعه وقد انت
 بالشهادات المكتبه او غير المكتبه عليها نوبس
 الروم والقوانين الالهيه على ما قد ظهر ذلك وبان
 للكلاه واوصحوا الوجوه بحضور من واقف الان
 ولا يمكنه ان يغيره اذ قد تاكد ذلك شهادات
 مكتبه او غير مكتبه حسب ما قلناه او سماع
 اناس نظر واذلك وابصروه فتاكد ورسخ
 والصور فقد تتجد وتتغير على مر الزمان
 المديده اذ هي في كل يوم في جريه الحركه اللطيفه
 الحقيقه التي لا تظهر ولا تبين بل الثبات الملائك
 اي في العقول لان ملكه للعقليات الثبات
 لا للكائنات المحسوسات فاما الاراء في الاقوال
 عليها رصده وحفظه حدود الامروه تروم الحركه
 في نظام الامور يعيقها وينقصها

وَمَا يَتَّبَعُ لَهَا بَدَلٌ كَذَلِكَ هُوَ أَنْ كَرِهُوا وَلَا يَخْتَارُونَ وَأَفْتُوهُ
بِقَامُونِ وَقَانُونَ عَلَى مَا قُلْنَا هُوَ أَنْ لَمْ يَقْعَطَا بَعْضَهُ
مَخْتَارَهُ مَا قَصِدِي هَذِهِ الْمَقْدَمَةُ وَالْإِلَى ابْنِ طَلْحٍ نَاطِرُهُ
وَلَمْ جَعَلْتُ فَاتِحَهُ الْمَقَالَ هَكَذَا هُوَ إِلَّا أَنْ بِلَا شَكٍّ
مَا اسْتَقَرَّ رُوحُكُمْ مَسْتَقِيمًا هُوَ وَأَنْ كَانَ بَعْضُ مَنْ حَضَرَ
الْحُكْمَ فِيمَا سَلَفَ فَذَكَرَ نَحْتَ الدِّيُونَةِ لَا سَهْلَ بَعِيرُهُ
وَلَا يَتَّبَعُ رَأْيًا لَهُ عَلَى مَا يَزِيدُ وَنَهَ قَوْمًا هُوَ إِذْ كَانَ
الرَّسُولُ يَفْرَضُ وَيَقُولُ هَكَذَا هُوَ لِيُثَبِّتَ شَيْئًا وَاحِدًا
فَمَا دَعَى لَهُ هُوَ وَقَدْ شَاهَدَ الْأَدْنَانَ هَذَا جَارِيًا
مِنْ مَبْدَأِ الْخَلْقِ هُوَ وَتَرَى الْمَلَائِكَةَ الَّتِي مَا حَفِظَتْ
نَطَائِفَهَا بَلْ خَلَّتْ بِهِ وَجَادَتْ عَنْهُ عَلَى مَا يَقُولُ بَعْضُهُمْ
بَيْنَ يَدَيْهِ وَيُبْصِرُ أَيْضًا الْبَاطِنَ الْأَدْمَ وَجَوَّالًا خَرَجًا
عَنْ جَدِّهِمَا وَنَحْيِلًا الْمَسَاوَاهُ فِي الْأَلْهَةِ بِحِيلِهِ الْعَدْوُ
وَعِزُّهُ هُوَ لَا فِي وَقْتٍ بَعْدَ وَقْتٍ مَا أَحْدَا سَتَوْلَتْ
عَلَيْهِ الْكِبْرِيَا الْأَوْهَبُ وَسَقَطَ سَقَطَهُ بِوَجْهِهِ
وَحَصِدَ فِي لُظْلَامِ الْأَبْصِي عَلَى مَا قَرَأْنَا وَعَرَفْنَا هُوَ
الْحَرْفَةُ أَهْبَطَتْ بِالطَّبِيعَةِ الْعَقْلِيَّةِ الثَّانِيَةَ بَعْدَ
اللَّهِ هُوَ وَجَعَلَتْ الْمَلَائِكَةَ شَيَاطِينَ وَمِنْ سَقَطَتِ

بِالْإِنْسَانِ مِنْ رَبِّهِ وَأَمَانَةٌ وَيُوسِطُ الظَّهِ
ادخلت الموت إلى العالم وملاكات الله للآدم
مبارك ووفاء جيمًا ما يكره جدًا ولا خبره بل يريد
أن يجذب المرئيين الأمر الأفضل إليه باقناع ولذلك
لما تحسد وجاء إلى العالم البعض قبلوه والبعض ما
قبلوه حسب ما في الأقوال الطاهرة أنه إلى خاصته
قدم وخاصيته ما قبلته وحبان يعتدله بالبنه
والفضل لأنه ما تأسر لاجه به إلى التأسر الأجل
خلاصًا صار إنسانًا مثلنا واتخذنا عبدًا لله إذ كان
الله غير محتاج إلى شيء وكما وجدنا أولًا جودًا
منه وخيريه وتفضله هكذا يخص بنا ابداً
مظهرًا في جبلتنا الحزبه والاستطاعه ولذلك
رغم موسى وقال لعائيه ومخالفيه اصحاب
ذاتان وأبيرون وبني قوراه لان هولاء كلهم
قاموا عليه ابري شي صغير هذا ان الرب الاله اتخذ
له كهنة وخدامًا هؤلاء يمتنون لان كلام ان
تكهنوا وخرلدتم ونطق بوداعه شديد قايلاً
الذين يعرفون من هو من جزئه وكل من دعي

لم يدفعه واثمين. ونحن نتنازل مع ضعف وكرمهم
 وبهجمهم وطلبهم الرتبة التي ماتساوي الاستقامة
 بل تفوقهم وتعلوا عليهم وعلى رؤسنا الكهنة وياحنا
 يتقصروا ويقلوا وتنازل كلمة الله المفقور من اجنا
 الممتسكن بسيننا ولا يصاها هو طريقته الخلاصية.
 بل نحن نطالبهم بان يتساوهم مع نقوسهم. واذ الا
 لهم مكنه ان يشكوا مناشيا بما يتعلق بحس
 العباده والعداله ولا يقدرون بوجوهنا به. اذ كان
 ذلك غير ممكن لهم فليقتربوا بالقانونيات القاطع
 بالحق. اذ كانوا محيي التراس مرده مخلصين. ولم
 نسلم دفعه واثمين فقط بل استعملنا معهم طول
 الروح بالاكثرون. ومن هذا الوجه هلكوا اكثر
 واكثر. صاروا من واحد كثيرين وازادوا في شرهم
 فوقعوا منه. هو الذين راموا الاستعداد الذي
 ويصوبوا ساكنهم ليصطادوا بها غيرهم. ولا نهم نصوا
 مذبح وراموا المقديس عليهما من غير امرنا. والاذكرنا
 بالذكر الذي قد جرت به العاده في القديسين.
 هو الا ياتوا واهم على ما بلغنا محصوا اللاحق.

الاطفال

لاطفناك قد جحد والاطنا ان يذكر والاريد
على ما قالوه هم الكذبه الاقوال واجابوه من
سليمه واحدا الاستاقفه طالعا ان كنا نخرج له بعض
فتوسنا فيجعله اشققا من قبله فاخذه الى الاكبر
الذي له ولم يوه بالانا فوزا لناه فتمه بل ما تمه
كته كان مقوماً مخرجاً وازسله الياسرعه سره
لنا نشعر بما كان منه وانا فيسبه لي مع الكل
وقبل شي وفي الكل لقانون ليمني لابل الشطاني
فاستاغليه وهو الذي يتعلق بالرشى الذي
نه كل ما قاله سيدي هامة الرسل بطرس
الرسول علي سيمر الملعون واشباهه ويقطعه
ويستاصله وما نذكر هذا القانون في ميصها
هذا لشده ظهوره عند كل احد في كل وقت
ويوجد في كل مصحف وحلم ولذلك الغيت ذكره
لاشتهاره واتصاحه بل اضيف قانونا اخر بعده
وسنده ويقصيه مني ما ارجع مسامع ملكيه او سلطانيه
وهذا هو القانون الذي ليسود شرانطاكه الرابع عشر
اي يقف او قنسر او من كان من الكفار

فبعد ملكا ولا يكون مستحجاً كتب اساقفه الارمنه
 سبأ مطراناً واسقفه فخر نصيه وسبعده ومعه
 القريان ونجدره من درجته كمرع الملوك خلاف
 شروط البيعه فان دعت حاجه الى ذلك يجب
 ان يعمله بامر مطران لموضع والاسقف ومن قبله
 ويرود كتبهم فاما هولاء الان ذوالالتشويش
 الذين قصدت بالقانون عليهم والابا القديسون
 كتبه يدخلون قسطنطينيه واذا دخلوها يرعون
 الملوك والسلاطين ويواضون لسفلى عليهم
 يعطوا قوانين يجب ظنهم انا اعددها فيما بعد
 يفشرون ويهدون غير مصغين الى القانون
 لقايل متبياً عليهم انه ما يجب لهم اعدت ينطق بغير
 وينطقون بغيرهم كظلم نفوسهم لسرعه ميلهم الى
 الرذيله لكن على كل حال اذ قد ظهر منهم ذلك
 فهم مسودون مبعودون يجب قوه القانون
 لان القريان فقط بل ومن لرتبه وامطرله ومن
 بعد اقوال غير ذلك يقول وانا انتهي الى حيث بدأت
 وما ان اتمم الجزاء اذ كانت قوالاً تصرايحاً

واقابل

عصفا واقاويل الاعمال في هذه الاقوال قد صنفت
 لمن واقفا في لظاهر واعترف بمعقدناه وتقدت
 نادرس الطوبان الاستطوديون في هذين المصحفين
 ومنها نقلنا نحن ونسجنا وما قصدنا الا حيدا لاردينا
 ولا نور سماع ما فتح وشنع ولا نزي شتيه والدينا
 كهولا القتل ابا اهم بل قصدنا الاشف عن رديتهم
 التي منها سرقوا وهما وتقواه وان كانوا اكارهين
 عرلوا على ما في تلك الصحف من شوا المقاله على
 اليطرير كين لقد يشين نقفور وطرسيوس الذي
 عليهم يعولوا والي الان تلاميذ الاستطوديون
 ويستندون اليها ويلفقون منها ما يلين بنسوة
 تفجور وكاهم يكن مونا نحن في هله فيجد دون
 الخفني العقول ترهات وبعضدو تا هله ونصفت
 منهم قد وصحه فانون من قبله والابتها السيودسيه
 والقثار سسر التي تحب عليهم قد نطق بها وقد قدم بها
 الانذار ونحن يعول في الانصاف منهم والاحد بما يجب
 لنا عليهم على من ياتي في الزمان بعدنا ونحوض في الانظار
 الانصاف اللارم لنا عن المطرير كين القديس

НИКИФОР ВЛЕММИД “ЦАРСКАЯ СТАТУЯ”

“Царская статуя” была написана в 40-е годы XIII в. выдающимся ученым, богословом и церковным деятелем Никифором Влеммидом (1197–1272)¹, годы жизни которого фактически совпадают со временем существования Никейской империи (1204–1261) – одного из самых драматичных периодов византийской истории.

“Царская статуя” относится исследователями к числу так называемых “княжеских зеркал”. “Княжеские зеркала” всегда адресовались правителям, с которыми в большинстве случаев авторы находились в личных отношениях, и имели целью обрисовать канонический, абсолютный образ идеального царя, способного адекватно понять и решить стоящие перед государством задачи. В той мере, в какой это касается фигуры самого правителя, в “княжеских зеркалах” затрагиваются также вопросы функционирования государственного механизма и жизнедеятельности общества. Вот почему этот род литературы наиболее широко и полно отражает общественно-политические идеалы византийских интеллектуалов.

Перевод выполнен по последнему изданию “Царской статуи”, осуществленному в 1986 г. Г. Хунгером и И. Шевченко². В этом издании приняты во внимание все три известные на данный момент рукописи трактата, что делает его особенно ценным.

Рукописная традиция “Царской статуи” бедна. На данный момент известны лишь три рукописи, содержащие ее текст: Vaticanus Graecus 1764; Sinaiticus Graecus 42 и Marcianus Graecus 445. Причем, полный текст сочинения передается только в одной рукописи – в кодексе Marcianus Graecus 445, – относящейся к концу XIV – началу XV в. Два других кодекса содержат текст не полностью. Sinaiticus Graecus 42, пергамен второй половины или конца XIII в., не имеет начала. Кодекс Vaticanus Graecus 1764, относящийся к XIII–XIV вв., не имеет конца.

Текст “Царской статуи” передается дополнительно в парафразе, авторами которого были Георгий Галезиот (PLP. N 3528) и Георгий Энеот (PLP. N 21026). Используя разговорный язык, они перефразировали сочинение Влеммида с целью сделать его понятным для более широкого круга читателей. Поэтому неслучайно текст парафразы под названием “Νικηφόρου τοῦ Βλεμμύδου Λόγος περὶ βασιλείας μεταφραστῆς πρὸς τὸ σαφέστερον” имеет сравнительно более богатую рукописную традицию: в 1911 г. было известно шесть рукописей. Нам неизвестно, увеличилось ли это число в настоящее время.

Первое издание “Царской статуи” было осуществлено А. Май в 1827 г. (Script. vet. nova col. / Ed. A. Mai. T. II. Roma, 1827). Издание включало подлинный текст сочинения с названием “Царская статуя” (р. 655–670) и парафраз (р. 611–655). Здесь же был помещен и латинской перевод парафразы. Сделанное

¹ О личности Никифора Влеммида и его сочинениях см.: PLP. N 2897; *Blemmydes Nikephoros* // ODB. P. 296; *Барвинок В.И.* Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911; *Καραπίπτερες Μ. Νικηφόρος Βλεμμύδης ὡς παιδαγωγὸς καὶ διδάσκαλος*. Jerusalem, 1921; *Χρήστου Κ.* “Ὁ Βασιλικὸς Ἀνδριάς” τοῦ Νικηφόρου Βλεμμύδη: Συμβολὴ στὴν πολιτικὴ θεωρία τῶν Βυζαντινῶν. Θεσσαλονίκη, 1996.

² *Hunger H., Ševčenko I.* Des Nikephoros Blemmydes “Basilikos Andrias” und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaïotes: Ein weiterer Beitrag zum Verständnis des byzantinischen Schriftkoine // *Wiener byzantinistische Studien*. 1986. Bd. XVIII. S. 42–117.

с опорой на кодекс Vaticanus Graecus 1764 издание собственно “Царской статуи” не имеет конца, а именно – последних трех глав. При издании А. Май разделен первоначальный текст “Царской статуи” и парафраз на 14 глав, которые в свою очередь были поделены им на параграфы. Это деление на главы перешло и последующие издания. Сочинение Влеммида по изданию А. Май с его парафразом и латинским переводом было перепечатано в Патрологии Миня под общим названием “Oratio de regis officiis” (*Migne J. Part. Gr. T. CXLII. Col. 611–657* 657–674).

Более полным является издание К. Эммингера, сделанное по рукописи Marcianus Graecus 445 (*Emminger K. Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln Zum ἀνδριᾶς βασιλικός des Nikephoros Blemmydes. Programm des König Maximilians – Gymnasiums für das Schuljahr 1905–1906. Vol. 1–2. München 1906–1913*). В последней сохранились XII, XIII и часть XIV главы, утраченные рукописи, которой пользовался А. Май. Текст “Царской статуи” К. Эммингер разделил, следуя А. Май, на 14 глав. В свою очередь главы были поделены на 200 параграфов. В комментариях к изданию К. Эммингер указал некоторые заимствования Влеммида из византийских авторов.

На параллельных страницах приводится текст парафраза с опорой на все известные рукописи. В издании сохраняется деление на 14 глав, но текст при этом разделяется и на маленькие параграфы, чтобы было легче сопоставлять его парафразом. Всего таких параграфов 219. Первоначальный текст Влеммида передается также в английском переводе И. Шевченко, а парафраз – в немецком переводе Г. Хунгера. Издатели установили некоторые заимствования, сделанные Влеммидом из античных и византийских авторов, а также из Библии. Результаты этого исследования были использованы нами в комментариях. В русском переводе “Царская статуя” Никифора Влеммида публикуется впервые.

Поскольку перевод преследует конкретные исторические и текстологические задачи, текст был переведен как можно ближе к оригиналу. Это позволило не только передать важные для исследователя стилистические приемы Влеммида, но и показать сложность его стиля.

В заключение я хотела бы поблагодарить Х.-Ф. Байера за неоценимую помощь в переводе “Царской статуи” и предоставленные материалы при работе над комментариями.

* * *

1.1. Закон, издревле применяемый в общественных делах, \langle предписывает \rangle , что подданные должны платить подати царю. Это приносит пользу прежде всего и самим. В противном случае, не совершалось бы должное¹. Ведь у кого попечение обо всех, у того и забота.

2. Тот, кто не имеет ничего собственного, поскольку был исключен из \langle числа \rangle частных лиц, должен получать \langle часть \rangle общего достояния ради общего \langle блага \rangle и присваивать владения всех вместе со всеми. Таким образом, \langle закон \rangle \langle он должен \rangle обеспечивать, чтобы частные лица владели собственностью в безопасности². \langle Это достигается \rangle тем, что они совершают подношения и помогают друг другу и всяческим образом сохраняют природное единство в целостности частей и нерасчлененности.

3. Таким же образом и над телом животного трудно одержать верх, когда все \langle его \rangle члены и части тела действуют согласованно³.

4. Подобным образом и царь, являясь главой подданных или их разумом, в праве, надо полагать, требовать от всех соответствующих податей для сохранения целостности⁴.

5. Итак, следует, чтобы люди, имеющие дело с материальными благами, отдавали⁵ должную часть производимого или саму эту часть, или обменивали ее и использовали⁶, согласно решению правителя⁷. Что касается тех, кто серьезно занимает (свой) разум и (ищет) истину, то пусть они приносят (царю) правдивое суждение, которое настолько выгоднее всякой иной подати, насколько и их занятие явно превосходит (все) остальные.

6. Ведь, если правитель превосходит всей людей, а философия – все науки и искусства вместе взятые, то что более, чем дар философии, приличествует правителю, если превосходящее принадлежит превосходящим и лучшее правящим⁸?

7. Итак, царская власть отображает власть Бога⁹, а философия – мудрость и предусмотрительность Бога; власть же без мудрости и предусмотрительности далека от Бога. Поэтому мысли и дела философии являются тем, что наиболее соответствуют царю¹⁰.

П.8. Если имя является сложным определением¹¹, то тогда разумно его раскрыть и выяснить, что есть царь. Итак, царь есть “основание народа”, (а не “не-что неизменное”). Ведь “неизменное”¹² не свойственно человеку¹³, к тому же (само понятие) требует дополнения и “изменения”. “Основание” же, будучи (названием), которым не пренебрегают и которое не оспаривают, естественным образом является наиболее прочным для тех, кто стоит на нем¹⁴.

9. Каким же образом тот, кого со всех сторон теснят неподобающие желания или приступы неразумного гнева, может быть “основанием народа”?

10. Без сомнения, он скорее будет (причиной) его возмущения и ниспровержения, поскольку является для подданного целью и дурным примером для подражания. Из этого следует, что царь должен в первую очередь царствовать над самим собой, и лишь после этого – над теми, кто вокруг него и кто вдали от него.

11. Тот, кто не смог управлять своим собственным домом, не может быть без обмана провозглашен самодержцем над многими городами¹⁵.

12. Итак, насколько же рабское угодничество и сладострастие, относящиеся к самым постыдным удовольствиям, достойны презрения и отвращения при (обладании) такой большой властью и таким большим почетом?

13. Кто же не спрячет свое лицо от стыда только при мысли о том, что царские величие и божественность унизились до постыдного (временпровождения)? Ведь столь же недостойнейше страдание испытывают те, кто был лишен разума Киркой¹⁶, кто превратились из людей в свиней и собак; они то валяются в грязи наслаждения, то неистовствуют в любовной страсти.

14. Царю же более всего приличествует чудодейственный цветок Гермеса – лекарство для разума и противоядие от чар удовольствия, а также обоюдоострый меч – острое лезвие рассудительности, которое немедленно отделяет лучшее от худшего и одно предпочитает и рекомендует, а на другое нападает¹⁷.

15. Ведь с помощью этих средств и сын Лаэрта¹⁸, как говорят, не только не поддался чарам Кирки, но и спас от них своих покоренных (ею) товарищей.

16. Таким образом, необходимо, чтобы царь не только сам сохранил свободу от рабства удовольствий, но и поработанных освобождал при помощи слова и примера и чтобы постоянно слушал священные пеаны¹⁹: «Подноявшись до высот» умеренности, “ты пленил плен” благом²⁰.

17. Когда царь не обращает внимания на то, что его владение (находится) в плену, это уже большое горе для умных людей. Если же, однако, он и сам так пострадал, то какого тяжкого бедствия это не превосходит самое? Какое благо-

родство и мужество может явить неприятелям тот, кто не сопротивляется нападению, которое можно быстро остановить без копий и мечей, а становится изнеженным, женоподобным и добровольно предает себя поношению?

18. Даже если никто не видит этого, царю не миновать \langle суда \rangle истины и совести, а прежде них – “Дальновидящего” и Всевидающего “ока”²¹, которое выявляет тщательно то, что на \langle люди \rangle осмеливаются тайно – насколько, сказать невозможно – и испытывает отвращение к позорным деяниям, совершаемым перед Ним.

19. Если же и для людей большая часть этого не оказывается тайной, они осмеивают \langle такого правителя \rangle и делают его героем комедии, и их презрение передается потомкам²². Ибо скольких \langle правителей \rangle порицают книги и публично выставляют на позор, в то время как других постоянно хвалят, боготворят и одаряют вечной памятью их усердие о благе.

20. Царь эллинов Александр²³, когда Дарий²⁴ был побежден и его дочери были приведены к нему (отборный дар из-за их превосходства в красоте), не пожелал даже взглянуть на них, говоря, что это позор, когда победившие мужчины терпят поражение от женщин²⁵.

21. Ранее таким же образом \langle поступил \rangle и Кир, самодержец персов и мидийцев²⁶. Ибо, когда он обратился в бегство ассирийцев и их союзников и Панфея²⁷, царица сузийцев²⁸, была для него выбрана войском из всей добычи (а она была знаменита как непревзойденная по красоте во всей Азии), он удостоил ее большим вниманием, взглянуть же на нее вообще не захотел. Он считал, что царь должен быть хранителем, а не преследователем целомудрия вследствие богоподобия их достоинства и потому, что целомудрие – соединение мужества и благоразумия²⁹.

22. Ведь привязанность к плотским желаниям, жадное разглядывание женщин и влечение, словно под действием узды, к самому постыдному делают людей трусливыми и лишеными здравого смысла. Даже если такой человек имеет цветущее тело, он пуглив и более жалок, нежели любой больной³⁰, так как сила его души обездвижена³¹.

23. И если кто-нибудь станет размышлять о гибели \langle властителей \rangle знаменитых гегемоний, то обнаружит, что это случилось из-за свойственного \langle им \rangle сладострастия. Почему, например, ассирийский царь Сарданапал³² оказался на конной стреле и был лишен власти в пользу Арсака Мидийского³³? А это \langle произошло \rangle , несмотря на то что он обладал весьма большим богатством и руководил весьма большим войском?

24. Конечно, \langle это случилось \rangle из-за того, что он был воспламенен своими страстями и из-за его женоподобной изнеженности, которая лишила мужества и его войско. Ибо, когда голова больна, с помощью какого средства тело, соединенное \langle с головой \rangle , может избежать болезни³⁴?

25. Пока Сарданапал был вооружен целомудрием, он был сильным и находился в безопасности, все его боялись и трепетали перед ним. Но после того, как он отстранил от себя \langle целомудрие \rangle , поддавался удовольствиям и \langle самодовольно \rangle откинул голову назад³⁵, нужен ли был ему тот, кто его, наконец, растоптал, подобно Белесису, предсказавшему \langle его падение \rangle , [и \langle человеку \rangle , свергнувшему его]³⁶?

26. А сколь великим был Дарий, сын Астиага³⁷, который, как будто забавляясь и шутя, опустошил всю землю вавилонян? Однако и он из-за введенного позже \langle при дворе \rangle распутства лишился и царства, и жизни, не сумев противостоять целомудренному Киру Персидскому³⁸.

27. А что свергло Дария, сына Арсама³⁹, и уничтожило всю державу персов? Разве не склонность к низким желаниям и невоздержанность?

28. И, чтобы оставить эти давние примеры из-за их множества, вспомним ближайшие. Что подчинило себе нашу царственную столицу, сильнейший из всех городов, и наполнило ойкумену несчастьями, которые невозможно описать⁴⁰? Разве не пресловутый образ жизни первых защитников – достойный зависти предмет их усердного старания⁴¹, и то, что вследствие этого они стали слишком слабыми, чтобы оказать какое-либо сопротивление?

29. Ведь ничто другое не изменяет мужчин в женщин так, как страстное и неистовое тяготение к упомянутым (наслаждениям). Ничто иное не портит тело и душу больше развратной жизни и сладострастия.

30. Целомудрие укрепляет тело и усиливает душу, распущенность же оскверняет и то и другое⁴².

31. И если считается, что (человеку), испорченному удовольствием, присуще здоровье или телесная полнота, то (в действительности) эти оба (состояния) ничем не отличаются от “садов Адониса”, которые выросли в “глиняных черепках” и вызывали у смотрящих на них больше смеха, нежели (сами) цветы в них⁴³.

32. Каковы занятия (последователей) Киприды⁴⁴, таково и их благополучие – (это) тени сновидений. Ибо у них главное в человеческой жизни уничтожено, основание мужества опрокинуто, здравый смысл превращен в невежество, вследствие чего они ничего не ведают. Их благополучие – только материя, которая при отсутствии мастерства движется на удачу и зависит от случая⁴⁵.

33. Вот почему царю необходимо царствовать над удовольствиями⁴⁶.

III.34. Гнев же и неистовство следует оставить⁴⁷ разбойникам, гнев которых подобен гневу змея и вспыльчивость которых похожа на демоническую ненависть к людям.

35. Тому же, кто поставлен подобным Бога и кому вверена забота о его творениях, должны быть присущи спокойствие и кротость, умеренность и человеколюбие; он должен хорошо знать, что подданные – родственники⁴⁸, и обращаться с ними, как с самим собой, заботясь о здоровых, навещая больных и удаивая их лучшего лечения,

36. смягчающего обычно припарками и повязками. Иногда же при большой необходимости он предлагает и более суровое (средство), а именно: если после продолжительного увещательного наставления он видит, что болезнь неукротима и неудержима. Однако при этом не сочувствует всем тем, кто страдает, как собственным членам.

37. Таким образом (царь) привлекает к себе милосердие Бога и стремится приобрести для себя царство вечное; тогда он и здесь всеми любим, всеми повсюду прославляется в восклицаниях: “Самый целомудренный, самый милостивый, уподобленный Богу”.

38. Растерзание же тел людей из-за какого-то незначительного согрешения мало чем отличается от истребления (ими) самих себя из-за (собственного) сумасшествия.

39. В последнем случае тяжесть болезни одерживает верх над ощущением боли. Подобным образом в первом случае⁴⁹ необузданность гнева приводит раздраженных (людей) в такое же состояние и не позволяет им понять, как мучались бы они, если бы (сами) страдали (ибо наказываемый имеет ту же сущность⁵⁰), и какую он испытывает боль, и какое возмездие ожидает их от сострадающего Повелителя⁵¹.

40. Избил ли кто-нибудь жестоко (другого человека) дубиной, ударил ли кулаками, предаваясь безрассудному гневу? Его в ответ (также) ударяют, поражают, возможно, озноб, лихорадка, головная боль, изжога, запор и другие мучи-

тельные недуги, которых, казалось бы, не должно было быть. Если он совершает что-то большее (против кого-либо), то нечто большее и сам претерпевает⁵².

41. Если же возмездие не (приходит) немедленно, то (оно последует) в надлежащее время, о котором (человек) не знает⁵³. Голод в пользу гаваонитян случит, помимо многих других (случаев), доказательством, того, что, ошибаясь в одно время, мы получаем возмездие в другое⁵⁴.

42. Тот, кто совершенно избежал (возмездия) по сию сторону (жизни), встретится с более сильными и постоянными ужасами по ее окончании.

43. Ненависть же, ужас и отвращение (со стороны подданных) он навлекает на себя еще при жизни, если (эти чувства) не открыто выражены вследствие страха (перед ним), то (скрытно пребывают) в душе (подданных), корне "злых мыслей"⁵⁵.

44. Насколько же лучше правитель, которого желают из-за его доброты правителя, которого боятся из-за его склонности к наказанию. Ведь за первого (подданные испытывают) большое опасение, а от второго предпочитают быстрее избавиться.

45. Зачем следует рассказывать о непристойных делах, если иногда (может быть из-за отсутствия привычки к сдержанности) гнев против воли гневающегося переступает все пределы (дозволенного)? Тогда кровь, кипя и волнуясь⁵⁶ вокруг сердца при долгом неучастии успокаивающего и сдерживающего ее рассудка

46. и будучи сжимаемой и теснимой в сосудах, будоражит и превращает раздраженного человека в сумасшедшего и, выталкивая себя с силой к поверхности, делает (его) лицо распухшим, (покрытым) какой-то бесстыдной краснотой, синюшностью и разными пятнами⁵⁷. Глаза же она превращает прямо-таки в (раскаленные) угли, подобные, как мы слышали, глазам драконов, которые часто вращаются, прыгают и не вмещаются в глазные впадины⁵⁸. Голос становится высоким, а речь не совсем ясной. Все тело раздирается на части, беспорядочно дергается и двигается под воздействием духа гнева⁵⁹.

47. Каково же тогда состояние души?

48. Действительно, метко говорится, что "гневливый человек непристоен". Вот почему эта страсть идет совершенно в разрез с царской благопристойностью.

IV.49. Цари с давних пор называются "устроителями народов"⁶⁰ и "пастырями народов"⁶¹.

50. Однако сколь великой благопристойностью должен обладать тот, кто был выдвинут как полководец, чтобы организовывать народы в боевые порядки, как первый предводитель и воспитатель нравов!

51. Сколь большую заботу о пастве (должен иметь) пастырь, ведя ее на добрые пастбища, радуя (игрой на) дудке и свирели и песнями, не заковывая в кандалы, не пытая, не нанося увечий по незначительным поводам, поскольку все это не (подобает) хорошему пастырю, призванному "отдавать жизнь"⁶² ради паствы.

52. Радость при сокрушении ведомых, наделенных той же природой, и наслаждение мучениями других (подобны) зверству и дерзости Эхета⁶³.

53. Сесострис, повелитель египтян и ассирийцев⁶⁴, подчинив многих царей (ибо он стал править миром, если не всем, то его большей частью), впрягал их в великолепную колесницу и, садясь в нее, увозился ими, преисполненный высокомерия и восторга.

54. И однажды, когда кто-то из запряженных стал идти очень медленно, с остановками, он спросил: "Почему ты медлишь?". И тот ответил: "Потому что наблюдаю за вращением колес".

55. Египтянин, поняв сделанный намек на непостоянство судьбы, впредь стал более кротким и сострадающим⁶⁵.

56. Гиерон Сиракузский после того, как получил верховную власть и стал правителем против воли сицилийцев, не стал преследовать никого из тех, кто прежде противился ему. Наоборот, он всегда благодетельствовал всему народу, словно отец, милостиво обращаясь с каждым.

57. Пробыв управителем пятьдесят четыре года, он сохранил для отечества мир, для себя же – крепкую власть. Хотя он много раз хотел сложить с себя власть, ему (каждый раз) мешала всеобщая мольба народа: настолько желанным он стал для подданных, будучи самым умеренным, самым благодетельным и еще более кротким⁶⁶.

58. Такого же нрава был и Алким Лидийский, который сделал так, чтобы его подданные жили в спокойствии и изобилии. Когда прошло семь лет, народы, собравшись “всеми племенами” и “всеми общинами”, умоляли богов продлить жизнь их правителю. Так и случилось. Прожив много лет, Алким сохранил для лидийцев счастье, о себе же оставил имя, до сих пор великое и славное⁶⁷.

59. Я хвалю ранее царствовавших из римлян, потому что они во все свои постановления вставляли (титул) “наше спокойствие” вместо того, что писать “моя царственность”, показывая тем самым, что спокойствие и кротость являются священными и избранными (обязанностями) царя и (ценятся им) выше самого пурпурного одеяния и царского венца.

60. Ведь это и тираны могут присвоить себе, спокойствие же – неприкосновенная и неотъемлемая принадлежность одного только царского достоинства.

61. Вот почему в старину многие из царей на делах и словах изучали то, что относится к этой добродетели. Не меньше других (изучал ее и) тот, кто опоясался самодержавной властью после Нервы, правившего кротко и мудро⁶⁸. Ибо он обладал столь большой кротостью и жалостливостью, что склонялся к каждому страждущему и сочувствовал ему, а кроме того, переносил насмешки и терпел хулу, говоря, что царю следует равняться Богу и терпеть заблуждения и поношения⁶⁹. Какую же пользу он извлек для себя от столь большой доброты?

62. Он получил прощение за поступки невежественных людей и, что важнее всего, (их) нечестия благодаря заступничеству Григория Великого⁷⁰, который (написал) “Диалог”⁷¹.

63. Чем щедро поделился он с другими (при жизни), тем после смерти наслаждался в еще большем изобилии, показав, что сострадание при помощи молитвы праведного сильнее беславия.

64. Очевидно, что он был украшен и целомудрием, так как “без” него “никто Господа Бога не увидит”⁷², даже если будет благочестивым и даже если о нем говорят, что он украшен другими добродетелями⁷³.

65. И действительно, без целомудрия невозможно найти безупречной ни одну добродетель. Ибо как может быть храбрым тот, кто не противостоит мужественно телесным желаниям?

66. Как может быть справедливым тот, кто поступает несправедливо в отношении и себя и той (женщины), с которой предается распутству? Или о каком “разуме” может хвастливо говорить тот, кто сознательно выбирает для себя⁷⁴ не “приносящее” ему самому высочайшую “пользу” (я говорю о “святости”⁷⁵), но порабощает руководящий (разум) порочными желаниями и лишает себя наивысшего из желаний ради проклятого удовольствия?

67. Даже страсть к деньгам является крайне непристойной и несоответствующей царю.

68. Ибо отсюда берут начало четыре чудовища: скупость и мелочность при давании, торгашество и своекорыстие при получении.

69. Несвершение благодетний вообще или свершение их для немногих и по принуждению – это рабский *образ действий*. Ибо раб *ничего никому* не дает или дает немногим, если его вынуждают силой, и этим похищает имущество хозяина.

70. Ведь как тот, кто ничего не имеет, а само его тело продано, *может дать что-либо*? Скупое и скудное дарение многим и прежде всего достойным большего – это *образ действий* некоего бедного и незначительного *человека*, а не того, кто превосходит *всех* и возвышается над всеми.

71. С другой стороны, мелочность в делах и перемещение частных приобретений в государственную казну, обман и ограбление подданных с помощью каких-нибудь хитростей – это торгашеский *способ действий*.

72. Сбор податей сверх необходимого и неразумное взимание дани или безжалостный грабеж⁷⁶ и угнетение подданных являются *признаками* бесстыдной жадности⁷⁷.

73. Поэтому к наихудшему пороку – жадности к деньгам, который как красоту души разрушает, так и саму власть увечит, следует испытывать сильнейшее отвращение.

74. К этому *пороку*, губящему благо, Персей и Александр, цари македонян, *относились по-разному*. Первый, допустив это, лишился союзников и трона, и, после того как его свергли римляне и увели в оковах, был заперт в темной яме вместе с деньгами и так жалко окончил свою жизнь. Будучи уже тогда достаточно осмеян за свое безумие, он до сих пор осмеивается и сливет несчастным *у людей*, знающих его⁷⁸.

75. Александр же, поднявшись выше *низменной* страсти, изгнав и отвергнув ее, вскоре покорил почти всю ойкумену⁷⁹. Ведь он, почитая друзей как сокровища, которые его защищают и прославляют, обрел лучшую долю и возвысился над многими царями.

76. Такого же мнения был и Кир⁸⁰: все отдавая друзьям, он считал, что обладает благами их всех. Обогащая и украшая своих друзей, он ликовал и торжествовал сам⁸¹.

77. И однажды, когда они спросили его: “Ты же, Кир, когда будешь себя украшать?”, он сказал: “Разве не более других я украшен, видя всех вас украшенными?”⁸².

78. И когда другие его спросили: “Почему ты не богат?”, он сказал: “Что? Разве я не богат безмерно, зная, что все мои друзья богаты?”⁸³.

79. Его называли “отцом” из-за сострадания и “стремления” *обеспечить* всяческие “блага” для подданных⁸⁴.

80. А Камбиса, напротив, из-за “суровости и надменности” – жестоким “депотом”⁸⁵.

81. Дария же из-за корыстолюбия, простоватости поведения, подмены и фальсификации дел *называли* “торгашом”⁸⁶.

82. А Эпаминонд, “стратиг фиванцев”⁸⁷, считал это зло до такой степени отвратительным, что когда однажды “увидел” как кто-то из “щитоносцев” получил выкуп за “пленного”, взяв щит, “прогнал” того из строя, говоря: «“Щит отдай мне”, себе же “лавку купи”»⁸⁸.

83. Цари бриттов, отправив ради дружбы послов к полководцу римлян Катону⁸⁹ (ибо и до них дошла слава мужа), послали для этого большой слиток золота. И он согласился на дружбу и утвердил ее, золото же отослал назад, сказав, что рабы покупаются, друзья же выбираются.

84. Столь великую победу он одержал над любовью к деньгам.

85. Пусть другие рассказывают на примерах истории, сколь многочисленны (деяния) удачно совершили оба полководца благодаря этому качеству.

86. Ибо совершенное Александром и Киром благодаря названному (качеству) сияет ярче факела для тех, чей глаз разума не затмило облако⁹⁰ праздности, и никогда не погаснет, пока солнце по кругу освещает землю.

87. И где эти три (достоинства) – целомудрие, кротость и щедрость – соединяются, там и превосходство, и слава.

88. Ибо целомудрие – это урок и упражнение для мужества, для принятия мер против врагов, их поражения и обращения в бегство. Кротость и терпеливость – это упражнение для самообладания, великодушия и стойкости и вместе с тем – начало и основание для любви (подданных к правителю). Свершение же благодеяний усиливает руки союзников, склоняет шеи противоборствующих, укрепляет родство и подчиняет чуждое, отверзает уста каждого и делает любой язык острым на похвалу. Поэтому рассмотренные (добродетели) способны принести одновременно и победу, и славу, ибо еще раньше они сделали (человека), достигшего их, победителем и знаменитым по (его) природе.

89. Таким образом, разве не справедливо, чтобы эти (добродетели) могли называться “золотыми яблоками”, похищенными Геркулесом⁹¹ у Гесперид⁹² “при помощи Атласа”⁹³, когда он (Геркулес) “убил” бессмертного стоголового и разноголосого змея⁹⁴? Ибо хорошо, мне кажется, представлять себе наглядно победу в качестве яблока, а славу – в качестве золота, под необычным же и чудовищным змеем понимать многообразие порочных желаний⁹⁵.

90. Поэтому тот, кто обезвредил и подавил эти (порочные желания), достиг славы трех триумфов, победив удовольствие, гнев и любовь к деньгам. Эти (триумфы) приобретаются большей частью на закате жизни⁹⁶, когда (господствует) стойкий и упорный ум. С другой стороны, тот, кто достиг совершенства раньше, восполнил краткий промежуток времени длинными годами и показал себя трижды героем, достойным удивления, поскольку предвосхитил успехи старости (уже) в юности⁹⁷ и уничтожил, приложив усилия, коварного зверя в оцепенелой душе, утратившей разумные и естественные побуждения, благодаря чему успокаиваются неестественные и неразумные желания.

91. Ибо от стойкости и усилия воли⁹⁸ правителя чужеродное содрогается, теряет присутствие духа и страдает больше, нежели животное от рева льва. С другой стороны, из-за того, что правитель⁹⁹ расслабился, опрокинулся на спину и “непробудно” заснул, страсти разгораются, смелеют и, захватив его, (уже) раньше “подстриженного” избранной им сожигательницей Далилой¹⁰⁰, то есть ленью, ослепляют разум и осмеивают его по-разному, ввергая то в одни, то в другие нелепые деяния. А что еще более печально – так это то, что захваченный (страстями), будучи окаменелым и бесчувственным, он не знает, до какой степени зла он дошел.

92. Иногда он даже гордится своим несчастьем и считает позор славой.

VI. Если же случается, что лукавые льстецы ласкают, гладят его и виляют (перед ним) хвостом, он радуется им, как друзьям, не понимая различий между ними.

93. Ведь льстец всегда готовит сладкое, даже если оно вредно, а друг добивается того, что полезно, даже если по необходимости оно неприятно на вкус.

94. Ибо льстец всеми силами стремится к одной только наживе, а друг ради принесения пользы возлюбленному отдает и саму жизнь¹⁰¹. Поэтому льстецы хуже ворон, а “друг – второе я”¹⁰². Если причиной этих бедствий является распушенность, то (причина распушенности) часто заключается в надменности.

212. Если кто-то разносит дурной слух, следует тщательно исследовать это. И когда дерзкий поступок обнаружен, согрешившего следует исправлять в соответствии с законом³¹⁶.

213. Ибо многие потерпели несправедливость от лжецов, когда судья³¹⁷ был введен в заблуждение прикрасами их лжи. Не знающие, как тереть³¹⁸ металлы о пробирный камень³¹⁹, или (не ждущие результатов этого испытания) часто обманываются окраской меди и представляют себе чуждый материал золотом. Некоторые же ничего не стоящее стекло считают драгоценным камнем, когда искусственный цвет³²⁰ обманывает зрение, либо неопытное, либо не исследованное тщательно (материал), либо ставшее из-за страсти слабым.

214. Таким же образом и уготованная ложь может обмануть рассудок, который или не имеет опыта в таких перипетиях, или отказался от тщательной проверки из-за небрежности, или возмущен гневом и негодованием из-за серьезности обвинения.

215. Кроме того, если обвиняемый находится под подозрением и когда-то прежде уже обвинялся в том же самом или обвинитель окружает себя славой доброжелательности и правдивости, весьма большой является опасность (ошибки).

216. Но если все эти (обстоятельства) нахлынули вместе и не увлекли за собой судьбу, то этим доказываются и становятся предметом изумления крепость и твердость его мышления, неприступность и поистине мужественность и благородство.

XIV. 217. Это то, что наша скромная речь может преподнести царю в подтверждение избранного нами подчинения и благоволения.

218. И он, радостно и благосклонно приняв ее и вместе с тем собрав более значительные и совершенные (дары) от более богатых (людей), был бы прав, если бы отложил их старательно в кладовую души, удерживал и сохранял неприкосновенными, установив прочно ворота, скрепив их запорами, заперев за совами, поставив сильных и недремлющих стражей.

219. И таким образом, наконец, накопив богатство, достойное царского величия, (он был бы прав, если бы) наслаждался им роскошно и самовластно, делился щедро, не уменьшая, а увеличивая раздачу самых прекрасных (вещей) и наслаждение ими (ибо это возможно, особенно для щедрого и расточительного человека); (он был бы прав, если бы) на деле и на словах представлял себя нашедшим величайшее счастье и следующее за ним блаженство.

Комментарии

¹ А. Пертузи полагал, что начало для своего трактата Никифор Влеммид позаимствовал из сочинения Феофилакта Охридского "Царское воспитание" (*Pertusi A. Il pensiero politico e sociale bizantino dalla fine del secolo VI al secolo XIII. Torinese, 1983. P. 793*). Однако аналогичные пассажи мы находим и в Библии. Ср.: "Для сего вы и подати платите; ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые. Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк..." (Послание к римлянам св. апостола Павла. 13. 6–7). В этой связи полагаем, что речь здесь может идти о библейском законе. Библейские тексты здесь и далее приводятся по русскому синодальному изданию – СПб., 1892.

² Ср.: Платон. Государство / Пер. с греч. А.Н. Егунова // Сочинения. М., 1994. Т. 3. 416с–417б; 421б–с. Согласно Платону, правители лишены личной

жизни, у них нет своего жилища и домашней еды. Вся их жизнь проходит в обществе и посвящена общественному благу. Необходимую пищу и одежду правители получают от остальных граждан “в уплату за то, что их охраняют”. Они не имеют денег и вообще частной и личной собственности.

³ Точнее: “вместе подают ненарушенными свои действия” (ἀφραίνῃ συνεισαγόντων τὰ σφῶν αὐτῶν ἐνεργήματα). В литературе отмечается (например, см.: Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992. С. 61–62), что представление византийцев об устройстве государства по аналогии с живым организмом сформировалось под влиянием посланий св. апостола Павла (Послание к римлянам св. апостола Павла. 12. 4–5; Первое послание к коринфянам св. апостола Павла. 12.12–27). В то же время подобные аналогии мы встречаем и у Платона, который считал, что государство “более всего по своему состоянию напоминает отдельного человека” (Государство. 462с). Поэтому вопрос о происхождении этого сюжета остается открытым.

⁴ Ср.: Платон. Государство. 420b–421с. Согласно Платону, главное назначение правителя – достижение гармоничной целостности государства.

⁵ В тексте – εἰσπράττεσθαι.

⁶ Точнее: прилаживающих (καθαρομόζοντας).

⁷ Влеммид отмечает необходимость взимания государством налогов с ремесленной и торговой деятельности. Причем, автор, по-видимому, затрагивает тему государственного регулирования последней, говоря об обмене и использовании произведенных товаров, “согласно решению правителя” (πρὸς τὴν κρίσιν τοῦ ὑπερέχοντος).

⁸ Сама идея единства философии и власти исходит от Платона (Государство. 472с–е; 473а–е; 474b–с).

⁹ Начиная с Евсевия Кесарийского эта идея становится общим местом в византийской литературе. Заметим, однако, что Влеммид избегает прямо говорить о божественном происхождении царской власти. Не желая лишний раз поощрять императора к вмешательству в церковные дела, он переносит акцент на ее нравственное подобие власти небесной.

¹⁰ Здесь чувствуется влияние Платона, согласно которому власть, лишенная философского содержания, порочна и вредна (Государство. 500d–е). В то же время Влеммид противоречит себе, когда говорит, что сама по себе “царская власть отображает власть Бога”.

¹¹ Точнее: сложный (из составных частей). – Л.Р.) определением (в тексте – συνελτρυμένος) брос). Имеется в виду слово βασιλεύς (βᾶσις + λαός).

¹² В тексте – ἀσινές. И. Шевченко переводит это место как “freedom from harm” (свобода от зла) (Hunger H., Ševčenko I. Des Nikephoros Blemmydes... S. 122).

¹³ Точнее: не по-человечески (οὐ κατ’ ἀνθρώπων).

¹⁴ А. Пертузи полагал, что Никифор Влеммид, обращаясь к народной этимологии слова βασιλεύς, вновь следует за Феофилактом Охридским. Он видит в определении василевса как “основания народа” выражение идеи “демократического избрания” императора (“общие выборы”). Она, по мнению А. Пертузи, сосуществует у Влеммида с идеей теократического избрания (василевс как ставленник Бога) (Pertusi A. Il pensiero politico... P. 793).

Наконец, недавно К. Христу заметила, что “эта этимология часто встречается в византийских сочинениях, например, у Георгия Χοιροβοσκό, Ἐπιμεριουοῖ Ψαλμῶν, 2, III, 69. Ее использовал и митрополит Навпакта Иоанн Апокавк, Epitotica 25, 286.34–387.5” (Χρήστου Κ. Ὁ “Βασιλικὸς Ἀνδριάς”... Σ. 76). Все это свидетельствует о том, что Влеммид не был автором данного сюжета, а позаимствовал его у кого-то из своих предшественников.

116. Насколько это недостойно (человека), предпочтенного всем (другим) и обладающего большой властью, говорить без необходимости то, что “может быть взято назад”¹⁴¹, и “бросать слова на ветер”¹⁴²!

117. Как превосходящий (других) заслужил доверие к себе?

118. Или как подвластные научились доверять его словам?

119. Доверяют ли друг к другу правящий и управляемый? Все (пребывает) в смешении в соответствии со Сферосом Эмпедокла и Любовью, побежденной Враждой, из-за которой создавший достойное огня влюбился в огонь, в котором “все соединяется”¹⁴³.

120. Его (доктрина) – через избавление¹⁴⁴. Все (находится) в движении, согласно “неустойчивому” слову Гераклита¹⁴⁵, по противоположной к которому дороге направился “неподвижный” Зенон¹⁴⁶ (и как к этому (учению) Зенон двинулся, и как Гераклит установил свое учение и суждение?). “Все есть воображение”, – (говорил) Демокрит¹⁴⁷, и сам не существуя вместе со своей болтовней в силу того, что он придумал. И опять, “цвет и, в более высокой степени, знание, разум и человек (существуют) по установлению. В действительности есть (только) пустота”¹⁴⁸.

121. Таким образом, самое подходящее украшение правителю – правдивость, а также быстрое и поспешное удовлетворение разумных просьб, с одной стороны, и отклонение просьб, которые не являются таковыми – с другой.

122. Непозволительно, чтобы посетители, теряя время, подвергались мучениям, ибо это далеко от царской заботливости.

VIII. 123. Кроме того, воинам следует ходить (на занятия) гимнастическими упражнениями. Правитель должен предводительствовать ими как наставник и воспитатель. Ведь нетренированные (воины) неопытны и невыносливы.

124. Опытность и мастерство укрепляются изучением и упражнением. Прекрасно сказано, что “привычка – вторая натура”¹⁴⁹.

125. Ведь (люди), “приученные” терпеть и переносить тяготы, даже если они будут “немоощными” или “старыми”, выносливее людей цветущих, “сильных”, но “непривыкших” к ним¹⁵⁰.

126. И доказательством этому служат те, кто помогает при строительстве домов и посадке растений, чье занятие – копка и ношение тяжестей.

127. Также и тот, кто приучен ездить верхом и в то же время носить оружие, крепко держа копьё или меч, наносить с юношеской силой смертельный удар и “щит из воловьей кожи направлять направо и налево”¹⁵¹, никогда не оказывается непригодным в военных сражениях, но одерживает верх над многими более сильными, но неопытными¹⁵².

128. “Перехват маленького мяча” палкой¹⁵³, обведение его кругом, подбрасывание в воздух и получение его обратно с правой стороны¹⁵⁴, а также другие игры – я не знаю, насколько они могут способствовать сражению в тяжелом вооружении и благородному и мужественному военному противостоянию.

129. И если кто-то напрасно связывает (с играми) подвижность в сражениях, тот добавил бы к ним и “хитринду”¹⁵⁵, в особенности из-за ее “обходного движения”¹⁵⁶, или же “прыганье на одной ноге”¹⁵⁷, чтобы во время бега или прыжков не спотыкаться. Даже если бы мы признали эти (упражнения), то, на что мы указали раньше, более предпочтительно, поскольку наряду с подвижностью воспитывает одновременно и всякое другое воинское умение и выносливость.

130. Не очень полезно также, взяв в обе руки два камня и сначала, как на весах, их покачав и уравновесив, затем подвигав вместе с ними обе руки вперед и

назад, одновременно приведя в движение и колебание остальное тело, после столь большого промедления прыгать и еще раз прыгать¹⁵⁸.

131. Итак, тот, кто хочет постичь науку “прославляющего мужей сражения”¹⁵⁹ сам и (по совету) окружающих его, должен скорее предпочитать бег с тяжелым вооружением, прыжки без него и вместе с ним, борьбу и метание копья, перенося с собой, если возможно повсюду, тяжесть вооружения¹⁶⁰.

132. Однажды варвары окружили римлян. Римляне же, разбив на отряды их прямоугольную колонну, внезапно обошли окружающих их (врагов), и, заперев со всех сторон, истребили их, метая копья. Ведь они были заранее подготовлены к метанию копья, езде на лошади с тяжелым вооружением, быстрому бегу, умению поворачиваться (и были обучены тому), как следует избегать окружения и самим окружать¹⁶¹. “Упражнение же действительно” всякое “действие усиливает”¹⁶² и улучшает. Поэтому среди самых необходимых (дел) – заранее подготовиться ко всему, что касается войны, не совмещать военное действие и тренировку и, как неким таблицам умножения, предварительно тщательно учиться упражнениям для более легкого свершения великих (дел).

IX. 133. Если же есть подходящее время, чтобы получить опыт и на море, то не следует от него отказываться¹⁶³.

134. Ведь он (опыт) очень полезен для морского сражения, поскольку на (палубе) корабля, как на скале, утверждает непоколебимо тяжеловооруженного воина, подобно другому Эвфему, который ничего не претерпевал от тяжести волн¹⁶⁴. Но (человек), не приобретший опыта, при первом же штурме оказывается побежденным, даже если при других обстоятельствах он – непобедимый воин.

135. Ведь он не может противостоять врагам на море, если при качании триеры¹⁶⁵ страдает от морской болезни, головокружения и валится с ног.

136. Я превозношу древних афинян, которые упражнением в речах и законах поделили жизнь на сухопутные и морские сражения, благодаря чему они сделали мышление рассудительным, обучили язык, установили законность, сохранили свободу, отличились частыми победами и прославились многочисленными доблестями.

137. Сначала они опозорили Дария, сына Гистаспа и отца Ксеркса¹⁶⁶ (когда он против них отправил Датиса и Артаферна), обратив в бегство при Марафоне¹⁶⁷ трехсоттысячное персидское войско¹⁶⁸ девятью тысячами (афинян) и тысячью платейцев¹⁶⁹. Тогда Мильтиад и Стесилай были стратегами¹⁷⁰, Каллимах же и Кинегир – полемархами¹⁷¹.

138. Позже, когда остальная Эллада¹⁷² помогала им в войне, они победили Ксеркса¹⁷³. Прежде он безмерно хвалился, перемещал стихии, делая сушу морем и море сушей, ударял и заключал в оковы неповинующееся (море)¹⁷⁴ (и) – какое сумасшествие! – измерял войско протяженностью стен, как медимном¹⁷⁵, вследствие его неисчислимости, осушал реки на своем пути, когда его лошади, опустив головы, пили из них воду¹⁷⁶, такие, как Скамандр¹⁷⁷ во Фригии¹⁷⁸, Пеней¹⁷⁹ в Фессалии¹⁸⁰, Илосс¹⁸¹ в Аттике¹⁸², и затмевал солнце, метая стрелы. (После) Ксеркс на одном корабле с трудом спасся из (реки) Стримона¹⁸³, избежав в тяжелой борьбе и с большим усилием рук афинян, после того как сначала в морском сражении при Саламине¹⁸⁴ потерпел поражение, где участвовали двести семьдесят один корабль афинян и их союзников, персидских же – две тысячи двести семь¹⁸⁵;

139. а затем был окончательно побежден на суше и потерял пять миллионов воинов и людей, не принимавших участия в войне, (из которых) одни погибли в

сражении, другие – от голода и холода во время бегства. Я не знаю, кто из них увидел Персию¹⁸⁶.

140. Такие <деяния> могут совершаться благодаря предварительному упражнению и опыту в военных делах, когда разум содействует и помогает получать трофеи.

Х. 141. Важнее и эффективнее всего в <военных> делах не растрчивать и не проматывать время при их подготовке, не “медлить с победой”¹⁸⁷ в предприятиях или идти к цели¹⁸⁸ медленнее или “леннее Харинада”¹⁸⁹. Напротив, следует заранее подготовиться ко всем неожиданностям и привести в состояние готовности все посты караула и обороны, даже если мир еще существует или является предметом надежды. Если же появилась какая-то необходимость <в действии> на пользу себе или во вред врагам, то следует напасть <на врага> внезапно и неожиданно, со всей силой, какая есть.

142. Ведь время движется быстро, и, если оно пробежало мимо, никто его не может “схватить”, даже если бы Зет и Калаид, крылатые сыновья Борей¹⁹⁰, бегом устремились за ним.

143. Поэтому Лисипп Сикионский¹⁹¹, прекрасно изображая однажды символами, что есть время, представил его глухим, сзади плешивым, с крылатыми ногами, идущим по шару и протягивающим кинжал кому-то позади. Он показал этим, что время не может повернуться вспять, когда его кто-то зовет, потому что является глухим, и никто его сзади не может удержать, схватив за волосы, ведь задняя часть головы обнажена¹⁹².

144. Каким образом вообще кто-нибудь может “схватить” уже прошедшее мимо <время>, которое столь быстро движется, благодаря <крылатым> ногам и ходьбе <по шару>? Осознающий потерю может обнажить меч печали, чтобы “душу терзать”¹⁹³.

145. Ганнибал¹⁹⁴, предводитель африканского и сицилийского войск, после того как римляне выступили против сицилийцев, предупреждает их нападение и, тщательно расчистив недоступные <проходы> Альпийских гор, отправляется через них в Италию и, по-разному выстраивая <войска> против римлян, различными способами их побеждает¹⁹⁵.

146. В конечном итоге, он, напав, наносит неслыханное поражение <римлянам>¹⁹⁶, собравшим и расположившим по Калаврии столь большое количество <войска>. Ведь рассказывают, что перстни убитых измерялись медимнами¹⁹⁷ и что римлянки из-за потери мужей стали жить с варварами и рабами.

147. Но столь великий победитель, расслабленный высокомерием и роскошью и предпочтя окончанию дела, <то есть> захвату Рима или даже его разрушению¹⁹⁸, распущенность, там был преследуем полководцем римлян Сципионом¹⁹⁹. Достигнув как беглец Вифинии²⁰⁰, он умер, <приняв> яд²⁰¹.

148. Другие пострадали при иных обстоятельствах, когда пренебрегли подходящим временем. Итак, следует спешить хватать встретившийся “удобный момент”²⁰² и не позволять ему пройти мимо из-за того, что в это время мы ищем выгоду и готовимся²⁰³, или из-за того, что мы ленимся, медлим и ждем удачи, самой свершающей дела, вместо того, чтобы применить знание, позволяющее с успехом достичь пользы²⁰⁴.

149. Ведь лучшим кормчим является тот, кто не теряет напрасно время, благоприятное для плавания, и у кого в хорошем состоянии находятся рули, паруса, канаты и другое снаряжение для корабля, хотя море спокойно, а погода ясная. Он постоянно бдителен и пребывает в непрерывных заботах, чтобы, если под-

нимется шквал, если начнется волнение на море, он тотчас мог противостоять им, одержать верх и привести корабль в хорошие гавани²⁰⁵.

150. Тот, кто пренебрегает необходимым для корабля или упускает необдуманно подходящее время для благополучного плавания и вообще из-за беспечности ковыляет и с трудом продвигается в работе, скорее топит в море корабль, нежели является кормчим. И если корабль смог спастись от бездны морской и оказался сильнее волн, то это произошло случайно; легкомысленное же поведение управляющего кораблем иногда превращает «эту удачу» в ее противоположность²⁰⁶.

151. Итак, не следует, чтобы предводитель был неготовым или медлительным, но, будучи подготовленным во всех делах управления, он должен быть быстрым и проворным. Он должен приходить, «словно» по воздуху, для обороны и сохранения принадлежащего ему, для погони и приобретения не принадлежащего «ему» и не быть похожим на беспорядочных и безумных Асклепиадов²⁰⁷. Вторые из них²⁰⁸ решают использовать лекарства только в случае крайней степени необходимости и, может быть, не находя их, придумывают большие бессмыслицы²⁰⁹, говоря: «Нам было бы легче всего бороться против болезни, если бы у нас было именно это спасительное средство. Ведь оно имеет такую-то силу, а болезнь возникла из-за такого-то дурного смешения»²¹⁰.

152. Остальные «врачи»²¹¹ возлагают все на природу, нагружая больных дополнительной «бесполезной тяжестью»²¹². И если кто-нибудь обвиняет их в бездействии, они говорят, что являются «помощниками природы»²¹³, устраняя тем самым остальную часть текста из своих книг²¹⁴.

153. Я уже не говорю²¹⁵ о том, что они часто противодействуют природе, оказываясь никоим образом не «врачами»²¹⁶, а скорее истребителями и «губителями людей»²¹⁷.

154. Надо подражать знающим и разумным «врачам», потому что это полезно и ценно. Они, зная, что «подходящее время мимолетно»²¹⁸, со всей готовностью стоят на самой линии отправления, чтобы за короткое время сохранить имеющееся благо и вернуть назад отсутствующее. Они не упускают благоприятный момент, но, вызывая его своими действиями, «притягивают» его поскорее и затем, когда он пришел, незамедлительно и стремительно используют для хорошего дела. Путь будет так.

XI. 155. Судьями и зрителями рынков в общинах и городах следует назначать «людей», не пожирающих человеческие печени²¹⁹, как, говорят, «поглощал» орел на скифском Кавказе²²⁰ печень Прометея, похитившего огонь²²¹. Но «следует назначать людей», которые искореняют безрассудное желание, устраняют жадность, вводят правосудие, обучают дисциплине, карают всякое «неуместное деяние»²²², обращают внимание на законность и исправление, а не на противозаконный сбор денег и грабеж граждан; людей, которые превосходят большинство умом и не походят на Коройбоса²²³, Маргита²²⁴ и Мелетида²²⁵.

156. Первый из них, обходя морские берега, считал волны и, доходя до трех, возвращался, не зная, как дальше продвигаться («в счете»). Второй расспрашивал «людей», чтобы узнать, кто из двух родителей, зачав его, родил. Последний же, ни девственность ценя, ни непорочность избрав для себя, отказывался вступить в связь с законной супругой, говоря, что боится того, как бы он не был наказан за связь, будучи обвиненным ее матерью.

157. (Не следует назначать) и диаметрально противоположных им людей, «таких, как» Какус²²⁶, Автолик²²⁷, Эврибат²²⁸, которые тайно вводят задом в свои убежища ворующих животных так, чтобы казалось, что вводимые скорее

выходят оттуда; перекрашивают, меняют (форму животных) и разнообразными способами обманывают их владельцев; взбираются и ходят по кручам на глазах у смотрящих и, подобно вихрю, уносятся, становятся незаметными, бесследно исчезают и опять разнообразно изменяются, подобно некоему Нерею²²⁹ или Периклемену²³⁰, или Протею, египетскому мудрецу²³¹, возвращение которого в Египет из Паллены Фракийской²³² по подводным безднам и ущельям изображают как необыкновенное и непонятное.

158. Напротив, (следует назначать людей), которые избежали глупости и испорченности одновременно. Справедливо, чтобы зрители за другими были украшены благоразумием. Ибо, когда таким образом изгоняются дела безумия, благопристойность становится присуща множеству людей, а величайшая слава — управляющему таким народом.

159. Подобаает, чтобы судьи и зрители были такими, как араб Гуней, Кефал из италийцев, причисленный к разряду граждан Афин, Аристид и Аристофон, коренные афиняне.

160. Гуней²³³, будучи самым справедливым судьей, испытывал отвращение ко всякому корыстолюбию, обещивал и наказывал грабителей. Когда однажды вавилоняне и финикийцы стали враждовать, он пришел к ним по просьбе Семирамиды²³⁴. Появившись, Гуней разрешил распрю и примирил народы, пристыдив враждующих своим нравом.

161. Когда Аристид²³⁵, осужденный на изгнание посредством ostracism²³⁶, спросил, чем он мешает, он услышал: “Ты слишком справедлив и для большинства неудобен”.

162. Подобное (произошло) и в Риме с полководцем Марцием²³⁷. Город оплакивал, когда его изгоняли за справедливость из родной земли. Сам же Марций остался непреклонным и нисколько не отступил от своей твердости.

163. Кефал²³⁸ был почти безупречен. Если бы не появился ложный донос из-за предварительно не обсужденного (им) решения, никто ни в чем не мог бы упрекнуть мужа.

164. Напротив, Аристофон²³⁹, которого обвиняли на протяжении (всей его) жизни (ибо его ненависть к пороку, порождающая политических противников, не ослабевала), выходил из каждого суда одержавшим победу.

165. Если же трудно таких мужей находить ныне, то это потому, что они презираются, дурные же, которых предпочитают, преуспевают. Ибо все, что ищут и ценят, преумножается и говорит открыто; то же, о чем не заботятся, чахнет и теряется из виду²⁴⁰.

166. По какой другой причине угасло у нас высокое мышление²⁴¹ и испортилась благопристойность нравов, как не из-за их отстранения и избрания противоположных им (людей) в государственные и духовные достоинства?

167. Разве не известно, насколько способствует хорошей или дурной славе (правителя) то, что приближенные к верховной власти полководцы, преторы²⁴², иерархи и правители городов воспеваются такими или таковыми²⁴³, и сколько отсюда проистекает пользы или вреда не только для толпы, но и для самой (власти)?

168. Ведь откуда разум ушел, туда обрушиваются слова и действия безумия. Откуда была изгнана добродетель, туда вторгаются с грохотом деяния порока.

169. Итак, что делает превосходящего величайшим и славнейшим? Слух о том, что он обладает разумом и величием нрава и вместе с тем высоко ставит их,

170. или, наоборот, известно о том, что он укореняет в себе невежество и глупость и ценит их? Ибо пренебрежение образованными (людьми), приближение к себе ничтожных²⁴⁴ и их возвышение являются ничем иным, как восхвале-

нием порока и отвержением добродетели, восхищением безрассудством и “удалением” разума.

171. Такое суждение свойственно, по общему мнению, толпе и тому, кто сродни ей²⁴⁵. Вследствие этого необходимо возвышать²⁴⁶ достойных мужей²⁴⁷, чтобы делающий это вызывал у многих усердие в серьезных делах, себе же “приобретал неизмеримо большую славу”²⁴⁸.

XII. 172. Сущность благ – всегда пристально смотреть на Господа и, с одной стороны, спешить, строить и охранять со всей присущей человеку силой, ибо небрежность является совершенной глупостью, ничем не уступающей глупости вошедшего в поговорку погонщика быков²⁴⁹. Однако, с другой стороны, успех (дела), его осуществление и сохранение следует ожидать от сострадающего Бога

173. и приписывать его удачное завершение нашему стремлению (к Богу), и угождению ему, а также нашим трудам. Но более всего управление (делами), их завершение и сохранение осуществляются благодаря Вышней благосклонности, которая помогает невидимым образом низвергать противников.

174. Мы знаем, что таким образом действовал Езекия²⁵⁰, когда Сеннахерим²⁵¹ отправился в поход против Иерусалима. Вне города он уничтожил (запасы) продовольствия, загородил родники, выкопал рвы, вбил дополнительные колья, усилил стены надстройками, зубцами, наружными укреплениями. Внутри же (города) собрал и вооружил стражей, подготовил лучников, пелтастов²⁵² и пращников, метających камни из рук и орудий²⁵³,

175. выбрал начальников гарнизона и “предводителей”²⁵⁴, расставил “дозорных”²⁵⁵, набрал стражников и принял все меры безопасности.

176. Однако от одного только Всевышнего он ожидал избавления и ночью и днем и в “стеснении сердца”²⁵⁶ испрашивал у Него спасения от несчастий.

177. Вследствие этого, “он не посрамился” и не ошибся “в уповании”²⁵⁷. Ведь тем временем дерзкий и ужасный (Сеннахерим), вторгшийся в землю иудеев, поворачивает назад, толкаемый “духом трусости”²⁵⁸. Поручив своим полководцам с многочисленным войском вести осаду Иерусалима,

178. он отправляет царю нечестивое послание. Прочитав его, мудрый царь, негодуя и причитая, приходит в храм и, “развернув” там письмо, говорит следующее: «Посмотри, владыка Саваоф²⁵⁹, сколько “брани произнес” Сеннахерим против имени твоего святого. “Спаси нас от руки его”, Повелитель. “Пусть он узнает”, что ты являешься “единственным” Богом»²⁶⁰.

179. Итак, что же делает Тот, кто внемлет стомам доверившихся ему (людей), “сокрушает войны”²⁶¹, низвергает “высокомерных”²⁶², умерщвляет “нечестивых”²⁶³, низводит в Ад “грешников”²⁶⁴? Он уничтожает сто восемьдесят пять тысяч врагов в течение ночи, и те, кто хватился вскоре уничтожить и разграбить город Бога, (сами) в кратчайшее время уничтожаются и лишаются душ. Тогда ассириец избежал гибели, чтобы познал могущество хулимого (им), чтобы он “облекся в позор”²⁶⁵, чтобы “лицо его преисполнилось бесчестьем”²⁶⁶ и чтобы, став ничтожным, он достиг Ниневии²⁶⁷.

180. Затем, понеся достойное наказание за то, что неистовствовал против Творца, он был убит потомками²⁶⁸.

181. Царем у иудеев был и Иосафат²⁶⁹. Когда разноплеменное множество язычников двинулось против него, он по необходимости приготовился к противоборству, собрав и вооружив, как следовало, свой народ и наилучшим образом приведя в порядок (средства) военной борьбы.

182. Однако он не доверился ни множеству подданных, ни оружию, ни военному опыту, но обратился к одному только действительно могущественному по-

мощнику и всесильному Защитнику, умилостивив его постом и слезами и склонив к этому всех своих (подданных). (Подготовившись) таким образом, он выступил против врага, впереди же всего войска шли, призывая Бога²⁷⁰, левиты²⁷¹.

183. Что же потом? Он приводит войско на некий холм, тогда как воинства врагов устремляются друг против друга.

184. Первыми были убиты идумейцы²⁷² моавитянами²⁷³ и аммонитянами²⁷⁴. Затем и эти роды уничтожают друг друга.

185. И царь вместе с подчиненными, выстроившись в боевом порядке на возвышенности, только наблюдал избиение врагов. Когда все множество иноземцев пало и было разграблено за три дня, а вся добыча вывезена,

186. (Бог), который руководил столь великой победой, (одержанной) без борьбы, был восхвален, и равнина, где свершилось удивительное событие, получила название “Благословения”²⁷⁵.

187. Такие (деяния) может совершать крепкая и непоколебимая надежда на Бога. Рождает же эту (надежду) жизнь, угодная Богу.

188. Ибо если кого-то кто-то радуется, тем он любим; к любящему же он имеет доверие. Тот же, (кто любит), не огорчает, не отворачивается и не отвергает его. В противном же случае случается противоположное.

189. Без сомнения, и Израилю, когда он исполнял божественные законы, сопутствовала удача; когда же он нарушал их – бедствие.

190. И для (израильского народа), ревностно ищущего Бога, расширились “земли для поселения”²⁷⁶, ему позволялось владеть чужими (уделами), “стены сами собой”²⁷⁷ рушились, города легко покорялись, ряды язычников разрубались, во множестве низвергаемый “град”²⁷⁸ поражал бегущих в страхе неприятелей,

191. “солнце останавливалось”, задерживая “день”²⁷⁹ до полной гибели врагов, “трехстами мужами” и таким же количеством “кувшинов и факелов”²⁸⁰ и труб устрашались и уничтожались десятки тысяч неприятелей, от одной руки и “сошника” “шестьсот”²⁸¹ (человек) погибало,

192. в другой раз мощью одной правой руки и “челюстью осла” умерщвлялась “тысяча”²⁸² (человек).

193. Кто мог бы рассказать о процветании, о почестях, об отсутствии болезней и смертей, о прибавлении годов к сроку жизни, (то есть о событиях), предвещаемых обратным движением солнца, удлинением дней и более продолжительным присутствием света? (Кто мог бы рассказать) о том, что было до этого: о стоячей воде реки²⁸³, о скале, образующей озеро²⁸⁴, о питающем дожде²⁸⁵, о разделении моря²⁸⁶, о погружении в море преследователей²⁸⁷, о “столпе огня и облака”²⁸⁸, двигающемся впереди и показывающем дорогу, о несчастьях Египта²⁸⁹ и наказаниях шестисот тысяч²⁹⁰ и гораздо большего (числа людей), о “преумножении” “семидесяти пяти”²⁹¹ человек, хотя и окружающих со всех сторон столь многочисленными опасностями?

194. Действительно, благодеяния могущественнее и слова, и природы²⁹². С другой стороны, на (израильтян), “уклоняющихся от путей”²⁹³ Господа и совершенно пренебрегающих его законами, навлекаются “холера”²⁹⁴ и укусы ядовитых животных²⁹⁵, засыпание землей²⁹⁶, воспламенение огнем и обращение в пепел²⁹⁷, превращение врагами мужей в трусов²⁹⁸, поражения и необыкновенные уничтожения²⁹⁹, разрушения городов, пленение родственников, порабощения³⁰⁰, разнообразные притеснения, междоусобные сражения и убийства³⁰¹; а кроме этого, засухи, неурожаи, голод,

195. порча воздуха, чума, мучения, причинение вреда злыми духами, которые пытаются и душат, проказа, неподвижность членов, разъедание и гниение внутренностей и острейшие боли³⁰².

196. Может ли кто-нибудь перечислить наказания и разнообразные способы уничтожения хулителей Бога?

197. Грядущие наказания³⁰³ гораздо мучительнее упомянутых и, что хуже всего, вечные.

198. К ним направляют не возвратившихся (к Богу)³⁰⁴ и не получивших пощады в этой жизни, их удел – невыносимый стыд. Тем же, кто смотрит на Господа и достойным образом представляет ему свое дело, слово и размышление, в этом мире (предназначаются) восхищение, почет, вечная память в прославлениях, разумная и священная радость из-за особого характера совершаемых дел и из-за ожидания воздаяния.

199. Кто опишет небесные жилища³⁰⁵? Какой глаз видел их? Какое “ухо слышало” их? В “сердце” какого земного (человека) они “вошли”³⁰⁶?

200. Наслаждение, великолепие, слава, ликование, приготовленные для возлюбивших Бога, являются невиданными, неслыханными, недоступными для понимания всякому смертному вследствие их высочайшего превосходства.

201. Итак, отказ от столь большой известности, столь большого обилия благ из-за низкого желания и, наоборот, предпочтение двойного бесславия³⁰⁷ вместе с упомянутыми невыносимыми страданиями – какое это безумие!

ХIII. 202. Когда ум сколько-нибудь протрезвеет, осознает себя как низвергающегося в нечистоты страстей и вошедшего в поговорку, тогда некто обнаружит, что в этой жизни неприятность превосходят кажущееся удовольствие.

203. Мы знаем, что когда находящийся во власти (страстей) подозревает, что есть бранящие его (люди), которые (в действительности) таковыми не являются, он преумножает зло, иногда обманутый безумными подозрениями, иногда введенный в заблуждение коварной ложью³⁰⁸.

204. Ибо ничто так не открывает доступ клевете, как необоснованное обвинение (самого себя) за неуместные (поступки).

205. Но (человек), самовластно управляющий своими безумными стремлениями, “в небо упирает голову”³⁰⁹ и, созерцая свое возвышенное положение, ни на кого, с земли кричащего, не обращает внимания, не слышит никакой насмешки, поскольку не видит в себе ничего достойного порицания.

206. Ибо как совершающий нечто постыдное сам чувствует свое бесчестие, даже если никто его не порицает, так и делающий нечто достойное похвалы (считает себя) самым почитаемым, даже если очень многие попусту лают на него.

207. Итак, если поступок плохой, его следует исправлять более решительно, нежели египтяне, которые во время очищений душ³¹⁰ имели обыкновение делать это посредством “(ругани) из повозки”³¹¹. Если же нет, то болтающего против кого-нибудь следует оставлять без внимания как безумного, как бешеного.

208. Это – древнее и разумное наставление, ибо чем скрытая от глаз болтовня может навредить открыто прославленному всеми?

209. Если же порицание порождено не беспричинным³¹² страданием, то следует уничтожить его корень, вместе с ним погибнет и побег.

210. Нечто подобное сделал Филипп³¹³. Ибо, услышав, что Никанор³¹⁴ клеветает на него, – еще раньше (Филиппа) обвинил Парменион³¹⁵ – он отыскал то, из-за чего (это делалось), и, обнаружив нужду, обогатил хулителя.

211. С того времени Никанор не прекращал прославлять благодетеля и превозносить так, что царь, узнав об этом, объявил, что сами архонты являются причиной как их одобрений, так и порицаний.

95. Поэтому, как известно, когда Гиппоной Коринфский¹⁰³ после столь многочисленных побед – бегства из сетей несправедливых желаний Антея¹⁰⁴ и его еще более несправедливых козней, бегства от солимов¹⁰⁵, амазонок¹⁰⁶, после победоносного нападения на засаду еще более сильных ликийцев¹⁰⁷, – попытался дерзко пролететь через эфир¹⁰⁸ на Пегасе¹⁰⁹, он низвергся головой вниз, повредил зрение и “скитается по Алейской равнине”¹¹⁰, не найдя себе пока проводника.

96. Подобное (происходит) с надменным и хвастливым умом, даже если прежде он одержал верх над встретившейся ему негой удовольствия, а затем погасил находившееся внутри него пламя (желаний)¹¹¹, уничтожил голову гнева и разрубил поводья корыстолюбия, преодолев бунт и засаду страстей тем, что возвысился над всяким низменным состоянием. Если же он презирает не только дурное, но уже и то, что лучше и возвышеннее, пренебрегая исполнением должного¹¹² и не замечая совета другого разумного (человека), то он низвергается, как и при первом падении¹¹³. Тогда, будучи ослепленным и лишенным способности видеть, он скитается в одиночестве, без всякого проводника, ни о чем полезном не имея понятия, окружаемый шумом сомна ветров, волн и тщетными волнениями. Или же он погружается в пучину зла, потеряв, как Икар, перья, из-за того, что залетел слишком высоко и надменно поднялся ввысь против солнечного сияния¹¹⁴.

97. Я оставляю без внимания Ликаонидов, которых поразил гром вместе с основателем их безумия и их рода¹¹⁵,

98. гремящего шкурой Салмоная, испытавшего ту же участь, (как и) новый город, уничтоженный вместе с жителями¹¹⁶; (а также) Алоадов, истребивших друг друга на земле прежде, чем они, взгромоздив Оссу на Олимп, на Оссу же → Пелион, поднялись к небесам¹¹⁷, и другие приступы высокомерия и их губительные последствия.

99. Поэтому образ мыслей, исполненный гордыни, следует изгнать дальше всего, так как он может (поистине) уничтожить (человека), умеренный же образ мыслей следует усвоить, так как он дает устойчивость и опору человеку,

100. и соединить (его) с остротой разума. Необходимо принять это лучшее сочетание или соединение, то есть “стальной меч” Гермеса¹¹⁸. Благодаря ему славный Персей, разумный муж и боец против безрассудства¹¹⁹, и, отрубив в действительности не одну, а все три упомянутые горгонины¹²⁰ головы порочного желания¹²¹, победил страсть, которая при взгляде на отрубленные головы окаменела и стала совершенно неспособной к действию и движению. Разум знает, что эта умеренность и скромность есть огонь, который в соединении с верным суждением сжигает поднявшегося змея и полностью уничтожает рожденную из него гидру, то есть зло, возникающее разными путями¹²².

101. Ибо правильная рассудочность отсекает порочность, а огонь (умеренности) не позволяет (расти) ее побегам. Это – и великолепная, и действительно царская колесница, которая, словно пламя, встречает тех, кто оказывает сопротивление, однако самого ездока не сбрасывает, как Фаэтона¹²³, из-за того, что он непрочно сидел, но с большой безопасностью несет его вверх к вершине небес и делает его хорошо видимым “до” самых “краев ойкумены”¹²⁴. О нем пророческая похвала возгласила: “Твой молнии явились миру”¹²⁵.

102. Каждый человек на земле, увидев их, “был потрясен”¹²⁶ и испуган. Ведь царь, наряду с другими царскими добродетелями обладающий умеренностью, – что еще следует добавить? – уподобляется¹²⁷ самому “Склонившему небеса”¹²⁸ и Снизшедшему до “образа раба”¹²⁹ “Царю славы”, для Которого “поднялись вечные врата” и Который вознесся вместе с телом выше всякой надмирной власти¹³⁰.

103. Именно богоподобнейший царь, неся в себе Его образ, наслаждается тем, что обнаруживает царственную красоту, и радуется тому, что вытесняет чуждое ему безобразие.

104. Я хорошо знаю это, будучи научен очевидностью. Ибо, поскольку правитель является образцом добродетели и превосходит по красоте почитаемый (образец) Поликлета¹³¹, он торжествует, как видно, в обоих случаях: из-за присоединения и провозглашения родственного ему и из-за отстранения и пренебрежения чуждым. Его радует, когда хвалят любимое и сродное, а также когда порицают враждебное и несовместимое. Таким образом из противоположностей посредством противоположных действий получается родственность.

VII. 105. Нет ничего более подходящего для серьезного человека, чем истинная радость, которая рождается из разрушения иллюзии, из тяжелых трудов, из пота, из усилия, когда осознание преодоления снимает горечь преодолеваемого, а победа приносит с собой помогающую побеждать радость¹³².

106. Иногда эту радость доставляет и страдание из-за осуждения, (если только осуждение) не перешло границы и не занесло (человека) на утес отчаяния. Ибо и слабительные средства вредны телу живого существа. Однако, выводя плохое вещество, они делают его здоровым, если только очищение не чрезмерно и одновременно не удаляется то, что необходимо для организма.

107. Конечно, эти очищающие средства или противоядия (пригодны), пожалуй, лишь для тех, кто не достиг крайней и самой страшной стадии болезни, когда (больные) уже не принимают (лекарств). В этом случае отклонение устраняется при помощи его порицаний, и принимающий (лекарства) исправляется благодаря хорошим о себе словам. Для хорошего же и доброго (человека предписывается) лучшее из питания и приправ, которым он радуется, благодаря которым чувствует себя хорошо, без которых считает, что жизнь для него – не жизнь.

108. Ибо он, будучи разумным (человеком), усердно старается питать и наслаждать разум и решает, таким образом, жить и жить прекрасно.

109. Пусть эта речь украшает царскую статую для дальнейшего украшения ее оригинала.

110. Самое прекрасное украшение – истина. Так как она – свет, то высочайший (правитель), одетый в нее, всем виден и известен, ибо привлекает к себе (взоры) всех¹³³.

111. Если же он скрывается за мраком лжи, как его можно увидеть? Разве что только он нависает тьмой, которая сравнима с иными сияниями, подобными черному облаку, когда некий инородный свет проливается в атмосферу.

112. Поэтому пусть “тенедосский топор”¹³⁴ угрожает лжи, чтобы она отступала¹³⁵, страшась и опасаясь уничтожения. Или пусть ей предназначаются длинная линия¹³⁶, черный камешек¹³⁷ или удаление “в Киносарг”¹³⁸.

113. Одна только правда пусть говорит свободно. Предметом особого усердия должно быть и то, чтобы исполнять обещанное быстрее, нежели давать обещания. Ибо промедление на короткое время обнаруживает осмотрительность,

114. тогда как (промедление) на очень длительное время есть часть пирронового воздержания от окончательного суждения¹³⁹. Если обещанное кем-то не исполняется тотчас, то разве это не обнаруживает неуверенность после принятия решения?

115. И если в итоге (обещание) не исполняется¹⁴⁰, то (это означает), что само основание рассудка является подгнившим.

¹⁵ Ср.: “Ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли правиться о Церкви Божией?” (Первое послание к Тимофею св. апостола Павла 3. 4–5).

¹⁶ Кирка (Цирцея) – волшебница, превратившая в свиней спутников Одиссея.

¹⁷ Речь идет о волшебной траве “моли”, которую Гермес передал Одиссею для освобождения его спутников от чар Кирки. Траву следовало бросить в выпиток, приготовленный Кирке, и, выхватив меч, разрушить ее колдовство.

¹⁸ То есть Одиссей.

¹⁹ Пеан – просительная или благодарственная священная песнь в честь бога жества. Такой же совет – слушать священные гимны (пеаны) – давал и Платон гражданам идеального государства (*Платон. Законы* / Пер. с греч. А.Н. Егунцова // Сочинения. М., 1994. Т. 4. 7.799а–800а).

²⁰ Пс. 67.19; Послание к ефесянам св. апостола Павла. 4. 8.

²¹ В тексте – $\tau\eta\lambda\epsilon\sigma\theta\acute{o}\lambda\omega\nu \delta\acute{\iota}\mu\alpha\tau\iota$. Встречается у Аристофана (*Nubes*. 290: $\tau\eta\lambda\epsilon\sigma\theta\acute{o}\lambda\omega \delta\acute{\iota}\mu\alpha\tau\iota$).

²² Аналогичный сюжет имеется у Платона (*Государство*. 613b–e).

²³ Александр III Македонский (356–323 гг. до н.э.) – правитель Македонии с 336 г. до н.э.

²⁴ Дарий III – последний царь Персии (336–330 гг. до н.э.) из династии Ахеменидов. Потерпел поражение в войне с Александром Македонским.

²⁵ Рассказ о пленении Александром Македонским семьи Дария III был очень популярным в древности сюжетом. Даже при самом беглом знакомстве с источниками мы обнаруживаем его в “Исторической библиотеке” Диодора Сицилийского, “Походе Александра” Флавия Арриана, “Эпитоме сочинения Помпея Трога” Марка Юстина, “Истории Александра Македонского” Квинта Курция Руфа, биографии Александра, составленной Плутархом. Л.А. Фрейберг добавляет к этому перечню “Аттические ночи” Авла Геллия и сочинение Василия Кесарийского “Как молодым людям извлечь пользу из книг языческих. (Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. М. 1978. С. 187). Отличия касаются лишь вопросов о том, кто именно из членов семьи Дария попал в плен к Александру Македонскому и встречался ли сам царь с пленницами. Однако все авторы единодушны в оценке Александра Македонского. Он вел себя благородно, оказывая пленникам всяческий почет и уважение сообразно их царскому достоинству.

²⁶ Кир II Великий (Старший) – основатель Персидского государства (558–529 гг. до н.э.). Завоевал Мидию, Лидию и Вавилонию.

²⁷ Панфея – плененная Киром II царица Суз, жена царя Абрадата. Ксенофону принадлежит знаменитый в античности рассказ о любви Панфеи и Абрадата (*Киропедия* / Пер. с греч. В.Г. Боруховича, Э.Д. Фролова. М., 1993. V.1.2–19; VI.1.31–51; VI.4.2–11; VII.3.2–16). В нем автор представил Панфею как идеал женской красоты и верности.

²⁸ Сузийцы – жители Суз, города в Сузиане (современный иранский Хузестан), позднее ставшего весенней резиденцией персидских царей.

²⁹ Влеммид достаточно точно передает суть рассказа Ксенофонта о Кире, согласно которому Кир ставил самообладание и целомудрие выше всех иных царских достоинств (*Киропедия*. V.1).

³⁰ Досл.: находящийся в плохом телесном состоянии ($\mu\alpha\chi\eta\mu\tau\acute{o}\upsilon\tau\omicron\varsigma$).

³¹ Точнее: так как бессилен в том, что касается напряжения души ($\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\delta\eta\ \tau\acute{o}\nu\omicron\nu\ \tau\eta\varsigma\ \psi\upsilon\chi\eta\varsigma\ \lambda\alpha\rho\alpha\lambda\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\tau\alpha\iota$).

³² Сарданапал – последний царь древнеассирийского царства, известный сво-

ей любовью к роскоши и удовольствиям. Будучи осажденным в своей столице Ниневии, он сжег себя вместе со своим дворцом около 800 г. до н.э.

³³ Арсак (или Арбак) – мидянин, организовавший заговор и поднявший восстание против Сарданапала. Осаждал царя в Ниневии в течение двух лет, пока тот не сжег себя во дворце.

³⁴ Никифор Влеммид в период с 1215 по 1221/1222 г. сначала в Эфесе, а затем в Смирне изучал врачебное искусство. Позже он вместе с отцом в течение года занимался медицинской практикой. Поэтому неудивительно, что “Царская статуя” содержит множество примеров и аналогий из области медицины. С другой стороны, традиция проводить параллели между устройством государства и человеческим организмом ведет начало с античности. В частности, Платон, полагая, что государство “более всего по своему состоянию напоминает отдельно-го человека” (Государство. 462с), нередко проводит аналогии как с больным, так и здоровым человеком.

³⁵ В тексте – ὑλτίασεν.

³⁶ Точнее: помимо Белесиса, предсказывающего [и совершающего пинок] (ἢ Βελεσιῶς χρησμολογοῦντος [καὶ τοῦ λακτίζοντος]). Белесис – халдейский жрец, вместе с Арсаком (см. коммент. 33) участвовавший в заговоре против Сарданапала. Этими словами Влеммид хочет сказать, что главная причина гибели Сарданапала заключается в нем самом, а не в действиях заговорщиков.

³⁷ Скорее всего речь идет о Дарии I, царе Персии (522–486 гг. до н.э.). В этом случае Влеммид ошибается, поскольку Дарий был сыном Гистаспа, происходившего из боковой линии царского дома Ахеменидов. У Геродота (История / Пер. с греч. и примеч. Г.А. Стратановского. Л., 1972. I. 107–113) встречается миф о родстве Ахеменидов с последним правителем Мидии (ок. 585–553 гг. до н.э.). Однако, согласно ему, Астиаг был дедом Кира II.

³⁸ Астиаг, а не Дарий, обороняя Мидийское царство от персов, потерпел поражение в борьбе с Киrom II. Согласно Геродоту (I. 130), Кир сохранил жизнь Астиагу.

³⁹ Речь идет о Дарии III. Дарий потерпел поражение в войне с Александром Македонским, лишился трона и был убит персидским сатрапом Бессом.

⁴⁰ Вероятно, Влеммид говорит о завоевании Константинополя латинянами в 1204 г.

⁴¹ В тексте – τὸ ἄξιόζήλωτον οὐλόδομα. Здесь Влеммид иронизирует.

⁴² Σωφροσύνη (целомудрие, воздержанность, умеренность) рассматривается Влеммидом как одна из главнейших добродетелей правителя, без которой другие добродетели не могут реализовать себя в полной мере. Здесь проявляется крайне негативное отношение автора к женщине как абсолютному воплощению зла и порока, источнику слабости правителей. По этому вопросу см.: Ряшко Л.С. “Дружба” и “семья” в представлении Никифора Влеммида // История Византии и византийская археология. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1998. С. 39–41.

⁴³ Адонисовы сады – неперменный атрибут так называемых Адоний, празднеств в честь Адониса. Представляли собой наполненные землей глиняные сосуды или корзины, в которых были посажены скоро распускающиеся, но тотчас же и увядающие растения. Этим символически изображалась недолговечность расцвета в природе и жизни, живым примером которой и является судьба Адониса (Hesychius Lexicogr. s.v. Ἀδώνιδος κήλοι; Plutarchus. De sera numinis vindicta. 560 с. 3–7). Влеммид, вероятно, имеет в виду существовавшую в древности поговорку о садах Адониса. Смысл ее состоит в том, что люди часто довольствуются поверхностным суждением о явлении, не вникая в его суть (Suda. s.v.

'Αδώνιδος κῆποι). Ссылки на Суду (X в.) и Гесихия (V в.) приводятся по Thesaurus Linguae Graecae (TLG). Canon of Greek Authors and Works. 3rd ed. New York; Oxford: Oxford University Press, 1990. on CD.

44 Киприда – одно из прозвищ богини чувственной любви Афродиты (рим. Венеры), образованное от названия одного из главных мест ее культа – о-в Кипр.

45 Точнее: исполняющая то, что происходит случайно (ἀποτελοῦσα τὸ καθῶς ἔτυχε).

46 Ср.: “А сказывается рассудительность главным образом в том, чтобы не только повиноваться владыкам, но и самим быть владыками удовольствий, которые нам доставляют еда, питье и любовные утехы” (Платон. Государство. 389d-e).

47 Точнее: должны быть выброшены (ἀπερρίφθω).

48 Ср.: “Все вы друг другу родственники...” (Платон. Государство. 415a).

49 Точнее: там... здесь (ἐκεῖ... ἄνταῦθα).

50 Христианский мотив о равенстве всех людей перед Богом: “...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос” (Послание к колоссянам св. апостола Павла. 3.11).

51 Здесь чувствуется критика в адрес царствующего императора Феодора II Ласкариса, правление которого отмечено жестокими и несправедливыми расправами с подданными. Подробнее об этом см.: Ряшко Л.С. Императорская справедливость в интерпретации Никифора Влеммида: риторика и реальность // АДСВ. 1997. Вып. 28. С. 67–71.

52 Лука. 12. 45–48.

53 Там же. 12. 45–46.

54 Речь идет о каре, которую Господь послал дому Саула за то, что тот умертвил гаваонитян, жителей ханаанского города Гаваона (Вторая книга царств. 21.1).

55 Матфей. 15.19; Соборное послание св. апостола Иакова. 2. 4.

56 Аристотель определяет гнев как “кипение крови или жара около сердца” (Аристотель. О душе // Сочинения / Под ред. В.Ф. Асмуса. М., 1976. Т. I. 1.1.403a).

57 В тексте – ποιμίλης περικλονήσεως.

58 Точнее: не сохраняющие собственные места (τὰς οἰκείας ἔδρας οὐ στέγοντας).

59 Влеммид, кажется, описывает эпилептический припадок. Насколько известно, эпилепсией был болен Феодор II Ласкарис. Влеммид полагает, что причина болезни кроется в неспособности правителя сдерживать гнев. Внешнее сходство приступа гнева с эпилептическим припадком отмечалось еще Аристотелем (Аристотель. Никомахова этика / Пер. с греч. Н.В. Брагинской // Сочинения. М., 1984. Т. 4. 7.9 (8). 1150b).

60 В тексте: λαῶν κοσμήτορες. Цит. по: Homerus. Ilias. 1. 16; 375; 3. 236; Odyssea. 18.152.

61 В тексте: ποιμένες λαῶν. Цит. по: Homerus. Ilias. 1. 263; 2. 85; 105; 243; 254; 772; 4. 296; 413; Odyssea. 14. 497; 15. 151; 17. 109; 18. 70; 20. 106; 24. 368; 456.

62 Иоанн. 10. 11; 13. 37–38; 15. 13; 17.

63 Эхет (“хваткий”) – в греческой мифологии сицилийский или фессалийский царь. Отрубал носы и уши своим гостям, а затем отдавал их на съедение псам.

64 Сесострис – собирательный мифологизированный образ египетского царя. Ему приписывается завоевание всей Азии, Европы до Фракии, Ассирии, Мидии, Эфиопии, Персии и Бактрии.

⁶⁵ Очень распространенный мотив в античной литературе и изобразительном искусстве. Считалось, что на протяжении всей жизни человека его сопровождает Тюхе (рим. Фортуна), богиня судьбы, случая, счастливого и злого рока. Тюхе изображалась с рогом изобилия, крыльями и корабельным рулем, стоящей на шаре или колесе. Последние, часто как самостоятельные символы, означали неустойчивость и переменчивость мира и судьбы отдельного человека.

⁶⁶ Речь идет о Гиероне II (ок. 306–214 гг. до н.э.), который, будучи военачальником, отличился в борьбе против Карфагена, в 275/274 г. стал властителем Сиракуз и принял титул царя Сицилии. Скорее всего рассказ о Гиероне позаимствован Влеммидом у Полибия: “Гиерон сам собственными силами приобрел власть над сиракузянами и союзниками, не имея опоры ни в богатстве, ни в славе, ни в каких-либо иных дарах судьбы. Впоследствии он никого из граждан не убил, не изгнал, не обидел и стал царем сиракузян только благодаря своим достоинствам, что весьма знаменательно. Этими средствами он не только приобрел власть, но и сохранил ее за собою. В продолжение пятидесяти четырехлетнего царствования Гиерон обеспечивал мир для родного города, собственную власть оградил от покушений, избежал зависти, которая следует по стопам за всяким превосходством. Так, всякий раз, когда он хотел сложить с себя власть, его удерживали общие просьбы граждан. Весьма щедрый по отношению к эллинам и ревнивый к доброму имени, он стяжал самому себе громкую славу, а сиракузянам оставил в наследие всеобщее благорасположение. Он был постоянно окружен величайшей роскошью, негой и наслаждениями, но прожил за девяносто лет и сохранил невредимыми все способности души и все части тела – мне кажется, вернейшее свидетельство умеренности в образе жизни” (Полибий. Всеобщая история / Пер. с греч. и примеч. Ф.Г. Мищенко. СПб., 1995. Т. 2. VII. 8).

⁶⁷ О некоем Алкиме, царе лидийцев, сообщает Суда, перелагая рассказ лидийского историка VI–V вв. до н.э. Ксанфа. Согласно Суде, “некий Алким воцарился в той земле (лидийской. – Л.Р.), самый благочестивый и самый кроткий муж. При нем установился крепкий мир и большое изобилие, и каждый жил в спокойствии и в стороне от козней. Когда шел седьмой год царствования Алкима, лидийцы собрались всеми племенами и всеми общинами и просили богов в молитвах дать Алкиму многие годы для блага лидийцев. Так и случилось: в счастье и в процветании большом они провели жизнь” (Suda. s.v. Ἄλκιμος). Как видно, Влеммид точно, местами дословно, излагает рассказ Суды об Алкиме.

⁶⁸ Нерва, Марк Коцей (8.11.30–25.01.98) – римский император с 96 г.

⁶⁹ Влеммид, вероятно, имеет в виду приемного сына Нервы – Траяна Марка Ульпия (18.09.53–07.08.117), после смерти Нервы в 98 г. ставшего императором Рима.

⁷⁰ Григорий I Великий (540–604 гг. до н.э.) – римский папа с 590 г.

⁷¹ В западноевропейской “Золотой легенде” Якова Ворагинского излагаются подробности этого события, отсутствующие в “Царской статуе”. Там сообщается, что однажды к римскому императору Траяну обратилась одна вдова с просьбой наказать убийцу своего сына. Им оказался сын самого Траяна, который сбил юношу с ног, когда мчался на коне во весь опор по улицам Рима. Узнав об этом, император отдал его в рабы матери погибшего и щедро одарил ее.

Спустя сотни лет Григорий Великий, проходя по форуму Траяна, вспомнил о справедливости и доброте императора. Войдя в базилику святого Петра, он горько оплакивал его душу и молился за нее. И тогда свыше ему ответил глас: “Григорий, Я услышал твою мольбу и избавил Траяна от вечной кары, но поостерегись впредь возносить Мне молитвы за осужденного на муки”. Согласно

Иоанну Дамаскину, голос сказал Григорию только: “Я исполняю твою просьбу и прощаю Траяну” (цит. по: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 159–160).

⁷² Ср.: “Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа” (Послание к евреям св. апостола Павла. 12.14). Интересно, что здесь Влеммид святость заменяет целомудрием.

⁷³ Точнее: красуется в других добродетелях (ταῖς ἄλλαις... κομᾶν ἀρεταῖς).

⁷⁴ В тексте: συνειδῶς τε καὶ ἐκλεγόμενος.

⁷⁵ Послание к евреям св. апостола Павла. 12.14.

⁷⁶ Досл.: обнажение (τὸ ἐκλωλίτζειν).

⁷⁷ Намек Влеммида на жесткую фискальную политику Феодора II Ласкарида. На упреки учителя Феодор ответил замечательным письмом, обосновывающим необходимость взимания налогов особенностями внешнеполитического положения государства (Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII / Ed. N. Festa Florenz, 1898. Ep. XLIV. P. 57–58).

⁷⁸ Персей – царь Македонии (179–168 гг. до н.э.). Во время своего правления попытался восстановить македонскую гегемонию и противостоять римской экспансии на Восток. Однако в ходе третьей Македонской войны Персей был разбит Эмилием Павлом в битве при Пидне в 168 г. Умер в плену в 165 или 162 г. в Альбе Фуценс.

⁷⁹ Речь идет об Александре Великом.

⁸⁰ Имеется в виду Кир II.

⁸¹ Об этом рассказывает Ксенофонт (Киропедия. VIII. 4. 28–36).

⁸² Ср.: «Тут кто-то из присутствующих спросил его: “А ты сам, Кир, когда облачишься в свой наряд?”. “А разве вам не кажется, – отвечал Кир, – что нынче, наряжая вас, я и сам наряжаюсь?”» (*Ксенофонт.* Киропедия. VIII. 3. 4).

⁸³ Кир богат богатствами своих друзей в том смысле, что последние в случае необходимости всегда готовы отдать ему свои состояния (*Ксенофонт.* Киропедия. VIII. 2. 15–19).

⁸⁴ Характеристики персидских царей Кира, Камбиса и Дария заимствованы Влеммидом, по-видимому, из “Истории” Геродота (III. 89. 13–18). Некоторые из них повторяются также у Константина VII Порфирородного (*De virtutibus et vitiis.* II. 10. 19–22), а сюжет о Кире – у Диодора Сицилийского (*Bibliotheca historica.* IX. 24. 1. 1–5).

Геродот сообщает, что “в царствование Кира... не было еще установлено никакой определенной подати, но только добровольные дары”. Соглашаясь с Геродотом в оценке финансовой политики Кира, Влеммид, однако, не выступает против налогов, как таковых. Он считает, что добровольная уплата налогов гражданами государства и неприменение насилия при их взимании – важнейшие условия гармоничной целостности государства. С этой точки зрения, отношения между подданными и Киrom, вероятно, представлялись Влеммиду совершенными.

⁸⁵ Речь идет о персидском царе, сыне Кира II (530–522 гг. до н.э.).

⁸⁶ Влеммид, вслед за Геродотом, осуждает Дария за введение порочной, с его точки зрения, системы принудительного налогообложения граждан государства.

⁸⁷ Эпаминонд (ок. 418–362 гг. до н.э.) – полководец и политический деятель Фив.

⁸⁸ Этот рассказ излагается Плутархом (*Regum et imperatorum arophetegmata.* 194A).

⁸⁹ Скорее всего речь идет о Катоне Младшем (ок. 96–8.04.46 гг. до н.э.), политическом деятеле древнего Рима.

⁹⁰ В тексте: ἀμαύρωσις (помрачение).

⁹¹ Гераклес – латинское имя Геракла, любимейшего героя греческих сказаний, совершившего двенадцать подвигов во имя бессмертия. Одиннадцатым подвигом Геракла было похищение золотых яблок, охраняемых Гесперидами.

⁹² Геспериды – дочери богини Никты или Атланта, наделенные звонкими голосами. Вместе с драконом Ладном охраняли в саду богов золотые яблоки, которые Гея подарила Гере к ее свадьбе с Зевсом.

⁹³ Атлас (Атлант) – греческий титан. Согласно мифу, Атлант должен был держать на западной окраине земли небо в наказание за участие в борьбе титанов против богов. Гераклу, на время взвалившему на себя его ношу, Атлант помог достать золотые яблоки Гесперид. Лишь хитростью удалось Гераклу вновь взвалить на плечи Атланту небесный свод. Здесь Влеммид цитирует Аполлодора (Bibliotheca. II. 113. 1–8).

⁹⁴ В греческой мифологии дракон Ладон, помогавший Гесперидам сторожить золотые яблоки богов. Был убит Гераклом, похитившим эти яблоки.

⁹⁵ Аллегорическое толкование мифа о Геракле.

⁹⁶ В тексте: ταῖς ἑσπερίαι βιοταῖς. Ср.: *Atistoteles. Poetica. 1457b. 24–25* (τὸ γῆρας ἑσπεράν βίου ἢ δυσμαῖς βίου); *Plato. Leges. 770a.6* (ὄν δυσμαῖς τοῦ βίου).

⁹⁷ Вероятно, речь идет о юности императора Феодора II Ласкариса. В год вступления Феодора на престол (1254 г.) ему было тридцать два года (род. в 1222 г.).

⁹⁸ В тексте: τῷ γὰρ ἀνημμένῳ καὶ συντόνῳ (устойчивостью и напряжением).

⁹⁹ Досл.: сильный (τὸν ἰσχυρόν).

¹⁰⁰ Далида (Далила) – по библейской легенде филистимлянка, возлюбленная Самсона. Выведав тайну его непреодолимой силы, заключавшейся в семи прядях волос, Далида остригла Самсона во время сна и выдала его своим соотечественникам, которые заключили его в подземелье.

¹⁰¹ Ср.: “Правда о добропорядочном заключается в том еще, что он многое делает ради друзей и отечества и даже умирает за них, если надо...” (*Аристотель. Никомахова этика. 1169a.9.8*).

¹⁰² В тексте: ὁ φίλος, ἄλλος αὐτός. Это выражение встречается также у Аристотеля (*Ethica Nicomachea. 1166a.31–32*: ἔστι γὰρ ὁ φίλος ἄλλος αὐτός) и Диогена Лаэртского (*Vitae philosophorum. VII. 23. 3*: ἐρωτηθεὶς τίς ἐστι φίλος, “ἄλλος,” <ἔφη>, “ἑγώ”).

¹⁰³ Гипноной – первоначальное имя Беллерофонта, сына коринфского царя Главка. После того, как он убил коринфянина (или родного брата) Беллера, его стали называть “убийца Беллера” (греч. Беллерофонт). По приказу ликийского царя Иобата Беллерофонт совершил несколько подвигов. С помощью крылатого коня Пегаса, подаренного ему богами, он победил огнедышащую Химеру. Затем отбил нападение воинственного племени солимов, уничтожил вторгшихся амазонок и, наконец, перебил всех ликийских воинов, устроивших на него засаду (*Pseudo-Apollodorus. Bibliotheca. II. 3. 1–2*). Дальнейшая судьба Беллерофонта описана Гомером (*Ilias. 6. 200–205*). Беллерофонт утратил расположение богов, и его постигло безумие. Причиной этого считалась надменность Беллерофонта, решившего на Пегасе достигнуть вершины Олимпа. Зевс наслал на коня овода, Пегас взбесился и сбросил седока на землю. Хромой и слепой скитался Беллерофонт до самой смерти по Алейской равнине.

¹⁰⁴ Антей – в греческой мифологии сын Посейдона и Геи, ливийский великан. Антей вызывал всех чужестранцев на поединок и всегда побеждал, обретая в прикосновении к матери-земле новые силы. Был побежден Гераклом, кото-

рый задушил его прежде, чем Антей успел коснуться земли. В мифологических сюжетах о подвигах Гиппоноя из Коринфа (Беллерофонта) этот персонаж отсутствует.

¹⁰⁵ Солимы – жители области Милиады в Малой Азии: “Страна, где ныне обитают ликийцы, в древности называлась Милиадой, а жители ее именовались солимами” (Геродот. I. 173).

¹⁰⁶ Амазонки – в греческой мифологии племя женщин-воительниц, совершавших набеги на греческие земли.

¹⁰⁷ Ликийцы – жители горной местности в юго-восточной части Малой Азии. По преданию, вышли с Крита.

¹⁰⁸ Эфир – заполняющая небо субстанция.

¹⁰⁹ Пегас – в греческой мифологии крылатый конь, подаренный богами Беллерофонту. См. примеч. 104.

¹¹⁰ Алейская равнина – досл. “равнина блуждания”, местность в Ликии или Киликии. Здесь Влеммид цитирует Гомера (Илиа. 6. 201) или Геродота VI. 95. 1).

¹¹¹ В тексте: ἔλεϊτα δὲ καὶ αὐτὴν τὴν μεσαίτην ταύτης φλόγωσιν καταβέβηκε.

¹¹² Досл.: пренебрегая тем, чтобы употреблять свои усилия для необходимости (τοῦ τε συντείνειν ἑαυτὸν εἰς τὸ δέον καταλεφρονῆως).

¹¹³ То есть к падению Гиппоноя.

¹¹⁴ Икар – сын мифического Дедала. Улетая со своим отцом с о-ва Крит, Икар приблизился к солнцу. Воск, скреплявший искусно сделанные Дедалом крылья, растаял, и Икар упал в море, которое стало называться по его имени Икарийским.

¹¹⁵ Ликаониды – в греческой мифологии аркадский царь Ликаон и его пятьдесят сыновей. Отличались нечестивостью, слухи о которой дошли до Зевса. Желая проверить справедливость этих обвинений, Зевс посетил под видом странника дом Ликаона, который, заподозрив божественное происхождение своего гостя и решив это проверить, подал ему в качестве угощения мясо собственного сына или внука Аркаса. Разгневанный Зевс опрокинул стол с безбожной снедью, а Ликаона вместе с сыновьями испепелил молнией.

¹¹⁶ Салмоней – в греческой мифологии сын Эола, родоначальника племени эолийцев, основатель города Салмоны в Элиде. Возгордившись, Салмоней стал уподоблять себя самому Зевсу и присваивать приносимые богу жертвы. Влача за колесницей высушенные шкуры вместе с медными кувшинами, он заявлял, что производит гром, и, бросая в небо зажженные факелы, имитировал молнии. За дерзость Зевс поразил его перуном и уничтожил Салмону вместе со всеми жителями.

¹¹⁷ Алоады – в греческой мифологии два брата-великана От и Эфиальт, славившиеся непомерной силой и гигантским ростом. Угрожали богам взгромоздить гору Осса на Олимп, а на Оссу – гору Пелион и так достичь неба, чтобы силой взять в жены Артемиду и Геру. Были убиты стрелами Аполлона или сами пронзили друг друга копьями, пытаясь попасть в промчавшуюся между ними лань, в которую превратилась Артемиды.

¹¹⁸ *Pseudo-Apollodorus* Bibliotheca. II. 39. 7.

¹¹⁹ Персей – в греческой мифологии сын аргосской царевны Данаи и Зевса. Вооружившись острым кривым мечом, подарком Гермеса, отрубил голову горгоне Медузе.

¹²⁰ Горгоны – в греческой мифологии три сестры-чудовища: Сфено, Эвриала и Медуза. Старшие – бессмертные, младшая (Медуза) – смертная. Горгоны обитали на крайнем западе у берегов реки Океан и отличались ужасным видом:

крылатые, покрытые чешуей, со змеями вместо волос, с клыками, с в̄з̄ор̄ом̄, превращающим все живое в камень.

¹²¹ То есть удовольствие, гнев и любовь к деньгам.

¹²² Этот пассаж целиком построен Влеммидом на аллегорических сравнениях.

¹²³ Согласно мифу, Фазтон, чтобы доказать свое происхождение от Гелиоса, взялся управлять его солнечной колесницей и погиб, испепеленный огненным жаром.

¹²⁴ Пс. 18. 5; 71. 8.

¹²⁵ Там же. 76. 19; 143. 6.

¹²⁶ Там же. 76. 19.

¹²⁷ Досл.: очерчивает (ὀλοῦράφει).

¹²⁸ Вторая книга царств. 22. 10; Иов. 38,37; Пс. 17. 10; 143. 5.

¹²⁹ Послание к филиппийцам св. апостола Павла. 2. 7.

¹³⁰ Пс. 23. 7–10.

¹³¹ Поликлет – древнегреческий скульптор второй половины V в. до н.э. Автор сочинения “Канон” (Κανών), в котором Поликлет излагает свои рассуждения по теории искусства. Фигурам Поликлета свойственны пропорциональность и динамичность, бравшиеся позднее за образец. Влеммид играет словом κανών: “Канон” Поликлета как совокупность правил построения совершенных скульптурных форм и “канон” царской добродетельности как нравственное совершенство, которому автор, безусловно, отдает предпочтение.

¹³² В тексте: τὴν συγκαθυπερτερουῦσαν ἄρμονίην.

¹³³ С философской точки зрения, имеется в виду обращение к истине отступивших от нее людей.

¹³⁴ Влеммид говорит о существовавших в древности поговорках, согласно которым цари о-ва Тенедос (Эгейское море) вершили свой суд топором (Suda s.v. τενέδιος πέλεκυς).

¹³⁵ Точнее: делала себя маленькой, стягивалась (ὀλοστέλλοιτο).

¹³⁶ Длинная линия символизировала в древности обвинительный приговор; более короткая – оправдание (Suda. s.v. μακρὰ γραμμή).

¹³⁷ В древней Греции черные и белые камешки использовались при тайных голосованиях в суде присяжных (гелиэя), когда решался вопрос о виновности и определялось наказание. Количественное преобладание черных камешков над белыми означало обвинительный приговор (Suda. s.v. ψῆφος μέλαινα).

¹³⁸ Киносарг – местность у Афин с храмом Геракла и гимназией, в которой упражнялись незаконнорожденные дети афинских граждан. Фраза “εἰς Κυνόσαργες” считалась оскорблением (Suda. s.v. ἐς Κυνόσαργες; Κυνόσαργες).

¹³⁹ Пиррон (ок. 360–270 гг. до н.э.) – греческий философ из Элиды, основатель античного скептицизма как самостоятельного философского направления. Пиррон считал достоверными чувственные восприятия человека. Заблуждения же, по его мнению, возникают тогда, когда от явления мы пытаемся перейти к его сущности. Всякому утверждению о сущности предмета может быть с равным правом противопоставлено противоречащее ему утверждение. Именно такой ход мысли привел Пиррона к позиции воздержания от окончательных суждений.

¹⁴⁰ Точнее: пропадает, распадается (διαλίπτοιεν).

¹⁴¹ *Homerus*. *Ilias*. 1. 526.

¹⁴² *Idem*. 4. 355; *Idem*. *Odyssea*. 4. 837; 11. 464.

¹⁴³ *Anaxagoras*. *Fragmenta*. 1. 5–10; *Aristoteles*. *Metaphysica*. 1007b. 26; 1056b. 29; 1069b. 29; 1071b. 28; *Physica*. 203a. 25.

¹⁴⁴ Эмпедокл (ок. 490–430 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, врач, политический деятель из Акраганта. В поэме “О природе” Эмпедокл развил учение о четырех вечных и неизменных элементах – огне, воздухе, воде и земле, из сочетания которых в различных пропорциях образуются все вещи. Соединение и разделение элементов обусловлено существованием двух сил – Любви и Вражды, попеременное преобладание которых определяет цикличность мирового процесса. В период господства Любви элементы слиты вместе, образуя огромный однородный шар – Сферос, пребывающий в покое. Напротив, преобладание Вражды приводит к обособлению элементов.

Согласно одной точке зрения, Эмпедокл считал, что мир, в котором он живет, относится к одной из промежуточных стадий. По другой версии, которой, видимо, придерживался и Влеммид, Эмпедокл полагал, что в этом мире господствует Вражда, ведущая к дезинтеграции всех элементов. Преимущество последней гипотезы, на наш взгляд, состоит в том, что ей в большей степени соответствуют представления Эмпедокла о жизни и смерти.

Жизнь, согласно Эмпедоклу, это тяжкое скитальчество, сплошная мука, владычество лютой Вражды. Смерть же мыслится им как переход в чистую область бытия, обитель богов, которая начинается лишь за луною (как избавление от ужасов и бедствий земной жизни). Неслучайно в древности существовало несколько легенд о самоубийстве Эмпедокла, которого в действительности не было. Согласно одним, он бросился в кратер Этны, по другим – повесился. Влеммид, кажется, намекает на одну из этих легенд, когда говорит, что Эмпедокл “влюбился в огонь”.

В таком случае становится понятной следующая фраза Влеммида: “Его (доктрина) – через избавление”, где избавление, вероятно, следует трактовать как освобождение от земного бытия, наполненного враждой. Однако возможен и другой ее перевод: “Его (доктрина) – через разделение”, т.е. через раздор, борьбу друг с другом противоположных сил: созидающей Любви и разрушающей Вражды. Тогда это положение Эмпедокла аналогично гераклитовскому “все возникает из борьбы”.

¹⁴⁵ Гераклит (ок. 554–483 гг. до н.э.) – древнегреческий философ из Эфеса, согласно которому ничто в мире не остается в покое, но все, подобно реке, находится в постоянном движении. Влеммид иронизирует над Гераклитом: его слова столь же изменчивы и непостоянны, как и весь мир, о котором тот говорит.

¹⁴⁶ Зенон Элейский (ок. 490–430 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, доказывавший невозможность движения и множественности вещей. Согласно его знаменитым апориям (“Ахилл”, “Стрела” и др.), принятие множественности и движения приводит к неразрешимым противоречиям. Влеммид с явной насмешкой говорит о Зеноне, считая, что сам процесс мышления опровергает его учение об отсутствии движения.

¹⁴⁷ Демокрит (460–371 гг. до н.э.) – древнегреческий философ из Абдеры, один из первых представителей атомизма. Поскольку, согласно Демокриту, мир состоит только из атомов и пустот, сами по себе предметы не имеют реального бытия, так же как не существует самих по себе ни цвета, ни звука, ни вкуса, ни запаха и т.д.

В Никейской империи существовало материалистическое направление в философии, придерживающееся идей Эпикура и Демокрита. Об этом известно из письма Феодора II Ласкариса Никифору Влеммиду (Theodori Ducae Lascaris Ep. Ad Nicerphorum Vlemmidam. Ep. VI. P. 9). Однако как сам Феодор, так и Влеммид, относились к нему отрицательно.

¹⁴⁸ *Democritus*. *Fragmenta*. 9. 5–8; 125. 5–6.

¹⁴⁹ В тексте: φύσις ἄλλη τὸ ἔθος. Ср.: *Aristoteles*. *De memoria et reminiscencia*. 452a. 27 (ὥσπερ γὰρ φύσις ἤδη τὸ ἔθος); *Idem*. *Problemata*. 879b. 36 (τὸ ἔθος ὥσπερ φύσις γίνεται); *Idem*. *Rhetorica*. 1370a. 7 (ὁμοιον γὰρ τι τὸ ἔθος τῇ φύσει); *Galenus*. *De motu musculorum libri ii*. 4. 452. 2–3 (τὸ ἔθος... καλῶς εἶρηται φύσις ἐλίκτητος).

¹⁵⁰ *Hippocrates*. *Aphorismi*. 2. 49. 1–3; *Galenus*. In *Hippocratis aphorismos commentarii* vii. 17b. 552. 12–14; *Idem*. *De consuetudinibus*. 107. 2–4.

¹⁵¹ *Homerus*. *Ilias*. 7. 238.

¹⁵² Nikeйское войско, по крайней мере уже с 20-х годов XIII в., было в основном конным. Упор делался на регулярные наемные силы, так называемый “латиникон”, состоявший из тяжеловооруженной кавалерии. Потребность в ней определялась спецификой организации армии главного противника Nikeйского государства – Латинской империи. Вооружение латинского наемника состояло из меча, боевого топора и тяжелого копья, применявшегося для удара. Защитное вооружение включало в себя продолговатый щит, шлем с забралом или сплошной шлем с небольшими отверстиями для глаз и рта, панцирь или кольчугу, металлические перчатки и чулки, наплечники и наколенники. Конь также был защищен металлическими пластинами.

¹⁵³ В тексте: διὰ τοῦ δίνου. В издании Г. Хунгера и И. Шевченко это место переводится как “by means of a lacrosse – stick [?]” (*Hunger H., Ševčenko I. Des Nikephores Blemmydes... S. 135*).

¹⁵⁴ Игра с маленьким, величиной с яблоко, кожаным шаром – циканий (τῆσανίον) – была одной из излюбленных в среде аристократической молодежи XIII века. Циканий, своего рода поло, был заимствован византийцами, вероятно, от кочевников и проводился в специальных зданиях – циканистериях (типа манежа), о существовании которых уже в IX в. свидетельствуют некоторые источники. Суть игры состояла в том, что две группы конников, держа в правой руке палку с натянутой струнами петлей на конце (наподобие ракетки), пытались захватить мяч и пригнать его к заранее определенному месту. Феодор II Ласкарис, по-видимому, не увлекался этой игрой, хотя и упражнялся в ней. Никифор Влемид же, кажется, относился к ней отрицательно, считая бесполезной.

¹⁵⁵ Эта игра – χυτρίνδα – упоминается в источниках со II века. Заключается она в следующем. Один из игроков садится в середину круга. Остальные начинают бегать вокруг него, пока тот не схватит кого-нибудь. В этом случае пойманный игрок садится в середину круга вместо пойманного его (*Hesychius Lexicogr. s.v. χυτρίνδα*; *Suda. s.v. χυτρίνδα*).

¹⁵⁶ В тексте: ἀμφίβασιν. Цит. по: *Homerus*. *Ilias*. 5. 623. Означает быстрое окружение, обход (*Eustathius*. *Commentarii ad Homeri Iliadem*. 2. 160. 7–12; *Hesychius Lexicogr. s.v. ἀμφίβασιν*).

¹⁵⁷ В тексте: ἀσκολιάζειν. Обычай или обряд в Афинах во второй день сельских Дионисий. Заклучался в прыгании на одной ноге на смазанных маслом кожаных мехах. Спотыкающиеся и падающие вызывали у зрителей смех (*Hesychius Lexicogr. s.v. ἀσκολιάζειν*; *ἀσκολιάζοντες*; *Plato*. *Symposium*. 190d. 6; *Suda. s.v. ἀσκολιάζει*; *ἀσκολιάζοντες*; *ἀσκολιασμός*).

¹⁵⁸ Аналогичное упражнение, наряду с метанием диска и дротика, простым бегом и борьбой, включалось в пятиборье, проводившееся греками на Олимпийских играх. При состязании в прыжках атлеты выходили на специальную насыпь. Для увеличения прыжка они размахивали гирями.

¹⁵⁹ *Homerus*. *Ilias*. 4. 225; 12. 325; 13. 270; 14. 155.

¹⁶⁰ Простой бег, бег в полном вооружении (щит, копье, шлем), борьба, метание дротика, прыжки известны со времен античности как олимпийские состязания.

ния. Более того, гимнастика, включавшая эти же упражнения, являлась важным элементом в системе греческого воспитания. Для юношей, начиная с четырнадцатилетнего возраста, она становилась предметом серьезных занятий. В римскую эпоху отмеченные упражнения активно использовались при подготовке воинов.

¹⁶¹ М.А. Андреева полагает, что приведенный Влеммидом пример взят им из византийской истории, поскольку речь идет о сражении в конном строю (Очерки по культуре византийского двора. Прага, 1927. С. 174).

¹⁶² *Hesiodus. Opera et dies.* 412.

¹⁶³ С самых первых дней своего существования Никейская империя обладала флотом в Эгейском и Мраморных морях. Однако греческое искусство мореплавания заметно уступало морскому мастерству генуэзцев, венецианцев и латинян Константинополя. В частности, именно слабость никейского флота вынудила Михаила Палеолога принять услуги генуэзцев как часть его планов завоевания Константинополя. На этом фоне советы Влеммида относительно военной подготовки моряков выглядят весьма актуальными.

¹⁶⁴ Слова Влеммида о “другом Эвфеме” подразумевают, что Эвфемов было, по крайней мере, двое. Первый – сын Трезена, предводитель киконов, прибывших на помощь троянцам. Второй – сын Посейдона и Европы, предок Батта, основателя Кирены Ливийской, участник похода аргонавтов за золотым руном в Колхиду. Вероятно, именно Эвфема-аргонавта Влеммид считал примером образцового моряка, способного переносить все тяготы длительного морского путешествия.

¹⁶⁵ Триера – маневренное военное гребное судно с тремя рядами весел.

¹⁶⁶ Речь идет о персидском царе Дарии I, подготовившем в 490 г. очередной поход персов против Греции под руководством опытных военачальников Датиса и Артаферна. Однако в Марафонском сражении 12 сентября 490 г. персидское войско было разбито объединенными силами афинян и платейцев под командованием Мильтиада. Согласно Геродоту (VI. 109–117), в битве в числе других знатных афинян погибли полемарх Каллимах, а из стратегов – Стесилай, сын Фрасила, и Кинегир, сын Евфориона. Влеммид, в отличие от Геродота, называет Кинегира полемархом.

¹⁶⁷ Марафон – поселение на северо-восточном побережье Аттики.

¹⁶⁸ Численность персидского войска не установлена. Согласно греческим источникам, сильно преувеличивающим его состав, армия Дария включала от ста до шестисот тысяч человек. Однако, если учесть, что персы, согласно Геродоту (VI. 95), имели шестьсот триер, то на них можно было разместить не более двадцати тысяч человек, из них одиннадцать тысяч иррегулярной конницы.

¹⁶⁹ Платейцы – жители города Платеи в Беотии.

¹⁷⁰ Стратеги – первоначально вообще военачальники. В Афинах с 508/507 г. до н.э. стратеги назывались члены выборной коллегии из десяти человек (ее председатель менялся ежегодно), осуществлявшей верховное командование армией и флотом. Срок деятельности стратегов равнялся году, но допускалось неоднократное их переизбрание. Стратеги в Афинах V в. до н.э. оказывали большое влияние на общую политику государства и даже правили им (Перикл).

¹⁷¹ Полемарх – с начала VII в. до н.э. член коллегии из девяти архонтов, ежегодно избираемых в Афинах. Являясь первоначально главным военачальником, в этом время он фактически уже не имел военной власти.

¹⁷² Речь идет о заключении военного союза Афин со Спартой и другими греческими городами – государствами для борьбы с персами.

¹⁷³ Ксеркс – персидский царь (486–465 гг. до н.э.), сын и преемник Дария I.

Продолжая дело отца – создание мировой персидской монархии, выступил в 480 г. против Греции. Война, в начале успешная для персов, окончилась рядом сокрушительных поражений – при Саламине, Платеях и Микале.

¹⁷⁴ Согласно Геродоту (VII. 33–36), по приказу Ксеркса через Геллеспонт был построен мост, чтобы переправить персидское войско из Азии в Европу. Однако, когда пролив был уже соединен мостом, разразилась сильная буря, уничтожившая постройку. Ксеркс, узнав об этом, разгневался и приказал наказать пролив трехстами ударами бича, а затем погрузить в море пару оков.

¹⁷⁵ Медимн – греческая мера объема сыпучих тел, равная пятидесяти двум с половиной литрам.

¹⁷⁶ Выпитые персидским войском реки и озера перечисляет Геродот, называя реки Скамандр, Мелас, Эхидор и озеро у г. Пистир (VII. 43; 58; 109; 127).

¹⁷⁷ Скамандр – река в Малой Азии, берущая начало в горах Иды и впадающая в Эгейское море.

¹⁷⁸ Фригия – область в центральной части Малой Азии.

¹⁷⁹ Пеней – река в Фессалии, вытекающая из гор Пинда и впадающая в Эгейское море (Фермский залив).

¹⁸⁰ Фессалия – область в Северо-Восточной Греции.

¹⁸¹ Илисс – речка в Аттике, берущая начало на горе Гиметте. Протекала южнее древних Афин, впадает в р. Кефисс. В древности, возможно, впадала прямо в Фалеронский залив.

¹⁸² Аттика – полуостров на юго-востоке Средней Греции.

¹⁸³ Стримон – река в античной Фракии, начинающаяся в г. Витоша (античный Скопий), под Амфиполем, и впадающая в Эгейское море.

¹⁸⁴ Саламин – остров с городом того же названия между восточным побережьем Аттики и южным мегарским побережьем. В 480 г. до н.э. в Саламинском проливе персидский военный флот был полностью разгромлен греческими триерами под верховным командованием спартанца Эврибиада и под стратегическим руководством Фемистокла.

¹⁸⁵ Ср.: Согласно Геродоту, эллинские морские силы состояли из двухсот семидесяти одного корабля (VIII. 2), персидский флот – из тысячи двухсот семи кораблей (VII. 184).

¹⁸⁶ Ср.: Как сообщает Геродот (История. VII. 186), в начале войны с Грецией общая численность войск Ксеркса, включая обоз, составляла пять миллионов двести восемьдесят три тысячи двести двадцать человек. После ряда сокрушительных поражений Ксеркс с “жалкими остатками войска” переправился через Геллеспонт в Азию. В пути от голода и болезней погибли многие из оставшихся в живых персов (VIII. 115–117).

¹⁸⁷ В тексте: *μελλονικῆν*. Слово образовано Аристофаном (Aves. 640) в насмешку над медлительностью полководца Никия (*Suda. s.v. μελλονικῆν*).

¹⁸⁸ Точнее: идти к призывающему (*βαίνειν πρὸς τὸ καλοῦν*).

¹⁸⁹ Харинад – персонаж комедии Аристофана (Vespaе. 232), известный своей ленью (*Suda. s.v. Χαρινάδης*).

¹⁹⁰ Зет и Калаид – мифологические персонажи, родные братья, сыновья Борея, греческого (фракийского) бога северного ветра.

¹⁹¹ Лисипп – знаменитый древнегреческий скульптор второй половины IV в. до н.э. Родился в Сикионе (Пелопоннес).

¹⁹² Статуя Лисиппа описана в “Естественной истории” Плиния Старшего (34. 19.6).

¹⁹³ *Homerus. Ilias. 1. 243.*

¹⁹⁴ Ганнибал (247/246–183 гг. до н.э.) – с 221 г. командовавший карфагенскими войсками в Испании, действия которого послужили поводом к началу II Пунической войны (218–201 гг. до н.э.). В ходе войны войска Ганнибала, совершив переход через Пиренеи и Альпы, нанесли ряд поражений римской армии в Италии. Однако переход римлян в наступление в 211 г., высадка большой армии Сципиона у Карфагена в 203 г. и ее победа над войском Ганнибала в битве на р. Зама в 202 г. привели к полной победе Рима над Карфагеном.

¹⁹⁵ Влеммид, кажется, путает события I и II Пунических войн. Так, Ганнибал не был предводителем сицилийского войска. Однако его отец, карфагенский полководец Гамилькар Барка, руководил во время I Пунической войны (264–241 гг. до н.э.) обороной Сицилии, большая часть которой была захвачена Карфагеном уже к 70-м годам III в. до н.э. Именно I, а не II Пуническая война началась с успешного нападения римлян в 264 г. на сицилийский город Мессану, занятый карфагенским отрядом полководца Ганнона.

¹⁹⁶ Вероятно, речь идет о знаменитой победе Ганнибала при Каннах в 216 г. до н.э. над римлянами с помощью искусного тактического маневра. Сражение при Каннах вошло в сокровищницу военного искусства как пример флангового охвата войск противника.

¹⁹⁷ Влеммид имеет в виду большое число погибших. См. ссылку 175.

¹⁹⁸ В 211 г. до н.э. Ганнибал, находясь в Италии, двинул армию на Рим, чтобы вынудить римлян к прекращению осады Капуи. Однако переход римских войск в наступление помешал его планам захвата города. Этот исторический эпизод породил поговорку “Ганнибал у ворот”, означающую близкую опасность.

¹⁹⁹ Публий Корнелий Сципион (235–183 гг. до н.э.) – римский полководец и государственный деятель. Принял активное участие во II Пунической войне: сражался у Тицина (218 г.) и при Каннах (216 г.), в 204 г. руководил высадкой римлян в Африке (отсюда прозвище Африканский Старший), в 202 г. решил в пользу Рима исход битвы на р. Заме и тем самым всей II Пунической войны.

²⁰⁰ Вифиния – область на северо-западе Малой Азии, омываемая Пропонтидой (Мраморным морем) и Понтом Эвксинским (Черным морем).

²⁰¹ В 195 г. до н.э. Ганнибалу по настоянию его политических противников, связанных с Римом, пришлось покинуть Карфаген. Он отправился в Сирию к Антиоху III, а после поражения последнего от римлян в 190 г. бежал к Пруссию I в Вифинию. Когда в 183 г. Рим потребовал его выдачи, Ганнибал отравился.

²⁰² Пс. 31. 6.

²⁰³ В тексте – оіховеїѣѣ. И. Шевченко переводит это слово как “incline towards caution” (т.е. быть склонным к осторожности).

²⁰⁴ О необходимости полководцу прежде всего астрономических знаний, помогающих ему вычислять время, подходящее для военных походов, писал во “Всеобщей истории” еще Полибий (Всеобщая история. IX. 12–16). Согласно ему, “приобретение этих познаний, по крайней мере для военных нужд, требует небольшого труда, но пользу они приносит большую и могут много содействовать успешному осуществлению военных предприятий” (Всеобщая история. IX. 14. 5). Вероятно, о применении научных знаний в военной практике ведет речь и Влеммид.

²⁰⁵ Образ моря, корабля и кормчего довольно часто встречается в византийской литературе. См., например: *Безобразов П.В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890. С. 86; *Каждан А.П.* Никифор Хрисоверг и Николай Месарит. Опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1969. Т. 30. С. 108; *Алексей Макремволит.* Разговор богатых и бедных / Пер. и коммент. М.А. Поляковой // ВВ. 1972. Т. 22. С. 279.

²⁰⁶ Ср.: “Чаще кончаются неудачей, чем успехом, такие предприятия, которые рассчитаны на счастливую случайность, и это нетрудно узнать из обозрения событий. Верно, наконец, и то, что неудачи большею частью происходят от невежества или легкомыслия вождей” (*Полубий. Всеобщая история. IX. 12. 3–5*).

²⁰⁷ Асклеиады – в древней Греции служители мифологического бога здоровья Асклепия, занимавшиеся врачеванием в храмах этого бога, при которых устраивалось нечто вроде санаториев или курортов. Со временем Асклеиады освободились от исполнения религиозных обрядов и составили корпорации врачей. При храмах постепенно возникли медицинские школы, в которых развивалась и достигла высокого совершенства греческая медицина. Наиболее знаменитыми были школы Асклеиадов в Косе и Книде. Из школы Коса вышел Гиппократ.

²⁰⁸ То есть “безумные Асклеиады”.

²⁰⁹ Влеммид порицает тех врачей, которые, обладая достаточными знаниями, оказываются, однако, не готовыми вовремя оказать медицинскую помощь больному. В любом деле, по его мнению, необходима предварительная подготовка.

²¹⁰ Согласно Гиппократу, тело человека состоит из твердых и жидких частей. Жизненно важную функцию несут четыре разнородные жидкости тела: кровь, слизь, желтая желчь и черная желчь: “Из них состоит природа тела, и через них оно и болеет, и бывает здоровым”. Когда эти жидкости находятся в теле в гармоничном сочетании, “соблюдают соразмерность во взаимном смещении в отношении силы и количества” – тело здорово. Если же пропорция нарушается, наступает болезнь (*Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. К.В. Иванова. М., 1936. С. 198–199*). Здесь Влеммид переходит на ионийский диалект, подражая языку Гиппократа и его последователей.

²¹¹ То есть “беспорядочные Асклеиады”.

²¹² *Homerus. Ilias. 18. 104.*

²¹³ *Galenus. In Hippocratis librum vi epidemiarum commentarii vi. 17b. 231. 11.*

²¹⁴ Согласно Гиппократу, исход всякой болезни, ее прогноз зависят от природных сил организма. Врач должен лишь способствовать естественным силам организма в борьбе с болезнью, создавая больному наиболее благоприятный режим, контролируя гигиену быта и диету, а также применяя те или иные лекарственные средства. Влеммид здесь, по-видимому, выступает против крайней интерпретации учения Гиппократа, а именно против полного бездействия врачей, ожидающих, что организм сам справится с болезнью. Знания, накопленные в медицинских книгах, остаются не востребованными такими врачами, что, по мнению Влеммида, равнозначно удалению из этих книг текста.

²¹⁵ Точнее: я не хочу говорить (ἔγω γὰρ εἰπέην).

²¹⁶ В тексте: ἀκέστορες. Значение слова: *Hesychius Lexicogr. s.v. ἀκέστορ (ιατρός, θεραπευτής)*.

²¹⁷ В тексте: βροτολογιοί. Цит. по: *Homerus. Ilias. 5.31; 455; 518; 846; 909; 8.349; 11.295; 12.130; 13.298; 802; 20.46; 21.421; Odyssea. 8. 115*. Значение слова: *Hesychius Lexicogr. s.v. βροτολογίος (ἀνθρώποκτόνος, αἰμοφθόρος); βροτολογέ (ἀνθρώποφθόρε)*.

²¹⁸ *Hippocrates. Aphorismi. 1.1.1; Galenus. In Hippocratis aphorismos commentarii vii. 17b. 345. 2–3; 17b. 346. 16; 17b. 349. 14; 17b. 352. 18; 17b. 353. 11.*

²¹⁹ В древности печень считалась важнейшим жизненным органом и средоточием страстей и чувств, поэтому вполне может соответствовать современному понятию сердца.

²²⁰ Скифским Кавказом называлась Колхида (историческое название совр. Западной Грузии). Именно к скале в Колхиде, согласно преданию, Зевс повелел приковать Прометея.

²²¹ Прометей – сын титана Иапета, укравший у Зевса огонь и с его помощью научивший людей многим искусствам. За эту кражу Зевс приковал его к скале Кавказской и приставил к нему орла, который клевал его печень.

²²² Иов. 27. 6; 36. 21; Вторая книга макавейская. 14. 23; Лука. 23. 41.

²²³ Коройбос – персонаж из комедии Аристофана, известный своей глупостью (Suda. s.v. Κόροιβος).

²²⁴ “Маргит” – название древнегреческой комической поэмы неизвестного автора. Сохранились только отдельные фрагменты. Главный герой – Маргит – неуклюжий, бестолковый человек. Его характеризуют в частности следующие сохранившиеся строки поэмы: “Он много знал, но все плохо”.

²²⁵ Мелетид – синоним дурака у Аристофана и Лукиана (Suda. s.v. Κόροιβος).

²²⁶ Какус (Как) – в римской мифологии сын Вулкана, чудовище, изрыгавшее огонь. Согласно легенде, похитил ночью часть стад у Геркулеса и спрятал их в своей пещере. Услышав мычание быков, Геркулес отыскал пещеру и, убив Какуса своей палицей, вернул стада.

²²⁷ Автолик – в греческой мифологии ловкий разбойник, обитавший на Парнасе. Обладая даром плутовства, способностью становиться невидимым и принимать любой облик, похитил стада Сисифа, но был уличен и наказан.

²²⁸ Эврибат – имя нарицательное, означающее обманщика, плута, вора (Suda. s.v. Εὐρύβατος; Εὐρύβατος ἄνδρα; Εὐρύβατος).

²²⁹ Нерей – в греческой мифологии божество моря, “морской старец”, обладающий даром предвидения и, подобно морской стихии, меняющий свой облик.

²³⁰ Периклемен – сын пилосского царя Нелея, основавшего Пилос. Получил от своего деда Посейдона способность к превращениям. Когда Геракл опустошал Пилос, Периклемен во время сражения принимал образ то льва, то змеи, то пчелы, пока Геракл не убил его.

²³¹ Протей – в греческой мифологии морское божество, наделенное многознанием, даром прорицания и способностью принимать облик различных существ. Будучи сыном Египта, Протей царствовал в Мемфисе.

²³² Паллена Фракийская – самым западный из трех пальцевидных полуостровов Халкидики (совр. Халкидонский полуостров в Македонии).

²³³ Гуней – неизвестное нам историческое лицо.

²³⁴ Семирамида – согласно ассирийским преданиям, имя царицы Шаммурамат (конец IX в. до н.э.), родом из Вавилонии, жены царя Ассирии Шамшиадада V.

²³⁵ Аристид (ок. 540–467 гг. до н.э.) – афинский государственный и военный деятель периода греко-персидских войн (500–449 гг. до н.э.). Выступил против проектов Фемистокла об увеличении морских сил, вследствие чего в 483/482 г. был изгнан на десять лет из Афин через процедуру ostracism. Возвращен после всеобщей амнистии в связи с возобновлением войны с персами в 480 г. Согласно дошедшим до нас сведениям, Аристид слыл образцом справедливости и неподкупности.

²³⁶ Остракизм – афинский “суд черепков”, голосование посредством подсчета голосов на черепках против граждан, чье политическое влияние считали необходимым ограничить, отправив их в изгнание. Введено в Афинах Клисфеном в конце VI в. до н.э. и упразднено около столетия спустя.

²³⁷ Вероятно, речь идет о Гнее Марции Кориолане, известном древнеримском полководце. Согласно преданиям, он завоевал в 493 г. до н.э. вольский город Кориолы, за что получил прозвище Кориолан. В 491 г. боролся против пле-

беев, которые добились затем его изгнания. Кориолан бежал к вольскам и с ними в 489–488 гг. до н.э. выступил против Рима. Лишь уговоры его матери и жены склонили Кориолана отступить от города. Когда же Кориолан попытался оправдать свое решение перед вольсками в народном собрании, те набросились на него с камнями и убили.

²³⁸ Возможно, Влеммид имеет в виду афинского оратора (Suda. s.v. Κέφαλος).

²³⁹ Полагаем, что речь идет об афинском ораторе, по предложению которого народное собрание постановило, что полноправными гражданами должны считаться только сыновья граждан от гражданок.

²⁴⁰ Здесь отражено недовольство Влеммида жесткой “кадровой” политикой императора Феодора II Ласкариса. Последний, взойдя на трон, стал систематически замещать на государственных должностях людей знатных выходцами из народа.

²⁴¹ В тексте: ὁ πολὺς λόγος. И. Шевченко переводит фразу как “vast culture” (великая культура) (Hunger H., Ševčenko I. Des Nikephoros Blemmydes... S. 141).

²⁴² Влеммид говорит о судьях.

²⁴³ То есть хорошими или дурными.

²⁴⁴ В смысле: бесполезных, пустых.

²⁴⁵ В тексте: τὸ δ' οὕτω κρῖνον, ὁμολογουμένως μετὰ τοῦ πλήθους καὶ τῆς συστοιχίας αὐτοῦ. Здесь, по-видимому, Влеммид следует Платону, который отмечал неспособность людей толпы усматривать сущность отдельных вещей и познавать истину (Государство. 494ε).

²⁴⁶ Точнее: ставить видимыми отовсюду (περιόλτους τίθεναι).

²⁴⁷ В тексте: τοὺς ἐσθλοὺς ἄνδρας. Означает благородных, знатных, богатых, а также разумных и мудрых мужей. По-видимому, Влеммид считал знатность, благородство и мудрость неразрывно связанными друг с другом качествами человека.

²⁴⁸ *Homerus. Ilias. 3. 373; 18.165.*

²⁴⁹ Суть этой античной поговорки заключается в следующем. Некогда у погонщика быков с обрыва упала телега. Ленивый погонщик остановился и обратился к Богу с мольбой о помощи. Тот же ответил погонщику, что прежде пусть он сам прицепит колеса к повозке и толкнет быков и только затем просит Бога о помощи. Сама по себе молитва, не подкрепленная деятельностью человека, напрасна (Suda. s.v. τὴν χεῖρα προσφέροντα τὸν θεὸν καλεῖν).

²⁵⁰ Езекия (сила Иеговы, крепость Господня) – согласно Библии, известный своим благочестием царь иудейский, сын и преемник Ахаза.

²⁵¹ Сеннахерим (у Влеммида – Сенахерим) – ассирийский царь, сын и преемник Салманасара, разрушившего Израильское царство. Согласно Библии, в четырнадцатый год царствования Езекии Сеннахерим с войском вторгся в его владения и достиг стен Иерусалима.

²⁵² Пелтасты – легковооруженные пехотинцы, носившие кожаный щит, длинные мечи, метательные копья и длинные дротики.

²⁵³ Пращники – легковооруженные воины, которые наряду с лучниками и метателями копий начинали дальний бой с помощью пращи. Раскрутив сплетенную из кожи петлю, пращники метали в противника камни и куски свинца.

²⁵⁴ *Homerus. Ilias. 4. 431.*

²⁵⁵ *Homerus. Odyssea. 14. 261; 17. 430.*

²⁵⁶ Второе послание к коринфянам св. апостола Павла. 2.4.

²⁵⁷ Пс. 21. 5; 24. 20; 30. 2; 118. 116; Исая. 28. 16; Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. 2.10; Послание к римлянам св. апостола Павла. 5.5; 9.33; 10. 11; Первое послание Петра. 2.16.

- ²⁵⁸ Второе послание к Тимофею св. апостола Павла. 1.7.
- ²⁵⁹ Саваоф (силы воинства) – еврейское слово, обозначающее одно из имен Божиих и изображающее Его беспредельное величие, Его владычество над всем сотворенным, Его всемогущество и Его славу.
- ²⁶⁰ Четвертая книга царств. 19. 14; 16; 19; Исайя. 37. 20.
- ²⁶¹ Исход. 15. 3; Книга Иудифи. 9.7; 16. 2.
- ²⁶² Пс. 88.10; Исайя. 1.25; Лука. 1.51.
- ²⁶³ Иов. 34.26; Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. 39.30; Первая книга маккавейская. 9.73.
- ²⁶⁴ Пс. 144.20; 146.6; Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. 12.6.
- ²⁶⁵ Пс. 34.26; 131.18; Первая книга маккавейская. 1.28.
- ²⁶⁶ Иов. 40.8; Пс. 82.17.
- ²⁶⁷ Ниневия – в VII в. до н.э. столица Ассирийского царства, находившаяся на левом берегу р. Тигр.
- ²⁶⁸ Согласно Библии, Сеннахерим был убит своими сыновьями.
- ²⁶⁹ Иосафат – упоминаемый в Библии царь Иудейского царства, сын и преемник Асы.
- ²⁷⁰ В тексте: ἐν ἐπιθεϊασμοῖς.
- ²⁷¹ Левиты – служители религиозного культа у древних евреев. Происхождение левитов не вполне выяснено: по преданию, левиты – потомки “колена” Леви, одного из племен иудейско-израильского племенного союза II–I тыс. до н.э.
- ²⁷² Идумейцы – “обитатели горы Сеира” (Вторая книга Паралипоменон. 20.10; 22–23) или земли Идумейской. Еще назывались хорреями.
- ²⁷³ Моавитяне – согласно Библии, потомки Моава, сына Лота от его старшей дочери, жители страны Моавитской, находившейся на востоке от Мертвого моря.
- ²⁷⁴ Аммонитяне – по библейскому преданию потомки Аммона, сына Лота от его младшей дочери. Их земли на юге граничили со страной моавитян.
- ²⁷⁵ Вторая книга Паралипоменон. 20. 26.
- ²⁷⁶ Исайя. 54.2; Иезекииль. 47.13.
- ²⁷⁷ Иисус Навин. 6. 4.
- ²⁷⁸ Там же. 10. 11.
- ²⁷⁹ Там же. 10. 13.
- ²⁸⁰ Книга Судей Израилевых. 7. 16.
- ²⁸¹ Там же. 3. 31.
- ²⁸² Там же. 15. 15–16.
- ²⁸³ Четвертая книга царств. 2. 8; 14.
- ²⁸⁴ Исход. 17. 6.
- ²⁸⁵ Там же. 16. 4.
- ²⁸⁶ Там же. 14.16; 21.
- ²⁸⁷ Там же. 14. 26–28.
- ²⁸⁸ Там же. 13. 21–22; 14. 24.
- ²⁸⁹ Там же. 7. 14–12. 36.
- ²⁹⁰ Там же. 12. 37; Числа. 1. 45–46.
- ²⁹¹ Исход. 1. 5–7.
- ²⁹² В том смысле, что их невозможно пересказать словами и объяснить законами природы.
- ²⁹³ Пс. 43. 19; Иоиль.2. 7.
- ²⁹⁴ Числа. 11. 33.
- ²⁹⁵ Там же. 21. 6.
- ²⁹⁶ Там же. 16. 31–34.

- 297 Там же. 16. 35.
298 Там же. 13. 32–14. 3.
299 Там же. 14. 39–45.
300 Там же. 21. 1.
301 Исход. 32. 25–29.
302 Числа. 12. 10–12.
303 В тексте: δικαιοτήρια. Значение слова: Zonarae Lexicon. s.v. δικαιοτήρια (τὰ δικαιοτήρια καὶ αἱ ἐκεῖθεν κολάσεις); Suda s.v. δικαιοτήρια (οἷον δικαιοτήρια).
304 Имеются в виду непокаявшиеся грешники.
305 Точнее: расположенные над миром жилища (τὰ ὑπερκόσμια δώματα).
306 Первое послание к коринфянам св. апостола Павла. 2. 9.
307 То есть бесславия при жизни человека и бесславия после его смерти.
308 Намек Влеммида на болезненную подозрительность императора Феодора II Ласкариса.
309 *Homerus*. *Ilias*. 4. 443.
310 Возможно, речь идет о совершении очистительных жертвоприношений.
311 Имеется в виду насмешливая брань, которая, согласно установленному обычаю, произносилась с возов на Дионисовых празднествах в Афинах (Suda. s.v. ἔξ ἀμάξης).
312 В тексте: οὐκ ἔκτολος.
313 Филипп II (382–336 гг. до н.э.) – царь Македонии с ок. 355 г., положивший основу македонскому господству в Греции.
314 Вероятно, речь идет о сыне Пармениона, Никаноре, занимавшем при Филиппе II важный командный пост в армии.
315 Парменион – полководец Филиппа II и Александра Македонского. Убит по приказу Александра в 330 г. до н.э.
316 Досл.: не незаконным образом (οὐκ ἀθέσμως).
317 В тексте: τοῦ κρίνοντος.
318 У Влеммида – προσενεύγεῖν. Для выяснения смысла фразы мы воспользовались парафразом, где это слово заменено на “παράτρίβοντες”.
319 В эпоху античности одним из самых распространенных способов исследования сплавов золота, в особенности в подделках, была проверка так называемым пробирным камнем. Пробирный камень – это силикат черного цвета, очень твердый и не поддающийся действию кислот. На нем проводят черту исследуемым сплавом и рядом другую, сплавом с определенным содержанием золота и приблизительно одного цвета с исследуемым. Потом обе черты смачивают азотной кислотой. Если после удаления кислоты цвет черточек одинаков, в сплавах содержание золота приблизительно одно и то же; если же для исследуемого слабее – в нем золота меньше. Переходя, таким образом, от одного образца известного сплава к другому, можно довольно точно определить содержание золота в испытуемом сплаве.
320 Досл.: добавленный извне цвет (τοῦ ἐλεισάκτου χρώματος)*.

ПАМЯТИ ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА ОБОЛЕНСКОГО

Когда погрებაют эпоху,
Надгробный псалом не звучит

А. Ахматова

23 декабря 2001 г. скончался князь Димитрий Димитриевич Оболенский (именно так, с византийским произношением Διμήτριος произносил и он сам свое имя), наверное, самый крупный из современных византистов старого поколения и безусловно одна из самых ярких фигур русского рассеяния. Правнук князя Воронцова-Дашкова, отпрыск фамилии Шуваловых, он принадлежал к тем слоям российского общества, которые отличались прежде всего чувством исторической ответственности за судьбу России. Именно это чувство определило в большей степени жизненный и профессиональный выбор Оболенского. Он родился 1 апреля 1918 г. в Петрограде. Первоначально родители увезли сына в алушкинский дворец, тот самый, куда в 1944-м Сталин поселил Черчилля, но год спустя, в 1919-м, семья отправилась в Париж на британском линкоре, навсегда оставляя российский берег. Детские и лицейские годы в Париже совпали с предвоенным временем, но в начале войны, когда “над погибшим Парижем” встала мертвенная тишина, нарушаемая разве мерным стуком тевтонских патрульных сапог, Димитрий Димитриевич возвращается на Альбион, где в 1942 г. окончательно избирает академическую карьеру и посвящает отныне всего себя истории Византии и балканско-славянского мира, того, который он впоследствии с британской корректностью назовет Commonwealth. В 1946 г. Димитрий Димитриевич пишет диссертацию по истории богомильского движения, которое он рассматривал как рецидив манихейства на Балканах. Эта работа была опубликована как книга два года спустя, став пионерской для целого направления исследований павликианства и мессалианства. В промежутке было много разных событий: женитьба на Елизавете Лопухиной, получение места в Тринити колледж в Кембридже. Однако выбор семьи был определен именно принятием британского подданства и переездом в Оксфорд, где в оксонском академическом пейзаже (Крайст Чёрч колледж) и прошла 36-летняя преподавательская и академическая деятельность князя Оболенского. Интересы его были во многом заданы его учителем Франтишекком Дворником, который уже в эмиграции писал на темы “византийской политической теории” – проблематики, которой много трудов отдали и Н. Кондаков, и Г. Острогорский, и о.И. Мейендорф – цвет русской византистики в изгнании. Лекции Оболенского были обобщены им в монументальной книге о “Византийском содружестве наций”, которую можно рассматривать как опыт проекции британской политической теории на византийский материал. Именно благодаря Оболенскому (вкуче с вышеназванными коллегами его) тема *Byzance après Byzance* приобрела новое актуальное звучание. Димитрию Димитриевичу выпало счастье увидеть свой труд на родном языке в прижизненной публикации. Занимаясь византистикой, балканистикой и русистикой, Димитрий Димитриевич никогда не отказывался писать и обобщающие очерки по истории византийского и русского христианства. Димитрий Димитриевич, как вспоминали его студенты и коллеги, был очень добро-

желательным и требовательным профессором, всегда готовым помочь и проконсультировать.

Вместе с тем Дмитрий Дмитриевич не “бежал в историю”. Оценивая себя и свое сословие в ретроспективе Российской империи, Оболенский старался вывести русское наследие за рамки петербургского периода. Его укорененность в византийском прошлом, его патриотическая любовь к “Слову о полку Игореве”, наконец, его генеалогический ригоризм, проявлявшийся в возведении семейного древа именно к полуполюгендарному Рюрику, очевидно, были частями сознательного решения, видения им судеб послевизантийского мира и прежде всего России, которая оставалась в центре его напряженной интеллектуальной деятельности многие годы. Дмитрий Дмитриевич

Памяти Д.Д. Оболенского

особенно трепетно относился к русской поэзии, вместе с сэром Исайей Берлином он хлопотал о визите в Оксфорд Ахматовой и составил “Книгу русской поэзии” в серии “Пенгвин букс”. Русская культура, особенно поэзия, была для него главной формой существования той России, в которой можно уследить византийское наследие. С радостью наблюдал он за переменами в России и старался всегда помогать восстановлению всего здорового и исторически преемствующего исконным русским традициям. В нем не было эмигрантской узости, но была истинно византийская широта. Он был настоящим британским ученым, и его заслуги были отмечены членством в Британской Академии (1974) и рыцарским титулом спустя десять лет. Пожалуй, Британия была единственным местом, которое для Дмитрия Дмитриевича сохранило в себе нечто от Византии. Как и империя ромеев, она лишилась своих владений, но передала им дар культуры и высокие цивилизационные стандарты. Пусть эта аналогия и хромает по объективным историческим причинам, однако смысл ее в судьбе Дмитрия Дмитриевича трудно не разглядеть. Православие есть Византия по существу, но культурный процесс есть зримый знак самого преемства культур.

В 1988 г. Дмитрий Дмитриевич приехал в Россию на торжества по случаю тысячелетия Крещения Руси. Это деяние своего великого пращура св. Владимира князь Оболенский всегда переживал как грандиознейшее событие всей мировой истории. Разумеется, Дмитрий Дмитриевич, друг парижских богословов и помощник братства “Эммаус”, счел своим долгом участвовать в торжествах, равно как он с радостью принял приглашение участвовать в Международном конгрессе византинистов в Москве. В 1994 г. Дмитрий Дмитриевич был избран иностранным членом Российской Академии наук. В 1999 г. князь Оболенский опубликовал книгу своих мемуаров “Хлеб изгнания” (“Bread of Exile”), которая была историей его семьи и его автобиографией. Он скончался в Бэрфорде, графство Оксфордшир, в один из последних дней первого года наступающего тысячелетия.

С Оболенским ушла настоящая эпоха, эпоха в византистике и славистике, эпоха в истории русской аристократии и русского рассеяния, наконец, эпоха в русском самосознании. Но Дмитрий Дмитриевич оставил нам свой труд, свои книги и своих учеников, а это очень много. Когда погребали эпоху в ахматовском плаче 1940-го года, ее останкам удостоено было покоиться в канаве, среди крапивы и чертополоха без христианского погребения, без пения псалмов и без последнего напутствия. Дмитрий Дмитриевич, можно сказать без преувеличения, почил на лаврах, так что для *его* эпохи слова псалма 118 прозвучат так, как звучат они в “Последовании мертвенном мирских тел”: *Блажени испытующіе свидѣнія его, встѣмъ сердцемъ възвѣщутъ Его, не дѣлающіи бо беззаконія въ путьхъ Его ходиша.*

Χριστός σε ἀναπαύσει ἐν χώρᾳ ζώντων, καὶ πύλας Παραδείσου ἀνοίξει σοι, καὶ βασιλείας δείξει πολίτην καὶ ἄφεσίν σοι δῶν ὧν ἡμαρτεες ἐν βίῳ φιλόχριστε.

А.В. Муравьев

ПАМЯТИ ЗИНАИДЫ ГАВРИЛОВНЫ САМОДУРОВОЙ

4 сентября 2001 г. Центр по изучению византийской цивилизации Института всеобщей истории РАН понес тяжелую утрату: на семидесятом году жизни скончалась Зинаида Гавриловна Самодурова, один из старейших сотрудников Центра, во многом определявший его лицо.

Зинаида Гавриловна родилась 25 октября 1931 г. в г. Москве в семье служащего. В 1955 г. она с отличием закончила исторический факультет МГУ, после чего она была направлена на работу учительницей истории в с. Лопатино Пензенской области. Уже тогда она проявила свои главные качества, которые так сильно отличали ее на протяжении всей ее жизни: удивительную любовь и преданность своему делу и коллективу, редкостное трудолюбие и доброжелательность к людям.

Памяти З.Г. Самодуровой

В 1956 г. Зинаида Гавриловна поступила в аспирантуру Института истории АН СССР. После окончания аспирантуры она была зачислена в сектор истории Византии, который стал для нее в прямом смысле слова вторым домом. Она принимала самое активное участие в жизни сектора и как прекрасный исследователь, и как взыскательный рецензент, и как неутомимый организатор. Сфера научных интересов Зинаиды Гавриловны – греческая палеография и источниковедение, проблемы культуры,

науки и образования в Византии. Много сил отдала Зинаида Гавриловна изучению малых византийских хроник, и серия ее статей, посвященных их исследованию, явилась серьезным вкладом в отечественное византиноведение. Ее перу также принадлежат главы по проблемам науки и образования в двух томах коллективного труда “Культура Византии” и раздел “Роль византийской школы в организации системы обучения в окружающих империю странах в VII–XII вв.” коллективного труда “Византия между Западом и Востоком”. В последние годы Зинаида Гавриловна увлеченно работала над монографией “Школы и система образования в Византии VII–XII вв.”, которая уже готовилась ею к печати и рукопись которой, аккуратно разложенная по стопкам, осталась лежать на ее

письменном столе. Зинаида Гавриловна не умела спешить, и, может быть, поэтому список ее трудов не столь велик, каким бы мог быть, учитывая глубину и ширину ее познаний в византийской истории. Но все ее работы отличает фундаментальность, тщательность и глубина, без чего невозможна истинная наука.

Необычайно ответственно относилась Зинаида Гавриловна к своим организационным обязанностям. Она несколько лет была ответственным секретарем ежегодника "Византийский временник", а в коллективный труд "Взаимоотношения между Западом и Востоком", ответственным секретарем которого тоже являлась, она вложила всю свою душу. Трудно представить себе какой была бы научная жизнь сектора, если бы не ее кипучая жизненная энергия и бескорыстное служение любимому делу.

Зинаида Гавриловна была участником многих международных конгрессов, конференций, симпозиумов. Ее доклады неизменно получали высокую оценку специалистов, а ее вклад в научную организацию различных научных мероприятий во многом способствовал их успеху.

Зинаида Гавриловна была человеком общественным. Она жила в коллективе и интересами коллектива. И коллектив верил в нее. Несколько лет подряд ее избирали председателем месткома Института всеобщей истории. На этом посту она много сделала добра людям.

Зинаида Гавриловна была на редкость жизнерадостной, жизнеутверждающей личностью. Невозможно представить, что ее громкая веселая речь больше не прозвучит в стенах института, который она так любила и которому была так предана.

А.А. Чекалова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
БАН – Библиотека Академии наук
ВДИ – Вестник древней истории
ЗНОИРАО – Записки Нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества
ЗРВИ – Сборник Радова Византологического института. Београд
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК АН УССР – Институт истории материальной культуры АН УССР
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
ИПБ – Императорская публичная библиотека
ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НЗСК – Национальный заповедник “София Киевская”
ПС – Палестинский сборник
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РНБ – Российская национальная библиотека
СА – Советская археология
СВ – Средние века
СЭ – Советская этнография
ТКДА – Труды Императорской Киевской духовной академии
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
ВСМА – Bulletin of the Cleveland Museum of Art
Byz. – Byzantion
BZ – Byzantinische Zeitschrift
СИЕТА – Centre International d'études des textiles anciens
DOP – Dumbarton Oaks Papers
DSAM – Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique. P.
ÉO – Échos d'Orient
GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies
JAOS – Journal of the American Oriental Society. New York – New Haven
JARCE – Journal of the American Research Center in Egypt
JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien
LThK I–X – Lexikon für Theologie und Kirche. Bd. I–X. Freiburg i Br., 1957–1967
MC – Le Monde copte
MIFAO – Memoire de l'Institut Français Archéologie orientale
ODB I–III – The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. I–III. N.Y. – Oxf., 1991
PG – Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. P.
PL – Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J.-P. Migne. P.
PLP – Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1995. Fasc. 1–12
RÉB – Revue des Études Byzantines. P.
REG – Revue des Études Grecques. P.
RESEEE – Revue des Études sud-est européennes
RLMF – La Revue du Lœvre et des Musées de France
SBS – Studies in Byzantine Sigillography
TLG – Thesaurus Linguae Graecae
TM – Travaux et Mémoires. P.
TMJ – Textile Museum Journal
ZA – Zeitschrift für Assyriologie